

Анна Стриковская

Практикум
для
теоретика

Тот же мир, что и в «Теле Архимага». Время лет на сто пятьдесят раньше. Марта Аспен, девушка без магического дара, становится преподавателем в магическом университете Элидианы. История скорее об отношениях, чем о магии и магических мирах.

Анна Стриковская

Практикум для теоретика

В этом году я впервые съездила в отпуск на море.

Выражение неверное.

Я впервые съездила в отпуск. Так правильно. Море — фактор приятный, но второстепенный. Первый раз в жизни я полноценно и сознательно отдыхала.

Во время учебы каждый год ездила на каникулы домой, но это не назовешь отдыхом. За три года, прошедших с тех пор, как я пошла работать в Элидианский Магический университет, это был мой первый нормальный отпуск и так совпало, что провела я его на море. Не на роскошном курорте вроде Байи, куда ездит отдыхать все светское общество, а в рыбацкой деревушке, но мне, если честно, плевать.

Вообще-то я собиралась, как обычно, сидеть в универе до последнего, притворяясь жутко занятой, а в оставшиеся до нового учебного года две декады посетить родителей, и заранее тосковала: будут мне папенька с маменькой на пару мозги грызть. А если и братцы присоединятся, то к началу учебного года от меня ничего не останется. Как тогда студентов учить?

Все бы так и было, если бы не Соль. Моя единственная подруга Соледад сообщила, что выходит замуж и пригласила меня на свадьбу.

Торжество должно было состояться в богатом имении у моря: ее жених был по совместительству тамошним лордом. Соль предложила мне ехать с ней сразу, как закончится летняя сессия и в течение двух недель до свадьбы пожить с ней и помочь подготовиться. Я поехала, огляделась и решила остаться здесь до конца лета. Ничего прекраснее я раньше не видела. Красота, тишина, а главное море! И, кроме Соль, никаких знакомых и родственников!

Нагружать собой подругу после заключения брака было неделикатно, так что я решила: чем мучиться дома, выслушивая нотации, лучше найму-ка комнату в деревне по соседству и на самом деле отдохну.

Об этом я сказала Соледад. Она, зная о моей жизни практически все, меня поддержала. Жених Соль уговаривал меня поселиться в имении, мол, комнат хватит, но я настояла на своем. Не люблю одалживаться, да и мешать молодоженам не стоит. Им же хочется побыть вдвоем, а я тут я буду болтаться. Воспитание не позволит меня игнорировать и придется заниматься надоевшей гостьей, когда новобрачным друг друга хватает с избытком... А мне и вправду неплохо бы побыть одной. В общем, уговорились, что я время от времени буду приходить к ним обедать.

Еще до того, как прошли торжества, я договорилась с симпатичной теткой и получила в полное свое распоряжение комнату с верандой. Когда же отгремели последние залпы свадебного фейерверка и гости стали разъезжаться, я потихоньку взяла свой чемоданчик и слиняла в деревню.

Соледад и ее муж Бруно Бескаль на другой же день заехали туда и упрашивали вернуться в господский дом хоть на недельку. Бруно поступал так, как ему диктовал долг хозяина и был искренен, моя подруга ему поддакивала, но я видела, что она довольна моим поступком. Так было лучше и для нее и для меня.

Так что я сумела выдержать первый натиск и отказаться. Не удалось отбояриться только

от кучи продуктов, которые ежедневно мне посылали с кухни имения. На меньшее проявление гостеприимства Бруно был несогласен. К счастью, моя хозяйка принимала все эти мясо — фрукты — овощи в зачет оплаты за жилье, так что отдохнуть вышло очень недорого.

Кажется, впервые в жизни мне ничего не надо было делать, никуда спешить, зато появилось время для того, чтобы немножко подумать. Поразмыслить о себе, о своем месте в этой жизни, о том, чего я хочу и что ненавижу.

У меня есть то, ради чего я билась последние семнадцать лет моей недолгой жизни: прекрасно оплачиваемая и очень интересная работа в одном из самых престижных учебных заведений Девяти Королевств. Вроде все хорошо. Почему же мне так хреново?!

* * *

Наверное, тут стоит рассказать о себе. Познакомьтесь: Марта Аспен, преподаватель начертательной и аналитической магии элидианского университета. Не маг никаким боком. Рост средний, телосложение среднее, глаза серые, особых примет не имеется. Возраст... Нормальный такой возраст. Относительно молодой. Три года назад я с отличием закончила математический факультет Университета в Лиатине и получила приглашение в Элидиану. Учить магов математике.

Надо принять во внимание, что маги живут значительно дольше, чем обычные люди, а уж учатся... Простые люди уже дедушками становятся, а они все никак диплом не получают. Так что мне с ними поначалу было трудно. Третьекурсники и то меня старше, а мой предмет начинается с пятого. Приходят такие многоопытные дяди и смотрят на меня как на насекомое. По первости-то я на них прикрикнуть боялась. Ничего, сейчас гоняю и в хвост и в гриву за невыполненные задания.

* * *

Как так вышло, что простая, ничем не примечательная математичка без дара оказалась преподавателем в одном из лучших магических учебных заведений Содружества Девяти Королевств? Сама удивляюсь. Похоже, просто так карта легла.

От всех государств Девятки мой родной Лиатин отличается тем, что там очень долго существовал запрет на магию. Даже когда было создано Сообщество, в Лиатине по — прежнему магией занимались только приезжие по контракту. Своих же, у кого вдруг открывался дар, отправляли учиться за границу, откуда они очень редко возвращались.

Что греха таить: в народе к магам до сих пор настороженное отношение. Не любят их в Лиатине.

Зато у нас получили развитие немагические отрасли знаний. Изделия лиатинских механиков и инженеров ценятся везде, а наши математики — лучшие на континенте. Книгопечатание тоже у нас изобрели, и маги не гнушаются размножать этим способом свои магические трактаты.

В общем, вы поняли. Моя родина — центр немагического знания на континенте.

А мой отец, Франк Аспен — знаменитый математик, основатель школы Аспена, куда за

большую честь считают поступить самые математически одаренные мальчики и девочки.

Ой, вот насчет девочек я погорячилась.

* * *

В сущности, с отца и надо было начинать. Он у меня из простых. Третий сын кузнеца из деревни Морро, что под Лорной, столицей Лиатина. С детства хотел учиться, а отец желал видеть сына дома. Пусть матери помогает, раз пока до молота не дорос.

Но Франк был малый упорный и хитрый. Премудрость местной школы он преодолел в два раза быстрее всех и решил идти в учиться город во что бы то ни стало. Как-то раз послали его на рынок, кое-что продать, кое-что купить...

Продать-то он продал, а вместо покупок взял денежки и отправился напрямик в университетскую школу для одаренных детей. Была такая и сейчас есть.

Умудрился сходу сдать все экзамены и был зачислен без оплаты.

Когда отец прискакал в Лорну его искать, дело было сделано. Школа-то государственная, а спорить с властью у кузнеца кишка тонка. Махнул рукой и уехал обратно в Морро.

Папа же выучился в школе, закончил ее с отличием и поступил в университет. Там ему даже стипендию именную платили.

За время учебы в университете он сделал несколько очень интересных работ, так что когда получил диплом, уже считался известным ученым. Поэтому его и пригласили работать в королевском научном центре. А это большая честь и хорошие деньги.

Лет через десять после окончания университета он женился.

Моя мама не была ни богачкой, ни красавицей, зато она принадлежала к очень древнему, хотя и полностью обнищавшему роду. Может, нехорошо так говорить о родителях, но мой отец, как простолюдин, был равнодушен к таким вещам, как хорошее происхождение. Он встретил мою маму на королевском балу в честь Весеннего равноденствия и ему представили ее как последнего отпрыска рода Мончел. Может, если бы ему так не сказали, он не обратил бы внимания на бледную, изящную, но совершенно невыразительную девочку. А тут... Он влюбился и женился.

Знатные родственники, правда, пытались что-то квакать, но надо знать моего папашу. Если он что-то решил, то идет к цели не сворачивая, и тут только берегись! К тому времени он уже был не бедным сыном кузнеца, а уважаемым и довольно состоятельным ученым, вхожим к самому королю. Так что, когда его попрекнули происхождением, он просто пожаловался монарху. Обидчиков обязали извиниться перед почтенным господином, так много сделавшим для страны, и выдать за него девушку.

Несмотря на экзотический способ сватовства, брак не был неудачным. Отец обожал маму, она тоже очень тепло к нему относилась. Боюсь, более страстные чувства ей просто были неведомы. А Франк Аспен дал Клариссе Мончел собственный дом, средства для ведения хозяйства, почет и уважение, а кроме того четырех детей, на возвращении которых она и устремила все силы своей души.

* * *

В сущности, мои родители — очень разные люди и то, что они до сих пор дружно живут в любви и согласии можно считать чудом. Это если глядеть со стороны. На самом деле они просто разграничили области, в которых принимают решения.

Мать безраздельно правит домом. Любящий муж отдает ей на откуп все вопросы, связанные с повседневной жизнью семьи, и она оправдывает его доверие. По характеру она — домашняя курица, хлопотливая наседка, осторожная, бережливая, заботливая, и совершенно равнодушная к знанию и наукам. То, что ее муж — знаменитый ученый добавляет ей головной боли, но никакой гордости за него она не испытывает. Сколько раз при мне повторяла: «Лучше бы он был купцом или чиновником».

Сам же отец с головой ушел в дела основанной им математической школы, все трудности и проблемы у него там, а дома он только отдыхает. Заботу матери он принимает с удовольствием, радуется ей, но для него это лишь минутное отвлечение от того, что для него действительно важно. Он как королевский фрегат: приятно побывать в родном порту, но жизнь корабля — в море.

Так было, пока я жила дома, так будет, пока мои родители живы.

Кажется, я упоминала четырех детей? Я — младшая. У меня есть еще три старших брата. Хорошие ребята, добрые, порядочные, но у них со мной еще меньше общего, чем у моих отца с матерью.

Отец очень хотел дочку и, когда я родилась, решил остановиться в деле размножения. Но до этого они с мамой успели наплодить мальчиков. Забавно: Карл, Симон и Марк внешне похожи на отца, но душой все они мамины сыночки. А я лицом — вылитая мама, но в душе и по характеру — папина дочка.

Отец, естественно, хотел, чтобы сыновья пошли по его стопам. С детства натаскивал их на математику. Но со всеми тремя дело шло ни шатко, ни валко. Лучше всего дело пошло у младшенького, Марка. А так как у нас с ним разница в год с небольшим, то я вечно присутствовала на их занятиях. Считалось, что просто играю рядом. Когда же братец в очередной раз тупо засел над простейшим примером, мелкая я вдруг вылезла и зашипела:

— Бестолковый, раскрой уже скобки и сократи дробь.

Папа случайно услышал мой совет и с тех пор я занималась вместе с Марком. Мама была недовольна. По ее мнению, девочка должна изучать домоводство, уметь готовить, шить и вышивать, в лучшем случае играть на музыкальных инструментах и рисовать. А математика... Если она умеет считать деньги, этого достаточно. Но папа как всегда настоял на своем. Сказал, что Марку будет полезно соперничество с сестрой. После чего никто уже не мешал мне изучать любимую науку.

Первый скандал случился много позже, когда Марк отказался поступать в папину математическую школу. Хотя нет, это неверно. Много лет назад старший брат Карл не стал даже пробовать сдать экзамены. Тогда и случился первый скандал. Случай с Марком был третий: Симон тоже не пожелал серьезно учиться математике.

В результате все они закончили обычную школу. Карл женился на единственной дочери богатого купца и сегодня из математики применяет только процент и пропорцию. Симон, абсолютно неспособный к точным наукам, закончил исторический факультет нашего университета и сейчас там преподает, а Марк пошел в армию и уже дослужился до капитана. Никто даже не попытался связать свою жизнь с математикой.

Думаю, ни один из братьев просто не рискнул попробовать свои силы. Сравнения с отцом никто из них не выдержал бы, а быть вечной тенью знаменитого папы то еще

удовольствие.

Как ни мечтал наш отец о том, что один из сыновей унаследует его дело, но нарушить собственные принципы и принять кого-либо, пусть даже родного сына, без экзаменов для него было немыслимо.

Школу он основал, когда Карл был еще в проекте. Случилось это так. Его пригласили дать несколько показательных уроков в школе при университете. Мол, глядите, дети, каких высот достигают наши выпускники. А он первым делом поругался с руководством по поводу того, что у них программа неправильная и подход к преподаванию отсталый. Тогдашний директор ему сказал: критиковать легко, ты сам попробуй!

Он и попробовал. Добился королевского финансирования, купил здание в пригороде, нанял учителей, во всем с ним согласных, и открыл «Школу Франка Аспена». К делу подошел очень принципиально: поступить в его школу могли только способные дети, прошедшие испытания. Деньги, связи, происхождение ничего не значили. Отец этим бравировал: отказывал в приеме сыновьям графов и герцогов. Исключения ни для кого не было, даже для его родных сыновей.

Надо сказать, мальчиков в нашей семье воспитывали очень строго. Ранний подъем, зарядка, душ и занятия с утра и до поздней ночи. Сладости только в награду за отличные успехи и примерное поведение. А меня, девочку, баловали. Я могла до полудня валяться в кровати, стоило лишь намекнуть на недомогание. В конфетах и пирожных меня тоже не ограничивали. Надо было лишь приносить из школы положительные оценки, вовремя являться на семейные трапезы и вести себя прилично. Других требований ко мне никто не предъявлял.

Поэтому когда я вдруг выразила желание попробовать свои силы и поступить в папину школу, на меня все посмотрели как на больную. Я обиделась.

Отец так сердился на маму, когда та поддерживала мальчишек в желании жить обычной жизнью, что я думала, он будет рад: наконец кто-то из семьи хочет заняться математикой. А он полностью с ней солидаризировался.

Мол, место женщины на кухне, нечего ей лезть в науку.

Мне казалось, после провала моих братьев отец должен мной гордиться. А он запретил мне даже думать о том, чтобы принять участие в экзаменах.

Но тут нашла коса на камень. У меня характер не мягче, чем у папеньки. После того, как я с ним месяц отказывалась разговаривать, он сдался.

Разрешил попробовать, не более того, но мне было достаточно.

На экзамене я получила самый сложный вариант задания и блестяще с ним справилась. Если бы не комиссия, которая должна была наблюдать за тем, чтобы все было по справедливости, папуля меня бы завалил. Но когда он заявил при всех, что я могла знать билеты заранее и прорешать задачи дома, мне на помощь пришел декан математического факультета из университета.

Он предложил отцу самоустраниться: родитель не может быть объективен в деле собственного ребенка; а затем дал мне несколько дополнительных задач. Их я щелкала как орешки, чем развеяла все сомнения. Меня приняли.

Школа Франка Аспена — это три старших класса перед выпуском. Математика каждый день и не по одному занятию. Но это не значит, что другим предметам уделяется недостаточное внимание.

Мне, чтобы не вылететь и не порадовать этим маму с папой, приходилось так плотно

заниматься, что я не помню сейчас ни одного из своих соучеников. С некоторыми из них я потом встретила в университете: там и познакомились как следует.

Не скажу, что такая жизнь мне нравилась. Я нормальная, мне тоже хотелось и погулять, и повеселиться, но тогда пришлось бы признать поражение, сдаться. А этого слова в моем словаре нет, не было и не будет! Вот я и впахивала как проклятая.

Отцу ни разу не удалось меня подловить на несделанном задании или невыученном уроке. Под конец он меня даже зауважал. Правда, когда вручал аттестат, сказал грустно:

— Бедная моя девочка. Нелегко тебе придется в жизни с твоим упрямством и максимализмом.

* * *

В университет я поступила без труда и тогда же переехала из дома в общежитие. В сущности могла и дома остаться: мы жили при школе в пригороде Лорны, до университета пешком минут сорок, а верхом и вовсе десять. Но я в очередной раз уперлась. Очень уж не хотелось выслушивать каждый день мамочкины песни тему: «Ах, зачем губить свои молодые годы в этом дурацком университете! Лучше давай я тебя познакомлю с одним чудесным мальчиком, сыном моей подруги»...

Лучше уж жить в общежитии и ни от кого не зависеть.

Там у меня наконец-то началась насыщенная студенческая жизнь. Пьянки — гулянки, мальчишки и прочие радости, о которых я даже не подозревала, воспитанная в строгой академической атмосфере. Полученных в школе знаний хватало, чтобы отлично учиться на первом и частично на втором курсе, так что я с энтузиазмом включилась в получение от жизни всяческих удовольствий. Правда, мне это быстро надоело. Скучно. Книжки гораздо интереснее.

забыла сказать. Стоило мне уйти из дома, как мама развила бешеную активность с целью вернуть меня и выдать-таки замуж. Ради этого она уговорила отца прекратить меня субсидировать. Он выделил из своего капитала приличную сумму денег, положил на счет на мое имя с тем условием, что это мое приданое и взять деньги я смогу не раньше, чем пойду под венец. А ежемесячных карманных денег я лишилась.

Думаете, это меня образумило? Как бы не так! К концу первого курса я уже получала именную стипендию, такую же, какую в свое время получал сам Франк Аспен. Она примерно равнялась жалованью чиновника — писмоводителя. Не жирно, но жить можно, а у меня даже откладывать получалось.

* * *

К третьему курсу я приобрела стойкую репутацию заучки, которая знает все.

Тогда же у меня появился первый серьезный кавалер. На два курса старше, высокий, статный, симпатичный. Как-то подсел ко мне в библиотеке, задал вопрос по применению математических методов... Я ответила и в свою очередь его о чем-то спросила. В общем, слово за слово... Мы стали встречаться. Сначала в библиотеке, а потом везде и всюду.

Парень оказался очень непростой. Происходил из весьма знатной и богатой семьи и

планировал занять пост а королевской администрации, для чего учился на специальном факультете, куда без длиннющей родословной, подкрепленной увесистой мощной, можно было не соваться. Меня бы туда точно не приняли.

Ухаживания Альфреда мне льстили. Парни со спецфакультета для нас, нетитулованных девиц, были чем-то вроде принцев. Я, правда, об этом не думала, но нашлись доброты, просветили. В смысле, пятерка барышень, претендовавших на внимание Альфа, зажала меня в туалете и угрожала побить, если я не перестану с ним ходить.

Но я их тоже напугала. Сказала, что если они от меня не отстанут, то могут не просить помощи при выполнении заданий и не задавать вопросов по учебе, все равно не отвечу. Оказалось, моя угроза была пострашнее. Красавчик мог так никому и не достаться, а вот курсовые сдавать всем надо.

Полгода Альфред меня обхаживал, угощал конфетами, водил гулять и всячески развлекал, а затем мы стали любовниками.

Он жил не в общежитии, а снимал квартирку в городе, так что о месте ему беспокоиться не приходилось. Меня тоже все устраивало: дни заняты учебой, ночи — любовью, чего еще хотеть? Тем более что вне постели Альфред относился ко мне с уважением, по любому вопросу интересовался моим мнением, советовался, даже иногда просил помощи.

А еще он позаботился о моей безопасности. Первый подарок, который он мне преподнес в ту ночь, когда мы стали близки, до сих пор со мной. Это настоящий ведьминский противозачаточный амулет, дорогушая штука. В Лиатине их просто так не купишь. Выполнен в виде изящного кольца — змейки с зеленым камушком. В отличие от обычных его не нужно подзаряжать у магов, он действует постоянно, пока остается на пальце. С тех пор я его так и не снимала, хотя после Альфа у меня был всего один любовник, да и то уже давно.

Какая я тогда была наивная! Мне в голову не приходило, что Альф заботился о себе. Если бы я забеременела, ему пришлось бы жениться: наш король на такие вещи смотрит строго. Тем более что я не дочь мелкого лавочника, от которого можно откупиться деньгами, а из уважаемой семьи. Вот он себя и обезопасил, за что я ему до сих пор благодарна.

Но в те времена, если бы меня кто-нибудь спросил: а что дальше? я бы посмотрела на него как на больного. Мне все было ясно. Студентам вступать в брак не разрешается, так что мы с Альфом ждем, пока оба закончат универ, а потом поженимся. Никто мне этого не говорил, но я сочла такое развитие событий логичным и непротиворечивым, поэтому уверовала в него, как жрец в догматы богов.

Мы с Альфом были вместе уже около двух лет, все девицы в универе клацали зубами от зависти, а я была простодушно счастлива.

Меж тем моему возлюбленному приходил срок выпуска. В Лиатенском университете учатся семь лет, так что когда я должна была перейти на пятый, Альфред писал свой диплом. Надо ли говорить, что я стала его бесплатным и безотказным консультантом по всем вопросам! Искала в библиотеке нужную литературу, выписывала цитаты, собирала данные, обсчитывала результаты. А мне еще надо было сдавать собственные зачеты и курсовые. Он же в это время еще лез ко мне с непрошеными нежностями.

Поэтому ничего удивительного, что однажды я спряталась от него в том читальном зале, куда никогда раньше не ходила. Думала: поработаю в тишине и покое, а ему и в голову не вспрыгнет тут меня искать.

Читальных залов в нашем универе великое множество и в них все сделано для удобства учащихся. Этот был новомодный: каждый столик отделен от соседних довольно высокой непрозрачной загородкой. Я забила в угол, обложилась книжками и приступила к работе.

Так прошло часа четыре. Я практически закончила на сегодня, хотела уже подняться и идти сдавать книги, как услышала мужские голоса. Пришла целая группа парней, пятеро или шестеро.

Несмотря на наличие личной жизни, а может и благодаря, я их побаивалась. Поэтому не стала вставать и обнаруживать себя, наоборот, прижалась в своем закуточке. А парни были все ближе...

Они остановились, не доходя до меня стола на два. И тут я различила голос моего Альфреда:

— Ну, сюда она не потащится. Сидит, небось, корпит над книгами, так что можно не беспокоиться и говорить свободно.

Это кто не потащится? Кто корпит над книгами? Я? Да вроде больше некому. Я еще ниже склонилась над столом, сгорбилась, (эх, мама бы мне сейчас линейкой по спине врезала!) и прислушалась. О чем это Альф собирается свободно говорить, о чем не может сказать в моем присутствии?

Какой-то парень спросил его:

— Так ты что, Марту не любишь? Ты же с нею уже два года хороводишься!

— Ну и что? Где я еще найду такое сокровище? Скромная, непритязательная, подарков не просит, квартиру мою в порядке содержит, жениться не требует.

— А еще весь диплом за тебя делает! — крикнул кто-то.

— Не без этого, — самодовольно произнес Альфред, — У этой девчонки в голове целый ученый совет и большая библиотека. А что невзрачненькая... Зато в постели знаете какая горячая!

Убью гада. Вот просто сейчас встану и убью!

— Но ты же не собираешься на ней жениться, Альф? — пробасил чей-то голос.

— Нет конечно. Получу диплом и прости — прощай.

Кто-то выразил сомнение:

— А ты не погорячился? У нее отец очень известный человек, да и мама из старой знати. Такая и в жены годится.

Альфред насмешливо его осадил:

— Низко летаешь, Ник! Мне мама нашла такую невесту... Уже смотрины были.

— Это кого же тебе прочат, что ты такими как Марта перебираешь?

Тут Альф назвал совершенно незнакомое мне женское имя, а следом за ним фамилию, которую я слышала неоднократно. Кажется, он собрался жениться на дочке министра иностранных дел.

Почему-то мне вдруг стало жарко, будто горячей водой окатили, а затем резко похолодало и внутри все оборвалось. А потом я увидела всю ситуацию со стороны, как будто дело меня не касалось абсолютно, и поняла: никакой любви не было. Он пользовался, я сдавала себя в аренду и продешевила.

Дочка министра? Ну что ж, хорошая партия. Только я в эти игры больше не играю.

Кажется, я выслушала достаточно. Поднялась, расправила плечи, подняла голову и спокойно прошествовала мимо группы оторопевших парней на выход.

Ни они, ни Альфред этой встречи не ожидали, поэтому никто слова не смог сказать.

Уже в коридоре мой бывший любовник меня догнал и попытался что-то сказать.

Не знаю, чего мне это стоило, но я сохраняла ледяное спокойствие, хотя внутри кипела от ярости.

Обернулась и спросила:

— Что тебе от меня надо?

Альфред залезбизил, заблеял сладким голосочком:

— Марта, ты же не подумала, что я это серьезно? Я просто, как дурак. Хотел похвастаться перед товарищами. Я так не думаю. Ты у меня самая лучшая.

Он мямлил и смотрел умильно, пытаясь меня разжалобить, но все добрые чувства к этому человеку в душе у меня умерли.

— Не трудись, не поможет. Я была душой набитой и благодарна тебе, что открыл мне глаза. Больше между нами ничего нет и быть не может.

— Марта, как же так?! Ты не можешь сейчас меня бросить!

Ага, за свой диплом испугался?! Пусть теперь пишет его сам. Или...

— Если беспокоишься за свой диплом, то бесплатно я больше не работаю. Но все материалы у меня есть. Пятьдесят гитов и диплом твой.

Цену я заломила. Обычно богатенькие ученики заказывали бедным, но умным студентам писать за себя дипломы, но стоило это не дороже двадцатки. Поэтому Альфред вдруг перестроился и начал торговаться:

— Почему так дорого, Марта?

— Двадцать за диплом. А тридцать как компенсация за моральный ущерб. Не нравится — ищите того, кто сделает дешевле. Я не торгуюсь.

Повернулась и пошла. Ага, найдет он. До защиты месяц, через неделю он уже должен сдать готовый текст. А парень между тем замахнулся на непростую тему. Хотел защитить не абы что, а полноценную научную работу. Это дало бы ему преимущество по сравнению с другими выпускниками. Так что деваться Альфреду было некуда.

Я и свои пятьдесят гитов получила, и на парне сумела отыгаться. Нет, я не стала сажать ошибки или путать цифры, как поступило бы на моем месте большинство. Я просто хорошо знала потенциал моего бывшего возлюбленного и сделала так, что каждому становилось ясно: он не владеет тем материалом, который объявляет своим. Мою высокоученую писанину он защитил, но с каким трудом!

Сама я, правда, не присутствовала, но очевидцы донесли: над Альфредом измывалась вся комиссия. Просили пояснить, откуда он взял ту или иную цифру и наслаждались, а он крутится как уж на сковородке.

В результате оценку он получил гораздо ниже, чем рассчитывал. Председатель комиссии напутствовал его словами: «В следующий раз, молодой человек, постарайтесь хотя бы разобраться в том, что вам написали». Но работу признали хорошей, так что требовать назад свои деньги Альф не пришел.

Через полгода он женился на той самой дочке министра. Подпорченный диплом в его жизни большой роли не сыграл. Ничего, я хоть получила моральное удовлетворение.

* * *

Но мне грех держать обиду на этого парня. Кроме дорогого артефакта он подарил мне

нечто гораздо более ценное: дело всей моей жизни.

Как раз когда я перешла на третий курс, в нашем университете открыли новый факультет. Магический. После гонений на магов прошло столько лет, что наконец снова начали рождаться дети с даром и их где-то надо было учить. Преподавателей, естественно, выписали из-за рубежа: в Лиатине магов практически не было, а имеющиеся до уровня университетского профессора не дотягивали.

Меня все это не интересовало. Тогда мне казалось, что мы с магией живем в разных, не пересекающихся между собой мирах. Так что создание нового факультета я просто проигнорировала.

Но в начале четвертого года обучения Альф как-то привел к себе домой странного господина. Сразу было видно, что иностранец. Костюм по кортальской моде, да и внешность... Не водятся у нас такие жгучие, черноглазые, смуглые брюнеты. Но симпатичный и молодой, не старше Карла, а ему тридцать стукнуло.

Появление гостя не удивило. Я знала, что семья Альфа каким-то образом связана с дипломатическим корпусом, так что иностранцы для него — дело привычное. Только зачем он его к себе привел? Может, тому негде переночевать?

Я как раз сидела над учебником, поэтому встала, поздоровалась с гостем и засобиралась на выход. Пусть поговорят без помех. Но Альф загородил мне дорогу.

— Куда ты, Марта? Господин Лоренцо пришел к тебе. Он очень хочет с тобой познакомиться.

Когда я услышала имя гостя, вспомнила: так зовут декана нового магического факультета и он действительно из Кортала. Маг! Что ему может быть от меня надо?

Но строить из себя ничего не стала, пригласила мага за стол. Пусть сам расскажет зачем пришел.

Для начала они с Альфом развели такой политес, что я просто перестала понимать, на каком я свете. Переводила взгляд с одного на другого, но ясности это не добавляло. Лоренцо оказался человеком умным, он это просек и предложил мне оставить хозяина заниматься своими делами и пойти в кафе. Там и поговорим.

К моему удивлению обычно ревнивый Альф не стал возражать. Так я оказалась в кафе напротив мага. Без вмешательства дипломатичного Альфреда мужик взял демона за рога и прямо перешел к делу. Ему нужны мои математические познания.

Я обалдела. Зачем магу математика?! И потом: я всего лишь студентка, а он — декан факультета. Мог бы обратиться к кому-нибудь более сведущему.

Видно, мое недоумение слишком явно проявилось в выражении лица. В ответ на невысказанные вопросы Лоренцо изложил мне свою историю

Он молодой, но очень амбициозный магистр из Кортальской академии. Разрабатывал некие новые подходы к заклинаниям перемещения. На родине его никто не понимал и не поддерживал, но он не отчаивался.

У него были некоторые успехи, которые уперлись в несовершенство доступного магам математического аппарата. Сам он расчеты делать не умеет, поэтому нанимал специалиста в этой области из своих, из магов. Но толку было немного: оказалось, его подход требует таких расчетов, какие его нанятому специалисту оказались не под силу. Тот ему посоветовал ехать в Лиатин: там самые продвинутые на континенте математики. Если и они откажутся, значит, не судьба.

Поэтому он ухватился за предложение Лиатинского короля и приехал сюда. А вот тут

его сурово обломали. Ни один местный математик не согласился делать ему расчеты, ссылаясь на то, что в магии они ничего не понимают.

Оказалось, прежде чем пойти ко мне, он к кому только не обращался. Целый год на это убил. Мой отец, кстати, тоже ему отказал. Наконец один из студентов посоветовал ему поговорить с Мартой Аспен, дочерью знаменитого математика и студенткой университета. Если в пику своему отцу она согласится...

На этих словах я поднялась. Ничего не собираюсь делать в пику отцу! Пусть он против моего обучения и каждый раз, как я прибываю на каникулы, требует бросить учебу и наконец заняться устройством своей личной жизни (читай: выйти замуж), но я его дочь!

Лоренцо понял, что погорячился. Вскочил, поймал меня за руку и заговорил горячо. Что он не то имел в виду, что я его последняя надежда, что он умоляет хоть попробовать...

Попробовать я согласилась. Интересно же, как там маги свои заклинания рассчитывают. Мне представлялось, что тут скорее интуиция нужна, чем что-то другое, но оказалось магия — тоже наука.

Только вот математика, которую они использовали, совершенно допотопная! Способ обозначений и записи такой, что демон ногу сломит. Сначала с ними пришлось разбираться. Мне надо было привести свою систему взглядов и понятий в соответствие с задачей, приладиться к требованиям магических расчетов.

Так что я попросила Лоренцо, чтобы он мне достал как можно больше книг по теории магии. Должна же я понимать, что считаю.

Он обрадовался, притащил целый воз всяческих фолиантов и я погрузилась в чтение.

Тут-то и поняла, почему все отказывались. Геморроя выше крыши, а результат... То ли будет, то ли нет. К тому же, не разбираясь в магии, можно такого наворотить...

Но я работы никогда не боялась, так что решила взяться за это. Ну и что, что трудно? Зато я буду первым математиком, решившим настоящие магические задачи!

О своих новых занятиях я сказала отцу. Роман с Альфредом от него скрывала, как чувствовала, что ничего из этого не получится, а свою научную деятельность скрывать не собиралась. Пусть не думает, что я это делаю, чтобы его позлить или опозорить.

К моему удивлению папа не стал ни ругаться, ни запрещать. Покачал головой и сказал:

— Девочка моя, бросай ты это дело. Не думай, что я хочу тебя обидеть, но не потянешь ты. Никто не взялся, слишком задача непонятная. А ты еще даже диплома не имеешь.

Я поняла его мысль, но отказываться не стала, ведь я уже дала слово Лоренцо. И после этого разговора два года, не покладая рук, я трудилась над приведением мудреных магических выкладок к приемлемому виду, попутно делая расчеты для Лоренцо.

Может мне потому и дался так легко разрыв с Альфредом, что я была по горло занята другим? Все мысли, не связанные с учебой, были только о том, как совместить магию и научное знание, выразив это в стройных математических формулах.

* * *

Надо сказать, узнав о том, что у нас произошло с Альфом (а слухи об этом мигом распространились по всему универу), Лоренцо поспешил выразить мне свою поддержку. Долго распинался, что рад, что я наконец рассмотрела истинную физиономию моего кавалера. Он, оказывается, не понимал, что такая выдающаяся девушка, как я, нашла в таком

ничтожестве, как Альфред Дагерхоффер. Правда, своих услуг по утешению не предложил, резонно опасаясь получить по физиономии.

Зато с того самого момента я с головой ушла в новую область знания. До этого все искала подходы, а тут случился настоящий прорыв. Я сумела-таки сделать нужные Лоренцо расчеты. Они оказались сложными, но не настолько, как думал об этом мой отец. Просто надо было вникнуть в проблематику.

Лоренцо проверил полученные мной формулы на практике и опубликовал свои результаты в уважаемом магическом журнале. После чего я проснулась знаменитой. Нет, в родном университете я как была студентка шестого курса, так ею и осталась. Наши, немагические математики тоже не пришли в восторг, потому что пребывали в неведении. Зато мне начали пачками приходить письма от магов всех стран с предложением сотрудничества.

Но я не собиралась изменять Лоренцо, тем более что, после того, как мы отметили наш успех в лучшем ресторане Лорны, наши отношения как-то сами собой перешли в горизонтальную плоскость. Маг стал вторым и последним моим любовником.

Лоренцо оказался гораздо более порядочным человеком, чем Альф. Он меня не любил, но ценил чрезвычайно, поэтому почти сразу сделал предложение. Не стал врать о неземной любви, а сказал прямо: я ему нужна. Он человек амбициозный, хочет многого достичь. Со мной он достигнет большего, чем в одиночку. А у меня есть шанс стать первым в мире магом — теоретиком.

Озвучил он и вторую причину, по которой желает этого брака.

Он много работает, ему некогда шляться по бабам, так что соратник и жена в одном лице его более чем устраивает. А если я еще соглашусь его обучить математике, он вообще будет счастлив.

Отказать ему мне и в голову не пришло. Сомнения вызвала только наша разница в возрасте. В том смысле, что маги дольше живут и медленнее стареют. Как выяснилось, Лоренцо лет на пятнадцать старше моего отца, хотя выглядит моложе моего брата Карла.

Он меня успокоил. Все нормально. У магов это в порядке вещей, а для их немагических подруг тоже есть своя лазейка. Поживем какое-то время, притремся и, если я захочу, проведем обряд разделения жизни. Тогда я проживу столько же, сколько он.

Я была согласна, но свадьбу пришлось отложить. Студенты не имели права вступать в брак до получения диплома. Зато я познакомила Лоренцо с родителями, представила как своего жениха.

Мама была счастлива. Оказывается, она знала о моем романе с Альфом и страшно переживала, понимая, что он на мне не женится. А ее мечта — пристроить дочь, удачно выдав замуж. Лоренцо же был, хоть и иностранцем, но вполне состоятельным человеком, да и внешне производил приятное впечатление.

Отец, напротив, был не в восторге. Он с самого начала считал мое сотрудничество с магом авантюрой, а уж замужество и вовсе вселенской глупостью. Он тоже был в курсе моих отношений с Альфредом но, в отличие от матери, надеялся, что тот на мне все-таки женится. Так что моя помолвка с Лоренцо ему представлялась чем-то несерьезным, вроде жеста отчаяния.

Одна надежда была на то, что мама в конце концов его уговорит. Ведь свадьба должна была быть еще не завтра.

Наше сотрудничество с Лоренцо развивалось, он изучал математику, я — магию. Мы

даже опубликовали с ним несколько работ в соавторстве. Те из них, что я сочла интересными не только с магической, но и с научной точки зрения., попали в журнал нашего университета.

После этих публикаций даже отец признал, что я не тупая девица, которая возомнила о себе невесть что, а серьезный ученый, хотя пока и молодой. Диплом я защищала по экзотической для Лиатена теме: «Применение методов аналитической геометрии для решения задач прикладной магии».

На защиту приехали аж целых три профессора из Элидианского Магического Университета. Они и предложили мне контракт. Мне, но не Лоренцо. Он их не интересовал.

Я хотела сразу отказаться, но почему-то попросила время подумать. Не знаю, что мне в голову стукнуло, но вместо «спасибо, но я не смогу принять ваше предложение», я произнесла «спасибо, я подумаю и дам вам ответ через три декады».

Оказывается, правильно поступила. После защиты Лоренцо уехал на родину, чтобы, как он сказал, все подготовить к свадьбе. А через две декады пришло письмо. Он, сообщал, что влюбился и женился. Просил его простить, каялся, посыпал голову пеплом, но в итоге становилось ясно: он не жалеет о своем поступке. Как ни нужна я ему, а любовь нужнее, и пусть все амбициозные планы идут в задницу.

Думаете, я заплакала? Ха! Я просто достала тот договор, который мне оставили элидианцы, подписала его, составила сопроводительное письмо, запечатала и отправила. Мне от Лоренцо нужно было не семейное счастье, а продолжение работы. Если нет, я найду с кем сотрудничать.

Отец, когда узнал, за голову схватился. Мама зарыдала. Они уговаривали меня не ездить в Элидиану. Но контракт оказался магическим, нарушить его было невозможно. Я на пять лет запрдала себя в чужую страну. Отменить его получилось бы только в одном случае: если бы я официально вышла замуж. Но кто женится на девице — заучке, которую бросил жених?

* * *

Контракт я подписала с горя, но в кои-то веки что-то у меня вышло удачно.

В Элидиане мне неожиданно понравилось. Люди оказались приветливыми, выделенная мне квартира удобной, работа интересной. Маги меня жалели и старались не нагружать сверх меры. Я работала под началом профессора Кассиуса, помогала ему перерабатывать курс, который он читал, и вводить в него элементы математики.

Этот самый профессор Кассиус был одним из тех магов, которые присутствовали на моей защите. Моя работа очень его заинтересовала, поэтому он добился, чтобы мне предложили этот самый контракт.

С ним у меня поначалу сложились странные отношения. С одной стороны он горел идеей приложить математические методы к магическим явлениям, с другой ему было трудно работать с тем, кто магию не понимает и не чувствует.

В сущности он относился ко мне неплохо, но мне казалось, что он видит во мне какого-то инвалида: безногого или безрукого. Потом поняла: так маги воспринимают простых людей, с которыми общаются постоянно. Но когда он немного ко мне привык, то

работать стало очень комфортно.

Несмотря на солидный возраст, Кассиус отличался тягой к новому и невероятной общежительностью ума. Ему все на свете было интересно. В его голове все виды магии уживались со знаниями из немагических областей. Поэтому он живо воспринял мои выкладки и перешел на привычную мне систему счисления и записи. Учебные пособия мы переписывали вместе.

В первый год к студентам меня не выпускали, резонно полагая, что бедной девушки без магии с ними не справиться.

Но время шло, я осваивалась как с магией, так и с коллегами. Ко мне привыкли и даже стали прислушиваться к моему мнению.

На второй год я уже вела семинары. На третий мне даже доверили прочесть две лекции. В подготовленном на четвертый год учебном плане я должна была читать четыре лекции на кафедре профессора Кассиуса и две — на кафедре профессора Валериуса. Мое вознаграждение, которое и так было немаленьким, тоже должно было существенно увеличиться.

* * *

С Соледад я познакомилась в первый день как приехала в Элидиану.

В числе прочих благ, предоставляемых мне по контракту числилась служебная квартира, так что стоило мне прибыть и сообщить ректору, что я готова приступить к своим обязанностям, как мне вручили ключ и показали домик, где мне предстояло прожить пять лет.

Преподавателей без званий, вроде меня, селили в домики на четыре квартиры, разбросанные там и сям в парке университета. Для магистров дома были получше, на две квартиры. А особняки для университетского начальства вообще можно было за деньги показывать: просто шедевры архитектуры.

Мне досталась махонькая квартирка на первом этаже: крохотные спальня и кабинет, кухня — столовая, оборудованная плитой и стазис — ларем, ванная и, по южному обыкновению, роскошная веранда.

Как раз с этой веранды и вступила в мою жизнь Соледад. Я просто рот раскрыла, когда она вдруг вошла в мою комнату: таких красавиц вблизи я раньше просто не видела. А уж представить себе, что я с этой богиней подружусь и буду проводить вечера за чаем, было просто невыносимо.

Однако все так и произошло.

Она оказалась моей соседкой и сразу же пришла посмотреть, кого ей подселили. Как она потом рассказывала, увидев вместо наглого мага растерянную девочку, да еще без дара, Соль тут же прониклась ее бедственным положением и взяла дело в свои руки.

Помогла обустроиться, познакомила с домовым и велела ему за мной присматривать. С тех пор я с хозяйством горя не знала. Везде чистота, порядок, вечером на столе ужин горячий, только не забывай продуктов подкупать. О чем еще можно мечтать?

Я уже потом выяснила, что такое счастье доступно лишь ведьмам. Магов домовые недолюбливают, тем приходится самим заботиться о себе. А Соль у нас ведьма. Преподаватель факультета Магии Жизни. Это все — от целительства до растениеводства.

Конкретно Соль занималась выращиванием лекарственных трав.

Моя математика к ее предмету никакого касательства не имеет, и это заставляло меня еще больше ценить нашу дружбу. Ведь ни ей от меня, ни мне от нее по большому счету никогда ничего не надо было. Мы просто проводили вместе свободное время, обсуждали все, что в голову придет, радовались успехам и поддерживали друг друга в трудные минуты.

Поэтому сейчас, когда Соль нашла свою судьбу и вышла замуж, у меня двойственное чувство. С одной стороны, я рада, что она счастлива. А с другой, я ее потеряла. Не совсем верное высказывание. Соледад не перестала быть моей подругой, но согласитесь: одно дело, когда друг всегда рядом, а другое — когда он от тебя за многие лиги.

Закончились наши посиделки по вечерам, теперь никто не прибежит ко мне с отваром, если я простужусь, да я сама не постучусь к ней в час ночи потому, что вдруг приехал в гости мой брат и привез из дома ее любимое лакомство. Кого бы не поселили в квартирку Соль — это будет уже не она.

* * *

Когда в нашем университете узнали, что Соледад выходит замуж и за кого она выходит, многие стали поговаривать, что она это делает из корыстных побуждений.

Какая глупость!

Да, Бруно Бескаль молод, хорош собой и происходит из знатного рода, которому принадлежат обширные плодородные земли на побережье. Здесь выращивают лучшие в стране сорта винограда и делают замечательные вина. Бруно — владелец огромных подвалов с винными бочками.

А еще у него есть свое особое дело: он построил оранжереи, где выращивают всевозможные растения, от экзотических фруктов до редких целебных корешков. Это тоже приносит ему приличный доход.

Соледад же просто ведьма, у нее даже звания магистра нет и семья самая простая. Но если поставить их рядом... Временами мне казалось, что Бруно не стоит моей подруги.

Соль высокая, статная, черноволосая и черноглазая, очень красивая. Фигура у нее такая, что наши магистры только слюни пускают. Еще она умная, добрая, смелая и веселая. И характер у нее замечательный.

А Бруно тоненький, хлипкий блондинчик, чуть ли не ниже ее ростом, простой человек, без магического дара.

На мой взгляд это он заключил выгодную сделку. Кроме очень красивой жены он получил впридачу сильную ведьму в свое хозяйство. Соль с ее умом и талантом к магии жизни была для него ценнейшим приобретением. Если она применит свои знания и умения в его оранжереях, их доходность увеличится минимум втрое!

Но когда я смотрела на них, становилось ясно: никакая это не сделка! Они так друг на друга смотрели... В их глазах светились восторг, трепет, нежность, обожание и боги еще знают какие восхитительные чувства. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: это любовь. Лучшее чувство в мире. А мне достались только ревность и зависть.

* * *

Не надо себя обманывать: я не осталась в их доме не из-за болезненной тактичности. Просто мне тяжело было изо дня в день смотреть на счастье своей подруги. Я не завидовала тому, что у нее богатый и знатный муж, меня убивало понимание того, что никто никогда не посмотрит на меня так, как смотрел на нее Бруно. А еще хуже было сознавать, что и я никогда не буду глядеть на мужчину с теми чувствами, которые изливала на мужа Соль. Они мне просто не даны.

Альфреда я не любила, сейчас я это ясно видела. Просто шла за ним, увлеченная движением. Его ухаживания были такими милыми, а все остальное, что за ними последовало, логичным, и это все. Он разбудил во мне чувственность, но не любовь. Я злилась тогда на то, что меня использовали, а не на что-то другое. Поэтому и пережила разрыв так легко: отомстила и забыла.

С Лоренцо у нас вообще был взаимовыгодный договор и то, что он его не смог исполнить, не моя вина. На него я гневалась, злилась, обижалась, но это была реакция на сорванные планы, а никак не тоска по любимому. Работа в Университете вытеснила из моей головы все мысли о бывшем женихе. Сейчас я за него даже рада.

Кажется, я вообще не способна на сильное чувство, в точности как моя мать. И вот это меня угнетало больше всего.

* * *

С тех пор, как я перебралась в деревню, каждый день с утра пораньше уходила на море. Сын хозяйки показал мне маленькую труднодоступную бухточку, куда невозможно попасть с берега. Он отвозил меня туда на лодке и я там проводила целый день. Брала с собой только подстилку, книги и фрукты, а вода там была: источник бил прямо из каменной стены. Под вечер паренёк возвращался за мной и отвозил обратно, а хозяйка кормила сытным, вкусным ужином, после чего я гуляла по окрестностям и отправлялась спать.

В бухточке у меня было то, чего не было никогда: свободное, только мое время. Никто и ничто не висело надо мной, напоминая о долге. Я

вообще ничего никому тут была не должна. Читала что хотела, размышляла о том, что приходило в голову. А еще купалась и загорала голышом. Педро, сын хозяйки, предупредил меня, что кроме него никто за весь день в бухточку не заглянет, и я этим пользовалась. Конечно, меня можно было увидеть со скал, если кому-нибудь пришло бы в голову туда забраться. В первый день меня это смущало, а потом я подумала: ну что принципиально новое он увидит? Тем более что на скалы местные предпочитали не лазить, это считалось опасным.

Так что я могла наслаждаться свободой и отдыхом, если бы не мысли, которые постоянно лезли в голову.

Вообще способность мыслить, которые мои учителя провозглашали величайшим благом, оказалась для меня проклятием.

Ее нельзя выключить. Если ты умеешь думать, ты будешь думать во что бы то ни стало, даже если особо не о чем.

Когда я училась или работала, для моих размышлений всегда было достаточно пищи. А тут я очутилась в странной для меня ситуации. Голове нечем было себя занять.

Отправляясь к Соль на свадьбу, я не взяла с собой книг, кроме «Общей теории магического поля» архимага Арсеникуса. Свои записи я тоже оставила дома и теперь страшно об этом жалела. «Общую теорию» я уже выучила наизусть, а в доме Бескаля научных книг, кроме трудов по растениеводству и виноделию, не держали. Соль насовала мне любовных романов, но читать их я не смогла. Наверное, у их авторов как-то не так голова устроена: большего бреда вообразить себе трудно.

Но свое дело эти дурацкие книжки сделали. Как известно, злые демоны всегда найдут заботу для праздных рук, а в моем случае для праздного ума. Вместо того, чтобы заниматься любимым делом, я целыми днями думала о своей жизни и чем дольше думала, тем больше убеждалась: со мной что-то не так.

Я припоминала и внимательно рассматривала каждый момент моей жизни. Отношения с родителями и братьями, роман с Альфредом, помолвка с Лоренцо — все подверглось моему пристальному анализу.

Отцом я восхищалась, но когда стало ясно, что он наметил мне в жизни дорогу, которая мне не понравилась, я ни на минуту не усомнилась в своем праве пойти против него. Добилась своего? Да. Но какой ценой? С папой у меня сейчас более чем прохладные отношения, это подтверждает и мой счет в банке.

Маму в детстве я вроде бы нежно любила, но всегда в грош не ставила ее мнение. Когда выросла, она стала вызывать у меня глухое раздражение. Ее безапелляционные мнения по всем вопросам, продиктованные так называемой житейской мудростью, всегда казались мне убогими, а ее благоговение перед институтом брака и желание выдать меня замуж, все равно за кого, просто злило. То, что мои братья при выборе жизненного пути предпочли прислушаться к материнскому здравому смыслу и отринуть сложный, но благородный путь отца, тоже не прибавляло добрых чувств.

Братья? В самых лучших отношениях я была с Карлом. Он был настолько меня старше, что никогда не принимал всерьез маленькую сестренку. Из всех братьев он больше всего путешествовал по делам своего торгового дома, так что три — четыре раза в год наезжал в Элидиану и привозил мне из дома разные вкусности. Я радовалась, обнимала его, целовала, но была ли это радость от встречи с любимым братом или от получения любимого лакомства?

С Симоном мы никогда не были дружны, слишком разные мозги дали нам боги. Я не понимала его, он не понимал меня, так что любая наша дискуссия заканчивалась или дракой, или слезами. Несмотря на то, что Симон пошел по академической стезе, он очень поддерживал мать в желании выдать меня замуж и регулярно подыскивал мне женихов среди своих знакомых. Не стоит упоминать, что они все были ужасны: занудливые уроды. Это не добавляло мне добрых чувств к его персоне.

С Марком мы очень дружили в детстве. Я решала за него задачи, а он строил мне домики и катал на качелях. Когда он ушел в армию, я даже плакала. Сейчас, когда его отпуск случайно совпадает с моим, мы встречаемся как благожелательно настроенные друг к другу, но совершенно чужие люди.

Мои возлюбленные? Вряд ли Лоренцо и Альфред достойны этого наименования. Любовники, это да. Альф мне лгал, а Лоренцо был честен, вот и вся разница. Я же не любила никого.

И что же выходило в сухом остатке? Я всегда, с самого детства была бездушным чудовищем. Неприятно это сознавать, но врать себе я не привыкла.

Есть у меня шанс все изменить?

Не думаю. Свою сущность не изменишь, как ни старайся. У лягушки не вырастут крылья. Она может стать большой, даже очень большой, но — лягушкой.

Мой персональный маленький рай моими же трудами медленно, но верно превращался в персональный ад.

* * *

Спасла меня, как водится, Соль. На пятнадцатый день моего отпуска рано утром пришла ко мне с огромной корзиной, полной всяческой вкусняшек, и заявила:

— Я тебя похищаю.

Не передать, как я обрадовалась визиту подруги. Я как раз только продрала глаза и завтракала, ожидая, когда Педро подгонит свою лодку к причалу. Но если Соль хочет меня увести куда-то в другое место...

Она не хотела. Наоборот, прослышала, что я езжу купаться в уединенную бухточку и решила присоединиться.

— А куда ты дела своего мужа?

— Он уехал на сборище виноделов. Будут решать всякие глупые вопросы, а потом напьются как свиньи. Бруно меня звал, но я предпочла этот день провести с тобой. Любоваться, как эти старые хрычи будут спаивать моего мужа? Увольте!

Педро отвез нас и с гордостью обвел рукой бухточку, словно представляя свои владения. Соль огляделась.

— Классное местечко! Мне нравится. Надо будет как-нибудь притащить сюда Бруно. А то он вроде тебя: работает — работает, никак не найдет времени отдохнуть.

Когда же рыбак скрылся за мысом, отсалютовав нам веслом, Соледад вдруг вперила в меня свой знаменитый взгляд, который я называла прокурорским, и сказала:

— Ты мне не нравишься.

Я пожала плечами.

— Сказала тоже. Я сама себе не нравлюсь. Да и как такое может кому-то нравиться?

Она плюхнулась рядом со мной на песок, взяла меня за плечи и заглянула в глаза:

— Ты действительно так думаешь?

— А что тебя удивляет?

— Ну, вообще-то ты мне нравишься, и не только мне. Вряд ли я бы стала с тобой дружить, если бы ты была мне несимпатична.

Я опустила глаза. Вот как объяснить ей, что я чудовище? К Соль я отношусь очень хорошо, она моя единственная за всю жизнь подруга, а она... Она просто очень хороший человек и ей меня жалко.

— Так, нечего песок рассматривать. Лучше скажи мне, что тебе в себе не нравится?

— Мне ничего не нравится.

— А все же? Внешность?

— Она в том числе. Ты же не будешь утверждать, что я красавица.

Соледад рассмеялась.

— Красавица? Нет конечно. Ты милая, а это гораздо лучше.

— Гораздо хуже! Дело не в том, что я не красавица, а в том, что у меня затрапезная,

невзрачная внешность. Лучше уж быть уродом, как наша магистр Лисистрата.

Лисистрата была одна из ведущих целительниц. Кроме огромного дара, у нее еще была самая, на мой взгляд, запоминающаяся внешность. Уродливая, даже страшная, но притягивающей к себе все взгляды. Лисистрата обладала невероятной харизмой. Перечить ей не решался никто. Стоило ей нахмурить брови, как студенты тут же становились шелковыми, а ректор превращался в комнатную собачку и бежал по ее поручению. Мне бы так!

В ответ на эту мою реплику Соль еще громче закатилась смехом:

— Ничего себе. Милашка Марта Аспен завидует Лисистрате! Кому рассказать — не поверят! Девочка, посмотри на себя в зеркало и успокойся. Когда у тебя так горят глаза, ты — само очарование.

Она меня не понимает или я не умею объяснить? Скорее второе.

— Понимаешь, Соль, я не такая, как ты, например.

— Так это же прекрасно! Зачем нам вторая Соледад?

— Я не в этом смысле. Ты такая добрая, хорошая, все чувствуешь... А я...

— Ты злая и бесчувственная, хочешь сказать? Ну знаешь, много я ерунды слышала, но такой...

— погоди, послушай...

И я выложила все, о чем думала последнюю декаду. Про родителей, братьев, любовников и про то, что у меня нет настоящих чувств, тех о каких книги пишут и в песнях поют. Мысли есть, а чувств нету.

Соль слушала меня, не перебивая, а когда я наконец закончила, еще некоторое время молчала. По лицу ее было видно, что она переваривает сказанное. Затем она вдруг погладила меня по голове и привлекла к груди, как ребенка. Моя мать так никогда не делала.

— Бедная девочка. Бедная маленькая девочка.

В первую минуту мне стало так хорошо и тепло, что внутри открылись какие-то краны и из глаз сами собой потекли слезы. Но потом я устыдилась: нельзя же так распускаться! А Соледад все гладила меня по голове.

Я осторожно выбралась из ее объятий и спросила:

— Ну, что ты обо всем этом думаешь?

Она ответила вопросом на вопрос, причем спросил такое... Я никак не ожидала.

— Марта, а сколько тебе лет?

— Двадцать пять, а что?

Соль задумалась, потом сказала:

— Ты на три года моложе Бруно, но он по сравнению с тобой дитя — дитем... хотя ты тоже хороша. А знаешь, сколько мне?

— Понятия не имею.

Я, конечно, понимала, что Соль меня старше, но когда поняла насколько... Не упала только потому, что и так сидела на песке.

— Пятьдесят шесть. Для ведьмы юность, но, как ты понимаешь, жизненный опыт еще никто не отменял. И вот что я тебе скажу: не переживай.

— В смысле?

— А вот просто: не переживай. Или так: не бери в голову. Ты нормальная. Просто у таких умненьких, как ты, эмоциональное развитие часто запаздывает.

Я вытаращила глаза, Соль на это махнула рукой:

— Ум поначалу все подавляет, детка. Но приходит время, и чувства расцветают тоже. А что поздно расцветает, долго цветет. Я, конечно, не целитель душ, но кое-что про это знаю. Все в твоей жизни еще будет: и яркие чувства, и любовь. А то, что ты сказала про родителей... Ты их любишь, запомни! Просто при этом реально оцениваешь. Так это трудней: любить такими, какие они есть, а не рисовать себе идеальный портрет и с ним носиться, как с писаной торбой.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я знаю. Вот скажи: если с твоими не приведи боги, что-нибудь случится, ты же все бросишь и побежишь на помощь?

Странные вопросы она задает.

— Ну естественно, они же моя семья.

— Вот это и есть любовь. Настоящая, действенная, а не сюси — пуси. Ну, а любовь к мужчине... Когда придет, ты поймешь.

— А ты, Соль? Я же вижу, что ты любишь Бруно... Но я никогда не думала, что между вами такая разница. А он знает?

Моя подруга вздохнула.

— Знает. Я ему сразу сказала. Иначе вышло бы нечестно. Своих я не обманываю даже в мелочах, а тут совсем не мелочи. Ты же знаешь, как мы познакомились?

Ну еще бы! История любви Соль и Бруно разворачивалась на моих глазах. Сначала была ее статья в «Вестнике травника», которую Бруно прочел и написал автору. Он еще не знал, что С. Каванис — это не зануда — ботаник, а прекрасная девушка. Она ему ответила, завязалась переписка, а через полгода они встретились на сборище растениеводов.

Бруно узрел Соледад и влюбился с первого взгляда. Правда, он потом уверял, что влюбился в нее еще по письмам, а встреча только подтвердила правильность его первоначального чувства. Он ей тоже понравился.

Мне она тогда не стала сообщать, что влюблена, но, вернувшись с того форума, говорила только о Бруно. Ясно было, что он запал ей в душу.

Затем было долгое ухаживание. Предложение он сделал на третьем или четвертом свидании, но Соледад желала проверить чувства. Да и уйти посреди учебного года ей бы никто не позволил. Бруно просадил огромные деньги на порталы в столицу: он не мог бросить свое хозяйство, но не видя Соль жить тоже не хотел.

И вот наконец они поженились. Без очков видно, что брак оказался удачным.

Соледад подтвердила:

— Оказалось, мы подходим друг другу. Я и вправду очень счастлива. Но ты должна понимать: я ведьма. Бруно не первый мой муж и не последний.

Историю ее первого мужа, ученого — ботаника и тоже обычного человека, я знала давно. Он трагически погиб во время одной из своих экспедиций в болота устья Каруны. Это случилось за пять лет до моего появления в Элидиане. Тогда Соль по нему тосковала, что не мешало ей менять любовников как перчатки. Я ее не осуждала: для ведьм это самое действенное средство утешения и реабилитации. Когда же появился Бруно, Соль стало не узнать: любовники исчезли вместе с тоской в ее глазах.

— Как только я увидела Бруно, поняла: это мое! Но боялась серьезных отношений, он ведь гораздо меня моложе, а с другой стороны... Когда-нибудь он станет старым и умрет, а я все еще буду молодой женщиной. К сожалению, для ведьм не существует обряда разделения жизни. Я не смогу сделать своего мужа долгожителем. Поверь, осознание этого не слишком

приятно как для него, так и для меня. Но это первое, что я ему рассказала, когда он попросил меня стать его женой.

— А он?

— Поцеловал меня и сказал, что ему все равно. Он хочет отведенные ему годы прожить со мной рядом. Наверное, мне правильнее было бы выбрать в мужа мага, но сердцу не прикажешь.

Я молчала, потрясенная. Оказывается, все не так просто, у ведьм свои трудности в жизни, и не скажу, что при таких условиях я завидую их долголетию.

Соль же вдруг замолчала, затем встряхнула волосами:

— Это я к чему? Это я к тому, что нечего на жизнь дуться и выдумывать себе проблемы на ровном месте! Магистру Лиситрате она завидует! А кстати, почему?

Это я могла объяснить. Внешность мне досталась от мамы. Не скажу, что некрасивая, но Альф в свое время правильно сказал: невзрачная. Бледная, бесцветная, как еще назвать? Все серенькое: серые глаза, серые волосы, которые из любезности называют русыми, бескровное личико... А так даже ничего: если взглядеться, то черты лица довольно симпатичные. Только... Такое лицо годится для домохозяйки, а не для серьезного ученого. Ничего удивительного, что глядя на меня, никто сразу не верит, что я что-то из себя представляю. Мне приходится прилагать огромные усилия, чтобы меня воспринимали всерьез, а не принимали за уборщицу или кастеляншу. Уж Соль-то знает, чего мне стоит хотя бы минимально поддерживать строгий вид.

Лицо мне досталось от мамы, но от папы я тоже кое-что получила. Кудрявые волосы. Правда, у него на голове крупные благородные завитки, когда-то темные, а сейчас седые, а у меня — мелкий бес. Если их не укладывать, они стоят на голове копной. Каждая волосинка представляет собой пружинку и, как пружинка, в любую секунду готова свернуться, сколько ее ни распрямляй. Я тоннами извожу масла и другие средства для укладки, стягиваю волосы лентой на макушке до тех пор, пока глаза на лоб не полезут, закалываю их шпильками, и все равно, какая-нибудь шалая прядь норовит вылезти в самом неподходящем месте, закрутиться и подпрыгивать в такт моим движениям.

Я даже подстричься не могу: если волосы будут короче, я с ними просто не справлюсь. Превращусь в одуванчик, то-то смеху будет! Поднимешься в таком виде на кафедру и аншлаг обеспечен. Никто не будет меня слушать, зато как будут смотреть!

И надо ли после этого удивляться, что я завидую магистру Лиситрате?!

Когда я все это изложила Соль, она опять стала хохотать. Что, я такая дура?

— Девочка моя, ты далеко не дура, но про внешность свою думаешь такие глупости, что я не могу от смеха удержаться. Ну кто тебе сказал, что для того, чтобы тебя воспринимали всерьез, нужно выглядеть строго? Вздор какой! Нужно быть яркой, только и всего. Сначала обратят внимание на то, как ты выглядишь, потом прислушаются к твоим словам. А ты можешь, я знаю. Я тебе давно говорю: нечего строить из себя серую мышь. Вот ее действительно никто всерьез не принимает. Кстати, Лиситрата и берет тем, что яркая. Яркая, но уродливая. А ты можешь стать яркой и симпатичной. У тебя милое личико, неплохая фигурка и совершенно роскошные волосы. Только я бы их на твоём месте покрасила. Легкая рыжина — и будет совсем другой вид! А если еще не поленишься и глазки подведешь... Сразу станет видно, какие они у тебя большие и красивые. Ну ладно, не подводить. Слегка подкрасить, чуть — чуть, хотя бы реснички... Румян на щеки накидай. Тоже очень аккуратно, но ты тогда перестанешь выглядеть бледной немочью. А

вообще..., — она отстранилась и критически меня оглядела, — Сегодня, когда мы вернемся, подойди к зеркалу и внимательно на себя посмотри.

Я удивилась, но решила последовать совету. А Соль сделала таинственный вид, поманила меня пальцем и прошептала:

— И вообще тебе пора заканчивать свое затворничество. С тех пор, как ты приехала в Элидиану, у тебя никого не было. Я не настаиваю на конкретной кандидатуре, но попробуй поглядеть вокруг... ты женщина и должна жить женской жизнью. Ты мне скажешь, что ты ученый? А я тебе отвечу: одно другому не мешает!

Больше мы на эти темы не разговаривали. Ели, пили, купались, загорали... Я зачитывала Соль особо выдающиеся перлы из очередного любовного романа и мы катались по песку от смеха. В общем, день прошел плодотворно.

Когда мы вернулись в деревню, у причала нас встречал Бруно. Осмотрел внимательно обеих и вместо того, чтобы тащить в имение, повел ужинать в деревенский трактир. Там хозяину земель обрадовались как родному и накормили нас вкуснейшей запеченной рыбой и свежайшими морепродуктами.

А вернувшись в свою комнату я последовала совету подруги и посмотрела на себя в зеркало. Обычно я не обращала внимания на то, что там вижу. Главное проверить, все ли в порядке, на остальное плевать. А тут я присмотрелась к девушке, которая глядела на меня из стеклянных глубин. Соль права: очень даже миленькая. По крайней мере стала такой.

Я не помню, когда еще так хорошо выглядела. За проведенное на море время волосы сильно выгорели на солнце и стали золотистыми, кожа покрылась легким загаром и уже не выглядела бледной, на ее фоне глаза казались синими, хотя я точно знаю, что они серые.

Пожалуй, я последую советам Соледад. Она много раз предлагала мне что-то сделать с моей внешностью, но я отбрыкивалась, а тут поняла, что была неправа. Если перестать прилизывать мои волосы, сделать другую прическу...

Я сначала подняла пряди повыше, но мне не понравилось. Затем попробовала завязать хвост низко, почти на шее. Вот так гораздо лучше. А реснички действительно лучше покрасить, да и брови тоже, они сильно выгорели и стали совсем светлыми. Думаю, мои студенты не умрут, если увидят своего преподавателя в новом облике. Профессор Кассиус тоже как-нибудь переживет. Пора начинать новую жизнь!

* * *

Знала бы я, во что она выльется! Я имею в виду новую жизнь. Еще раз убедилась: не стоит строить планов, не так будет обидно, если их нарушат.

После трех с половиной декад на море, я прибыла в ставший уже родным Магический университет и тут узнала...

Но обо всем по порядку.

Стоило мне ступить на землю университетского городка, как тут же ко мне подбежала парочка малознакомых ведьм и, к моему удивлению, наперебой стала пересказывать последние новости.

Пока я наслаждалась жизнью на морском побережье тут много чего произошло. Но меня касалась одна важная новость.

Магистр Кассиус получил звание архимага и в связи с этим его пригласили занять

должность при дворе. На элидианского короля работал целый штат придворных магов, но моему профессору предложили стать среди них главным, а от такого не отказываются.

На место Кассиуса пришел магистр Агенор, который до этого был вторым профессором на кафедре у Валериуса.

С этим Агенором у меня не заладилось с самого начала. Он меня все время тыркал, упрекая в том, что я, ничего не зная о магии, лезу ее реформировать. Встретив в коридоре, никогда не здоровался, наоборот, отворачивался и проходил мимо, задрав нос. Никогда не упустил случая сказать про меня гадость вслух, так, чтобы я тоже услышала. Даже толкнуть на лестнице не гнушался.

Это продолжалось все три года, что я работала. Он так и не смирился с тем, что в магическом университете преподает девчонка, да еще и без малейшего признака дара.

Сейчас вдруг оказалось, что он мой непосредственный начальник. То еще счастье. Ради такого случая не стоило менять внешность, все равно к студентам Агенор меня не выпустит. Скорее найдет повод и уволит без сохранения содержания.

Мой контракт в крайних случаях это позволял и я была уверена: Агенору вполне по силам мне нечто подобное организовать.

Но, как оказалось, ему не улыбалось начинать военные действия сразу после вступления в должность. Он выдумал, как решить дело со мной другим способом.

Как иначе объяснить то, что он вдруг встретил меня с распростертыми объятьями? Подловил на подходе к дому, в котором располагалась моя уже ставшая родной квартирка, и пошел навстречу, улыбаясь во весь рот. Улыбка, к слову, его не красила. Огромный лягушачий рот в сочетании с лошадиными зубами и так выглядит не очень, а когда это чудо ощеряется..., лучше закрыть глаза и не смотреть.

Но отказаться созерцать начальство я не могла. Поэтому тоже «радостно» улыбнулась.

— Добрый день, магистр Агенор!

— Марта, деточка! — это он мне? Ненавижу, когда меня называют деточкой, — Хорошо, что ты уже приехала! Зайди ко мне в кабинет завтра, но только с самого утра! Знаешь куда? Ну и умница. Буду ждать!

Ой, как мне все это не понравилось! Удумал ведь что-то, мордovorot противный! Полагаю, он вел себя так мило потому, что со всех прилегающих дорожек и изо всех ближайших кустов на нас смотрели заинтересованные свидетели.

Я вошла в квартиру, бросила в угол свой чемоданчик и прислушалась. Откуда-то со стороны кухни доносились горестные всхлипы...

Кому тут плакать, если никого нет. Стоп! Как «никого»? А домовой? С другой стороны, разве домовые плачут?

Оказалось, плачут, да еще как! Мой маленький друг и помощник сидел прямо на кухонном столе и рыдал так, что сердце сжималось. Увидев меня, спрыгнул со стола, бросился ко мне, обхватил за ногу и замер.

— Что случилось? — не выдержав, спросила я.

Вообще-то домовым с нами, жильцами, разговаривать не положено. Я в качестве простого человека даже видеть его не должна. Это создание, внешне напоминающее человека, но размером с кошку, служит не людям, а дому, и общаться с ним могут только ведьмы, им маленькие «хозяева» как-то подчиняются. Сферой влияния конкретно этого домового был весь наш четырехквартирный домик, но по факту он обслуживал только наше с Соледад жилье. Прибраться, постирать, сготовить...

Двух магов — боевиков со второго этажа он гордо игнорировал. Даже вредил иногда, если они слишком сильно шумели.

А со мной он раньше напрямую не говорил, но помогал всегда. Когда моя подруга уезжала, то велела домовому за мной присматривать. Взять его с собой она не захотела и не смогла: в имении-то свой домовый имеется.

Спасибо Соль, что она каким-то образом дала мне возможность видеть это волшебное существо и научила, как с ним надо обращаться: кормить, делать мелкие подарки и звать в случае нужды. В отличие от нее власти над ним у меня нет. В лучшем случае могу озвучить пожелание, он, если захочет, выполнит.

Домовые очень гордые и скрытные, лишней раз не покажутся на глаза, так что от изъяснение чувств моего мелкого хранителя я чуть не спятила.

Чтобы домовый рыдал у меня на кухне и обнимал мою ногу в поисках утешения?... Это что же должно было произойти, я вас спрашиваю?!

— Хозяйка, хозяйка, — лепетал он тем временем, — не бросай меня, хозяйка.

Я присела, погладила его по темной, похожей на мех зимней лисы шевелюре, и успокаивающе зашептала:

— Не брошу, не брошу, ну что ты... Не плачь, все будет хорошо, вот увидишь...

А сама лихорадочно перебирала в уме все возможные катаклизмы, не находя среди них причин такого странного поведения.

Домовой немного успокоился и вдруг спросил:

— Куда они тебя, хозяйка?

То есть как это куда? Меня что, выселяют? Не зная, что ответить, я промолчала. А маленький «хозяин» произнес убежденно:

— Ты меня не оставляй здесь, хозяйка, с некромантами я не уживусь. Я бы в другой дом ушел, да некуда. Все дома уже заняты. Так что ты возьми меня с собой.

— Дружочек, — как можно ласковее проговорила я, — Я пока не знаю, куда поеду. Я вообще не уверена, что мне придется покинуть это место.

Ерунда, стоило домовому сказать первые слова, как я душой поверила, что здесь мне остаться не судьба. Но необходимо было излучать спокойствие и уверенность.

— Обещаю тебе, что если мне придется уехать и ты захочешь поехать со мной, я тебя не брошу. Только не представляю себе, как это сделать. Как домовые переходят из дома в дом?

Он аж просиял:

— Это просто, хозяйка. Я дам тебе одну штучку. Ты положи ее в свой чемодан, когда будешь уезжать, а на новом месте вынь, дунь, брось на пол и скажи: «Пин, сюда!» Пин — это я.

С этими словами он протянул мне простой деревянный свисток на веревочке и я поняла, что значило слово «дунь». Взяла свисток, положила в карман и еще раз пообещала не бросать бедного Пина. Если сюда и впрямь собираются вселить некроманток... Домовые с ними не уживаются.

Но если некроманта на мое место, то меня куда? Выгнать? У меня контракт заканчивается только через два года, а в нем есть такие интересные пункты... Меня дешевле убить, чем уволить.

На всякий случай я не стала распаковывать чемодан, наоборот, сложила те вещи, которые еще оставались. Одежды и предметов обихода набралось немного, всего лишь еще на один умеренных размеров чемодан, зато книги заняли огромный кофр. Если это была

ложная тревога, то распаковать все обратно не составит труда, а если меня и впрямь отсюда попросят, я не задержусь.

* * *

Наутро я пришла к кабинету заведующего кафедрой раньше его хозяина. Не желая стоять в коридоре как дура, отошла в сторонку и применила обычный студенческий прием: залезла на подоконник и спряталась за занавеску, благо вокруг никого не было.

Сделала я это вовремя. Явился Агенор под ручку с незнакомой мне дамочкой. В нашем Университете она раньше не работала, даю что угодно. Зато сейчас она висела на локте нового завкафедрой и умильно заглядывала ему в лицо. Куда там заглядывать? Что она, мерзких харь никогда не видела?

Когда они прошли в кабинет, я решила. Что пора и мне появиться на сцене. Только решила выползти, как появились еще двое, на этот раз хорошо знакомые. Они тихо разговаривали между собой. Что меня дернуло, ведь я никогда не была ни сплетницей, ни шпионкой? Вместо того, чтобы выбраться из-за занавески и приветствовать коллег, я забилась поглубже и прислушалась.

Правильно сделала. Говорили обо мне, вернее, о том, что в университете я не останусь, это дело решенное. Гадали только, под каким предлогом меня заставят подписать прошение об увольнении.

Но меня поразило не содержание их речей, что-то подобное я предполагала и была к этому готова. Эти люди, казалось, испытывали ко мне живейшую неприязнь. То, что меня выгоняют, они обсуждали захлеб и с удовольствием. Пафос их речей сводился к одному: наконец-то эту выскочку уберут из Университета.

Вот так! А я думала, что за эти три года нашла с ними общий язык и если не подружилась, то приятельствовала. А меня все время держали за чужачку и не могли дождаться, когда меня с позором выгонят.

С позором? Не бывать этому!

Мужики здорово меня разозлили, и это мне помогло не растечься жалкой лужицей, а собраться. Злая я моментально перестала чего-либо бояться, наоборот, рвалась в бой.

Я выскочила из-за занавески прямо перед их нахальными мордами, одарила сплетников широкой улыбкой, одним движением распахнула дверь в кабинет Агенора и захлопнула ее перед их нахальными носами.

* * *

Сразу стало ясно, что давешняя радостная встреча была игрой на публику. Сейчас мне никто не обрадовался. Я решила не стесняться. Уволят так уволят. Найду другую работу. А с университета стрясу неустойку.

Магистр Агенор со своей дамочкой сидели за столом и пили чай. Увидев меня, он сморщился, как от кислого, и уже хотел велеть мне подождать за дверью, но, увидев мой боевой настрой, вздохнул и махнул рукой в сторону сиротливо стоящего в отдалении стула.

Взяла стул, переставила его поближе к столу, уселась и уставилась на магистра.

Он брезгливо протянул:

— Госпожа Аспен, я хочу, чтобы вы ушли. К сожалению, ваша деятельность на моей кафедре не вписывается в мою концепцию обучения. Так что часов у вас в это году не будет. К тому же место ассистента, которое вы до недавнего времени занимали, я уже взял более подходящего специалиста, — он бросил такой взгляд на свою дамочку, что без слов было ясно: место отдано ей, — Вы об этом знаете?

— Догадываюсь.

— Я не имею формальных оснований вас уволить, но... Мы с вами не сработаемся. Так что лучше вам подать заявление самой, не дожидаясь, когда я найду повод.

Он посмотрел на меня так, что я автоматически спросила:

— Вы мне угрожаете, магистр Агенор?

— Скажем так, предупреждаю.

— Не поторопились ли вы, магистр Агенор? Мой контракт истекает только через два года. Если вы хотите мой контракт разорвать досрочно, то мне полагается компенсация.

— Естественно, вам выплатят жалованье за два месяца.

Ха, за два месяца! Так он еще не знает самого интересного!

— Вижу, вы не читали мой контракт. Жалованье за два года в пятикратном размере.

Это если меня станут увольнять, а если я уволюсь сама, то деньги уже должна буду платить я. Пункт был внесен не мной, но он был. Три года назад маги боялись, что я сбегу, не отработав и года, поэтому потребовали компенсацию за досрочное расторжение контракта. Но магия — она справедливость любит. Формула работала в обе стороны.

— Не может быть!

— Может! Сходите в канцелярию, почитайте.

Ага, и поймите. Что никогда не напишу заявление об уходе. Вернее, не раньше, чем срок контракта истечет.

— Университет не будет платить таких денег!

— Я ничего не имею против, если их выплатите мне вы лично.

Ой, как ему это не понравилось.

— Знаете что, госпожа Аспен... Идите к ректору. У меня на кафедре вы больше не работаете. Если он найдет возможность пристроить вас в другое место... Надеюсь, в контракте не оговорено, где именно в университете вы должны работать.

* * *

К ректору я летела как наскипидаренная. Сначала мне повезло. Так как до начала учебного года было еще почти две декады, в предбаннике никого не было, включая и секретаря. А вот ректор был на месте. В приоткрытую дверь было видно, что за столом кто-то сидит. Вот и отлично, решила я, побеседуем.

Но стоило мне сунуть нос внутрь кабинета, как боевой задор уменьшился наполовину. За столом сидел вовсе не ректор Лонгинус, который всегда относился ко мне покровительственно, а архимаг Бальтазар. Лонгинус был славный старикашка, который всегда старался выглядеть грозным, но у него это плохо получалось. А Бальтазара, главу боевого факультета, по слухам все боялись до трясучки, хотя он всегда мило улыбался. Я с ним раньше никогда не сталкивалась.

Он поднял на меня пустые глаза, недоумевая, что может здесь делать эта пигалица, затем узнал:

— Аспен? Зачем вы пришли?

— Мы не пришли к консенсусу с магистром Агенором и я решила просить господина ректора нас рассудить. А где он, кстати?

Его ответ меня обескуражил.

— Ректора не будет еще декад восемь. Он отправился в Хотей в составе посольства. Так что рассудить вас придется мне, как временно исполняющему его должность.

Был бы тут душка Лонгинус, он бы что-нибудь придумал. А Бальтазар ради меня палец о палец не ударит.

Он снова заговорил и я поняла, что он не просто не хочет мне помочь, а готов выбросить меня в окошко, распылить на атомы и закопать в землю, чтобы избавиться от такой заразы. Что я ему сделала?

Следующие полчаса архимаг тщетно пытался заставить меня написать заявление об уходе по собственному желанию. Обещал, что это не будет иметь для меня никаких последствий. Но я-то знаю: контракт магический, а слова Бальтазара всего лишь сотрясение воздуха. Если напишу — буду им должна по гроб жизни. Лучше сразу удавиться.

Маг сначала улеживал, затем давил и страдал, но я стояла на своем. Было видно, что он охотно бы меня прибил, да опасается ответить по закону. Наконец он он устал и сказал.

— Ну хорошо, если вы так настаиваете, я вас переведу. Куда только?

— К Валериусу? — робко пискнула я.

— Нет, у него нет вакансий. Вы же не станете претендовать на должность второго профессора? — это был риторический вопрос. — А где есть? — он пошарил среди бумаг, — У меня на боевке и на факультете Магии Жизни. К себе я вас взять не могу, я не убийца маленьких девочек. У магов жизни вам делать нечего... Стойте!

Его глаза хищно сверкнули.

— У меня есть отличная идея. Не хотите ли, Аспен, поработать за рубежом?

— Что вы этим хотите сказать? Я, в общем, и так за рубежом.

— Ах, да, вы же у нас лиатенка. Тем более! Раз вы так храбро сорвались с места и переехали в другую страну, то почему бы вам не поехать дальше?

— Куда?

— В Шимассу!

Не ожидала я такого поворота, честно. Что мне теперь делать? Соглашаться? Боюсь, мне не оставили другого выбора.

К моему стыду я не знала о Шимассе ничего, кроме географического положения и того, что ее столица называется Сармион. Это было самое закрытое из Девяти королевств. О нем даже в учебнике было всего пара слов.

Я попробовала получить больше информации.

— А что там, в Шимассе? Насколько я помню, там какой-то бюрократический военизированный режим. Маги все чуть ли не строем ходят.

— О, это устарелые сведения. Еще отец нынешнего короля провел реформы и освободил магов от пожизненной повинности. Сейчас это одна из наиболее быстро развивающихся стран Девятки. Молодой король направил к нам запрос: ему нужны преподаватели в реформированную Школу Магии. Вот мы вас им и пошлем. Условия чуть ли не лучшие, чем в Элидиане: подъемные, жалованье, жилье, питание, оплаченная дорога и все такое.

Соглашайтесь, Аспен.

Я молчала, соображая, где тут подвох. Голос Бальтазара стал мягким, как подушка.

— Подумайте, что вас тут ждет. Уж поверьте, ничего хорошего. Магистр Агенор — человек мстительный, подловит на чем-нибудь и уволит по закону. Скажете, ректор вас поддержит. Но где он? Агенор все провернет быстро. Когда наш уважаемый Лонгинус вернется, вас тут уже не будет в любом случае. Не лучше ли отбыть с почетом в другую страну? Мы оформим это как перевод, таким образом контракт никак не будет нарушен. И потом... Здесь вы были всего лишь ассистентом, а там имеете шанс читать свой собственный курс.

Этим он меня и купил. Мама всегда говорила, что стремление к самостоятельности меня погубит. Она была права.

В общем, я согласилась. Бальтазар пообещал прислать мне дополнение к контракту и прочие бумаги прямо на дом. А завтра он ждет, что я до полудня освобожу жилье: двое некромантов поступают работать в Университет и их надо где-то поселить.

Вот так. Выходит, Бальтазар играл передо мной спектакль, у него все было решено заранее. Не удивлюсь, если и бумаги уже готовы. Надо сказать, у моего домового была точная информация.

Я правильно угадала. Не прошло и часа, как принесли документы. Их было много, настолько много, что грешным делом я подумала: Бальтазар хочет меня обмануть. Надеется, что я не прочту в короткий срок столько бумаг.

Но все оказалось не совсем так, как я думала.

От самого Бальтазара исходила только одна бумага: дополнение к контракту. Я ее изучила и не нашла ничего криминального. В ней Элидианский Университет Магии в лице временно исполняющего обязанности ректора архимага Бальтазара Селинийского уступал свои права и обязанности по исполнению контракта с Мартой Аспен Высшей Школе Магии Шимассы в лице ректора этого учебного заведения архимага Рихарда ар Арвиля, а Марта Аспен с этим соглашалась. Все честь по чести. Даже гарантии, что финансово я не пострадаю.

Я подписала.

Заверенная копия договора между Университетом и Школой. Понятно, почему Бальтазар так расщедрился: все оплачивает принимающая сторона.

Заверенная копия моего контракта. Так — так. Сюда я могу прибавить свои диплом и метрику, не помешают.

Дальше шли бумаги, полученные из Шимассы. Не зря эту страну считают образцом бюрократизма. Они прислали тучу всяческих бумаг и бумажонок, без которых меня бы даже не подпустили к порталу на Шимассу. В них надо было вставить мое имя и заверить подписью и печатью ректора. Все это было уже сделано, не подкопаешься.

По одной бумажке меня должны были пропустить через границу, по другой — впустить в эту самую Школу, третья гарантировала мой бесплатный проход через портал, четвертая — доставку багажа без досмотра, пятая — получение подъемных, и так далее, и тому подобное. На каждый чих своя бумажка.

Перелопатив все документы, я сложила их в саквояж в одной мне понятном порядке. Если что-то потребуется — выну нужное мгновенно. Если ползет чужой — будет копать без толку, пока не поседеет.

Затем позвала домового и попросила его накормить меня ужином. Чай с вареньем и галетами? Отлично. Сообщила ему, что информация о некромантах подтвердилась (как будто он мог ошибаться), и подтвердила свое обещание забрать его с собой. Предупредила, правда, что еду я в Шимассу, о которой сама ничего не знаю. Если ему там будет плохо, я не виновата. Попросит — отпущу.

Пин уверил меня, что ему все равно, лишь бы некромантов поблизости не было. Шимасса так Шимасса.

Остаток вечера я посвятила написанию писем. Одно ушло к Соль, другое родителям.

Соледад я рассказала все как есть. Постаралась только изложить изменения в моей и университетской жизни в позитивном, юмористическом ключе. Посетовала, что не успела применить ее советы, пообещала попробовать на новом месте. Порадовалась, что она вовремя оттуда слиняла. Выразила надежду, что в следующие каникулы смогу ее навестить.

Родителям написала о невероятном везении, заключающемся в том, что мне дается шанс создать свой курс теоретической магии с нуля. Только для этого я должна уехать в Шимассу, по какой причине приехать к ним в этом году так и не смогу.

Я и так не собиралась в этом году почтить родной дом своим присутствием, но родителям об этом не сообщала. Кормила их отговорками. Сначала свадьба подруги, затем рекомендация мага — целителя — морские ванны, теперь — новое назначение. Утешила отца тем, что в деньгах не потеряю, а маму перспективой новых интересных знакомств. Знала бы, о чем пишу, проглотила бы перо вместе с чернильницей.

Утром за мной пришли. Именно так: притащились два амбала из вспомогательных служб и один из них, тот, у кого лицо чуть поинтеллектуальнее, сказал:

— Ну, давай, что ли, вещи, перетаскивать будем. А сама иди к выходу, там уже ждут.

Я в последний раз оглядела комнату, взяла со стула красивый клетчатый плед, который купила специально, чтобы сделать казенную квартиру чуть поуютнее, перебросила его через руку, подхватила саквояж и ткнула пальцем:

— Вот эти два чемодана и кофр!

Мужики недовольно скривились при виде огромного кофра, но спорить не стали. Один из них (тот, что с более тупой физиономией) кротко поднял его на плечи и потащил. Его более сообразительный собрат удовольствовался чемоданами.

За воротами нас уже ждала повозка, которая и доставила меня в здание центрального элидианского портала, а багаж и грузчиков на грузовую порталную площадку.

Государственная порталная служба Элидианы была безупречна. Ее отлаженную работу ставили в пример всем и каждому. За последние триста лет ее существования не было случая, чтобы пассажир или груз прибыли не туда. Так что я не волновалась. Передала служащему бумажку, гарантирующую оплату моего перемещения в Сармион, заполнила полагающуюся форму на багаж, подписала маршрутный лист и прошла на пассажирскую площадку.

Она представляла из себя некую геометрическую фигуру, больше всего похожую на цветок со множеством лепестков разного размера. Каждый стационарный портал представлял собой окружность со вписанным в нее многоугольником, заполненным рунами. Чем более популярным было направление, тем больше была окружность. Самые крупные могли одновременно переместить дюжину пассажиров. Я поискала глазами ту геометрическую фигуру, которая должна была переместить меня в Шимассу, но оказалось, что мы находимся на площадке внутренних линий. Межгосударственные порталы

располагаются дальше.

Мы прошли в красивую белую колоннаду, где очередной чиновник проверил мои документы и указал дорогу:

— Вам туда.

Межгосударственные порталы выглядели практически так же, как внутренние, но их было значительно меньше, да и сами они оказались не такими крупными. Самый большой вмещал не более пяти пассажиров.

Практически к каждому стояла небольшая очередь. Я уже начала глазами искать мою, но встретивший меня маг, вместо того, указать, за кем я стою, ткнул пальцем в сиротливо пустующий круг и велел в него встать. Заметив мой удивленный вид, спросил:

— Вам ведь в Шимассу? В Сармион?

Я вздохнула и кивнула, понимая, что вляпалась во что-то нехорошее.

— Становитесь в круг, закройте глаза, — скомандовал он, — и не беспокойтесь, ваш багаж вас уже ждет.

Я сделала как он велел, размышляя, не погорячилась ли, когда пошла на поводу у Бальтазара. Ничего не надо было подписывать, ничего...

Вам когда-нибудь снился сон, что вы падаете с большой высоты? Примерно такие ощущения вызывает у меня перемещение порталом. Ноги не ощущают под собой твердой почвы, сердце ёкает, желудок куда-то проваливается, голова кружится, мутит... В общем, куча удовольствия. Я потом еще час хожу как пьяная.

Говорят, маги переносят перемещения легко, а обычные люди, вроде меня, по — разному, кто-то лучше, кто-то хуже, а кто-то вообще предпочитает тащиться в повозке несколько декад, лишь бы не лезть в проклятый портал.

Когда мои ноги снова оказались на земле, я открыла глаза и осмотрелась. Однако! По сравнению с элидианской здешняя порталная площадка была крошечной и представляла собой не многолепестковый цветок, а унылый трилистник. У стены здания из красного кирпича какой-то здоровенный мужик складывал мои пожитки. Я хотела к нему подойти, но меня остановил военный в темно — синей форме:

— Оставайтесь на месте и предъявите ваши документы.

Бальтазар сказал, что в Шимассе произошли изменения и это теперь не военно — полицейская страна? Соврал, гад. И как ему теперь отомстить?

Я сунула руку в саквояж и спросила:

— Какие именно документы вы желали бы увидеть?

Мужчина удивленно поднял брови:

— А у вас их много?

— Да порядочно.

И я начала перечислять:

— Метрика, ее заверенная копия, паспорт, выданный королевской канцелярией Лиатина, вид на жительство в Элидиане, диплом...

На этом месте он меня прервал.

— Замечательно, что все эти бумаги у вас имеются. Они вам понадобятся для получения вида на жительство здесь, в Шимассе. Но пока меня интересуют те документы, на основании которых вы хотите въехать в нашу страну.

Ага, значит, договор между Университетом и Школой. Ну, и все, что к нему прилагается. Я вытащила из саквояжа пачку и протянула офицеру. Он пробежал глазами

первую страницу и пригласил меня внутрь кирпичного строения.

Насколько в Элидиане здания, относящиеся к порталной службе, были красивы и удобны, настолько здесь они выглядели убого. Вместо красивой белой колоннады — кирпичный куб практически без окон. Внутри все выкрашено синей краской на редкость отвратительного оттенка. Мебель самая грубая и неудобная: дощатые столы, лавки и табуретки. Единственным украшением служил портрет мужчины в мундире и при регалиях, вероятно, шимасского короля, а может быть и генерала — начальника пограничной службы. Короны на нем не было, а в остальном я не разбираюсь.

Меня усадили на табуретку, напротив за столом устроился офицер. У него сидение было только чуть получше. Наверное, он считал это креслом, но я видела перед собой ту же табуретку, только со спинкой и подлокотниками. Разложив перед собой полученные от меня бумаги, он стал их изучать так внимательно, как будто перед ним были как минимум рукописи древних мудрецов. Время от времени он отрывал взгляд от бумаг и бросал их на меня. Я же от скуки не знала куда себя девать. Обводила взглядом унылые стены, разглядывала царапины и на столе и изучала внешность офицера как картинку в хрестоматии. Отмечала форму носа, разрез глаз, то, как растут волосы надо лбом, пересчитала родинки на щеках. Если честно, предпочла бы разглядывать настоящую картину. Но меня посадили так, что портрет висел прямо над моей головой, а затылком я видеть пока не научилась.

Офицер читал и читал, закончив с одной бумажкой брал следующую, затем опять возвращался к предыдущей... Что уж там было ему непонятно, не ведаю, но он гонял мои документы по кругу без всякого толка. Нервы мои испытывал? Время шло. Когда я мне показалось, что он собрался на пятый круг, он внезапно

закончил изучать мои бумаги и позвал другого, одетого тоже в форму, но не синюю, а блекло — сизую. Такого цвета перья у голубей у меня на родине, не зря их зовут сизарями. Тот тоже стал изучать документы, но не все, а те, что для него отобрал первый. Затем обратился ко мне:

— Везете ли что-то запрещенное к ввозу?

Ага. Это таможенник.

— Не могу знать, так как не имею представления о том, что именно у вас запрещено.

— Оружие, алкоголь, табак, книги по некромантии или магии крови?

Он выдал этот перечень с вопросительной интонацией. Я улыбнулась и ответила:

— Ничего из вышеперечисленного.

— Хорошо, пусть принесут ваши вещи.

Я не поняла, кому он это сказал, но тут вошел давешний мужик и вкатил все мое богатство на тележке. Таможенник лихо подскочил, снял чемодан, который я привезла с моря, плюхнул на стол и радостно заявил:

— Будем смотреть!

Он мне сейчас все вверх дном перевернет! Я сунула руку в саквояж, вытащила тот лист, где мне гарантировали отсутствие досмотра личных вещей, и протянула «сизарю».

— Вы не можете вскрывать мои чемоданы.

Он просмотрел бумагу, бросил ее на стол рядом с чемоданом и весело сказал:

— Я все же просил бы вас открыть и показать мне содержимое.

Ага, чтобы он все оттуда выбросил, а я потом бы укладывала обратно? Да ни за что!

Я снова взяла документ и уже внимательнее прочитала. На чьи распоряжения этот

красавец решил болт забить? Гарантию выдала личная канцелярия короля.

Сунула ему под нос и спросила ласково:

— Вы полагаете, что имеете большую власть, чем начальник канцелярии Его Величества?

Эти слова оказались волшебными. Оба офицера вдруг вытянулись по струнке, сложили стопочкой все бумаги, еще и от себя по квиточку нацарапали, отдали все мне и пожелали счастливого пребывания на земле древней Шимассы.

Все тот же здоровенный амбал снова поднял все мое имущество и потащил на выход. Там меня поджидала карета. Сидевший на козлах человек свесился ко мне и задумчиво спросил:

— В Высшую Школу магии?

Я кивнула.

— Из Элидианы?

— Да.

— И контракт имеется?

— А как же!

Еще не хватало, чтобы кучер велел мне документы предъявить!

— Ну садись. Ведьма что ли?

Я сочла за благо не отвечать на этот вопрос. Дождалась, чтобы мои пожитки привязали к задку кареты, и забралась внутрь. Кучер тут же тронул с места, а я прилипла к окошку.

Сармион не походил на знакомые мне столицы.

Наша Лорна была скромным, но симпатичным городом, выстроенным из серого камня. Узкие высокие трех — четырехэтажные дома под красными черепичными крышами, стоящие вплотную друг к другу, узкие улочки, небольшие площади с конными памятниками, трактиры и лавки, занимающие первый этаж, и надо всем этим серая громада древнего замка королей.

Элидиана поражала красотой богатого южного города. Белые дома из мрамора и известняка, украшенные колоннами, портиками, балюстрадами и прочими архитектурными изысками, утопали в зелени садов. Широкие проспекты и улицы кишели нарядным, веселым народом. Обширные площади украшали фонтаны. Королевский дворец царил над городом, напоминая раскрывшийся цветок белого пиона: такой же роскошный и одновременно изящный.

Оба города мне нравились, хоть и по — разному.

Сармион же сразу не приглянулся. В отличие от серенькой Лорны и белоснежной Элидианы он был кроваво — красным. Не знаю по какой причине, возможно, в Шимассе не было своих каменоломен, но город был выстроен в основном из кирпича. Некоторые дома были оштукатурены и выкрашены в белый, розовый или голубой цвета, но сущности дела это не меняло. Да и штукатурка по большей части была старая и обшарпанная, из-под нее проглядывал родной кирпичный колер.

Улицы были замощены брусчаткой, на которой колеса кареты подскакивали в нерегулярном ритме, так, что вытряхивали из меня всю душу. Я даже порадовалась, что не поела с утра, хотя до этого злилась на это обстоятельство.

Лавки и трактиры попадались, но, по сравнению с той же Элидианой, нечасто. Я обратила внимание на то, как убого они выглядят. Может, мы проезжаем по бедным районам?

Толпа, которая в Элидиане всегда выглядела ярко и празднично, тут поражала мрачностью. Люди ходили в серых, бурых, черных и редко белых одеждах, как будто ярких цветов не существовало в природе. Еще удивило меня то, что несмотря на еще более жаркий, чем в Элидиане, климат, женщины здесь носили полностью закрытые платья. Мое скромное летнее платьице песочного цвета, которое Соль считала образцом уныния, здесь смотрелось чуть ли не фривольно.

Мы пересекли столицу насквозь и выехали за город. Кругом расстилались поля, разделенные на небольшие квадраты. С части из них урожай уже убрали: торчало сухое жнивье. На других росло что-то отличное от пшеницы, но что именно опознать я не могла. Сельское хозяйство для меня темный лес. Поняла только, что культур несколько: все квадраты были разного цвета. Даже розовые попадались.

Карета катилась теперь по немощеной дороге, все еще трясло, но не так сильно и резко, и я снова вспомнила, что голодна. Но развить эту мысль не успела: меня тряхнуло последний раз и кучер остановил карету у высоких кованых ворот. Слез с облучка и достал из кармана странного вида дудку, в которую задудел. Звук, надо заметить, она издавала отвратный, но на него из ворот вышел высокий унылый старик и, игнорируя кучера, подошел ко мне. Я вышла из кареты и дожидалась его, стоя на земле. Попутно огляделась: амбал, который грузил мои вещи на порталной станции, сейчас притулился на кофре с книгами и мирно дремал. Выходит, он здешний работник. Старик остановился от меня в двух шагах и, не здороваясь, задал вопрос:

— Это вы к нам из Элидианы?

Я в который раз кивнула.

— А бумаги у вас есть?

Я сунула руку в саквояж, намереваясь снова достать всю пачку, но старик удовлетворился одной моей готовностью.

— Вот и хорошо. Ректору покажете. Только... это потом. А сейчас я вас поселю. Квартиру вам хорошую оставили, не сомневайтесь. Садитесь в карету, Авир вас доведет.

Я полагала, что он тоже сядет и мы поедем вместе, но старик развернулся и быстрым шагом двинулся куда-то внутрь территории Школы. Я вскочила в карету и она тронулась за ним.

Все постройки были из темно — красного кирпича и обнесены высокой, локтей в шесть, тоже кирпичной стеной, только ворота здесь были кованые, полупрозрачные. Пара больших зданий в центре претендовала на некие архитектурные изыски: ломаная линия фасада, крыльцо под шатровым перекрытием, стрельчатые окна, ложные колонны, башенки, эркеры... Но карета направлялась вглубь участка к унылым прямоугольным постройкам, располагавшимся вдоль внешней ограды. Кучер знал, куда ехать. Обогнав нашего проводника, подкатил к невысокому крылечку под козырьком, остановил лошадей и разбудил грузчика. Тот начал возиться, пристраивая чемоданы на кофр. Это же какая силища, если он может поднять сразу все мои пожитки вместе с книгами?

Старик к нам присоединился, достал из кармана ключи на тяжелом железном кольце, отпер наружную дверь и пригласил:

— Заходите.

Отбиваться я не стала, кротко вошла. Мы поднялись на второй этаж, там старик отпер одну из дверей в длинном коридоре (под номером двадцать семь, я запомнила), толкнул ее и сделал приглашающий жест:

— Располагайтесь, барышня.

Н — да, невесело. Узкое окно давало мало света, но рассматривать тут было нечего. Довольно большая комната с кухонной нишей была до середины высоты выкрашена той же мерзкой синей краской, которая мне все глаза выела на порталной станции. Сбоку располагалась дверь в спальню, которая для разнообразия была выкрашена в столь же отвратный зеленый. Через открытую дверь хорошо была видна убогая обстановка: узкая кровать, заправленная серым солдатским одеялом, тумбочка и крошечное зеркальце над ней, деревянный половичок.

Это не мои хоромы в Элидиане. Там была полноценная квартира, небольшая, но уютная, а здесь... На гостиничный номер не тянуло, разве что в придорожном трактире такое бывает, но там люди много на пару ночей останавливаются, а мне в этой дыре два года жить. Как тут мой домовой приживется?

Амбал занес мои вещи, восторженным взглядом посмотрел по сторонам и впервые подал голос:

— В двухкомнатный поселили? Везет.

Мне одной не нравится то, что я вижу? Кажется, смерть для Бальгазара будет слишком мягкой карой.

Старик взмахом руки отправил грузчика и представился:

— Отставной полковник Зорко Градич, комендант здешний. А вас как величать, барышня?

— Меня зовут Марта Аспен.

— Из ведьм будете?

— Нет. Я приехала преподавать теоретическую магию.

Еще дорогой я обдумывала, как назвать мой предмет. Аналитическая и начертательная магия? Здорово, но не совсем то. Студентов таким названием не завлечешь. Поэтому я остановила свой выбор на теоретической магии. Звучит солидно и таинственно. Содержание курса я себе представляю, осталось его выстроить в логическую систему. Надеюсь, оставшегося до начала учебного года времени мне хватит, чтобы подготовить хотя бы первый семестр.

Эффектное название не произвело на коменданта ни малейшего впечатления. Его больше волновал вопрос не ведьма ли я. Убедившись, что нет, он потерял ко мне всякий интерес.

— Устраивайтесь, барышня Марта. Тут и ванна есть, не сомневайтесь, можете помыться с дороги. Обед для преподавателей уже закончился, но я по дороге зайду на кухню, там наверняка что-то осталось. Еще мало кто приехал, а готовят с расчетом, что половина уже на месте. Если будут стучать, не бойтесь. Это скорее всего обед принесли.

Я поблагодарила, Зорко оставил мне ключи и ушел, предупредив, что если мне что-то понадобится, надо обращаться к нему. Где его при этом искать не сказал.

Осмотр моего нового места жительства не затянулся. В спальне кроме вышеперечисленного был еще огромный уродливый шкаф для одежды и то, что здешние жители по ошибке считали письменным столом. К нему прилагалось такое же кресло, какое я видела у пограничного офицера: табуретка со спинкой и подлокотниками.

Я накрыла кровать вывезенным из Элидианы пледом, который до сих пор все еще висел у меня на руке. Стало чуть лучше.

В спальне нашла дверь в ванную. Я была готова увидеть что угодно, вплоть до

ковшика и деревянной шайки, но эта часть жилища приятно удивила: там было все, что надо. Допотопное, но работающее. Из крана даже текла горячая вода. Умывшись с дороги, я вернулась в большую комнату и изучила ее. В кухонной нише нашлось место для плиты и раковины, о стазис — ларе можно было даже не мечтать. Хорошо хоть под разделочным столом имелся ящик — холодильник, правда, небольшой. Ладно, мне хватит.

Кроме этих плодов цивилизации комнату украшали круглый стол и два стула — родственники все той же табуретки, разохшийся буфет и продавленный диван. Зато над ним висел портрет. С него на меня пялился все тот же, что и в портальной, мужчина в парадном мундире, только здесь картина была размером поменьше, а художник не очень хорошо знал свое ремесло. Как иначе объяснить, что голова явно была от более крупного туловища, а таких рук и вовсе не бывает в природе? Зато эта картина полностью проясняла вопрос, кто этот тип. На голове у него была корона. По всему выходит, что король. Если в портретах есть хоть малое сходство, то должна сказать: малосимпатичная личность. Что-то не похож он на молодого реформатора.

Обойдя свои новые владения и убедившись, что лучше не будет, я полезла в чемодан за свистком Пина. Когда он передо мной появился, я чуть не разрыдалась. Малыш бросился меня утешать.

— Не переживай, хозяйка. Лучше такой дом, чем никакого. Некромантов здесь нет — уже хорошо. А порядок я наведу. Ты только купи кое-что, я тебе список составлю.

Надо же, мой домовый умеет писать! Никогда бы не подумала. Тут в дверь постучали и Пин живо метнулся куда-то за плиту.

Принесли обед или ужин, не знаю. Три обливных судка, вставленные один в другой, в оплетке из лозы: первое, второе и салат. К ним полагались несколько огромных ломтей хлеба. Притащила все толстая горластая баба, настроенная, впрочем, дружелюбно. Надо сказать, переносить хорошее отношение подобных людей едва ли не тяжелее, чем их ненависть.

Для начала она, как все здесь, поинтересовалась, не ведьма ли я, а затем, когда узнала что нет, обозвала бедняжкой. Тут же сообщила, что сама она буфетчица, зовут ее Паной, а муж ее работает здесь же садовником. Распаковывая еду и вываливая ее в добытые в недрах буфета тарелки (я не успела их помыть), она не прекращала триндеть громким голосом. Из ее воплей я вынесла некоторую информацию, заставившую меня в очередной раз задуматься. Кроме двух ведьм — целительниц, других преподавателей женского пола в Школе не было. О чем это говорит?

Кроме того удалось узнать, что те два относительно красивых корпуса — это и есть сама школа, здания, где учатся студенты и располагается администрация. Ректор сидит в том, что ближе к нашему общежитию для преподавателей. Сейчас он на месте, ирод.

Теперь я знала, куда пойду после еды.

Поблагодарив добрую тетку, с трудом выставила ее за дверь и приступила к трапезе. Что могу сказать? Есть можно, особенно когда ты голодный. Не удивлюсь, если большинство преподавателей готовят себе сами. Хотя... Они же в основном мужчины... Им можно только посочувствовать.

Я отложила часть еды на блюдечко для Пина. Тот вылез, обнюхал и сказал:

— Нет, хозяйка, я это не ем. Хлеб возьму, а остальное... Ты лучше мне завтра молочка добудь. А сейчас иди погуляй, я дом в порядок приводить буду.

Что зря время терять? Надо идти знакомиться с ректором. Я сменила дорожное платье

на другое, более по моему мнению строгое, насыщенного синего цвета. Волосы тоже постаралась уложить покрасивее, ориентируясь скорее на память рук, чем на отражение в зеркале, в котором только нос и удавалось разглядеть.

Прихватив саквояж с документами, я направилась к административному корпусу. Входная дверь была не заперта и я вошла внутрь. Думала, на входе опять привяжется какой-нибудь секретарь или что-то вроде и станет проверять документы. Ничуть не бывало. Здание встретило меня гулкой пустотой. Там никого не было!

Я прислушалась. Вроде со второго этажа доносились звуки, только не разберешь какие. Видимо, ректор там. Не зря же буфетчица сказала, что он на месте. Я осторожно поднялась по лестнице (мало ли, все же магическая школа, тут всякое может быть), никого не встретила и прошла дальше по коридору, разыскивая нужный кабинет.

Нашла. В конце коридор расширялся, образуя небольшой уютный холл, отделанный панелями из мореного дуба. Мрачно, но красиво. Дверей было три, и все разные.

Из-за тяжелой дубовой двери с латунной табличкой «Ректор» раздавались возбужденные голоса. Я толкнула ее, она открылась и моему взору предстала феерическая картина под названием: «Три пьяных мага на отдыхе».

* * *

Для начала стоит подробнее описать, что я увидела. Большой кабинет в довольно мрачном старинном стиле был темным не только потому, что стены его покрывали панели из резного дуба, но еще и потому, что два высоких окна были занавешены плотными шторами так, что ни один лучик не проникал сюда с улицы. Зато над столом плавали магические шары, дававшие тусклый желтый свет. Так как они не висели смиренно, а все время перемещались, не могу точно сказать, сколько их было. Не то шесть, не то восемь.

Со стола стоило начать. Это был самый значительный предмет мебели в кабинете. Огромный, дубовый, резной, со столешницей, обтянутой зеленым сукном, он сделал бы честь и королю.

Так вот, за этим столом в кресле, положив на столешницу скрещенные в щиколотках ноги, развалился молодой, богато, но небрежно одетый и в дымину пьяный человек. Так как я не могла себе представить, что ректор кому-то уступил собственное кресло, то решила по умолчанию считать его ректором. Как там его? В контракте было его имя. Ага, Рихард ар Арвиль.

Имя не местное, скорее он мой соотечественник. У нас люди с приставкой ар к фамилии обычно принадлежат к высшей знати. Но так как он маг, я могу представить и другой вариант. Он гремонец. Там частица ар свидетельствует о том, что данный господин — бастард семьи Арвиль. Законные отпрыски гордо носят приставку фар. Когда-то наши страны были едины, а когда разделились, на трон Лиатена сел бастард тогдашнего гремонского короля. С тех пор знатные лиатенцы присоединяют к фамилии именно эту частицу.

Думаю, он все же гремонец. У нас в Лиатине магию запрещали, не делая ни для кого исключений. В Гремоне магию разрешали практиковать под суровым надзором, но это никогда не относилось к знати. Маги, рожденные в родовитых семьях, могли себе позволить все, что угодно, вплоть до некромантии, их никто не смел тронуть. Можно предположить,

что данный ар Арвиль — выходец из гремонского благородного семейства.

Выглядел ректор, если не считать крайней степени опьянения, неплохо. И хотя каштановые кудри спутались, голубые глаза были мутны, породистый нос покраснел, а щеки покрывала неопрятная щетина, можно было догадаться, что в трезвом, выбритом и вымытом виде он скорее красив и уж во всяком случае импозантен. А чем он занимался...

Он пытался налить вино из бутылки в бокал. И то и другое висело перед ним в воздухе, а он пытался попасть струей из горлышка в цель, но вместо этого лил себе прямо на сапоги. Это его, правда, уже не смущало.

Ректор был не один. Прямо перед ним на столе, поджав под себя одну ногу и свесив со стола другую, сидел высокий черноволосый тип и пытался магическим огоньком поджечь сигару у себя во рту. Тоже безуспешно. Пьян он был не менее ректора, поэтому совместить два предмета: собственный палец и кончик сигары, у него никак не получалось. Выглядел он скорее зловеще, чем привлекательно: смуглый, скуластый, горбоносый. Черные волосы его висели паклей без намека на кудри.

Третий в этой компании для разнообразия был блондином. Пухлощеким, круглолицым, похожим на небесного посланника — переростка. Он сидел на полу, вернее на ковре, отхлебывал прямо из горлышка, не связываясь с бокалами, и пытался дрессировать окруживших его божьих коровок размером с розетку для варенья.

Пьяные маги, демоны бы их забрали!

Если бы я сунула нос и сразу ретировалась, была бы умницей. Но из-за темноты я не сразу сориентировалась, ждала, когда глаза привыкнут. Разглядев, что творится в кабинете, я рванулась было назад, но опоздала. Ректор и брюнет меня заметили.

— Стой, детка! Что ты тут делаешь? — запинаясь, выдал ар Арвиль.

— Малышка, ты ошиблась, мы девок не заказывали, — произнес брюнет более твердым, чем ректор, голосом.

Я успела озвереть за одно мгновение. Не знаю, что со мной вдруг произошло, но мне плевать стало, что один из них — мой начальник от которого я полностью завишу, что все они маги и могут убить меня на месте щелчком пальцев... Сейчас я могла смести их всех! По крайней мере так я себя ощущала.

Но никого убивать не стала. Просто вместо того, чтобы гордо уйти или робко стоять у двери и выслушивать оскорбления, ворвалась в кабинет, спихнула черноволосого локтем со стола (он упал и остался лежать, таращась на меня очумелым взглядом), плюхнула на место, где он только что восседал, свой саквояж, достала контракт и сунула его в нос ректору:

— Марта Аспен к вашим услугам! Не детка и не малышка, а специалист по теоретической магии!!! Прибыла из Элидианского магического университета по вашей заявке. Так что МЕНЯ вы заказывали. Боюсь только, что не там и не для того!

Развернулась и выкатилась, не забыв прихватить контракт. Пулей пронеслась по коридору, не заметив как, спорхнула с лестницы и остановилась только у самого выхода. Ноги подкосились и я уткнулась лбом в холодную металлическую блямбу, украшавшую дверь.

Меня трясло.

Загнали в какую-то дыру поганую и еще имеют наглость оскорблять в лицо! Я, между прочим, сюда не напрашивалась. Меня вполне устраивала моя работа в Элидиане. Если бы не пертурбации в Университете... Да и Бальтазар с Агенором хороши. Если бы мне дали время, я бы придумала что-нибудь. Связалась бы с кем-то из тех магов, с которыми состояла

в переписке. Лоренцо бы мне помог по старой памяти... И уж заставила бы гадов оформить меня в приличное место переводом! Но эта сволочь Бальтазар так торопил: «скорей, скорей, некромантов селить некуда!». Я и поддалась панике.

Урок мне: никогда так не делать. В смысле, не паниковать. Хуже будет.

* * *

А эти красавчики! Пьянь подзаборная! Кого я на дух всегда не переносила, так это пьющих мужчин. Мой отец никогда себе не позволял ничего подобного. При этом нельзя сказать, что он был рьяным противником вина. Бокал хорошего красного за обедом в нашей семье всегда было нормой. Но не более того. Братья, глядя на него, не позволяли себе напиваться. Марк, помнится, в начале своей военной карьеры приперся как-то в родительский дом в невменяемом состоянии, так ему потом так стыдно было! Карл, говорят, по молодости тоже пару раз приходил домой на бровях, но я этого даже не помню. Но знаю точно, что его будущему тестю, богатому купцу, в нем больше всего понравилась трезвость.

Пьяных я видела в основном в деревне, когда в детстве папа возил меня показывать деревенской родне, и с тех пор вынесла отвращение к виду и запаху этих существ. В городе с ними приходилось встречаться реже, мы жили в «чистом» районе, а потом и вовсе переехали в предместье для зажиточных граждан. Для меня пьянство было атрибутом нищей, убогой, малокультурной жизни.

Наверное поэтому я не отдала свою невинность на первых курсах, хотя гуляла и выпивала вместе со всеми. Просто когда очередной студент созревал до того, чтобы ко мне пристать, я уже чувствовала отвращение к этой пьяной роже, даром что сама была немногим лучше.

Альф купил меня тем, что он не пил. Совершенно. Вместо вина на нашем столе всегда стоял сок или морс, что меня очень устраивало. Лоренцо, кстати, тоже не злоупотреблял, подобно моему отцу выпивал бокал красного за обедом. Мне он сказал, что магам лучше вином не увлекаться: они в пьяном виде плохо себя контролируют и могут случайно полгорода спалить или причинить вред себе и обществу другим способом.

И тут целая толпа пьяных магов! Ну хорошо, не толпа, всего три. Но ведь это не первокурсники, это магистры! Ректор, кажется, вообще архимаг! А нажрались как работники со скотобойни в день получки. Если они потеряют самоконтроль, тут не полгорода, тут полстраны можно будет с карты стирать.

А еще они нарушают порядок. Сейчас белый день, у них работа еще не закончилась, но по виду они квасят уже не первый час, да еще делают это на рабочем месте. И где! Не в подсобке какой-нибудь, а прямо в кабинете ректора. Вот что имел в виду Зорко, когда сказал, что к ректору я пойду потом. Он хотел сказать завтра, когда этот обалдуй магический проспится.

А я, как дура, пошла представляться. Решила сделать все как положено. В бюрократизированной стране захотела быть самой законопослушной. Вот и нарвалась. Обозвали шлюхой ни за что, ни про что.

Иррациональная обида уже готова была пролиться слезами, но я загнала их обратно. Я не буду плакать. Не доставлю никому удовольствия видеть меня сломленной и униженной.

Гордо подняла голову, толкнула дверь, вышла на улицу и остановилась на крыльце.

Кажется, я пришла из вон того корпуса?

Я сделала несколько шагов по лестнице и в этот момент дверь за моей спиной хлопнула. Кто-то вышел вслед за мной. А мне неинтересно! Не обернусь и смотреть не стану! Мне надо в общежитие, туда, где в убогой квартирке меня поджидает мой домовый.

Я постаралась переключиться на бытовые темы. Завтра... О, завтра я спрошу Зорко, как мне поехать в город и где там лучше всего закупаться. Питаться в местной столовой — верный способ нажать себе язву. К тому же мне нужно молоко для Пина, вряд ли на территории школы можно найти свежее. Да, домовый обещал подготовить список покупок... Мне обещали, что финансово я не пострадаю, но если придется делать ремонт... Можно ли будет стрясти компенсацию с этой пьяни?

— Эй, вы! — раздался голос у меня за спиной, — Вы, девушка, как вас там?!

Воздушная петля обвила мою талию и заставила остановиться. Игнорировать того, кто вышел за мной следом, стало невозможно. Я обернулась.

Почему я полагала, что это будет ректор? Наивная. Передо мной стоял черноволосый маг. Кажется, он что-то с собой сделал, потому что больше не казался пьяным. Не качался, да и взгляд больше не был мутным. Держался настолько уверенно, что я засомневалась: а его ли спихнула со стола и уронила на пол?

— Марта Аспен. Могу повторить по буквам, если вам так будет легче запомнить.

— Не надо, я запомню. Конрад ар Герион, архимаг, специалист по защитной магии. Не злитесь, Марта. Мы не хотели вас обидеть.

Он внимательно разглядывал меня, настолько внимательно, что мне стало не по себе. Хотя можно подумать что до этого я чувствовала себя комфортно. Но его взгляд... Так приглашенные специалисты разглядывают редкий артефакт.

Я передернула плечами и, сосредоточившись, ответила на его реплику:

— Однако обидели.

— Ну простите. Мы тут с коллегами выпили немного и, если честно, не очень соображали что да как.

Ага, немного. Если это немного, то я императрица. Нажрались как свиньи, лыка не вязали, хорошо еще, что существуют протрезвляющие заклинания. Но говорить этого я не стала, предпочла послушать, что он мне скажет.

— А вы ведьма?

Достали! Заколебали!

— Да что все ко мне привязались сегодня: ведьма, ведьма! Не ведьма я! Ни капельки!

У этого типа, Конрада, было смуглое, но бледное узкое лицо, а на нем красивые, как нарисованные брови. Пожалуй, они одни и совпадали с канонами мужской красоты, все остальное на его лице было резким и неправильным. Сейчас эти брови вдруг заломились под углом и поехали вверх, к волосам. Чему он так удивляется?

— Но вы не маг, Марта, я же вижу ауру! Если вы не маг и не ведьма, тогда как?

— А то, что я обычный человек, вам в голову не приходит?

Он резко махнул рукой, отменяя эту гипотезу.

— Бред. В Школе магии будет преподавать обычный человек? Да еще теорию магии? Не может такого быть.

Марта, успокойся. Пора привыкнуть, что маги простых людей ни в грош не ставят и считают нас глупее себя. Тебе недостаточно один раз доказать, что это не так. Придется это делать каждый день и доказывать каждому магу в отдельности, что ты кое-что соображаешь

в его великой магии..

— Не теорию магии, а теоретическую магию. Разные вещи, вы не находите? Ну, не нравится такое название, пусть называется аналитической и начертательной. Я три года преподавала это в Элидиане. А теперь буду преподавать здесь. И да, я обычный человек. Без грана магии.

Сейчас Конрад смотрел на меня, как на сумасшедшую, или как на каменную статую, которая вдруг заговорила и пожелала принять участие в философском диспуте.

— Де... Марта, а вам не кажется, что любое теоретическое знание должно быть проверено на практике?

— Разумеется.

— И как?...

А вот так. Неужели в вашей Школе не найдется мага, способного показать студентам на практике как работают расчеты теоретиков?

— И вы не боитесь?

— Чего?

Он хмыкнул.

— Значит не боитесь. Идите к себе, Марта. У нашего ректора сегодня был трудный день, но, думаю, завтра он вами займется. Только... Не приходите к нему слишком рано. Кстати, куда вас поселили?

— В общежитие для преподавателей, как я понимаю. Номер двадцать семь.

— О, второй этаж! Соседями будем. У меня номер двадцать четыре.

Он развернулся и ушел обратно. Станный, но, в сущности, совсем неплохой. Объяснил, почему меня все тут за ведьму принимают. Удивляет то, что этот вопрос мне задают не маги. Простые люди аур не видят, но тоже спрашивают, не ведьма ли я.

Кстати, он тоже ар, как и ректор. Интересно, они земляки? Или этот Конрад — мой соотечественник?

* * *

Странно, но разговор с Конрадом меня успокоил. Уже не хотелось рвать и метать, да и слезы убралась куда-то. Вот только гнев на Бальгазара не прошел. Ну, я ему еще устрою! Маги вечно думают, что простые люди, не облеченные властью, ничего им сделать не смогут. О очень зря! Если не хвастаться силой, а пораскинуть умишком. Можно гордого мага посадить в такую лужу! И я не я буду, если так не сделаю! Рано или поздно он у меня попляшет!

Встряхнувшись, я быстрым шагом направилась к своему новому жилищу.

Пин встречать меня не вышел, зато квартиру я не узнала. Она была выдраена до блеска, мебель расставлена по — новому и вообще эта казарма стала странно уютной, даже жуткая краска на стенах казалась не такой противной.

Надо сказать, Пин разворошил мои вещи и кое — чем воспользовался. Вот эта скатерть, например, явно раньше работала моей нижней юбкой. А абажур на лампе произошел от желтой накидки, которую мне крючком связала мама. Я ее ни разу не надела, а теперь она начала новую жизнь в новом качестве.

Все мои вещи, кроме книг, были разложены и развешаны в шкафу. На книги Пин

никогда не покушался, считая, что к домашнему хозяйству они отношения не имеют. Правильная точка зрения. Но вот место для них он приготовил, соорудив в простенке стеллаж из подручных материалов. Не знаю, где взял доски, но восемь полноценных полок ждали своей ноши.

Еще на столе лежал листок, безжалостно выданный из моей записной книжки, а на нем был обещанный домовым список.

Ого! Обои на мой вкус, клей, побелка, доски... ну точно, маленький хозяин не вынес ужаса местного существования и замахнулся на полноценный ремонт. Только... Я не уверена, что мы тут надолго задержимся. Пока что деревянный свисток лежит у меня под подушкой, но, мне кажется, очень скоро он снова окажется в чемодане.

* * *

До позднего вечера я разбирала и ставила на стеллаж книги, заодно делая пометки и закладки. Даже если готовить новый курс для студентов я начну только завтра, думать о нем уже сегодня мне никто не запретит. В общем, так увлеклась, что пропустила ужин.

Я не привыкла ложиться спать голодной и решила поужинать остатками обеда, благо порции были рассчитаны не на девушку — малоежку, а на здоровых мужиков вроде того же ректора или Конрада. Заметив такое дело, Пин снова вылез и заявил, что не стоит есть эту отраву. Есть хлеб, сахар и чай, хватит на сегодня. Спорить с домовым я не стала. Ему лучше знать.

Когда же я стала стелить постель, вздыхая по оставшемуся в Элидиане одеялу, он вылез и спросил:

— Хозяйка, тебя обидели?

— Нет, с чего ты взял?

— Мет сказал, домовый госпожи Лауры.

Не знаю, кто такая госпожа Лаура, но скорее всего ведьма. Это их домовые считают не хозяйками, а господами.

Оказалось, я угадала. Госпожа Лаура оказалась главной целительницей и, естественно, ведьмой. Как она могла узнать, что эти придурки пьяные меня обидели, я так и не поняла. Предположим, в окно видела, как я из административного корпуса выбегала... ну и что? Может вспомнила, что дома горячий утюг оставила.

Задала этот вопрос Пину. Он как-то весь скрючился, а затем робко спросил:

— Хозяйка, ты никому не скажешь?

— Никому, чем хочешь поклянусь...

Кому я что могу сказать, если никого тут не знаю и никому не доверяю? Мой домовый успокоился и сообщил:

— Это наш самый большой секрет. Вообще-то ведьма может велеть своему домовому узнать, что происходило в доме.... А домовые могут спросить у вещей.

Спросить у вещей? Здорово. Маги так сделать не способны. У домовых какая-то своя, особая магия.

— Но административный корпус...

Пин посмотрел на меня своими глазками — бусинками как на тупую корову.

— Хозяйка, вся школа — один дом. Если ты хочешь узнать, что те, кто тебя обидел,

сказали, когда ты ушла, я могу тебе показать... Но... Ведьма может мне приказать, а ты...

— Дай угадаю. Вежливо попросить?

Пин радостно закивал, так, что, казалось, у него сейчас голова оторвется.

— И чем-нибудь вкусненьким угостить.

Ага, а у меня пустой хлеб и чай. Есть, правда, баночка варенья, Соль с собой положила... Но мне оно самой нужно.

— Тогда давай до завтра. Завтра я съезжу в город и привезу всяких припасов. А чего бы ты хотел в качестве вкусненького?

Пин запрыгал на месте и весело захлопал в ладошки.

— Сливочную тянучку. Обожаю сливочные тянучки. И леденец на палочке.

* * *

С закупками пришлось повременить.

Утром я открыла глаза и сразу же в ужасе их закрыла. Решила, что спятила на нервной почве или в связи с отсутствием личной жизни у меня эротические видения начались...

Посудите сами: прямо в спальне напротив моей постели на табуретке устроился ректор. Не такой, как вчера: элегантный, подтянутый, чисто выбритый и, как я и полагала, восхитительно красивый. Сидел и глазел на меня спящую.

Он заметил, что я уже не сплю, потому что сказал:

— Дорогая, хватит прикидываться спящей. Я тут уже полчаса жду твоего пробуждения.

Значит все-таки не сон и не галлюцинация. Я натянула одеяло повыше и раскрыла глаза пошире. Он только того и ждал.

— Отлично. Как тебя там, Марта? Я пришел извиниться и поговорить.

Сидит, зараза, и пялится на меня в постели и улыбается. Хорошо, что я ночную рубашку надеть догадалась, а под утро стало прохладно и я натянула одеяло на себя. Не хватало еще, чтобы он на мою голую задницу любовался с той же наглой улыбочкой.

Он меня что, смутит вздумал? Знаю я этот фокус. Вопрется такой и будет на тебя глазеть, а ты будешь бояться из-под одеяла вылезти. Будь я чуть помоложе или невинной девушкой, сейчас уже дала бы слабинку и согласилась на что угодно, лишь бы этот тип ушел и дал мне привести себя в надлежащий вид. Но если он на это рассчитывал, то просчитался. Если сразу не уйдет, встану и вытолкаю за дверь. Но пока попробую убедить по — хорошему.

— Господин ар Арвиль, вам никто никогда не говорил, что врываться в спальню к малознакомым девушкам неприлично? Если хотите поговорить, выйдите из моей спальни и подождите меня в гостиной.

Гад не тронулся с места, только нахально усмехнулся.

— Конрад говорил, что в тебя, детка, отсутствует инстинкт самосохранения, но я не верил. А теперь убедился, что он прав. Ты меня совсем не боишься?

Я распахнула глаза пошире и выдала самую ядовитую улыбку, на какую была способна.

— А должна?

Тут уже он смутился.

— Я все же ректор, значит, твой начальник. Если этого мало, я еще и маг неслабый. В прошлом боевой. Ну как?

Я села на кровати и пожалала плечами.

— Не очень. Убивать вы меня не будете, самому дороже встанет. А начальник... Когда я выйду на работу, тогда это будет верное высказывание. А пока... В моей спальне я главная.

— Вот как! Ну что же, госпожа Марта, не припомню фамилии, я, пожалуй, подожду в гостиной. Только собирайтесь поскорее, не заставляйте ждать.

Он поднялся и вышел. Из-под кровати показался Пин и зашептал:

— Хозяйка, хозяйка, иди в ванную. Я тебе там все приготовил.

Действительно, в ванной меня ждало белье и платье. Пин не только выгладил и разложил мою одежду, но и ванну налил. Я быстро ополоснулась, оделась, разобрала руками ставшие влажными волосы (с моими бешеными кудрями их расческой только в облако и превратишь), но скручивать их на затылке не стала, пусть хоть просохнут немного. Нелепо буду выглядеть перед ректором? Плевать. Мне так и так здесь не рады, так зачем стараться?

В гостиной меня ждал ректор. Сидел на стуле и болтал ногой, одновременно выстукивая пальцами на столе какой-то замысловатый ритм. Увидел меня и оживился:

— Марта...э — эээ...?

— Аспен. Марта Аспен. Хотите, я вам на бумажке напишу?

— Не надо, я запомню. Просто не расслышал в первый раз. А мое имя тебе, как я понимаю, известно.

— Конечно, в контракте черным по белому написано: Рихард ар Арвиль.

— Хотел уточнить. Ты сказала Конраду, что не имешь и грана магии. Это верно?

— Абсолютно.

Он картинным жестом воздел руки к потолку и завел глаза туда же:

— Так это правда, что ты не ведьма? Боги, за что мне это?

— Может, за все хорошее? — поинтересовалась я.

Два года преподавательской деятельности даже из робкой девочки сделают бойкую особу, способную отбрить в любой момент. А я была нудной, упертой, какой угодно, но не робкой. Так что за словом в карман не лезла никогда. Мой вопрос пришелся к месту, ректор тут же перестал ломать комедию и воззрился на меня.

— Где вас, таких язв, делают?

— Наверное, там же, где и великих магов: мамы родят. И давайте уже прекращать балаган. Вы пришли ко мне поговорить, господин ар Арвиль, так говорите, я вас слушаю. Извините, угостить пока ничем не могу, так что придется беседовать без чая с ватрушками.

Он, видно, спланировал наш разговор заранее, а я ему все поломала. Не дала разыграть выгодную для него пьесу. Заготовок на такой случай он не делал, понадеялся на авось, и теперь лихорадочно думал, как со мной себя вести. Надо сказать, внешность ректор имел в высшей степени выразительную. Сейчас все его мысли можно было прочесть на лбу крупными буквами. Как обвести эту несносную девку вокруг пальца? Что ей соврать? Или лучше сказать правду и гори оно синим огнем? Так сидел он минуты две, продолжая постукивать по столу костяшками пальцев.

Наконец перестал бороться с собой и решил сказать мне все как есть. Это я заключила из того, что на лице ар Арвиля изобразилось облегчение. Правду-то говорить гораздо легче и приятнее, чем придумывать и бояться, что тебя в любой момент поймают на нестыковках.

— Хорошо, госпожа Аспен, давайте поговорим как взрослые люди.

Ага, а до этого был театр для малолеток. А для особой серьезности он стал вдруг меня на «вы» величать.

— Вы должны были заметить, в какую страну прибыли.

Еще бы я не заметила! Глаза у меня есть.

— Так вот, подумайте, нужны ли здесь ваши знания. И не торопитесь отвечать, послушайте лучше меня. Много веков Шимасса коснела в невежестве. Маги здесь были в положении чуть лучше, чем скотина в стойле. Их учили, но уровень здешнего магического образования едва ли не ниже, чем у деревенских знахарей. Наше учебное заведение называется громко «Высшая Школа Магии». На самом деле это что-то вроде училища, откуда выпускают ремесленников. Уровень выпускников... В Элидиане с таким в университет принимают. Шимасса формально входит в Девятку, но только формально. Здешние маги не платят налог на содержание Совета, за них это делает государство, которое не позволяет своим гражданам — магам получать хорошие деньги за свое искусство. Но и собственных магистров, которые были бы по умолчанию Валариэтанскими гражданами, тут практически нет.

Я сразу поняла, что попала в дыру, но даже не представляла, в какую.

— Отец нынешнего короля столкнулся с неудовлетворительным уровнем магического образования, когда решил пойти войной на одно из вольных княжеств. Маленькое княжество победило военную машину Шимассы. Обучавшиеся в Кортальской Академии маги разнесли ее войска в пух и прах. Здешним магам нечего было противопоставить новейшим военным разработкам.

Еще бы! Современная боевая магия — это вам не огненные шарики, это сложнейшие заклинания, действующие на большом протяжении и требующие сложных расчетов.

— Если ты хоть раз проехала по здешним улицам, то должна была заметить: везде полно людей в форме. Армия — это то, что здесь является чем-то вроде народного божества. Большая часть налогов идет на ее содержание, все женщины мечтают выйти замуж за военного: это честь и деньги. Все маги и ведьмы — военнообязанные, по приказу каждый должен встать в строй. Но это не помогло, когда архаичная махина пришла в соприкосновение с силой современной магической мысли. Здешние маги — боевики только и могут, что огненными шарами бросаться, а против них уже давно найдены средства.

Ага, все на военной службе, а думать головой и придумывать новое некому.

— В этом конфликте Совет магов в Валариэтане взял сторону откровенно слабого княжества и показал, как магическая наука одерживает решительную победу.

Я что-то такое читала, но не помню где. Может, в газете у папы?

— После позорного поражения, которое внутри страны было выдано едва ли не за победу, король Ставр VIII решил провести в стране преобразование, чтобы избежать таких ситуаций в будущем. Но приступил он к реформам робко, чтобы не разозлить традиционалистов, которых везде хватает, а уж в Шимассе они составляют подавляющее большинство.

Давно пора было. Но... я не вижу результатов.

— Он пригласил нескольких известных ученых и магов из других стран приехать и наладить образование. Надо сказать, с обычными людскими науками вышло лучше, чем с магическими. Сейчас университет в Сармионе приближается по качеству образования к университетам Мангры или моего родного Гремона.

Ага, я угадала. Он гремонец.

— До Элидианы или Кортала ему все еще как до неба, но это уже не такое позорище, как было раньше. А вот с магическими науками вышло плохо. Никто из тех, кого пригласил король Ставр, не смог организовать процесс так, чтобы вышел толк. Сильные маги из той же

Элидианы приехали, потоптались, не получили привычных им удобств и условий для работы, и уехали обратно.

Если их после Элидианского комфорта заселили в эти клоповники, ничего удивительного в этом нет.

— Самое умное, что сделал король Ставр, это послал своего сына учиться в Элидиану. Тот закончил там как обычный университет, так и магический. Принц Горан имел слабый дар, но все же прошел курс наук. Ему, как принцу, делали послабление, обычный студент давно бы вылетел из-за недостаточности резерва. В результате кроме нескольких бытовых заклинаний он ничего не освоил, зато получил фундаментальные знания и обзавелся связями.

А вот это действительно умно. Только вместе с принцем надо было посылать и детей высших сановников, чтобы у парня была своя команда.

— Когда два года назад король Ставр умер, Горан вступил на престол, полный вынесенных из стен университетов идей и радужных надежд, и приступил к реформам.

Тут я не выдержала, спросила:

— И что?

— Да ничего пока. В смысле ничего хорошего. Передовых людей, тех кто видит необходимость изменений, в королевстве раз — два и обчелся. Король пригласил несколько специалистов из той же Элидианы, чтобы помогли жизнь наладить, но все их инициативы вязнут в Государственном Совете.

Про Государственный совет я еще не слышала, надо выяснить, что это за гадость такая и как она может повлиять на мою жизнь. Арвиль между тем заговорил наконец о Школе.

— В Высшей Школе Магии из приглашенных магов к воцарению Горана XIV осталась всего парочка, к сожалению это те, кто отлично вписался в здешнюю систему и ничего менять не желает.

— А вы?

— Меня Горан пригласил год назад. Догадался: позвал не тех, у которых и так все было отлично, а тех, кто не вписался в другие системы. Я архимаг, работал в Научном Центре в Валариэтане, но..., он поморщился, как от несильной, но неприятной боли, — В общем, карьеры мне там было не видать. С Гораном познакомился, когда он еще учился в Элидиане, а я туда приезжал по делам. Когда он предложил набрать команду и реформировать здешнее магическое образование, я обрадовался, как дурак. Пригласил сильных специалистов, отличных магов и моих друзей. Приехало нас восемь человек. Скольких ты видела вчера?

— С вами троих.

— Вот. Только трое остались. Остальные разбежались, не выдержали. Болото. Вязкое, бессмысленное болото. Сколько ни бьешься, в нем все тонет. За год не сделано НИЧЕГО! Пойми, Марта, ничего абсолютно! Мы не сдвинулись ни на шаг! Ты думаешь, мы тут все такие пьяницы, пьем не просыхая?! Просто вчера собрались после отпуска и подвели итоги.

Он что, хвастается, что ничего не сделал? Или жалуется? И то, и то мне не симпатично. Не по — мужски. Но надо подать ему реплику, иначе он тут так и будет разводить жалобы и посыпать голову пеплом.

— Они вам не понравились. Я поняла.

И тут он на меня набросился. Конечно, в переносном смысле. Но мне хватило.

— А раз поняла, что ты вообще здесь делаешь? Не поняла что ли? Ты тут абсолютно никому не нужна! Иди, девочка, Зорко даст тебе карету, езжай в город, порталы работают. Я

даже оплачу тебе возвращение и на дорогу денег выдам... Куда ты хочешь?

Эх, как бы я хотела последовать этому доброму совету. Но...

— Ничего не выйдет, господин ректор. Это абсолютно невозможно. Вы читали мой контракт?

— Нет, а что?

— Если вы желаете его расторгнуть в одностороннем порядке без уважительных причин, извольте выплатить мне жалованье за неотработанные три года в пятикратном размере.

У мужика челюсть упала и об пол стукнулась. Если бы я ему заявила, что я демиург, который создал этот мир, он и то бы меньше удивился.

— Как?

Я достала из саквояжа контракт и протянула ар Арвилю.

— Пятая страница. Условия досрочного расторжения.

Бедняга не поленился, прочитал и за голову схватился.

— За что мне это все?! И кто вообще такое придумал: присылать сюда девицу без капли магии преподавателем? Что я с тобой делать буду?

И кого он спрашивает? Меня? А я знаю?

— Наверное, то же, что со мной делали в Элидиане: вставьте мои занятия в общее расписание.

— На фиг этим идиотам твоя теоретическая магия?! Ты об этом подумала? Они простейших заклинаний осилить не могут! Я бы тебя сию минуту домой отослал, но твой контракт! Казна не выдержит такой траты! Надо же было подписать такое! И кто это вообще удумал?

Ну, если это не самый правильный момент для того, чтобы заложить моих врагов, тогда я чайник!

— Кто удумал составить такой контракт, точно не знаю. Но не я. А кто решил меня сюда послать, сказать могу: архимаг Бальтазар вкупе с магистром Агенором. Знаете таких?

Ректор вскочил и заметался по комнате.

— Сволочи!

— Исчерпывающая характеристика.

Внезапно он остановился, посмотрел на меня уже спокойным взглядом и выдал:

— Представляешь, он мне написал, что посылает самого ценного своего сотрудника. Буквально от сердца отрывает. Сегодня утром письмо пришло. Ну, раз от тебя просто так не отделаться, пошли завтракать. Все равно у тебя еды нет, сама сказала.

Я покорно встала и поплелась за ним в столовую для преподавателей. Заодно хоть разузнаю, где она находится. Хоть пользоваться я ею не собираюсь, но такие сведения не повредят.

Столовые всех сортов располагались в отдельном двухэтажном здании. Внизу — для студентов, наверху — для преподавателей и вспомогательного состава. Пахло... Неправильно пахло от этой столовой. Место, в котором готовят пищу, так пахнуть не должно.

Ар Арвиль усадил меня за свой ректорский стол. Он стоял на небольшом возвышении в углу общего зала и, в отличие от других был сервирован заранее. Тут же к нам подлетела хорошенькая барышня в кружевной наколке. Глянула на меня как на пустое место и проворковала:

— Ах, господин ректор... Что желаете?

— Завтрак для меня и нашей новой сотрудницы. Немедленно. Мы спешим.

Интересно, куда?

Барышня улетела, а через минуту появилась с едой, но уже не она, а давешняя буфетчица. На завтрак полагались каша и яичница. Простые блюда. Которые надо ухитриться испортить. Но каша подгорела, есть ее было невозможно. Я с трудом запихнула в себя яичницу. Она была нормальная, но запах горелого отбивал аппетит начисто. Ар Арвиль, сидя напротив, давился кашей. Так и не поняла, что он этим хотел сказать.

Примирили меня с жизнью булочки, которые подали к чаю. Пышные, сдобные, их явно пекли где-то в другом месте, а сюда просто доставили.

Когда я прожевала последний кусочек и допила чай, ректор продолжил наш разговор.

— Марта, объясни мне просто и понятно, зачем нужна твоя теоретическая магия? Что это вообще такое? Когда я учился, у нас была общая теория магии. Самый нелюбимый предмет, потому что бесполезный. Хождение вокруг да около без всякого толка.

Отлично, что он это сказал сам! Я примерно так и планировала начать свое объяснение. Но сейчас я ему расскажу про другое. Вернее, спрошу.

— Скажите, а что у ваших студентов вызывает наибольшие затруднения? Какие разделы магии?

Арвиль задумался, потом заговорил:

— Зелья? Это трудный раздел, но тут все от старательности зависит. О целительстве говорить не буду, сам в этом не силен. Если есть дар, то целитель выучится, а нет, тогда и говорить не о чем. Ну, с бытовыми все справляются так или иначе. Огненные шары и светильники тоже все делают без проблем. Тех, кто этого не может, не надо и учить. В общем, со стандартными заклинаниями все справляются. Но стоит им предложить что-то посложнее...

— Посложнее — это то, что связано с расчетами и вычислениями?

— Ну...да! Я вообще-то занимаюсь порталами, с ними в Шимассе полный провал. Не мне здесь просто некого учить! Порталы — это же сложнейшие расчеты, а эти дураки малограмотные...

Я нахально протянула руку и остановила изливания ректора, взяв его за запястье. Он посмотрел на меня совершенно бешеными глазами. Тут я его отпустила и заговорила медленно, ласково, как будто с душевнобольным:

— Теоретическая магия — это как раз то, чего ваши студенты делать не умеют. На самом деле это математика в применении к магии. Я не маг. Я математик. Научить их колдовать не могу, но легко могу научить делать вычисления, строить разные фигуры, рассчитывать углы и расстояния, ну, и многое другое.

Эти понятные слова вернули ректора на грешную землю и подарили ему осознание ситуации. Он заговорил заинтересованным тоном. Начал задавать вопросы один за другим, а я на них в том же темпе отвечала. С каждым моим словом глаза его горели ярче, а улыбка становилась шире.

— Ты можешь рассчитать портал?

— Последнее время я как раз этим и занималась.

Между прочим, три последних новых точки для стационарных порталов из столицы — это моя работа. но хвататься нехорошо.

— У кого работала?

— У Кассиуса, а до этого сотрудничала с Лоренцо Дантони.

— Понятно. Печатные статьи имеются?

— Несколько. Если хотите, могу дать почитать, они у меня в саквояже.

— Отлично, почитаю на досуге. Для меня расчеты делать сможешь?

— Запросто.

— А взвешенное расписание составить сумеешь? Так, чтобы ни преподаватели, ни студенты не зашивались?

— Задача на оптимизацию? Легко, если мне предоставят все вводные.

— А бухгалтерские бумажки? Ты в них что-нибудь понимаешь?

Бухгалтерию я изучала еще дома, под маминым руководством. Она считала, что такое знание никогда не будет лишним. Поэтому ответила:

— Кое-что смыслю. Не очень много.

Ар Арвиль на минуту довольный откинулся на спинку стула, а затем вскочил.

— Отлично! Ну что ж, госпожа Марта Аспен, добро пожаловать в наш не слишком дружный коллектив! Пойдем в ректорат, я подпишу все нужные бумажонки и покажу тебе твой кабинет!

Ни фига себе переход! То «уезжай», а теперь «покажу твой кабинет»!

— Мой кабинет?

— Ну да! Ты у нас теперь проректор по учебной работе! И пусть все эти бездельники усрутся!

Ой! Мне кажется, здесь кто-то только что сошел с ума, и я очень надеюсь, что это не я.

* * *

Смотреть мой новый кабинет мы не пошли. Знаю я, чем это все кончилось бы. Запрягут с самой первой минуты, даже на сон времени не останется. А я хочу хотя бы возвращаться в уютную квартирку, если уж ничего другого мне не светит. Поэтому сказала ректору:

— Замечательно. Но давайте не будем торопиться.

— Ты отказываешься?

— Нет. Но я только вчера приехала и еще не обжилась.

— Неправда, у тебя так чисто и уютно... Небось, вчера весь день квартиру надраивала. Отлично получилось.

Я не стала ему объяснять про домового, магам такое лучше не говорить. Сказала просто:

— Я собиралась впопыхах и многое забыла, а кое-что надеялась купить на новом месте. Так что, пока я не начала плотно заниматься делами Школы, хотелось бы съездить в здешнюю столицу и все нужное приобрести.

Маг тут же перестроился:

— Уговорила. Иди пока к себе. Сейчас я велю Зорко выделить тебе карету и сопровождающего.

— Зачем сопровождающий? Я...

— Положено. Женщине, особенно молодой, не стоит разгуливать по Сармиону без сопровождающего, опасно. Так что я скажу Зорко. Съездишь, а я пока подберу тебе все материалы, чтобы ты смогла сразу приступить к делу и скажу уборщице, чтобы привела кабинет в порядок. Вернешься — приходи в ректорат, все будет готово. — Хорошо.

Он внезапно смутился, опустил глаза и заговорил несколько неуверенным тоном.

— И еще... Твои платья, они очень миленькие, но здесь так не ходят. На территории Школы — пожалуйста, слова никто не скажет, но в городе... Погоди, я с Зорко тебе пришлю мантию. Магам положено в мантиях ходить. Пусть ты не маг, но так сразу будет понятно, что ты работаешь в Школе и за тебя есть кому вступиться.

Я не стала возражать. Если здесь такие порядки, проще их принять. Ар Арвиль понял, что бороться за свои права носить что мне нравится, я не собираюсь, и повеселел. Добавил оживленно:

— К тому же они широкие, просторные, в них не так жарко. И волосы... Мне очень нравятся твои золотистые кудряшки, но можно их как-то спрятать? Шарф там, платок... Светлый, от солнца.

Хочет все смягчить и подсластить пиллюлю. Не стоит. И здесь мои кудри не ко двору пришлись. А я уж размечталась, какую из них прическу сооружу. Ну ладно, белый газовый шарф у меня где-то был, если его Пин еще к делу не пристроил. Повяжу сверху.

— И последнее. Денег надо?

Первым порывом было гордо отказаться, но потом... Я прикинула... Если делать ремонт, то надо. Не могу же я все свои сбережения ухлопать на помещение, которое мне не принадлежит?

Сказала:

— Я хотела бы кое-что улучшить в той квартире, куда меня поселили.

Думала, ректор возразит, что и так все отлично, но он согласился:

— Понял. Будешь покупать стройматериалы и нанимать рабочих, наличных не давай. Подписывай заказ и вели им счета направлять прямо мне.

Ого, как он обрадовался, что можно административную часть на меня спихнуть! Готов даже ремонт квартиры оплатить.

Вернувшись в квартиру, я скрутила волосы в узел на затылке и лихорадочно принялась искать шарф. Успела вовремя. Пин как раз на него нацелился. Он пытался объяснить, что шарфик ему необходим, но тут в дверь постучали и ему пришлось скрыться. Появился давешний амбал с пакетом в руках.

— Это, барышня, вам от ректора. И спускайтесь, карета ждет.

В пакете оказалась мантия. В Элидиане я ее не носила, хотя и преподаватели, и студенты обязаны были это делать. Но это маги, это их исконная форма одежды. Каждый факультет носил мантию своего цвета, а маги рядились в соответствии с какими-то мне неизвестными правилами. Например, зельевары одевались в коричневое, некроманты в черное, ведьмы в красное, целители в белое. Магистр Кассиус носил мантию василькового цвета и я себе для работы сшила платья из такой же ткани. Очень милые, между прочим.

Мантия, которую прислал ар Арвиль, была небесно — голубая из легкого, блестящего, струящегося шелка. Мне она была великовата, но тот, кто не носил мантий, никогда бы об этом не догадался. В сочетании с белым шарфом на голове все это выглядело если не милым, то приемлемым даже по моим понятиям. Вот только платье придется снять, оставить одно белье, а то я сварюсь заживо.

Приведя себя в порядок, вышла из здания. Карета с давешним кучером на козлах стояла прямо перед подъездом. Амбала на запятках не было, зато у дверцы меня ждал старый Зорко.

— Барышня Марта, — приветствовал он меня, — Рад видеть в добром здравии. Говорят,

вы с места в карьер угодили в начальство?

— Да уж, — вздохнула я, — господин ректор почему-то решил, что я подойду на должность его заместителя.

— Не бойтесь, справитесь. По крайней мере будете не хуже прошлого проректора.

Из его слов следует заключить, что хуже просто некуда. Я одарила старика широкой улыбкой и перевела разговор..

— Вы решили меня проводить?

— Нет, я решил съездить с вами. Покажу вам город, помогу с покупками, заодно и кое — какие свои дела сделаю.

Он подтолкнул меня к карете. Я живо села, он забрался следом за мной, закрыл дверь и крикнул вознице:

— Трогай!

Затем стал объяснять, почему Школа находится так далеко за городом. Потому же, почему и везде. Обыватели боятся магов и хотят быть от них подальше. А магам нужен простор для их экспериментов. В Элидиане было то же самое, только город давно разросся настолько, что поглотил территорию университета.

Но здесь это произойдет не скоро. Три полноценных лиги — приличное расстояние.

Потом Зорко стал мне рассказывать про свою карьеру. Был он военным, служить начал с самых низов, дослужился до полковника, но по возрасту вышел в отставку. Жены и детей у него нет, сидеть просто так, ничего не делать, он не привык, вот и нанялся комендантом в школу к магам.

Свою работу и ситуацию в школе описал одним словом:

— Бардак!

И объяснил свою позицию:

— Никто ничего не знает, ни от кого толка не добьешься, все без дела болтаются, деньги не пойми куда летят, даже расписание не соблюдается.

Решила спросить:

— Это при ректоре ар Арвиле так стало?

Бедный старик махнул рукой.

— Э, при старом было еще хуже. Господин ректор хоть что-то пытался изменить, и не его вина. Что у него ничего не получилось. Все палки в колеса ставят. Им нравится деньги получать, а работать никто не любит. Преподаватели манкируют своими обязанностями, а студенты и рады. Бездельники! Раздолбаи!

Знакомая песня. Я попросила Зорко обрисовать круг его обязанностей. Что такое комендант в здешнем понимании? Оказалось, он тут что-то вроде прислуги за все. Решает лично все вопросы, которые не касаются непосредственно обучения.

Странно это. В моем родном университете были коменданты мужского и женского общежитий, дядюшка Генрих и госпожа Феферкухен или «Ядовитая жаба». По именам можно понять, как мы к ним относились. Они следили за порядком в общежитии (чтобы мальчики не лазили к девочкам в окна) и отвечали за материальную часть.

Кроме момента поселения к ним надо было обращаться в двух случаях: если понадобился какой-то хозяйственный предмет (кружка, ложка, стул, стол, одеяло) или захотелось организовать вечеринку. А если ты что-то натворил, они появлялись без зова. Но дисциплиной вне общежития они не ведали, для этого был проректор по воспитательной работе. А в учебных и административных корпусах всем заправлял завхоз господин Шнютте.

В Элидиане система была такая же. А тут всё подряд на одного старика сгрузили. Ему лично подчинялись все вспомогательные службы вплоть до охраны, но это только звучало красиво. Было ясно, что он во все вынужден влезать самолично, но разорваться на тысячу частей и быть одновременно в тысяче мест еще никому не удавалось. А маги-то что делают, если даже учебный процесс до сих пор не наладили?

— Господин Зорко, а как же маги? Вот например: кто ведает магической безопасностью?

Тут старик расплылся в улыбке и с огромным уважением произнес:

— А для этого у нас господин Конрад имеется. Такое счастье, что господин ректор его уговорил не уезжать. Без него наша Школа уже давно бы взлетела на воздух.

Ага, ну хоть про одного я узнала чем он занимается. Суровый брюнет — специалист по защитной магии. Очень хорошо. Думаю, мне пригодятся его таланты. Кстати, надо спросить, как с его разделом магии соотносятся математические методы. Может я тоже могу быть ему полезна. Союзники сейчас мне нужны как никогда.

Город появился неожиданно и мы прекратили общие разговоры. Теперь Зорко заставлял меня смотреть в окно и показывал то, что, по его мнению, мне могло бы пригодиться.

— Вон там рынок, где продают скот. Лучше в ту сторону не ходить, они и похищением людей не брезгают, а вы девушка симпатичная.

— В эту аптеку даже не суйтесь: жулики и обманщики. Продадут ослиную мочу вместо свинцовой примочки.

— Это одна из лучших книжных лавок в городе. Если даже у них нет нужного издания, можно заказать. Кстати, надо остановиться и забрать заказ господина Конрада.

— Вот на этом складе мы закупаем все ингредиенты для зелий, а вон в том магазине их продаем. Школа на этом зарабатывает. Остановимся, я заберу выручку за неделю.

Наконец он сообразил что-то и обратился ко мне:

— Барышня Марта, а что вы купить хотите?

Я протянула ему список, составленный Пином.

— Вот это. И еще продуктов. Я буду готовить себе сама.

Он понимающе ухмыльнулся:

— Не нравится, как у нас готовят?

— Ну, сегодня каша была подгоревшая, а от вчерашнего рагу у меня живот побаливал. Надеюсь, это случайность, но бережного...

— Согласен с вами, барышня. Жалко, мне, старому бобылю, никто домашнего не приготовит. Вот и мучаюсь. Ну, за продуктами на Зеленый рынок. Это недалеко.

Он постучал в окошко к кучеру и велел везти нас этот самый рынок.

Когда приехали, я поняла, откуда название. Не от того, чем там торговали. Просто на площади, на которой он располагался, у всех домов были зеленые ставни, а тенты над прилавками были полосатыми: бело — зелеными.

После всего, что я увидела в Шимасской столице, было боязно: а вдруг здешние продукты не такие, как дома? Невкусные? Но я напрасно волновалась. Удалось купить все высшего качества и за очень сходную цену, а со знакомой Зорко молочницей удалось договориться о поставках молока прямо в школу. Она обещала ежедневно присылать крынку молока, через день мисочку творога и через два дня на третий горшочек сливок, а платить я должна буду по счету раз в неделю, тут так принято.

Я думала, что с Зеленого рынка мы поедем покупать обои и доски, но старик вдруг

сообщил мне, что более всего я нуждаюсь в платье по местной моде. Так что сейчас мы едем к госпоже Мирке, она подберет что-нибудь подходящее.

Платья у меня в плане не было. Но когда я решительно отказалась, Зорко не стал меня слушать.

— Не спорьте, барышня Марта. Уж два-то платья купим обязательно. Не все же вам в четырех стенах сидеть, захочется выйти, тут они и пригодятся. И не думайте о цене. Ректор обещал оплатить.

Я оглядела окружающую толпу и должна была признать: как в своей одежде, так и в выданной мне мантии я слишком выделяюсь в толпе. Но носить такое убожество... Длинные балахоны, надетые на другие, еще более длинные балахоны самых унылых расцветок. Волосы убраны под платки, просто накинутые на голову и прижатые или плетеным обручем, или уродливой шляпой с узкими загнутыми вверх полями. Мой стиль ношения шарфа вызывал у встречных женщин интерес, смешанный с опасением.

Даже за деньги ректора я не желала носить ничего подобного. Может, у этой госпожи Мирки есть что-то посимпатичнее? Но сначала обои и краска! Если платье мне ни к чему, то ремонт необходим. Домовой с меня так просто не слезет.

Зорко смирился и велел кучеру отвезти нас на Соломенный рынок. Там продавали строительные материалы. И вот если с продуктами в Шимассе дело обстояло благополучно, то здесь меня ждало разочарование. Побелку купить удалось, белила тоже. Доски с грехом пополам тоже подобрали. Гвоздей купили целое ведро, клей для обоев нашли, а вот сами обои... Может, тут мода такая, но все они были или безумно аляповатые, или уныло — мрачные. Меня никакие душевные болезни не прельщали, а если постоянно любоваться на такое, можно заработать либо нечто маниакальное, либо глубокую депрессию. Наконец я нашла торговца, который продавал нечто светло — желтое, по выделке похожее на рогожку. Пусть Пин меня будет ругать, но я купила этих обоев сразу на обе комнаты. Лучше солнечный цвет соломы, чем мрак вон того серого в гусиную лапку или вот этого, густо — бордового с огромными черными цветами. Договорившись, что все мои покупки доставят в Школу без промедления, я дала себя уломать и мы поехали к госпоже Мирке.

Я полагала, что это будет портниха средней руки, но она обшивала местную знать. Конечно, не короля и его родных, но все же... На таких высотах я еще не бывала даже на родине.

В ее ателье были модели, каких я не видела на улицах и на рынке. В основе лежали те же многослойные балахоны, но тут они выглядели иначе. Красиво, нарядно и даже элегантно.

Госпожа Мирка вышла ко мне лично. Из уважения к ректору, как шепнул мне на ухо Зорко. Осмотрела сверху донизу пронзительным взглядом и выдала свой вердикт:

— Отличная фигура, стандартная. Сейчас что-нибудь подберем. Мантии тоже нужны?

Я решительно закивала. Удобство этой формы одежды для здешнего климата я успела оценить.

— Цвет? — требовательно спросила Мирка.

— Светлый, но не белый, я не целитель.

Она не стала уточнять мою специализацию и спрашивать, не ведьма ли я. Сказала с апломбом:

— С вашим цветом волос — голубой и песочный. Какой?

— Песочный. Он более практичный.

— Хорошо, я записываю: две мантии песочного цвета летние. Две зимние.

Погодите, тут есть зима?

Но моего замешательства никто не заметил, потому что Мирка продолжала командовать.

— Девочки, несите то персиковое платье, от которого отказалась графиня Врана, сиреневое, которое было на манекене, и бирюзовое новой модели.

Не поняла, чем новая модель отличается от старой, все три платья были в одном стиле. От того, что я видела на женщинах в городе, они отличались качеством ткани, чуть более приталенным силуэтом, приятным цветом и наличием вышивки по вороту и обшлагам. К каждому платью полагался свой, подходящий по цвету платок на голову.

Все три сели на меня отлично, ничего подгонять не пришлось. И чего тут вообще подгонять, если фасон не облегающий, а фигура у меня действительно стандартная?

Я замаялась, не зная, какое лучше выбрать. Но тут Зорко скомандовал госпоже Мирке нести бланк заказа: господин ректор оплатит все три. У меня уже душевных сил не было сопротивляться.

На обратном пути мы заехали в какую-то забегаловку, специализирующуюся на местной кухне, и отлично поели. Это Зорко удачно придумал. Оказывается, здесь вкусно готовят! Почему же в столовой Школы подают такую гадость? Может, надо сменить поваров? Или хотя бы одного, главного?!

Вернувшись в Школу, я первым делом проверила, как дела у домового. Стройматериалы ему уже привезли, так что я выгрузила продукты и сообщила, что у меня теперь новая должность и новый кабинет. Иду их осваивать, когда вернусь не знаю.

* * *

В административном корпусе меня уже ждали. В ректорском кабинете опять заседала все та же троица, для разнообразия трезвая. Только блондин, с которым меня пока не познакомили, являл миру признаки похмельного синдрома: отечную физиономию и мутноватый взор. Но мне он улыбался, как будто маму родную увидел. Ректор представил его:

— Профессор Астианакс Громмель, магистр — артефактор. Гений в своей области. Не пил бы — цены бы не было. А это, — он указал Громмелю на меня, — твое новое начальство, госпожа проректор по учебной части Марта Аспен.

Магистр вскочил со стула и отвесил мне церемонный поклон, явно шуточный. Затем сообщил:

— Мы все тут друзья — приятели, знакомы чуть ли не с детства. Дружной компанией сюда пришли, дружной компанией пытаемся руководить этой дурацкой школой. Если прелестная госпожа сможет навести тут хоть какой-то порядок, это будет просто замечательно. А вообще... Будем дружить.

Он сделал шаг вперед и протянул мне широкую ладонь.

— Асти. Зови меня просто Асти и на ты, когда студенты не видят.

Я пожалала протянутую руку и почему-то робко прошептала.

— Марта. Я Марта, и все.

— Ну и отлично, — обрадовался Громмель, — Тогда вот этот надутый индюк, — он

показал на ректора, — Рик, а тот унылый тип — Кон.

Палец пухлощекого блондина уперся в грудь ар Гериона.

— Ладно, весельчак, — оборвал его Конрад, — сейчас надутый индюк пойдет и покажет Марте ее новый кабинет, а ты для разнообразия займешься делом: изготовишь для нее ключи доступа. Унылый тип, так и быть, тебе поможет.

Мой кабинет оказался совсем рядом, вторая дверь слева от ректорского. Поменьше, чем у ар Арвиля, и стола там такого не было, но зато все стены были превращены в стеллажи, что мне показалось очень удобным. Стол не поражал ни размерами, ни декором, но мне подошел. При необходимости кресло отлично под него задвигалось, две большие тумбы с глубокими ящиками не мешали ногам.

В углу стоял еще один стол, на который кто-то (думаю, что знаю этого человека) свалил в беспорядке кучу папок, набитых бумагами. Я поняла, что мне как можно скорее придется все это разобрать, и пришла в ужас. Хотя... Моя мама всегда говорила: глаза страшат а руки делают. Плохо то, что я до сих пор не составила план своего собственного курса. С другой стороны, сначала надо понять, кому и когда я его буду читать. Первокурсникам? Вряд ли.

Демоны, да я же вообще не знаю, сколько лет тут учатся. Десять, как в Элидиане? Семь, как в моем универе? Спросила у ректора, тот посмотрел на меня с удивлением.

— Я думал, ты все это уже у Зорко выпросила. Шесть лет. Шесть лет тут учатся. Мало, знаю. Планирую постепенно сделать как в Кортале или Элидиане: десять. Но не сразу.

— А факультеты?

— Пока всего три. Целительский, боевой и общей магии. Зельевары у целителей, артефакторы у общих магов. Твой предмет, думаю, тоже там. Завтра соберем преподавателей, познакомишься, скажешь им тронную речь и дашь задания. Предупреждаю: делать они ничего не будут, но если задания не дать, еще и уважать не станут. Тебе и так туго придется, так что постарайся произвести солидное впечатление.

Ой, кажется, я попала. Влетела как кур в ощи́п. Есть у меня такое чувство, что божества подслушали мои бредни насчет личной жизни и решили поучить уму — разуму. Мол, какая тебе, дура, личная жизнь? Не для того ты на свет родилась. Работа. Работа и еще раз работа.

Если прикинуть объемы того, что предстоит сделать, у меня не будет времени даже лишний раз в туалет сходить, не то что шуры — муры крутить. Задачи стоят прямо-таки грандиозные, не для одной хрупкой девы, а для нескольких здоровых мужиков. Но все придется успевать лично мне. А куда теперь деваться?

* * *

Ректор ушел, а я села за стол. На нем ничего не было, кроме письменного прибора. Ну что ж, отлично. Люблю начинать с чистого листа.

Для начала составим план.

В ящике нашла бумагу и стала записывать.

Первым делом разузнать, чему конкретно тут учат и в каком порядке. Составить список кафедр и получить с них учебные планы. Если нет готовых на этот год, то пусть дадут прошлогодние, вряд ли они отличаются.

Список учащихся по курсам. И пусть скажут, где хранятся их личные дела, надо будет просмотреть на досуге. Не всех без разбору и не кого-то конкретно, а как они ведутся.

Заодно пойму, можно ли таким путем выявить проблемных студентов.

Встала, подошла к столу с бумагами, взяла верхнюю папку, раскрыла... И пошла снова к своему столу. Крупными буквами вписала в план новый пункт.

А теперь главное: привести все бумаги в единую систему! А то тут толпа демонов не только ногу, но и все рога себе пообломает! Неудивительно, что Зорко жалуется на бардак.

В первой же раскрытой мной папке лежали совершенно разнородные документы. Взыскание какому-то студенту, запрос на приобретение ингредиентов для зелий, список сотрудников, выезжающих со студентами на полевую практику, макет методички по управлению огненными заклинаниями и всякое другое, ни с чем не связанное.

Стола мне не хватит, это ясно. Хорошо, что полы чисто вымыты. Еще папки понадобятся. Где их взять? У Зорко. Клей, ножницы, бумага... Все это я видела в столе.

Когда часа через три ко мне пришли Конрад и Громмель (ну не могу я звать его Асти, а полное имя — Астианакс — не каждый выговорит), я сидела на полу с кипой листочков на коленях и раскладывала их сразу в двенадцать папок. Отдельно громоздилась куча того, что ни в одну из них не подходило. Маги еле дверь открыли: все пространство кабинета было занято.

Казалось, я устроила разгром, но это была видимость. Еще дня два, и тут будет идеальный порядок.

Маги с сомнением осмотрели поле моей деятельности, Громмель улыбнулся лукаво, а Конрад пожал плечами. Затем обратился ко мне:

— Марта, можно вас отвлечь на минуточку? Асти сделал для вас универсальный ключ от всех дверей. Чтобы он работал только в ваших руках, нужна...

Громмель влез с комментариями.

— Нужен заключительный аккорд. Капля крови, дорогая. Всего лишь капля твоей крови, и никто не сможет воспользоваться твоим ключом. Он откроет тебе любые двери, какие захочешь. Внутри Школы, естественно.

Решила уточнить:

— Такие есть у всех преподавателей?

— Обижает! Это знак твоей власти, милочка. Такие есть у Рика, у Кона, потому что он отвечает за безопасность, у Зорко, потому что он комендант, у Лауры, потому что она целительница, и у меня, потому что я их делаю. У остальных ключи не столь универсальные. Ну, давай же руку и покончим с этим.

Привычное дело: практически все амулеты, настроенные на личность, требуют капли крови. Так что я спокойно протянула ладонь Громмелю. Он вытащил из кармана металлический кругляш на цепочке, схватил меня за палец, уколол так быстро, что я даже не почувствовала боль, и капнул кровь прямо на металл.

Столько раз проходила через эти процедуру... Та же Соль много раз делала мне амулеты. Никогда не видела, чтобы кровь с шипением впитывалась в металл. Этот Громмель и впрямь силен. Или я чего-то не понимаю?

— Ну вот и все. Держи, — он сунул мне кругляш в руку, — Как действовать знаешь, надеюсь. На всех дверях есть для него место приложения. Суешь туда. Дверь открыта — закроешь, закрыта — откроешь. Все.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Громмель явно хотел задержаться и еще что-то мне поведать. Он уже открыл рот, но суровый Конрад взял его за шкирку и потащил на выход.

— Асти, давай не будем мешать Марте. Отдали ключ — и пошли.

Я мысленно его поблагодарила за то, что он увел Громмеля. Этот Асти милый, но слишком разговорчивый. Дверь хлопнула, оба мага исчезли в коридоре.

Я вернулась к своим листочкам, но что-то мешало. Ключ! Он все еще был зажат в ладони. Куда его? Повесить на шею? Цепочка длинная, но все равно, двери будет открывать неудобно. Карман? Я регулярно сую туда что-нибудь, так что может случайно вывалиться.

Э, пока повешу на шею, а потом прилажу булавку и пристегну цепочку к карману изнутри. Будет удобно и ключ не потеряется.

Когда еще через пару часов ректор пришел звать меня на ужин, я уже вчерне разобрала треть папок. Если так дальше пойдет, через два дня я буду иметь представление, что тут происходит. Возможно, удастся понять источник общего бардака.

Ар Арвиль опять отвел меня в столовую. Я принялась и сообщила, что так устала, так устала... Аппетита нет совершенно. Пойду к себе отдохну. На самом деле я подозревала, что Пин уже ждет меня с чем-то вкусненьким.

Так и было. В комнате царил разор, но на столе стоял на спиртовке чайник, в плетенке красовались пухлые булочки — розаны, в вазочке было варенье, творожок в креманке украшали ягоды. Все как я люблю.

Поела, сказала Пину спасибо, приняла ванну, легла спать. Полежала полчаса, встала, вытащила свои записи и села работать.

Ну что делать, если мысли так в голове и вертятся? Все равно не уснешь, так хоть польза будет.

Задумалась: а с какого курса мне начинать? В Элидиане я вела занятия у пятикурсников, но понимала, что основы математических знаний надо давать гораздо раньше. Желательно как только они попадают в универ. Тогда все выкладки магов лягут на твердую основу.

А если так и поступить? Тогда встает вопрос: что именно надо преподавать юным магам, чтобы они легче усваивали магические науки?

Начну с простейшей геометрии. Как что строить, как рассчитывать углы... Свойства треугольника и окружности им понадобятся обязательно, остальное тоже не помешает. Затем начала алгебры. Как решать задачи, составляя уравнения, и что с ними делать, когда составишь.

Ну и отлично. Наметки у меня уже есть, осталось написать план, составить методичку и размножить задачки по всем темам. Они, к счастью, у меня имеются. Сейчас придется все курсы учить одному и тому же. Это тоже хорошо, не для них для меня. Сейчас подготовлю программу для первого курса, а дам всем вплоть до шестого, на будущий год — программу второго, и так далее. Пусть растут постепенно. Те, кто только поступил, будут в выигрышном положении, они получают более фундаментальные знания, но это даже хорошо. Будет видна разница подходов. А там, глядишь, маги повернутся лицом к человеческой науке, а она повернется лицом к магии.

Волею судеб я оказалась первопроходцем. На сегодня я первая и единственная, что приятно. Но наука — не семейная жизнь. Быть в ней первой и единственной — тупиковый путь. Должны появиться последователи, и я только обрадуюсь, если меня обгонят. Это будет значить, что направление было выбрано верно.

С этими вдохновляющими мыслями я составила черновой план курса и даже подобрала по нескольким темам разделы из стабильных учебников. В нашем деле списывать не стыдно, надо только указать, откуда что взялось. Еще задачи из задачников... Если так пойдет, то за

время, оставшееся до начала занятий, у меня все будет готово.

Ой, еще же надо написать завтрашнюю тронную речь! Я совсем забыла!

Отложила любимую математику, достала чистый лист, взялась за перо и тут услышала:

— Хозяйка, кончай работать. Пора отдыхать.

— Пин, миленький, мне надо на завтра речь написать...

— Речь? Устно скажешь. Мол, спасибо за доверие, постараюсь оправдать, буду всем помогать и прошу вашей помощи. Что мы, речей не слышали? Я всю жизнь при университете, так уж наслушался и знаю, что сказать надо.

— Пин, дорогой мой, я так не запомню, позволь, я запишу, что ты сейчас сказал.

— Нет уж, ложись и спи. Если надо, я сам тебе напишу. А то с лица спала, глаза ввалились... Меня будут ругать что за хозяйкой не слежу!

Пока он ворчал, мое перо просто летало по бумаге, записывая возникавшие в голове фразы.

— Ну еще минуточку!

Но домовой был неумолим.

— Быстро в постель, кому сказал! А то сейчас свет погашу и возись тут впотьмах!

Пришлось ложиться. На этот раз я заснула, едва ухо дотянулось до подушки.

* * *

Когда утром я вышла к завтраку, то застала такую картину. На столе в сковородке шкворчал мой любимый омлет с сыром, кипел на спиртовке чайник, источали умопомрачительный запах свежего хлеба рогалики... А на стуле вальяжно развалился Астианакс Громмель и, кажется, был готов приняться за еду, не дожидаясь приглашения! Меня он в упор не видел.

Я от возмущения потеряла дар речи!

Спрашивать, как он сюда попал, было глупо. Он сам вручил мне ключ ото всех дверей и сообщил, что у него такой же. Это объясняло заодно как ректор вчера оказался в моей спальне.

Но вот ЧТО он тут делает? И пусть не уверяет, что позавтракать пришел. Он не мог знать, что домовой готовит мне еду.

Громмель между тем протянул наконец руку и схватил рогалик. Я откашлялась и ехидно спросила:

— Профессор Громмель? Я не помню, что рассылала приглашения на утреннюю трапезу.

Он испугался и рогалик уронил. Затем нервно рассмеялся, поднял его и откусил половину. С полным ртом ответил:

— Я пришел позвать тебя на завтрак, а тут вижу, все уже готово.

Получилось что-то вроде:

— А пишош пужвашь шебя жа завтраш, а шуш вижу вшо ужо гошово.

Затем проглотил и добавил:

— И зачем было врать, что ты не ведьма. Боишься что ли?

А — а-а — а-а! Сейчас стукну кого-то тяжелым по голове!

— Запомните раз и навсегда: я никогда не вру! Могу не договаривать, но не вру

никогда! Понятно?!

— Да ладно тебе... Ну спалилась, ну что теперь рычать на меня... Только у ведьм бывают свои домовые.

— Домовой?

Вот я прокололась так прокололась. Пойди теперь докажи обратное. Вот как этому магу все объяснить, особенно если я так и не знаю, зачем им чтобы я была ведьмой?!

Он мой вопрос понял по — своему.

— Ну, ты же не станешь утверждать, что сама вскочила ни свет ни заря, всю эту прелесть приготовила и опять легла?

— Нет, конечно. Но все не так, как кажется. Домовой мне в наследство от подруги достался. Вышла замуж, а в доме мужа свой домовый, ей пришлось этого мне оставить. Вот она ведьма. Соледад Каванис.

Зачем я к объяснению прибавила имя подруги, ума не приложу. Наверное для убедительности. Но реакция Громмеля была неожиданной. Он завопил:

— Соль? Ты подруга Соль? Ох и ни фиги себе мир тесен!

Удивил так удивил!

— Вы ее знаете?

— Мы с ней вместе учились. И хватит мне выкать! Или ты этим хочешь сказать, что не рада меня видеть?

Манипулятор хренов! Хочет, чтобы я чувствовала себя виноватой да еще и оправдывалась? Обойдется!

— Именно. Я ничего не имею против гостей, когда их сама приглашаю.

Думала, блондинчик обидится. Ничуть не бывало.

— И ты хочешь сожрать всю эту роскошь в одиночку? Ты же лопнешь, дорогая! Я обязан спасти тебя от такой печальной участи!

И он потянулся за следующим рогаликом.

Ну как тут было не рассмеяться и не пригласить его разделить мою трапезу?! Тем более что он был прав: наготовленной Пином еды и на троих хватило бы с избытком.

Ел Асти быстро, пока я клала в рот одну ложечку, он глотал три. Так что и закончил все раньше, чем я налила себе чай. Осмотрелся и схватил листок бумаги, лежавший с краю.

— О, речь! Ты написала, не поленилась? Какая ответственная! Дай прочту, может, надо что-то поправить.

Я слегка оторопела. Ну Пин, хитрюга! Составил-таки! Я попыталась отнять бумажку у Асти, но он быстро вскочил и не позволил мне ею завладеть. Зато начал зачитывать вслух, комментируя.

— Дамы и Господа — Правильно, хорошее обращение — Разрешите мне — Им это должно понравиться — я не претендую на то, чтобы руководить, мое дело — помочь вам — Скромность — лучшее украшение девушки — и так далее, и тому подобное.

Речь и вправду получилась неплохой. Зная, как маги относятся к обычным людям, Пин правильно расставил акценты. Именно как он сказал: я скромно просила мне помочь и сама обещала ответную помощь. Намек на то, что маги слишком велики и значительны, чтобы заниматься администрированием, должен был им польстить. Пожалуй, ничего я тут менять не буду. Прочту как есть.

Громмель тоже одобрил:

— Хорошая речь. А ты умная, Марта. Умнее, чем я думал. Рик в тебе не ошибся. наших

так и надо: сначала по шерстке, а потом за шкуру, иначе толку не будет, я это всегда говорил, говорю и говорить буду.

С этими словами он подошел поближе и попытался чмокнуть меня в щеку. Я отстранилась. Похвала мне, конечно, была приятна, но не настолько, чтобы я от нее разум потеряла. К счастью, как я успела заметить, Громмель был не из обидчивых. Он продолжил свои рассуждения:

— Знаешь еще что? Когда ты к Рику первый раз пришла, на тебе платье было хорошенькое. Синенькое. Его надень. Ты в нем такая хрупкая и беззащитная. Им будет стыдно на тебя нападать.

Беззащитная, говоришь?! А вот это неглупо, ей — ей! Я со стороны себя не вижу, а в этом деле мнение мужчины, хоть и такого странного, как Асти, много значит. Одного не понимаю. Когда я в первый раз пришла к ректору, Громмель ко мне головы не повернул, все играл, как дитя, со своими божьими коровками. Как же он это заметил?

С большим трудом мне удалось выставить этого гениального раздолбая или раздобайского гения. Пришло время собираться и идти речь говорить.

Спрятавшийся на время визита мага Пин вылез и стал мне помогать. Из того, что он принес мне синее платье, я заключила, что он все слышал. Вот и отлично. Он, кажется, говорил, что может расспросить вещи? Попрошу его узнать, о чем болтали пьяные маги когда я ушла. Надо выяснить все же, почему они так хотят, чтобы я была ведьмой?

* * *

Мое выступление на общем собрании преподавателей нельзя было назвать триумфальным. Оно не было провальным, и на том спасибо. До этого я никогда не выступала публично, так что опыта у меня не имелось, опереться было не на что, да еще мне загодя сбили весь настрой.

Началось с того, что, когда я пришла в главный корпус, меня встретил ректор в окружении своих приятелей и представил даме, назвавшейся Лаурой.

Мне Лаура представлялась совершенно иначе. Ведьма с таким именем должна была выглядеть роскошно, элегантно, сногсшибательно! Быть загадочно красивой и сексуальной.

Ничего подобного! На вид Лауре было за пятьдесят, она выглядела не моложе моего папы. Невысокая, плотная, коренастая, с живым, подвижным, некрасивым, но приятным лицом, умными карими глазами и с буйной седеющей гривой волос, которую с трудом сдерживал целый лес шпилек. Славная такая тетенька, она мне с первого взгляда понравилась и продолжала нравиться, пока рот не раскрыла.

Ей меня церемонно представили, а она тут же выдала тираду:

— Что вы мне морочите голову! Ведьма, ведьма! Размечтались! Никакая она не ведьма. Обычная девушка. Молодая, здоровая, половозрелая. Не девственница, если это кого-то интересует.

Говорила она, даже не глядя, как будто меня тут не было. Я стояла как оплеванная. Меня обсудили даже не как человека, как товар на рынке, нацепили ярлык и ценник, а я должна радоваться и с энтузиазмом приниматься за работу.

Убью всех на фиг! Хотя... Кто еще кого убьет.

Когда после этого ректор вывел меня к народу, мне еле — еле сил хватило не убежать

сразу. Преподаватели собрались в актовом зале, который был для них великоват: занятыми оказались только два первых ряда. Ректор посадил меня рядом с собой и Конрадом за стол президиума и первым начал собрание. Поздравил с приближением нового учебного года, сказал пару слов о новом подходе к организации работы и, не говоря худого слова вытолкнул меня вперед, не забыв представить как Марту Аспен, нашего нового проректора по учебной части.

Я встала и для начала глупо хлопнула ртом, как вытасченный из воды карп. Вся речь давно из головы вон.

К счастью Пин обо мне позаботился. Положил-таки текст в кармашек. Конечно, читать по бумажке нехорошо, но в данном случае лучше, чем стоять молча, как столб. Я достала листочек, разгладила и начала зачитывать. На середине даже разошлась и говорила уже практически без бумажки, как бы от себя. Поднимала глаза и смотрела на своих будущих коллег, не видя никого. Закончив, глянула в зал уже осмысленно.

Там сидело человек тридцать. Все в мантиях, все маги. На первом ряду в самом центре расположилась Лаура, рядом с ней восседала еще одна дама. Вот она как раз и подходила под мое представление о ведьме. Не зная, кто есть кто, я была бы уверена, что Лаура — она. Высокая красивая блондинка смотрела на меня как на вошь. Надо сказать, остальные в основном смотрели так же. Восприняли меня как новый вспомогательный персонал.

Ну ничего, я им всем еще покажу! Строем ходить научатся!

Улыбнулась через силу:

— У кого есть вопросы?

Вальяжный пожилой господин в мантии фиолетового цвета кинул лениво:

— Милочка, а вы только административной работой будете заниматься?

— Нет, я еще буду преподавать теоретическую магию, — чуть не зарычала я.

Высокий бледный молодой человек во втором ряду удивленно поднял брови:

— Теорию магии? Обычно ее читает маг и иллюстрирует общие положения конкретными заклинаниями.

Хорошо, не успел меня спросить, ведьма ли я.

— Это не ко мне. Я буду учить студентов, как пользоваться математическим аппаратом в применении к магическим процессам. Расчеты, построения...

Вдруг оживился старый дедок в конце первого ряда и зашамкал:

— Да зачем это нужно? Никогда такого не было. Нашим студентам простых заклинаний хватает за глаза! Они и это освоить не могут!

Не стала ему отвечать, тем более что из другого угла вылез другой дедуля:

— Коллега, они потому и не могут, что дураки непросвещенные! Теория необходима! Пусть сначала хоть таблицу умножения выучат, тогда и пентаграммы строить научатся. Молодец, девочка! Учи этих кретинов! Может из них наконец толк выйдет.

Тут начался такой галдеж, что я машинально схватила лежавшую на столе указку, постучала по нему и прикрикнула на разошедшихся магов, как на студентов:

— А ну-ка тихо!

И стало тихо. Маги вдруг замолкли и с удивлением уставились на меня. Думаю, они просто онемели от моей наглости. В этой тишине вальяжный господин в фиолетовом поднял руки и размеренно изобразил парочку хлопков:

— Bravo, госпожа Аспен!

За ним неожиданно захлопали и все остальные.

Уф, кажется все не так плохо. Переходим к организационным вопросам.

— А теперь я хочу сделать объявление. Вчера я начала принимать дела. Прошу на это три дня. Через три дня жду вас у себя с учебными планами. Порядок приема можно будет узнать в ректорате. Учтите, кто раньше сдаст план, будет иметь преимущества при выборе аудитории. Расписание будет готово за пять дней до начала учебного года. На этом все.

Я поклонилась и села. Ар Арвиль зашептал мне прямо в ухо:

— Молодец, умница, так держать!

Громмель из-под стола показывал большой палец, таким образом выражая поддержку. Конрад ар Герион, сидевший рядом с ректором, перегнулся через него, на мгновение сжал мое запястье и отпустил. После этого мне стало немного легче.

* * *

Как только заседание закончилось, я рванула в свой кабинет и заперлась там. На попытки меня поздравить и как-то отвлечь, откликаться не стала. Я дала этим гордым магам три дня, а это очень мало времени. Нужно так много успеть!

Опять расселась на полу и продолжала разбирать папки.

Кажется, я уже втянулась. По сравнению со вчерашним, скорость работы значительно возросла. Во второй половине дня я закончила комплектовать ту дюжину, с которой начинала, убрала их на полку и раскрыла еще двенадцать. В них стала сортировать то, что у меня пока никуда не вошло. Поняла, что размахнулась. Десяти папок хватило за глаза. Через два часа после полуночи я с большим трудом и с чувством выполненного долга поднялась с пола. Первичный разбор завершен. Завтра начну разбирать получившиеся папки и вникать в содержимое.

В течение дня ко мне несколько раз стучались, кричали, звали то обедать, то просто к ректору. Я ни на что не реагировала. До меня добрался только Пин. Притащил сначала обед, а потом и ужин. Угрозами заставил съесть все до крошки. Я сначала сердилась, затем ела и благодарила. Без его помощи мне бы не справиться, дотянуть до полуночи на одном завтраке нереально.

Глубокой ночью выползла из кабинета и отправилась домой. На лестнице меня поджидал Конрад.

— Марта, наконец-то. Я уже собрался опять стучать.

— Вам что-то нужно?

Он подхватил меня под руку и поволок, приговаривая:

— Мне нужно, чтобы ты шла уже спать, неугомонная. Надорвешься — ничего хорошего из этого не получится. Режим питания и отдыха, это тебе о чем-то говорит?

— А какое мой режим имеет касательство к вам?

— Самое прямое. Я отвечаю за безопасность. В том числе и за твою. Если ты сляжешь это будет моя вина.

Говоря это, он быстро тащил меня сначала вниз по лестнице, затем по двору до входа общежитие. Я еле успевала перебирать ногами.

— Не гони лошадей, Марта, работай размеренно. Если ты боишься, что через три дня к тебе набегут толпы сдавать планы, то ошибаешься. Первые ласточки появятся день на пятый, не раньше.

— А вы... Вы тоже через пять дней..., — язык у меня от усталости заплетался.

Он усмехнулся.

— Я? Я хоть сейчас тебе свой план отдам. Готов давно. Но другие... Могу дать совет. Если кто план так и не предоставит, возьми в архиве прошлогодний. Будет то же самое. Вход в архив, кстати, прямо из твоего кабинета.

— Спасибо, — пискнула я, останавливаясь у собственной двери.

Ключ! Я приложила вынутый из кармана кругляш к двери и попрощалась с ар Героном:

— Спокойной ночи!

— Спокойной! Не надрывайся, девочка. Никто не оценит, поверь.

Повернулся и ушел к себе. Добрый дядя. Верю, что он говорит это, потому что жалеет меня. Но меня не надо жалеть! Я справлюсь!

Вошла, заперла за собой дверь, дотацилась до ванны и поняла: если в нее влезу — утону. Не сразу, сначала засну, потом захлебнусь. Так что умыла моську под струей воды и отрулила в спальню. Перед сном вспомнила:

— Пин!

— Хозяйка?

— Ты что-то говорил про то, что можешь вещи расспрашивать.

— Хотите узнать, что они о вас в ваше отсутствие говорили?

Тон такой нахальный! Но я же принесла ему тянучку и леденец! Пусть отработывает.

— Именно. В тот день, когда я только приехала. Другое время меня не интересует.

— Иди спать, хозяйка. Все тебе покажу, но только завтра. Сейчас тебе нужно спать.

Сколько у меня радетелей! Все хотят как лучше, все на путь истинный наставляют. Даже мелкий домовой, и тот жизни учит. Но он прав, сейчас я могу только заснуть.

* * *

Следующий день вышел более размеренным.

Для начала домовой сказал, что ремонт закончен. Я вчера настолько усталая была, что ничего не заметила, а тут встала и обошла всю квартиру, восхищаясь способностями и трудолюбием Пина. Убогое жилище преобразилось. Золотистые стены отражали солнечный свет и в комнатах становилось вдвое светлее. Мебель Пин выкрасил белой краской и расписал букетами цветов. Сразу стало чисто и нарядно. Он пристроил к делу все бесконечные вышивки и вязаные салфеточки, которые мне регулярно дарила мама. Вставленные в рамочки и повешенные на стенку вышивки смотрелись отлично, а из салфеточек домовой соорудил разноцветный чехол на диван. Спальню он преобразил в том же духе, только мебель выкрасил не в белый, а в синий цвет. Комнаты сразу перестали иметь казенный вид, а стали напоминать о сельском доме где-нибудь в Лиатене. Я выразила талантливому домовому свой восторг, а потом напомнила о том, что он мне вчера обещал.

Пин наотрез отказался мне что-либо показывать прямо сейчас. Сказал, что покажет только вечером. Это должно меня заставить прекратить работу вовремя, а не глубокой ночью. Пообещал принести обед в кабинет, а на ужин я должна явиться самостоятельно.

Что с ним делать? Не ссориться же! Я не в том положении. Это ведьмы могут приказывать домовым, я могу только просить. А он выполняет мои просьбы так, как сам

сочтет нужным. Кстати, это и к ведьминским приказам относится.

У входа в ректорат меня ожидал ар Арвиль. Поругал за то, что вчера не стала никому дверь открывать. Я показала, что успела сделать, и намекнула, что если бы открывала всем желающим, то ковырялась бы еще декаду. Он со вздохом согласился с моими доводами и пообещал два дня меня не трогать. Только познакомил со своим секретарем, который сегодня вышел из отпуска. Серьезный юноша в очках (почему ему целители зрение не исправили?) назвался Славеном и сообщил, что если мне что-то надо, я могу обращаться.

Технический персонал! Он мне очень — очень нужен! Сейчас я в каждой папке разложу бумажки по датам и смыслу, а он пусть составит опись и приклеит к обложке изнутри.

Серьезность и очки оказались чистой воды камуфляжем. Парень совсем не рвался трудиться. Увидев загоревшийся в моих глазах огонь, Славен испугался, но было поздно. Я его припахала по полной программе. Он страдальчески морщился, кротко внося в список все документы и ставя на листах номера, я же делала вид, что не вижу этого. Зато когда наступило время обеда и Пин принес еду, парень понял, что ему сегодня повезло. Мой домовый оказался на редкость ушлым. Откуда-то узнал, что у меня явился помощник, и притащил все в двойном размере.

Я старалась работать как можно быстрее. Перебирала листы, складывая их в логическом порядке, делала выписки, постепенно узнавая о Школе все больше, но все время на краю сознания маячила мысль о том, что ждет меня вечером. Пин правильно рассчитал, любопытство заставило меня закончить работу задолго до полуночи.

Славена я отпустила на два часа раньше, чем ушла сама. Под конец он совсем скуксился и еле водил пером. Из его стиля деятельности я сделала один важный вывод: здесь не привыкли работать, а предпочитают отбывать номер. Надо мне подыскать себе собственного секретаря, а лучше секретаршу.

* * *

Дойдя до своей квартиры, я выбросила текущие дела из головы и приготовилась узнать, что все же маги думают обо мне. Чего от них ждать и к чему готовиться.

Пин встретил меня телятиной в сухарях и сливочном соусе. Это напрягло.

Я уже заметила: чем вкуснее он кормит, тем хуже новости.

После ужина он достал небольшую вазочку и поставил передо мной на стол.

— Хозяйка, эта вазочка ничего не видела, так что показывать нечего. Зато она все слышала. Подойдет?

— Вполне.

— Тогда слушай.

Для начала я услышала собственный голос и грохот, с которым захлопнулась за мной дверь. Затем спокойный голос Конрада произнес:

— Поздравляю, Рик, мы с тобой обидели девочку.

— А что мы такого сказали?

— Шлюхой обозвали, вот что. Сообразил? А она сюда, между прочим, работать приехала. Молоденькая совсем ведьмочка.

Тут оживился Громмель, до сих пор бывший совершенно безучастным:

— Ведьмочка? А она ничего, хорошенькая. А откуда ты знаешь, что она ведьмочка?

— Ну не маг же... В ауре у нее магии я не заметил. Значит ведьма. А кто еще может работать преподавателем в магической школе? — Логично, — Это ар Арвиль, — Стоп, стоп, Кон, что ты?

— Протрезвляюсь. Надо пойти ее проводить, что ли. А то обидится и потом не будешь знать, на какой козе к ней подъехать.

Тут снова раздался грохот двери и удаляющийся топот ног. Ар Герион пошел меня провожать. В кабинете между тем разговор шел своим чередом.

— Ведмочка, — восторженно протянул Громмель, — Настоящая...Свободная... Рик, ты на нее претендуешь?

— А ты как думаешь?

— Она тебе понравилась?

— Она ничего, не уродина. Волосы красивые. Вон как Кон подхватился. Чуть не бегом побежал.

— Кон? У него же жена...

— Ты одно слово забыл: у него жена была. Сбежавшая баба — все равно что никакой. Наш друг свободен чуть меньше, чем мы с тобой. А для ведьмы это вообще ничего не значит. Леокадия, кстати, была ведьмой. Ты что, боишься конкуренции с его стороны?

— А ты нет?

— Брось, Асти. Кон не тот тип, от которого млеют юные девы. Мрачный зануда, да еще и некрасивый. Это мы с тобой знаем, какой он классный мужик, а на девушек Кон производит совсем другое впечатление.

— Но он-то за ней побежал, а ты нет.

— У меня ноги не ходят. А протрезвляться... Ой. Не люблю я этого, лучше естественным путем. Демоны..., — раздался шум, как будто что-то упало, — Всё, сегодня больше не пьем. И убери своих насекомых с моего ковра!

— Рик, ты не ответил, — обиженно запел Асти, — ты будешь претендовать?

— Буду! Успокоился?

— А я? Меня опять бортанут? Я тоже хочу ведьму!

— Асти, не зуди и пей поменьше. Кажется, красотке не понравилось, что мы напились. Ты забыл, что она сама должна выбрать? — он вдруг завыл, как вдова на похоронах мужа, — Блин, мы как отбивные у мясника: хозяйка ходит и выбирает: этот слишком жирен, этот тощ, этот староват, а этот вообще никуда не годится. Тошниловка! У нас отобрали инициативу! Мы не можем нормально бороться за женщину! А еще эта долбанная Шимасса, где все ведьмы расписаны с самого рождения! Свободных и нормальных раз — два и обчелся. Не Лауру же в постель тянуть, тем более что у нее уже есть постоянный мужчина! А Сильвия, та вообще!

Он не успел уточнить, что значит «Сильвия вообще». Громмель вдруг сказал мечтательно:

— У девочки очень аппетитная попка. И характер есть. Смелый, решительный! Как она вас, а?!

Это он про меня? Ах, поганец! Попка ему понравилась! Пусть и не мечтает, а тс получит в глаз!

— А ты и рад! Да, характер ведьминский налицо. Эх, жаль, что она нас в таком непотребном виде застала. Теперь ходи, уговаривай, что мы не такие.

Снова раздалась шаги, стук двери и Конрад присоединился к честной компании.

— Ребята, облом. Мы с вами зря размечтались.

— Она замужем?

— Она не ведьма.

— А кто? — это Асти.

— Обычная девушка.

— Как ты определил? — а это ректор.

— Сама сказала. Я спросил — она ответила.

— И ты поверил? Не может она быть простой девушкой. Я зайду к ней завтра же с утра и все выясню. Ректору она врать не станет. И кстати, что она сказала насчет специальности? Теоретическая магия — это что?

Я думала, он пустится в рассуждения, но Конрад обошелся одним словом. Умный.

— Математика. Помнишь, ты читал статью Кассиуса про расчет стационарного портала на заданное расстояние? Еще визжал от восторга.

— Кассиуса, Кассиуса... Ребята, я сейчас повешусь! Это бред какой-то! Портал и девочка без магии! Так не бывает!

— Еще и не так бывает. Ладно, Асти, давай по домам. Засиделись мы что-то.

— А что с девушкой делать?

— Отправлять назад, Рик. Зачем она тут? Математика — это, конечно, здорово, но у нас не ко двору. Не тот уровень. Наши долбоящеры простого заклинания напомнить не могут, им только сложной науки не хватает. Еще была бы ведьмой — стоило бы за нее держаться. А так...

— А вдруг она все-таки ведьма, просто шифруется? — а это Громмель.

— С одной стороны, зачем ей? А с другой... Ты представляешь себе ведьму, занимающуюся математическими расчетами. Нет? Вот и я нет.

Дискуссия на этом завершилась. Еще несколько реплик относились к уже не ко мне, а к посуде и мебели. Что-то у меня в голове картинка не складывается...

— Пин, как по твоему, что это все значит?

— Ты не поняла, хозяйка? Им всем нужна ведьма чтобы жениться.

— А обычная женщина не подойдет?

— Хозяйка, ты что, не знаешь, что ведьмы для магов — источники силы?

— Знаю, Соль мне говорила, и что?

— Вот они и ищут. А здесь ведьм, так, чтобы на вольной воле, нету. Сначала, еще давным — давно их сами маги же и извели. А теперь стоит малышке проявить свои способности, ее тут же за каким-нибудь магом закрепляют, а при первой возможности выдают замуж, чтобы сила зря не пропадала. Это мне Мет рассказал. Но ведьм на всех не хватает. Для пришлых магов их не предусмотрено. А им тоже хочется.

— А что тогда со мной?

— Хозяйка, не заставляй меня думать, что ты глупее, чем есть. Ухаживать будут, обольщать. В койку потянут. Все как всегда. Потому что свободных баб, то есть женщин, тут тоже не сыщешь. Нравы очень уж строгие.

Ну вот я и услышала. Что именно? А то, что можно уже больше не беспокоиться, личная жизнь мне тут не грозит. Им ведьм подавай. Простые девушки идут лесом. Так что я буду вкалывать, как лошадь, мне будут улыбаться и ждать: а вдруг на горизонте ведьма появится? Меня даже охотно пригласят в постель, из которой выкинут при первой возможности поменять простую девушку на ведьму.

Радуйся, Марта. Ты все узнала и теперь в твоих силах не совершить роковую ошибку. Ты же не позволишь себе влюбиться в мага?

* * *

Следующий день начался не совсем так, как я планировала. Добравшись до своего кабинета в ректорате, я услышала громкий, взволнованный голос ар Арвиля. Смысла было не разобрать, но слова «подумайте хорошенько» я услышала и решила посмотреть, что происходит. То ли он песочит кого-то, то ли уговаривает. По интонациям скорее второе. Отвечал ему низкий басовитый голос какого-то парня.

Секретаря на месте не оказалось, зато дверь в ректорский кабинет стояла полуоткрытая и мне была хорошо видна вся мизансцена.

Никакой это был не парень. Рихард сидел прямо на столе и заглядывал в лицо стоявшей перед ним девушке, высокой, крупной, нескладной, действительно чем-то напоминавшей парня. Она низко опустила голову и что-то тихо гудела себе под нос. Звук был такой, как будто в комнату залетел шмель.

Я подумала, что это может иметь отношение к учебному процессу, а значит, мой долг во всем разобраться. К тому же у меня неожиданно и совершенно непонятно почему возникло сочувствие к этой девице.

Шагнув в кабинет ректора, я услышала его последние слова:

— Литанич, может быть вы все-таки перемените свое решение? Сумма не так уж велика.

В голосе ректора звенело беспокойство, граничащее с потерей хладнокровия. Мне это очень не понравилось. Не хватало, чтобы ректор начал орать и топтать ногами, а он явно был к этому близок.

Девушка уже хотела что-то сказать, но тут заметила меня. Быстрый взгляд настороженных черных глаз, и она, вместо ответа, сделала шаг назад и поклонилась мне. Выражение лица, до этого бывшее упрямым, изменилось. Казалось, девушка выключила все чувства и превратилась в статую безразличия.

Я демонстративно хлопнула дверью, входя, и меня заметил уже сам ар Арвиль. Не успел он что-то сказать, как я уже взяла инициативу в свои руки.

— День добрый. Какие-то затруднения? Я могу помочь или лучше не мешать?

Ректор соскочил со стола и ринулся ко мне:

— Марта, вас сами боги сюда направили! Посмотрите на эту студентку! Она хочет нас покинуть, а я никак не могу ее переубедить.

— Возможно, ее и не нужно переубеждать? Господин ректор, давайте я попробую разобраться. Только одно условие: вы примете любое мое решение.

— Отлично! — чуть не подпрыгнул он на радостях и обернулся к девушке, — Литанич, это наш новый проректор по учебной работе госпожа Аспен. Поговорите с ней, прошу вас. Если не найдете приемлемый компромисс, я подпишу ваше заявление.

Я подошла к девушке. Она явно была старше меня, потому что выглядела на мой возраст. Маги живут дольше, я к этому привыкла еще в Элидиане. Она смотрела на меня без интереса, видно, все давно для себя решила. Не буду особенно стараться ее переубеждать, но поговорить все равно надо.

— Представьтесь, пожалуйста. Я уже слышала вашу фамилию, а теперь хочу услышать имя.

— Верка. Литанич Верка.

Что у них тут в Шимассе за женские имена: Мирка, Верка... Как будто их кто-то хочет принизить.

— Хорошо. Верка, пойдем в мой кабинет, пообщаемся. Оставим господина ректора в покое, у него и так много дел.

Она нога за ногу поплелась за мной с выражением безграничной покорности обстоятельствам. Понимать это надо было так: иду за тобой и выслушаю все, что ты скажешь, потому что нет другого выхода. Но лучше бы вы подписали мою бумажку и отпустили меня на все четыре стороны.

В коридоре нам встретился Славен, хотел что-то сказать, дернулся было, но промолчал, только проводил меня и Верку удивленным взглядом.

В своем кабинете я первым делом усадила девушку, села напротив и велела:

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Все рассказывай, я тут человек новый, ничего не знаю. В чем проблема?

— Ни в чем. Я написала заявление, что хочу бросить Школу, а господин ректор не хочет его подписывать.

Девочка — крепкий орешек. Ничего, сама такая, так что знаю, на что надо нажать. Сейчас она мне все расскажет, не сразу, так по вопросам я выдою из нее всю информацию.

— Это я уже поняла. Меня интересует предыстория: ты давно здесь учишься?

В результате допроса Верка рассказала следующее. Она из бедной семьи, мать умерла, отец старьевщик. В десять лет у нее открылся дар ведьмы, что очень обрадовало родителя. За ведьму, вернее за возможность на ней жениться, любой маг готов платить хорошие деньги. Так что в тринадцать лет ее просватали за весьма состоятельного мага. Свадьба должна была состояться сразу после окончания средней школы. Верке еще пришлось параллельно три года обучаться в специальной школе ведьм. Таков закон: ведьма должна научиться контролировать свой дар, ничего больше. Затем инициация женихом или мужем, как получится, и семейная жизнь. Высшая Школа ей не грозила, жених не предполагал позволить ей учиться. Но девушке удалось обмануть бдительность и отца, и жениха, пробраться в Высшую Школу Магии и сдать вступительные экзамены. После этого востребовать ее обратно было невозможно: магический контракт разрывался только при полном согласии сторон. Инициация силами жениха тоже провалилась: девушка отдала невинность первому попавшемуся студенту на первой же вечеринке. Он был так пьян, что не запомнил свою случайную подружку, а она не напоминала.

Верка провела в Школе три года. Училась хорошо, даже получала стипендию. Она бы и дальше училась, но...

— Ты обязана бросить Школу по договору с твоим женихом? Это магия?

— Нет, — удивилась вдруг девушка, — почему вы так подумали? Просто... Я не могу больше учиться.

Слышала я глупости, но такой... Как это «не могу»?

— Если тебя никто не принуждает, ты могла бы закончить Школу. Ведь это в твоих интересах. Особенно если ты хорошо учишься и успеваешь по всем предметам. Или твой жених настаивает на том, чтобы ты так и осталась недоучкой?

Кажется, я ткнула пальцем в самое большое место. Девушка, которая все это время олицетворяла собой кротость и терпение, вдруг взвилась:

— Да при чем тут жених! Его бы я послала так... Это все папаша! Денег ему мало!

— Стоп! С этого места поподробнее.

Поняв, что я все равно не отстану, а она уже достаточно мне поведала, девушка не стала больше ничего таить. С одной стороны ей нравилось учиться, она мечтала закончить Школу и получить диплом. С другой — своего жениха она ненавидела. Это был немолодой маг, который за свою жизнь уморил уже не одну ведьмочку. Верка нужна была ему как источник энергии, больше его ничего не интересовало. Но получение желанного источника задерживалось, а кроме того, с возрастом обученная ведьмочка имела шанс стать взрослой ведьмой, а у такой нельзя безнаказанно тянуть силу, ничего не давая взамен. Жених торопил отца Верки, сулил ему или хорошие деньги после свадьбы или неприятности, если она не состоится в ближайшее время. Но девушка твердо решила доучиться.

И она бы выполнила свое намерение, если бы не одно обстоятельство. В сессию она провалила один экзамен и больше не могла рассчитывать ни на бесплатное обучение, ни на стипендию, а без стипендии ей не на что жить.

Меня это удивило. Если человек так стремится учиться, то не может он не подготовиться к экзамену! Не верю! Да и ситуация с платой за обучение показалась мне непонятной.

В Элидиане за счет короля учили всех одаренных, а отличникам платили стипендию. Здесь получение стипендии и бесплатное обучение были доступны только хорошим студентам. Если средняя оценка оказывалась ниже «хорошо», то стипендия снималась, а за учебу следовало платить. «Неуд» на экзаменах автоматически исключал студента из списков тех, за кого платил король.

Веркин отец очень обрадовался ее провалу. Теперь он мог с чистой совестью отдать ее в жены магу и получить оговоренную плату. Когда она заартачилась, пригрозил: платить за ее учебу не будет, из дома выгонит, и куда она пойдет? На панель? Так такую уродину даже в бордель не возьмут!

Она бодалась с родителем все лето, но наконец ее сопротивление было сломлено. Написав под диктовку заявление об отчислении, она пошла к ректору. А он не подписывает! Что ей теперь делать?

Я была в растерянности. Не думала, что столкнусь с такой сложной ситуацией. Самое простое было бы подписать ее прошение и выбросить все из головы, но я вспомнила рассказы Соль про то, как маги эксплуатировали молодых ведьмочек. Жалко девчонку, она мне понравилась. Да, некрасивая, с грубоватым лицом, нескладной фигурой, и голосом сердитого шмеля, но по глазам вижу — умная и трудолюбивая. А что там с экзаменом., который она провалила?

Личные дела студентов хранились в особой комнате, доступ в которую был только их моего кабинета. Громмель не совсем верно обозвал ее архивом, а вчера Славен мне ее показал. Добыв оттуда папку с фамилией «Летанич» (еле нашла), я стала ее изучать и обратила внимание на странный факт.

Не сдала она некий «Базовый курс огненных заклятий» у профессора Грано Белгича. По фамилии можем сделать вывод: маг из местных.

Весь год у нее по этому предмету были хорошие и отличные оценки, с преобладанием вторых. Все работы сданы вовремя, промежуточные зачеты тоже. В таких условиях у

студентов не бывает неудов, тем более что занятия вел тот же преподаватель, который принимал экзамен.

— Верка, скажи, за что профессор Белгич поставил тебе «неудовлетворительно!»

— Не могу знать, госпожа проректор. Ему просто не понравилось, как я отвечала.

— Ты считаешь, что оценка была справедливой?

— Не могу знать.

Вот заладила!

— А если я предложу тебе пересдать экзамен комиссии?

В глазах девушки блеснула надежда.

— Да хоть сейчас! Я готова!

Что и требовалось доказать. Почему-то этот Белгич решил завалить девушку на сдаче. То ли в постель таким манером тянул, то ли от жениха взятку получил, этого я пока не знаю. Но узнаю. А пока...

— Верка, если ты сдашь экзамен комиссии, то, думаю, у нас будут основания вернуть тебе право бесплатного обучения. Насчет стипендии ничего сказать не могу, скорее всего один семестр тебе придется без нее обойтись, но учиться ты сможешь продолжить.

Она упрямо покачала головой.

— Не смогу, госпожа проректор.

— Почему?

— Без стипендии не смогу. Или без подработки.

Она стала загибать пальцы:

— За жилье платить надо? Есть надо? А одеваться? А книги покупать? Заготовки для артефактов? У меня и раньше еле — еле получалось концы с концами сводить, а тут без стипендии и отец теперь помогать не станет. Я могу в городе найти подработку, но господин Властич...

— Кто это, Верка?

— Господин Властич — мой жених. Он может в любой момент предъявить на меня права. Только на территории Школы ему до меня не добраться.

Молодец девчонка. Не строит из себя несчастенькую, которая на все согласна и за все благодарна. Раз я решила помочь, она стрясет с меня все. И помощь, и защиту. Ведьмы — они такие.

— Верка, неужели полгода не продержишься? Жилье ты имеешь тут бесплатно, еду тоже.

Она подняла на меня удивленный взгляд:

— За общежитие и питание у нас удерживают из стипендии примерно половину. У кого стипендии нет, те за свой счет и живут, и столуются.

Интересно. Оказывается, я так пока ничего и не знаю о том, как тут все устроено.

— Хорошо, я поняла. Если я предложу тебе подработку, ты останешься? Плата небольшая, но питание и проживание за счет Школы.

Она посмотрела на меня как фанатик на статую богини: с надеждой и верой.

— А что делать надо?

— Быть моим помощником. И приступать следует прямо сейчас. Экзамен мы тебе в течение трех дней организуем.

— А господин ректор согласится?

Хороший вопрос. Велев девушке посидеть смиренно, бросилась в кабинет ар Арвиля и с

порога вывалила на него всю Веркину историю так, как ее поняла. Думала, он замнется, будет находить возражения, но мужчина только обрадовался.

— Отлично, так и сделаем! Тебе все равно помощник нужен, а Славка... Он как пришел, все время ноет, что не хочет с тобой работать. Чем ты его допекла?

— Трудовой деятельностью. Очень лентяев не люблю и всегда заставляю их работать. Арвиль хохотнул.

— Да, мальчик любит пофилонить. А девочка? Она тебя устроит?

— Если не устроит, будет сама виновата. Ну так как?

— Сейчас приказ напишу. Только... Пусть живет не в студенческой общаге, у нее теперь другой статус. Поселим в нашем корпусе на первом этаже. Там есть комнаты для вспомогательного персонала.

Говоря это, он стремительно водил пером по бумаге. Закончив фразу, протянул мне листок:

— Пусть заселяется и приступает к работе. Что я, не вижу, как ты землю копытом роешь, будто конь норовистый?! А экзамен... В первый день следующей декады соберем комиссию. Мы с тобой, Кон, Сильвия, Гаспар и сам Белгич. Давно хочу от этого козла избавиться, а если мы докажем, что он предвзято относится к ученикам, будет за что.

Кто такой Гаспар пока не знаю, но все остальное мне нравится. Я кивнула в знак согласия, взяла листочек и пошла обратно к Верке. Протянула бумажку на заселение и сообщила, что приказ о ее назначении ректор подписал.

— Пока учебный год не начался, будешь работать каждый день столько же, сколько и я. Начнется — три часа после занятий. Согласна?

Верка выразила безумный восторг. Я поняла, что стала главной богиней ее пантеона: она готова мне ноги мыть и воду пить. Но мне от нее нужен всего лишь добросовестный труд. Отпустила девчонку заселяться и велела, как только все уладит, бежать сюда: дел невпроворот.

Я потратила на нее довольно много времени, но оно окупилось с лихвой. Не прошло и четверти часа, как Верка прибежала обратно и просто вгрызлась в работу. Делала она все не в пример лучше Славена: аккуратно, вдумчиво. В результате она не только составила опись всем папкам, но и помогла мне с их содержимым, обращая внимание на некоторые обстоятельства, которые рисовали здешние порядки, а в другом случае просто прошли бы мимо моего внимания.

Умный Пин принес нам обед на двоих, а затем и ужин. Верка не заметила, как возникла еда на специальном столике, но когда я пригласила ее разделить трапезу, не стала чиниться и ни о чем меня не спросила. Всем бы так!

А я, закончив с папками, занялась расписанием. Изучала, как оно было построено до меня. Заодно выучила географию Школы и усвоила, какая аудитория для чего предназначена. Защита есть везде, но существуют помещения особой защищенности для боевых и других подобных заклинаний. Просмотрев программу, поняла: здесь таких явно недостаточно. Нужно по меньшей мере еще парочка небольших аудиторий повышенной прочности.

Библиотека, музей, мастерские, виварий, оранжереи... Надо все осмотреть и решить, чего не хватает. Ведь не хватает, зуб даю! Где-то места, где-то оборудования... Надо выяснить, как до сих пор расходовались деньги и каков годовой бюджет. Есть у меня чувство, что где-то еще и подворовывают.

Еще меня удивило то, что при Школе нет хоть небольшой больнички. При элидианском университете существовал отличный госпиталь, где любой мог получить помощь бесплатно, если соглашался, что послужит учебным пособием для студентов. Там маги жизни на практике отработывали навыки целительства. Надо будет поговорить об этом с Арвилем и Лаурой, раз уж она — великий целитель.

Ушли мы с Веркой затемно. Она уже еле сидела на стуле, но я работала и она трудилась, не снижая ни темпа, ни качества. Кажется, я с ней не промахнулась.

На этот раз Пин не стал меня ругать. Подал стакан молока и исчез. Кажется, смирился с такой странной хозяйкой.

Следующие дни мы с Веркой провели в малом архиве: разбирали личные дела студентов и расставляли по порядку. Факультет, курс, алфавит. Заодно я завела здоровые картонные разделители, на которых все это было написано, а вдобавок к ним специальные закладки. Если берешь чью-то папку, то ставишь закладку на ее место, чтобы потом не искать. Верка покрасила их в омерзительный розовый цвет, так что пропустить, не увидеть было категорически невозможно.

* * *

Конрад оказался прав: через три дня никто не пришел ко мне с учебным планом. Никто, кроме него самого. Я поблагодарила за ответственность, а заодно спросила, можно ли зачаровать еще парочку аудиторий для опасных заклинаний. Мужчина сморщил нос и сказал:

— Хорошая мысль. Если одну из аудиторий отдашь мне в постоянное пользование, будет на них повышенная защита. А у тебя есть идея, какие помещения зачаровывать?

Идея была: Зорко показал мне два подвала, которые никак не использовались и пустовали. Вообще-то их было не то пять, не то семь, но все, кроме двух, были завалены какой-то дрянью. Если ее разобрать... Решено! Тут студенты будут наказания отработывать. Заодно обзаведемся новыми кабинетами для разных нужд.

Конрада я отвела на место и оставила. За ним присмотр не нужен. Подвалам присвоила номера, как порядочным аудиториям, и предложила ему выбрать любую на свой вкус. На мои глаза они были абсолютно идентичны.

Видно было, что маг доволен, но сказать он это мне в глаза не захотел. Пробурчал что-то вроде: вечно Рику везет, ему даже неприятности на пользу. Вот что он имел в виду? Неприятность — это я?

На пятый день, как он и предсказывал, потянулись преподаватели. Первой пришла Лаура. Без плана. Заговорила со мной как великодушная бабушка с нерадивой внучкой. Пришла, мол, посмотреть, как я справляюсь, не надо ли чем помочь. Я довольно жестко ей ответила, что помочь она может одним: вовремя предоставить свой учебный план. Если он будет общий на весь факультет, тем лучше. Не простила я ей „половозрелую здоровую девицу“.

Тетка обиделась и ушла, бурча под нос, что от молодых нахалок просто житья нет. Затем пришел тот вальяжный господин в лиловой мантии. Оказался магом разума, то есть менталистом. Имя Гесперий явно указывало на его элидианское происхождение.

Этот план принес, а заодно попытался меня очаровать. Магию использовать не стал, это

противозаконно, да у меня и амулет от ментального воздействия есть. Но у него нашлись другие приемы. Включил свое обаяние на полную катушку и просто обволакивал флюидами приязни, между делом мурлыкая, как замечательно, что такая прекрасная девушка, как я, будет теперь заниматься этими оболтусами, которые не желают учиться. К моему счастью, на меня такие методы не действовали совершенно, вернее, действовали, но в обратную сторону. Наверное, побочный эффект логического склада мышления. Можно было биться об заклад, что тому, кто пускает со мной в ход подобные трюки, ничего не светит: я в лучшем случае разозлюсь, в худшем задумаюсь: а что ему от меня понадобилось?

По всему было понятно, что Гесперий — неформальный лидер преподавательского коллектива. И если Лаура явно была с тем же ректором в отличных отношениях, то этот тип Арвилю явно противостоял.

Несколько раз за время нашей беседы он намекал, что если я не слишком довольна руководством, он готов оказывать мне покровительство. Маги вообще любят обещать обычным людям покровительство, думая, что те об этом мечтают. Надо оно мне...

Я поблагодарила Гесперия за своевременную сдачу плана и пообещала, что он получит самые удобные часы и аудитории. Сделала это не потому, что искала покровительства, а потому, что обещала так поступить при всех, тем более что Конрад уже получил свое личное помещение, у ректора тоже был специальный бункер для занятий, а Громмелю для этого была нужна мастерская.

После ухода Гесперия народ повалил валом, я только и успевала, что собирать планы и записывать пожелания. Зельеварам нужны были ингредиенты, целителям — зелья, другим магам амулеты и то, из чего их можно сделать, оружие, животные для опытов, редкие растения, книги...

Верка все записывала под диктовку, а затем составляла сводную таблицу. Я с каждым днем убеждалась, что эту девушку мне сами боги послали. На ее суровый вид я научилась не обращать внимания, а к басовитому голосу привыкла. С ее помощью работа спорилась в два раза быстрее и теперь я уже не засиживалась допоздна, приходила ночевать вовремя и регулярно принимала ванну. Пин был счастлив: хозяйка соблюдает порядок.

* * *

Пересдачу для Верки ректор организовал, как обещал. Меня ввели в состав комиссии ровно для того, чтобы, как он выразился, „соблюсти объективность“. Странная формулировка, но Верке очень понравилась.

Она вообще готова была везде ходить, для надежности держась за мой подол. Но это не значило, что она слабая, глупая и беспомощная. В моем присутствии она всех поражала толковостью и способностью отстаивать свое мнение. А вот когда оставалась одна, замыкалась в себе. Наверное, чувствовала, что мир вокруг настроен враждебно. Пока она еще отгадет... Так что мое участие в экзамене на самом деле было для моральной поддержки.

Заодно я узнала кто такой Гаспар. Я думала, это имя — сокращенное от Гесперия. Оказалось, это совсем другой человек. Гаспаром звали боевика, мага огня и красавца — мужчину, от одного присутствия которого у меня сразу начала болеть голова: слишком его было много. Занимал он пост декана боевого факультета, но особо себя работой не утруждал, особенно рутинной. Показательные бои — это да. Арвиль уверял, что в армии, где

Гаспар числился главным магом, его успехи были значительнее.

На знаменитом собрании преподавателей он не присутствовал, отъезжал куда-то по просьбе короля, но на предложение принять передачу откликнулся. Тут мы и познакомились.

То, что госпожа проректор полностью лишена магии, на него подействовало настолько, что он пялился на меня всю дорогу, отвлекаясь только на то, чтобы ответить на вопрос ректора. Можно было бы задрать нос от гордости. Еще бы, с меня не сводит глаз такой шикарный мужчина! Но взгляд его был полон чего угодно, только не восхищения. Так смотрел бы торговец овощами, если бы в ящике с нежными персиками внезапно увидел кабачок.

Арвиль знал, что делал, когда назначил в комиссию этого мага. Стоило ему прочитать в ведомости, что студентку завалил на экзамене профессор Грано Белгич, и Веркино дело было сделано.

— Сам ей ставил отличные оценки и сам же завалил?! Полный бред! А кто? Белгич? Этот тупой недоучка?! Давно пора гнать поганую метлой! И что это за курс такой, я вас спрашиваю? „Базовый курс огненных заклятий“! Ерунда для дошкольников, а читает он ее на третьем курсе! Я давно говорю: давайте уберем из программы и будем читать всем нормальную магию огня. А мне говорят: так заведено истари, не нам менять. Именно что нам! Вы еще седую древность сюда приплетите! В общем, если девчонка покажет три нормальных огненных заклинания, абсолютно любых, я этого Белгича заставлю свою бороду съесть.

Почему он упомянул бороду, я сразу поняла, когда увидела профессора Грано Белгича. Так в детских книжках рисуют магов. Невысокий, плотный, краснощекий, довольно пожилой дяденька в мантии и с длиннющей, ниже пояса белой бородой, расчесанной, ухоженной и чуть ли не завитой. Если Гаспар не изменит своего решения и накормит Белгича этой роскошью, тот непременно задохнется.

Он готов был задохнуться гораздо раньше, от возмущения, когда ар Арвиль сказал ему, что сомневается в результате экзамена Верки Летанич и в связи с этим организует передачу комиссии. Он-то шел в ректорат с гордо поднятой головой, еще не зная, зачем его пригласили, а тут такое...

— И не откажешься...

Верка скрывалась в это время у меня за спиной, что выглядело, должно быть, забавно: она выше меня примерно на голову. Но Белгич не удостоил ее взглядом. Зато Гаспар смотрел на ведьму с веселой, подбадривающей улыбкой, мол, не дрейфь, прорвемся.

Мы все спустились в защищенный подвал, заклинания-то огненные. Девушка осталась в середине помещения, мы сгрудились у стены, накрытые созданным Конрадом куполом.

Ректор объявил условия. Если испытуемая за отведенное время создаст три любых огненных заклинания второго уровня, прежняя оценка аннулируется и экзамен будет ей зачтен в соответствии с тем, как они будут выполнены сегодня.

Белгич что-то пробормотал о том, что на повторном экзамене оценку надо снижать, но Гаспар так на него зыркнул, что тот замолчал и вобрал голову в плечи.

Верка в первую минуту оторопела. Она думала, что для начала ей зададут парочку теоретических вопросов, а тут преподаватели решили сразу хватать демона за хвост. Затем спросила:

— Можно подумать?

Гаспар явно хотел гаркнуть: „Чего тут думать?!“, но ректор произнес равнодушно:

— Три минуты.

И перевернул песочные часы. Верка набычилась и прикусила костяшку указательного пальца, что у нее всегда означало активную работу мысли. В меня с двух сторон полетели вопросы:

— А мы не погорячились? — ректор.

О чем это она так задумалась? Ректору я даже отвечать не стала, махнула рукой и все, Гаспару же сообщила:

— Выбирает, что вам показать.

— Ну, пусть выбирает хорошенько.

Только он это произнес, Верка решительно тряхнула головой и выдала одно за другим: „Столп огня“, „Огненные змейки“ и „Пламя в объеме“. Первые два заклинания были второго уровня, как и требовалось. Они стояли в программе. А вот про третье я случайно знала, что оно четвертого, если не пятого уровня. Выглядело оно как куб, наполненный настоящим драконьим огнем, и применялось, если нужно сжечь что-то опасное, например, дом, наполненный нечистью, не повредив ничего другого.

Верка создала куб размером с табуретку. Интересно, какой это уровень?

Я не успела об этом подумать. Стоило Верке развеять свои заклинания, как Гаспар сорвался с места, подбежал к девушке, обнял ее, поцеловал и с ходу предложил с общего перейти на боевой факультет, совершенно забыв, что ведьмы там не учатся.

Девушка осторожно высвободилась из его объятий и сказала робко:

— Можно, я подумаю?

Тот похлопал ее по плечу и вернулся на место с явным намерением разобраться с Белгичем.

— Она у тебя неуд получила, хмырь болотный? — зарычал он на перепуганного профессора, — Это на каких же основаниях?! Да ты не умеешь того, что может она, зуб даю!

— Позвольте. Позвольте, — залепетал Белгич.

— Не позволю! Вон отсюда!

Тот вскочил, надеясь убежать и где-то пересидеть гнев боевика, но Арвиль его остановил.

— Подождите, любезнейший. Профессор Гаспар задал интересный вопрос и я хочу получить на него ответ. На каких основаниях вы поставили этой студентке неудовлетворительную оценку? Мы все сейчас убедились, что ее знания выше всяческих похвал. Ну — с, я жду ответа.

Белгич остановился под пристальным взглядом ректора, но не произнес ни звука. Тогда я внесла предложение:

— Может быть мы пригласим сюда профессора Гесперия и узнаем истину? Думаю, он не откажется помочь.

Не зря я предложила позвать мага — менталиста, того, кто может покопаться в мозгах и вытащить наружу неприглядную правду. Их боятся больше, чем самых сильных боевиков.

Этой угрозы Белгич не вынес и рассказал все. Как я и подозревала, ему дал взятку жених девушки. Слишком нужна оказалась постоянная магическая подпитка этому типу, он устал ждать свою невесту и попытался решить вопрос таким способом. Профессор же чувствовал себя в полной безопасности. Кто станет проверять, правильно он выставил оценку или нет?

Верка казалась ему замкнутой, робкой, недалекой, такая права качать не победит.

Она бы и не побежала, если бы мы с ректором не взялись за дело. Но все раскрылось, поступок Белгича явно тянул на преступление.

Ректор поступил разумно. Предложил дела не поднимать, если господин Грано Белгич немедленно положит ему на стол заявление об увольнении. Желательно задним числом, как будто он покинул Школу еще до той самой сессии.

Разумно, теперь можно ему за лето деньги не выплачивать. Сам себя наказал.

Когда заявление было написано и Белгич ушел, я позвала Верку обратно в кабинет: у нас еще работы непочатый край. Гаспар потащился за нами, расписывая преимущества боевого факультета именно для ведьм, которые почему-то его традиционно игнорируют. Девушка привычно склонила голову к плечу, но бросала на профессора взгляды, каких я раньше у нее не замечала.

Гаспар легкомысленно вперся вслед за Веркой в кабинет проректора и тут я взяла его в оборот. Где учебный план боевого факультета? Где его личный учебный план? Я спрашивала, а девушка смотрела с такой укоризной... Профессор сдался и отправился организовывать требуемое.

Я шепотом спросила у Верки, не собирается ли она прислушаться к Гаспару и перевестись на боевое отделение. Она помотала головой.

— Знаете, госпожа проректор, это не для ведьм. Боевые ведьмы, конечно, существуют, но живут недолго и плохо. В смысле, душа у них чернеет, а для ведьмы это верная гибель. Если не погибнет в бою, то не сможет вернуться в мирную жизнь. Война-то, она не навсегда. Такие становятся самыми страшными преступницами, их казнят. Мне оно надо?

Я знала об этом от Соль, и порадовалась, что моя помощница такая разумная девица. А Верка добавила:

— Профессор же не учить меня хочет, а совсем другое. Только сказать не умеет.

То есть, он ее в постель зовет? Таковую, как есть: некрасивую, нескладную девицу. Стоп. А действительно, почему я думаю, что Верка некрасивая? Потому что она слишком большая и говорит басом? Но тот же Гаспар ее на полголовы выше. Может, ему именно такие и нравятся?

Я не стала комментировать Веркину сентенцию и предупреждать ее от романа с преподавателем. Без толку. И потом, если ей любо, то и мне мило. Не мое это дело.

* * *

Следующий день начался со скандала. Даже с двух. Для начала ко мне на завтрак заглянула шикарная блондинка Сильвия. Не стоит и говорить, что я ее не звала. Мне бы век этой презрительной морды не видеть. Но она появилась, села напротив меня за стол, рассеянным жестом взяла рогалик, повертела в руке и отправила в рот. Затем сказала как бы между прочим:

— Говорят, милочка, у вас домовой имеется?

Сволочь Асти, уже всем растрепал!

Я не стала отвечать, тоже взяла рогалик, намазала маслом и стала уплетать с большим аппетитом. Блонда хищно улыбнулась.

— Вижу, вижу. Правду говорили: домовой есть. Откуда иначе такие яства? Но только,

милочка, он не привязанный. Вы же не ведьма, насколько я заметила, привязать домового вам не дано. Так что я сама привяжу его с вашего позволения.

Она Пина у меня отнять собирается? Тут я вскочила и отчеканила:

— Госпожа Сильвия, я вас не звала и в услугах ваших не нуждаюсь. Прошу покинуть это помещение. Немедленно. Моего домового вам не видать как своих ушей!

Ведьма тоже вскочила с места и зашипела, как гадюка:

— Выскочка! Нахалка! Ты еще пожалеешь, что пожадничала! Я и без твоего позволения заберу домового, только как ты потом тут жить будешь, еще вопрос...

Не зная, что ей ответить, я так и стояла с вытянутым в сторону двери пальцем. И тут откуда ни возьмись прямо на столе возник Пин. Хотела ему закричать: „Спасайся!“, но не смогла рта раскрыть. А он стал наступать на оторопевшую ведьму:

— Уходи! Вали отсюда! Сама домового приманить не смогла, так пришла грабить? Не выйдет! Чтоб я тебя больше тут не видел! И попробуй только тронь мою хозяйку! Жизни не рада будешь!

Она вдруг отмерла и снова зашипела, но тон был совсем другой: ошеломленный, неуверенный:

— Привязанный! Но так не бывает... Никогда люди... Как это может быть? Невозможно...

Она повернулась и хотела уже уйти, как вдруг дверь отворилась и вбежал Конрад.

— Что здесь происходит?!

— При виде мага Пин исчез, как не было, а Сильвия со всего маху влетела прямо в вошедшего Конрада и уткнулась ему в грудь. Залепетала:

— Она, она... Она привязала домового... Как, как?

Оттолкнула ничего не понимающего мужчину и вылетела из комнаты. Он сделал два шага вперед и тяжело опустился на стул.

— Уф, напугала. Я думал, тут тебя по меньшей мере убивают.

Убивают? Странно. Мы с Сильвией обменивались любезностями без крика. Если только Пин... У него голосок при случае бывает очень пронзительным. Но я не стала ничего выяснять и объяснять, придвинула к нежданному гостю плетенку с рогаликами, масло, сыр, налила чай в чашку:

— Угощайтесь.

Он кротко отхлебнул чай, разрезал рогалик вдоль и намазал его маслом, положив внутрь еще и сыр. Прежде чем продолжить трапезу, поинтересовался:

— Марта, что тут вообще произошло? Почему Сильвия вылетела от тебя как на помеле?

Я пожалала плечами. Как объяснить случившееся?

— Ну, она ворвалась ко мне, когда я завтракала, слопала рогалик, хотя я ее не угощала, — при этих словах Конрад откусил приличный кусок и начал его жевать, — И сообщила мне, что мой домовый не привязанный, сейчас она его привяжет. К себе.

— А ты?

— Я предложила ей покинуть помещение. Она стала мне угрожать. Тогда мой домовый смело выскочил и защитил меня.

— Посмотрел бы я на твоего домового. Смело встать против ведьмы... Это среди них может не каждый. Только если защищает свою, родную, привязанную. Но ты же не ведьма, я правильно понял?

Ну сколько можно одно и то же? Они тут на ведьмах помешались.

— Судя по тому, что я услышал от Сильвии, домовой у тебя все-таки привязан. Выясни у него, чтобы не попасть впросак. Я бы сам спросил, но ко мне он не выйдет. А еще... Позволь дать тебе совет. Не связывайся с Сильвией. Она сильная ведьма, к тому же у нее очень высокий покровитель... Тебе такое и не снилось.

Я от фонаря ляпнула:

— Что, она любовница шимасского короля?

У Конрада от удивления глаза на лоб полезли:

— Ты знала? Откуда?

Вот так, скажешь наобум, и попадешь в точку.

— Ничего я не знала. Просто предположила. Ясно, что у нее нет ничего ни с ректором, ни с вами... А кто еще тут самый главный? Король.

— Логика — великая вещь. Угадала. Конечно, она не последняя его пассия и не единственная, но... Ты понимаешь. Будь осторожна, Марта. Я очень хорошо к тебе отношусь и мне бы не хотелось, чтобы ты пострадала.

Он доел рогалик, допил чай и поднялся.

— А домовой у тебя замечательный. Готовит вкусно и так красиво обставил твою квартиру. Это ведь не иллюзия?

Он потрогал стену и ухмыльнулся:

— Да, все настоящее. Хотелось бы и мне так... Спасибо за угощение, еще увидимся.

Стоило двери за Конрадом закрыться, как Пин выскочил и начал оправдываться:

— Хозяйка, я не хотел, так получилось, хозяйка, ты не бойся, хозяйка, все будет хорошо, хозяйка...

От его трескотни у меня голова кругом пошла.

— Пин, уймись. Скажи мне только: ты действительно ко мне привязан?

— Нет, хозяйка. Прежняя госпожа Соль, когда уезжала, сказала, что может дать мне свободу и дала. Привязала к тому деревянному свистку и вручила его мне. Теперь никто не может привязать Пина, он уже привязанный. А с тобой я по своей воле. Ты подруга госпожи, ты добрая и никогда меня не обижаешь. Вот я и отдал ту вещь тебе. Храни ее, пожалуйста. Пока она у тебя, мне никто ничего сделать не сможет, а тебя я всегда защищу. А эта ведьма... Она гадкая. Она хотела причинить тебе зло, вот я ее и прогнал.

Ну вот и разобрались. Хорошо хоть я теперь знаю, почему Пин со мной. По своей воле. Пустячок, а приятно. Но вот то, что я перешла дорожку королевской фаворитке... А, плевать, прорвемся. Кстати, что она там у нас преподает? „Основы косметического зельеварения“? А учебный план до сих пор не сдан! Дождется, что я ее занятия на чердак засуну!

В ректорате меня ждал второй скандал. Вернее, не ждал, а разворачивался, я как раз пришла, когда спектакль был в самом разгаре. Астианакс Громмель вопил что есть силы:

— Опять! Опять ведьму увели! Ну сколько можно! Ты всегда потакаешь этим боевикам!

Орал он, как можно догадаться, на ректора. Слушать этот бред, а тем более в нем участвовать, я не собиралась, поэтому мышкой шмыгнула в свой кабинет, где уже трудилась Верка. Она крепилась, но по лицу было видно: с трудом сдерживается, чтобы не заржать как лошадь.

Увидела меня и захихикала уже в открытую.

— Ой, госпожа проректор, тут такое творится... Профессор Громмель уже час с ректором ругаются, — она потупилась, — И мне кажется, из-за меня. Утром, еще до вашего прихода, зашел профессор Гаспар. Вообще-то он меня от общежития сюда проводил... Ну

вот. А профессор Громмель его увидел и давай скандалить. Они чуть не подрались.

Я представила себе, как маленький Громмель наскაკивает на огромного Гаспара и тоже захихикала.

— Ректор их развел, профессор Гаспар ушел, а профессор Громмель продолжает скандалить, уже с господином ректором.

Надо сказать, все эти дни Громмель упорно увивался вокруг моего кабинета. Приносил и прилаживал какие-то магические штучки для облегчения работы, что-то все время говорил и походя норовил прикоснуться то ко мне, то к Верке. Мы с ней старательно уворачивались, не давая ему ни малейшего повода заподозрить, что кто-то из нас не остался равнодушен к его маневрам.

Асти внешне был очень мил: среднего роста, складный, не тощий, но и не толстый, круглолицый, с густой и кудрявой светлой шевелюрой и голубыми глазками, которые своим выражением сделали бы честь любому невинному младенцу. Если прибавить сюда живость нрава и хорошо подвешенный язык, то он вполне мог иметь успех у девиц. Было только одно „но“.

После той „пьяной“ встречи, я ни ар Арвиля, ни ар Гериона больше в таком состоянии не видела. А вот Громмель регулярно начинал набираться с самого утра и к вечеру уже лыка не вязал. Могу биться об заклад: уже стаканчика два в нем плещется.

Про мое неприятие алкоголя я уже говорила, Верка, как оказалось, тоже пьяных на дух не переносила. Ее родной отец был не дурак заложить за воротник, именно ради того, чтобы не отказываться от этой привычки он продал дочь магу. Можно себе представить, как ее бесил запах сивухи.

А кроме того, Асти не скрывал, что в Верке его привлекает лишь то, что она ведьма. Личность в ней он не видел, не говоря уже о симпатичной девушке. Конечно, Гаспар ей понравился больше.

Я обратила внимание на обмолвку: девушка сказала, что Гаспар проводил ее от общежития. Очень хотелось спросить, намекает ли она этим, что у нее с боевиком уже появились особые отношения, но я не стала. Мой опыт подсказывал: не стоит брататься с подчиненными. Я даже терпела обращение „госпожа проректор“ и не торопилась заменять его более благозвучным и естественным „Марта“. На работе такой подход сказывался положительно, но он же исключал личные вопросы интимного свойства.

Так что я спросила про другое.

— Верка, а как же твой жених? Ты ведь должна будешь выйти за него, когда закончишь обучение?!

Девушка замотала головой.

— Нет, не должна буду. Получив диплом, я одновременно получу статус свободной ведьмы. А свободную ведьму никто не смеет принуждать к браку. Я буду иметь право сама выбрать себе спутника жизни. Это записано в договоре, который подписали все короли Девятки, когда ее создавали. Везде этот пункт трактуется по — разному, у нас так. Именно из-за этого никто не хочет отпускать ведьм сюда учиться.

Эх, как ее папаша мимо денег пролетел! А женишок... Столько затрат, и все впустую! Меня это почему-то радует.

Так, надо достать текст древнего Договора с комментариями местных юристов. Вдруг еще кому-то помощь понадобится? А я молодец. Спасла девчонку от ненавистного брака не только в тот конкретный момент, а вообще. Теперь понятно, почему Асти взбесился. В

кои-то веки появилась перспективная ведьма, а ее из-под носа увели.

А вечером я наконец сделала то, что давно хотела, но никак не находила минуточки. Боялась, наверное. Я написала Соль. Изложила все, что тут со мной произошло поблагодарила за Пина и попросила совета. Она мудрая и в магических хитросплетениях разбирается, к тому же ей не придет в голову ответить так, как моя мама: „Марта, дорогая, мне кажется что ректор ар Арвиль будет для тебя наилучшим вариантом“.

* * *

Расписание было готово за пять дней до начала занятий, как я и обещала. Планы все сдали, даже те, от кого этого никто не ожидал. Сильвия притащила бумагу одной из последних и пропела:

— Я надеюсь, что для моих занятий найдется подходящее помещение. Зелья — это тебе не теория магии.

Она меня уесть решила? Глупо. Даже название моего предмета не сумела правильно произнести. Я покивала и отправила ее к Верке: пусть продиктует, что ей необходимо для учебного процесса. Кабинет, предназначенный для зельеварения, отнимать у Сильвии никто не собирался, а вот время она получила самое неудобное, как я и грозились. Преподаватели, равно как и студенты, не любят ни первых, ни последних пар. На первые все опаздывают и прибегают полусонные, а с последних норовят ускользнуть. Вот их-то и получила красавица. Пусть помучается.

В обещанный день с расписанием смог ознакомиться каждый преподаватель. Некоторые были довольны, но большинство прибежало ко мне с претензиями.

Преподы были настроены очень агрессивно, слышались предложения поучить меня уму — разуму и показать этой нахальной девчонке, что значит магия в действии.

Я уже приготовилась дорого продать свою жизнь, но тут прибежали ректор с Конрадом и отбили меня, заодно вправив мозги ошалевшим магам.

* * *

За три дня до начала нового учебного года стали прибывать ученики. Некоторые приехали верхом, гордо красуясь на спинах породистых коней, но таких было немного. Основная часть пришла пешком или приехала на телегах. Телегу нанимали в складчину и ехали целой развеселой компанией. Отсюда видно: пока добрались, опустошили не одну бутылку пива и сейчас настроение у них просто супер!

Ну, я им ликование притушу. Ар Арвиль уже подписал: во время обучения — сухой закон на территории Школы. Лица в состоянии алкогольного опьянения на территорию не допускаются. В смысле, напился в городе — в Школу лучше не приходи. А ночевать вне стен Школы тоже запрещается, чревато отчислением. Так что пусть заранее головой думают, что им важнее: пиво или учеба.

Мои окна, как в рабочем кабинете, так и в квартире, выходили во двор, так что я приклеилась к подоконнику и рассматривала учащихся. М — да, взрослые ребята. А девочек очень мало, если не сказать почти нет

— Верка, а сколько девушек у нас учится?

Она оторвала взгляд от огромной простыни, на которой рисовала какую-то заумную схему распределения часов, и доложила:

— На всех курсах всех факультетов у нас четырнадцать девушек.

— Что?

До меня это до сих пор не доходило. Непривычные имена и фамилии не всегда давали понять, о ком речь: о парне или о девчонке. Поэтому я и не задумывалась. А сейчас вдруг столкнулась с проблемой лицом к лицу.

Если прикинуть... У нас шесть курсов, три факультета, всего около трехсот учащихся... И из них четырнадцать девушек?! Да они смеются, что ли? Теперь понятно, почему господа преподаватели так за ведьмами гоняются. Они же тут женщин просто не видят! Куда я попала?!

В Элидиане университет, конечно, в разы больше этой несчастной школы, каждый год выпускается около трехсот магов разного профиля. Так вот, девушки их них составляют примерно треть! Среди боевиков их не сыщешь, но целители, зельевары, артефакторы, бытовые маги — это в основном девушки. По большей части ведьмы, но есть и магички.

Неужели во всей Шимассе так мало девушек, желающих получить образование и статус свободной ведьмы или свободного мага?

— Вас это удивляет, госпожа проректор?

— Еще как!

И я толкнула Верке целую речь, клеймя косность здешних нравов в отношении женщин и образования. Привела в пример Элидиану и мою родину, где обычные девушки в обычном университете составляли едва ли не половину учащихся. Она только грустно вздохнула в ответ, а в конце заметила:

— Госпожа проректор, у нас девушки больше думают, как им жениха найти, а ученые жены нашим мужчинам без надобности. По крайней мере всем мамы такое в детстве говорили. Думаю, в этом есть зерно истины. Я вот учиться пошла, потому что с моей внешностью ловить нечего. Была бы я красивой — уже давно бы замуж вышла. Не за того, ну, вы понимаете, а за другого. У красивых есть выбор.

Я махнула на нее рукой и вышла. Что убеждать, у них тут сложившаяся философская система имеется. Пусть ее Гаспар убеждает, что она красивая и ему не мешает, что у нее будет диплом.

Во дворе ко мне тут же привязались парни из студентов:

— Ты новенькая? Иди к нам, выпей пивка за компанию!

Я растерялась, не сразу сообразила, что сказать. Вряд ли разгоряченные дорогой и выпивкой парни поверят, что лохматая девчонка в скромном синем платье — это могущественная госпожа проректор по учебной работе.

Но тут из-за угла показался Конрад. Увидев, что происходит, подошел. Его тут же приветствовали как положено. Слезли с телеги, попрятали бутылки за спину и поклонились. А он подошел ко мне и сказал значительно:

— Профессор Аспен, я хотел вас спросить, нужно ли накладывать отдельный охранный контур на ваш кабинет, или общего контура ректората будет достаточно?

Затем обернулся к обалдевшим от несоответствия того, что они видят тому, что они слышат, парням и заявил:

— Что стоите, дубы стоеросовые?! Приветствуйте как положено нашего нового

проректора, профессора Марту Аспен.

Парни робко поклонились и забубнили что-то вроде „извините, профессор Аспен“. Ой, я теперь профессор. Ладно, пусть только на словах, но зато как приятно!

* * *

На следующий день, выходя из общежития и собираясь на работу, я увидела незнакомца. Он стоял у самого входа в административный корпус и передавал поводья великолепного коня мальчишке. Не тому, который служил у нас на конюшне, а другому. Чужому.

Но на мальчишку я не смотрела, все мое внимание было отдано прекрасному незнакомцу. Стоило мне сделать несколько шагов по дорожке, как он повернулся и наши взгляды встретились. Боги! Все окружающее заволочло каким-то сиреневым туманом. Остался только он, самый прекрасный мужчина в этом мире.

Я говорила, что ар Арвиль красив? Беру свои слова обратно. Вот оно, идеальное воплощение мужской красоты.

Одет незнакомец был скромно, хотя все вещи сидели на нем как влитые. Простого покроя серо — синий камзол ладно облегал высокую, элегантную фигуру. Светло — серые брюки, заправленные в высокие замшевые темно — серые сапоги, подчеркивали стройность и длину ног. Осанка, разворот плеч, постав головы — все было совершенно. Двигался мужчина с необыкновенным изяществом, какой-то кошачьей грацией. То, как он повернулся, заставляло сердце дрожать и подпрыгивать.

Он поразил меня еще и тем, что, будучи блондином, не казался бесцветным, как, например, мои родные братья. Наоборот, он был ярким, необыкновенно ярким, как молния. Чистая загорелая кожа, сошедшиеся на переносице темные брови, длинные светлые волосы забраны в хвост с помощью кожаного шнурка, а каждая прядка — своего цвета. Наши модницы в позапрошлом году пытались так выкраситься, но у них выходило не более четырех оттенков, а тут их целая палитра, и все цвета природные!

А глаза! Ни у кого нет таких глаз цвета грозового неба! У меня глаза тоже серые, но разве можно сравнить мой мышинный цвет с этой роскошью?

Его лицо... Ой, нет, не буду даже пытаться описать. Мечту описать невозможно, она у каждого своя. Так вот, передо мной было ее живое воплощение.

Я попыталась собрать воедино свои мыслительные способности. Без толку. Все, что мне удалось сообразить, это что прекрасный незнакомец не был студентом. Может, Арвиль пригласил нового преподавателя?

Попытка поработать головой принесла неожиданные плоды: вдруг включились превратившиеся в вату ноги. Совершенно машинально сделала несколько шагов к этому совершенству. Пока шевелила ногами, в мозгах тоже немного прояснело. Куда это я вдруг пошла? Так, успокойся, Марта. Все нормально, мне туда и надо, так что ничего не стоило сделать вид, что я просто иду по своим делам.

Мысль о том, что такое совершенство может мной интересоваться, не посетила ни разу. Я не настолько самовлюбленная дура, чтобы ждать внимания к себе как к женщине от явно знатного, богатого (одна шпага с перевязью чего стоят, да и сапоги дорожные) и фантастически красивого мужчины. Его обращенная ко мне улыбка... Ну, он просто еще и доброжелательный.

Мальчишка увел коня, а мужчина все стоял у крыльца административного корпуса и смотрел на меня. Я шла вперед как замороженная. Наконец поравнялась с этим божеством и услышала:

— Извините, девушка, вы студентка?

Ой, он со мной заговорил. Остановилась, повернулась и как автомат произнесла:

— Проректор по учебной работе преподаватель теоретической магии Марта Аспен к вашим услугам.

Красавец оживился:

— О! Я много о вас слышал, но представлял себе несколько иначе. Не такой молоденькой и хорошенькой. Но если вы проректор, то это же замечательно! Вы должны знать, где сейчас ректор!

— Ректор должен быть у себя в кабинете. Позвольте, я вас провожу, — механически произносили мои губы, в то время как мозг лихорадочно метался, пытаюсь сообразить, кто этот человек и от кого он мог обо мне слышать.

Я поднялась на крыльцо, толкнула тяжелую дверь и, стоя в ее просвете, вспомнила, что сама представилась, а имени незнакомца так и не услышала.

— Простите, а могу я поинтересоваться: с кем имею честь?...

— Горан. Зовите меня просто Горан, — улыбнулся мужчина.

Тут во мне все похолодело. Горан — так зовут короля. Хотя в Шимассе это довольно распространенное имя, но все же... Позвольте, но он совсем не похож на портрет, который я видела! То есть ничего общего! И все же что-то во мне знало точно: я не ошиблась.

— Ваше Величество...

Он уже стоял совсем рядом и, услышав мои слова, сморщился как от зубной боли.

— Ну вот, Марта, зачем вы все испортили?! Мне так надоедает все время быть королем. Я прихожу сюда, чтобы хоть немного побыть просто Гораном, как в детстве, а вы...

Он прошел мимо меня в дверь и, не оглядываясь, поднялся по лестнице. Я шла за ним как приклеенная, не в силах оторвать взгляда от широкой спины. У двери своего кабинета замерла, глядя на то, как король Горан исчезает в кабинете ректора. Дверь за ним закрылась, что вызвало у меня болезненный стон. Чувство было такое, как будто меня лишают чего-то очень важного, лишают навсегда, бесповоротно, а я без этого чего-то не в силах жить.

Минут пять я так стояла, не сводя глаз с кабинета ректора, где скрылось мое единственное блаженство. Речи о том, чтобы стряхнуть с себя наваждение, войти к себе и начать работу, не шло. В голове не осталось ни одной, не связанной с прекрасным королем мысли, и все они были безрадостные. Кто он и кто я?

На шестой минуте откуда ни возьмись появился Конрад. Внимательно меня рассмотрел, ни сказал ни слова, даже не поздоровался, и исчез в ректорском кабинете. Еще через минуту вышел и направился ко мне быстрым, уверенным шагом. Подошел вплотную и произнес с вопросительной интонацией:

— Горан?

Я только кивнула в ответ. Тогда он сделал нечто с моей точки зрения необъяснимое: схватил меня в охапку и впился страстным поцелуем в мои губы.

В первый момент я настолько ничего не поняла, что даже не попыталась ему воспрепятствовать. Во второй... начала ему отвечать. Этот гад замечательно целуется. Ну а в третий вдруг опомнилась и попыталась Конрада оттолкнуть, что мне и удалось.

— Профессор ар Герион, вы не объясните мне, что происходит? — довольно зло

прошипела я.

И тут вдруг заметила, что туман, в котором я пребывала с момента, как мои глаза встретились с глазами короля, рассеялся. Нестерпимая боль утраты исчезла. А еще я вполне адекватна и отлично соображаю.

— Горан, — коротко пояснил Конрад, — Вернее, его магия. Демоны, он обещал не использовать ее в этих стенах! На ведьм она практически не действует, только если сами хотят, на магов тоже, но ведь ты — обычная женщина! И прости: это был единственный способ быстро и безболезненно справиться с твоим состоянием.

Кажется, мне следует его поблагодарить?

Я вяло кивнула и ретировалась в свой родной кабинет. Верка, уже сидевшая там над очередным списком, вскочила и бросилась ко мне:

— Госпожа проректор, что с вами? На вас лица нет! Может, вам чаю принести?

Я согласилась: чай сейчас то, что нужно. Верка убежала, а я села за свой стол и попыталась осмыслить произошедшее. На первый взгляд оно мне очень не понравилось, на второй понравилось еще меньше. Вернувшись с чайником Верка застала меня за важным делом: я писала очередное письмо Соль. Предыдущее я только что отправила и еще не получила ответа, но очень нужно было посоветоваться. Если все остальное вызывало вопросы, но и дарило надежду, что я справлюсь, то тут было видно: справиться с этим самостоятельно не в моих силах.

Когда разум включился, я отчетливо поняла, что безумные чувства, которые вспыхнули во мне по отношению к королю, были наведенными. Но если можно внушить страсть, которая на самом деле таковой не является, то... Додумывать эту мысль не хотелось, но ясно было, что я не защищена от подобных воздействий. Другую сторону вопроса составляло лечение, произведенное Конрадом. Не стану уверять, что мне не понравилось. Но что это вообще было?! Сам ар Герион мне ничего объяснять не станет, это я уже поняла. Может, Соль знает?!

Кое — какую информацию я получила от Верки. Она притащила не только чайник, но и новости. Через приоткрытую дверь кабинет ректора она слышала, как Конрад орал на короля, обзывая того сластолюбивым идиотом, а Его Величество не только не гневался, но робко оправдывался. Ар Арвиль осторожно пытался их примирить, но явно не одобрял действия монарха. Воспитанная в почитании короля девушка не верила своим ушам.

Я тоже не совсем поверила своим. Чтобы Рихард ар Арвиль во время серьезного разговора забыл дверь закрыть? Да не может такого быть! А если она закрыта, подслушать невозможно. На ней столько антиподслушивающих заклинаний навечно... Поэтому я спросила Верку:

— Верочка, я права, или мне показалось: ты как-то подслушала то, что происходит в кабинете ректора за закрытыми дверями?

Девушка сначала вспыхнула и уже собралась все отрицать, а затем вдруг сдалась.

— Все вы видите, госпожа проректор, все замечаете. Не зря господин ректор вас на эту должность назначил. Вот.

И она протянула мне ладонь, на которой лежали несколько обыкновенных фасолин.

— Что вот?

Девушка вздохнула и произнесла с тоской:

— Ведьминское подслушивающее устройство. Обычной магией не засекается. Жаль только, что одноразовое. Хотите послушать, что сейчас у ректора делается? Возьмите любую

фасолину, разломите пополам и суньте одну из половинок себе в ухо. Услышите все, что там происходит.

— Какую?

— Да все равно. Какую сунете, та и будет работать. Ну же, госпожа Марта, давайте!

Она так настойчиво совала мне в руки фасолину, что я, недолго думая, разломила ее, прочертив ногтем по шву, и запихнула получившуюся дольку в ухо. Результат не заставил себя ждать.

В ухо сразу ворвался голос ректора:

— Слушай, Горан, так нельзя! Суламиту ты у меня увел, ладно. Она хоть при деле. Но! Занита не может больше работать, лечится от депрессии с тех пор как ты ее бросил. Сильвия совсем забросила студентов, пропускает половину занятий, даже на экзамен я ее вытащил с трудом. А попробуй ее критиковать, тут же услышишь: „Я была у его Величества. Его Величество меня позвал и я не могла отказаться“.

— Врет и не краснеет! — услышала я ответ короля, — Я не сплю с женщинами днем, у меня есть другие дела.

— А у меня есть возможность проверить или возразить? Она же тут же визжать принимается.

— Все, можешь посылать ее с такими отговорками куда подальше. Сильвия мне надоела хуже горькой редьки. Марта гораздо забавнее. Давно не видел такого прямого взгляда. И эти волосы... Роскошное золотое руно.

— Хватит уже волочиться за моими студентками и преподавательницами, они здесь для другого, — сердито перебил его ректор.

В ответе короля зазвучали капризные нотки:

— Твои студентки и преподавательницы гораздо забавнее моих придворных дам. С ними хоть поговорить о чем-то можно. По Марте, например, видно, что она девушка образованная.

— Оставьте Марту в покое, Ваше Величество, — произнес глуховатый голос Конрада, — Она не ведьма и беззащитна перед вами, но если вы ей повредите, неважно каким способом, то будете иметь дело со мной.

Голос короля заледенел:

— Вы угрожаете мне, ар Герион?

— Предупреждаю, Ваше Величество. И напоминаю: вся защита вашего дворца создана моими руками.

— Тогда защитите и вашу девочку.

— Уж постараюсь.

Голоса звучали угрожающе, я даже испугалась. А вдруг и вправду из-за ничтожной меня начнутся неприятности у всех? Тут ректор решил ввести разговор в более конструктивное русло.

— Успокойтесь, успокойтесь. Не надо бросаться словами, о которых вы оба потом пожалеете. А тебе, Горан стоит подумать: насколько отношения с тобой пошли на пользу тем, кого ты обольстил своей магией? Напоминаю: они практически лишились способности пользоваться своими мозгами. Так что я тебя умоляю: отстань от моего проректора. Если она из-за тебя лишится мозгов, пострадают все. В кои-то веки удалось найти адекватного сотрудника, толкового, работающего. Марта для нашей Школы — просто спасение! Все эти великие маги и могучие ведьмы просто — напросто неорганизованны и не привыкли

планомерно работать. Я и сам такой. А она уже сумела загнать их в рамки и заставить уважать порядок. Она и студентов построит, вот увидишь!

Король молчал, поэтому ректор вдруг заорал, не на шутку обозленный:

— В конце-то концов! Это твоя страна или моя в полной жопе?! Тебе нужны хорошо обученные маги или нет? Или ты ставишь интересы своих штанов выше интересов собственного государства?!

Никогда бы не подумала, что Рихард ар Арвиль может кричать на короля, пусть и не своего родного государства. Но тот даже не стал ему возражать. Наоборот, кротко ответил:

— Ты прав, я погорячился. Не буду трогать эту вашу бесценную Марту, ну, по крайней мере не буду обольщать. Если я ей понравлюсь просто так, уж не взыщите.

Он еще что-то сказал, но я уже не могла разобрать. Звук становился все тише. Я вынула половинку фасолины из уха и уставилась на Верку. Она виновато пожала плечами:

— Это все, госпожа Марта. Фасолина нагрелась и стала портиться. Я же говорила — устройство одноразовое и действует недолго. Если надо, можно взять еще одну фасолинку.

— Не стоит, Верка, все, что надо, я уже услышала.

Она теперь чувствует меня сообщницей и называет по имени, прибавляя, правда, „госпожа“. Ну и пусть. Должна я хоть кому-то доверять в этом змеюшнике? Видя, что она ждет от меня комментариев по поводу услышанного, задала вопрос:

— Верка, я так понимаю, фасолина — это приемник. А что является передатчиком?

Я не надеялась получить ответ, но девушка с готовностью бросилась в объяснения.

— Горошина. Я зачаровала и бросила несколько под стол ректору, в такое место, где их не выметут. Горох может быть сколь угодно сухим, а вот фасоль нужна свежая. Весной у нас с вами ничего бы не вышло.

Ну, это как сказать. Посажу в горшок несколько фасолинок и поставлю на окно. Тогда у меня всегда будет материал для таких устройств. Но вслух я этого говорить не стала, а задала именно тот вопрос, с которого хотела начать:

— Скажи, почему ты это сделала? Почему дала мне возможность подслушать ректора и короля? Ведь это неэтично и незаконно.

Она ответила так, что я поняла: девушка обдумала свои слова не один раз. А значит, не в первый раз подслушивает ректора. Вот только плохо это или хорошо?

— Знаете, госпожа Марта, вы первая отнеслись ко мне как к человеку. Не пожалели времени, чтобы вникнуть в мои проблемы и помочь решить их. Вы не навязывали мне своего мнения, а дали возможность выбора. Дали возможность жить достойно и осуществить свою мечту. Я теперь ваша помощница и вижу свой долг в том, чтобы помогать вам.

— Даже если это нарушает правила?

— Госпожа Марта, вы очень хороший человек. Я понимаю, вы уважаете правила. Я и сама их уважаю, но не все так просто. Вы даже не понимаете, куда попали. Вы ведь не маг и не ведьма. А они на правила плюют с высокой горки. И уж тем более не станут уважать права тех, кто слабее, а люди поодиночке слабее магов. Поэтому кто-то должен вас защищать. Я ничего не могу сделать против тех, кто стоит выше меня, если даже они замыслили против вас дурное. Но профессор Гаспар мне сказал: „Кто предупрежден, тот вооружен. Чтобы отразить удар или избежать опасности надо прежде всего о ней знать“. Он прав. Вот я и делаю самое малое, что могу: даю вам информацию.

Я подошла к своей новой подруге и обняла ее. Получилось смешно, если учесть разницу в габаритах, но я готова была заплакать, так тронула меня искренность Верки. Потом

отстранилась. Меня радовало, что теперь есть возможность узнать о планах магов относительно меня, но пугала мысль о том, что будет если об этом станет известно.

— Верочка, дорогая, ты же понимаешь, что никто — никто не должен узнать о том, что мы с тобой сейчас делали?

— Ясное дело, госпожа Марта. Никто ничего. Все между нами. Сами только не выдайте, а я как камень буду.

Она точно, как камень будет молчать. А я теперь не знаю, как с кем себя держать. Одно ясно: и ректор, и его друг Конрад мне друзья. А от короля лучше держаться подальше. И еще надо узнать поподробнее, что это за королевская магия такая и есть ли меры превентивной защиты. Короче, нет ли амулетика какого, чтобы при всем желании у меня от одного вида Горана не слетала крыша.

К моему счастью тут принесли заказ от госпожи Мирки: две летних мантии, две зимних, а еще кучу белья, которое я точно не заказывала. Посыльный сказал, что за все уплачено, взял чаевые и испарился, а мы с Веркой прервали столь драматически начавшийся рабочий день и стали изучать содержимое коробки. Это отвлекло от насущных проблем и позволило и ей, и мне успокоиться.

После того, как все, присланное портнихой было осмотрено, оценено и сложено обратно, я смогла вернуться к повседневной, хотя и не совсем обычной работе. Надо было готовиться к первому дню нового учебного года. Тут тебе и торжественное собрание, где придется выступать с речью перед студентами и преподавателями, тут и первое занятие.

Для начала я выбрала себе первокурсников, но уже вторая пара в первый день должна была пройти у пятикурсников. Мы с ректором решили, что целители и без математики обойдутся, а вот общим магам и боевикам она понадобится. Будут они со мной заниматься по два раза в декаду плюс дополнительные для особо умных и отстающих, туда же прибавьте и собственно проректорские обязанности... Нагрузку я себе обеспечила по самое не хочу. Ничего, лиха беда начало.

Проверив списки групп и велев Верке вывесить их в нижнем холле, я уселась писать свою тронную речь. Тут бумажка и помощь Пина не прокатят, выступать я буду перед студентами. Они народ безжалостный, юная девица без магии вызовет у них только смех и ни капли уважения, если я не найду нужные слова. А уж тех, кто читают речи по бумажке, студенты презирают, по себе знаю.

Так что придется потрудиться, как сочиняя, так и заучивая. Еще неплохо будет перед зеркалом прорепетировать, проконтролировать, как это смотрится со стороны. Ребята должны сразу понять, что я человек серьезный и проникнуться. Тогда с ними можно будет работать.

* * *

После обеда, который нам принес Пин, я отправила Верку проверить готовность завтрашнего главного места действия, то есть актового зала, а сама стала править уже написанное. В голову пришли разные мысли, которым было в тронной речи проректора самое место, и я спешила их вставить, пока не выскочили из головы.

И тут пришел король. Я уж надеялась, что Горан, вдоволь наругавшись с нашими магами, давно отбыл в свой дворец, а он тут как тут! Увидев, как он робко, как будто

вызванный на ковер студент, просовывает нос щелочку, я чуть со стула не грохнулась. Но справилась с собой, поднялась ему навстречу и предложила проходить и присаживаться, если он желает со мной побеседовать. Как я надеялась, что он откажется! Но король пожелал.

Чудо! Сейчас я ничего к нему не испытывала. Он остался ровно таким, как запомнился: невероятно красивым, привлекательным, сексуальным, не знаю еще каким... А я любовалась этой красотой с чувством посетителя музея. Божественно прекрасное произведение великого искусства, не имеющее ко мне ни малейшего отношения. Никакого сиреневого тумана. Я полностью владела всеми моими чувствами и мир не замыкался для меня на этом, бесспорно, очень привлекательном мужчине. Когда удалось это осознать, у меня даже вырвался вздох облегчения.

Кажется, короля задело мое отношение. Вместо того, чтобы сказать новому проректору пару слов и ретироваться, он уселся с явным желанием пообщаться и стереть то впечатление, которое у меня возникло в результате его непродуманных действий.

Для начала он извинился, делая вид, будто причаровал меня совершенно случайно, сам того не желая. Если бы я не знала правды, поверила бы в ту же минуту. Надеюсь, я ничем не выдала, как все обстоит на самом деле.

Затем Горан начал легкую беседу, в которой оказался истинным мастером. Для начала спросил меня, как я догадалась, что он король.

— Не знаю. Везде я видела королевские портреты, там изображен совсем другой человек. Но я все равно сразу поняла, едва услышала ваше имя.

— Везде висят портреты моего деда. Это такой способ показать мне, что я мизинчика его не стою. Неприятнейший был человек! Жуткий тиран. Своим самодурством и приверженностью старому привел королевство на грань катастрофы. Но все его поминают добром, а меня и отца клеймят на каждом перекрестке.

Это да. Подавляющее большинство не любит нового и не принимает его, пока оно не обратится в хорошо знакомое общее место.

Но вот история с портретами... Не знаю, может, я чего-то не понимаю, но уж повесить правильный портрет чиновников заставить можно. Я-то у себя в комнате неправильный сняла, вернее, Пин снял, когда заметил, что он мне не нравится.

Нечто подобное я высказала королю. Он засмеялся.

— Ничего вы не понимаете в королевских делах, Марта. Я не препятствую вешать тот портрет, который чиновник считает нужным. Но этих протестующих проверяют в первую очередь. И знаете, многих уже сняли не за портрет, а за реальные злоупотребления.

— Другие могут вешать правильный портрет, но быть ничуть не лучше. Подхалимы тоже весьма опасны.

Король одарил меня лукавой улыбкой.

— А вы не так наивны, как казалось. Но мы и их проверяем. Мой отец, Марта, желал этой стране самого лучшего: просвещения и процветания, полагая, что одно связано с другим. Я тоже придерживаюсь этого мнения. Но мой отец был слишком добр и мягок, к тому же он не мог влезть во все дела сам, а недостойные этим пользовались. Вместо просвещения и процветания у нас воцарился хаос. Хотя... Кое-что ему удалось сделать. А я стремлюсь продолжить его начинания. Например, он, после визита в разные государства, перевел Школу Магии из провинции в столицу и отдал ей здания, принадлежавшие королевскому гвардейскому полку. Даже земли еще прирезал.

То есть, мы живем в бывших казармах. Ну, для казарм жилье, можно сказать, отличное. Но если сравнить с великолепными строениями Элидианского университета...

— Наверное, это было очень разумное начинание. Пока Школа не очень велика, это здание ей подходит.

Горан рассмеялся:

— Вы не представляете, что она из себя представляла раньше. Сейчас в год получают дипломы около полусотни магов, а раньше.... Хорошо, если десяток.

Ни фига себе! Выходит, работа проделана не такая уж маленькая!

— Сейчас я вкладываю в нее огромные средства. Книги покупаю, оборудование... Вон, ар Арвиля позвал аж из самого Валариэтана. И студентов стало гораздо больше, появилось деление на специальности...

— Вы перестраиваете работу Школы Магии, — понимающим тоном поддержала я его.

— Ну, это у меня пока плохо получалось. Ар Арвиля я считаю своим учителем и восхищаюсь им, но... Он гениальный маг, но ему плохо удастся держать в руках других. Слишком добрый. Я говорю сейчас не об учениках, а об учителях. Как могут студенты учиться, если их никто не учит?

Действительно затруднительно.

— Я надеюсь, нам в этом году удастся организовать работу, — откликнулась я, — Господин ректор придумал несколько нововведений. Например, штрафы за прогулы преподавателей.

Это была моя идея, но я предпочла, чтобы ректор выдал ее за свою. А то еще превратят в жабу, а мне не пойдут бородавки.

— Вы не боитесь, Марта?

— Чего например?

— Ну. что маги разбегутся.

Он не сказал: „что вас убьют“. Уже радуется.

— Ничего. На то жалованье, которое вы им положили, мы легко найдем новых, более дисциплинированных.

— Даже среди учебного года?

Я пожала плечами. Да какая разница! В том же Элидианском университете полно ребят, которые мечтают о преподавательской карьере и годами не могут пробиться сквозь стену своих старших товарищей. Позови их сюда и пообещай приличный контракт на три года — набегут, можно будет брать по конкурсу. Думаю, в других местах то же самое. Вкратце описала королю ситуацию.

— Но почему тогда Рихард с таким трудом набрал даже этих?

Король явно хотел сказать: эту инвалидную команду. Я попыталась объяснить логически. Ар Арвиль пришел из Научного Центра в Валариэтане, с собой позвал тех, кого знал лично. Так там привыкли вести дела, и он действовал в соответствии со своими представлениями. А знакомые зачастую — это не лучший выбор. Ты думаешь, что сможешь на них положиться, а они думают, что ты будешь их прикрывать и всегда держать их сторону, даже если они неправы. Конфликт интересов. Ректор звал сюда на труд и подвиг, а приехали по большей части те, кто жаждал денег даром. Но они стали разбегаться, едва выяснилось, что денег просто так не дают, а старый друг обернулся этаким цербером. Так что приехавшие стали разбегаться, а старые кадры не приняли ректора — новичка.

— И что же делать?

— Не знаю, у меня нет подобного опыта. Но я бы стала строить все так, как будто начинаешь с нуля и не бояться.

Я, в сущности, так и делаю, только молчу. Иначе меня побьют.

— И вы надеетесь, что изменения наступят?

— Я верю в это.

Действительно, в моей жизни они (изменения) наступали так часто, что я не верю скорее в то, что все останется неизменным. Привела королю понятный пример. Молодые матери часто впадают в отчаяние от того, что их дитя, несмотря на все усилия, пачкает штанишки. Им кажется, что так будет всегда. Ничего подобного, проходит всего год, и ребенок уже отлично справляется с задачей вовремя проситься и даже начинает самостоятельно ходить на горшок. А еще через пару лет про эту неразрешимую когда-то проблему мать забудет, как про страшный сон.

Этот образ я взяла из жизни собственной семьи. Моя мама любила впадать в панику по любому поводу, например, что у Карла все нет детей(их сейчас у него трое), Марк никак не растет по службе (он уже капитан), я никогда не выйду замуж. Отец в таких случаях ей напоминал, что в детстве тот же Карл писал в штаны до трех лет включительно, а она рыдала, думая, что он и под венец пойдет с этой постыдной привычкой. Ничего, все обошлось. Когда родился Симон, Карл уже умел сохранять штанишки в сухости.

Он посмеялся и согласился, что изменения наступают так медленно, что наблюдатель не сразу может их увидеть, а потом вдруг оказывается в новой реальности. Его отец король Ставр начал реформировать армию, поначалу дело шло ни шатко, ни валко, а сейчас она быстро превращается в мощную, боеспособную машину.

Я выразила надежду, что и со Школой Магии выйдет то же самое. Надо только не терять надежды и стараться.

Затем король свернул речь на меня:

— Марта, а кем вам приходится Франк Аспен?

— Отцом.

Откуда король знает про моего отца? И что именно? Мне было неловко. Я всегда гордилась папой, но в данных обстоятельствах признать себя его дочерью звучало хвастовством. К счастью, король это так не воспринял.

— Меня учил математике его ученик. Он боготворит вашего отца. Занимался со мной по его учебнику. А как вы вдруг увлеклись магией, Марта?

— Случайно. Еще дома, в Лорне, один маг попросил помочь ему с расчетами. Никто из наших „взрослых“ математиков не захотел с ним работать, а я по неопытности согласилась. Потом поняла, что погорячилась, но отказываться из гордости не стала. Мы опубликовали несколько совместных работ. Тогда я была еще студенткой. А когда получила диплом, то меня пригласили в Элидиану.

Я выпустила почти всю историю с Лоренцо, королю про это знать не обязательно. Он в ответ рассказал, как отец послал его за границу набираться ума — разума. Оказывается, почти всех преподавателей — иностранцев в Школу набрали в Элидиане, даже тех, кто не оттуда родом, потому что Горан там учился, сначала в простом университете, а затем в магическом. Ставр хотел послать сына в кортальскую Академию Магии, все-таки Кортал — родина его матери, но тамошний закон не позволял обучать иноземных принцев в элитных учебных заведениях страны.

Мы вспомнили прекрасную столицу Элидианы, повосхищались ее красотами.

Выяснилось, что он знает тот кабачок, куда обычно я ходила в выходные с коллегами. Тоже в свое время там заседал.

В общем, разговор вышел интересный, содержательный, совсем ничего общего не имеющий с оболъщением и игрой в чувства, просто прелесть! Мы разговаривали, как два нормальных, доброжелательно друг к другу настроенных человека. Голова у меня при этом была ясная, что не могло не радовать.

Не думала, что от общения с королем можно получить удовольствие, как от общения с обычным человеком, да еще и неглупым. И что ему понадобилось меня оболъщать?

Закончили мы на том, что король пообещал мне всемерную поддержку, а я тут же вспомнила, где лежит листок со списком, на что нам нужно дополнительное финансирование и вручила монарху.

Он засмеялся:

— Все вы, девушки, корыстные. Но, правда, еще ни одна не выпрашивала у меня денег на оснащение кузницы и покупку мышей для вивария. Пришлю вам своего финансиста, решите с ним эти вопросы. Думаю, не сразу, но все получите.

На сразу я и не надеялась, да и все получить не рассчитывала. Хоть четверть, и то хлеб.

— А лично для себя ни о чем попросить не хотите?

Ну, Марта, пользуйся моментом. Надо поговорить с королем о положении женщин, особенно ведьм. Ведь какой потенциал пропадает!

— Лично для себя? Хочу. Хочу просить Ваше Величество о серьезном разговоре.

Он как-то хищно улыбнулся, видно, подумал не о том. Не будем его сильно разочаровывать, но и оставлять в заблуждении не стоит.

— Прошу, Марта!

— Нет, не сейчас, как-нибудь потом. Сейчас я еще к нему не готова, мне надо собрать данные.

— Разговор, для которого женщине надо собрать данные? Интересно. Ну что же, Марта, он за мной. Думаю, скоро увидимся, и тогда вы мне сообщите, что уже готовы обо всем поведать.

* * *

На этих словах король встал и покинул мой кабинет, не прощаясь. Я тоже вскочила, бросилась к дверям, чтобы проводить высокого гостя, но не успела даже „ой“ сказать. Тут же мне навстречу вошла Верка. Судя по всему, она стояла за дверью и ждала, когда король выйдет. Небось еще и подслушивала.

Но я не стала об этом упоминать, так как за Веркой вошел Конрад.

— Марта, все в порядке?

— В полнейшем, — поспешила его заверить, — Все хорошо. Король поговорил со мной о том, о сем и ушел. Я вручила ему список на дополнительное финансирование.

Мужчина облегченно рассмеялся. Вот когда он смеется или даже просто улыбается, то становится очень симпатичным.

— Что, клетки для вивария, инструменты для артефакторов и стазис — лари в столовую?

— Ага, еще мыши...

Хохот Конрада стал громче.

— Представляю себе!.. Бедняга Горан, он впервые в жизни видит женщину, которой нужны мыши настолько, что она требует у мужчины их ей купить. Кстати, Марта, ты мышей боишься?

Я задумалась. Пожалуй нет. Змей боюсь и пауков, а мышей... Они миленькие. Вот крысы противные. Но их я тоже не боюсь. Если вдуматься, то и пауков со змеями я скорее не люблю и опасаясь, нежели боюсь на самом деле. А вот магов — менталистов с сегодняшнего дня не просто боюсь, а панически. Что у Горана за магия такая?

Изложила все это Конраду и услышала в ответ:

— Марта, ты действительно хочешь знать?

— Это что, государственная тайна?

— В общем да. Но раз уж ты подверглась воздействию, глупо было бы утаивать. Да, не забыть бы... Завтра я тебе амулет принесу, Асти его уже делает.

Ага, опять кто-то пытается заболтать мой вопрос и не ответить.

— Конрад, прошу, не надо уходить от ответа. Если вас смущает присутствие Верки... Она может тут же поклясться, что тайну эту сохранит.

Маг посмотрел на мою помощницу и со вздохом сказал:

— Не стоит, я и так вижу, что не проболтается. Кремень — девчонка. Гаспару повезло.

Верка тут же покраснела как свекла. Видно, роман с главным армейским магом идет полным ходом. Надо сказать, меня поначалу удивило, что у него нет уже сговоренной ведьмочки, а потом дошло: он не местный. Пришлых здесь не жалуют вне зависимости от должности и ранга, ведьм для них не предусмотрено. Так что он с моей Верочки еще будет пылинки сдувать.

В Ответ на слова мага девушка пробурчала что-то утвердительное и Конрад приступил к рассказу.

— Вообще-то это магия не шимасских, а кортальских королей. Кортальских принцесс неоднократно отдавали замуж за шимасских владык, поэтому их магия утвердилась в династии. Последней кортальской принцессой в роду короля была его матушка, а он похож на нее как две капли воды, поэтому дар так силен. Заключается он в неотразимом обаянии. Причем действует эта пакость не разбирая пола и возраста. Даже животные подвержены. У магов и ведьм есть защита, но не абсолютная.

— А для чего она, такая магия?

Цель мне была совершенно непонятна.

— Для короля в такой магии заключен большой практический смысл. Ведь он может воздействовать как на отдельного человека, так и на толпу. Представь: если в толпе находится злоумышленник, желающий убить короля, то обаяние заставит его отказаться от этого намерения. Потом злодей об этом может пожалеть, но время будет упущено. Есть много вариантов. Король может применить очарование в полную силу и получить по уши влюбленного идиота, страдающего из-за минутной разлуки, а может только частично. Например, убедить кого-нибудь в своей правоте и уговорить поставить подпись под документом, который бы тот в здравом уме и твердой памяти не подписал ни за какие коврижки. На тебя он выпустил свое обаяние не в полную мощь, но ты была к этому не готова, вот и подействовало... Я даже испугался. У тебя были такие глаза...

Ага, пробрало меня до кишок. До полного помутнения в мозгу. Я поняла одно:

— То есть, король полностью контролирует свой дар?

— Естественно. Ты правильно меня поняла, Марта. Берегись, не расслабляйся, постоянно носи амулет на работе и когда тебя пригласят во дворец. От направленного ментального импульса он защитит. Я не всегда буду рядом, чтобы прийти на помощь.

У меня остался еще один вопрос, который я стеснялась задать, но и не задать не смогла. А то... Ну, то как вы меня вылечили...

Он вдруг тоже смутился, потупился и стал мяться.

— А, не бери в голову. Простой магический фокус, некий прием, не очень известный... Но помогло же?!

— Помогло...

Ой, темнит что-то маг. Что там с этим дурацким поцелуем? Чует мое сердце, какая-то засада.

* * *

Не судьба мне речь составить! После ухода Конрада пришел Рихард. Движением руки выгнал Верку и обратился ко мне:

— Привет, как дела? С утра тебя не видел. Чем занимаешься?

Показала ему полупустой листочек.

— Вот, речь себе пишу. Только с вами разве напишешь? Ведь не даете! То король ваш, то Конрад, то вот вы теперь...

— Ладно, ладно, я сейчас уйду. Пиши себе. Только скажи: на завтра все готово?

— Я еще сама посмотрю, но с утра Верка ходила проверяла, уверяет, что все: студенты почти все собрались, поселились, преподаватели тоже, аудитории и кабинеты в порядке, продукты для праздничного обеда завезли, зал украшен и снабжен глушителями случайных шумов и усилителями голоса для выступающих.

— Зал? Я думал, мы во дворе собрание проведем.

Я тоже так сначала думала, но теперь у меня была на этот счет свежая информация.

— На завтра предсказатели дождь обещали.

Рихард явно был недоволен.

— А погодники? Неужели тучи разогнать не могут?

Пришлось его уговаривать.

— Какие у нас погодники... Так, одно название. Профессор Гилон уже декаду слезно умоляет их, чтобы дождь был, а то сухо, как в пустыне, все растения повяли, поливать не успевают, и ничего. Так что дождь отменять не будем, он природе нужен. Проведем торжественную часть в зале, так надежнее.

— Ну, если природа просит... Хорошо, в зале так в зале. Список выступающих есть?

— Вон на углу стола лежит. Сначала вы, потом Лаура, за ней я...

Ректор меня остановил:

— Нет. Впиши: первым выступит король Горан, я за ним, далее по плану.

— Король? Он у нас речь говорить будет?

Арвиль развел руками:

— Да, выпала такая честь. Он и на торжественный обед останется. Слушай, Марта, он действительно тебя очаровал так, что ты была как невменяемая?

Признаваться было стыдно, но такое в карман не спрячешь.

— Действительно. Как посмотрел прямо в глаза — я себя осознавать перестала. Просто тупая дубина с глазами. Спасибо ар Гериону — расколдовал.

— Да, он молодец. Марта, один вопрос: а что он сделал, чтобы тебя расколдовать?

Ну, он вопросики задает. Не стану отвечать, и все.

— Вы лучше у Конрада спросите, я все равно не помню ничего, — соврала я.

— О, даже так? Ну, Горан, это тебе даром не пройдет. Так, Марта, слушай внимательно. На торжественном обеде садись от короля подальше, лучше рядом с Коном. Он прикроет, если что. На всякий случай проверь план рассадки и карточки напиши.

Э, а я хотела просто сесть рядом с ректором. А все остальное пустить на самотек. Теперь придется заниматься. И когда я речь буду сочинять?

Но вопрос моей речи волновал ар Арвиля меньше всего. У него были другие заботы.

— И еще. Конрад, как я понял, рассказал тебе об особенностях королевской магии. Самое в ней плохое — это что соображалка отключается. А у тебя она — самое главное. За нее, родимую, я тебя и проректором сделал. Король тебя очаровал, надеюсь, случайно, но на будущее держись от него подальше, чтобы мозги не растерять.

Ага, случайно. Это он мне выдает желаемое за действительное.

— Я буду стараться.

— Горан же заходил к тебе сегодня?

Я не стала отпираться. Расскажем, как дело было и послушаем комментарии ректора.

— Заходил. И на этот раз я ничего не почувствовала. Да, он красивый, привлекательный, приятный собеседник, но мозги у меня не отключались, если вам это интересно.

— Хорошо, что он держит слово и больше не применяет к тебе свою магию. Но! Ты ему понравилась, Марта, и он будет пытаться тебя завоевать.

Я пожала плечами.

— Чему там нравится? Ни кожи, и рожи.

— А вот тут ты неправа. Думаешь, нравится — удел таких, как Сильвия? Очень ошибаешься. Не спорю, она поначалу производит впечатление. Роскошные формы, ухоженная кожа, туда — сюда... Но на третий день общения от нее уже тошнит. Самовлюбленная дура. Ты совсем другая, с тобой приятно разговаривать, и с каждым днем в тебе открываются все новые и новые достоинства. И не клевети на свою внешность. Она у тебя очень миленькая и ты всем нам нравишься. Кое-кто, не будем называть фамилии, в тебя даже влюблен.

Интересно кто? Ясно, что речь идет о самых близких друзьях, другие бы с ним не стали делиться такими подробностями. Асти отпадает. Он сам или все-таки Конрад?

Ректор между тем продолжал:

— Но я не об этом. Я о той опасности, которую для тебя представляет король.

Опасность, это точно. Влюбиться в короля — это еще глупее, чем влюбиться в мага. Тут уж мне точно не светит долгой и счастливой совместной жизни.

Ар Арвиль все развивал тему.

— Сталкиваться с королем ты будешь регулярно. Раз в месяц он приходит с визитом ко мне, вроде как посоветоваться. Это традиция. Горан любит посидеть, поболтать, выпить без чинов, а во дворце это невозможно. Так вот: я буду тебя предупреждать о его визитах. В эти дни постарайся найти себе работу где угодно, кроме административного корпуса.

Уж постараюсь. Как ни мил Горан, но неприятности мне не нужны. А он их может

принести целую кучу. Например, всеобщую зависть. Оно мне надо? Так, слушаем ректора дальше.

— У нас, кроме торжеств по поводу начала и окончания года, есть еще четыре студенческих бала. Он на них регулярно является. И три раза в течение года нам с тобой придется присутствовать на балах во дворце. Это обязательно, пропускать нельзя. Только если будешь лежать при смерти. В этих случаях держись поближе ко мне или к ар Гериону и не забывай про амулет.

Он потер лоб и поглядел на меня как-то странно.

— Эх, я бы дал тебе по — настоящему хороший совет, но боюсь, ты его не примешь.

Пусть дает свой совет, хуже не будет. Потому что у меня один тихий ужас и никаких идей.

— Попробуйте. А вдруг вы ошибаетесь и совет ваш придется ко двору?

— Ну ладно. Если что, ты сама попросила. Так вот, совет мой заключается... Или нет, не так. В общем, заведи себе постоянного мужчину. Вот. Лучше из магов, с ними Горан связываться и соперничать точно не будет, ему маги в королевстве вот как необходимы!

Я смотрела на ректора, выпучив глаза. Нет, я понимала, что с его точки зрения совет резонный, но менять шило на мыло? Насколько для меня маг предпочтительнее короля, если учесть, что любви я ни к кому не испытываю?

Ректор неправильно оценил мое тупое молчание и вдруг заулыбался:

— Марта, если ты согласна рассмотреть мою кандидатуру, я в свою очередь готов...

О боги, нет! Только не это! Соль, где ты? Мне очень нужен твой трезвый взгляд на этот бред!

* * *

Увидев мою неадекватную реакцию на свое предложение, ректор пошел на попятный.

— Прости, если задел твои чувства. Кажется, я погорячился. Поторопился как всегда. В общем, Марта, думай, решай и береги себя. Увидимся, надо думать, уже на торжественном собрании.

Я с ним попрощалась и, взяв себя за шкуру, потащила еще раз все проверить. Чувства чувствами, а работа работой. В коридоре меня догнала Верка и предложила показать, что, где и как сделано. Вот и отлично, с ней мне намного спокойнее.

Убедившись, что к завтрашнему дню действительно все готово, я вернулась в ставшую уже родной квартирку. Пин выставил ужин, недовольно бурча:

— Совсем задержали девочку. Мало им работы, они еще магией вздумали размахивать, запретной, между прочим. А людям это вредно. Ты ешь, ешь, здесь все натуральное, качественное, никаких зелий не подлито, я за этим слежу.

Во как! Домовой за меня перепугался! И откуда узнал, что у меня с королем произошло? Хотя о чем это я... Все, что происходит в доме, домовому становится в тот же миг известно, а Пин признал своим домом всю территорию школы. Как уж они с домовым Лауры уживаются, не представляю. Но, видимо, находят общий язык, и это хорошо.

Плотно поужинав, я решила все же добить речь, и тут Пин притащил мне конверт. Письмо от Соледад! Речь тут же была забыта.

Я кинула распечатанный конверт на постель, поскорее сбегала приняла ванну, и

устроилась под одеялом читать то, что мне написала подруга. Последниц раз за этот день мелькнула мысль, что я не сделала важное дело, не подготовилась к завтрашнему дню, но я ее прогнала. Речей и без меня наговорят столько, что студенты в них увязнут, как муха в варенье. А я просто представляюсь и коротко им сообщу новые правила. Их я уже несколько дней как написала, так что зачитать несколько пунктов не составит труда.

Ну, что там пишет Соль? Я вытащила из конверта несколько сложенных листков. Посмотрим.

Дорогая Марта!

Спасибо, что написала такое подробное письмо. Я читала его как роман. Надеюсь, продолжение тоже будет? Стоило нам расстаться, как у тебя начались бурные события. Думаю, для тебя это не так плохо, как кажется. Возможно, скоро у тебя появится та самая личная жизнь, на отсутствие которой ты жаловалась. Тем более что рядом такие достойные кандидаты.

Только будь осторожна, держи ухо востро: простому человеку трудно в среде магов. Они не хорошие и не плохие, просто другие. С отличным от твоего подходом к жизни.

Это я уже поняла, не первый раз сталкиваюсь.

Я потому и выбираю в мужья обычных людей и с тобой потому подружилась, что образ мысли и подход магов к принципиальным вопросам бытия мне не слишком нравится. Наверное, я неправильная ведьма.

Видишь: и в этой истории занимаю твою сторону.

Спасибо тебе, Соль, ты настоящий друг.

Но к делу. Ты спрашиваешь, что я знаю о Рихарде ар Арвиле, Конраде ар ГерIONE и Асти Громмеле? Вот тебе краткая справка.

Сначала про Громмеля. Мы с ним учились, так что его я знаю лучше всего. Если брать профессиональную сторону, он гений. Лучшего артефактора просто не найти. Находит такие решения, которые никому, кроме него, и в голову не придут. Ему даже не мешает небольшой размер магического резерва. Один минус — пьет. Начал еще в студенческие годы. Все профессора сетовали, что у такого таланта такой порок. А все потому, что по жизни он — ловелас — неудачник. Волочитя за всеми девушками сразу и за каждой в отдельности, но, насколько я помню, ни одного успешного романа за ним не числится, несмотря на то, что внешне он просто милашка. Каждая неудача повергает его, по его же собственным словам, в пучину отчаяния, которую он пытается заполнить вином.

Мой совет — не связывайся.

Я тоже так подумала.

Ар Арвиля я лично не знала, но много о нем слышала от приятельницы, которая в него до сих пор влюблена. Он внебрачный сын Гремонского министра иностранных дел. Его брат Эберхард — посол Гремона при элидианском дворе. Знаменитый разработчик порталной связи. Поцапался со своим валариэтанским начальством по принципиальным вопросам и сгинул. От тебя только и узнала, где эта знаменитость обосновалась. Подробности мне неизвестны. Про его личные дела знаю, что ловили его девушки в свои сети, но так ни с чем и остались. Он всегда предпочитал тех, кто по тем или иным причинам не потянет его к венцу. Любовниц у него было много, но вот слухов о великой любви или даже сильной привязанности не ходило никогда.

Мой совет — обрати пристальное внимание. Перемена обстановки может сильно

повлиять на его приоритеты, а такой муж — не самый плохой вариант.

Соглашусь. Рихард мне нравится и внешне, и как человек, но вот роман ректора с проректором... Это же всю Школу на уши поставит. Хотя... То, как он давеча сказал, что готов соответствовать моим запросам... Что бы это значило? Уж не он ли в меня влюблен? Что-то не верится.

Конрад ар Герион. Его знала лично, хотя и не близко, а вот с его женой Леокадией знакома очень хорошо. Надеюсь, ты в курсе, что жена не актуальная, а беглая.

Что можно о нем сказать? Из очень хорошей гремонской семьи. Законный сын. Это отец его был бастардом графа фар Гериона. Ты знаешь, я профан в защитной магии, но знаю точно: в своей профессиональной сфере он считается одним из лучших. Как и Арвиль, работал в Валариэтанском Центре, получил степень архимага и должен был занять должность заведующего отделением защитной магии. Что уж у него там не срослось, не знаю, но он вдруг все бросил и исчез примерно тогда же, когда и Арвиль. Теперь ясно, что они отправились в Шимассу вместе.

Его жена доброго слова не стоит. Хотя нет, скажу и о ней хорошо: это самая красивая ведьма, которую я в своей жизни видела. В остальном — хитрая, но неумная сучка, больше всего на свете мечтавшая о богатстве и власти. Есть мнение, что она сбежала от мужа тогда, когда его звезда на Валариэтане закатилась. Ничего подобного. Произошло это за полтора года до того, как Герион покинул Валариэтан. Я знаю точно, как дело было. Она просто нашла более выгодного мужчину и сумела его окружить. Стала любовницей кортальского ненаследного принца и по совместительству главнокомандующего кортальской армией в мирное время. В военное время эта должность отходит королю. Пока он на ней не женился, но она уверяет, что это вопрос времени. У меня на этот счет серьезные сомнения, но в любом случае к мужу она уже не вернется, даже если любовник ее и вышибет. Ар Герион не из тех, кто простит и примет с распростертыми объятьями ту, которая так его унизила.

Интересная информация. Надеюсь, эта Леокадия в наших краях не объявится. Мне Сильвии хватает за глаза.

Мой совет: присмотришься. Конрад не красавец, но в отличие от большинства магов человек порядочный, к тому же умен.

В этом я уже убедилась. Он вообще хороший. Тогда первый побежал извиняться, а для мужчины это серьезный поступок. Всегда меня защищает, помогает и вообще хорошо ко мне относится. Во враждебном окружении это дорогого стоит. Да, не красавец, до Горана ему как до неба, но ведь и не урод, а когда улыбается, очень даже симпатичный. Приму во внимание.

Кстати. Когда ты мне написала в первый раз, как тебя занесло в эту дыру, я тут же связалась с приятелями в нашем родном университете. Недавно получила от них ответы и теперь могу сказать: никакой личной неприязни никто к тебе не испытывал. Ты просто попала не в то время не в то место, тебя убрали в процессе реализации многоходовки против ректора. Сейчас он вернулся на место и разобрался с интриганами, того же Агенора просто уволил, но многое из того, что наворотили они с Бальтазаром, обратно не отыграешь, как например, он не может вернуть тебя ранее, чем через три года.

Боюсь, если так пойдет, то или вернется мое бездыханное тело, или я не вернусь совсем. Думаю, тебе очень повезло с этой девочкой, с Веркой. Ты сумела обязать ее долгом жизни, сама того не подозревая, и теперь она всегда и во всем будет за тебя. Только не

давай ей сесть на шею, мы, ведьмы, такие.

Долг жизни? Надо почитать про это и узнать, чем это грозит мне и Верке.

У меня все хорошо. Я занялась домом и скоро он будет полностью отвечать моим представлениям о прекрасном. Виноград созрел и кое — какие сорта уже начали собирать и давить на вино. Попозже пришлю тебе вина нового урожая.

Бруно все чаще заговаривает о ребенке, и я уже склоняюсь к тому, чтобы пойти у него на поводу. Только он хочет наследника, но я-то ведьма. Боюсь, что в любом случае родится девочка.

Бруно и девочке обрадуется, так что можно не тянуть.

Как там мой домовой поживает? Надеюсь, ты им довольна, а он не слишком донимает тебя опекой. Передавай ему привет и скажи, что я о нем не забываю.

Подозвала Пина и передала привет, он просто расцвел. Убежал хвастаться своему новому другу Мету, что ему ведьмы личные приветы передают.

Надеюсь, мы с тобой увидимся, если не зимой, то будущим летом. Приезжай к нам отдохнуть, все в деревне тебя очень тепло вспоминают и ждут.

Бруно пришел из оранжереи и передает пламенный привет.

Твоя Соль.

Когда я дочитала письмо, из конверта выпал еще один листочек с постскриптумом.

P. S. Бруно мне напомнил и я решила тебя предупредить об одном персонаже. Хотя ты меня о нем пока не спрашивала, но ты с ним обязательно столкнешься. Так вот. Несколько лет назад у нас в университете учился шимасский наследный принц Горан. Магии в нем шиш да маленько, так что он изучал только те дисциплины, где можно без нее обойтись, теоретические и такие вроде моей. Разводить лекарственные растения можно и без магии, сама знаешь.

Ну так вот. В жизни не встречала более красивого парня, а я их повидала немало. К тому же он неглуп, имеет быстрый и острый ум, по большому счету не злой, скорее великодушный. Девки все были его, даже ведьмы. Стоило ему на какую-нибудь посмотреть — и все, готова. Но они у него не задерживались, быстро надоедали. Ты знаешь ведьм: мы сами выбираем мужчину и сами его бросаем, но с Гораном получалось не так. Он их бросал, а они ходили за ним хвостом и ныли, как дуры. Меня он обольщать, к счастью, не пытался, а то бы и я не устояла.

Теперь он стал шимасским королем. Вот думаю, что тебе посоветовать: держаться от него подальше или совершить решительный рывок и стать шимасской королевой? А что? У тебя получится.

Соль.

Ох, Соледад, Соледад... Думаешь, после твоего описания у меня появилось желание связываться с этим неотразимым красавчиком? Да я еще больше его бояться стала. Может, и правда, стоит принять совет ректора и завести постоянного любовника? Терять мне нечего.

Чего я боюсь? Много чего. Боюсь неискренности, подставы, интриг, боюсь, что меня снова захотят использовать, боюсь лжи и грязи в отношениях... Не хочу, чтобы снова получилось как с Альфом или как с Лоренцо. В обоих случаях я вышла из ситуации с высоко поднятой головой, но только боги знают, чего мне это стоило.

Глупая, я хочу, чтобы меня любили и готова полюбить в ответ. Соль столько раз мне внушала, что надо любить самой, но, кажется, это не мой случай. Я должна быть уверена,

что меня не отвергнут и не обманут.

Рихард намекал на то, что кто-то в меня влюблен? Знать бы точно, кого он имел в виду.

* * *

Конрад так и не принес обещанный амулет, но прислал вместо себя друга. Первый день учебного года для меня начался с визита Громмеля. Тот пришел на завтрак и притащил целую шкатулку побрякушек, то есть амулетов. Я вынимала их одну за другой, а он, обжираясь пончиками с вареньем, комментировал с полным ртом:

— Это колечко носи всегда, оно от королевской магии очарования. Посмотри, какое миленькое получилось.

Колечко действительно было миленьким: золотая ящерка с зелеными глазками, обвившая палец. Вполне в моем вкусе.

— Вот этот перстень — печать — знак твоей власти. Прикладываешь к любой бумаге и готово! Идет вместо подписи и имеет магическую силу. Никто, кроме тебя, им воспользоваться не сможет.

Перстень понравился значительно меньше, я не люблю громоздких украшений, но если это символ и так надо... буду носить.

— Вот кулончик, он отразит любую, направленную против тебя магию вплоть до шестого уровня.

Шестого? А это много или мало?

— А сколько у нас всего этих уровней?

— Вообще-то двенадцать, но вряд ли в этих стенах найдутся владеющие хотя бы пятым. Это если не считать нашего ректора, Кона и доблестного Гаспара. Те до девятого дотягивают.

Кулончик оказался миленьким: капля голубого топаза на платиновой цепочке сложного плетения. Цепочка длинная, так что светить амулетом я не буду.

— А вот заколки. Они от ментального сканирования и вообще от любого ментального воздействия. Достаточно одной, но я наделал побольше: заколки часто теряются.

Славненькие заколки, украшенные изящными цветками из черненого серебра с голубым камушком в серединке. А у Громмеля хороший вкус: все артефакты подходят мне по стилю.

Я поблагодарила Асти и пообещала носить все это богатство, не снимая, по крайней мере на работе.

* * *

С самого утра небо нахмурилось и подул сильный холодный ветер. Дождь так и не пошел, но я все же была довольна, что настояла на том, чтобы торжественная часть прошла в актовом зале.

До торжественного акта, который должен был начаться в полдень, оставалось еще достаточно времени. Я натянула скромное синее платье, причесалась и отправилась проверять все, что уже проверила вчера.

Правильно, кстати, сделала. За ночь кое-что испортилось, отклеилось, увяло и так

далее. Пришлось поправлять. Поймала для этого четырех праздно болтающихся студентов и припахала. Это были не те, кому меня успел представить Конрад, но, похоже, весть о новом проректоре разнеслась: ребята кротко пошли за мной и принялись за работу.

На кухне тоже нашлись косяки: молоко для бланманже скисло, зелень привезли вялую, мясо для начинки пирожков не уварилось, ибо было невероятно жилистым (вроде для них телятину закупали?), а печенка для паштета оказалась старой, хотя еще вчера была отличной.

Печенка, кстати, навела меня на мысль, что здесь не все чисто, и я кликнула Конрада на подмогу. Его весь вспомогательный персонал боялся до потери сознания. Тут же все нашлось.

Оказывается, наши повара подменяли качественные продукты негодными, а нормальные уносили домой. Что-то такое я и подозревала! Нельзя было из хороших продуктов готовить такую гадость, какую подавали в здешней столовой. Придется менять поваров. А главное, у меня теперь есть обоснование такой административной меры. Пусть скажут спасибо, что всего лишь выгоняю. Воровство — это уголовное преступление.

* * *

Когда время подошло к половине одиннадцатого, я отправилась переодеваться. Мои привычные платья для торжественного собрания не годились, а в местной моде я путалась, так что загодя выяснила, что следует надеть в такой день. Обратилась за помощью не к грубиянке Лауре и не к наглой Сильвии, а к весьма почтенной даме, очень милой старушке со смешным именем Блажена, которая преподавала основы бытовых заклинаний. Больше у нас все равно преподавателей — женщин не было. Она и надоумила: выступать перед студентами в мантии, а на торжественный обед надеть местное традиционное платье побогаче.

Так как она, во — первых, местная уроженка, во — вторых, старейший преподаватель Школы, а в — третьих милейшее и безвреднейшее существо, я решила последовать ее совету.

Пока что я надела мантию прямо на повседневный наряд, причесалась, закрепив свои кудряшки новыми заколками — амулетами, посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. Скромно, серьезно, и в то же время не уныло. На всякий случай слегка подкрасила глаза и губы подаренной Соль косметикой, чтобы их было лучше видно из последних рядов.

В карман сунула список новых правил для студентов и преподавателей и поняла, что готова. До начала нашего сборища оставалось полчаса. Знаю, что у магов пунктуальность не в почете, но я-то не маг! Я хочу, чтобы все было точно по расписанию и добьюсь этого.

В окно заметила, что во дворе собираются студенты, а у ворот происходит какая-то заварушка. Ноги сами понесли меня туда.

Когда достигла ворот, поняла, что зря бежала, зато смогла встретить короля одной из первых. Раньше меня прибежал только Конрад. Оказывается, это он приехал, а наши доблестные охранники от излишнего почтения замешкались.

Вместе с ар Герионом мы отвели короля в административный корпус и усадили за столик в комнатке за сценой. Отсюда он должен был пройти на подобающее ему место в президиуме. Вчера Зорко где-то специальное кресло отыскал, нечто вроде временного трона. Неудобное — ужас!

По знаку ректора королю тут же подали выпить и закусить на блюде, чем он и занялся

до начала собрания.

Стоило Его Величеству приехать, и тут же, как из-под земли в зале появились преподаватели в полном составе, как будто его появление стало для всех знаком собираться. За ними пустили и студентов.

* * *

Я была очень благодарна Его Величеству Горану за то, что он приехал заранее. Благодаря этому мы начали все по расписанию. Ровно в полдень король поднялся на трибуну и сказал речь о том, как важны магические кадры для экономики и обороноспособности страны.

Не буду приводить тот поток банальностей, которым он в течение получаса потчевал нас всех. Меня лично интересовал лишь вопрос финансирования, а его Горан оставил для личных бесед с ректором.

Когда утомившийся от собственного красноречия король уселся на предназначенное ему кресло, вышел ректор и заговорил о том, что все течет, все изменяется, меняется Школа, и он надеется, что это перемены к лучшему. Логично было бы после этого представить меня, как лицо, которое будет дирижировать улучшенным учебным процессом, но он пригласил на трибуну Лауру.

Та напомнила, что факультета у нас три и новшества в основном касаются не ее целителей, а двух других факультетов. Затем поздравила всех с началом учебного года и призвала старательно учиться.

Настала моя очередь. Я уже приготовилась, но ар Арвиль снова сломал мой план и вызвал Конрада. Тот с мрачным видом поднялся на возвышение и зачитал правила безопасности. Я запомнила из них только основные, которые относились к моему ведению и за нарушение коих я должна была лично карать. С территории без письменного разрешения не отлучаться, в коридорах не магичить, ограничения на магию в комнатах общежития: только бытовые заклинания первого — второго уровня из арсенала госпожи Блажены, распитие спиртных напитков и появление в нетрезвом виде на территории Школы ведут к отчислению.

Были и другие, в основном касавшиеся безопасности учебного процесса. Они относились уже не столько к студентам, сколько к педагогам. Конрад зачитал все.

Наконец он замолчал, а на трибуну опять влез Ар Арвиль.

— А теперь попривествуем нашего нового проректора по учебной работе, преподавателя теоретической магии профессора Марту Аспен!

Ну наконец-то! Я вышла вперед, встала рядом с трибуной и заговорила:

— Я Марта Аспен, буду руководить учебным процессом и преподавать у вас теоретическую магию. Господа целители, вы со мной будете встречаться, если что-то натворите. Моего предмета у вас в расписании нет. Господа слушатели факультетов боевой и общей магии! У каждого из вас две пары теоретической магии в декаду, так что видеться будем часто. Что это такое и с чем его едят, узнаете на занятиях. Надеюсь, мои уроки улучшат ваше положение на занятиях у других профессоров.

Так, про свой предмет сказала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Теперь о том, как будет организован учебный процесс в новом году. Расписание висит в холле, надеюсь, все его видели. Сегодня у нас, в честь праздника, две пары, по окончании которых по традиции будет торжественный обед для всех. Но это не значит, что надо расслабиться. До конца завтрашних занятий в каждой группе должен появиться староста. Почему это время? Потому что завтра по окончании занятий старосты должны собраться у меня в кабинете и получить инструкции.

Теперь про прогулы. Мне нравилась система отработок в элидианском универе и я ее оттуда позаимствовала.

— Далее. Пропуски занятий теперь не допускаются. Если занятие пропущено по уважительной причине, оно должно быть отработано во внеучебное время. Если причина неуважительная — кроме отработки пропустившему будет назначено наказание, скорее всего в виде хозяйственных работ. Для приема отработок будут организованы дежурства преподавателей.

А теперь про преподавательские прогулы.

— Преподаватели, манкирующие своими обязанностями, тоже будут наказаны. Для этого разработана система штрафов. Информация об этом вывешена в преподавательской. Сегодня все преподаватели подпишут со школой дополнительное условие. Если кто-то не согласен, мы никого не держим. На должности в нашей Школе довольно большой конкурс. Сюда придут те, кто готов работать планомерно, это будет прописано в основном контракте у тех, кто его будет заключать после сегодняшнего дня.

Теперь про дисциплину и взыскания. Тут тоже надо навести порядок.

— Нарушения дисциплины студентами как во время учебного процесса так и в общежитиях теперь будут фиксироваться преподавателем и передаваться в учебную часть для разбирательства и назначения наказания. Я приложу все усилия, чтобы ни один проступок не остался безнаказанным вне зависимости, кто его совершил.

Смотрю, многие недовольны. Еще бы: бездельничать не дают. Надо дать им понять, что это теперь такая государственная политика.

— Тем, кто собирается возмущаться и протестовать против строгостей, скажу. Перед нами Его Величеством поставлена задача сделать диплом нашей школы уважаемым во всех Девяти королевствах. А значит, мы должны повысить качество обучения, чтобы встать вровень с такими уважаемыми заведениями, как Элидианский Магический Университет или Кортальская Академия Магии. А пропущенные занятия — это пропущенные знания. Мы не можем такого допустить, поэтому тут без строгости не обойтись.

Ну, и общий заключительный аккорд.

— Работа мага — не лафа и не синекура, маг — не бездельник, получающий деньги просто так, неизвестно за что. Настоящий маг — это серьезный профессионал, а без хорошей подготовки стать профессионалом невозможно. И все меры, о которых я сейчас сказала, направлены на то, чтобы выпустить из этих стен не расхлябанных лентяев, а уважаемых магов, специалистов в своей области.

Я коротко поклонилась и села на место. Тут же из-под скатерти стола президиума мне показали три больших пальца. Рихард, Конрад и король! Выходит, им понравилось?

После моего выступления Ректор распустил сборище, сообщив, что через полчаса начнется первое занятие. Просьба ко всем не опаздывать! Я уже собралась подхватиться и бежать туда, где меня должны были ждать первокурсники, но король поймал меня на выходе. Рядом с ним стоял ректор и лица у обоих были обеспокоенные.

Как выяснилось, Горан лишь преградил мне путь, поговорить собирался Рихард.

— Марта, ты не поторопилась, объявив, что мы легко заменим каждого, кто не согласен с твоими правилами?

Я упрямо покачала головой:

— Во — первых, они все сейчас согласятся. Найти в уже начавшемся учебном году работу не так-то просто. А во — вторых... Я уже подготовила и разослала в магические газеты Элидианы и Кортала объявления о наборе учителей в Шимасскую Высшую Школу Магии. Никакой конкретики, кроме оплаты и предоставления жилья и питания. Предложила заинтересованным кандидатам присылать жизнеописание с перечислением заслуг, а также специальных знаний и навыков. Будем ждать заявлений от желающих и думать, кого из тех, кто нас не устраивает, ими можно будет заменить.

— Думаешь, от кандидатов отбою не будет?

— Думаю, что желающие найдутся, а это главное.

Ректор спросил заинтересованно:

— А кого ты хотела бы заменить? Гесперия?

Ну да, Гесперий — гвоздь в его заднице, но меня он более чем устраивает. Не как человек, в этом смысле он довольно противный, а как профессионал высшей пробы.

— Ни в коем случае. Профессор Гесперий — великолепный специалист, наша гордость. Но человек восемь тех, кто манкирует своими обязанностями я хоть сейчас назову. Может, в новом году они станут играть по новым правилам, но я что-то сомневаюсь. Человек так быстро не меняется.

— Ты говоришь о Сильвии?

Король не стал ходить вокруг да около, задал прямой вопрос. Ну что ж, дадим такой же прямой ответ.

— В том числе. Вы же не станете отрицать, что ставшие известными поступки госпожи Сильвии, кроме того, что являются неприемлемыми сами по себе, еще и на вас лично бросают тень?

Горан на мгновение опешил, не соображая, какую такую тень бросают на него деяния его бывшей любовницы, затем то ли понял, что ли сделал вид и веско произнес:

— А так ли нам нужна косметическая магия, что ради нее стоит терпеть недостойного сотрудника? Возможно, без ее уроков расписание не очень пострадает?

Рихард залепетал о том, что негоже так поступать с отставной пассией, но король возразил:

— Я никогда не оставляю своих бывших без поддержки. Дам ей денег, пусть открывает в столице лавку с мылом и кремами. А для обучения юношества нам нужны более ответственные люди.

Я была готова согласиться с доводами короля и сплавить Сильвию от греха подальше, если бы не одно „но“. Она пока не совершила проступка, за которой ее можно было бы наказать. Прошое — оно прошое и есть. В этом прошлом ее поведение вписывалось в рамки нормы. Я ввожу здесь новый порядок и не должна сама его нарушать.

— Давайте не будем торопиться, Ваше Величество. Подождем, вдруг госпожа Сильвия осознала свои недостатки и исправилась?

Оба мужчины уставились на меня, потом друг на друга... Кажется, они ничего не поняли. А раз так... Оставим их наедине с собственными мыслями. Может, додумаются до чего-нибудь.

— Прошу меня простить, я тороплюсь провести первое занятие. Надеюсь, Ваше Величество, увидевшись с вами на торжественном обеде, так что не прощаюсь.

Поклонилась и упорхнула.

Повела себя безобразно, с королями так нельзя. Но если соблюдать весь положенный этикет, можно опоздать к первокурсникам.

* * *

Они ждали меня у двери в учебный кабинет. Двадцать человек, две группы разом, весь первый курс факультета общей магии. Среди симпатичных мальчиков на вид лет по шестнадцать — семнадцать (на самом деле больше) я заметила всего одну бледненькую, перепуганную девочку.

Что ее так напугало?

Не забыть вызвать как-нибудь тайком, без огласки, всех девушек по очереди и расспросить, как они здесь оказались. Была ли учеба в Школе их личным желанием? Вдруг они сюда только с горя подаются?

Открыла дверь, запустила всю толпу внутрь и заняла место за кафедрой. Там стоял очень удобный высокий табурет, но я не стала садиться, потому что планировала большую часть времени писать на доске. Так, мел и тряпка на месте, начинаем. Хотя... До звонка есть еще пара минут, стоит их потратить, чтобы понаблюдать за будущими учениками.

Они рассаживались, не обращая на меня особого внимания. Кажется, название „Теоретическая магия“ не внушило им особого интереса. Все были одеты в форму, но у кого-то она была получена со склада, а у кого-то сшита на заказ из дорогих тканей. Это бросалось в глаза. Мальчики, одетые побогаче, сели кучкой в середине. На меня даже не смотрели, им было не до этого. Они общались между собой, время от времени их развеселая компания взрывалась смехом. Все были хорошо знакомы друг с другом.

На галерке устроились ребята победнее, здоровые, наглые и явно не планирующие меня слушать. Будущие хулиганы, с которыми я еще нахлебаюсь полной ложкой.

На первый ряд сели несколько парней в казенной форме, которые сразу достали тетради и приготовились записывать, да с краю притулилась девочка. Вот она ела меня глазами.

Мне стало ясно, что старательно выстроенная схема первого занятия летит к демонам. Если я сейчас начну объяснять тему и грузить их формулами, то никогда не добьюсь с ними успеха. Я должна заинтересовать, поразить воображение, только тогда могу надеяться, что они станут учить математику. А как это сделать?

Тут раздался на редкость мерзкий звук, заменяющий звонок, и все вдруг повернули головы ко мне. Я решила.

— Добрый день. Надеюсь, все вы были на торжественной части и запомнили, кто я и как меня зовут. Повторю еще раз: я Марта Аспен и буду читать вам теоретическую магию. Обращаться ко мне следует „профессор Аспен“. Правила на моих занятиях очень простые. Если хотите задать вопрос, надо поднять руку. Если я вас поднимаю и хочу спросить, встаньте и назовите свое имя. Это на первое время, пока я вас всех не запомнила. Пропускать уроки нельзя. Домашнее задание делать обязательно. Вот и все.

Покончив с правилами, перешла к делу.

— Теперь объясню, что это за теоретическая магия такая. На самом деле это

математика, но в приложении к магическим наукам. Очень полезная штука. Если вы ее хорошо освоите, она упростит вам изучение и понимание сложных заклинаний.

Красивый кудрявый парень в форме из дорогого сукна, сидевший в самом центре богатенькой группы, поднял руку.

Ага, правило запомнил и будет вести себя идеально по форме и издевательски по содержанию. Думает, я не догадаюсь и не буду готова.

— Прошу, — жестом я предложила ему встать.

Красавчик поднялся, улыбнулся ленивой улыбкой сытого кота и произнес:

— Драган Стойнич. Вы сказали „математика“, профессор Аспен. Мой отец — маг, один из самых сильных в нашей стране. Он не знает никакой математики, но что-то это ему не мешает. Для магии нужна только сила и природный дар! Выучил заклинания и вперед!

Парень — явный лидер. Вон как его слушают. Он замолчал и победительным взглядом обвел всех своих прихлебателей. Ну держись, Драган Стойнич!

— Ты хочешь сказать, Драган, что для магии важен лишь размер магического резерва?

— Да. Ну, и знание заклинаний.

— Я поняла твою мысль. У тебя и с тем, и с другим, надо понимать, все в порядке. А почему ты на общем факультете, Драган, а не на боевом?

Он явно напрягся, покраснел и спросил набычившись:

— А вам зачем знать?

Я пожала плечами:

— Мне? Мне это совершенно безразлично. Учись там, где считаешь нужным. Просто ты сейчас своими словами сформулировал любимый тезис боевого факультета. А в просторечии он звучит так: сила есть — ума не надо.

Среди ребят послышались смешки. Я продолжала развивать успех.

— Ты должен знать, Драган, что магическая наука не стоит на месте. Каждый год маги разрабатывают десятки новых заклинаний. Многие из них нельзя просто так запомнить. Они каждый раз новые, потому что учитывают массу параметров: время, место, расстояние, вес, размер и так далее. А значит, каждый раз нужно делать новый расчет. Как его делать, не зная математики?

Поднял руку для вопроса другой мальчик, я дала ему слово:

— Славко Тадич. Профессор Аспен, а вы можете привести пример? Желательно не абстрактный, а из своей жизни?

Хороший вопрос. Парень хотел посадить меня в лужу, но на самом деле протянул руку помощи.

— Приведу. Кто из вас был на порталной станции в Сармионе?

Поднялась одна рука. Унылый мальчик, сидящий рядом с Драганом. Я показала ему, что вижу, но давать слово не стала.

— Вижу, порталами мало кто из вас ходил. Здесь это редкость. А в Элидиане, где я раньше работала, это рутина, обычное дело. Там все большие и часть маленьких городов связаны порталной сетью. Работа эта идет уже много лет, но непростительно медленно. До недавнего времени вводилось в строй не более одного направления в год, а бывало и так, что какой-то город, далеко расположенный, к сети удавалось присоединить только за два года. Знаете почему? Потому что маги рассчитывали порталы по старинке, не используя новейшие достижения математической науки.

Ни на одной физиономии я не увидела скепсиса. Порталы для Шимассы были чем-то из

области фантастики, однако же существовали в действительности. Про них всем было интересно.

— В прошлом году в строй вошли целых три направления: город горняков Сираза, город Бион на границе с Гремонам, и Коралис, столица одноименного независимого княжества. Это стало возможным, благодаря применению математики. Спрашиваете, какое это отношение имеет ко мне? Самое прямое. Я делала эти расчеты под руководством архимага Кассиуса. Его сотрудники собрали данные, а я их обработала и рассчитала порталные пентаграммы входа и выхода, которые Кассиус воплотил в жизнь. Денежки мы поделили пополам. Если бы архимаг Кассиус владел математическим аппаратом, то полностью положил бы их в свой карман, не делясь с человеком, не имеющим и капли магического резерва за душой.

Славко и звука не издал в ответ на мой рассказ. А вот Драган встал, не очень соображая, что делает.

— Профессор Аспен, у вас... Вы... Вы не маг?

— Нет, Драган.

— И не ведьма?

— Увы. Я простой, обычный человек. И все же сильные маги, к каким вы непременно отнесете нашего ректора и других преподавателей, попросили меня учить вас и даже сделали проректором по учебной работе.

У парня случилось то, что моя бывшая сослуживица и приятельница Соль, маг — менталист Зои называла мудреным словом „когнитивный диссонанс“. То есть он перестал понимать на каком он свете. Его представления о мире полностью разошлись с фактами.

Другие ребята тоже сидели несколько оглоушенные новой информацией. Я решила их сначала немного додолбить, а затем уже приободрить.

— Не стоит удивляться, что обычный человек будет учить магов. Пока магия шла по указанному Драганом пути наращивания силы, люди, ею не обладающие, искали способы компенсировать свои природные недостатки. И нашли, не сомневайтесь. На моей родине, в Лиатене, на основе математических знаний механики построили множество приспособлений, которые работают ничуть не хуже своих магических собратьев. Маги не стесняются их покупать для своего обихода за большие деньги. Потому что, как ни велик резерв, но он имеет свойство истощаться. Растративший силу маг, пока не восстановится, не может даже свечу зажечь. Надеюсь, это вам известно. А механические устройства работают несмотря ни на что.

На меня смотрели так, как будто я им рассказываю, что на деревьях растут булки, а в реках течет малиновый сироп. Ничего, главное, что слушают.

— До их пор магия и человеческая наука были противопоставлены друг другу. Но пришла пора покончить с этим. Не в противоборстве, а в единении сила. Сейчас Шимасса среди других государств Девятки на одном из последних мест по развитию. Но жизнь дает ей шанс. Если вы сделаете все, что сможете, чтобы объединить магические и научные знания, то ваша родина окажется впереди!

Эта мысль всех вдруг заинтересовала, даже те, кто смотрел на меня с величайшим скепсисом, вроде того же Драгана и его приятеля с унылой мордашкой, встрепенулись.

— А для этого вам надо прежде всего освоить математику. Хотите наглядный пример? Сейчас покажу.

Я весело застучала мелком по доске.

— Предположим, есть город И и город Б, нам нужно построить портал из одного в другой. Расстояние от...

Я взяла этот пример из жизни. Мы с Кассиусом рассчитали не три, а шесть порталов, только порталная служба не успела организовать везде станции, поэтому пришлось притормозить работу. Но я еще получу за них деньги, дайте только срок.

Все исходные и свои расчеты я знала наизусть и сейчас быстро писала на доске, комментируя:

— ... Приводим к общему знаменателю... Сокращаем однородные члены... решаем систему уравнений... косинус угла склонения... графики функций пересекаются в этих точках... методом подобия находим...

Полученные данные выписывала в таблицу, скромно ютившуюся в углу доски. Затем, когда все ее графы были заполнены, взяла линейку и циркуль и начала чертить вписанную в окружность девятилучевую звезду. Краем глаза наблюдала за аудиторией: все глаз не сводили с доски, некоторые привстали, чтобы было лучше видно.

Даже Драган, который поначалу хмурился и зевал, увлекся, когда я стала чертить. Когда же на доске возник готовый порталный узор, да еще со всеми вписанными туда рунами, все были просто поражены.

— Вот так.

Я положила мел и вытерла руки тряпкой.

— Расчет точки входа портала готов. Если расположить этот рисунок в заранее выбранном месте в соответствии с исходными данными, а потом насытить магической энергией, он будет рабочим. Точно так же мы рассчитаем и точку выхода, и когда они будут воссозданы магами на местности, портал сможет их соединить! Все поняли, как я это сделала? — я обвела взглядом группу, — Никто? То-то!

Вслед за этим стала вызывать студентов по одному и спрашивать, что они собираются делать, когда выучатся. Каждому старалась показать, что моя наука им просто необходима. Гордый Драган мечтал о должности придворного мага. Я обратила его внимание, что даже король изучил математику. Какое же он будет иметь доверие к магу, который такой малости не осилил?

С королем — хороший пример. Даже в нашем Лиатине, где король уже давно превратился в декоративную фигуру, простые люди стараются копировать его самые незначительные поступки. Если вдруг станет известно, что король пёрнул, все начнут воздух портить. Так им кажется, что они ближе к высшей власти. А уж в патриархальной Шимассе... Пусть здесь ругают королевскую политику, но личность самого Горана для граждан является эталоном.

Наконец дошла и до девушки. Она поднялась и назвала свое имя:

— Далия Зиги.

Ну вот, наконец-то нормальное женское имя, название цветка, а не все эти Мирки, Дырки, Живопырки.

— Я хочу стать артефактором.

— Отлично, Далия, тебе повезло. Будешь ученицей профессора Громмеля, — и пояснила для остальных, — В нашей Школе трудится самый выдающийся артефактор современности, и это не преувеличение. Он делает сложнейшие амулеты из чего угодно, не только из золота и драгоценных камней. Если честно, не знаю, нужна ли ему математика,

хотя несколько дней назад он просил сделать ему расчет магического потока в разных средах. Вот жду, когда принесет исходные данные. Математика — как мельница: что заложишь, то и смелет.

Дальше все пошло как по маслу. Пораженные величиим настоящей науки, ребята готовы были слушать и воспринимать. Времени, правда, почти не осталось. Так что я вкратце объяснила, что будем изучать на следующем занятии, раздала отпечатанные в типографии Школы методички, назвала учебник, который им должны были выдать в библиотеке, и указала страницы для самостоятельного прочтения. Уф, кажется, справилась!

Второе занятие было у старшекурсников, да еще и боевиков. Их я боялась до трясучки, и совершенно напрасно. На первое занятие ко мне, кроме учеников, притащился Гаспар лично. Небось Верка попросила помочь.

Но я не стала уповать на его дисциплинирующее влияние, а устроила тот же цирк, что у первокурсников. Удалось впечатлить не только их, но и профессора. Он живо принял участие в дискуссии: для чего боевику нужна математика. Все вместе пришли к выводу: только тупому рядовому, которому нет другой дороги, как только остаться на поле боя, она ни к чему. Если хочешь подняться, нужно что-то посложнее огненного шара, а разрабатывать заклинания без математики — отсталость и вчерашний день. Еще вместо врагов своих положишь.

Правда, не обошлось без неорганизованных выступлений. Почти сразу вылез с вопросом симпатичный парень. Тут все в основном черноволосые, а этот был огненно — рыжим с очень яркими светло — карими глазами. Живое пламя.

— Живко Живкович. Профессор Аспен, а вы замужем?

Вот уж точно что Живко. Гаспар уже собирался прицкнуть на студента, но я справилась сама.

— А вы посвататься хотите? — среди студентов послышались смешки, — Мне кажется, — это несколько преждевременно. Получите диплом — поговорим.

Парень сел, еще более красный, чем поднимался.

Вроде, все прошло отлично, но когда я выходила из аудитории после второго занятия, у меня ноги дрожали от усталости. А тут этот торжественный обед, гори он синим пламенем!

А еще я прикинула: у меня каждый рабочий день две пары. Если я так буду уставать, то как же параллельно справляться и с работой проректора, и с подготовкой к занятиям? Да я к первой сессии просто сдохну, никакая магия не поможет. Нужно что-то предпринять.

Вернулась в свою квартиру и чуть ли не с разбегу плюхнулась в ванну. Полчаса в воде освежили, сняли большую часть усталости и, как ни странно, привели в порядок мысли.

Встала, завернулась в халат, и прежде чем переодеться в парадное платье, написала два письма. Завтра утром они уйдут в Лиатен.

Платье выбрала лавандовое. Кажется, это оно предназначалось какой-то там графине, значит, и мне подойдет. Отсутствие в моде Шимассы всяких пыточных приспособлений вроде корсета мне понравилось, чуть приталенные балахоны не стесняли движений и были довольно удобными в носке. А это конкретное платье еще и красивое. С ним волосы кажутся совсем золотыми.

Конечно, к зиме загар смоеется, выгоревшие на солнце пряди опять потемнеют и я снова стану тем, кем была: серой мышкой, но пока можно и покрасоваться.

Достала подаренные Соль пудру, помаду, тушь и карандаши для глаз, поколдовала

немножко над своим лицом... Вроде почти ничего не сделала, но эффект был значительный. Лицо перестало быть унылым блином, глаза казались больше и ярче... Что можно сказать? Вполне себе привлекательная девушка получилась.

Волосы я распустила, в стратегических местах закрепив пряди заколками, якобы чтобы в рот не лезли, а на самом деле чтобы никто к моим мозгам не подобрался. Остальные выданные Асти амулеты тоже нацепила.

Решив, что другие усовершенствования внешности мне не нужны, выдвинулась в сторону столовой, где сегодня вместо унылой действительности был накрыт праздничный стол. Нажученные Конрадом повара и подавальщицы расстарались: все было просто шикарно. Глаза разбегались от великолепных яств.

Студенты, которых я послала подправить декор, тоже не подкачали: увили столбы, поддерживающие крышу, плющом так, что создавалось впечатление: мы в огромной беседке.

Подошел Громмель, на удивление трезвый, обвел всю красоту рукой и спросил с гордостью:

— Нравится?

— Очень.

— Тут ребята копались, пытаюсь прицепить ветки к колоннам. Получалось плоховато. Я их отпустил, позвал Кона и мы навели иллюзию. Я творил, а он силой напивался. До ночи продержится, я так думаю.

Ага! Так это не студенты, а преподаватели. То-то я смотрю, красота какая...

— Надеюсь, еда настоящая?

— Ну ты спросила! Конечно! Иллюзию еще никто съесть не смог.

Я кое-что вспомнила:

— Слушай, Асти, у меня сегодня на первой паре среди первокурсников одна девушка выразила желание стать артефактором.

— Ведьма? Красивая?

Кажется, нашего профессора уже несет по кочкам.

— Успокойся. Девушка совсем юная, и, кажется, запуганная. Если ты набросишься на нее с криками: „Ведьма!“, она убежит от тебя сломя голову и будет права. Раз в жизни поведи себя как взрослый. Не торопись, учи, расти девочку. За шесть лет многое может произойти.

На самом деле я не собиралась сватать Громмеля, просто пыталась замотивировать на нормальное поведение, защищая скорее интересы Далии. Асти грустно вздохнул.

— Ты права, Марта. Только... У меня эмоции всегда впереди мысли бегут.

— Как ты только свои артефакты делаешь?

— А тут эмоции ни при чем, я их отключаю.

— Знаешь, делай это почаще, будет лучше. Кстати, ты так и не дал мне данных, чтобы я могла начать для тебя расчеты.

— Да я хоть завтра!..

Разбежался, как же! Только работы на Асти мне сейчас и не хватает.

— Не торопись, теперь декады через четыре, не раньше. Пока что я в учебный процесс должна втянуться.

Тут время подошло и в зал столовой повалил народ. По традиции это было время всеобщего братания: преподаватели рассаживались среди студентов. Я тоже хотела плюхнуться на первый попавшийся стул и наесться от пуза, так как с утра ходила голодная,

но ректор подошел и попросил пересесть. Мне отвели место рядом с королем по его личному приказу.

Я поискала глазами Конрада. Его усадили на другой конец зала. Мне это не очень понравилось, но делать было нечего: с королями не спорят.

Ладно, ар Арвиль сидит рядышком, хоть какая-то поддержка.

— Ну, Марта, как прошла встреча со студентами?

— Великолепно! Я довольна.

— Устала?

— Конечно, Ваше Величество. А главное проголодалась.

Он рассмеялся.

— Думаю, Марта, ты пришла по адресу. Здесь можно отлично поесть. Никогда такого не было в этой Школе: угощение не уступает пирам во дворце. Но сначала придется выслушать пару речей. Должны выступить я и ректор. От себя лично обещаю: затягивать не буду, постараюсь покороче. Я тоже проголодался.

Он ткнул в бок ар Арвиля и что-то шепнул ему на ухо. Ректор тут же встал и поднял руку над головой. Шум стих.

Видимо, ректор тоже торопился дорваться до аппетитных блюд, потому что обошелся двумя фразами и сразу передал слово величеству. Тот тоже не стал тянуть:

— Поздравляю всех с началом нового учебного года. Отдохните сегодня хорошенько, потому что с завтрашнего дня у вас начнется серьезная работа.

И поднял первый бокал:

— За успех нашей родной Шимассы на ниве магического образования!

Пришлось выпить вслед за королем, полный бокал белого вина. А я к нему непривычная.

Затем Горан взял вилку и торжественно ткнул в кусок на своей тарелке.

— Пусть боги благословят нашу еду!

Судя по тому, что началось после этих слов, народ сюда прибыл из голодного края. И студенты, и преподаватели просто набросились на еду. Я даже чуть не поддаюсь общей панике и не навалила себе на тарелку больше, чем способна была съесть. Вовремя сама себя одернула. Мама бы такого поведения не одобрила.

Горану моя умеренность понравилась, но выразилось это в не слишком тактичном вопросе:

— Марта, а Аспен — благородный род?

Ну не врать же королю!

— Ваше Величество, Аспены — простолюдины. Мой дед был кузнецом. Впрочем, почему был? Он и сейчас еще жив и здоров, а значит трудится.

— У тебя такие аристократические манеры., что я подумал...

— Моя мама из знатного рода, только из очень бедного. Мончел. Вряд ли это что-то вам говорит, но поверьте, в Лиатине — один из древнейших. Она меня воспитывала как подобает благородной девушке, только не очень в этом преуспела.

Горан довольно улыбнулся.

— Передай при случае мою благодарность своей матушке, она тебя отлично воспитала. А вот маги... Боюсь, им бы не помешали уроки хороших манер.

Говоря так, он не стеснялся лопать от души, как самый простецкий из здешних студентов. Я еле сдержалась, чтобы не захихикать.

Вслед за этим началась кавалерийская атака. Мне подливали вино и подкладывали на тарелку вкусности. Меня посыпали комплиментами как цыпленка для жарки — солью со специями. Я тонула в королевских любезностях как мясо в соусе. От обещаний милостей и подарков приходилось просто отбиваться.

С каждым выпитым бокалом посулы становились все весомее. От драгоценных серег с сапфирами, чтобы украсить мои прелестные ушки, король перешел к тяжелой артиллерии: титул герцогини и целая провинция. Вот только этого мне и не хватало. Сказать на такое: „Спасибо, вы очень любезны“? Еще и впрямь подарит, мучайся потом.

Пришлось занудно объяснять, что я девушка простая и мне все это ни к чему.

— Но Марта, я так хочу тебя порадовать! Скажи, что бы тебе было приятно получить от меня?

Кажется, король созрел для того, что мне действительно от него нужно.

— Ваше величество, я сегодня провела два занятия...

— Только не говори мне сейчас, что тебе нужны мыши или кошки!

Ого, как его списком для вивария проняло!

— Не буду. Мне нужен еще один преподаватель моего предмета.

И, пока с лица короля не сошло изумленное выражение, стала торопливо пояснять:

— У меня каждый день по два занятия, чего с учетом роста и развития школы совершенно недостаточно. К занятиям нужно готовиться. А еще работа проректора, она тоже времени и сил требует. А еще я обещала делать расчеты ректору, ведь он собирается наладить в Шимассе порталную службу. Другие маги тоже просят помочь им с расчетами. Я прикинула и поняла, что для одной меня это слишком много.

Горан неэстетично почесал голову пятерней.

— Да, ты права, Марта. Занята ты почище чем сам король. Если я захочу с тобой увидеться, то не найду в твоём расписании ни одной свободной минутки. Тебе просто необходим заместитель.

Его глаза гордо блеснули:

— Выходит, у нас в Школе будет не просто один преподаватель, а целая кафедра теоретической магии? Нигде этого нет, а у нас будет. Это серьезный предмет для гордости. А кто-то на примете у тебя уже есть?

Пришлось выдать свой секрет.

— Я написала отцу и еще одному человеку, на которого и рассчитываю. Но если он не согласится, то папа кого-нибудь пришлет.

— А они справятся? Все-таки магия имеет определенную специфику. Мой учитель математики до сих пор фыркает и недоумевает, как дочь Аспена связалась с магами. Он бы им преподавать не взялся.

Что это у моего папы за ученик такой? Надо бы глянуть. А то многие готовы хвастаться, что они из школы Франка Аспена, а на деле — ничего подобного. Вслух я сказала:

— Ну и очень зря. Маги в этом смысле ничем от обычных людей не отличаются. Есть поумнее, есть поглупее, есть очень способные. А учить можно любых.

И тут же получила высочайшее позволение.

— Хорошо, Марта, разрешаю тебе включить в штат еще как минимум одного преподавателя твоего предмета и основать кафедру. Пусть шимасские маги будут самыми передовыми.

Ох, ура! Кажется, я сумела переключить Горана в конструктивное русло и вместо

беспольного герцогства получить нужного мне преподавателя. Надо срочно доложить ар Арвиллю.

Сделать это удалось только во время танцев.

Все думают, что заучки вроде меня не умеют танцевать и им это неинтересно. Очень зря. Я танцы люблю, танцую неплохо, только мне нечасто удается ими заняться. Король оказал Школе любезность: прислал дворцовых музыкантов, и, как только все наелись, столы были убраны и в том же зале, где недавно чавкали, грянул оркестр.

С танцами здесь была определенная сложность: толпа кавалеров и почти никаких дам. Но все же король Горан открыл импровизированный бал рука об руку... Нет, не со мной, с госпожой Блаженной. Это было так трогательно и символично: молодой красавец король вел в танце нашу старейшую ведьму.

Я хотела полюбоваться, но меня подхватил преподаватель рунной магии профессор Божидар. Выглядел он симпатично, но я успела его узнать и отлично понимала, что мужик просто ищет близости к начальству. Он из тех, про кого моя бабка — кузнечиха говаривала: „Нашим — вашим вместе спляшем“.

Вел Божидар неплохо, по крайней мере на ноги не наступал. А я не могла оторвать глаз от Горана: как же он красив, как волшебю движется. Даже старушка не портит картину, наоборот, делает ее более душевной.

На следующий танец короля перехватила Сильвия, а я протолкалась к ректору и сообщила ему радостную новость: король финансирует еще одного преподавателя теоретической магии.

— Ну и хвала богам, — заключил Рихард, — Выпросила? Молодец. А то я все думал, как ты это вытянешь и не загнешься.

Ага, заранее знал, что так будет, наблюдал за моими мучениями и слова не сказал. А еще уверял, что готов соответствовать. Что там со списком предполагаемых влюбленных? Вычеркиваем! Но ар Арвиль о любви и не думал. Его волновали насущные вопросы.

— Сумеешь найти еще кого-нибудь?

— Найду, не сомневайся. И двух декад не пройдет, как половину занятий будет вести второй препод.

Он удовлетворенно закивал. Я уже намылилась переместиться в другое место, как ректор подхватил меня и закружил в танце.

Я этого совсем не ожидала, подошла к нему, чтобы решить деловые вопросы, а он... Но протанцевать с Рихардом один танец все же пришлось, а затем он передал меня вовремя подсуетившемуся Асти.

Тот уже приготовился пытать меня про ведьмочку, желающую стать артефактором, но я сама перешла в наступление. Стала выспрашивать бедолагу про распределение магических потоков: что это такое и с чем его едят. Профессионал не мог устоять и начал мне излагать азы своего дела. Так увлекся, что о ведьмочках позабыл.

Я планомерно направляла его в конец зала, где виднелась высокая фигура Конрада. Но не преуспела. Музыка закончилась раньше и меня перехватил тот рыжий парень, Живко Живкович.

— Профессор Аспен, вы на меня не обиделись? Я сегодня, конечно, глупость сморозил...

— Да уж, Живко, умным такое выступление не назовешь.

— Простите... Не удержался. Вы такая красивая...

Он что, перегрелся? Да нет, вроде, погода сегодня прохладная. А он все говорил:

— Нет, правда, вы очень красивая. Эти золотые кудри... И вся вы такая чистая и нежная, как принцесса...

Так, я наконец поняла. Этому хватило моих золотых кудрей, которые на самом деле серые. Удел блондинки в мире брюнетов вызывать восхищение. Подробности уже никого не интересуют, главное — светлые волосы. А почему он меня сравнил с принцессой? Потому что король Горан в своей стране чуть ли не единственный блондин, а я по этому признаку похожа на его родственницу?

Живко совсем обнаглел, поднял руку и пальцем осторожно провел по моей щеке:

— И кожа... Чистый атлас...

Я онемела. Этот нахал совсем всякий стыд потерял! Разве студентам позволено так себя вести? Но пока хлопала ртом, как вытасченная из воды рыба, Живко отлетел от меня, как осой ужаленный. На талию легла уверенная рука, и Конрад спокойно произнес, обращаясь к парню:

— Живкович, проветритесь, вам вино в голову ударило. А профессор Аспен потанцует со мной.

Я радостно положила руку на плечо ар Гериону. Какое счастье, что он существует! Здесь его, неизвестно почему, все боятся до потери пульса, хотя что в нем такого страшного? Вон, Живко чуть не ползком на выход пробирается. Хорошо еще, что не опозорился при всех, налив в штаны.

А мне даже в голову ни разу не пришло, что Конрад страшный. Да, мрачный, да, суровый, но на самом деле он добрый. Всегда меня выручает. Если ар Арвиль не соврал насчет влюбленного, а я его правильно вычислила... Против Кона я ничего не имею. Скорее наоборот: в моей душе у него уже есть уютное местечко, которое отведено только и исключительно ему.

Он тогда не поленился, догнал меня и извинился за себя и за своего друга. Такое может себе позволить только по — настоящему сильный мужчина. Он был первым, кто заговорил здесь со мной по — человечески невзирая на то, что я не оправдала надежд магов. И я не могла забыть, как он меня „лечил“ от королевского приворота.

Только... Кроме того незабываемого раза, он все время был со мной спокоен, выдержан, доброжелателен, но ничего больше. Ничего, что намекало бы на чувства.

Вот и сейчас. Танцует он, между прочим, отлично, но никаких поползновений стать ближе не делает. А что это значит?

Честно? Не знаю, а гадать боюсь. В одном уверена: навязываться я никому не собираюсь.

Тут Конрад немного наклонился к моему уху и спросил:

— Марта, Живкович тебя ничем не оскорбил кроме...?

— Того, что дотронулся до моего лица? Нет, он в основном делал мне комплименты. Но, конечно, это было совершенно лишнее.

— Абсолютно. Придется сделать ему внушение о недопустимости такого поведения.

Сначала я хотела заступиться за парня, но взглянула на Конрада и язык прилип к гортани. Теперь я понимаю, почему его боятся. Такой взгляд... Если он на меня так посмотрит, я скорее всего, забьюсь в угол и буду мелко дрожать, как кроличий хвостик.

К счастью, сейчас его грозный взгляд относился явно не ко мне. Только вот если я буду парня защищать, то разозлю Конрада еще больше. Зато если сделаю вид, что мне плевать, он

может пожалеть дурака.

И я перевела разговор:

Я тут у его величества выпросила разрешение пригласить еще одного преподавателя моего предмета.

— Ну и отлично! Ты не должна загонять себя до полусмерти. Хорошо, что это ты попросила короля, другому он бы отказал. Я намекал на такую необходимость ар Арвилю, но тот уперся: денег нет. На самом деле он не жадный, если сказал, что нет, значит, действительно нет. А если уж сам король расщедрился... Только... Марта, он за это ничего с тебя не потребовал?

Ого, кажется, меня подозревают в том, что я решила отдаться королю за деньги? Делаем вид, что не поняла. Ну просто дуручка наивная.

— Он был рад. Сказал, что Шимасса сможет гордиться первой в мире кафедрой теоретической магии.

— Вот как!

Тут закончилась музыка и Конрад отпустил меня. Я изобразила поклон, поблагодарив партнера, а ко мне уже приближался следующий.

Гесперий на этот раз отказался от мантии, но лиловому цвету менталистов изменять не стал. Наряд на нем был роскошный: золотое шитье по бархату, но, как ни странно, это великолепие смотрелось на нем хуже, чем скромное повседневное платье. Оно его делало громоздким и как-то старило. Однако на обычном самомнении Гесперия это не отразилось. Он уверенно повел меня под музыку, а его мягкий, тягучий, обволакивающий голос расслаблял и навевал безразличную покорность.

Он что-то говорил, а я медленно проваливалась в некое подобие сна. Но вот рука сама поднялась поправить волосы и наткнулась на одну из заколок. Очарование тут же соскочило, и я увидела, что мы уже дотанцевали до выхода из зала. Куда это он меня поволок?

— А мы разве уже уходим? — поинтересовалась я.

Лениво полуприкрытые глаза менталиста вдруг яростно сверкнули.

— Нет, мы остаемся здесь. Вечер еще не закончен. А вы, уважаемая Марта, как я заметил, успели найти себе покровителей.

Он обратил внимание на мой изумленный взгляд и повторил с нажимом, чтобы до меня дошло:

— Высоких, очень высоких покровителей. Только будьте осторожны. Как бы это не вышло вам боком. Пока все ваши действия находили понимание, но не перегибайте палку! Умоляю! Для вашей же безопасности!

Под эти его слова мы снова переместились и оказались чуть ли не в центре зала. Музыка смолкла и меня тут же подхватил Асти.

— Помогло? Подействовало?

— Асти, ты о чем?

— Ну как же! Этот индюк надутый пытался применить к тебе свои чары. Я не совсем понял, что это было. Не приворот, а что-то другое. Но глазки у тебя были мутные! Ты почти ушла с ним, а потом вдруг коснулась волос и пришла в себя. Это было так заметно! До заколки дотронулась?

— Ага, — только и ответила я.

— Ну вот. Хвала богам, сработало-таки! Дурак я, не подумал. Надо было не заколки делать, а цепочку или серьги. Амулет должен касаться кожи, а у тебя волосы... До кожи там

еще добраться надо. Давай я тебя к Конраду отведу.

— Зачем?

— Ну как же?! А, ты здешних порядков не знаешь. Эта часть праздника — дань традициям стран, откуда прибыли преподаватели. Она короткая. Шимасса — страна патриархальная, здесь женщины и мужчины пляшут отдельно. Сейчас парные танцы закончатся, начнутся мужские пляски с играми. Закончится все дракой. Забавно, но небезопасно, особенно если в зале толпа молодых магов. Девушкам лучше удалиться. Вот Кон тебя и проводит.

Интересно, почему именно Конрад? У меня даже сердце в груди ёкнуло. Это Асти меня пытается другу сплавить, чтобы снять с себя всякую ответственность, или ар Герион хочет со мной побеседовать? А если да, то о чем? Неужели я правильно догадалась и ректор имел в виду Конрада?

С одной стороны романы мне сейчас ни к чему, сначала учебный процесс надо наладить. С другой... Можно подумать, я не девушка, а бревно с ушами. Мне ведь тоже чувств и романтики хочется. На всякий случай спросила у Асти:

— А ты сам меня не можешь проводить?

— Не — а, я Кону обещал. Он у нас безопасник, ему и карты в руки.

— Значит, Конрад действительно собирается что-то мне сказать. Зачем иначе он взял с Асти обещание?

Громмель честно выполнил обещанное и передал меня другу с рук на руки. Конрад чуть наклонился к моему уху и дал инструкцию:

— Марта, побудь здесь еще минут десять, а затем выходи через дверь около раздаточной. Пройдешь мимо кухни, я буду тебя ждать у выхода.

— Зачем такая конспирация?

— Так надо. Потом объясню.

Ну потом так потом. Мне, если честно, уже все равно. Устала как собака, а тут еще нервы треплют всякие. Я согласно кивнула и Конрад исчез.

Так, теперь надо выполнить его указания. Покрутиться в зале? С этим я справлюсь как-нибудь. Дверь возле раздаточной? Точно, вот она. От меня через весь зал наискосок. Буду пробираться.

Почти на центре меня снова поймал король. Он был здорово подшофе, но держался отлично. Только все церемонии отбросил: схватил за руку, привлек к себе и зашептал жарко:

— Марта, дорогая, ну что же ты убежала? Я хотел тебя познакомить...

— С кем, Ваше Величество? — ответила я неожиданно звонко.

— С господином Милчичем. Он мой личный дворцовый счетовод. А теперь будет и твой...

Бредятина. У меня и дворца-то нет, зачем мне личный счетовод? Подскочивший к нам человек быстро развеял мои сомнения. Оказывается, Школа принадлежит дворцовому ведомству, финансирование идет через него же, а господин Милчич заведует там денежными потоками.

Сам королевский бухгалтер напоминал кузнечика — переростка: длинные тощие ноги и руки, глаза навывкате, порывистые движения, а фалды камзола отлично имитировали сложенные крылья. Но мне понравилось, что он, во — первых, был абсолютно трезв, а во — вторых не стал ко мне приставать с деловыми разговорами посреди всего этого разгула.

Сообщил с милой улыбкой, что польщен знакомством с барышней столь выдающихся достоинств (я украдкой оглядела собственную грудь, не выросло ли там что лишнее со вчерашнего дня), но говорить со мной сегодня о делах — преступление. Он меня навестит послезавтра во второй половине дня. Отлично!

Я не хотела уходить прямо под взглядом короля, с него станет меня удерживать. Поэтому была просто благодарна Сильвии, которая во время моего разговора с Милчичем оккупировала монарха, пытаясь вернуть его расположение. Даже схватила Горана за плечи и развернула на себя, что мне вышло на руку. Оказавшись за спиной короля, я живо юркнула к заветной дверце. А там меня уже караулил ректор.

— Марта, ты куда?

Ляпнула первое, что в голову пришло.

— На кухню. Умираю пить хочу.

— Вина? — он протянул мне полный бокал.

Оттолкнула протянутую руку.

— Воды. Сушняк мучает, сил нет.

Сказала так и нырнула у него под рукой прямо в нужную дверь. От неожиданности он совершенно машинально посторонился. Не стал меня ни о чем спрашивать и задерживать.

Длинный коридор вел мимо кухонных помещений прямо на задний двор, где, прислонясь спиной к стене, меня уже дожидался Конрад.

— Марта, молодец. Не думал, что ты так быстро справишься. А теперь ответь на вопрос: как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Выпила немного, в голове шумит, но и только. — В голове шумит? Это плохо. Пойдем-ка, я тебя домой отведу.

Взял за руку, как ребенка и повел к нашему общежитию. Я кротко шла за ним, как теленок на веревочке, но в душе недоумевала. Мне казалось, он собирается со мной объясниться. Или это я себе придумала, а он просто беспокоится о состоянии здоровья полезного сотрудника? Так, у меня возник вопрос, который можно задать:

— А почему плохо, что в голове шумит? Мне кажется, так обычно бывает, когда выпьешь.

Он заглянул мне в глаза и огорошил неожиданным вопросом:

— Ты часто пьешь, Марта?

Я чуть не задохнулась от возмущения.

— Что? Да я вообще не пью! Тут только расслабилась, и то потому, что король угощал.

— Вот именно. Я заметил: за весь праздник три бокала легкого сухого белого. Дело не в вине. Я все видел: тебя Гесперий ментальной магией обрабатывал. Я уж Асти послал, чтобы он помог. Почему ты не надела амулеты от ментального воздействия?

— Как не надела?

Я показала на россыпь заколок в волосах.

— Только Асти сказал, что он ошибся. Не ту форму выбрал. Амулет должен касаться кожи...

Мне показалось, или Конрад потянул руку к моей голове, но сразу отдернул ее и спрятал за спину? Нет, вот же его рука, на виду. Спокойная и расслабленная.

— Если так, то конечно, — вдруг тепло улыбнулся он и все-таки взял рукой прядь моих волос, правда, у самого кончика, — какая уж тут кожа? Через это руно до нее не доберешься. Пусть теперь серьги, что ли, сделает.

Постаралась обелить Громмеля. Он хоть и считается другом ар Гериона, но на самом деле его побаивается.

— Он уже сам мне это предложил.

— Хорошо, теперь я спокоен. Но тебе надо выпить средство, восстанавливающее силы, а то завтра голова болеть будет.

Не подумав, ляпнула:

— С перепоею?

— От воздействия менталиста. Марта, не надо смеяться и думать, что все это не имеет значения. Ментальное воздействие тем опасно, что пьет силы не у применяющего магию, а у жертвы. Причем страдает в первую очередь мозг, а твою голову необходимо беречь, она нам всем нужна. Пойдем, у меня есть заварка специального чая. Выпьешь, как положено, кружечку, и завтра проснешься свежая и здоровая.

Говоря это, он целенаправленно вел меня в наше общежитие на второй этаж. Только вот квартиру выбрал свою. Номер двадцать четыре. А у меня двадцать семь.

* * *

Страшно! А вдруг он сейчас признается в любви? Что я тогда делать буду? Как отвечу? А если просто обнимет и начнет целовать? Ох...

Я хотела было отказаться от чести и идти к себе, но Конрад просто втолкнул меня в комнату и велел садиться. Он сейчас заварит травяной сбор. Я хмыкнула: так же поступала Соль, когда я заболела.

Оглядела комнату. К счастью, у Конрада была действительно такая же квартирка, как и у меня: двухкомнатная, так что никакой кровати поблизости. Только здесь я кухонной ниши не увидела. Большая гостиная, похожая на те, что я видела в богатых домах. Сдержанные цвета, дубовая мебель, все выдержано в едином строгом стиле... По сравнению с этой красотой моя комната выглядит как нечто сельское. Ну и ладно. Он — из знати, а я простая девушка. Конрад вышел в дверь, которой в моей комнате не было и вернулся оттуда с кипящим чайником и парой пакетиков с травами. У него отдельная кухня? Но как так получилось? Места для нее в этом пространстве просто — на просто не предусмотрено.

А он достал из дубового резного буфета голубую фаянсовую кружку, у нас из таких пиво пьют, и запарил в ней зелье. Остальной кипяток использовал для заварки чая в изящном фарфоровом чайничке.

— Пей, Марта, тебе надо восстановиться. Когда допьешь, поговорим.

О чем это? Я взяла кружку обеими руками: они отчего-то заледенели и плохо слушались. Конрад внимательно на меня посмотрел.

— Руки мерзнут? А ноги?

— Тоже мерзнут, — призналась я.

Вообще-то я ничего странного в этом не находила: вечер прохладный, а туфельки у меня открытые. Но ар Герион еще больше нахмурился.

— Ну-ка, снимай свои сандалии. Тебе нужно немедленно согреться, а то заболеешь. Сволочь Гесперий! Так, подожди, я сейчас.

Сначала он метнулся в спальню, принес оттуда теплый клетчатый плед, стащил с меня туфли и закутал ноги.

От пледа сразу стало теплее и ногам, и на душе. У меня похожий. Привет из дома. В Лиатине такие до сих пор популярны. Сначала их носили в качестве верхней одежды, вместо плаща. Сейчас ими кутаются, сидя в кресле у камина. На каждом кресле в каждом доме лежит такой плед.

У знатных семей есть для них традиционная расцветка. У семьи Мончел основной фон коричневый, на нем зеленые, голубые и белые перекрещивающиеся полосы. Такие всегда были в нашем доме. Конрад же принес мне плед, где на темно — фиолетовом фоне чередовались черные, оранжевые и ярко — желтые клетки. Странно, ярко и красиво.

Пока я разглядывала плед, он вышел за дверь и вскоре вернулся с моими домашними тапочками.

— Вот. Еле убедил твоего домового их отдать.

Спросила с удивлением:

— Он вылез и вам противостоял?

Я уже привыкла называть на ты и ректора, и Громмеля, а с Конрадом все никак не получалось, несмотря на то, что он называл меня так почти с самого начала. Сейчас уже хотела сказать ему ты и снова не смогла.

Мужчина рассмеялся тихим, ласковым смехом. Видимо, представил себе, как крошка домовой отважно защищает тапочки своей хозяйки.

— Нет конечно. Он их от меня старательно прятал. Пришлось объяснять, зачем они нужны. Тогда отдал. Вернее, они сами появились передо мной на коврике. Надевай, Марта.

Тапочки у меня отменные: внутри войлок, снаружи сукно, по верхней кромке мех, а еще помпончик. Такие носят у меня на родине. Есть еще подаренные Соль плетеные шлепанцы, но здесь, на холодных полах, я предпочла что потеплее.

Сунула ногу в привычный уют и в первый раз рискнула отхлебнуть из кружки. Горячо, но терпимо. Вкус тоже приемлемый, чем-то похожим меня отпаивала подруга, когда я заболела.

— Пей, пей, тебе сейчас это необходимо. И слушай меня. Если сможешь, постарайся ответить на мои вопросы. Это очень важно.

Эх, зря ты, Марта, размечталась. Это не признание в любви, это допрос какой-то. Все про него я себе напридумывала. У Конрада не нежные чувства на уме, а чужие интриги.

То ли вино так на меня подействовало, то ли и впрямь действие ментальной магии сказало и ослабило мою внутреннюю защиту, только сейчас хотелось не разговаривать на всяческие темы, а зарыдать. Но я взяла себя в руки:

— Хорошо, Конрад, спрашивайте, я отвечу, если буду знать ответ.

— Отлично. Но для начала некоторые пояснения. Ты уже поняла, что Гесперий применил к тебе ментальную магию подчинения. Причем сделал это прямо посреди людного зала, где это могли видеть практически все, кто там был. Не вызывает сомнения и то, что мерзавец не мог это сделать под влиянием вдруг вспыхнувших нежных чувств. Асти высказал идею, что он в тебя влюбился, но, не рассчитывая на взаимность, попытался таким образом получить желаемое. По — моему это бред.

— По моему тоже.

— Я рад, что мы сошлись в оценке. Далее. У меня два варианта объяснения. Первый: он сделал это в интересах короля. Второй: он сделал это в интересах кого-то, кто желал бы скомпрометировать тебя перед королем.

Я задумалась. Король? Нет, глупости. Горан, несомненно, не прочь уложить меня в

постель для коллекции, только делать это он будет по — другому. Красивый, уверенный в себе мужчина никогда не унижится до такого. Это все равно что опить и овладеть бесчувственным телом. Фу, гадость. Королю должно быть противно.

А вот если на глазах у всех и в том числе заинтересованного короля, меня уводит немолодой, но довольно привлекательный мужик, причем так, что всем становится ясно: не в библиотеку пошли...

— Второй вариант мне кажется ближе к правде.

— Удивительно, но мне тоже. К сожалению, мы так и не узнали, куда Гесперий тебя вел, но с другой стороны, дать над тобой надругаться, чтобы узнать правду... Я бы себе этого не простил. Остаются догадки.

Почему-то эта фраза, вместо того, чтобы меня смягчить, показалась обидной. Не простил бы он себе! Не Конрад остановил Гесперия, а я сама. Спасибо Асти и его заколкам. Его там и близко не было. Так что может не прощать себе и дальше: от надругательства меня спас не он.

Он заметил перемену моего настроения, но не понял, что произошло. Продолжал все в том же ключе: заботливый сослуживец и одновременно начальник службы безопасности.

— Марта, мы должны во всем разобраться. Если это демарш брошенной любовницы, которая жаждет унижить соперницу, это один вариант. Уволим Сильвию и решим проблему. А вот если мы имеем дело с заговором старых преподавателей против нового руководства, это совсем другой коленкор.

— А так может быть? — удивилась я.

Ерунда. Чем им поможет то, что Гесперий затащит в кровать какую-то девицу, пусть и административного работника? Компротметация руководства? Слабо, слабо. Да самому Гесперию это может аукнуться, если король приревнует. Да и вообще, что этого типа может подвигнуть на такие действия?

Сама задала вопрос и сама ответила, тоже вопросом:

— Деньги или власть?

— Что? — не понял Конрад.

Я пояснила ему ход моих рассуждений. Тот задумался., потом сказал:

— Знаешь, Марта, я тут всего третий год, Гесперия знаю плохо. Он — вещь в себе, как все менталисты. Но могу сказать: власть номинальная ему неинтересна, он предпочитает рулить из-за кулис. Наверное чувствует себя таким великим кукловодом. Вряд ли для этого ему нужна ты. А вот деньги любит искренне и нежно. Если ему кто-то заплатил...

Будем иметь в виду. Все равно сейчас этого не узнаешь. Я как раз допила отвар и полностью согрелась, поэтому вместе со мной оживилось и мое любопытство. Говорят, любопытство одно — любознательность другое. но по мне нет никакой разницы. Просто хочется все знать.

— А что вы сказали относительно заговора старых преподавателей? Можно подробности?

— Ну, начнем с того, что у нас тут три, если можно так выразиться, поколения педагогов. Первое — самое древнее, оно осталось наследством от бабушки нынешнего монарха. К нему относится Блажена, милая в общем-то старушка, но к нему относятся и значительно менее симпатичные персонажи. Например Божидар, с кем ты сегодня танцевала. Этих легко отличить: у них местные имена и относительно низкая квалификация. Стандартные заклинания, стандартные зелья, ничего нового, в той же Элидиане это курс

начальной магической школы, а не университета. В Шимассе таких школ нет, есть что-то вроде курсов для начинающих магов и отдельно для ведьм. Там их учат справляться с собственным даром, избегать жертв и разрушений, это все.

— То есть, здешние шесть лет — это даже не первые шесть курсов Элидианского университета?

— Точно подмечено. Выпускники местной школы до реформ короля Ставра были где-то на уровне элидианских абитуриентов. Сейчас ситуация улучшилась, но ненамного.

Тут он внезапно протянул руку и жестом целителя дотронулся до моей кисти.

— Согрелась? Ну и отлично. Сейчас еще чаю с медом, чтобы спалось хорошо, и я тебя провожу.

— Зачем? — искренне изумилась я, — три локтя по коридору я как-нибудь и сама преодолею.

— Марта, я просто подстрахую. Проверю, чтобы снаружи никого не было. Никто не должен видеть, что ты выходишь из моих комнат, чтобы не пришлось опровергать сплетни. Твоя репутация должна быть безупречной, ведь это репутация нашего ректората.

Вот он обо мне заботится, а мне уже стукнуть его хочется. Пусть бы лучше скомпрометировал, чем так... Знаю, утром я буду ему благодарна за заботу, но сейчас мне обидно. Он ясно дал мне понять, что не видит во мне женщину. Собака страшная! Снова захотелось заплакать, но тут передо мной снова появилась та же фаянсовая кружка, на этот раз наполненная чаем с медом.

Я вцепилась в нее как утопающий в спасательный круг.

— Пей, Марта, тебе полезно. Так вот. Старые преподаватели — зло, но нестрашное. Они потихоньку уходят. Кто по возрасту, кто не выдерживает новых требований... А вот преподаватели, приглашенные в свое время королем Ставром — это беда. В принципе все они достаточно квалифицированные, но при этом приносят больше вреда, чем пользы. Из них наиболее конструктивным элементом является Лаура. Она целитель и все ее интересы лежат в этой области. Мечтает о большом госпитале в Сармионе, где бы студенты могли практиковаться, и своего добьется. Кстати, она здесь дольше всех из приглашенных. Еще Горана принимала. В смысле роды у его матери, королевы Клелии. Гаспар тоже нормальный мужик, но он принадлежит скорее армии, чем Школе. В здешние интриги не вмешивается и ими не интересуется, если они не затрагивают подготовку боевых магов. Да, Лаура и Гаспар прибыли из Кортала. Остальные — выходцы либо из Элидианского университета, либо из Мангрской академии. Мы с Риком и Асти, как ты знаешь, учились в Элидиане, потому что в нашей стране полноценного магического образования не существует. У вас в Лиатине тоже.

— У нас открыли факультет, — запротестовала я.

— Давай не будем. Ты же сама понимаешь, что пока это фикция. На самом деле даже здесь, в Шимассе, положение лучше.

С этим, как ни прискорбно, я не могла не согласиться. Из Лиатина даже Лоренцо сбежал.

— Ну так вот. Вторую волну возглавляет Гесперий, но он, как я уже говорил, теневой король. Ты еще не сталкивалась с Либерием. А вот он у нас крикун номер один.

Либерий? Как же, как же... боевой факультет, щиты и отражатели. Нестарый еще маг, крупный, как Гаспар, только тот сложен как бог, а этот какой-то квадратно — гнездовой. Башка на том параллелепипеде, который по ошибке считается его телом, выглядит чем-то чужеродным, изначально ему не присущим, вроде вазочки на шкафу. Просто поставили и

забыли.

— За что они борются?

— За то чтобы сладко есть, богато жить и ничего не делать.

Ха, это я уже давно заметила.

— И это все?

— В принципе да. Когда Горан привлек нас с Риком и других, кто уже нас покинул, мы горели энтузиазмом. Хотели горы свернуть. Как же, такое широкое поле деятельности! А сидевшая здесь камарилья готова была костями лечь, чтобы ничего не менялось. И за два года они разогнали большую часть тех, кто готов был честно работать. Когда ты к нам пришла впервые, мы как раз обсуждали, плюнуть и уехать или все же попытаться что-то сделать, начать сначала во второй раз. Решили не сдаваться, чтобы потом не чувствовать себя побитыми собаками. И кем побитыми?! Полными ничтожествами, жадными и ленивыми.

Я допила чашку и Конрад тут же налил еще. Не стала отказываться: от чая с медом по телу разливалась истома, становилось тепло, уютно и не хотелось вставать с места. А он все говорил:

— Сейчас я понимаю: нам не хватало структуры. Нужны были работающие механизмы, чтобы заставлять хорошо работать всех преподавателей, отсеивать неэффективных, поощрять лучших и так далее. Маги вообще в этом не разбираются, они на свою силу уповают. Заклинание кинул — и все проблемы решены. Поэтому Рик за тебя так и ухватился.

Рик за меня ухватился, это я поняла. А он сам?

— А вы?

— Я? Поначалу сомневался, все же юная, неопытная девочка — не та персона, от которой ждешь великих свершений. А ты еще выглядишь как сущее дитя и смотришь так невинно... Но наблюдая за тем, как ты взялась за дело, и я в тебя поверил.

Он вдруг наклонился к самому моему лицу и произнес, глядя прямо в глаза:

— Поверь, Марта, попытка скомпрометировать тебя — это удар по нам всем. Кто-то очень сильно желает, чтобы ты сломалась и позволила себя использовать против Рика и всего, во что мы с ним верим.

Чуть отодвинулась, но ответила твердо:

— Я не сломаюсь, пусть и не мечтают.

Он тоже откинулся на спинку кресла.

— Это мне в тебе и нравится. На вид кроткая овечка, а внутри стальной стрежень. Да, хотел спросить... Что ты говорила Рiku относительно набора новых преподавателей?

Он уже и про это знает? Ладно, сейчас доложу подробно.

— Я дала объявления в популярных еженедельных магических изданиях Элидианы, Мангры и Кортала. К ним прилагается анкета, которую надо заполнить и через редакцию переслать сюда. Это недорого. Деньги я взяла из сумм на операционные расходы.

— Не оправдывайся. Ты все сделала разумно. А как выбрала издания?

— У профессора Громмеля спросила, что сейчас у магов самое популярное. Он посоветовал „Элиданский магический еженедельник“, „Магический вестник Кортала“ и „Магия и жизнь“, это в Мангре. Туда и послала.

— Молодец Асти, хорошие газеты порекомендовал. Думаешь, толк будет?

Ох уж эти маги! Не верят они в наши, людские технологии!

— Надеюсь. Это обычный способ поиска сотрудников для не — магов, думаю, и у магов

должно сработать. На следующей декаде должны прийти первые отклики, тогда и посмотрим.

— А кого ты себе на смену позвала? Ну, вторым на свою теоретическую магию? Знакомого?

Я позвала Вольфи, Вольфганга Теттерхофа. Он учился у моего отца, затем у него работал, потом перешел в Университет. Везде им восхищались и везде пытались от него избавиться. Нет, он не был склочным или вредным. Наоборот, он был невероятно наивным и чистым. Его интересы лежали полностью в лоне науки. Интриг он не понимал, любые слова воспринимал за чистую монету. На его фоне я себе казалась прожженной интриганкой...

Зато Вольфи имел просто потрясающий талант в самый неподходящий момент раскрыть рот и сказать, что думает, или задать неудобный вопрос из раздела „не в бровь, а в глаз“. За это его и не любили. А я его считала своим другом. Не близким, но настоящим.

Когда все травили меня за то, что я связалась с магами, он единственный поддержал. Не поленился, написал письмо, где говорилось о том, что я нашла новое, весьма перспективное поле для нашей науки, а потом давал замечательные рецензии на мои статьи. А преподавателя лучше него не было, отец потом долго сокрушался, что Вольфи от него ушел. Так что рекомендовать его я могла смело.

— Да, старого знакомого. Он очень хороший специалист. В магии не разбирается, конечно, но не косный, интересуется всем новым. Научится и будет замечательно работать.

— Старый?

— Нет, молодой парень. Меня на четыре года старше.

— Симпатичный?

Ну и вопрос. Вольфи можно описывать любыми словами, но вот о его красоте спрашивать никому и в голову не придет. Кто-то считал его лохматую голову и безумный блеск в глазах привлекательным, но девицы в основном мордашки кривили. Красавцем не назовешь, уродом тоже... Он странный.

Пожала плечами, понимай, мол, как хочешь.

— У тебя с ним... отношения?

Он... ревнует? Тут я захихикала. Вольфи и отношения? Ничего нет смешнее.

— Конрад, я сейчас от смеха лопну. Этот парень... Понимаешь... Для него девушки отличаются от юношей только тем, что редко интересуются математикой. Я для него, наверное, парень, потому что как раз в ней разбираюсь. Вряд ли он знает, чем мужчины с женщинами наедине занимаются, а просвещать его у меня нет ни малейшего желания.

Реакция Конрада меня обескуражила.

— Отлично. Значит, ведьму требовать не будет. Уже легче.

О ведьмах я заранее подумала и сейчас выложила Конраду то, что пришло в голову.

— Думаю, среди тех, кто захочет приехать сюда на работу, найдется несколько квалифицированных ведьм. Особенно среди целителей, зельеваров и бытовых магов. У преподавателей будет более широкий выбор. Но сейчас рано об этом говорить.

Чай я допила и с грустью констатировала, что обольщать меня никто не собирается. Так что же я сию?

— А теперь я хочу к себе. Вы обещали проводить.

— Да — да. Я сейчас...

Он высунул голову в коридор. Там было тихо.

— Путь свободен. Прощу, Марта.

Я выскочила мимо него, держа в руках туфли. Да, если бы нас кто-то увидел, бесполезно было бы его убеждать, что мы просто разговаривали. Конрад шел за мной по пятам до самой моей двери, но внутрь войти не попытался. Сказал просто:

— Спокойной ночи, Марта.

— Спокойной ночи.

Я скользнула в дверь и опрометью бросилась в спальню. Туфли посеяла где-то по дороге. Как хорошо, что парадные шимасские платья легко снимать и надевать, уже через минуту я лежала под одеялом в ночной рубашке и тихо плакала в подушку.

Почему-то только под одеялом я чувствовала себя защищенной и могла себе позволить расслабиться.

Завтра я встану и вознесу хвалу богам за то, что все случилось так, как оно случилось. Но сейчас мне было себя жалко до слез. Опять одно и то же: для худших я добыча, которую они желают использовать, для лучших — проверенный боевой товарищ, коллега по работе, вызывающий уважение, но которого никому и в голову не придет полюбить.

Все эти песни про мои золотые кудри... Посмотрим, что они запоют, когда пройдет еще декады три — четыре, все это золото потускнеет и приобретет свой природный мышинный цвет. Тогда уже никто, даже этот рыжий восторженный мальчик, не будет рассказывать сказки о моей божественной красоте.

А Конрад... Тьфу на него! Забыть и не вспоминать!

Он добрый, хороший, заботливый, но я ему никаким боком не нужна. Вернее, нужна как друг и соратник. Вот из этого и будем исходить.

Успокоив себя таким образом я наконец заснула.

* * *

Вы никогда не обращали внимание: происшествия ходят косяком. Вот тебе на голову падает столько всего, что не знаешь, куда от него деваться, а вот опять потянулись нудные будни и остается только мечтать, чтобы что-то случилось.

После первого учебного дня происшествия меня забыли. Началась рутина.

Конечно, для преподавателя каждое занятие как ящик с секретом, но к моему удивлению все шло ровно и гладко. Я еще пару раз устроила представление для других групп, но все уже были наслышаны о силе математики и готовы ее изучать.

Один гаденьш с пятого курса общей магии, правда. Вылез и потребовал, чтобы я ему срочно объяснила, как рассчитывать что-то там. Пришлось сделать большие глаза:

— Мне кажется, ты главного не понял. Я не даю готовых рецептов. Математика — это инструмент. Топор я тебе дам, а дрова рубить — твоя задача. Ответ на твой вопрос тебе придется искать самому, когда ты освоишь мой предмет и тот раздел магии, о котором ты спрашиваешь.

После этого никаких сложностей у меня не возникало. Все как обычно: две трети студентов усваивали на среднем уровне, а последняя треть делилась ровно пополам: совсем тупые и очень способные. Но к этому я была готова.

Имея возможность влиять на расписание, я взяла себе две средние пары: вторую и третью. По утрам, когда мои мозги лучше всего соображали, время отводилось на подготовку

к занятиям, а послеобеденное время принадлежало делам учебной части.

Верка честно являлась каждый день после пар и трудилась по три часа, приводя бумаги в порядок. Без ее помощи я бы утонула, но она взяла на себя самую нудную часть — делопроизводство, и этим просто меня спасала.

Господин Милчич явился, как и обещал, через день после праздника и привел с собой помощника, в котором легко было опознать его родного сына: такой же кузнечик, только молоденький. Они просидели со мной до темноты, зато мы все обсудили и договорились, как будем действовать.

Школа, как я и подозревала, не только тратила деньги, но и зарабатывала. Зелья и амулеты, заказы из разных сел и деревень, даже практика студентов приносила доход. Это меня порадовало еще и потому, что я теперь свободней могла тратить денежки, не так переживая за каждый гост. Милчич научил меня, как разносить доходы и расходы по бухгалтерским ведомостям, но сообщил, что делать это будет Милчич — младший, которого он назначает нашим куратором. На мне осталась только функция сбора финансовых документов: счетов, накладных, векселей и платежных поручений.

Еще он просил контролировать расходы ректора, а то ар Арвиль иногда склонен сорить деньгами. Теперь любой подписанный им счет будет оплачиваться только после моей визы.

Я такого за ректором не замечала, но пообещала, что возьму на себя эту функцию. Милчич — младший пообещал, что будет приходить раз в неделю, забирать все бумаги и оплачивать все завизированные счета. Меня это устроило. Читать и подписывать счета мне несложно, а остальная работа такая, которую я легко свалю на Верку.

Мой список на дополнительное финансирование Милчич успел проработать заранее и пообещал, что в течение года все для Школы приобретет. Попросил только выставить приоритеты, тогда он представит план, по которому это будет делаться. Ну что сказать? С профессионалами всегда приятно иметь дело.

В конце декады, когда я уже языком не ворочала, пришли сразу два письма, которых я ждала с нетерпением: от отца и от Вольфи.

Вольфганг писал, что он не знал, соглашаться ему на мое предложение или нет, был весь в нерешительности, несмотря на то, что из университета ему пришлось уйти и работы сейчас у него нет. Но пришел уважаемый Франк Аспен и намекнул, что я буду просить Вольфи о помощи, но чтобы он ни в коем случае не соглашался. Поэтому он готов выехать немедленно, как только получит подтверждение, соответствующие бумаги и средства на проезд, потому как сейчас он на мели.

Итак, он едет!

Собственно, на что я и рассчитывала, написав папе, что хочу пригласить Вольфи трудиться в Шимассе вместе со мной. Он у меня до сих пор не принял полностью то, что я работаю с магами, и хочет всеми правдами и неправдами вернуть меня домой. Еще мама ему в уши об этом зудит, ей стыдно, что дочка, по ее мнению, вынуждена работать, вместо того чтобы, как клуша сидеть дома, печь пироги и рожать детей гипотетическому мужу. А папа до сих пор во всем маму поддерживает. Вот он и попытался усложнить мне жизнь настолько, что я не выдержу и сбегу домой.

Только он плохо знает своего любимого ученика. Такие интриги за моей спиной для Вольфганга — просто как красная тряпка для быка, этот парень всегда на стороне справедливости, а по его понятиям отец со мной поступает нечестно. Он тут же открыто принял мою сторону.

К письму прилагались копии документов Вольфи и я понесла их к ректору: пусть готовит контракт и проездные документы. Все равно делать это он будет не сам, а через дворцовое ведомство.

А на следующий день был выходной, в течение которого я встала с кровати трижды: на завтрак, на обед и на ужин. Все остальное время даже не валялась: спала. Все-таки воз, который я на себя взвалила, для меня немножко великоват.

Вечером проснулась от того, что кто-то тихо разговаривает за стенкой. Надела халат, выползла. За столом сидят все три красавца, пьют чай, которым их угостил Пин, и обсуждают, что со мной делать.

Ой! А я-то вылезла: невытая, нечесаная, спросонок и в халате. Позорище! Мама бы мне этого никогда не простила.

К счастью, мужчины, увидев, как я смутилась, быстренько все допили, поднялись, извинились за вторжение и ушли, так ничего со мной не решив.

А со следующей декады ко мне валом пошли анкеты преподавателей разных дисциплин. Я велела Верке их разбирать. Регистрировать все без исключения, те, что могут быть интересны, давать мне, а на остальные писать стандартные ответы: мол, спасибо за внимание, на сегодня специалист вашего профиля нам не требуется, будем иметь в виду на будущее.

Оказалось, с сортировкой Верка не справилась и кинула мне все анкеты разом. Зато стандартные отписки размножила, туда оставалось только вставить очередное имя.

Не так уж много желающих оказалось, но значительно больше, чем я рассчитывала. Пришлось посидеть, разобрать все анкеты и отбраковать явно не подходящие. Их я скинула Верке, а с остальными пошла к ар Арвилю.

Тот уже и думать забыл про обновление преподавательского состава, но анкеты взял и пообещал изучить. За недолгое время своей работы я выяснила для себя некоторые его особенности, например, способность пообещать и забыть, так что дала срок, намекнув, что анкеты только начали приходить, потом будут еще.

Он задумался и выдал гениальное решение: всех кандидатов надо будет смотреть живую, а для этого мы с ним должны будем съездить на места. Всего-то в три столицы. Дешевле встанет поездка нас двоих, чем приглашение в Шимассу целого табора.

Но это дело не сегодняшнего дня, новых преподавателей можно будет набрать только со следующего семестра, так что он предлагает послать условно успешным кандидатам письмо об этом и о том, что работу они получают только после собеседования.

Разумно. Надо и для них приготовить стандартную писульку.

Следующий выходной я планировала провести как прошлый — в постели под одеялом. Но рано утром ко мне заявила Верка и силком вытащила из теплых недр, заставила одеться и сообщила, что мы едем на пикник. Карета ждет.

Ждала не только карета, ждала еще и огромная корзина со всякими вкусностями, которую приготовил мне Пин, из чего я заключила, что он в створе с магами. Не может быть! Домовые с ними на ножах! Но как иначе объяснить, что он заранее подготовился к тому, о чем я, его хозяйка, и понятия не имела?

Затею я оценила, когда вышла на крыльцо. Синее небо без единого облачка, тепло, но не жарко, самое время для пикника. Стоящий рядом с крыльцом наш бессменный комендант Зорко заметил:

— Ловите последние теплые денечки. Еще пара декад — и пойдут дожди. А вам,

барышня Марта, отдохнуть не мешает. Слишком много вы работаете, так и загнуться недолго.

Это точно, отдохнуть жизненно необходимо.

В этот раз старый Зорко выкатил нам не карету, а целый дилижанс, такая она была огромная. Зато все уселись с удобствами: я с Веркой, три мага — приятеля и Гаспар. Куда же Верочка без него?

В ноги поставили несколько корзин с разными разностями. Кроме еды и выпивки там были одеяла, зонты, посуда, раскладные стулья и множество всякой всячины, без которой горожане не представляют себе выезд на природу.

Карета покатила прочь от столицы, но отъехала лиги четыре, не больше. Я думала, мы едем в лес, но маги остановили экипаж на берегу ручья в огромном яблоневом саду. Как выяснилось, чтобы попасть в лес, надо было пересечь пол — Шимассы, они здесь — большая редкость.

Сад мне понравился ничуть не меньше, чем лес. Мы с Веркой погуляли под деревьями, полакомились яблоками, большая часть из которых уже поспела, затем позавтракали вместе с мужчинами.

А потом я устроилась на одеяле, обняла подушечку, которую мне выдали для сидения, улеглась и заснула.

Проснулась оттого, что Верка трясла меня за плечо:

— Госпожа Марта, вставайте! Мы скоро уезжаем.

Огляделась: время близилось к закату. Выходит, я весь день продрыхла?! Проспала обед и даже, кажется, ужин? Кто-то укрыл меня одеялом, так что я не продрогла, наоборот, отлично выспалась.

— Госпожа Марта, вставайте же! Сейчас ужинать будем. Обед-то вы проспали. Господин ректор хотел вас будить, но господин Конрад не позволил. Но сейчас-то без этого не обойтись. Так что поднимайтесь!

Она снова стала дергать меня за рукав.

— Не суетись, встаю.

Пока я спала, мужчины сдвинули лагерь, чтобы мне не мешать, так что теперь туда пришлось идти. Мое появление было встречено радостными криками.

— Марта, ну наконец-то! Иди сюда, тут тебя твоя порция дожидается, — приветствовал меня Асти.

— Вот тебе горячий грог, выпей сперва, чтобы не простудиться, — это Кон.

А ректор просто протянул шпажку с кусочками поджаренного на углях мяса.

— Ты баранину ешь?

Я пожалала плечами и схватила мясо. Ем. Я все ем, было бы съедобное.

Порция, которой меня соблазнял Громмель, состояла из сырых и жареных овощей и кусков сыра, так что соединив все, что мне предлагали, я отлично пообедала и поужинала заодно. Грог был действительно горячий и очень вкусный. От него легкий озноб, который бывает, когда вдруг заснешь среди дня, сразу прошел, сменившись теплом в груди.

Довольная, разомлевшая, я наблюдала, как наша компания готовилась к отъезду. Пока я спала, опустошенные корзины наполнили яблоками, а сейчас все, что осталось от лагеря, ректор с Конрадом засовывали в сумку, которую держал Асти Громмель.

Я засмеялась: сумка была из тех безразмерных, в которые можно хоть полкоролевства убрать, как в сказке. Читала о них я тысячу раз, а вот увидела впервые. Но почему они не

сложили в нее все с самого начала?

Спросила и получила ответ Гаспара:

— Тогда бы мы не отдыхали, а все время потратили на то, чтобы все оттуда вынуть. Мы даже солдат ими не снабжаем, скорость теряется. Страшно неудобная штука, если правду сказать. Корзины гораздо лучше. А вот на обратном пути этот вопрос никого не волнует. Вещи для пикника нам понадобятся не раньше будущего выходного.

Он отвечал на мой вопрос, ласково обнимая мою помощницу. Верка склонила голову ему на плечо, ее грубоватое лицо сейчас освещала такая нежная улыбка, что я залюбовалась.

Вместе с радостью за мою верную помощницу в душе вдруг заворчалось недостойное чувство зависти.

Почему? Почему ее любят, а меня нет? Почему даже в такую не слишком привлекательную девицу влюбляются достойные люди, а я так и хожу никому не нужная? Потому что она ведьма, а я нет?

Не знаю, скажу одно: жить с этим тяжело. Только я все равно никому на шею вешаться не буду. И к королю в любовницы тоже не пойду. Мн не нужен любовник, мне нужна любовь.

Чтобы мужчина смотрел на меня как Гаспар на Верку, с восторгом и нежностью, чтобы ему было, как Гаспару, все равно, красивая я или нет. Вернее, чтобы я для него была хороша такая, как есть. Тогда и мне будет безразлично, что он не писанный красавец, богач и знаменитость, я просто буду его любить.

Дома Пин страшно обрадовался здоровой корзине с яблоками, которую Асти занес следом за мной, и пообещал регулярно кормить меня яблочными пирогами.

Когда Асти ушел, ко мне забежала поделиться радостью вся раскрасневшаяся и совершенно счастливая Верка. Гаспар сделал ей предложение. Не перейти на свой факультет, а как положено, руки и сердца. Оказывается, они встречались начиная прямо с момента экзамена, на котором он ее впервые разглядел. Спали вместе, я так понимаю, все же помощница моя ведьма, им это нужно. Но вот серьезный разговор произошел у них сегодня под яблонями, пока я спала.

— Надеюсь, ты согласилась?

— Конечно! Он такой... такой... Я его сразу полюбила. Мне не верилось, что он всерьез. Кто он и кто я... А еще он такой красивый, а я...

Считать Гаспара божественно красивым могла только очень влюбленная девушка, хотя фигура у него... Закачаешься. И впечатление производит в целом приятное. Лицо такое мужественное. Нет, я зря придираюсь, он действительно красив, просто не мой тип. Но то же можно сказать и о моей помощнице.

— Не очень, ты хочешь сказать? Верочка, от так на тебя смотрит, что совершенно ясно: ты для него самая прекрасная женщина в мире.

Она восторженно выдохнула:

— Да, он так и сказал, — и вдруг затуманилась, — Только...

— Что только? — запоздало испугалась я.

— Госпожа Марта, я ведь не могу выйти за него.

Ну здрасте, приехали! Как это? Я уставилась на девушку, вытаращив глаза. Она пояснила.

— Не могу прямо сейчас. Там, за воротами, мой отец и мой так называемый жених. Если отцу наплевать, его и Гаспар устроит, если денег даст, то жених как раз может

помешать. У него контракт на руках. Пока я в безопасности пока являюсь студенткой. Вот получу диплом...

— А что, Гаспар не хочет ждать?

Она гордо вскинула голову:

— Он готов. Три года для мага — не такой уж большой срок. И потом, мы все это время все равно будем вместе. Только... Госпожа Марта, если студенты узнают, мне житья не будет. Прикроете?

Ну что с ней делать. Прикрою, конечно. И она, и Гаспар мне нужны счастливыми и довольными. Это полезно для учебного процесса. А когда меня не просто в постель позовут, а предложат нечто большее? А то желающих со мной спать до фи́га, хоть соли их, но мне такие отношения ни к чему. Я не ведьма.

* * *

А на следующий день внезапно приехал Вольфи! Я как раз направлялась из общежития в учебный корпус, а тут он! Вывалился из кареты и шурится на солнце. Все такой же, совсем не изменился, разве что стал чуть поплотнее. Длинный, нескладный парень с круглым конопатым лицом в обрамлении желто — рыжих торчащих прядей, носом — кнопочкой и небольшими, зато пронзительно — голубыми глазками. В папиной школе его прозвище было „Подсолнух“, эта кличка увязалась за ним и в университет. Интересно, последует ли она за ним через четыре границы?

Увидев меня, он радостно замахал руками как мельница.

— Марта, Марта, вот он я!

Подошла и хотела просто пожать ему руку, но он вдруг обнял меня при всех, обхватил медвежьей хваткой, приподнял над землей и закружил.

— Вольфи, уймись! Что ты меня позоришь перед студентами! Я же проректор, — зашипела я ему в ухо.

К счастью, он понял и не обиделся.

— Ой, прости, я так обрадовался, тебя увидев. Куда мне теперь?

Я подозвала Зорко, с вытаращенными глазами наблюдавшего эту сцену, представила их друг другу, а затем попросила:

— Зорко, дорогой, посели профессора Теттерхофа в общежитие. Пусть обустроивается.

Хлопнула друга по руке:

— Пока, Вольфи, в обед увидимся и поговорим.

И поскакала в учебный корпус пританцовывая. На душе у меня все пело. Если я в нем не ошиблась, то уже дня через три этот парень снимет с меня как минимум половину занятий и я наконец обрету нормальный режим труда и отдыха. А еще засажу его перерабатывать методичку и подбирать задачи по темам. Хватит пользоваться тем, что сделано для других целей! На будущий год у нас должен быть учебник математики для магов, где в задачах не вода течет в бассейн, а сила — в резерв.

* * *

Зорко увел моего старого приятеля, а я пошла на первое в этот день занятие. Мое внутреннее ликование отразилось на манере держаться: я только что не танцевала у доски и с таким подъемом излагала теорию, что и вся группа возбудилась. Активничали, тянули руки, лезли отвечать и всеми силами старались привлечь мое внимание.

Это, конечно, хорошо, но чересчур. А все, что слишком, может обернуться своей противоположностью. Так что пришлось взять себя в руки и сбавить обороты.

В перерыве ко мне подошел ректор и с весьма кислым видом поздравил с новым приобретением. Как будто муж, жена которого купила себе семьдесят третью шляпку. Неужели ему Вольфи не понравился? Странно. Обычно в первый момент знакомства он вызывает у всех симпатию.

Хотела задать вопрос, но тут в конце коридора появился сам виновник, конвоируемый Конрадом. Увидел меня и замахал рукой.

Рихард обреченно вздохнул. Ясно, не ко двору мой друг пришелся. И когда успел ректору нахамить? Ведь только приехал.

Но стоило Вольфгангу к нам подойти, как ар Арвиль расплылся в добродушной улыбке.

— Приветствую, профессор Теттерхоф! У вас какое-то дело?

В отличие от сладкой улыбки в голосе Рихарда слышались горчица с хреном. Конрад стоял рядом со своим обычным мрачным видом. Я ничего не понимала, Вольфи удивленно переводил взгляд с меня на ректора, затем на Конрада и обратно.

— Нет, то есть да... У меня дело к Марте, к профессору Аспен. Я уже поселился позавтракал, погулял, посмотрел территорию, а теперь хочу включиться в учебный процесс. Марта, не могла бы ты разрешить мне поприсутствовать на своих занятиях? Я хочу понять, что от меня требуется.

Пока он говорил, Конрад описал полукруг и, оказавшись у меня за спиной, сообщил шепотом:

— Твой друг хотел вломиться прямо к тебе на занятие, но я его увел показывать территорию.

Я пожала мужчине руку, чтобы показать, что одобряю его действия, и одновременно ответила старому приятелю:

— Не вопрос, Вольфи, пойдём. У меня как раз сейчас пара, — и увела беднягу.

По дороге он зашептал мне на ухо:

— Марта, а все маги такие? Ну, неприветливые. Я пришел к ректору, в первый раз его увидел, а он так со мной разговаривал, как будто я ему всю жизнь испоганил. А этот Конрад просто злыдень. Не пустил меня к тебе. Как ты тут работаешь?

Ни фиги себе! Я была уверена, что у меня по крайней мере в ректорате со всеми добрые приятельские отношения, а они моего старого друга приняли как врага. В чем дело? Но Вольфи я поспешила успокоить:

— Не бери в голову. Еще подружитесь. Они просто к тебе не привыкли.

Мы как раз достигли аудитории, где проходили мои занятия. Я запустила внутрь студентов, зашла сама и представила им нового преподавателя:

— Познакомьтесь с профессором Теттерхофом, восходящей звездой лиатенской математики. Он будет преподавать тот же предмет, что и я: теоретическую магию. Вас для меня одной слишком много, вот мы и решили разделить нагрузку.

Вольфи поклонился аудитории и сел на задний ряд, весь красный от смущения. На звезду обиделся, думает, я преувеличиваю? Зря! Я сказала как есть, а если и не так, все равно

будет как я сказала.

Тут же потянулась рука:

— Профессор Аспен, а у нас вы останетесь, или нас возьмет профессор... Теттерхоф?

Я как-то быстро выучила самых активный студентов и теперь называла их по именам, даже не задумываясь, хотя имена эти были для моего слуха непривычными. Может, это действовала экзотика? Знакомых Карлов, Клаусов, Францев и Фрицев я запоминала бы дольше.

— Пока не знаю, Лойко. Я еще не делила между нами группы. Но не исключаю возможности, что вести у вас дальше буду не я. Так что постарайтесь произвести на профессора приятное впечатление.

И начала занятие. Графики линейных функций. Конечно, для нас с Вольфи материал школьный, но для этих ребят и такое в новинку, они в школе дальше арифметики не продвинулись.

Поэтому Теттерхоф скучал на своем заднем ряду, пока я не решила оживить занятие и не предложила ребятам подумать, какие из известных им магических процессов можно описать простой линейной функцией.

Они охотно включились в процесс и стали вспоминать, называя разные заклинания и тут же предлагать варианты функций, их описывающие. Некоторые пришлось отбросить как явно степенные, но в основном мы двигались в верном направлении.

Я записывала предложения ребят на доске, а их вызывала по очереди рисовать графики. Вдруг поймала выражение лица Вольфи и почувствовала законную гордость: он не сидел с унылой рожей, как в начале нашего занятия, а увлеченно что-то записывал в свой блокнот.

Когда пара закончилась, я повела его на обед. Глаза у моего старого приятеля горели:

— Марта, я даже не представлял... Тут поле непаханное! Они же ничего не знают, и вместе с тем... Я понял, почему ты этим занялась! Новая область знаний! Сначала меня рассмешила твоя формулировка „Теоретическая магия“, а теперь я вижу: так оно и есть! Спасибо тебе, что пригласила! Огромное спасибо! Мы с тобой будем первыми в мире специалистами в этой новой науке!

Я не стала указывать Вольфи на свой приоритет, не в нем дело. Хочет быть первым — пожалуйста, мне не жалко. Главное, чтобы работа шла. И хорошо, что у нас с Вольфгангом разные личностные качества. Он гений, этим и берет, а я старательная и усидчивая. Вместе мы сила!

Пока он изливал мне свой восторг, мы дошли до столовой. Асти уже сидел и караулил места для меня и остальных из нашей теплой компании. Ни Рика, ни Конрада пока не было. Я познакомила Вольфи с Громмелем и они зацепились языками, причем сразу и накрепко. Ну и отлично, будет у него с кем, кроме меня, пообщаться.

подавальщица принесла суп и салат.

Надо сказать, после того, как я уличила наших поваров в воровстве, а ар Герион их напугал до потери пульса, ситуация с едой заметно улучшилась. Выгнать пришлось только самого главного: он так зажрался, что всякий страх потерял и пытался внушить магу — защитнику, что повар не может не воровать продукты, иначе он не повар. В результате убежал впереди собственного визга, а на его место Зорко назначил его второго помощника. Временно, пока не найдут нового шефа. Напуганный Конрадом и вдохновленный открывшимися для него карьерными высотами, новый повар так старался, что я уже подумывала оставить его в этой должности.

Голодные Вольфи с Асти так набросились на еду, что за ушами трещало. Я смотрела на них с умилением. Выглядели они на удивление похоже, просто родные братья. Оба светловолосые, круглолицые, голубоглазые, только что Асти покрасивее, а Вольфи покрупнее, да и колер у него погуще, не такой акварельный. Не удивляюсь, что эти два гения в разных областях сразу нашли общий язык.

Тут пришли Рихард с Конрадом и за столом стало вдруг заметно холоднее, как будто северный ветер подул. Но вольфи уже почувствовал себя в своей тарелке и недружелюбными взглядами его было не сбить. Он радостно приветствовал вновь пришедших, как будто расстался с ними не полтора часа назад, а по крайней мере полгода. Затем, с горящими глазами стал вываливать на них свои свежие впечатления.

— Как я рад, что вы отвели меня на занятия к Марте! Это потрясающе! В смысле, это же ужасно: маги совершенно не подготовлены математически! Они ко всему подходят методом тыка! Это недопустимо! Все же можно заранее рассчитать! Будет вернее и безопаснее! Но Марта! Это такой молодец! Я ее просто обожаю!

Красивый, звучный голос ректора закрипел, как старая садовая калитка:

— Уважаемый Теттерхоф, а вы давно знаете Марту?

— Всю жизнь! Она мне как сестра! — махнул рукой Вольфи, — Знаете, раз вы ее друзья, зовите меня как она: Вольфи. Профессор Теттерхоф — это для студентов. Пусть они языки ломают.

Мне показалось, или слова моего приятеля оказали на Рика с Конрадом положительное воздействие? Они смягчились и следующий вопрос звучал уже приятнее:

— Тогда зовите меня Риком, а его — Коном. Но только если студентов нет поблизости. Вы сказали, Марта вам как сестра. Значит ли это, что отношения у вас родственные?

Ректор явно недооценил Вольфганга. Тот с воодушевлением начал рассказывать:

— Понимаете, я учился у Мартинового отца. Господин Аспен, он меня выделял, нередко приглашал в дом, на обед. Там я и познакомился с Мартой. Она тогда еще была мелкая, но очень умная девочка. С самого детства интересовалась не разной ерундой, а наукой. У нее трое братьев и никто, никто не захотел пойти по стопам отца! А ею он мог бы гордиться! Лучшая ученица школы! Но можете себе представить: господина Аспена это не радовало. Наоборот, успехи дочери его раздражали. Думаю, это влияние госпожи Аспен. У нее очень консервативный взгляд на мир. По ее мнению, девочка должна интересоваться платьями и женихами. А то, что у Марты более разумный взгляд на мир, ее не устраивало. Меня до сих пор возмущает такое отношение. Оно по меньшей мере несправедливо. Понимаете: Марта уникальна. В наш университет поступает довольно много девушек, но только единицы работают потом по специальности. В основном они ищут там женихов, выходят замуж и отправляются стирать и варить супы. Думаю, для варки супов не нужно высшее образование. Есть те, кто не следуют этому пути, но их мало. А таких, как Марта, способных двигать науку, я вообще не встречал. Поэтому да, вы, наверное, правы. У меня к Марте родственное отношение: мы с ней брат и сестра по разуму.

Пока Вольфи с горящими глазами излагал нашим магам историю моей жизни, я наблюдала, как меняются их лица. Из настороженных превращаются в доброжелательные. Фраза про брата и сестру по разуму меня вообще убила, а на Рика с Конрадом подействовала, как будто Вольфи произнес тайный пароль, позволяющий считать его своим. Что это было, хотелось бы мне знать? Снова ревность? Но с какого такого перепуга эти двое принялись меня ревновать? Я им ни повода, ни права не давала.

Конрад опомнился первым и перевел разговор в более конструктивное русло:

— Я удивился, что вы приняли ее приглашение, учебный год ведь уже везде начался. Не сложно ли было оставить старую работу?

Вольфи вздохнул, понимая, что придется признаваться:

— Наоборот, приглашение пришло очень вовремя: я как раз думал, куда устроиться. Видите ли, я до этого работал в Лиатенском университете, но мне пришлось оттуда уйти, и в тот момент, когда от Марты пришло письмо, я сидел без работы.

Конрад с невозмутимым лицом переспросил:

— Уйти? А не скажете, что случилось?

Вольфи засмутился, покраснел.

— Мне бы не хотелось рассказывать подробно. В трех словах... Там была довольно грязная, как я потом понял, история, и я встал на сторону тех, кто, по — моему, были правы. Но они проиграли.

Знаю я эти грязные истории. Заступился, небось, за какую-нибудь дурочку, которая не захотела спать с начальником. Или за тех, кто отказывался отдать свои результаты сынку какого-нибудь богача, чтобы тот мог получить звание мастера. Зная Вольфи, не удивлюсь, что уволиться пришлось только ему. Эти правые проигравшие пошли, полизали задницу начальства и их не тронули, а вот Теттерхоф...

Рик довольно рассмеялся.

— Принципиальный конфликт с руководством. Знакомо. Ну что ж, Вольфи, добро пожаловать в наш клуб борцов за справедливость. У нас тут все такие: уволились и уехали в Шимассу, потому что не могли смириться с бесчестными поступками руководства.

Я осторожно пискнула:

— Кроме меня.

Но ректор махнул на меня рукой.

— А ты у нас вообще пострадавшая. Представляешь, Вольфи...

И в нескольких емких фразах рассказал историю о том, как я загремела в эту школу. Вольфганг был возмущен сволочным поведением магов из Элидианы, но утешился тем, что они же на это проиграли.

Пока мы так общались, подавальщица принесла второе и десерт. После обеда я утащила старого друга в свой кабинет и сунула ему в нос свои учебные планы и все материалы, которые успела подготовить.

— Смотри, думай, я только начала, дальше будем трудиться вместе.

Сама взялась за расписание: надо решить, какие группы я заберу себе, а какие оставлю Вольфи. Сначала хотела поделить так: каждый день оставить себе по одному занятию. Потом подумала и сделала по — другому: по два занятия, но не каждый день. Если я задумаю что-то грандиозное, лучше иметь возможность работать, не разбивая время.

Заодно вспомнила про свои планы относительно девушек. Я же собиралась провести опрос и выяснить, почему их так мало учится. Можно критиковать мой подход, но я не имела возможности поговорить с теми, кто учиться не пошел и узнать, по какой причине они отказались от образования. Зато спросить тех, кто уже учится, почему и с какой целью они здесь, я могу. Тем более что девушек у меня немного, всего четырнадцать. Если исключить Верку, про которую я все знаю, тринадцать.

Каждый вечер буду приглашать одну на чай и расспрашивать, займет меньше двух декад. Выписала на бумажку имена и составила график. Пусть моя помощница их по одной

вызывает.

Заодно вспомнила про тех преподавателей, пребывание которых в стенах школы вызывало сомнения. Теперь у меня будет время посетить их занятия и составить свое мнение.

Еще меня тревожило то, что до сих пор не удалось выяснить, по чьему наущению действовал Гесперий. Сейчас он был тише воды, ниже травы, являлся для проведения занятий вовремя, журнал у него был заполнен просто великолепно, студенты не жаловались, так что придраться было не к чему. Но я все равно не могла забыть, как он меня чуть не заморочил. Судя по взглядам, которые на него время от времени бросал Конрад, тот тоже все помнил.

Я достала бумажку, на которую выписала на все, что знала про Гесперия и область его интересов и в очередной раз проштудировала. Зацепок не было. Ни одной. По идее можно было допросить Гесперия, но менталистом был он, а среди нас никого с этой специализацией. Так как охмурез не подействовал, ему даже вменить в вину было нечего.

Приходилось уповать только на случай. Придет время, и мы все узнаем, зря что ли говорят, что все тайное становится явным?

После четвертой пары пришла Верка и присоединилась к нашему обществу, но, быстро выполнив свою работу на сегодня, попросила отпустить. Ей к коллоквиуму готовиться надо. Я только рукой махнула: пусть бежит.

* * *

В общем, мы с Вольфи сидели над бумажками, каждый в своем углу, пока Пин не притащил ужин. Показываться незнакомцам он не любил, так что еда возникла на столике в углу как бы сама собой. Никто даже не заметил, как это произошло. Зато запах свежей выпечки учуяли оба. И не только мы вдвоем.

Не прошло и двух минут, как к нам присоединились Асти с Конрадом. Только ректора не хватало.

Я думала, он просто задерживается, но ар Арвиль так и не пришел. Асти поведал, что его вызвали во дворец. Ну и ладно, нам больше достанется.

Вольфи снова зацепился языком с Громмелем. Кажется, они продолжили с той фразы, на которой закончили за обедом. А на меня уставились внимательные черные глаза. Под их пристальным взглядом я почувствовала себя неуютно, но не понимала, что хочет от меня Конрад.

Как будто спрашивает, но о чем? Сказал бы уж словами, я бы ответила. А так... Страшно неприятно. Поэтому пришлось начать разговор, чтобы отвлечь его от столь пристального созерцания моей персоны.

— Я тут снова изучала вот это, — протянула ему листок со своими записями насчет Гесперия, — Собрала все сплетни, но никакой зацепки. А вы ничего нового не узнали?

Конрад хлопнул ресницами и пронизывающий взгляд куда-то исчез. Сейчас он смотрел на меня нормально, спокойно и доброжелательно, как всегда.

— Ну-ка, давай я прочту, что ты насобираала.

Он пробежал мои каракули глазами, хмыкнул и сунул листок в карман, поясняя:

— Хочу сличить с тем, что есть у меня. Завтра верну.

Затем вдруг спросил другим, совершенно ледяным тоном:

— А почему твой друг сидит в твоём кабинете? У него теперь есть квартира, он может также пользоваться учебной аудиторией, а преподаватели обычно работают в преподавательской.

Ну знаете ли! Пришел наводить свои порядки! Я могу этот вопрос и сама решить! Или он все же ревнует? Так вроде за обедом все выяснили. Что могло произойти между обедом и ужином? Я что-то пропустила? Решила все же ответить:

— Так удобнее. Одно ведь дело делаем. Составляем новый, абсолютно новый курс математики для магов. Нам с ним надо постоянно советоваться, сверять свои представления и планы. А когда я занята своими делами... Он тихий, мне не мешает, сидит себе, пишет... Зато если нужно мое мнение, никуда бежать не надо, и наоборот.

— Что наоборот?

— Если мне нужно его мнение Что тут непонятного?

Я начинала закипать. Зачем вообще пришел? Если я ему нужна, пусть скажет прямо, если не нужна — пусть отвяжется. А то будет меня тут ревновать к каждому столбу, нервы дергать... Для меня Вольфи не мужчина, но я этого никому объяснять не собираюсь, тем более в присутствии самого Вольфи.

— Не кипятись, Марта. Я ни в чем тебя не упрекаю. Просто подумал, может тебе неудобно...

— Неудобно штаны через голову надевать! Если мне будет неудобно, я, поверьте, молчать не стану, так и скажу. А сейчас мне, напротив, очень удобно, просто удобней некуда.

Что происходит, господа хорошие?! Злюсь и не могу остановиться. Аж всю трясет. Умом понимаю, что глупость страшная, но... Что меня так бесит? Конрад уже не рад был, что завел разговор. Отвел взгляд в сторону и как-то весть скукожился, переживая приступ моего недовольства. Если я не могла понять, что не так, то он и подавно.

По счастью, Асти с Вольфи пришли к какому-то решению и вклинились. Не против ли я, если расчеты для Громмеля будет делать Теттерхоф? Да, мы договаривались, но теперь, когда есть еще один математик...

Милые мои, ну конечно! Я просто счастлива, что не нужно будет делать еще и эту работу! Хватит с меня Рихарда с его порталами.

Тут вдруг Вольфи обратился ко мне с неожиданным вопросом:

— Марта, а откуда ужин взялся? Я не видел, чтобы его кто-то приносил.

Вот же рассеянный — рассеянный, а главное заметил. Я рта не успела раскрыть, Асти вылез со своим комментарием:

— Это Мартин домовой старается. Заботится о хозяйке.

У бедного парня глаза на лоб полезли. Для него домовые — сказка. Да и для меня тоже были, пока я с магами, вернее, с ведьмой не связалась.

Пришлось объяснять, но я не уверена, что мой друг воспринял эту информацию именно как информацию. У него явно осталось впечатление, что его разыгрывают. Ну ничего, поживет среди магов, поймет, что любой бред, в который ни за что не поверит рядовой обыватель, здесь может оказаться банальной действительностью.

Наконец все было съедено и мы разошлись. Уже в общежитии я узнала, что Вольфганга поселили на первом этаже, где квартирки были однокомнатные. Ну, обойдется. Кровать и ванная имеются, а на остальное он внимания не обратит.

Поднимаясь к нам на второй, Конрад заметил:

— Твой друг — хороший человек. Порядочный и увлеченный. Поначалу он мне не понравился, слишком активный и всюду норовит залезть, но сейчас вижу, что был неправ. Он не шпион. Это просто от природной любознательности.

Он его правда за шпиона принял? Хвала богам, Вольфи мне одобрили. Интересно, это потому что он им действительно понравился, или потому, что парень не претендует на меня? А вообще вся ситуация с магами, которые вроде как проявляют интерес, но при этом не делают никаких конкретных шагов, начинала раздражать.

* * *

На следующий день выяснилось, почему вчера Рик к нам не присоединился. Его действительно вызвал король. А вот повод оказался неожиданным: нас приглашали на прием в честь осеннего равноденствия, и состояться он должен был через декаду и четыре дня. О, как раз всех девиц опросить успею.

Спросила:

— А кто идет? Все преподаватели?

Рихрад рассмеялся над моей наивностью:

— Ты что? Приглашены мы с тобой, ректор и проректор. Остальные статусом не вышли.

Конрад сразу сказал:

— Я иду с вами.

— Ничего не выйдет, дружище. Приглашение есть только на меня и Марту. Тебя и близко не подпустят.

Конрад презрительно сморщил нос:

— Кто меня не пропустит? Охрана дворца? Да я же ее и создавал!

— Нет, там же стоят люди, а они пускают по списку.

— Ничего, завтра же я в нем буду. Но вас без защиты не отпущу. Марта, ты не забываешь носить свои амулеты?

Я демонстративно протянула вперед руку с кольцом, затем отвела волосы и притронулась к ушам. Почти сразу после неудачи Гесперия Асти сделал мне новые амулеты: серьги. Вернее, сережки для девочек. У меня на родине такие гладкие маленькие золотые колечки продевали маленьким девочкам когда уши прокалывали, чтобы не заросло.

Уши у меня были проколоты, но Асти настоял на том, чтобы сделать это еще раз, рядом, и вдеть амулеты, запаяв их намертво. Теперь в старые дырки я могу вдеть серьги для красоты, а новые будут меня беречь от слишком активных менталистов.

Конрад удовлетворенно кивнул, а Рихрад извлек из кармана коробочку:

— Кстати, тебе король велел передать... Он хочет, чтобы ты это надела на прием.

Я открыла коробочку и обалдела. Вот это он мне сулил подарить? Какая роскошь! На темно — синем бархате лежали серьги и брошь из сапфиров с бриллиантами. Изображали они букеты из темно — синих ирисов и гипсофилы. Легкая, изящная форма в сочетании с довольно крупными камнями смотрелась идеально. Глаз невозможно было оторвать от этой красоты.

Конрад беззастенчиво сунул нос мне через плечо, протянул руку и забрал коробочку.

— Если это артефакты, то они вполне способны перебить действие твоих маленьких

защитных амулетов. Проверю на магию и верну.

— А если это и впрямь артефакты?

— Разряжу, станут просто украшениями. Что я, своей профессии не знаю? Ты меня обижаешь, Марта.

Потупилась, потому что не доверять Конраду в чем-то, касающемся безопасности, у меня ни причин, ни повода не было. В своем деле он был безупречен. Рик же вспомнил:

— Да, Марта, еще один момент. Король сказал, что у тебя, наверное, нет подходящего наряда, да и привести себя в порядок перед таким торжественным мероприятием надо. В общем, перед приемом к тебе придет госпожа Регана, уберет волосы, оденет и все такое. Большая честь, кстати: госпожа Регана одевает принцессу Лилиану, а раньше одевала ее мать, супругу короля Ставра. Отказываться не вздумай: это вроде королевского подарка.

Я не стала говорить, как мне это неприятно. Все равно без толку. Подтвердила, что мне все ясно, и пошла на занятия. Меня ждал Вольфи и мои студенты.

Он вернул мне все материалы, которые я дала ему вчера и сообщил, что вечером покажет, что он придумал, а через два дня будет готов провести первое занятие и даже полностью подменить меня на два дня, чтобы я отдохнула. Обожаю Вольфи! Какой он молодец!

* * *

Вечером Верка привела к ужину первую из девиц. Хотела оставить нас одних, но я подумала, что ее помощь будет тут не просто нелишней, а бесценной, и попросила остаться. Никого больше просто не пустила.

Девушка пришла, ожидая головомойки, и была страшно поражена тем, что вместо этого ее усадили за стол, вкусно накормили и доброжелательно расспрашивали о ее нелегкой жизни. Действительно, присутствие моей помощницы помогло развязать девчонке язык.

Она оказалась ведьмой, которую учиться отправил не кто иной как жених. Он оказался очень практичным козлом. Слабому бытовому магу для развития его дела была нужна хорошо обученная ведьма. Попутно я узнала еще кучу подробностей ее жизни, но они меня сейчас не интересовали.

После ухода девицы я взяла лист, начертила на нем таблицу и стала заполнять: имя, курс, специальность, свойства магии (ведьма или маг), родственники, жених, причина поступления, почему хочет пройти весь курс и комментарии. Возможно, записав все в таблицу, я смогу выявить какие-то тенденции.

Времени это заняло немного и Верка предложила за вечер обрабатывать двоих, но я отказалась. С каждой выпить чаю и съесть хоть одну плюшечку... Я так скоро в дверь пролезать перестану. Торопиться некуда. Все равно раньше нового учебного года ничего изменить не удастся.

Когда я закончила с девушкой, оказалось, что за дверью меня ждали недовольные мужчины. Как же, им пришлось ужинать в столовой. Если честно, то это просто нахальство: за продукты, из которых готовит Пин, я плачу из своего кармана, а в нашей столовой с недавних пор очень прилично кормят. Так им и сказала.

До ребят дошло, что все это время они меня нагло обжирали, а заодно эксплуатировали чужого домового. Конечно, Пину в радость кормить моих гостей, но им об этом знать не

Декада и четыре дня до приема в королевском дворце пролетели в трудах. По утрам после завтрака мы с Вольфи разрабатывали курс математики для магов, который мой приятель после обеда обсуждал с Асти и внезапно проникшимся к нему Рихардом.

Дело двигалось на удивление быстро, наверное потому, что Вольфганг отдавал написанию учебника для магов все свое время и всю свою энергию, которой было хоть отбавляй.

Он выполнил свое обещание и через два дня забрал у меня половину часов: практически всех боевиков и одну группу общих магов. Обещанные дни отдыха мы по договоренности перенесли на дни перед приемом. Должна же я заняться собой и выглядеть не усталым заморышем, а солидной, элегантной дамой.

В освободившееся время у меня наконец добрались руки до нашего преподавательского коллектива. План был такой: посетить занятия у всех и решить, кто из них нам не подходит. Я доложила о нем ректору в присутствии Конрада и они на меня набросились, как коршуны на мышь.

Первое и главное возражение было: что я понимаю в магии, чтобы оценить работу магов?

Ответ: ничего. Работу магов я оценить не могу, потому что в магии полный ноль. Но вот работу преподавателя — легко. Если он, сидя за кафедрой, бубнит что-то неразборчивое себе под нос, а на задних рядах ребята играют в морской бой или во что там играют у магов, то яснее ясного: нам такой не нужен.

— Даже если он уникальный специалист в своей области?

Пришлось битых два часа объяснять и втолковывать им то, что я вынесла из опыта работы школы отца и всей последующей жизни в качестве как ученика, так и учителя. Уникальный специалист — это не обязательно хороший преподаватель, и наоборот.

Привела пример: мой отец — не только гениальный математик, но и замечательный учитель, потому и школа его имеет такой успех. Вольфи такой же. А вот мой руководитель в университете был замечательным математиком, но преподавал отвратительно. Его способ мышления был никому не понятен, к счастью, кроме меня.

Спору нет, для Шимассы актуально, чтобы оба качества совмещались, но это не всегда возможно. Наша задача сейчас — не оказание магических услуг, а обучение как можно большего количества молодых магов для работы во всех отраслях жизни государства. Значит, главное — хорошо, качественно учить. Уметь как заинтересовать, так и заставить. А тех, кто учить не может, придется трудоустроить другим образом, более для них подходящим. В общем где-то так.

Кстати, представления не имею, каковы мои друзья в качестве преподавателей. Думаю, Рихард должен быть очень хорош, а вот насчет Конрада не уверена.

После того как мы всласть пободались, был выработан регламент моих посещений чужих уроков. Ходить буду с амулетом, чтобы меня никто не видел. Это не невидимость, это незаметность: все вроде видят, обходят, не наталкиваются, но никто внимания не обращает.

Единственные, к кому я пойду без прикрытия, будут мои друзья (да — да, к ним я тоже

пойду) и Гесперий, который все равно меня увидит. Для остальных магия шестого порядка непробиваема. Результаты будем обсуждать коллегиально.

Я и не надеялась, что по моим впечатлениями станут выгонять маститых преподав. Хорошо хоть так план утвердили.

Через день Асти вручил мне висюльку, которая должна была обеспечить незаметность, и моя инспекция началась. Естественно, для начала я отправилась к тем, кого хотела убраться.

Первым в списке оказался Либерий, мастер щитов. Занятия у него были практически так что я надеялась на интересное зрелище. Не прогадала: было на что посмотреть. Щиты он и впрямь выставлял великолепные, сопровождал их визуальными эффектами, так что пока шла демонстрация, я получала удовольствие. А потом от потребовал, чтобы студенты разделились на пары и занялись практической отработкой этих щитов.

И вот тут все пошло вкривь и вкось, вероятно потому, что никто не понял в точности, что надо делать. Либерий показывал, но ничего не объяснял. Студентов не поправлял, а ругал и оскорблял. В общем, мне не понравился его стиль преподавания. Ему место в армии, а не в Школе.

За Либерием пришла очередь Сильвии. К моему удивлению, она оказалась асом в своем деле. Занятие строила интересно, рассказывала здорово, даже я кое-что записала, много объясняла, много показывала, в конце все дружно сварили зелье от юношеских прыщей и оно почти у всех получилось.

Косяк был один: неправильная аудитория. Не помещение, а те, кому она преподносила косметическую премудрость. Ей бы полный класс ведьмочек, те были бы счастливы узнать про уход за кожей, а парни сидели скучные, вялые и оживились только тогда, когда их заставили варить. И то только потому, что хотели получить зачет.

Надо предложить Сильвии открыть салон и при нем обучать ведьмочек. Денег на этом деле можно зашибить! А в школе она зря тратит время и знания.

Кажется, нам стоит сначала пересмотреть программ, а затем уже подбирать учителей.

После этого я отсмотрела еще двоих, один мне понравился, второй нет, а затем оказалось, что мое окно попадает на занятие у Конрада. Я попросилась к нему и он разрешил.

От студентов я все равно прикрылась незаметностью, нечего им отвлекаться. Устроилась на заднем ряду и приготовилась полтора часа скучать.

Занятие должно было состоять из двух частей, первый час — лекция, второй — практическое занятие. Тема не очень мне понятная: „Системы „ключ — замок“.

Ха! Довольно скоро я заметила, что старательно конспектирую лекцию. Мало того, продумываю, как можно было бы то же самое рассчитать с помощью математических методов. А когда Конрад задал аудитории вопрос, поймала себя на том, что очень хочется поднять руку и ответить.

Он объяснял очень сложные вещи просто и понятно, даже абсолютно неподготовленная я въехала и разобралась в чуждом мне материале. Его удивительная харизма покоряла. Сейчас он казался не мрачным, а величественным, исполненным тайны, которую он, ее носитель, готов приоткрыть перед профанами. И действительно приоткрывал, ровно настолько, чтобы завлечь и увлечь, заставить думать и захотеть узнать больше. Если хоть у половины слушателей то же впечатление, то могу свидетельствовать: в лице Конрада Школа имеет настоящее сокровище.

А еще... Еще я поняла: очень хорошо, что в этой группе не было ни одной девушки. Я бы

не выдержала, если бы какая-то дурочка раскатывала губы на этого потрясающего мужчину. Стоп! Марта, ты влюбилась? Ой, не знаю, не знаю.

Тут лекция кончилась и началось практическое занятие. Не такое зрелищное, как у Либерия, мне так вообще ничего видно не было. На мои глаза ребята просто стояли друг перед другом и водили руками, время от времени произнося странные для слуха слова. Но Конрад ходил между студентами, поправлял, показывал. Учил, одним словом.

А я переключилась на то, что начала продумывать во время лекции. Прикидывала, какой математический аппарат тут можно применить, записывала свои мысли и тут же облекала в формулы... Одним словом, строчила, как заведенная.

Когда занятие кончилось и студенты ушли, я так и осталась сидеть на заднем ряду, не в силах пошевелиться. Конрад подошел ко мне.

— Ну как, тебе понравилось? Какие впечатления?

Я протянула ему свою тетрадь:

— Вот.

Сначала он бросил беглый взгляд, ожидая, вероятно, каких-то общих замечаний, но затем остановился, еще раз все перечитал и обратился ко мне с новым, незнакомым выражением лица:

— Объяснишь? Я не все понял.

— Вероятно, из-за системы записи, — стала вдруг оправдываться, хотя никогда этого не делаю.

— Систему записи тоже объяснишь. Меня удивляет, что ты что-то поняла. Бьюсь об заклад, что ученички мои не поняли и половины из того, что тебе удалось ухватить. Как?

А вот это обидно.

— Ну, не полная же я дура. Вы очень просто и понятно все объяснили, я и поняла.

Он помолчал, переваривая сказанное, потом бросил:

— После приема у короля мы это обсудим. Как я вижу, твою математику можно применить не только к Рихардовым порталам.

На следующий день с утра ко мне подошел ректор и чуть ли не силой утащил на свое занятие. Решил похвастаться своими талантами, когда узнал, какое впечатление вчера сумел на меня произвести Конрад.

Что сказать? Все, как я и ожидала. Яркое, запоминающееся представление. Рик учил студентов строить почтовые порталы, перемещать небольшие предметы на небольшие же расстояния.

Задача состояла в перемещении коробочки, в которой было что-то спрятано, из одного угла аудитории в другой, да не как-нибудь, а порталом... Пообещав, что лучший получит содержимое в собственность, он по очереди вызывал студентов, а они творили что попало.

Коробочка то не двигалась с места, то вдруг взлетала ракетой, то падала на пол и ползла, как живая... Рик каждый раз смеялся и объяснял, что не так. Через некоторое время у ребят стало получаться: коробочка уже исчезала, но пока не спешила появляться. Приходилось ректору извлекать ее из подпространства и снова помещать на исходную позицию.

В конце концов один парень сумел переместить бедную вещицу, правда, не туда, куда нужно, а на стол профессору.

Рик развел руками:

— На сегодня это лучшая попытка, но я не могу ее засчитать. Продолжим в следующий раз. А пока тренируйтесь. Только ограничьте свою деятельность полигоном, а то профессор ар Герион вам покажет, что драконы на ужин едят.

Когда студенты ушли, он открыл мне, что лежало в коробочке: серебряная монета. Если вспомнить, что многие здесь из бедных семей, это хороший стимул.

* * *

Больше никого из профессоров я не посетила, зато успела-таки подготовиться к разговору о женском образовании.

Я пообщалась со всеми девицами, учащимися в Школе, занесла данные в таблицу и пришла к выводу: что-то делать надо не с ними, а с мужчинами, вернее, с отношением общества к образованным и работающим женщинам.

Из четырнадцати только трое оказались тут потому, что хотели получить профессию и жить независимо. Две магички и моя Верка. Кстати, девицы сплошь были ведьмами, кроме тех двоих, которые тоже стремились к знаниям. Остальных прислали учиться отцы или женихи, которые желали получить в хозяйство обученных ведьм.

Надо отметить, что все девицы хорошо или отлично учились, несмотря на декларируемое отсутствие желания. Наверно, я неправильно формулировала вопросы, вот и получала противоречивые ответы.

Скорее всего дело обстояло так. Девушки не стремились к получению образования когда поступали, просто подчинялись указаниям мужчин, но не зря говорят, что аппетит приходит во время еды. Очень быстро им становилось интересно учиться.

Те, кто были на старших курсах, уверяли, что поступление в нашу школу — величайшая удача в их жизни, о которой они и не подозревали, когда только пришли сюда.

Вывод я сделала такой: надо поощрить мужчин присылать учиться своих дочерей и невест. Как? Подумать надо. Не всем же нравится, когда дома дура неотесанная, с которой кроме как о том, что она суп пересолила, и поговорить не о чем. Партнерство и помощь в семейном бизнесе тоже чего-то стоит, а ведь для овладения профессией нужна школа.

Выучившиеся же успешные женщины станут образцом для следующих поколений.

* * *

День накануне торжественного приема я отдыхала. Позволила то, что позволяла только в отпуске. Выспалась, отлежалась в ванне, снова валялась в постели, но уже с книжкой. Книжка, правда, была не о любовных приключениях, а о системах защиты, ее мне Конрад одолжил, но все равно. Я даже выписки не делала, а это что-нибудь да значит.

После обеда меня вызвал Рихард и прочел лекцию о правилах поведения во время королевского приема. Получалось, надо ходить за ним хвостиком и все действия повторять, иначе я рискую кого-нибудь смертельно обидеть. Смертельно, в смысле, за обиду одна расплата — смерть. Другой вариант — я опозорюсь и все будут меня презирать. Хрен редьки не слаще. Хотя презрение незнакомых людей я перенесу легко, особенно если они будут во дворце, а я в школе. Но все равно неприятно.

В общем, если король хотел устроить мне гадость, то он в этом преуспел.

Вечером ко мне на ужин пришли сразу все, начиная с ректора и заканчивая моей помощницей. Притащили кучу разных продуктов для готовки, вина, фруктов, орехов и сладостей. Запомнили, значит, мой демарш насчет объедания меня любимой. Пин выставил свое угощение: пироги с мясом, рыбной и овощной начинкой, пирожные с кремом и ягодами, жареные колбаски и горшочки с грибами в сливках. Грибы ему Зорко принес, его внуки насобирали маслят, да не в лесах, как у нас, а в саду под яблонями. Здесь они считаются выдающимся деликатесом, да по сути им и являются.

Мои гости налегали на вкусности, а я скромно наслаждалась фруктами. Рик меня предупредил, что завтра на приеме будет стол — куда там нашему. Король станет угощать, отказываться — значит нанести ему оскорбление. Придется съесть все, что положат на тарелку.

Ну прямо как в детстве. Маменька навалит какой-нибудь гадости, вроде тушеной морковки, и попробуй не съешь. А когда принуждают, даже вкусное становится противным.

Рихард меня успокоил: никто наваливать не будет, но по кусочку придется попробовать всего, что предложат. Это еще терпимо.

Заодно выяснила, что из нашей компании идут четверо: мы с ректором, Гаспар как главный армейский маг и, естественно, Конрад, как маг, отвечающий за безопасность дворца и королевских особ.

Теперь я спокойна. Хоть и не королевская особа, но под охраной двух таких орлов не пропаду.

* * *

Наутро явилась обещанная Регана. Я как раз заканчивала завтрак, она постучала и вошла, не дожидаясь ответа. Ну что сказать? Дама фантастических достоинств. Рослая, немолодая, очень красивая на лицо и совершенно необъятная. Таких, как я, из нее пяток можно выкроить. Вдобавок сразу видно, что ведьма, даже объяснять не надо, это ясно и без слов.

Здороваться она не стала, просто осмотрела на меня, обойдя со всех сторон, заставила встать со стула, еще раз обошла...

Затем скомандовала:

— Заносите!

И два здоровенных рабочих внесли в комнату огромный сундук. За ними вошли две девушки и внесли сундучок поменьше. Рабочие ушли, а девушки остались. Регана объявила:

— Мне все ясно, будем работать. Где тут ванная?

Меня никто ни о чем не спрашивал, а я вела себя кротко, чувствуя, что отбиваться бесполезно. Отвели в ванную, раздели, в очередной раз вымыли, затем Регана еще раз меня оглядела, уже голую, и прокомментировала для своих помощниц так, как будто меня здесь не было или я была предметом.

— Отлично. Значительно лучше, чем я ожидала. Фигура без особенностей. Загар, конечно, не в моде, но... Оставим. Ей идет, цвет лица такой сразу свежий. Волосы... работать с такими трудно, но оно того стоит... Лицо... Обратите внимание, девочки. Изумительное лицо. Ни одной резкой, примечательной черточки. Совершенно никакое, а

значит, может быть любимым, даже прекрасным.

После чего меня взяли в оборот. Достали из маленького сундучка всякие баночки, скляночки, расчески, щетки и еще кучу всякой ерунды и набросились как грифы на падаль. Мучили часа четыре: мяли, растирали, мазали чем-то и опять растирали, обливали и все начиналось по — новой. Когда я совсем умаялась, принялись за волосы. Умастили какими-то на редкость вонючими составами, подержали, смыли, снова умастили, но уже чем-то приятно пахнущим, промыли, высушили, разобрали на прядки...

Сначала я еще попискивала, но вскоре перестала. Когда тебя несет потоком, отдайся ему: куда-то вынесет.

Наконец, когда мне уже было все равно, меня начали одевать. Вынули из большого сундука целый ворох платьев и Регана их по очереди ко мне приложила. Оставила синее, золотистое и жемчужно — серое, остальные велела убрать. Зато вытащила откуда-то нижнее белье, какого я еще не видела. Оно все состояло их драгоценного шелкового кружева с Крайних Островов. Красиво и совершенно неприлично.

Хотела уже отказаться, понимая, для чего мне это: чтобы королю было приятно раздевать очередную жертву. А потом подумала: под платьем все равно никто не увидит, а продемонстрировать белье перед Гораном я не собираюсь. Обойдется. Мало ли, что он король. Зато вещички... Я таких никогда не носила. Хоть будет что вспомнить.

Регана, видя, что я не протестую, сначала удивленно подняла брови, а затем коварно улыбнулась.

После белья пришла очередь платья. Общими усилиями выбрали жемчужное. Мне оно понравилось тем, что крой достаточно строгий, без оборок и выкрутасов. Все-таки я не светская дама и не девица на выданье, а проректор уважаемого учебного заведения. Регана, правда, ратовала за золотистое, но оно было слишком вызывающим и я от него наотрез отказалась.

Затем сделали прическу. Кудри перевивали длинными нитями жемчуга, а затем закалывали где-то на затылке. Смотреть, кстати, не позволяли, даже зеркало из комнаты вынесли.

Наконец Регана села напротив меня, разложила на столе кисточки и краски и занялась лицом. Меня расписывали как фарфоровый чайник, а я даже глазами хлопать не могла, потому что ведьма погрозила мне пухлым пальчиком и все просто отнялось. Как она обошла мою защиту, не знаю и знать не хочу. Пусть потом с этим Конрад разбирается.

Нанеся последний мазок, дама поднялась.

— Ну, не идеал, но неплохо, неплохо..., — констатировала она и ко мне вернулись речь и способность пользоваться своим телом.

А Регана скомандовала:

— Несите зеркало, девочки, покажем, что получилось.

Ой! Ой, и еще раз ой! Это не я! Из зеркала на меня глядела фантастическая красавица, аристократичная, синеглазая, с медово — золотыми волосами, убранными в великолепную прическу. Самым поразительным было то, что я не казалась накрашенной. Можно было подумать, что это мое настоящее лицо. Не знала бы правду — сама бы обманулась.

Ведьма отослала помощниц и лукаво мне подмигнула:

— Не бойся, девочка, не бойся своей красоты. Она — сила.

— А почему глаза синие?

Регана надула губки:

— А какими они должны быть? Конечно синие, под цвет сапфиров. Ведь Горан подарил тебе сапфировый убор?

Регана знает? И называет короля просто Гораном в частной беседе? Кто она? Дама же наклонилась ко мне поближе:

— Мой тебе дружеский совет: не связывайся с королем. Он платит мне за то, чтобы я сделала тебя красивой, и я это делаю для него. Но этот совет я даю бесплатно и от души. Ты хорошая девочка, а короли для таких — неподходящая компания.

Я удивленно подняла брови, побуждая женщину высказаться. Расчет оказался верен.

— Что удивляешься? Тридцать лет я была любовницей короля Ставра. Любила его до безумия, на все для него была готова, а он... Детей мне родить не позволил, мол, нечего плодить бастардов. Потом женился на этой... Королеве. И ведь не любил ее, хоть она была красивая женщина. Очень красивая, как сынок ее. Она его тоже не любила.

Регана сморгнула, прогоняя непрошеную слезу и помотала головой.

— Я не могла на это смотреть, хотела уйти, а он меня не отпускал. Меня, ведьму! А потом королева умерла, но мне это ничем не помогло. Ставр взял молоденькую фаворитку, а я... Теперь я то, что ты видишь. Врагу не пожелаю, тем более такой милой девочке. Ладно, заговорила я с тобой, а мне еще во дворец, принцессу Лилиану одевать.

И тут же ядовито заметила:

— Смотри, не обляпайся и ничего не потеряй. Король оплатил прокат, а не покупку. Все придется вернуть, кроме бельишка. Его можешь потом послать королю по почте.

Она ушла, а я еще долго крутилась перед зеркалом, привыкая к новому облику и пытаюсь переварить сказанное. Получалось плохо, в смысле переваривания. Я даже не могла сформулировать свое отношение, одно понимала точно: восторга не вызывает.

Наконец за мной пришли, чтобы отвезти во дворец. Завалились всей честной компанией с шумом и смехом, а увидели меня — и остолбенели. Первым опомнился ректор:

— Марта! Потрясающе! Ты просто красавица! Увидел бы на улице — ни за что не узнал!

Ему стал вторить Гаспар, а Конрад так и стоял молча. Казалось, ему очень не нравится то, что он видит. Затем так же без слов он протянул мне коробочку с серьгами и брошью.

— Надень, я их проверил, ну, и кое-что подправил. Если вдруг во дворце ты почувствуешь опасность, положи руку на брошь. Я мигом буду рядом.

Поблагодарила, взяла украшения, вдела серьги, которые сразу оттянули уши, и приладила брошь. Заодно порадовалась, что выбрала это платье: к золотистому сапфиры решительно не подходили.

* * *

Дворец короля Горана не произвел на меня большого впечатления. Я и раньше видела королевские резиденции, по сравнению с ними дворец в Сармионе проигрывал по всем статьям. Большой, но какой-то приземистый, украшений чересчур много и располагаются они бестолково. В общем, вид негармоничный. Лиатинский королевский дворец был милым и уютным, Элидианский — великолепным, близким к совершенству, а этот... Выстроили гигантский сарай и обляпали его со всех сторон архитектурными излишествами.

Я думала, нас сразу отведут в тронный зал, но суровый и надменный господин, про которого Конрад мне шепнул, что это дворецкий, предложил нам отдохнуть перед приемом:

еще не все гости в сборе. Нас повели по каким-то залам, коридорам и галереям в отдельную гостиную.

Внутри царила совершенно варварская роскошь: ковры, гобелены, редкие хотейские напольные вазы и рыцарские доспехи, панели из драгоценных пород дерева и мозаики из не менее драгоценных камней, великолепные резные предметы мебели, никак не связанные друг с другом.... Все это было в таком количестве и перемежалось в таком беспорядке, что в глазах рябило. Казалось, это не дворец, а сокровищница какого-то удачливого пирата.

— Что, не нравится? — склонился к моему уху Рихард, — Согласен, вкуса маловато. Осколки былого величия вперемешку с трофеями нового времени. Горану, кстати, тоже не нравится. Но все же сделай лицо попроще, неуважения нам не простят.

Я постаралась изобразить доброжелательную улыбку. Судя по довольному хмыканью ректора, мне удалось. Когда же мы дошли до места назначения, я уже обвыклась и перестала обращать внимание на обстановку. В небольшой и на удивление уютной гостиной нашу компанию ждали удобные кресла и столик с закусками и прохладительными напитками.

Мы даже не успели присесть, как вдруг откуда ни возьмись выскочила девица. Именно выскочила, потому что спокойных, плавных движений в ее арсенале, кажется, не было. Я сразу поняла, что это и есть принцесса Лилиана, потому что она до боли напоминала своего брата. Те же разноцветные светлые волосы, те же миндалевидные глаза цвета грозового неба под длинными ресницами, тот же пухлый рот, похожий на цветок, вот только манеры девушки коренным образом отличались от стиля ее брата.

Если Горан двигался плавно, как опытный воин и держался с истинно королевским достоинством (исключая некоторые моменты), то его сестра повадками напомнила мне воробья. Такую пластику можно увидеть у первокурсниц, к третьему курсу все девчонки начинают двигаться более женственно. Делаем вывод: принцесса — совсем юная девушка, почти дитя.

Она рассмотрела нашу компанию и приняла надменно — томный вид, который ей не шел. Произнесла, жеманно растягивая слова:

— Господа... Господин ар Арвиль, рада вас видеть, вы у нас редкий гость. Господин Гаспар Корнерийский, господин ар Герион...

Каждый, кого она называла, склонялся перед ней в придворном поклоне.

— Представьте же мне вашу спутницу, я ее впервые вижу.

Ректор принял удар на себя:

— Ваше Высочество, перед Вами Марта Аспен, наш новый проректор по учебной работе.

Я изобразила лучший реверанс, который только смогла и улыбнулась сладко — сладко, как будто торт увидела.

— О! Я много слышала о госпоже Аспен от брата. Я мечтала с ней познакомиться.

Она вдруг ухватила меня за руку и, криво улыбувшись мужчинам, потащила меня прочь из гостиной. Я не решилась отбиваться и звать на помощь, все же мы не в трактире, а в королевском дворце. Пришлось бежать за принцессой.

Маленькая хулиганка проволокла меня за собой по коридору, втащила меня в небольшую и довольно грязную комнату, заставленную старыми вещами, там остановилась, перевела дух и резко, без подготовки бросила вопрос:

— Что у тебя с ректором?

— А?

Ну ни фи́га себе вопро́сики! Я прямо обалдела от такого и сразу не нашла нужных слов. Она стала сердиться.

— Что у тебя с ар Арвилем? Он твой любовник?

Я тоже разозлилась. Нашлась на мою голову принцесса! Протащила меня бегом через пол — дворца, а теперь задает глупые вопросы.

— С чего вы взяли, Ваше Высочество? Он мой ректор и мой друг, это все.

Она фыркнула, отметая мои слова.

— Не верю! С чего это он сделал тебя проректором? Простую девушку, даже не мага?

Ну надо же, с виду приличная барышня, а какой в голове кавардак! Будь это моя студентка, я бы с ней живо разобралась, но она принцесса.

— А вы не можете предположить, что ему понравились мои профессионализм и деловые качества?

Наглая красавица дерзко хмыкнула:

— Не может такого быть! Откуда у молодой красивой девушки профессионализм и деловые качества? В твоём возрасте такие должности получают только через постель!

Ой, я сейчас совершу страшное государственное преступление и убью нахалку на месте.

— А вы, Ваше Высочество, знаете об этом, вероятно по личному опыту? Боюсь, с вашими деловыми качествами вам бы даже постель не помогла.

Реакция девушки меня удивила:

— Ты обиделась? Хочешь сказать, что все это неправда? У тебя с ар Арвилем ничего нет?

— Вот именно!

— Ой, прости! А брат уверял, что ты это... в общем, вы любовники. Вот вечно он так!

— А в чем дело, Ваше Высочество? — и тут меня пронзила догадка, которую я не смогла удержать в себе, — Вы влюблены в нашего ректора?

— Это так заметно? Ну как, как в него можно не влюбиться?! Он такой... Такой... Это самый прекрасный мужчина во всем мироздании!

Я бы могла привести примеры более прекрасных мужчин, но если девушка влюблена, то да, для нее лучше Рика никого быть не может.

— Вот, ты тоже с этим согласна.

Отчего она так решила? Потому что я не возражаю? Впрочем...

— А брат не позволяет мне выйти за него замуж! Наговаривает, выдумывает всякие глупости, например, что ты — его любовница. Не ожидал, что я возьму и проверю. Мог бы придумать что-то поумнее.

Так, приехали. Король не желает выдавать сестру за Рихарда, что, в общем, разумно. Она в него влюблена до безумия, иначе чем можно объяснить ее сегодняшнюю выходку? Но главное, я уверена, что наш ректор обо всем об этом ни сном, ни духом!

Я осторожно начала:

— Ваше Высочество, а господин ар Арвиль знает о ваших чувствах к нему?

Она ступевалась.

— Нет, я ему никогда ничего... Это же неприлично!

— Тогда о каком замужестве речь?

— Ты не понимаешь! Мой брат — король. Если он прикажет Рихарду на мне жениться...

— То Рихард наотрез откажется и уедет из страны.

Кажется, я разрушила все ее представления об устройстве этого мира.

— Не может быть! Почему?!

— Потому что любить по приказу невозможно, Ваше Высочество. Даже если до этого вы ему нравились, то после такого унижения он на вас и смотреть не захочет.

— Но я красивая, разве нет?

— Вы очень красивая.

И я принцесса!

Наивная. Нашла себе преимущество. Это для тех, кто хочет при дворе пробиться, имеет значение. Арвиль же архимаг. Его интересуют совсем другие вещи, хотя... Чужая душа потемки. Но говорить надо именно с этой позиции. Пусть от влюбленности в мага девушке будет хоть какая-то польза.

— А вот это, боюсь, для господина ар Арвиля не плюс, а минус. Он-то сам не принц, а маг. А маги, они совсем не такие как мы, обычные люди, что уж говорить о нашем ректоре! Он — уникальная личность и очень сильный маг. Я понимаю ваши чувства, Ваше Высочество, хоть и не разделяю их. Но подумайте сами: что, кроме вашей небесной красоты, вы можете ему предложить? Титул? Для него это не имеет ни малейшего значения.

Говорила я от фонаря, может, Рихард спит и видит себя принцем, но надо же марку держать!

Девушка задумалась:

— А красоты недостаточно?

— Ну подумайте сами: Что вас в нем привлекло? Только ли красивые глаза?

— М — мм.... Он сильный, остроумный, говорит так, что заслушаешься, никого не боится и... и вообще он лучше всех! Не только по красоте!

— Вот именно!

Кажется, до принцессы дошло.

— Значит, ты считаешь, что мне не на что рассчитывать?

— Ну почему... Вы ведь еще совсем молоденькая, Ваше Высочество. Сколько вам лет, простите за нескромный вопрос?

— Шестнадцать...

Ого, да она меня на десять лет моложе. Прямо материнский инстинкт просыпается.

— Ну вот. А господину ар Арвилю знаете сколько? И я не знаю. Но много. Маги, они живут долго и стареют медленно. Чтобы его привлечь, надо быть не просто красивой. Надо что-то из себя представлять.

Неожиданно у Лилианы засверкали глазки:

— Да? ты тоже так думаешь? Знаешь, у меня потенциал магический в два раза больше, чем у Горана. Я хотела магии учиться, поехать в Элидиану или Кортал в тамошнюю Академию магии. А братец уверяет, что мне не нужно учиться, что и так сойду для династического брака.

В общем, разговор сошел на женское образование. Мы с принцессой за него дружно ратовали, а оппонент в виде короля блистательно отсутствовал, появляясь лишь в виде фигуры речи. Наконец, когда я поверила, что Лилиана совсем на мой счет успокоилась, она вдруг сказала:

— А тебе правда Рихард не нравится?

Не стала кривить душой.

— Почему не нравится? Очень нравится, он отличный ректор и прекрасный человек. Я

его просто обожаю.

Почему-то мое признание принцессу успокоило лучше заверений в том, что Рик мне безразличен. Девушка довольно рассмеялась.

— А, знаю, знаю, тебе нравится другой. Только не говори, что это мой брат.

— Не скажу. Это совсем другой человек.

Ну не соврала ведь? Я Конрада имела в виду. Из этих трех он самый лучший, хотя не все со мной согласятся. А Лилиана спохватилась:

— Слушай, уже скоро начнется прием, иди обратно, я тебя до нужного поворота провожу. И не вздумай с Гораном связываться. У него невеста есть, принцесса Ксения из Ремолы. Она ничего, милая. А Горан будет петь, что ты идеал — не слушай. Таких идеалов у него...

Да я уж и сама догадалась. Но... надо дать понять девочке, как понравиться своему кумиру. В смысле, пусть уже перестанет строить из себя неизвестно что, а держится естественно. Даже если с Риком не поможет, то в целом на пользу пойдет.

— Хотите совет, Ваше высочество? Господину ар Арвилю нравится все естественное. Так что поменьше жеманства. Будьте собой и у вас есть все шансы обратить на себя его внимание.

Она аж взвизгнула на радостях:

— Ой, ты действительно так думаешь?!

До нужного поворота мы не дошли: на нас внезапно выскочил Конрад. Принцесса снова ойкнула, на этот раз испуганно, и исчезла, а он схватил меня за плечи:

— Куда ты подевалась?! Я уже весь дворец облазил, слуги тебя нигде не видели и ни одна следилка не показывает.

Я смотрела на него, хлопала глазами и не могла сообразить. Как так? А где мы тогда с принцессой были?

* * *

Но разбираться Конрад не стал: времени не было. Прошипев, что мы с ним еще об этом поговорим, потянул меня обратно туда, где сидели остальные. А там все уже стояли на старте.

— Скорей, скорей. За нами уже прислали, — заторопил Рихард.

Так что ничего ни спросить, ни сказать Конрад не успел.

Я думала, что мы войдем в зал приемов все вместе, но нас запускали по одному. Сначала прошел Гаспар, которого представили как главного мага доблестной шимасской армии, затем пригласили Рихарда ар Арвиля, ректора Высшей Школы Магии, за ним Конрада, обозвав его Главным магом Защиты. Те слова, которые я выделила прописной буквой в начале, церемониймейстер именно так и произнес: с большой буквы.

Я шла в самом конце: Марта Аспен, проректор по учебной работе высшей школы магии. Все слова моего наименования, пожалуй, кроме имени, звучали с самой маленькой буквы. Мне явно показывали мое место: девчонка — выскочка, плебейка, случайностью заброшенная в высшее общество. Это явно было инициативой самого церемониймейстера, вряд ли король велел ему так меня унижать.

Но господин плохо рассчитал. На неопытную простолюдинку, пробившуюся благодаря

выгодному браку, это подействовало бы, а на меня нет. Я знала себе цену и плевать хотела на мнение того, кого не особо уважала. Вошла в зал, сделала церемониальный поклон всему обществу, как того требовал этикет, и подошла к группе своих коллег. Рихард тут же зашептал на ухо:

— Скоро выход короля, мы еле успели.

Подзадержала меня принцесса, однако.

Я только и успела, что осмотреться и понять, что привлекла всеобщее внимание. Мужчины рассматривали меня не скрываясь, с жадным интересом. Дамы тоже разглядывали, но стоило им заметить, что я смотрю в их сторону, отворачивались. Среди них было несколько действительно красивых, но гораздо больше было нелепо разряженных. Но все дамы сходились в одном: драгоценности висели на них как смородина на кусте в урожайный год. В нашем Лиатине такой стиль считается недопустимым для дворян, только богатые купчихи могут себе позволить надеть на себя сразу все содержимое своего ларца с украшениями.

Я со своими серьгами и брошью смотрелась на их фоне откровенно бедно, зато стильно. И платье у меня красивое, строгое и не аляпистое. Конрад вдруг нагнулся к тому уху. Которое не было оккупировано ректором для ценных указаний, и прошептал:

— Марта, даже не смотри на этих куриц. Они завидуют, потому что в этом зале нет никого красивее тебя.

Тут он, конечно, хватил. Красавицы здесь были, и не такие как я, не нарисованные талантом госпожи Реганы, настоящие, природные. А Лилиана, которая пока не пришла, могла любую из них затмить. Я разумно оценивала свои данные. Но все равно приятно было такое услышать! Особенно от Конрада.

Тут церемониймейстер объявил:

— Его богоизбранное Величество король Горан!

Вслед за этими словами появился и сам король. Я его просто не узнала. В Школе это был безусловно красивый и притягательный, но простой и приятный в общении парень. А сейчас перед нами стояло воплощенное средоточие власти, ее олицетворение. От него почти зримо расходились флюиды притягательности, о которых рассказывали мне маги. Даже защищенная кольцом, я все равно их чувствовала.

Окружающие же смотрели на своего монарха как на новоявленное божество. Невозможно было поверить, что еще недавно они осуждали его или критиковали. А дамы... Вот уж кто растерся по полу киселем. По глазам было видно: они готовы отдаться королю прямо на месте. Да не то, что готовы: они жаждут. Какое счастье, что Асти соорудил мне защитный артефакт.

Оглядев зал, Горан слегка приглушил ослепительное сияние своей харизмы, и к его гостям стал возвращаться разум. Бедные дамы все как одна покраснели и опустили взгляд. Мужчины задвигались. Наконец все опомнились и склонились перед своим королем в церемониальном поклоне. Мы сделали то же.

Тут же церемониймейстер объявил:

— Ее Высочество прекрасная принцесса Лилиана.

Девушка легким шагом впорхнула в зал.

— Представляешь, — шепнул мне на ухо ар Арвиль, — здесь слово „прекрасная“ входит в титул принцессы. Хорошо, что Лилиана и впрямь очень красива. А если бы нет?

Выходит, когда в сказках принц идет спасать прекрасную принцессу, это лишь слова?

На самом деле она может быть какая угодно, даже уродливая? Но от размышлений на эту тему меня отвлекло продолжение действия в зале.

Король приветствовал всех собравшихся, поздравил их с осенним равноденствием и праздником урожая, а затем сел на трон и благосклонным кивком разрешил всем двигаться и продолжать общаться. Сам же стал приглашать к себе на разговор тех, кого хотел, вернее тех, кто значился в списке у церемониймейстера.

Этот достойный господин показывал королю бумагу, тот тыкал в нее пальцем, после чего звучало объявление:

— Господин такой-то, вам выпала честь быть королевским собеседником.

Вызванный присаживался на низкий табурет сбоку от Горана и они вели тихую беседу. Настолько тихую, что даже я догадалась: король прикрыт пологом тишины. Конрад подтвердил мои предположения.

— Артефакт полога вмонтирован в трон. Король его активирует и выключает по желанию. Защита прикрывает его и того, кто сидит перед ним на табурете.

Здорово организовано. Я попросила Конрада показать мне еще что-нибудь. Общаться тут мне не с кем, так хоть с достопримечательностями ознакомлюсь.

По пути нам попался господин Милчич и сразу же заговорил о насущном: есть заказ на серию зелий от простуды и ревматизма. На полученные за него деньги можно будет... И он принялся перечислять то, на что, по его мнению, хватит средств.

Дальше больше. Нужны амулеты правды для государственных служащих, но это он лично обсудит с господином профессором Громмелем.

Богатейший в Сармионе купец Вастич жаждет оборудовать свои склады новейшей системой защиты от всего: воров, пожара, потопа, гнили, насекомых и так далее. Готов выложить кругленькую сумму.

Естественно, на этом этапе к нашей интересной беседе подключился Конрад и стал прикидывать, много ли там работы и сколько за это можно взять. Моя душа радовалась: на этих заказах мы сможем приобрести больше половины нашего дополнительного списка. Ну, и еще что-нибудь по мелочи.

И тут как гром среди ясного неба прозвучал голос церемониймейстера:

— Госпожа Марта Аспен, вам выпала честь стать королевской собеседницей.

Я и не думала, что меня позовут. Увлеклась беседой с Милчичем и забыла о короле. Только вот он обо мне не забыл. Под стрелами обжигающих ненавистью взглядов здешних дам пришлось подняться туда, где стоял трон, изобразить реверанс и опуститься на табурет.

Жесткий! Это чтобы не засиживались? Я вспомнила все, чему учила моя мама: выпрямила спину, расправила плечи и чуть склонила голову. Я готова слушать и отвечать.

Но слушать собирался как раз король. Он начал с вопроса:

— Дорогая Марта, как тебе понравился наш дворец?

Ну что тут ответишь? Правду? Ни вкуса, ни стиля? Не дело это. Надо похвалить, а что тут похвалишь? Разве что размер?

— Грандиозно, Ваше Величество.

Он поднял брови, хмыкнул, но принял мой ответ и перешел к следующему вопросу:

— Мне доложили, что ты уже познакомилась с моей сестрой, — он кивком указал в зал, где в это время Лилиана стояла между Гаспаром и Рихардом и что-то им говорила, — Ну как она тебе? Какое впечатление?

— Она прелестна, Ваше Величество.

Мой ответ короля не удовлетворил.

— Это я и сам знаю. Лили — вылитая мать, а она была одной и самых красивых и очаровательных женщин в мире. Я про другое спрашиваю. Как ты ее оцениваешь с точки зрения педагога? Ты ведь преподаешь, должна в этом разбираться.

— Боюсь, тут вы не по адресу. Я могу оценить подготовку, уровень знаний, но для этого нужно поговорить подольше и не на общие, а на специальные темы. Вижу только, что принцесса хорошо воспитана, — тут я покривила душой, воспитанная девица не стала бы меня обвинять в том, что я чья-то любовница, — Она неглупа, живо всем интересуется, умеет думать и сопоставлять. Учить людей, подобных принцессе — одно удовольствие. Думаю, я была бы рада такой студентке.

— Ты хочешь сказать, что взяла бы ее учиться в ваш...

Он явно хотел сказать что-то вроде „вертеп“, „бордель“ или другое такое же слово, характеризующее нашу школу весьма нелестно, но сдержался. Она же у нас под его личным патронатом, а быть патроном борделя для короля унижительно. Надо уважать собственные институты.

— О, я не думаю, что Школа, куда принимают детей всех сословий, подходит принцессе, но наши преподаватели могли бы ее многому научить. Я слышала, ваша сестра очень одаренный маг.

Это замечание Горану сильно не понравилось. Он гневно засверкал глазами.

— Всего вдвое сильнее меня. И не думай, что это много. Если к ничего прибавить такое же ничего, сколько будет?

Хотела сказать „вы же не совсем безнадежны“, и придержала язык. Только оскорблять короля в лицо мне не хватало. Совершенно не интересуюсь архитектурой здешних темниц. Хватило ума перевести тему:

— Но, я полагаю, принцесса получила достойное общее образование?

— Сколько надо, столько и получила. Для того, чтоб выйти замуж и рожать детей достаточно. Ты простолюдинка, Марта, вам приходится бороться за свое место под солнцем и ради этого даже женщина стала математиком. А принцессе это без надобности.

Меня попытались ткнуть мордой в грязь. Делаем вид, что не заметили.

— Но мне принцесса выразила желание учиться. Чем это плохо?

— Кому нужна ученая жена?

— Не знаю.

В первую минуту я даже не поняла вопроса, затем решила не отвечать, а перевести разговор на кстати вспомнившийся мне исторический пример. Я не знаток истории, но эту байку запомнила, потому что она мне нравилась. Сказка о Золотом веке, который был в моей стране не так уж давно.

— Но могу привести пример: в Лиатине двести лет назад правила королева Гризельда, которая в учености могла состязаться с умнейшими мужами. Вернее, не сама правила, а помогала сначала своему мужу, а затем сыну. А еще она была очень красива и добра. На нее все только что не молились: и король, и придворные, и народ. Время правления ее мужа короля Хельдриха и ее сына короля Войтеха считается у нас Золотым веком. Тогда в Лиатине не было ни войн, ни голода, ни восстаний, страна процветала. В немалой степени это была заслуга королевы.

Король смотрел на меня с интересом, но не таким, каким мне бы хотелось, а так, как мог бы смотреть на хомячка, вздумавшего вдруг запеть соловьем. Но я уже не могла

остановиться. И вмазала самым сильным с моей точки зрения аргументом.

— А еще могу сказать, что малограмотная мать никогда не привьет своим детям любовь к учению, а с вероятностью девять против одного вырастит лентяев и бестолочей, которые развалят все, что успели построить отцы. Любая жена рано или поздно становится матерью и воспитывает будущих граждан страны. Таким образом от ее культурного уровня и образованности зависит будущее державы.

Все-таки умение логично мыслить и доказательно излагать дают математикам огромные преимущества. Горан вдруг замер, уставившись на меня своими огромными глазами цвета грозового неба. Затем отмер и произнес задумчиво:

— С этой стороны я никогда на проблему не смотрел, а ведь по большому счету ты права. В Шимассе вообще не принято учиться, это держит нас на задворках цивилизации. Думаешь, если бы больше женщин получало образование...

Я не стала ждать завершения фразы. Еще поменяет мнение в процессе. Надо ковать железо пока горячо.

— Думаю. Даже уверена. В процветающей Элидиане половина слушателей университета — девушки. Практически все они после обучения не занимают важных постов, не становятся министрами. Просто выходят замуж, рожают и воспитывают детей, трудятся там, куда из занесет судьба. Учат малышей в школах, например. Обученные ведьмы обеспечивают все маленькие города и села магической помощью очень высокого уровня, а заодно ищут и находят детей с даром и дают им начальные знания. Это система и она работает.

Горан вдруг прищурил глаз и посмотрел на меня недоверчиво.

— Мне кажется, или ты преследуешь какую-то личную цель, говоря мне это?

Ну что, признаемся ему?

— Преследую. Если бы принцесса стала учиться и народ об этом узнал... Гораздо больше людей захотели бы отправить своих дочерей с даром в нашу Школу.

Король остановил мои горячие речи.

— Я вижу, ты всей душой предана нашей школе и радеешь за порученное дело. Это хорошо. Я хотел поговорить с тобой о другом, но... Я благодарен тебе. Марта, за интересную беседу. А теперь время пригласить тех, кто ждет своей очереди.

Дура. Забыла, где нахожусь, увлеклась. Тут же поднялась и поклонилась. Пусть теперь думает, материал для размышлений я ему предоставила.

Спустившись в зал, не увидела никого из знакомых, кроме Милчича. К нему и направилась. Он смотрел на меня как на чудо:

— Госпожа Марта, король удостоил вас такой длительной беседы... Это такая честь. Вы сумели его заинтересовать.

Еще бы, я старалась.

— Может, поделитесь своими мыслями?

Поделиться? Запросто! Это я всегда! Про то, о чем говорила с королем, было бы неправильно рассказывать финансисту. Но есть и другие темы. Вот например наша Лаура. Хоть наши отношения не сложились, но ее мечты и чаяния я хорошо знала и разделяла. Она мечтала о госпитале, где могла бы учить целителей, а я с удовольствием выделила бы ее факультет в отдельную структуру.

И я вывалила на бедного, ничего не подозревающего финансиста великий план учебного заведения для целителей и одновременно общедоступного госпиталя, куда мог бы прийти и

получить лечение каждый.

— Но госпожа Марта... Казна не в состоянии содержать такую махину!

— И не надо. Есть способ.

— Какой?

— Два подъезда. Вот именно: два подъезда, два входа, называйте как хотите. Один — для всех, там лечат бесплатно, только ты обязан послужить учебным пособием для студентов. Другой — за деньги. За очень хорошие деньги, ведь тебя будут лечить лучшие целители королевства — профессора нашей замечательной школы. А еще... Патронат принцессы, например. Пусть богатые люди Шимассы делают благотворительные взносы...

Господин Милчич чуть не прыгал от возбуждения.

— Я понял! Отличная идея, госпожа Марта, я доложу королю. Кажется, я даже знаю, какое здание подойдет для этих целей...

И он покинул меня, отправившись искать кого-то, чтобы опробовать мою идею на посторонних.

Идею я нагло сперла. Так были устроены королевские госпитали и в Элидиане и во моем родном Лиатине. Но сюда это пока не дошло. Так в чем же дело? Пусть уже дойдет.

* * *

Пока мы с Милчичем вели столь занимательную беседу, первая часть приема закончилась и нас пригласили к столу, который был накрыт на огромной веранде под легким белым тентом.

Не зря это был праздник сбора урожая. На столе нас ждали все плоды земные приготовленные множеством разных способов. В Лиатине на осеннее равноденствие тоже отмечают сбор урожая, но разница заметна невооруженным глазом: у нас нет и четверти того разнообразия овощей, злаков и фруктов, которые есть в этой южной стране. А ведь многие культуры здесь еще ждут своей очереди: зреет, наливаясь сладостью виноград, яблоки не всех сортов покраснели, корнеплоды только начали выкапывать по второму разу...

На столе у каждого прибора лежала карточка, так что мне пришлось искать свое место по всему залу. Не знаю почему, но никого из знакомых рядом не посадили. Вероятно, чтобы жизнь медом не казалась. Справа от меня сидел пожилой, весь увешанный орденами генерал, слева — молодой человек из королевской свиты. Это я не придумала, он начал с того, что сообщил мне свой статус. Хотел поставить меня на место? Ну и зря, я и так на нем стою.

Рихард оказался очень далеко от меня, зато близко к королю, Гаспар рядом с ним. Зато Конрад сел прямо напротив, поколдовав, как мне кажется, с бумажками. Ему я обрадовалась как родному.

За время обеда король трижды присылал ко мне слугу с блюдом, чтобы я попробовала то или иное кушанье. После третьего явления человека с подносом мои соседи по столу перестали смотреть на меня как на муху, сидящую на портрете любимой бабушке, а стали прямо-таки неприлично заигрывать.

Разозлили донельзя. Я им была нужна как лысому расческа, их интересовала возможность приблизиться к королю. Так что, когда вдруг Горан встал и объявил, что желающие могут есть десерт, а он желает танцевать, я готова была в ножки ему за это

поклониться. Официальное застолье закончилось, а мои соседи были не из тех, кто пропускает возможность заняться чем-нибудь вместе с монархом. Я же надеялась в тишине и покое полакомиться арбузами и дынями.

Король поднялся, но мои соседи не ушли, а плотоядно взирали на меня не знаю уж с какой целью. Внезапно Конрад каким-то чудом (или порталом?) оказался за моей спиной и одним взглядом прогнал обоих. Затем спросил:

— Десерт или танцы?

Лучше лопнуть от обжорства, чем снова попасться на глаза королю.

— Десерт.

— Хорошо.

Он сел рядом и оглядел стол, на котором закуски и горячее сменились пирожными и фруктами.

— Что ты будешь есть?

— Арбуз и дыню. Они здесь такие вкусные.

— Да уж. На нашей родине такого не попробуешь. Возьму-ка и я себе дыньки. Вот этой, розовой.

Он положил мне на тарелку пару кусков арбуза и столько же дыни, которая по виду не слишком от него отличалась. Тоже розовая мякоть, хоть и более плотная. Зато аромат... За время пребывания в Шимассе я уже ела дыню, но ту было не сравнить с этой божественной вкуснотой.

— Сорт „Принцесса Зара“, — пояснил Конрад, — самая лучшая дыня в мире. Ее только здесь и поешь: совершенно не переносит транспортировки, даже под стагисом портится. На стол подаются только свежесрезанные плоды, уже через двое суток их можно будет отдать нищим, а лучше свиньям.

Понятно, почему я еще не пробовала это чудо Шимассы. Закупками для моей личной кухни руководил Зорко, а он при безусловной честности отличался патологической... ммм..., скажем, практичностью и никогда бы не купил то, что нельзя доест на другой день. Так что я набросилась на дыню, игнорируя арбуз: его и в другой раз поесть можно.

Мы сидели с Конрадом рядышком, уплетали наш десерт и прекрасно себя чувствовали, пока не прибежал ректор и не зашипел на меня:

— Марта, что ты тут делаешь? Там король тебя требует, хочет с тобой танцевать.

Вот только этого счастья мне и не хватало. Пришлось оторваться от дыни и ползти в танцевальный зал. Радовало только одно: Рик сказал, что после танца с королем прилично будет уйти, не прощаясь.

Когда я вошла в танцевальный зал, Горан как раз стоял на одном колене и кружил вокруг себя какую-то придворную курицу, украшенную большим количеством разноцветных перьев. Заметил нас с Конрадом и дал знак музыкантам закругляться. Дама посмотрела на него обиженно, поняла, в чем дело и уставилась на меня как будто готова была убить на месте каким-нибудь особо кровожадным способом. Я пожала плечами: это не мое желание, все вопросы к королю.

Ректор подвел меня к Горану, который при первых звуках новой мелодии положил руку мне на талию, а у меня сердце чуть не выскочило из груди, когда я услышала, что предстоит танцевать. Ленс я знала, его у нас танцевали крестьяне на деревенских балах, затем он пробрался в высший свет и там закрепился. Правда, не везде. В светском обществе моей родины он считался неприличным, зато в Элидиане быстро стал очень модным.

Мужчина обнимал даму за талию, она клала ему руку на плечо и они кружились, глядя друг на друга. Это приятно и мило, когда твой партнер — близкий человек, которому доверяешь, и очень опасно, когда он — коварный соблазнитель.

Разговаривать в ленте не получается, не тот танец. Так что, если я думала, что король опять хочет о чем-то со мной говорить, то просчиталась. Он явно желал испробовать на мне свое коронное обаяние.

Мы поплыли по залу, кружась, Все было скромно и пристойно, только... Мы двигались как во сне в каком-то странном любовном сиропе, из-за которого все казалось замедленным. Время тянулось как смола. Горан неотрывно смотрел мне в глаза, а я просто плавилась под этим взглядом. Даже амулет помогал плохо. Если бы мы сейчас оказались одни, то я повела бы себя как любая из его придворных куриц: отдалась со стоном восторга. К счастью, мы танцевали среди полного народа зала. Мало того: нас не сводило глаз большинство присутствующих.

Это я поняла, когда музыка наконец остановилась. Ноги внезапно стали ватными, я с трудом изобразила положенный поклон и, задыхаясь от волнения, поковыляла к стенке, у которой поджидал меня Конрад. Оглянулась, ища глазами Рика. Тот танцевал с принцессой и как раз сейчас с ней раскланивался. Физия у него при этом была как у кота, объевшегося сливок.

Дождавшись, когда разноцветная толпа скроет нас от короля, Конрад молча взял меня за руку и потащил на выход. Я кротко шла за ним, надеясь, что меня сейчас отвезут домой. Там Пин, там горячая ванна и там нет никаких королей.

Рихард догнал нас у кареты. От него сильно пахло вином.

— Ну куда вы? Бал еще не кончился. Потанцуйте хоть немного.

Что это с ним? Сам же говорил, что после этого танца можно будет уехать! Конрад произнес сурово:

— Рик, Марта плохо себя чувствует. Ей надо прилечь.

— Во дворце полно свободных комнат. Мог бы устроить ее где-то там.

И тут не говоря ни слова, Конрад взял меня за руку и сунул ее ректору под нос. У того от удивления глаза округлились, затем он стал серьезен.

— Вези нашу девочку в школу, Кон, не задерживай. А я буду здесь прикрывать если что.

Меня в четыре руки затолкали в карету, ар Герион сел рядом. Возница гикнул, щелкнул кнутом...

Мы ехали тихо, даже не разговаривали. Не знаю, почему молчал Конрад, а я была смущена всем произошедшим. В темноте тщетно пыталась разглядеть, что это мужчины увидели на моей руке. Только оказавшись в собственной комнате, поняла что их так напугало. Мое колечко — амулет сломалось. Синий камушек обуглился, превратился в черный. Никогда такого не видела.

Ну Горан, ну сволочь! Никогда больше не заманишь в свой дворец. Можешь звать сколько угодно. Ногу сломаю, но не пойду.

Конрад не остался за дверью, а зашел вслед за мной.

— Марта, как ты себя чувствуешь?

Он вовсе не это хотел спросить. Я обернулась и довольно зло выговорила:

— Ты хочешь знать, не умираю ли я от страсти к королю? Так вот: ответ нет. Ни к нему, ни к кому другому. Я хочу принять ванну и лечь спать в гордом одиночестве.

Он вдруг широко улыбнулся, да так, что у меня сердце рухнуло куда-то вниз.

— Я рад. Ну что ж, иди, принимай ванну. А это тебе.

Он, как фокусник, вынул и положил на стол темно — зеленую в серых прожилках дыню. По комнате распространилось божественное благоухание. Я сразу поняла: „Принцесса Зара“.

— Вот. Ты же не доела свою порцию на приеме.

Я сержусь, гавкаю, а он обо мне заботится. Понял, как я дыни обожаю, и принес.

— Конрад... Спасибо. Но она же до завтра испортится... А сейчас у меня сил нет.

— Ничего. Она свежая. В стазисе до утра долежит, — сказал он и щелкнул пальцами особым образом. Я уже знала, что это нужное заклинание, — А ты разрешишь мне помочь тебе ее съесть на завтрак?

— Ну конечно! Заходи утром. — обрадовалась я.

Он ушел, а я вдруг сообразила, что не заметила, как перешла с ним на ты.

* * *

Утром я снова оглядела себя в зеркале. После умывания живопись госпожи Реганы исчезла, но волосы остались золотистыми, а глаза синими. Интересно, это теперь навсегда? Если про волосы я понимала, что это краска, то цвет глаз смущал неимоверно.

На завтрак Кон пришел не один, за ним притащились Рик и Асти с Вольфи. Дыни хватило на всех, но почему-то у меня осталось легкое недовольство, хотя причин для него не было.

Ректор желал знать, не случилось ли со мной дурного, могу ли я продолжать работу. Асти прибежал, когда ему сообщили, что колечко не выдержало напора короля. Вольфи — за ним.

Все были рады убедиться, что я жива, здорова и в своем уме. Получается, колечко все же меня спасло, но на будущее понадобится что-то помощнее. Уточнив, какая музыка играла, Асти после завтрака удалился к себе в мастерскую и утащил моего приятеля. Я спросила Конрада:

— А музыка-то ему зачем?

— Как? Не верю, что ты не сообразила. По длительности звучания мелодии он хочет определить мощность магического потока. Если с тобой ничего не случилось, колечко прикрывало твое сознание до самого конца. Его заряд известен...

Я обрадовалась как ребенок:

— Конрад, вот она — математика в действии. Простейшая, но все же.

Как ни странно, следующие после королевского приема декады прошли спокойно. Я имею в виду то, что меня никто меня не домогался. Зато работы оказалось выше крыши.

Во — первых, пришлось разобраться с отработками. Многие студенты не поверили мне и продолжали манкировать занятиями. Гром грянул тогда, когда мы с Риком издали приказ: те, кто пропустил хотя бы одно занятие, без отработки на промежуточные зачеты допущены не будут. А дальше мы провели повальную проверку журналов и вывесили списки задолжников.

Надо сказать, преподавателей это обрадовало еще меньше, чем студентов. Сиди по вечерам, принимай отработки. Они привыкли не стеснять себя временем, а я составила

график, по которому все маги должны дежурить на приеме задолжников. Начался ропот.

Пришлось разрешить сдавать пропущенное в виде письменных работ и организовать в подвале постоянно действующий практикум, где можно было отработать любые практические навыки. Там дежурили только молодые преподаватели, наши магистры туда даже не заглядывали.

Еще ко мне потянулась вереница наказанных за дисциплинарные нарушения. Часть из них я отправляла к профессору Гилону, нашему главному травоведу. Его кредо было „копать, копать и еще раз копать“ и он никогда не оставлял свои оранжереи и деланки без присмотра, так что за успешное отбывание наказания можно было не беспокоиться.

Остальные нарушители отправлялись в подвалы разбирать завалы. Мусор отдельно, сломанные вещи отдельно, случайно найденные ценные предметы мне на стол. Этих предметов оказалось не так уж мало. Попадались даже золото и драгоценные камни в виде заготовок для амулетов. Еще нашлось много старых магических книг, которые я передала в библиотеку. По моему плану следующее поколение наказанных должно будет привести их в порядок: просушить, извести грибок, подклеить и разгладить страницы.

Пару фолиантов у меня утащил Рихард. Вошел, увидел, сделал большие глаза, схватил и был таков. Потом объяснял, что книги редкие, ценные и сильно замагиченные, так что для меня они представляли опасность. Я не спорила. Ему лучше знать.

Наказанных было достаточно, так что дело с расчисткой подвалов шло. Кстати, практикум для отработчиков я организовала в первом из них.

Вольфи нашел свое счастье. Каждую свободную минуту он бежал в мастерские Громмеля и эта парочка сидела там, что-то считая, пока не приходило время идти работать. Я грешным делом боялась, что Асти станет спаивать моего приятеля, но случилось чудо: он сам стал меньше пить. Правда, пивший до этого только воду Вольфи начал требовать ежедневно кружку пива, а по выходным две. Но это же такая малость!

Громмель решил проблему с моими защитными серьгами в своей оригинальной манере. Он просто взял и превратил королевский подарок в амулет от его же магии. Я была не в восторге, огромные сапфиры оттягивали уши, но Асти отмел все возражения. Защита от короля мне нужна только в его присутствии, так что серьги я могу носить с собой в коробочке и надевать при встрече с королем, а он довольно редко нас посещает. Зато два здоровых камня — накопителя не так просто истощить и пережечь, у гада от натуги пупок развяжется.

Пришлось согласиться.

* * *

Я продолжала инспекцию преподавателей. Посещала всех по списку, кроме Гесперия. В его способности обучать я даже не сомневалась. Но не хотела еще раз испытать на себе его таланты.

Относительно остальных пришла к выводу: все не так уж плохо. Сменить надо троих, они не годятся. То есть абсолютно. Еще двое просто не вписывались в концепцию обучения, их предметы были явно не для Высшей Школы Магии. Остальные, к кому были претензии, могут исправить свой стиль работы если постараются.

Одним из первых я позвала к себе на разговор Либерия. Долго думала, на какой козе к

ему подъехать, а потом взяла и предложила посетить на выбор занятия господина ректора или Конрада, взяв обещание зайти ко мне и изложить свои впечатления.

Мужик вернулся дня через три и с порога сообщил:

— Вы хотели сказать, что я не умею преподавать? Вы правы. Можно прямо сейчас подавать заявление об уходе?

На такое я как-то не рассчитывала. Постаралась успокоить Либерия, усадила в кресло, налила чай и спросила:

— На основании чего вы сделали вывод, что не умеете преподавать? Я как раз считаю, что вы неплохой преподаватель, но могли быть в несколько раз лучше. Таланта вам хватит.

Он мне не поверил. Прищурился и поджал губы.

— Вот как?

Я продолжала открыто улыбаться.

— Именно так. Иначе я бы не стала посылать вас поучиться у коллег, а сразу бы предложила написать заявление.

И чему, по вашему, я должен у них учиться?

Я улыбнулась ему как добрая бабушка бестолковому внуку. В отношении мужчины намного меня старше это было забавно.

— Может, вы сами мне об этом скажете? Нет? У кого, кстати, вы побывали?

Либерий вдруг посмурнел челом и признался:

— У обоих. Они потрясающие, а я... Я никогда так не смогу. Так чему вы хотели, чтобы я научился?

— Может быть заботе и вниманию? Заботе о том, как студенты усваивают знания и вниманию к тому, что их затрудняет, например. Потому что рассказываете и показываете вы замечательно.

Он вдруг вспыхнул:

— Со мной никто не нянчился!

Я отвечала тихим, мягким голосом, копируя манеру Зои, приятельницы Соль и прекрасной менталистки:

— Я и не предлагаю вам нянчиться. Студента достаточно поправить и направить. Вам никогда не казалось, что если бы преподаватели уделяли вам немного больше внимания, вы и достигли бы большего?

Либерий вышел от меня со странным выражением лица и больше мы не разговаривали. После зимнего солнцестояния надо будет снова посетить его занятия и посмотреть, как он справляется.

* * *

Господин Милчич со своим (бывшим моим) переработанным планом общедоступного госпиталя добрался до Лауры и нашел в ней энтузиазм, поддержку и все, на что только мог надеяться. Лаура на глазах помолодела и похорошела. Я испугалась за семью бедняги Милчича: ведьма на нее не посмотрит. Но к счастью он оказался вдовцом и теперь эта парочка планировала будущее шимасского целительства по всем углам, распугивая студентов.

На радостях дама обратилась ко мне, а я ей впарила идею о комплексе подготовке целителей. То есть, что нужно готовить не только супер — специалистов высшего звена, но и ведьм для работы в городах и селах, а также тех, кто будет лечить, не имея дара, просто пользуясь готовыми зельями из аптеки. В Лиатине, например, только такие и есть. Шимасса — страна большая, на все деревни ведьм еще не скоро хватит.

Обсуждение создания полноценного целительского факультета с госпиталем нас помирило и подружило. Лаура даже попросила у меня прощения за то нетактичное высказывание. Разумеется, я ее простила.

Разговоры с Лаурой дали мне понимание того, что происходило в Сармионе с прибывшими сюда на работу магами. Все они раньше работали в старых, хорошо развитых, заслуженных учебных заведениях, привыкли к уровню и, попав в совершенно неподготовленные условия Шимассы, просто потеряли интерес и опустили руки. Меня это, если честно, удивило. Всегда представлялось, что новое поле — это новые возможности. Как сделаешь, так и будет. Отношение магов для меня было диким. Что, вот так: подайте все на блюде, а я может быть соглашусь откусать? Это же скучно.

Лаура сама не разделяла такого подхода, но понимала, откуда он взялся, и объясняла мне. Организация чего-то нового — это всегда много рутины. Пока что-то станет вырисовываться, проходит слишком много времени, а маги не привыкли ждать. Кроме того, большинство магов — жуткие индивидуалисты, а тут нужна сплоченная работа в команде.

Получается, Рик прав и им со мной повезло? Я, кстати, тоже индивидуалистка, но команда тем не менее сплотилась. Часть вокруг меня, часть — против, но сплотилась же! И работать начали лучше, и никто теперь не манкирует занятиями. Но это только начало.

Я, например, заметила, что программа довольно хаотичная. Некоторых предметов явно не хватает, зато есть такие, вроде Сильвиной косметики, без которых легко можно обойтись.

Лаура пояснила: по каким предметам есть преподаватели, те стоят в программе, а по каким нету... Значит, нету. Но это ведь не дело! Не зря я затеяла подбор новых кадров. Ох, не зря!

* * *

Пришлось идти к ректору. После приема у короля Рихард вел себя так, что это наводило на мысль: он терзается чувством вины и почему-то по отношению ко мне. Он соглашался на любые мои предложения, даже не пытаясь спорить, во всем поддерживал, но при этом стал избегать общения один на один. Даже в мой кабинет старался заходить, когда там была Верка, а к себе приглашал обязательно в присутствии третьего лица: своего Славена, Конрада или кого-то из преподавателей.

С чем это было связано, я не могла понять, но чувствовала определенное раздражение. Это не всегда было удобно, к тому же я с того самого дня хотела обсудить с ним то, что мне сказала принцесса Лилиана. Мне было жаль девочку, но долг требовал сообщить Рiku о чувствах юной красавицы. Если Горан все же примет решение учить сестру, мы должны это учитывать при организации процесса.

Обсуждать же влюбленность принцессы при посторонних для меня было просто невозможно.

Но сейчас речь шла не о чьих-то чувствах, а о вполне конкретных вещах: плане развития

школы на будущее. Для себя я составила список необходимых дисциплин (для этого пришлось писать одному коллеге в Элидиану и просить выслать мне тамошний), мне надо было обсудить его с ректором и придумать, как начать переиначивать расписание под новую концепцию. Делать все резко было невозможно, да и опасно.

Заодно я взяла с собой заполненные анкеты тех, кто хотел у нас работать. Они все продолжали приходить, так что у меня скопилась немалая стопка. Часть я уже отдавала Рикку, но ответа не получила. Пришла пора решить наконец этот вопрос.

Тот ждал меня в своем кабинете вместе с Конрадом. Его присутствие меня не смущало, поэтому я не стала ходить вокруг да около, а вывалила все, что думаю.

Студентов учат неправильно: не тому, чем надо, а тому, чему могут. Если мы будем идти на поводу у ситуации, то развалим дело вконец. Ректор попытался возразить, сказать, что он и так делает все, что может, но тут меня неожиданно поддержал Конрад.

— Марта абсолютно права. До сих пор мы плыли по течению, и это нас никуда не привело. Послушаем, что она хочет предложить. Ты ведь пришла с конкретным деловым предложением, Марта?

Я тут же выложила на стол краткий учебный план Элидианского университета, свой план, который получился в качестве выжимок из предыдущего документа, и пачку анкет преподавателей. Не давая Рихарду вставить ни слова, стала объяснять.

— Вот смотрите. Дисциплины, которым обучают в одном из лучших университетов на нашем континенте. А вот список того, что, как мне кажется, должно быть в нашей школе. Самые основные, я бы даже сказала основополагающие, предметы и несколько востребованных узкоспециальных. То, что у нас уже есть, я обвела красным.

Сунула им под нос обе бумаги и откинулась на спинку стула. Пусть изучают.

Минут несколько мужчины читали списки, передавая их друг другу. Наконец Конрад открыл рот первым.

— В принципе я согласен, даже можно было бы добавить парочку предметов в наш список. Так будет логично.

Он тут же взял и написал их внизу своей рукой. Его поддержка меня окрылила, да и Рик сразу приободрился.

— Ты проделала большую работу, Марта. А откуда у тебя учебный план элидианского университета?

— Знакомые прислали. Я решила взять его как образец, как то, к чему нам нужно стремиться.

— Разумно. Но у нас нет...

Я хлопнула рукой по пачке анкет.

— Вот преподаватели, которые выразили желание у нас работать. Я передавала тебе еще несколько анкет и ты обещал ознакомиться. Где они?

На Рихарда жалко было смотреть. Он побледнел, покраснел, нахмурился, обиженно выпятил губу, встал и начал копаться в шкафу, что-то бормоча.

Все ясно. Пообещал, взял, положил на полочку и забыл. Очень похоже на нашего ректора. Я была готова к тому, что он ничего не найдет. Зря что ли мы с Веркой специальный список писали? Там остались все данные. Но Рик вдруг с радостным возгласом вытащил из шкафа знакомую папочку.

— Вот! Я же знал, что они где-то тут. Прости, Марта, я так и не посмотрел...

Ну что с ним, ругаться, что ли? Он такой, какой он есть, и я уже к этому привыкла.

Перевоспитывать мага в несколько раз меня старше? На такие подвиги я не подписывалась и мне за них никто не заплатит. С улыбкой взяла папку и предложила:

— Посмотрим сейчас.

Наш разговор затянулся. Сначала Конрад был с нами и очень помогал, затем он ушел, чтобы провести занятие, вернулся, пригнав с собой двух подавальщиц с обедом, а мы все перекладывали бумажки и пытались угадать, кто нам подойдет.

Надо сказать, анкет оказалось значительно больше, чем я ожидала. Объявления в газетах должны были появляться трижды. После первого объявления соискатели только начали шевелиться, а затем предложения посыпались как горох из мешка. Больше половины я отсеяла, но и без этого на каждую нужную нам позицию минимум по две, а на некоторые по три — четыре заявки. С другой стороны, чему тут удивляться? В Элидиане и Кортале не так уж много хороших, хлебных преподавательских мест, а их высшие учебные заведения каждый год выпускают сотни новых магов.

Еда на нас подействовала или что еще, но после подогнанного нам Конрадом сытного обеда наконец удалось навести порядок в умах и бумагах.

Стало ясно, что пока, до нового учебного года, нам удастся ввести три, максимум четыре новых предмета. Шесть, если удастся убрать Сильвию и еще одного красавца, преподававшего бережную резьбу по камню. На это хватит текущего финансирования. Преподавание еще десяти предметов было решено отложить на новый учебный год.

Но познакомиться с кандидатами надо было не откладывая, тем более что еще трое нам нужны на замену тех, кто учил студентов без достаточных на то оснований. Мы составили очередной список, а также разложили анкеты по кучкам и к каждой прикрепили бирку с названием науки. Затем Рик еще раз пролистал анкеты и сказал задумчиво:

— Элидиана, Кортал и Мангра. Три столицы. На один город — один выходной и два дня сверху. Едем мы с Мартой или все втроем?

Конрад тут же отозвался:

— Едем все втроем... Работать будем парами: двое трудятся, один отдыхает. Придется отсмотреть кучу народа, а это не так просто, как кажется.

Ректор согласился с доводами друга.

— Хорошо. надо будет пригласить людей на собеседование. Составь график, Марта, и готовься к поездке. К трем поездкам. До зимнего солнцестояния, до начала сессии мы должны разобраться с этим делом.

Он расслабленно улыбнулся, радуясь тому, что пытка закончилась. Ха, размечтался. Раз уж я его поймала, не отпущу, пока не обсужу все! Решительно все, до точки.

Заговорила нежным голоском хорошей девочки (мама бы одобрила):

— Рик, у меня есть еще очень личный вопрос. Мы могли бы его сейчас обсудить?

И кинула выразительный взгляд на Конрада. Мол, уйди, не мешай. Тот посмурнел, запечалился, но молча поднялся и вышел, не сказав ни слова. Пойманный в ловушку ректор не смог отказаться от разговора. Только глядел на меня жалобно. Причина такого поведения мне была неясна.

Уже хотела открыть рот и заговорить о принцессе, как он скосил глаза в пол, прижал руку к груди и, чуть не плача, выдал:

— Марта, ты меня простишь? Умоляю, скажи, простишь?

— За что? — растерялась я.

— Так ты не о короле пришла со мной поговорить?

О короле? Ой, что-то мне все это не нравится. И чем дальше, тем больше. Оставляйте такие вопросы невыясненными не в моих правилах. Я, конечно, Рика прошу, но хочу знать, за что.

— А что не так с королем?

До ректора вдруг дошло, что я ничего не знаю. Лицо сразу разгладилось, повеселело. Кажется, сейчас мне будут ездить по ушам.

— Только не надо врать, Рик, я отлично отличаю правду от лжи в твоём исполнении.

Он попытался увести разговор.

— Ну вот, а говорила: магией не владеешь. Отличать правду от лжи — это же самая что ни на есть ментальная магия!

— Может быть. Но сейчас я хочу услышать правду: за что ты хотел, чтобы я тебя простила?

Он снова потупился и едва слышно произнес:

— Там, на балу, Горан ко мне подошел и сказал открытым текстом: если я, как твой непосредственный начальник, поддержу его притязания и не буду мешать ему тебя добиваться, то школа может рассчитывать на очень щедрое дополнительное финансирование. Ну, и я ему обещал не чинить препятствий.

Мило. Думаете, меня это удивило? Да ни капельки. Что-то такое я и предполагала. Оставалось выяснить подробности. Почему-то же он не стал претворять в жизнь королевский план? А Рихард, сказав самое трудное для себя, разошелся.

— Марта, пойми... Я так рассуждал: ты взрослая умная женщина, не девственница какая-нибудь, у тебя никого нет. Король у нас мужчина красивый, даже очень, не сволочь и не дурак... Что он женщин не уважает, так тут традиция такая. Но ты и против воли себя уважать заставишь, у тебя этого не отнять. А он говорил, что с твоим умом и талантом тебе бы не в школе сидеть, а на троне. Или рядом с тронем. Ну вот... А когда вы танцевали, ты не отрываясь в глаза ему глядела. Мне показалось, что у вас дело идет на лад, я поэтому и предложил переночевать во дворце.

Что-то у меня картинка опять не складывается.

— Рик, но ты же, вроде, передумал. Ни разу не сватал мне короля в постель, хотя, в сущности, мог и надавить. Да хотя бы объяснить все, как теперь это делаешь. Не могу гарантировать, что я бы согласилась, но шанс был. А ты мне ни слова ни сказал, не стал меня уговаривать.

Он вдруг с достоинством поднял голову и посмотрел на меня сверху вниз.

— Не стал. Потому что твое колечко увидел. Черное, обуглившееся. И мне стало страшно, наверное, страшнее чем тебе. Ты-то не знала точно, чем рискуешь, а я насмотрелся на наших ведьм, которых король обольщал. Умнейшие женщины стали полными кретинками. Только что под себя не ходили и слюни не пускали, а так... А ты даже не ведьма. И потом, Конрад меня чуть не убил. Он сразу все понял и готов был разнести дворец по кирпичику. Если бы ты и впрямь пострадала, боюсь, Шимассе нужно было бы срочно искать нового короля.

Вот как? Высказывание про безумных ведьм я пропустила мимо ушей, потому что заинтересовалась другим, а именно тем, что Рихард сказал про своего друга. Я уже привыкла, что Кон обо мне заботится, но чтобы вот так... Я знаю, что Конрад ценит мою работу и очень предан интересам школы, но чуть не убить Рихарда и грозить разнести королевский дворец можно только ради любимой женщины. Или я ошибаюсь? Нет! Не могу

поверить, что для него все настолько серьезно. Если бы я была для него так важна, давно бы уже сказал!

И что мне теперь делать? Идти у него спрашивать? Да я лучше удавлюсь!

А Рихард тут же добавил:

— Марта, девочка моя, тебе бы уже пора определиться. Помнишь, мы говорили о том, что если ты хочешь избежать королевских домогательств, тебе надо избрать себе мужчину. Горан — человек относительно порядочный. Если свободных женщин он пытается оприходовать всех, то, поверь мне, никогда не станет посягать на то, что принадлежит другому, тем более магу. Если, конечно, это не принесут ему на блюде и не предложат.

— Что ты этим хочешь сказать?

— То и хочу. Сама должна понимать, не маленькая. Говорю открытым текстом: если мое предложение тебе не подошло, возьми Кона, тем более что он по тебе сохнет. Но прекрати уже дразнить всех мужчин своей женской неустроенностью.

Я сейчас кого-то точно убью! Надо же такое сказать?! Эти маги... Просто сволочи какие-то! За что он так надо мной издевается? Что я ему плохого сделала? Возьми Кона! Возьми с полки пирожок! И как у этого гада язык повернулся?! И что значит сохнет?! Мне уже на это второй раз намекают, но в жизни ничего подобного не заметно.

Я с такой яростью поглядела на ректора, что он чуть под стол не забился, но все же продолжал на меня наезжать.

— А что ты хочешь? Не понимаю, что тебя не устраивает? Марта, ты среди магов, разреши напомнить. У нас другая культура и другая ментальность. Ведьма сама выбирает себе мужчину, что бы об этом ни говорили.

— Ага, а как же тогда торговля девчонками с даром?

— Так это ведьмочки, — махнул он рукой, — Нет, дорогая, я говорю о взрослых, состоявшихся ведьмах. Они сами решают, кто в них влюбится. У остальных просто нет ни единого шанса. Максимум испытают мимолетный интерес. А ты... На тебя половина коллектива и еще дюжина студентов слюной капают. Это нормально?

Так, еще одно слово и его никакие защитные чары не спасут! Я заорала как бешеная:

— Да мне это сорок лет все не нужно! Шли бы вы со своей слюной куда подальше все! Я сюда работать приехала! В высшей школе, а не в борделе для озабоченных магов! Пойми это уже своей тупой головой и до других донеси!

Меня напрочь переклинило. Я вскочила, сняла с ноги башмак и запустила им в голову Рика. Тот ловко уклонился и моя несчастная обувка улетела в дальний угол кабинета. Но этот дикий жест в целом пошел на пользу, он позволил выпустить пар и вернуться в себя. Тяжело дыша, я плюхнулась обратно на стул.

Ректор, кажется, понял по моему лицу что я больше не собираюсь орать и топтать ногами, поднялся, принес мне башмак, встал на одно колено и надел мне его на ногу. Я кротко позволила ему это сделать. Сердце еще колотилось, в глазах плясали разноцветные мушки, так что двинуться с места я пока не могла. Рихард так и не встал с пола. Он заглянул снизу мне в глаза и на его губах появилась хитренькая улыбочка.

— Марта, если ты ничего не знала и не желала выяснить отношения после королевского приема, то о чем ты хотела со мной говорить?

— Уже не важно. Боюсь, сегодня этот разговор не состоится.

— Но это имеет отношение к тому, что было во дворце?

— Имеет, и самое прямое. Только не к королю, а к принцессе. — Это ты о том, что

бедная глупышка в меня влюблена?

Тут он поднялся и гордо уселся в кресло.

Надо же, какой у нас ректор самодовольный. Все знает и пускает дело на самотек. Его можно понять: принцесса ему что в лоб, что по лбу. Но можно же быть чуть внимательнее к сестре короля?

— Нет, это я о том, что девочка хочет учиться магии. Она ведьма?

— Нет, она не ведьма, она маг. Интересный поворот. Учиться, говоришь? Благородное желание, но вряд ли король его одобрит. Здешним нравятся ученые женщины — иностранки, но своих они учить не желают. Образованность в женщине для многих синоним доступности. Поэтому мы и в школу никак не можем набрать достаточно ведьм. А ведь их тоже нужно учить, иначе кто будет работать целителями на местах?

Вот я и думаю: если будет учиться принцесса и об этом станет широко известно, то, возможно, люди охотнее будут отдавать своих дочерей в нашу школу? Вот тебе тема для размышления, а я пойду. Мне нужно отдохнуть.

Действительно, наша перепалка так меня вымотала, что до своей квартиры я еле доплелась. Полчаса лежала в ванне, отмокала, пока смогла нормально встать и поужинать. Пока ела, ко мне подкатился Пин.

— Знаешь, хозяйка, ты меня прости, я подслушал ваш разговор... Я не люблю магов, но если уж так нужно, чтобы ты себе выбрала одного... Господин Конрад меня устраивает и тебе подходит.

Я чуть снова не зарычала. Домовой меня понял и куда-то смылся, сказав напоследок:

— Всё, молчу, молчу...

И вот что это все значит? Все мне Конрада сватают, а он ходит вокруг да около и молчит, прямо как мой домовый. Думает, я сама ему на шею брошусь? Да никогда! Как я ни издеваюсь над уроками моей мамочки, но одно она в меня вбила твердо: навязываться мужчине неприемлемо.

С того самого приема у короля мы с Конрадом проводили вместе по полтора часа через два дня на третий. Это были самое спокойное, наполненное теплом время. Он показывал мне примеры тех задач, которые ставила перед ним защитная магия, а я старалась придумать и подобрать методы, которыми можно было это рассчитывать заранее, не полагаясь на интуицию. По моей просьбе он составлял таблицу коэффициентов для расчета прохождения стандартных магических потоков в разных средах и материалах. Это было так увлекательно! Но ни слова о любви между нами до сих пор не было произнесено. Он даже не пытался меня обнять или вообще дотронуться.

Если он действительно питает ко мне чувства, пусть так прямо и скажет. Сам. Лично. Не перекладывая на чужие плечи. А я... Что я отвечу?

Попыталась представить себе: вот он приходит ко мне с букетом роз... Нарисовала в воображении эту картину и расхохоталась. Он с ними будет выглядеть как дурак. Действительно, он маг и наши привычные подходы не для него. Тогда как? Неужели я сама должна ему признаться... Но в чем? Сказать ему: „Бери меня, я вся твоя?“ Бред какой-то. Что я вообще могу сказать магу, взрослому мужчине гораздо старше меня, да еще и женатому. Пусть его жена сбежала, но она была, вот в чем дело.

Не буду об этом думать, а то голова лопнет. Надо жить как жила, вести занятия, управлять учебным процессом, а там будь что будет. Если есть на свете судьба, она меня не

минует. Если моя судьба Конрад — тем более.

На другой день я с новым рвением взялась за поставленную перед собой задачу найти новых преподавателей. Просмотрела календарь и выбрала три декады, которые шли одна за другой.

Итак, три дня в каждой столице, один выходной и два обычных. Поедем втроем, мужчины будут оценивать знания и умения как специалистов, я — выяснять, насколько данный индивид способен именно преподавать и нет ли у него в характере таких черт, которые разнесут наш преподавательский коллектив в клочья. Некоторые считают, что заранее определить это невозможно, но в свое время Зои учила меня и Соль, как по манере держаться отсеять восемьдесят процентов невыносимых типов.

Хотела позвать с собой еще и Лауру, целители нам нужны, особенно если будем расширять этот факультет, но потом решила: пусть остается на хозяйстве.

Закончиться наш вояж должен был за декаду перед зимним солнцестоянием накануне начала зачетной сессии. Хоть уезжать мы каждый раз будем ненадолго, но кто-то должен следить за порядком, а ее все побаиваются.

Когда график был составлен, Верка написала письма всем соикателям, приглашая их прибыть в столицы собственных государств на встречу с комиссией по отбору. Ого, мы уже не просто так, мы комиссия. Смехота.

Вообще-то я ждала этой поездки. Мне казалось, что там, вдали от Школы с ее формальной дисциплиной и расписанными заранее ролями, в моих отношениях с Конрадом что-то прояснится.

* * *

Но до поездки еще надо было дожить. А ежедневная жизнь подкидывала сюжеты один другого веселей и завлекательней.

Не говорю о том, что молодые маги, расшалившись, регулярно что-то устраивали в коридорах несмотря на строжайший запрет. То иллюзию виверны гулять пустят, то живую плесень на лестницах разведут, то взорвут что-нибудь сильно вонючее... Устраивали они все это в общежитиях и уследить за безобразиями не было никакой возможности. Зорко не мог разорваться, а поэтому и не пытался. Только жаловался. Я с грустью вспоминала комендантов общежитий в Элидиане, старую ведьму и колдуна на пенсии. Они, несмотря на преклонный возраст, держали ребят в ежовых рукавицах. А что? Ведьмы и маги с возрастом только силы набираются, студенты им на один зуб.

Но вот откуда деньги на таких работников взять? Или от чего-то пока отказаться, но найти комендантов, пока Школу к демонам не взорвали?

После одного случая я плюнула на экономию средств и решила, что наем комендантов общежитий — самая первоочередная задача.

А начиналось все мило и очаровательно.

Мои студенты — старшекурсники решили повторить опыт Живко по обольщению меня бесценной и наперебой стали за мной ухлестывать. В ход шли цветы, конфеты, стихи собственного сочинения и списанные из хрестоматии, письма с любовными излияниями и серенады под окном.

У меня было четкое ощущение, что все это какая-то глупая игра, но останавливать их или обращать на это внимание я считала неправильным и недостойным. Играются, и хрен с ними. Жаловаться или призывать их к порядку административными мерами просто глупо. Я выше этого. Надоест — сами отстанут.

Расчет оказался неверным. Я не учла, что это маги, а они, если сразу не дать отпор, распоясываются, и потом их ничем не уймешь. Кончилось дело тем, что один из них, любимчик нашего растениевода профессора Гилона вырасти ночью влез ко мне в окно. Вырастил толстенную лиану, влез по ней на второй этаж и ввалился среди ночи прямо в спальню.

Счастье, или, может быть, беда заключалась в том, что мой Пин, храня покой и честь хозяйки, сунул наглецу под ноги скамеечку, да так, что тот запнулся, получил сложный перелом голеностопного сустава и с диким ревом рухнул на пол.

Пусть мой домовый уверяет, что он только хотел задержать парня и разбудить меня, но я уверена: он знал, что этим кончится. Планомерно сломал парню ногу, хорошо, что одну. Мог и обе.

Я проснулась, тоже заорала, сбежался народ в лице Конрада, Рика и еще парочки преподавателей из числа ближайших соседей. Наконец явилась Лаура и велела унести гаденыша. Утром она его вылечит, в пока пусть терпит и думает своей пустой головой, можно ли было так поступать.

Затем она выгнала всех мужчин из моей спальни, напоила меня успокоительным, хоть в этом не было никакой нужды, а затем прочитала мне нотацию, во много совпадающую по смыслу с тем, о чем говорил ректор.

Мол, я одинокая молодая особа, отвергшая ухаживания короля, и теперь все маги, сколько их тут ни на есть будут стараться меня завоевать. Так что мне лучше выбрать себе одного, постоянного мужчину. Тогда все успокоятся и не станут меня преследовать. Лично ей все равно, кто это будет, но лучше выбирать из верхушки, из самых сильных магов. Тогда остальные просто побоятся связываться, да и король перестанет покушаться. А вот если связаться со студентом...

Тут я расхохоталась и уверила Лауру, что уж студенты-то могут спать спокойно, я в их сторону могу смотреть только как педагог.

— Ох, не знаю, не знаю, — покачала головой ведьма, — Вон, Сильвия, с тех пор как королю надоела, связалась со студентом выпускного курса. Только, боюсь, что это ради того, чтобы иметь возможность бывать во дворце и заодно тянуть с парнишки деньги. Она очень корыстная. Ее избранник — сын первого камергера двора.

Сильвия! Рик говорил, что все ведьмы, влюбившиеся в короля, потеряли рассудок. Но вот у Сильвии я ничего подобного не заметила: у нее с этим делом полный порядок. И я спросила у Лауры.

— Ха, Сильвия — она сама владеет любовной магией высочайшего уровня. От ее чар мужчин приходится лечить. Правда, у нее это проявляется не спонтанно, как у короля, по — другому. Так что тут просто нашла коса на камень, встретились маги одного уровня. Обычно в таких случаях они не могут повлиять друг на друга. А вот Гесперия, даром что он сильный менталист, в начале года пришлось...

Тут тетенька зажала рот рукой, но я уже все услышала. Гесперий... Ха! Теперь понятно, кто его на меня натравил. Интересно, почему никто об этом не знает? Или... Лаура знала, но молчала.

— Лаура, вы знали о том, что Гесперий пытался обольстить меня с помощью магии на глазах у короля, чтобы скомпрометировать?

Она смотрела на меня молча, но я прочла во взгляде: так оно и есть. Все она знала, но, пока мы тут бегали, искали заказчика и догадки строили, молчала себе в тряпочку. Затем заговорила:

— Понимаете, Марта, тогда вы для всех нас были врагом. Нахальной выскочкой без магии, занявшей чужое место. Все средства борьбы казались хороши. Это сейчас я знаю и понимаю, что вы занимаете исключительно свое место. Но выдать Сильвию... Хотя мы не подруги, но ведьма ведьму не сдает. Если бы я случайно не проговорила...

Положив руку Лауре на плечо, я остановила изливания ведьмы. Все с ней ясно.

— Я понимаю и не осуждаю вас. Я ее не очень понимаю. Ей бы все равно это ничего не дало, король уже отправил ее в отставку, и виновата в этом была вовсе не я, сама Сильвия успела ему надоесть. Мне кажется, это был глупый и жестокий поступок в первую очередь по отношению к Гесперию. А если бы король ему не простил?

Ведьма рассмеялась мне в лицо.

— Король? Гесперию? Это вряд ли. И потом, Гесу плевать! Как, кстати, и большинству приезжих магов. Гесперий, с его квалификацией, всегда работу найдет. Любой из нас может вернуться в свою страну в любой момент. Контракты позволяют.

Ага, контракты! Выходит, их здесь по большому счету ничего не держит, кроме жалованья?! То-то все разбежались. Вот я с места тронуться не могу, чтобы не разориться и не работать на дядю по гроб жизни.

Я уже говорила про новые контракты, но не бралась за их составление. Теперь пора! Если мы строим новую школу, едем искать новых преподавателей, то и контракты надо пересмотреть в новом духе.

* * *

По этому вопросу я обратилась к Милчичу — младшему, который получил маленькую комнатку рядом с моим кабинетом и толкался там четыре дня в декаду. Попросила найти мне опытного легиста для составления новой формы договора с преподавателями. Тот закивал понимающе и прислал на мою голову еще одного Милчича, своего дядю.

С этим дядей мы просидели чуть не целый день. Он пытал меня как заправский следователь, добиваясь, чтобы я ему сказала точно, что хочу видеть в новом контракте. Зато в тексте, который он мне прислал через декаду, я не нашла изъяна. Права преподавателей не ущемлялись, но и ректорат получил ощутимые рычаги для воздействия.

Обрадованная, я понесла текст ректору. Он прочел и задал неожиданный вопрос:

— Марта, скажи, откуда ты все знаешь? Как ты догадалась, какой договор нам нужен?

В первую минуту я даже не знала что ответить. Потом сообразила, о чем он говорит, и изложила свое мнение:

— Рик, я ничего такого не знаю. Но уверена в одном: деньги должен считать счетовод, а договоры составлять легист. Точно так же, как готовить — повар, шить — портной, а выращивать яблоки — садовод. Все сложные дела надо не делать самому, а поручать специально обученным людям. Договор составил профессиональный легист.

— И где ты взяла этого легиста?

— Милчич — сын подогнал. Это его дядя.

Рихард зашелся в хохоте.

— Ни фиги себе! Тебе договоры составляет личный легист короля! И заметь: не король тебе его сосватал! Марта, ты — это что-то!

Он меня похвалил или обругал, кто скажет? Пусть будет похвалил, потому что мне еще один вопрос решить надо.

— Рик, и вот еще. Я хочу, чтобы в наших общежитиях появились настоящие коменданты, те кто сможет следить за порядком. Конечно, денег в бюджете на это не предусмотрено....

— Ты тоже об этом думаешь? — радостно вскричал ректор, — Поддерживаю! Руками и ногами за! И я даже придумал, где брать деньги! Можно вдвое сократить сумму на пополнение библиотечного фонда. Там у нас столько заложено... Все равно, если школа сгорит, библиотека тоже гигнется.

Логично. До сих пор эту статью расходов я не трогала и деньги на книги были священны. Тому, кто не разбирается в магии, было бы опрометчиво урезать бюджет на покупку магических книг, а они по большей части очень дорогие. Но если ректор сам предлагает...

— Там не надо вдвое, достаточно будет четверти. Боюсь только, таких, как в Элидиане мы не найдем.

Рик радостно замахал руками.

— Мага и ведьму? Ха, не бери в голову. Найдем, и еще каких! Тут квалификации не требуется, только сила нужна, а таких в Шимассе пруд пруди. За нормальное жалованье прибегут толпой, только выбирай.

Я поверила ректорскому знанию местных реалий и дала объявление. Толпой не повалили, но пришли в таком количестве, что у меня даже появился выбор. Две ведьмы и три мага преклонных годов, противные и злющие. Пообщалась со всеми и поняла, что они мне не нравятся, и не только потому, что несимпатичные. Никто не представлял себе содержания работы, но все хотели денег за ничегонеделанье.

Но больше выбирать было не из кого. Я уже почти решила сделать предложение той ведьме, что показалась мне наименее отвратной, и самому молодому из магов, потому что он обладал полным комплектом конечностей и органов. И тут пришли двое, держась за руки. Муж и жена. Пожилые, но еще не старые, крепкие, бодрые и какие-то позитивные. Они мне понравились с первого взгляда.

Заглянувшая в кабинет Лаура рассеяла мои сомнения. Подошла и прошептала прямо в ухо:

— Ведьма и ведьмак. Большая редкость. Нам подойдут, надо брать.

Я тут же отпустила остальных, пообещав пригласить, если что, а парочку усадила за стол и стала выяснять, кто они, что они, и почему к нам пожаловали.

Оказалось, что это отставник с женой. Оба родом из столицы, но всю жизнь прослужили в дальней крепости. Детей нет. Недавно вернулись на родину, но здесь их никто не ждал. Ищут место, где смогут жить и работать вдвоем, но таких в принципе почти не существует. Так что предложение школы для них просто спасение. Здесь они смогут приносить пользу и не разлучаться. Работа знакомая: следить за порядком.

Я чуть не подпрыгнула до потолка от радости! Лаура права: то, что нужно. Тут же

сказала, что они приняты и велела пройти к Зорко, тот им покажет, где они будут теперь жить. А с завтрашнего дня смогут приступить к работе.

Меньше. Чем через час, ведьмак вернулся.

— Госпожа, можете со мной пройти?

Заинтересованная, я поднялась и пошла за ним. Для начала он привел меня в наше общежитие и показал отведенную им комнату на первом этаже.

М — да, не хоромы. У Вольфи, кстати, такие же, но он одинокий мужчина, который днюет и ночует в своем рабочем кабинете. А тут семейная пара. Зорко развел руками: больше ничего нет. Пустые комнаты все такие.

Но не отдавать же им мою квартирку? Пин мне этого не простит, да и привыкла я к комфорту.

Ведьмак осторожно потянул меня за рукав.

— Госпожа, а можно я вам еще кое-что покажу?

Не ожидая ничего хорошего, я пошла за ним, остальные потянулись следом. Он привел нас на пустырь за административным корпусом. Гелон давно собирался разбить тут цветники, но все руки не доходили. В глубине зарослей пряталось небольшое, кирпичное, как все тут, строение. Без окон, без дверей, но с еще крепкой крышей и вполне нормальным полом. Видно было, что забросили его не так давно, года три-четыре, не больше.

— Госпожа, если вы отдадите нам этот домик, я из него конфетку сделаю. Даром. А старуха моя ваш садик в порядок приведет. Да вы не бойтесь, мы в свободное время. Пока поживем в этом вашем общежитие, а как домик будет готов...

— Согласна! — чуть не закричала я.

Отличное решение! И оно навело на мысль: почему у нас практически нет семейных преподавателей? Потому что им жить негде. До города, где можно снимать подходящее жилье, не так уж и близко, поэтому те, у кого есть жена и дети, даже не рассматривают нашу школу в качестве места работы.

Неправильно это! В Элидиане половина работающих в университете ведьм — это жены преподавателей — мужчин. Муж — артефактор, жена — бытовик, или жена — целитель, муж — зельевар. Такие пары и работают старательно, и за место крепче держатся. Если вспомнить, как и где они живут... Моя милая квартирка здесь и в сравнение не идет с моей квартирой там. Отдельные коттеджи на территории! Вот что нам нужно для привлечения перспективных преподавателей. Место есть, вон какой огромный заброшенный сад у нас за полигоном. Осталось дома построить.

За всеми этими делами я так закрутилась, что послание из дворца оказалось для меня полной неожиданностью. Закончив очередное занятие, я вернулась в свой кабинет, а там сидел и дожидался меня королевский курьер. Вручил, как положено, запечатанный конверт из рук в руки и удалился.

Прибежавшая за мной Верка уже знала, что мне доставлено письмо. Вот откуда? Она же тоже на занятиях была. Выходит, у студентов оповещение поставлено лучше, чем у преподавателей.

Под ее умоляющим взглядом я вскрыла конверт и прочитала предписание: явиться завтра с утра во дворец на аудиенцию к королю. Форма одежды повседневная.

К счастью, завтра был свободный от занятий день, так что не пришлось просить Вольфи меня подменить. Повседневная форма одежды? Спросила Верку и по ее объяснениям поняла: одно из платьев, купленных у Мирки в качестве нарядных, подойдет. Например

бирюзовое. А сверху надена зимнюю мантию, хоть еще и не зима, но по утрам холод собачий.

* * *

Следом за помощницей явился и ректор. Выхватил у меня из рук бумагу, прочитал и задумчиво потер кончик носа. Я тут же поняла, что предстоит очередной серьезный разговор, вручила Верке ведомости, которые надо было заполнить, и отослала. Рихард на это живо отреагировал:

— Э — эээ, Марта, что делать будем? Не идти нельзя, но не думаю что пойти будет благоразумно. Особенно если ты так упорно отбиваешься от королевских милостей.

Я сурово на него посмотрела и он тут же переменил фронт.

— Я тебя понимаю и уважаю твоё решение, правда. Но... Оно не очень рациональное, поверь. Хотя... Если с тобой что-то случится, Кон мне голову оторвет. Я уже не говорю о том, что он с королем сделает. Это в случае, если против твоей воли. А если ты сама... Он тогда слова сказать не сможет.

— То есть, если я сама головой вниз с моста брошусь, то Конраду придется принять мое решение. А если сбросят — он за меня отомстит так, что никому мало не покажется? Я правильно поняла?

Рик захихикал.

— Примерно так. Если ты по доброй воле бросишься Горану в объятья, то всем это заткнет рот, а вот если он тебе мозги набекрень свернет, тут Конрад ему покажет, чем это пахнет. Марта, милая, сделай уже выбор. У тебя хватит характера даже на короля, так что мне все равно, кто станет твоим мужчиной. Но стравливать их не стоит, это может плохо кончиться.

Ну сколько можно? Я хочу только спокойно трудиться, делать порученное дело и получать жалованье. А тут такие страсти, каких и в романе не встретишь. И если я еще могу поверить, что Конрад в меня влюблен, но по каким-то своим мотивам не спешит поставить меня в известность, то что я сумела затронуть сердце короля, не верю ни на минуту. Все это игра, злая и жестокая.

— Рик, а если я скажу Его Величеству, что Конрад — мой мужчина, что я уже сделала выбор?

— Но при этом в ваших с Коном отношениях ничего не изменится? Хм, может и прокатить. Но будь готова, что в случае чего это придется подтверждать делом. Горан на слово особо не верит, а любит устраивать проверки. А с Коном тебе придется договариваться самой, я между вами не полезу.

Понятно. Запасной вариант на крайний случай. Но все же его стоит запомнить.

— Марта, тут есть еще один момент... Никто из нас завтра с тобой пойти не сможет. Ты об этом знаешь?

Знаю ли я расписания преподавателей? Я же их и составляла. Но король, видимо, знал не хуже, потому и выбрал такой день: я свободна, все заняты. И если я свои обязанности преподавателя могу свалить на Вольфи, то ни Рик, ни Конрад, ни даже Асти подмены не имеют. Это, кстати, тоже проблема, но ее предстоит решать в далеком будущем, когда у нас появятся полноценные кафедры.

Завтра мне придется быть одной и со всем справляться самостоятельно.

* * *

Утром я нарядилась в бирюзовое платье, покрыла голову соответствующим платком, не забыла вдеть в уши серьги — амулеты, да и все остальные штучки тоже нацепила. Оглядела себя в зеркало и пришла к выводу: выгляжу я не потрясающе, но вполне прилично.

Конрад меня провожать не вышел из чего я сделала вывод: ему никто не сообщил о приглашении короля. Можно было сделать другой, например, что он это сделал нарочно, желая показать, как я ему безразлична, но в это я не верила ни минуты. Не такой человек, не станет он пытаться так глупо обидеть женщину.

У ворот меня уже ждала присланные из дворца, чтобы препроводить к королю. У школы были и свои собственные экипажи, в основном списанные из дворцового ведомства как устарелые, но сейчас за мной приехала новехонькая модная карета с зеркальными стеклами и лакеем на запятках.

Я надеялась ехать в ней одна. Но внутри сидела дама таких необъятных размеров и в таком роскошном платье, что вокруг нее можно было водить экскурсии. Но сравнить ее самомнение с объемом ее талии, она оказалась бы худышкой. Эта величественная особа одарила меня взглядом, которым смотрят обычно посетители дорогих ресторанов на таракана в супе.

— Вы Марта Аспен?

Я выдавила из себя любезную улыбку.

— Именно так. Могу ли я осведомиться о вашем имени?

— Графиня Баскида Лажович, воспитательница принцессы Лилианы. Его Величество хочет вас видеть по поводу образования Ее Высочества, хотя не представляю себе, что это может быть. Поэтому я и вызвалась поехать. Все, что касается Ее Высочества, касается и меня.

Ого! Король все же внял голосу здравого смысла и решил дать Лилиане образование? Отлично! И ради этого сюда приехала эта очень ответственная дама. Что ей от меня-то надо?

Оказалось, очень много всего. Пока мы добрались до дворца, меня подробнейшим образом проинтервьюировали относительно моей семьи. Родня моей матери удостоилась удовлетворенного покачивания головой, а вот предки папы вызвали у дамы стойкой и глубокое отвращение. Когда мы уже подъезжали к воротам дворца, она сделала вывод:

— Это неслыханно! Как Его Величество мог? Приглашать к своей родной сестре девицу, у которой дед — кузнец, а отец — учитель! Это ни в какие ворота не лезет.

Тут как раз мы въехали во внутренний двор и я ехидно заметила:

— Ну почему ни в какие? Во дворцовые мы с вами успешно пролезли. Думаю, и дальше будет не труднее.

Тетка чуть не задохнулась от возмущения. Она явно имела что мне сказать, но не могла вымолвить ни слова, только тяжело дышала, как рыба, вытянутая из воды. Ну да, базарная торговка в этой ситуации в карман бы не полезла, а благородная дама вынуждена давиться своими эмоциями, выплеснуть их — позор! Станет ясно, как эфемерна разница между ней и той же торговкой.

У входа меня встречал нарядный лакей, который, на всякий случай переспросил мое имя и отвел по внутренней лестнице для слуг прямо к кабинету короля. Если кто-то думал, что я обижусь, то плохо меня знал. Внутренняя лестница понравилась мне больше парадных залов. Просто, чисто и удобно, а главное быстро. Когда я поняла, в какой части дворца находится кабинет, то порадовалась, что меня привели этим путем. Через парадные залы добирались бы минимум полчаса.

Королевский секретарь снова переспросил мое имя, записал в тетрадь в красном сафьяновом переплете, усадил на диванчик, поднялся и скрылся за дверью кабинета.

После чего мне пришлось ждать еще около четверти часа. Все делается для того, чтобы показать: это деловой и не очень важный для короля визит. Но и других ожидающих тоже не видно. Значит, все делается для того, чтобы создать у меня определенное впечатление.

Смешно! Не такая я значимая особа, ради которой стоит стараться. Но вопрос с образованием принцессы мне показался важным. Во — первых, это имеет значение для нее самой. Если девочка хочет учиться, она должна получить эту возможность. Пусть потом образование не будет ей нужно для работы. Я убеждена, что знание ценно само по себе.

Есть еще второй аспект. Люди склонны повторять действия тех, в ком видят авторитет. В монархиях таким образцом были, есть и будут королевские семьи. Думаю, если принцесса начнет учиться, то на будущий год к нам приведут поступать толпу юных ведьмочек.

Пока я об этом думала, время прошло и меня пригласили внутрь. Я вошла и присела в глубоком реверансе. Король поднялся из-за стола мне навстречу.

— Марта, хорошо, что ты пришла. Я ждал тебя.

— Рада служить чем могу, Ваше Величество.

Он сел сам и показал мне на кресло напротив.

— Видишь ли, Марта, я принял решение дать своей сестре магическое образование. Раньше в этом не было нужды, так как планировалось, что она выйдет замуж в Империю, а там магия у знати считается недостойным занятием. Но сейчас мне поступило значительно более интересное предложение относительно будущего Лилианы. Скорее всего она выйдет за одного из младших ненаследных принцев Кортала. А там уделяют очень серьезное внимание образованию женщин королевской семьи, особенно если у них есть дар. Так что всем придется поднапрячься. Свадьба состоится, как только Лили стукнет двадцать один. Я бы не стал так тянуть, но жених — ее ровесник, а в Кортале принцев принято женить не ранее совершеннолетия.

— Его Высочество тоже маг?

— Нет, он обычный парень. Был бы магом, его бы не женили так рано. Ты должна понимать, Марта: Кортал для меня предпочтительнее Империи.

Еще бы! Империя расположена далеко, а с Корталом у Шимассы общая граница. Только... Мать Горана и Лилианы, как мне помнится, была кортальской принцессой. Хорошо ли выдавать девушку за относительно близкого родственника? Жрецы Доброй Матери этого не одобряют. Хотя... Какое мое дело?

— Правильно ли я понимаю, Ваше Величество, что вы пригласили меня, чтобы обсудить программу обучения и то, как оно будет проводиться?

— Обучение индивидуальное, тут двух мнений нет!

— Очень хорошо. Но могу ли я предложить, чтобы проходило оно в стенах школы? Обучение мага — дело непростое, как я успела заметить. На начальных этапах неопытность принцессы может быть опасна как для дворца, так и для здоровья принцессы. А в школе есть специально оборудованные помещения.

На самом деле я заботилась о школе. Отрывать от процесса преподавателей ради того, чтобы они бегали вокруг одной, даже очень родовой, девчонки? Фигушки! Мне легче все организовать прямо у себя под носом. Заодно буду лично учить красотку математике. А главное, вся столица увидит, где учится принцесса.

Королю моя идея поначалу не понравилась.

— Но это неприлично! Как Лили будет покидать дворец?

— У нее есть доверенная статс — дама госпожа графиня Лажович, с которой я имела счастье познакомиться. Она дама опытная и с безупречной репутацией. Если принцесса будет приезжать в карете в сопровождении этой достойной особы, все разговоры о неприличии вынуждены будут умолкнуть.

Горан задумался, затем неожиданно фыркнул и сказал:

— Лажович? Эта старая выдра? Хорошая мысль. Еще что-то Марта? — спросил он, увидев выражение моего лица.

— Хорошо было бы, если бы нашлась еще хотя бы одна знатная девица с даром, чтобы обучаться вместе с Ее Высочеством.

— Зачем?

— По нескольким причинам. Заниматься легче и веселее вдвоем, материал легче усваивается. Отрабатывать заклинания лучше всего в паре, а кого, кроме знатной девицы, можно поставить в пару к вашей сестре? К тому же это поможет отвести последние сомнения в том, что учиться для принцессы хорошо и правильно.

— Интересная мысль. Я подумаю. И когда же Лилиана приступит к занятиям?

Хороший вопрос. Одно могу сказать: не завтра. У меня пока других дел по горло.

— Думаю, к обучению столь важной особы нам надо подготовиться. Создать индивидуальную программу, план уроков, подобрать преподавателей по каждому предмету... Предлагаю начать через три декады после Зимнего солнцестояния. Принцессе будет приятно, если ее учеба начнется одновременно с семестром у студентов, а у нас с вами будет время все хорошенько обдумать, обсудить и принять взвешенное решение по каждому вызывающему сомнение вопросу.

Эк я загнула! Король замолчал и ушел в себя. Ему понадобилось какое-то время, чтобы все мною сказанное улеглось в голове и он решительно тряхнул своими роскошными волосами.

— Принято, Марта! До праздника ты должна представить мне план обучения. А я подумаю насчет твоих предложений и скажу, как я решил. Сейчас тебя проводят к принцессе и вы обсудите, что она хочет видеть на уроках. А затем возвращайся сюда. Мы еще не договорили.

Я встала, поклонилась и вышла обратно к секретарю. Что Горан хотел сказать? Не договорили или не договорились? Все что имело смысл, мы обсудили, после визита к принцессе у меня не будет готового плана, а он вряд ли придумает что-то новенькое.

Секретарь предложил мне посидеть и снова зашел к начальству. Вышел оттуда немного обалдевший, посмотрел на меня как на говорящую лошадь и вызвал из коридора уже знакомого слугу, чтобы тот проводил меня к принцессе.

На этот раз мы шли долго и совсем не в ту часть здания, куда Лилиана таскала меня в прошлый раз. Наконец добрались до высокой, изукрашенной резьбой двери, мой сопровождающий распахнул ее и объявил.

— Ее превосходительство Марта Аспен к Ее королевскому Высочеству прекрасной принцессе Лилиане!

С каких это пор я превосходительство? Но разбираться было некогда: я вошла.

Личные покои юной красавицы были обставлены с чуть большим вкусом, нежели остальной дворец. Не скажу, что я была в восторге, но здесь хоть не мутило от пестроты. Лилиана ждала меня, окруженная выводком дев, над которыми поставили надзирать знакомую мне графиню Лажович. Кроме них в зале находились и мужчины. Один, пожилой, седовласый, важный господин с бородкой глядел на меня вполне доброжелательно. Зато другой... Я его сразу узнала. Михель действительно был учеником моего отца. Не из лучших, надо сказать, но и не вовсе бездарь. На меня он смотрел как будто я зарезала всех его близких родственников: со страхом и ненавистью.

Бойтся, что я доложу королю о его недостаточном уровне? Глупости, для здешних мест его уровень не просто достаточен, он избыточен. Тогда что?

Но подумать опять было некогда, Я поклонилась как положено, а Лилиана с улыбкой меня приветствовала:

— Госпожа Марта, рада, что вы нашли время и нас посетили.

— Это честь для меня, Ваше Высочество.

Тут вылезла графиня:

— Ваше Высочество, вы знакомы с нашей гостьей?

И смерила меня таким взглядом. как будто собралась мне гроб заказывать. Принцесса и бровью не повела.

— Да. мне ее представили на приеме.

— Кто же?

— Мой брат король! Мы имели с госпожой Мартой очень интересную беседу. Правда же?

Я подтвердила:

— Разумеется, Ваше Высочество. Наше общение навсегда запечатлелось в моей памяти.

Против короля эта гримза выступать не решилась, а принцесса радостно пригласила меня на прогулку в парк. Все ясно: она хочет что-то сказать, но без свидетелей. А в парке можно быть на виду и одновременно встать так, чтобы никто не мог подслушать.

Все вышли через высокие стеклянные двери и оказались на широкой веранде с низкой балюстрадой из белого камня. Ее украшали каменные вазоны, в которых по почти зимнему времени не было цветов, зато зеленели какие-то ползучие растения вроде плюща. Вдоль балюстрады были устроены низкие каменные скамьи для отдыха.

Веранда совершенно не сочеталась с дворцом, но сама по себе была очень привлекательной. С нее широкая лестница вела в парк, который мне понравился значительно больше дворца. Если дом шимасских королей по красоте и гармоничности уступал резиденции королей элидианских и даже скромному жилищу лиатинского государя, то здешний парк затмевал все, что я видела раньше.

Никаких унылых партерных парков, здесь царил сама природа. Дорожки, скамейки, фонтаны, цветники, гроты прятались среди мощных вековых деревьев, чье буйство не укрощал нож садовника. Сразу было видно: при планировке архитектор предусмотрел множество укромных уголков.

Принцесса взяла меня под руку и спустилась по лестнице на дорожку, сделав знак своей свите оставаться на веранде. Единственная, кто ее не послушался, была графиня, но стоило ей сделать пару шагов в нашем направлении, как принцесса недовольным голосом отправила ее обратно:

— Следите за моими фрейлинами, графиня. А я хочу выслушать послание моего брата без лишних ушей.

Пришлось той ретироваться. А Лилиана взяла меня за руку и потащила к ближайшему дереву, в тени которого притаился фонтан. На его бортике, превращенном в скамью, мы и уселись.

Девушка сразу перешла к делу:

— Ну, будут меня учить?

— Будут. Я предложила, чтобы вы ездили на занятия в нашу школу. Обучение индивидуальное, но школа одна на всех.

— Думаешь, он согласится? Сейчас эта дура Лажович услышит и начнет блажить: „Ах, это невозможно! Ах, это позор для принцессы! Караул, убивают!“ и все такое.

Я рассмеялась, так точно Лилиана изобразила свою статс — даму.

— А она с вами будет ездить. В качестве надзирательницы за нравственностью. Есть идея учить вас вместе с подружкой из знати, у которой тоже дар. Думаю, так вам будет легче и веселее учиться.

Принцесса радостно заверещала:

— Тогда с Миленой! Точно, с Миленой. Вон она стоит, рыженькая и в сиреневом платье. Она дочь премьер — министра и моя фрейлина. Мы дружим. Самая нормальная среди всех здешних кур. Я точно знаю, что у нее дар, только не знаю какой.

— Отлично, Ваше Высочество. Хорошо, что вы сказали про эту девушку. Я буду знать, что предложить королю.

— Марта, а что он сказал? Как объяснил, почему раньше не разрешал учиться, а теперь разрешает?

Не знаю, можно ли ей сказать про нового жениха. Может, это секрет. С другой стороны, мне никто не запрещал поведать об этом принцессе, а что не запрещено, разрешено.

И я выложила все, что мне сообщил Горан.

Лилиана надула губы:

— Скотина братец, мне он ничего не сказал. Вот уж любитель все проворачивать за моей спиной! Как будто это не я должна выйти за кортальского сопляка. Фу!

— Ваше Высочество, откуда вы знаете, может, принц очень милый юноша?

— Милый юноша? Милый идиот! Мы с ним с детства знакомы, если это тот, о ком идет речь. Но у нашей кортальской родни вроде нет другого близкого по возрасту принца, кроме Филодора. Он младше меня на полгода. Сабли, собаки и кони — вот все, что его волнует. Меня он вечно за волосы дергал и подножки подставлял. А лягушку в супнице я ему никогда не забуду!

Представила себе эту картину и усмехнулась. В детстве себя так вел Марк. Сколько я от него натерпелась! И лягушек на туалетном столике, и жуков в голове моей любимой куклы, и

тараканов под одеялом, и ежика в комод. Я уже не говорю о порванных и залитых чернилами учебниках. Но сейчас это вполне приличный и здравомыслящий мужчина.

— Вы давно виделись в последний раз?

— Лет семь тому назад.

— Ну вот. Думаю, с тех пор он вырос и поумнел. А свадьба состоится еще через четыре года. Принц станет совсем взрослым юношей, умным и красивым. Я слышала, что кортальским принцам дают прекрасное образование. Во всяком случае это лучше, чем имперец. По крайней мере я так думаю.

— Да уж... В Империю я бы ни за что не поехала, лучше умереть. Там, говорят, такие жуткие порядки... А жених! Представляешь, ему уже сорок два! Древний старец! Кошмар! Даже думать не хочу. Тогда уж лучше Филодор.

Я не стала расстраивать принцессу, напоминая, что, по сравнению с сорокадвухлетним старцем, наш ар Арвиль вообще древнее ископаемое. Ему уж точно больше пятидесяти. Маг!

Поболтав еще немного о женихах, принцесса перешла к насущному.

— А чему меня будут учить? Я училась изящной словесности, геральдике, этикету, истории нашей страны, музыке, а еще танцам и вышиванию.

Хороший список, только проку от него... Науки для принцесс, главный критерий — бесполезность.

— Теперь вы будете обучаться магическим наукам. Каким — определит наш ректор. Могу только обещать, что лично займусь с вами математикой, которая у нас именуется теоретической магией.

Последние мои слова Лилиану заинтересовали.

— Математикой? Видишь вон того надутого господина? Это Канеман, он учил математике брата. Хотел и меня учить, но госпожа Лажович не разрешила, — я посмотрела на бывшего ученика моего отца и встретила с ним глазами. Он тоже наблюдал за нами, — Страшная зануда. Пытается ухлестывать за всеми моими фрейлинами по очереди. Не понимает, что тут ему ничего не светит. Все они из очень знатных семей, а он — безродный иностранец.

А вот это не повод, чтобы его презирать. Пусть он зануда, но не бездельник.

— Я тоже безродная иностранка.

— Ты — другое дело. Ты же не пытаешься выйти за графа, например. Ты работаешь. И ты женщина. Принц может жениться на пастушке и сделать ее принцессой, ему в конце концов просят. А принцесса не может выйти за пастуха, если сама не жаждет опуститься до пастушки. Но пути назад не будет.

Ого, какие сентенции. Вряд ли собственного производства. Кто автор?

— Откуда такая мудрость, Ваше Высочество?

— Это еще мама так говорила.

Бедная мама. Не захотела быть пастушкой и всю жизнь промаялась с нелюбимым. Я вспомнила о том, что ар Арвиль — бастард.

— К сожалению, наш ректор — не принц.

— Ты ничего не понимаешь. Он из очень известной семьи. Арвили — герцоги и дипломаты, такие знаменитые, что мы их даже на уроке проходили. Так что он не принц, но почти принц. А еще маг из самых сильных, это тоже влияет. И он такой красивый... Он будет мне что-нибудь преподавать?

Ишь, размечталась. Таким сопливым ректор ничего не читает, хватит с них проректора,

то бишь меня.

— Боюсь, что нет, Ваше Высочество. Рихард ар Арвиль преподает только у старшекурсников. Теория и практика построения постоянных и временных порталов. Этот предмет есть только начиная с пятого курса. За четыре года вы не успеете до него добраться.

И дара у бедняжки для него не хватит. Ар Арвиль набирает группу на двух последних курсов из тех, с кем стоит этим заниматься, и она маленькая, всего пять человек, из которых хорошо, если трое окажутся пригодны для этого вида магических действий. Но огорчать принцессу еще сильнее я не стала.

* * *

Уточнив, что занятия мы начнем тогда же, когда у студентов начнется второй семестр, я откланялась, а принцесса позвала своих фрейлин и продолжила прогулку. За дверью ее покоев меня дождался все тот же слуга:

— Его Величество ждет вас, госпожа.

На этот раз мы долго поднимались по лестницам и наконец вошли в комнату, которая мне действительно понравилась. Небольшая, почти без мебели, только столик, небольшой буфет и два кресла друг напротив друга. Третью часть ее пространства занимал круглый полностью застекленный эркер, откуда открывался чудесный вид на парк. В нем и располагались столик с креслами.

Горан встретил меня у входа, отправил слугу и предложил выпить с ним чаю. Не отбиваться же? Пришлось согласиться.

Поначалу он вел себя мило. Ну, для короля, конечно. Спросил, как мне понравился парк и рассказал его историю. Предложил приходить сюда, когда мне вздумается и гулять сколько влезет. Я поблагодарила: не буду же я отказываться, хотя и ходить сюда на прогулки тоже не стану.

Затем Горан расспрашивал о моей встрече с принцессой, требуя дословно вспомнить все, что мы говорили. Кое-что я, естественно, выпустила, особенно характеристику, которую королю дала его сестрица, но в целом не уклонялась от истины.

— Ну что ж, Марта, я доволен вашей беседой. Ты попыталась воздействовать на рассудок Лили, уговорить ее логически. Не знаю, будет ли толк, но она обычно поддается на обоснованные аргументы. Если девочка будет охотно учиться и не станет протестовать против брака с Фило, ты получишь заслуженную награду.

Награду — это хорошо, особенно в денежном эквиваленте, но за что, собственно? За мою непосредственную работу я жалование получаю, а поговорить с принцессой, успокоить ее надо было, она же маг. Еще снесла бы дворец на нервной почве.

— Моей заслуги здесь никакой. Я только стараюсь представить обстоятельства в благоприятном свете, вот и все. Вряд ли у Ее Высочества Лилианы есть возможность и право решать вопрос о замужестве самостоятельно. Пусть осознает, что ее судьба стала приятнее, нежели была, и радуется этому, вместо того, чтобы рыдать над тем, что изменить нельзя.

Я наивно полагала, что меня похвалят и на этом закончат. Дура! Это был предлог, чтобы перейти к следующему этапу разговора.

— Смотри, ты так разумна в деле моей сестры, почему же в своем собственном случае упрямишься?

— Что вы хотите этим сказать, Ваше Величество?

А то я сама не знаю. В постель меня зовет величество. Я много об этом думала. Если бы не было никого, кто задевает мои чувства, кто мне дорог, и если бы я могла быть уверена, что мои мозги так при мне и останутся, я, наверное, не стала бы выпендриваться. Взрослая женщина все-таки, а не невинная курочка. Король прекрасный любовник, отношения с ним не были бы тягостными. А потом... Вряд ли его увлечение продлилось бы дольше месяца. Потерпеть — и я была бы свободна как птица. Еще бы подарок хороший получила. Но я понимала, как это огорчит моих друзей, особенно одного из них. Нет, не нужно мне королевского счастья.

А Горан ласково мурлыкал:

— Почему ты не хочешь принять свою судьбу и с ней мои чувства? Ты мне очень нравишься, Марта, и я хочу, чтобы ты была не просто учителем моей сестры, а очень близким для меня человеком.

В его голосе появились воркующие нотки, аура очарования разливалась в воздухе почти зримо, но на меня это не действовало! Серьги работали как лучшие механизмы наших механиков! Без сбоев! Я решила не темнить, а идти ва — банк и сказать как думаю.

— Ваше Величество, вы король, а я всего лишь учитель математики. Для меня, конечно, великая честь, что вы обратили на меня свое внимание. Вы самый красивый мужчина из всех, что когда либо видела. Вы умны и харизматичны. Вы король в конце концов. Перед вами перспектива блестящего царствования, и я провижу, что вы не упустите свой шанс, дадите своей стране то будущее, которого она достойна. Зачем вам я? Игрушка, прихоть. Наиграетесь и сломаете.

Он накрыл своей рукой мою.

— Марта, зачем ты так? Еще ни одной женщиной я не восхищался так, как тобой. Ты не будешь для меня прихотью — однодневкой, поверь. Ты умна, умнее многих моих министров. Место таких, как ты — у трона.

Угу. О любви и речи нет. Он мной восхищается. Ну вот и пусть делает это с безопасного расстояния. При чем тут постель? Кажется, пришло время намекнуть, что я не свободна.

— Ваше Величество, восхищение и любовь — не одно и то же. Все, что есть у меня: ум, знания, работоспособность, все это вы можете использовать на благо королевства. А свое сердце я отдала другому. Простите.

Король вскочил.

— Так значит это правда?! Я был уверен, что ар Герион мне солгал. Ты не могла... Но... Ты с ним? Ты его невеста?

Ого, как дела поворачиваются! Я уже хотела соврать, как мы договаривались с Риком, и тут такое! Оказывается, Конрад сделал это первым, и тоже не стал ставить меня в известность.

От волнения у меня во рту стало сухо, а ноги просто превратились в желе. Если бы сейчас мне надо было встать, я бы не смогла. Стоило хоть что-то сказать, но слов не было.

Хорошо, что я умею себя контролировать, а то спалилась бы позорным образом. Все же, если врать, то стоит заранее договориться, а то моя непосредственная реакция могла все испортить. Сам того не желая, мне помог Горан. Он не стал дожидаться ответа.

— И ты его любишь? — продолжал бушевать король, — Да, любишь, иначе ты уже давно с восторгом отдалась бы мне. Только истинная любовь защищает от моей магии.

Ого! Я этого не знала. Но вообще-то это не про меня. Король путает, меня защищают

сделанные Асти артефакты. А он все не унимался:

— Но почему? Почему? Что в нем такого, чего нет во мне? Он же... Он же урод! Он намного старше тебя! И вообще его все боятся, он страшный!

Тут я обиделась, но не за себя, а за Конрада. Хоть король и не был склонен слушать никого, кроме себя, мне удалось вставить слово:

— Конрад совсем не страшный, я его никогда не боялась.

Король вдруг откинулся на спинку кресла, сделал вдох — выдох, скривился и махнул рукой:

— Иди, Марта, ты свободна. Я больше не пришлю тебе приглашений во дворец. Люби кого хочешь. И ты права: принцессе лучше самой ездить в Школу. Я не хочу больше тебя видеть.

Я поднялась на ватных ногах, сделала неуклюжий реверанс и вышла. Слуга проводил меня до кареты и вручил толстую папку для передачи ректору.

* * *

Я ехала в ней и пыталась думать. Анализировать. Фигушки! Мысли толпились в голове, как крестьяне на ярмарке: без толку и лада. Чуть ли не первый раз в жизни со мной такое: я не могу сформулировать то, что меня волнует. Король уверяет меня, что я люблю Конрада, а между нами еще слова не было сказано о любви.

Самой начать этот разговор? Зацепиться за слова Горана как за предлог? Нет, это будет неправильно. У нас с королем была частная беседа, пересказывать ее кому бы то ни было — верх неприличия. Тогда что делать? Молчать? Посоветоваться с Риком? Что?

Я остановила карету и выскочила из нее, не доезжая до ворот. Хотела немного пройтись, чтобы мозги пришли в порядок. И первый, кого я увидела, был Конрад. Вывел свою группу прямо к воротам и что-то им показывал, а они пялились на створки и торопливо конспектировали. Заметив меня, он дал студентам задание и подошел.

— Марта, все в порядке? Король тебя не обижал?

Я хотела ему все сказать, только вот слова застряли где-то поперек организма и не давали дыхнуть. Поэтому натужно улыбнулась, махнула рукой, мол, все нормально, и прошла на территорию. Конрад сделал за мной пару шагов, затем вспомнил, чем вообще здесь занимается, и вернулся к студентам.

А на ступенях административного корпуса меня поджидал Рихард.

— Ну что?

— Принцесса. Король хочет послать ее учиться магии. Индивидуальные занятия, но не во дворце, а здесь, в школе.

— С чего бы это?

— У нее новый жених, принц Филодор из Кортала.

Ректор расплылся в довольной улыбке. Кажется, все прошло по самому благоприятному для него сценарию.

— А, ясно. Если есть дар, кортальцы считают необходимым его развивать. Разумные люди. А Филодора я знаю, он не одаренный. Обычный парень. Симпатичный и сообразительный, прирожденный воин. Принцессе, считай, повезло. Ну что ж, будем девочку учить. А к тебе он не приставал?

Я пожала плечами:

— Приставал, не приставал, какое это имеет значение. Больше в любом случае не будет.

У ректора глаза вылезли на лоб, но он промолчал, надеясь, что я поясню свои слова.

Пояснила:

— Помнишь, мы с тобой обсуждали, что, если не будет другого выхода, надо сказать Горану, что я уже сделала свой выбор и это не он. Так вот, меня опередили. По словам короля, к нему приходил Конрад и сообщил, что я его невеста. А когда я это подтвердила, то он стал возмущаться. Как это ему, такому красивому, да еще королю, предпочли другого. Велел больше на глаза не показываться.

Передать словами, как менялись выражения на лице ректора, я бы не сумела. Тут нужен большой художественный талант. Но когда я замолкла, он спросил лишь:

— От места не отказал?

— Нет. Наоборот, увеличил нагрузку. Приставил приглядывать за принцессой в процессе обучения.

Кажется, в этом месте Рик с облегчением выдохнул. Гроза прошла мимо. Горан слишком заинтересован в знающих магах, чтобы ставить процесс их получения на карту ради одной — единственной непокорной девчонки. А я ректору нужна, особенно на этом этапе.

А Конрад... Что Конрад? Это не тот человек, на которого наш ректор способен повлиять. Да он и не будет. Из-за меня портить отношения с другом? Я таких жертв требовать не могу. Да и не нужны они. Не хочу, чтобы кто-то из-за меня пострадал. Но раз уж ар Герион королю меня невестой представил, то стоит ожидать каких-то действий. Главное, чтобы не слишком долго, а то так и спятить недолго.

Тут появилась Верка с папкой входящих наперевес и все любовные благоглупости отошли на второй план. Хорошо, что у меня есть работа: некогда думать обо всякой ерунде вроде нежных чувств.

* * *

Через пару дней ко мне подошел господин Милчич и сообщил, что ему поручено организовать обучение принцессы в стенах нашей школы. Сам он этим заниматься не будет, но все счета следует направлять ему. Затем представил мне господина с на редкость унылой физиономией, который и должен был все делать. Тот потребовал, чтобы я выделила для Лилианы отдельное помещение. Я выделила аж два: небольшой кабинет для теоретических занятий и подвал для магической практики. Кабинет иногда использовали те преподы, у которых на старших курсах было по пять и менее студентов. Если требуется, чтобы кабинет принцессы был только для нее, этим помещением легко можно пожертвовать. А подвал у меня как раз освободился от мусора.

Кабинет унылый тип пообещал обставить достойной мебелью и сменить занавески, тут у нас разногласий не возникло. А вот подвал ему решительно не понравился. Негоже принцессе заниматься в таком месте, где еще недавно была свалка всякой дряни. Пришлось привлечь Рика для объяснений. Договорились сделать там ремонт и полную защиту от всего.

Король держал слово и никак себя не проявлял. А я нервничала, и совсем не из-за

короля. Все время хотела поговорить с Конрадом, объясниться, но никак не могла решиться. Пару раз даже открывала рот, но оттуда раздавались совсем не те слова.

Общаться с ним по работе получалось, а вот задать личный вопрос — никак. Он тоже молчал, будто в рот воды набрал. Приносил ведомости, присылал провинившихся, обсуждал возникающие по ходу дела трудности, смотрел, вздыхал и ни слова.

Семестр уже давно перевалил за половину, а ясности не прибавлялось. Особую надежду я возлагала на наши поездки: вне обычной обстановки могут происходить необычные вещи.

Ведьма с ведьмаком пришли к двору, отлично вписавшись в наш пейзаж. Зорко закупил им стройматериалы по списку и Васил (так звали мужчину) приступил к постройке. Их домик хорошел на глазах. Как-то во второй половине дня после занятий я забрела на пустырь, где он стоял, и обалдела. Вокруг домика копошились студенты. Один левитацией отправлял черепицу на крышу, другой ее латал тоже каким-то заклинанием. Третий стоял у двери (старой, заслуженной, найденной где-то на свалке) и снимал с нее стружку, добираясь до чистой деревянной поверхности, четвертый красил переплеты и наличники, взглядом заставляя кисточку опускаться в краску, сбрасывать лишнее и летать вдоль оконных переплетов.

Бытовая магия в действии! Или это не она?

Сначала я возмутилась: как это так, он припахал ребят на себя работать! А потом оценила: пусть тренируют приобретенные навыки. Выяснила: все они были нарушителями и теперь отрабатывали свои проступки полезным трудом. А что он полезен для коменданта... Это же хорошо! Даже если комендант уволится, домик останется школе.

Дав санкцию на дальнейшее использование провинившихся студентов подобным образом, я, как выяснилось, повысила свои акции в глазах Василя и его жены Заруны, а также пролила мед и масло на сердце Зорко. Он тоже не прочь был применить их труд на пользу делу, но часто стеснялся, а мне и в голову не приходило.

Ничего, теперь нарушители раздумают нарушать: у нас тут такое широкое поле деятельности для них открывается!

Радостно рассказала о новшествах Рику, он посмотрел на меня недовольно.

— Марта, ты понимаешь, что среди наших студентов полно детей богатых и знатных фамилий? Что будет, если до их родителей дойдет, как мы используем их труд?

На что они могут жаловаться? На то, что в качестве наказания их заставляют отрабатывать навыки, полученные на занятиях? Пусть спасибо скажут, что в карцер не сажают и голодом не морят.

— Присылай жалобщиков ко мне, я их уболтаю. И кстати, я знаю, среди отделов бытовой магии есть магия строительная. Она нам срочно нужна!

— Зачем? — удивился ректор.

Я описала ему свои соображения относительно домиков для семейных преподавателей. Он лукаво хихикнул:

— Для семейных? Ох, Марта, о чем ты заботаешься? Но где-то это верно: строительная магия — дело востребованное и учить ему надо. В Шимассе она совсем не развита, поэтому и здания здесь такие унылые. Кажется, среди соискателей есть подходящие специалисты?

Вскоре во дворец вызвали уже ректора. Он съездил и вернулся довольный:

— Король дал нам добро на поездку за преподавателями и разрешил пользоваться королевским дипломатическим порталом.

— Это значит?

— Это значит бесплатно! За счет короля! Всем троим! Марта, это беспрецедентно!

Тут до меня дошло.

— Рик, а в чем проблема? Что ты так радуешься? Ты же строитель порталов, мог бы сам нас перенести.

Он от моей тупости аж за голову схватился.

— Ты вообще представляешь, как это? Одно дело зарегистрированный, официальный портал. И совсем другое, ну, скажем, „дикий“. Там сразу набегут, повяжут и станут выяснять, откуда мы такие взялись. Тебе оно надо?

М — да, это я не подумавши сказала. Хорошо, тогда другой вопрос:

— А что такое „королевский дипломатический“? Это какой-то особый портал?

Рик горестно вздохнул. Он привык, что я вся из себя такая умная и тут вдруг оказалось, что простых вещей не знаю.

— Портал самый обычный, а вот амулет королевский. Его применение показывает, что брать с нас плату нельзя, а вот встречать с поклонами и относиться уважительно — непременно надо. Мы — посланцы короля Горана.

Я где-то так себе и представляла, но надо же было уточнить. В принципе, у меня все было готово, можно было отправляться хоть завтра, но собеседования мы назначили людям на определенные числа.

Я возлагала на эту поездку большие надежды не только в отношении своей личной жизни. Даже подработала расписание на следующий семестр с учетом новых предметов и новых преподавателей. Был расчет на то, что удастся заменить неквалифицированных преподавателей и набрать новых на нужные науки. Рихард намекнул, что говорил с королем о строительной магии и тот дал „добро“. Королевское „добро“ означало финансирование, и я потихоньку потирала руки. Под это дело я еще что-нибудь протащу.

Попутно вся школа и я в том числе стала готовиться к грядущему важному событию: зачетной сессии. По предложению Вольфи на нашей кафедре (да, а вы как думали?) мы решили этот вопрос элементарно. Практически каждое занятие начиналось проверочной работой: маленькой контрольной, которая показывала степень усвоения материала. Еще в течение семестра было три контрольных. Те, кто написал бы их все на положительную оценку, зачет получали автоматом. Пока почти все мои ученики могли на него претендовать, несколько бездельников и раздолбаев не в счет. Вольфганг оказался более строгим учителем: у него отстающих было больше. Но все равно, в сумме их набиралось менее двух десятков. На две сотни студентов... Неплохой показатель. А если их немного подстегнуть, то они все пересдадут еще до начала сессии. Среди магов много ленивых, зазнаистых, неорганизованных, но откровенно тупых я не заметила.

По всем остальным предметам промежуточные ведомости показывали картину далеко не прекрасную, но и не удручающую. Ребята старались. Лучшее положение было с теми предметами, которые вели лучшие педагоги, как и следовало ожидать. Либерий подтянулся, не зря я с ним проводила душевную беседу. Его студенты демонстрировали очень приличные результаты: все до единого сдали практические задания.

У тех, кого я числила в аутсайдерах, по документам тоже все обстояло неплохо, но я

была уверена: настоящей проверки поставленные ими хорошие оценки не пройдут. Вот и приходилось репу чесать: как сделать так, чтобы они безболезненно ушли.

Уже запланированы были люди на их места, но предстояло доказать, что они не по праву их занимают. Имеющиеся контракты не позволяли их просто так уволить.

Поделилась сомнениями с Конрадом, тот предложил созвать комиссию. Ха, если бы это было так просто! У нас нет вторых преподавателей по этим предметам! Кто будет в ней сидеть? Как всегда я, Рик и Конрад? Мы свихнемся! К тому же нельзя наслать комиссию только на тех, кого мы задумали выгнать, а то скажут, что все было подстроено. Оно, конечно, подстроено, но ведь не настолько!

Выход придумал Асти. Предложил выборочную проверку комиссией сторонних наблюдателей. Преподаватели, на экзамены которых она придет, будут выбраны методом научного тыка с небольшой подтасовкой.

А кто в эту комиссию войдет?

Ну, не только свету что в окошке. В Шимассе есть несколько уважаемых магов, можно их пригласить. Совершенно случайно в то время, когда у нас будет сессия, из Элидианы в Сармион приедут два дяди Громмеля по материнской линии, оба заслуженные магистры. Он обещает их содействие.

— Случайно?

— Марта, ты же понимаешь, что все случайное закономерно. Они давно хотели посмотреть, как я тут устроился, вот я их и пригласил. Пусть ознакомятся с нашими делами, заодно помогут.

Я радостно согласилась, не подумав. Когда же услышала имена этих дядей, чуть со стула не упала. И вовсе они не магистры, а архимаги. Архимаг Витольд Капнис, известный на весь мир маг огня, и архимаг Беренгарий Лецкий, знаменитый зельевар. У нашего Асти в родственниках величайшие корифеи магической науки! Даже я знаю их имена. А у нас тут... Позор! Готова была радоваться нашим достижениям? Нечем хвастаться: школа на уровне именно школы, до университета нам как до неба. Намекнула об этом Громмелю. Он отмахнулся:

— Что есть, то есть, за пару дней все равно не исправишь. Пусть посмотрят и подумают, чем могут нам помочь. Глядишь, и кроме увольнения наших несчастий будет от моей родни какая-то польза.

* * *

Наконец я дождалась первой поездки. Она была в столицу Кортала. По плану следующая декада должна была быть посвящена Мангре, а за ней приходила очередь Элидианы. Там Рихард решил задержаться не на три, а на пять дней. Объяснялось это тем, что оба моих мага в Элидиане учились и у них там остались друзья и старые связи.

Я тоже решила воспользоваться случаем и заранее написала Соледад, сообщая, в какие дни буду в столице.

Она оперативно ответила, что все равно собиралась посетить элидианские магазины перед праздником, но раз можно совместить приятное с полезным, она уговорит Бруно приехать на декаду раньше. Вот здорово! Дело сделаю, заодно и с подругой повидаюсь.

Если я и думала, что это будет увеселительная поездка (а я ни минуты не сомневалась в

обратном), то действительность превзошла не только ожидания! Столицы я так и не увидела. Портал, гостиница и собеседования, собеседования, собеседования, после которых я мертвая падала и засыпала, едва коснувшись подушки.

Анкеты у соискателей были во многом схожи, а вот сами они оказались настолько разными! Все-таки маги — это что-то! Самомнение у большинства зашкаливает, но проявляется это у каждого по — своему. Из-за этого, кстати, дело шло медленнее, чем я предполагала: Попробуйте выставить ненужного мага на третьей минуте разговора, когда он уже сел и расслабился, приготовившись к долгой беседе.

Но одно роднило всех: на меня они смотрели с нескрываемым презрением. Мол, что тут делает это ничтожество, лишённое магии? Когда Рихард представлял меня как проректора по учебной работе, у всех брови лезли вверх от удивления.

Собеседование шло почти круглосуточно. Я работала в паре то с Рихардом, то с Конрадом, то они выгоняли меня поспать и трудились в тандеме. Результатом были четыре приемлемые кандидатуры. В принципе их было больше, с нового учебного года можно было пригласить еще пятерых, но для насущных нужд удалось найти только этих. Я уже хотела сделать им предложение о работе и ознакомить с текстом договора, но Рихард меня остановил.

— Марта, не торопись, мы только начали. Будет нехорошо, если вдруг удастся найти лучших кандидатов, а мы не сможем отказать уже приглашенным. Надо сказать, что в принципе они нам подходят, если что, через две декады пришлем им письмо с контрактом и остальными бумагами.

Пришлось признать правоту начальства.

Из Кортала я приехала одновременно довольная и недовольная. Довольная тем, что дело сдвинулось с мертвой точки, у нас будет нормальный набор предметов, достойный высшего учебного заведения.

Недовольная... Это ясно. С Конрадом так ничего и не прояснилось. Не было ни одной свободной минутки, чтобы перекинуться хоть словом не по работе.

Вольфи по приезде меня обозрел и отругал:

— Марта, ты перерабатываешь. На тебе лица нет. Завтра отдохни, я тебя подменю.

Поблагодарила его и поплелась к зеркалу. Это как же надо выглядеть, чтобы наш великий математик заметил? Он же не видит ничего, кроме формул.

Полюбовалась на себя... Да — ааа... Лицо сжалось в кулачок, под глазами темные синяки, как будто меня в подворотне бандиты встретили и разукрасили, шейка тоненькая... Беда. Кстати, и синева из глаз ушла, сменившись природной серостью. Только волосы продолжали сверкать золотом: краска у Реганы оказалась на редкость стойкой, даже у корней не было заметно моего родного цвета.

Пин мой внешний вид оценил по — своему: выставил просто горы всяких вкусностей и велел есть, а потом спать.

Не понимаю: в Кортале я полноценно ела три раза в день и спала по восемь часов в сутки, так что же случилось? Объяснения на следующий день дала Лаура:

— А что ты хотела, милочка? Все маги, сколько их там было, пытались тебя прощупать. Никто не мог поверить, что перед ними обычный человек. Ну, и отсосали жизненную энергию. Магической-то у тебя нет. Не понимаю, куда Кон глядел. Надо ему сказать.

Наверное сказала, потому что на следующий день ко мне в кабинет завалился Конрад под ручку с Асти. Притащили очередной амулет — поясок в виде цепочки. Его следовало

надевать на голое тело под одежду, тогда никто не сможет поживиться моей энергией. Я взяла у них амулет, а они стояли и смотрели на меня, чего-то дожидаясь. Можно подумать, я сейчас перед ними разденусь и начну цеплять поясок на талию, устрою им такое представление.

Посмотрела на обоих, как на тараканов: грозно и оценивающе, как будто примериваясь тапком. Конрад сразу опомнился, подхватил Асти и был таков. Ну вот, упустила такой случай... Могла бы хоть намекнуть о своем желании поговорить. Так нет, взяла нужную вещь и прогнала. Что он теперь обо мне думает? Что я его использую?

Поездка в Мангру прошла легче. Артефакт работал, я устала значительно меньше. Да и соискателей было не так много, зато подходящих среди них в процентном соотношении нашлось больше. Пятеро нам годились прямо сейчас и еще троих стоило пригласить с нового учебного года. Что удивительно, они согласны были ждать.

* * *

Это произошло на второй пребывания день в столице Мангры Минсаре. После обеда по графику была моя очередь отдыхать. Я ушла в свой номер, разделась, приняла ванну, залезла в халат и уже собиралась лечь, как вдруг в дверь постучали.

У меня сердце встрепенулось: неужели Кон решил нарушить свое молчание? Но на пороге стояла незнакомая молодая женщина. Сознание сразу записало ее в ведьмы. Меньше меня ростом, смуглая, черноволосая, но глаза серые и черты лица не южные, а скорее похожие на облик моих соотечественниц. Костюм ее поражал воображение: узкие, обтягивающие бедра кожаные штаны заправленные в высокие замшевые сапоги, широкий пояс с разнообразным оружием, вроде метательных ножей, кинжалов, стилетов и прочего, кожаная жилетка, также уснащенная смертельным железом, и белая рубашка с кружевными воротником и манжетами. Черные волосы стянуты в хвост, а он в свою очередь заплетен в короткую толстую косу.

Колоритная дамочка. Таких рисуют на обложках любовных фантастических романов из жизни магов, но встретить подобное в жизни я не ожидала.

Уже хотела сказать, что она ошиблась и зашла не в тот номер, но девица прошипела грозно:

— Ты Марта Аспен?

— Ну я..., — ответ прозвучал без малейшего энтузиазма.

— Что у тебя с Рихардом ар Арвилем?

Где-то я это уже слышала, причем с той же интонацией. Девушка, помнится, была другая.

— Ничего. Он мой друг и мой ректор.

— Хорошо. Тогда его можно убить, не страшно.

Услышав эти слова, я схватила девицу за руку и втянула в свой номер. Она, как ни странно, не сопротивлялась.

— Ты кто? — в свою очередь зашипела я

— Я Нанни Гейл.

Кажется, я повторяюсь. Где-то я уже слышала это имя. Тьфу, не слышала, а видела. Это одна из кандидаток, причем с очень впечатляющей анкетой. Ну точно, Нанни Гейл, боевые

зелья. А причём тут наш ректор? Почему эта вооружённая пигалица собралась его убивать?

— Откуда ты знаешь Рихарда ар Арвиля?

На её месте я, наверное, постаралась меня вырубить и смыться, но девица почему-то ответила на мой вопрос:

— Я его не знаю. Никогда не видела.

Я толкнула её так, что она плюхнулась в кресло, которое жалобно застонало от знакомства с таким количеством железяк. Странно, но страха я не испытывала, только бесконечное удивление и интерес. Опасности для себя не ощущала. В принципе логично: если бы Нанни Гейл решила меня убить, то уже могла сделать это десять раз. Пока что стоит прояснить ситуацию.

— Если не знаешь, почему собираешься убивать?

— Это мой долг, я должна отомстить. А ты, почему ты его защищаешь?

— Он мой друг! Этого достаточно!

Я говорила, а мозг лихорадочно обрабатывал информацию.

Долг, отомстить... Для меня эти слова в данном контексте звучали полным бредом, но по Нанни было видно: для неё они многое значат. А ещё я заметила: она вовсе не стремится никого убивать. Поэтому и дала мне себя схватить и затащить в номер.

А значит... Значит, ей нужна причина или хотя бы железный повод, чтобы отказаться от мести. Итак Рихард ар Арвиль, сейчас я стану спасать твою шкуру. Должен будешь. Потом придумаю, что с тебя стрясти.

Для начала села напротив девушки, заглянула ей в лицо, спрятавшееся под густой тенью от челки, и произнесла самым своим задушевым тоном, который приберегала для особо злостных нарушителей дисциплины:

— Нанни, а почему ты меня искала? Чтобы спросить, нет ли у меня чего с ректором? Но зачем?

Я не ждала ответа. Но она ответила с вызовом:

— А вдруг вы связаны заклетьем разделения жизни? Я не хочу, чтобы на моей совести было два трупа, хватит и одного.

Думала, я буду расспрашивать про разделение жизни? У меня сейчас другая задача. Спокойным, без интонаций голосом я произнесла:

— Нанни, ты же не хочешь его убивать. Ты его даже не знаешь. Это не твоя месть.

Я не спрашивала, я констатировала. И девушка от моих слов словно поникла, сжалась, я уже боялась, что она заплачет. Но нет. Нанни была не из таких. Внезапно она распрямилась и дерзко посмотрела мне прямо в глаза:

— Да, это не моя месть. Я мщу за мать!

За мать? Но Рихард-то тут при чем?

Новейшую историю семьи Арвилей я знала неплохо, потому что наш ректор любил рассказывать про своих знаменитых родственников. В основном какие они гады подкожные и почему он с ними не знает. Оказывается, мама в детстве пугала маленького Рика родным папой: вот придет Герхард фар Арвиль... Прямо как у нас пугают малышом сереньким волчком. Но с волчком получается мило, а Герхард — это и впрямь страшно. В рассказах незаконного сына он представлял настоящим волком в овечьей шкуре, злым и коварным. А брат Рика, законный наследник Эберхард был хитрым лисом.

Все это нам рассказывалось на случай если родственнички вдруг нагрянут. Ведь Рихард, вопреки всему, стал важной шишкой при дворе короля Шимассы, а значит желанной

добычей для дипломатической семейки.

После слов о мести за мать я вообще перестала что-либо понимать. Насколько можно судить, эта Нанни — взрослая ведьма, вряд ли сильно моложе моей Соль. Рихард, конечно, старше, но не настолько, чтобы у него что-то было с ее матерью.

Заодно вспомнились строки из анкеты: Нанни Гейл, боевая ведьма из Ремолы. Рихард в Ремоле не бывал никогда, он об этом как-то обмолвился, перечисляя места, где довелось побывать. А вот его отец, Герхард фар Арвиль, там провел несколько лет в качестве посла, и было это уже после рождения Рика, но задолго до того, как он поступил учиться. Оттуда ему пришлось уехать после дипломатического скандала. Не с мамой ли Нанни это связано?

Я все это вспомнила и сказала твердо:

— Рихард ар Арвиль никак не мог обидеть твою мать. Он не был с ней знаком, зуб даю.

Она не стала спорить:

— Ее обидел Герхард ар Арвиль. Он соблазнил ее, а затем бросил, опозорив перед всеми. Она умерла и на смертном одре взяла с меня слово, что я отомщу. До Герхарда мне не добраться, но Рихард — сын Герхарда. Ему будет больно, если его сын умрет.

Ага! Ну, что я говорила? Это папаша виноват, а вовсе не Рихард. И тут меня внезапно озарила мысль:

— Так ты — сестра Рика?

— С чего ты взяла? — запротестовала девица, — я родилась на два года позже того, как Герхард фар Арвиль покинул мою страну. Мой отец... В общем, он уже умер, но я его знала! Это был не фар Арвиль!

После этих слов я на нее набросилась.

— Тогда что ты прицепилась к Рихарду? Он — незаконный сын, отщепенец. Сам, можно сказать, пострадавший от Герхарда. Для старого дипломата Рик — лишь компрометирующее обстоятельство, а не любимый ребенок. Вряд ли его смерть сильно огорчит папашу. А ты... Выходит, ты нарочно прислала нам анкету, чтобы заманить моего друга в ловушку? Тебе не нужна работа?

Она вдруг опустила глаза:

— Вообще-то очень нужна. Я из-за работы и анкету заполнила. А потом в твоём ответном письме прочла, кто у вас ректор и решила...

Я к этому времени хорошо все вспомнила. На том, чтобы пригласить эту Гейл, настаивал Гаспар. Он что-то о ней слышал хорошее и даже предлагал предмет Сильвии заменить именно боевыми зельями.

Я тогда посмеялась. Косметику заменить отравляющими и взрывчатыми веществами? Здорово! Это же предметы с разных факультетов. Совсем другая аудитория. Но для боевиков — то, что надо. У них и так программа урезанная, убожество сплошное. Добавить им боевые зелья было логично и поэтому мы ее и пригласили.

Она была единственный кандидат на место. На все остальные позиции было минимум по три соискателя. Отказываться от Нанни было неразумно, но брать при таком ее отношении — еще глупее. Я приняла решение, вернее, придумала, на кого его переложить.

— Нужна работа? Тогда сиди и жди. Я сейчас.

Выскочила из номера как была, в халате и поскакала туда, где Рик с Коном терзали очередного кандидата. Осторожно постучалась и вызвала ар Гериона:

— Можно тебя на минутку?

Хотя отлично сознавала: минуткой он не отделается. дело минимум на час.

Стоило Конраду высунуть нос в коридор, я схватила его и потащила в свой номер. Он кротко шел за мной с ошалелым видом и даже не пытался выяснить, что происходит. Не успел, наверное. Хорошо, тут все близко. Я втолкнула его в комнату и ткнула пальцем в сидящую там Нанни:

— Вот.

После чего в нескольких словах обрисовала ситуацию, старательно избегая слов: „дура“, „сумасшедшая девица“, „психопатка“ и „ненормальная“. Конрад выслушал меня, не сводя глаз с девицы Гейл, затем, как будто меня не было, представился:

— Конрад ар Герион, декан факультета общей магии, заместитель ректора по вопросам безопасности.

Она смотрела на него как кролик на удава, прижимая рукой свой пояс оружием. Конрад делал вид, что всех ее железяк просто не замечает. Как мне объяснял Гаспар, ни один человек не успеет воспользоваться оружием против ар Гериона, тот скрутит его значительно раньше. Кажется, Нанни это понимала.

— Предлагаю вам пойти сейчас со мной и поговорить спокойно. Марта устала и нуждается в отдыхе, а мы с вами выясним все сомнительные вопросы и, надеюсь, придем к чему-нибудь взаимно приемлемому.

Девушка молча поднялась и пошла за ним, как зачарованная. Не знаю я, что маг практически не способен околдовать ведьму, я бы решила, что он применил к ней ментальную магию. Мне было интересно и сунулась было за ними, но Конрад посморел на меня, как на бесконечно любимое, но непослушное дитя и тихо сказал:

— Спи!

Вот это точно была магия. Я еле успела добраться до кровати: повалилась, даже не сняв халата, и уснула как младенец.

* * *

Я проснулась тогда, когда должна была по графику. Огляделась: лежу в халате поверх одеяла поджавши ножки, и они у меня основательно замерзли. Так быстро заснула, что не успела залезть в тепло.

Разозлившись на Конрада за такое самоуправство, встала, оделась и пошла его искать, чтобы выразить возмущение произволом. В номере ни его, ни Рихарда не было. Сообразив, что они пошли поесть, я спустилась в ресторан. Любезный кельнер проводил меня к столику и сообщил, что господа только — только поели и ушли. Видимо, я с ними разминулась: в гостинице две лестницы.

Да что я, за ними бегать нанялась? Раз уж я спустилась сюда, надо пользоваться случаем. Велев принести мне дежурный ужин, я устроилась за столиком. Не успела дождаться первого блюда, как откуда ни возьмись ко мне подлетела Нанни Гейл в наряде, значительно более привычном для глаза: в бархатных юбке и корсаже. Из прежнего осталась только рубашка с кружевами, а оружие бесследно исчезло. Она набросилась на меня с объятьями.

— Марта, дорогая, спасибо, спасибо! Ты просто ангел! Ты так мне помогла! Я буду у вас работать. А Рик, он такой, такой... Просто лапочка! Ты была права, я не на того охотилась.

С трудом удалось от нее отбиться, чтобы нормально поесть. Оказывается, она

остановилась в той же гостинице и тоже вышла перекусить. К счастью, она свою трапезу уже завершала, оставался лишь десерт. В общем, я уговорила ведьму, что мы обо всем поговорим и все обсудим когда она приедет в Шимассу работать.

Но бурное проявление ее эмоций напугало меня настолько, что я долго сидела, выжидая, чтобы она ушла. Затем, когда путь показался мне безопасным, встала и направилась в номер к мужчинам. Там у нас происходили собеседования, там я рассчитывала их застать.

Дверь была приоткрыта и я еще из коридора уловила обрывок разговора. Говорили двое и это было никакое не собеседование. Сначала донесся голос ректора:

— Кон, ты вечно все драматизируешь!

Ему ответил ар Герион:

— Меня удивляет твоя позиция: ты как будто в театре сидишь и из первого ряда на все любишься. А это настоящая жизнь, между прочим.

* * *

Я как стояла, так и замерла, боясь дышать. Не знаю почему, никаких имен названо не было, но мне показалось, что речь обо мне. Следующая фраза ар Арвиля была такая:

— Ты просто помешан на своей безопасности. Нет ничего страшного в том, чтобы сблизиться с женщиной. До сих пор это никому не повредило.

То, как произнес свою следующую реплику Конрад, сказало мне о том, что он из последних сил держит себя в руках, чтобы не устроить маленький конец света.

— Рик, для меня действительно опасности нет. Но... Ты о ней подумал? А я не могу дать ей сейчас полную защиту. Мне вообще нечего ей дать!

Такого отчаявшегося Конрада боялся весь мир, даже я, но не ар Арвиль. Иначе бы не говорил с такой ленивой интонацией.

— Кроме себя любимого. Не валяй дурака, Кон, а то спохватишься — а место будет занято. Конкурентов хоть отбавляй. В этой дурацкой стране, где девиц прячут от мужчин, нельзя зевать и тянуть кота за хвост.

И тут Конрад назвал имя.

— Леокадия... Ты забыл о Леокадии.

— Ну а ты вспомнил! Где ты, а где она!

— Ближе, чем ты думаешь. Я встретил ее в Кортале.

Вот тут в голосе ректора прозвучал испуг. Легкий, но все же.

— Врешь! Почему я тогда ее не видел?

— Помнишь, в день отъезда вы с Мартой вышли из ресторана раньше меня?

— Ты расплачивался, потому и задержался.

— Именно. Вот тогда она и вошла.

— Одна?

— Как ни странно. Обычно за ней тащится какой-нибудь поклонник, но в тот раз я рядом с ней никого не заметил.

— И она тебя видела?

— Она не слепая. Видела, даже кивнула, но подходить не стала.

— Сам мог бы подойти. Это ведь тебе надо, а ей и так прекрасно.

Тут мне стало интересно: а что Конраду может быть нужно от бывшей жены? Развод? Или возвращение? Его ответ был не очень понятным.

— Если бы ты видел, КАК она на меня посмотрела, ты бы так не говорил. В общем, я решил, что рисковать нашей миссией не стану, и ушел. Если бы я был там один, другое дело.

Рихард захихикал.

— Я же говорю, безопасник! Так, ладно, давай уже начинать работать. Кто там у нас следующим номером и где запропастилась Марта?

— Следующий номер написал письмо, что не придет, так что время еще есть, а Марта...

Стоять и слушать дальше было неправильно, я стряхнула с себя оцепенение и вошла.

— Кто тут меня спрашивал? Я не опоздала?

Меня поспешили утешить, сказав, что я очень даже вовремя. Сейчас Конрад идет отдыхать, а через четверть часа придет следующий соискатель.

Конрад действительно попрощался и ушел, а я так и не узнала, за кого и чего именно он боится. Мне ужасно хотелось расспросить Рихарда про Леокадию, но это означало признаться в том, что я подслушивала. Так что выбор пал на более нейтральную для меня тему.

— Слушай, Рик, а что решили с этой Нанни Гейл? Она прибежала и чуть ли не бросилась меня обнимать — целовать, говоря, что ее взяли на работу.

— Тебе тоже показалось, что она странная? На ее приеме настоял Гаспар лично. Уверяет, что она очень талантливая и великолепный спец в своей области. А в нашей школе с боевыми зельями полный ноль, да и в армии не лучше.

Гаспар? А он-то тут каким боком?

— Когда это он успел настоять?

— Аж два раза: еще дома заранее отметил ее анкету, а во второй раз сегодня, пока ты спала. Мы на всякий случай выслали ему срочное письмо магпочтой, мол, так и так, дама квалифицированная, но странная. Он тут же прислал ответ, чтобы брали без разговоров. Так что тебе придется ее оформить.

Хотела сказать, что, раз Гаспар настоял, пусть он и оформляет, но передумала. Только решила напомнить:

— А насчет того, что она собиралась тебя убить, Конрад тебе рассказал?

— Она сама и рассказала. Потом мы побеседовали и пришли к выводу, что у нас обоих есть счет к моему папочке. Так что она продолжает мечтать о мести, но, к счастью, не мне.

Я вспомнила обтягивающие кожаные штаны и ремень, набитый оружием.

— А то, как она выглядела?

— А что? Отлично выглядела, очень сексуально. Фигурка первый сорт. Так одеваются ремольские боевые ведьмы, когда идут в наемницы — охранницы. Она как раз такую работу пыталась найти. До этого на родине обучала отряды наемниц работе с боевыми зельями: составлением и употреблением. Так что не беспокойся: преподавательский опыт у нее есть.

Выходит, у девицы что-то на родине не заладилось, раз она согласна была на работу охранницы при такой высокой квалификации. Но какое мое дело? Главное, чтобы головной боли от нее не было.

В Мангре соискателей оказалось значительно меньше, чем в Элидиане, да к тому же маги тут без работы не сидели, так что наш метод круглосуточного приема посетителей здесь оказался не нужен. „Ночников“ Рику удалось перенести на завтра, и мы разошлись по номерам до утра.

Так как я уже успела выспаться, то валялась в номере без всякого толку. Я не могла ни читать, ни писать, ни вообще рационально мыслить. Услышанный разговор не шел из головы.

Раньше я не задумывалась об этой Леокадии. Все меня уверяли, что раз она сбежала, значит, больше не жена. В смысле, на Конрада не претендует. Тогда почему он ее боится? Ну, не боится, но опасается. Вообще-то Соль говорила мне, что ведьмы, в сущности, зло, и не надо судить по ней, но я не могла поверить, что наш Конрад вообще может бояться. Это при виде него все уже бегут штаны стирать, как может какая-то ведьма быть для него опасной?!

Понятно, что наличие жены, даже по мнению общественности бывшей, не облегчает ему жизнь. Мало ли какие обязательства у него по отношению к этой Леокадии остались. До сих пор меня не интересовали вопросы магического брака, я в любом случае надеялась выйти замуж обыкновенным образом, расписавшись в муниципалитете, а затем совершив обряд в храме Доброй Матери. В разных странах эту богиню звали по — разному, но суть одна. И заключенный таким образом брак можно расторгнуть только если он не был осуществлен или в течение семи лет остался бездетным.

Конрад — маг, женатый на ведьме. Я понятия не имею какими обрядами они связаны. Насколько я поняла, у магов, в отличие от обычных людей, есть несколько видов брака. При некоторых развод возможен, а есть абсолютно нерасторжимые. От того, как именно они были женаты, зависит, можно ли разрушить связывающие их узы.

Надо будет все хорошенько выяснить у Соль, когда мы встретимся в Элидиане. Вряд ли она знает, как вышла замуж ее знакомая, но возможные варианты она мне опишет. Только тогда я смогу рассуждать и делать хоть какие-то выводы.

А вообще я с чужим мужем никогда не стану связываться, какие бы чувства к нему не питала. Меня так мама воспитала: нельзя брать чужое. Если я ему нужна, он должен сделать все, чтобы быть свободным от этой своей Леокадии. Если бы он попробовал со мной объясниться, я бы предложила ему официально разорвать с ней всякие отношения, а затем уже предлагать их мне.

Или я для него совсем не важна, он видит во мне лишь полезного сотрудника? Тогда о чем я вообще волнуюсь? Он мне нравится? Да, нравится, и очень, можно уже себе не врать. Но своим достоинством я не пожертвую. Пусть сначала определится.

Я гоняла эти мысли по кругу и чувствовала, что моя решимость быть принципиальной и хранить достоинство тает. С каждой минутой мне становилось все тоскливее.

Сколько можно приносить свое счастье в жертву эфемерным ценностям вроде чести, самоуважения и всякого такого? А ведь я это сделаю, даже сомнений никаких нет. Если не будет другого выбора, задеру подборок повыше и скажу сама себе: „Не очень-то хотелось“, вместо того, чтобы упасть Конраду в объятия безо всяких разговоров и условий. Просто потому что я такая и другой уже не буду. Слишком много раз мне делали больно, еще одного я просто не допущу.

* * *

Вот так, пережевывая эту жвачку, я все-таки заснула, но проспала недолго. С первым лучом солнца меня отловила-таки Нанни Гейл. Ворвалась в мой номер, когда я только с кровати встала. Это уже становится у нее нехорошей привычкой.

— Марта, Рихард сказал, что по поводу договора — это к тебе.

Тут она совершенно права. Я со вздохом полезла в чемодан и достала образец.

— Прочитай, ознакомься. Если все нормально, дам чистый экземпляр заполнить и подписать. А я умываться.

Пока я приводила себя в порядок, Нанни все прочитала и уже била копытом, как норовистая лошадка:

— Марта, меня все устраивает. Давай договор, я хочу подписать!

Благословляя собственную запасливость, я вытащила два незаполненных договора и положила перед ведьмой вместе с пишущими принадлежностями. Пока она выводила буквы, заглянула через плечо.

Ну конечно, Нанни — это сокращение от Епифании. Жуть. Хуже только Ефросиния. Я и не сомневалась, что ведьму на самом деле зовут по другому. Так просто и коротко ее звать просто не могут. У них всегда что ни имечко — то караул, язык сломаешь. Например, наша Зои на самом деле Софрония.

За мое простое, короткое, плебейское имя спасибо папочке. Мама хотела обозвать меня по — благородному, как-нибудь вроде Беренгарию или Флордализы, отыгратья на девочке после простецких имен сыновей, но отец не позволил. Сказал, что хочет имя дочки выговаривать легко, а не надрываться каждый раз. Так что у меня даже второе имя приличное, хоть и с дворянским уклоном — Лавиния.

Рихард заглянул вовремя, Нанни как раз закончила все заполнять и даже подписала. Он ей улыбнулся как ясное солнышко, тоже подмахнул оба экземпляра и утащил решать вопрос с ее срочным перемещением в Сармион. Как выяснилось, у девушки не было за душой ни гроша, она потратила последнее, чтобы нанять номер в этой гостинице, считавшейся лучшей в столице Мангры. Глупо. Она что, надеялась на бесплатную квартиру в тюрьме после убийства ар Арвиля?

На месте ректора я дала бы ей подъемные и гарантийное письмо на портал, а дальше пусть сама решает все вопросы, но Рихард был настроен по — другому. Влюбился он, что ли, в свою несостоявшуюся убийцу?

После завтрака пришла очередь нам с Коном вести прием. Меня так и подмывало задать ему провокационный вопрос, но не хотелось выдавать себя. Подслушивать неприлично, а я стою на том, что я девушка порядочная и хорошо воспитанная. Сам же Конрад, казалось, полностью отдался работе. Расспрашивал соискателей об их опыте, предлагал им продемонстрировать свои таланты, подъезжал с разных сторон, пытаясь заставить их раскрыться. Я слушала, записывала, время от времени вставляла пару фраз, в основном чтобы показать, что я тут не для мебели.

В сущности, я вела себя как всегда на таких беседах, но не моя вина, что мысли мои бродили неизвестно где. И счастье, что соискателей оставалось всего пятеро. После этого мы должны были покинуть Мангру и вернуться домой в Шимассу.

Я уже стала считать эту страну, а вернее нашу Школу своим домом.

Следующая поездка была в Элидиану. На нее Рихард отвел не три дня, а пять. Вольфи пришлось меня подменять, но он не протестовал. Наоборот, уговаривал не надрываться и отдохнуть хорошенько. Асти же накануне нашего отбытия заявился и потребовал цепочку — пояс на проверку и зарядку. Я выдала ему требуемое в полной уверенности, что с амулетом все в порядке. Но наш великий артефактор начал ругаться как пьяный матрос: мангрская поездка разрядила ее больше чем вполовину.

Мне прочитали лекцию на тему: что бы со мною стало без этого ценного артефакта. Но я и сама догадалась: из одного неумемного любопытства маги вполне могли меня в гроб вогнать.

Нанни Гейл вышла нас проводить. Рихард оплатил ее телепорт из своих средств и теперь она жила в нашем общежитии и питалась в нашей столовой на птичьих правах: ее контракт начинал действовать только с нового семестра. При ее бешеной энергии и активности можно было опасаться разных эксцессов. Но помог Гаспар. Он тоже подписал с нею контракт, уже от лица армейского командования, и девушка тут же приступила к варке каких-то зелий, для чего заняла последний из оставшихся у меня свободным подвалов. Хорошо, что там была вытяжка.

Но Гаспар Гаспаром, а на нас с Конрадом она смотрела как на своих спасителей. А вот с Рихардом явно кокетничала по — своему, в стиле боевых ведьм, и ему это нравилось.

* * *

В Элидиану мы прибыли утром, но не стали, как в Кортале или Мангре, заселяться в лучшую гостиницу, а заняли дом на одной из центральных улиц. Его Рихарду предоставил старый приятель, один из преподавателей Университета. Да и дело здесь пошло веселее: прежде, чем назначать собеседования, Рихард пригласил знакомых магов пообедать, а за едой подсунул им наш список и получил по многим персонам исчерпывающую информацию. Я только успевала записывать. В результате наш список сократился наполовину.

Остальным я составила график и Конрад разослал приглашения магпочтой. Для Кортала и Мангры это делалось заранее и я была уверена, что нас уже ждут. Оказывается, ждать будем мы. А я еще гадала, почему в Элидиане запланированы аж пять дней! После нашей напряженной работы Рик решил расслабиться среди знакомых и приятелей, вот и все.

Раз так, я попросила разрешения погулять по городу. Соледад скорее всего еще не приехала из своего Бескаля, но и просто пройтись по столице, полюбоваться ее красотой в преддверии зимних праздников будет радостью. Честно говоря. Я надеялась, что Конрад предложит составить мне компанию, но он просто сурово на меня посмотрел и не сказал ни слова. Рик же посоветовал не спустить все деньги на праздничном базаре.

Эх, да разве же их спустишь?! Мое жалованье было немаленьким, вдобавок я почти ничего не тратила, кроме как на молочные продукты, а они в Шимассе дешевые. Так что за первый семестр в банке у меня накопилась приличная сумма. Могу себе что-нибудь позволить. Только вот что именно, я еще не придумала.

Стоило выйти за порог и пройти два квартала в сторону университетского городка, как на меня наскочила Зои. То-то я все время ее вспоминала!

— О, Марта, ты уже приехала?! Вот здорово. Соль будет здесь поздно вечером.

Она всегда такая: самая актуальная и точная информация и море эмоций. Я была рада видеть Зои, она как бы связывала мою сегодняшнюю жизнь с прошлой. И потом, она много знала и всегда могла дать хороший совет.

Я выяснила, куда она идет, и когда Зои призналась, что просто гуляет по лавкам, присоединилась к ней. Так ничего и не купив, мы обошли весь центр столицы и приземлились в кафе — кондитерской. Это было наше с Соль любимое заведение, Зои, как

выяснилось, тоже с удовольствием его посещала. Так что мы заказали пирожных, травяного чая и блинчики с сырной начинкой, после чего менталистка приступила к расспросам.

До этого она ограничивалась общими сведениями о том, что в мое отсутствие происходит в Университете. Делала Зои это в своей излюбленной манере: уронит пару фраз и смотрит на реакцию собеседника. Если есть интерес, дает подробности.

Мне все было интересно, хотелось знать, что изменилось здесь за полгода, и приятельница щедро утоляла мою жажду. А в кондитерской пришла ее очередь спрашивать и тут уж отмолчаться было невозможно. Зои с ловкостью вытягивала из меня такие вещи, в которых я сама себе бы не призналась.

Надо сказать, если меня интересовали факты, то ее — люди и отношения. Как меня встретили, как отнеслись, как так случилось, что я заняла высокое положение, что у меня с...(далее подставить нужное имя). Причем речь шла не о любовных историях, а о том, есть ли у нас с этим персонажем взаимопонимание. Ей интересно было и про Зорко, и про Лауру, и про Либерия...

Затем я проболталась ей про письмо Соль и ее советы. Зои хмыкнула:

— Наша Соледад молодец, все правильно написала, только не учла одного: твоего характера. Давай, рассказывай, что у тебя с этими персонажами.

Я пробовала упираться, но она все равно вытянула из меня все.

Для начала я рассказала ей про короля, как про самого могущественного из мужчин. Все выложила: как познакомились, как он на мне свою магию тренировал, как наши меня защищали. Заодно про остальных все выложила и не заметила как.

Выслушав меня, Зои нахмурилась

— Ты думаешь, он от тебя окончательно отцепился? Как бы не так! Это простая манипуляция: он тебя оттолкнул в надежде, что ты расстроишься и побежишь за ним, пытаясь объяснить, что он все не так понял. Он же король, а это опала. Не мне тебе объяснять, что это значит. Но ты сделала правильно: обрадовалась. Не поддержала игру. Вот только сейчас не могу сообразить, хорошо это или плохо. В принципе Соль права: ты можешь этим методом довести его до того, что он сделает тебе предложение. Вот только до свадьбы ты вряд ли доживешь. Тут вступают в игру такие силы, с которыми тебе не тягаться. Я даже ведьме не посоветовала бы в это лезть.

Да, в этом королевском гадюшнике отравят как пить дать. Еще тогда, на приеме, я ловила на себе полные яда взгляды, а если стану королевской невестой, яд может переключиться мне в тарелку или бокал. Да и не стоит Горан жертв с моей стороны. Я его не люблю.

— И что мне делать?

— Твой Рик прав: выбрать себе мужчину, который в случае чего сможет тебя защитить. А их в хозяйстве у вас двое: ар Арвиль и ар Герион. Возможно, есть и другие, но с королем никто, кроме этих, конкурировать не может, а главное не будет.

Тут я вспомнила про Гесперия и рассказала Зои, как он пытался меня скомпрометировать на глазах у Горана. Она вдруг рассмеялась.

— Гес у вас работает? Здорово! Как ты с ним справляешься, Марта? Я была у него аспиранткой, у нас даже сложились неплохие отношения: специалист он правда классный. Но работу пришлось доделывать под другим руководством: он вдруг свалил неизвестно ни куда, ни почему. Куда, я до сегодняшнего дня понятия не имела, а насчет почему случайно знала. Он пытался сделать карьеру не тем местом. У нас была студентка — юная ведьмочка.

Никто не знал, кто она такая, кроме ректора. Гесперий тоже это выяснил, думаю, своими путями, и попытался ее обольстить. Только вот папа девочки не пришел от этого в восторг и вместо того, чтобы выдать бедняжку за обольстителя, велел ему в три дня убраться из страны.

Ого! Такой гад ну нас работает, а все под приличного рядится. Но все же... Может быть Зои ошибается?

— А ты откуда знаешь?

— Я при сем присутствовала. Случайно. Сидела занималась на кафедре, вдруг входят они, я и прикрылась куполом. Ни Гесперий, ни отец девушки меня не видели и не чувствовали, но я-то слышала все до последнего слова. Девочка оказалась дочкой одного из министров короля. Того, кто был женат на ведьме.

Подсказка оказалась на диво простой: на ведьме был женат бессменный премьер королевского правительства Ромуальд Роген. Да, такой мог приказать и тайно убить, так что Гесперию повезло. Но мое к нему отношение, и так не самое доброе, стало еще хуже. Зои же завершила свой рассказ так:

— Если ты решишь его уволить, то подумай обо мне. Опыта у меня хватает, много лет веду семинары, лекции тоже читаю. Так что с ментальной магией в Шимассе проблем не будет. Я с удовольствием возглавлю у вас это направление и приведу с собой еще парочку таких же, как я: которым быстрая карьера не светит по возрасту, зато знаний и опыта хоть отбавляй.

Хорошая мысль, между прочим. Все-таки менталистикой должны заниматься люди порядочные, а не такие, как Гесперий. Он слишком опасен. А про Зои я знаю только хорошее.

Она решила вернуться к прежнему разговору и снова завела речь о ректоре и Конраде.

— И все-таки выбирать тебе стоит из тех двоих, что я уже назвала. Ты их хорошо знаешь и они отлично к тебе относятся. Оба. Правда, каждый по своему.

Опять меня уговаривают определиться с мужчиной до того, как он определится со мной.

— Это ты хорошо сказала. Но, понимаешь, я же не могу схватить понравившегося за шкуру и отволочь в храм Доброй Матери.

Моя фраза позабавила Зои.

— Ну, если ты не хочешь сделать выбор сама и ждешь, пока его сделают за тебя, то не стоит удивляться, что все идет не так, как хочется. С другой стороны... Когда мужчина уверен, что это его решение, тут из него можно веревки вить.

— Это ты о чем?

— Хочешь ты или не хочешь, рано или поздно один из этих красавцев потащит тебя... Если не в храм, то в койку точно. И вот здесь от тебя зависит, куда вы в результате придете. Хотя... ар Арвиля я бы тебе не советовала.

— Это почему?

— В отличии от Соль я хорошо его себе представляю как личность. Как бы ни сменились его приоритеты, лучше держаться от него подальше. Неподходящий для тебя тип. При желании ты легко его на себе женишь, но в результате удовольствия не получит никто. Пока вы не слишком тесно общаетесь, это ничего, а вот в семье возникнут такие противоречия, что только ах. Ему нужна другая женщина, а тебе — другой мужчина.

Думаю, она тут права на сто процентов. Я нежно люблю Рика как друга, уважаю как

начальника, но страшно от него устаю. Его фонтианирующая эмоциональность, ни на чем не основанный оптимизм и легкомыслие утомляют больше, чем даже тупость студентов. Если бы нам, например, пришлось бы сидеть в одной комнате, мы уже давно друг друга поубивали бы. Наверное поэтому я и отступила тогда, когда он себя так нахально предлагал.

— Вижу, мои слова не стали для тебя откровением. Тогда в чем дело? Ты уже сделала свой выбор. Или я не права?

— Что, уже консультируешь девочку по вопросу создания крепкой семьи? — раздался вдруг знакомый голос.

Соль! Я вскочила и обняла подругу! Как мне все это время ее не хватало! Она радостно рассмеялась:

— Ну что, открыть тебе тайну или сама угадаешь?

А что тут угадывать? Как будто я их первый день знаю.

— Зои меня нарочно встретила и сюда привела...

— Точно! Но я появилась слишком поздно, вы уже обо всем поговорили. Насколько я знаю эту особу, она уже успела тебе забраковать и короля, и ар Арвиля.

Зои обиженно засопела:

— Соль, ты из меня монстра какого-то делаешь. А между тем девочка и без нашего участия пришла к тем же выводам.

К моему удивлению Соледад погрустнела.

— Остается муж Леокадии?

— Ты права, подруга, остается Конрад ар Герион. Ты его не знаешь, а я имела честь... Весьма достойный господин. Красоты там, конечно, нет, ну так Марта за красотой и не гонится. Ведь правда? — обратилась она ко мне.

Я подтвеждающе покивала, в Соледад тем временем еще посерьезнела.

— В достоинствах этого мужчины я как раз не сомневаюсь. Зато хорошо знаю Леокадию. Если она для каких-то своих надобностей задумает его вернуть... Марта, я тебе не позавидую. Это стерва каких свет не видывал. Подумай и прими во внимание: она ведьма, и не из слабых, а ты нет.

Зои запальчиво возразила:

— С другой стороны, Конрад — сильный маг и специалист именно по защите. Если он не сможет уберечь свою женщину, то кто сможет? Нельзя же залезть в норку и всю жизнь там просидеть только потому, что снаружи существуют опасности?!

— И это верно, — согласилась Соль, — Так что, Марта, детка, не мне тебе советовать. Делай, как знаешь. Но вот что я тебе скажу...

Она взяла меня за подбородок и стала поворачивать мою голову то вправо, то влево. Наглядевшись, радостно констатировала:

— А ты молодец! Шикарно покрасила волосы, просто великолепно. Цвет абсолютно твой. Не думала, что ты решишься на такую дорогостоящую процедуру.

Пришлось рассказать про госпожу Регану. Соль резюмировала:

— Вот видишь, и от короля может быть польза. Просто так с улицы к такой ведьме не обратишься, а тут с тобой поработал мастер да еще и бесплатно. Она тебе и цвет глаз меняла? Здорово, думаю, тебе очень шло. Жалко, этот эффект ненадолго. Зато с кудрями совсем другое дело: теперь ты еще лет пять будешь златовлаской.

Пять лет?! Неплохо. На такое я и не рассчитывала.

После этого разговор сменил русло и потек среди насущных вопросов повседневности.

Зои говорила об университетских делах и о собственных сердечных, Соль рассказывала, как она изучает виноградники мужа, чтобы вывести новые сорта, и как он надоедает ей с наследниками. Я тоже изложила наши трудности с учебным процессом. По ходу дела даже вытащила список соискателей. Мои дамы сунули туда нос и тут же вывалили на меня массу новой информации практически по каждому. Можно было не сомневаться: все, что мне сейчас сообщали Соледад и Зои, проверенные факты, на них можно опираться при принятии решения.

Когда небосклон из голубого стал темно — синим и на него гурьбой высыпали яркие звезды, за нами в карете приехал Бруно. К тому времени мы успели перепробовать все и нализались сладкой ягодной наливки до поросычьего визга. Я вообще-то не любитель алкоголя, но тут просто сорвалась. Расслабилась, а наливочка была такая вкусная. В общем, Бруно приехал вовремя, чтобы забрать жену и развезти нас с Зои по домам.

Начали с меня, так как это было всем по пути. На крыльце нанятого Рихардом дома стояли оба красавца и смотрели весьма неодобрительно. Ага, им можно нализаться, а мне нет? Несправедливо! Я-то это делаю раз в год по обещанию и при этом никого не обижаю. Сейчас вот уйду в свою комнату и лягу спать. Так я и поступила.

* * *

Наутро начался отбор.

Мы с трудом уложились в трое суток в Кортале, а в Элидиане, где соискателей было больше, справились за два дня, спасибо друзьям. С помощью знакомых Рика и моих подруг дело двигалось быстро, тем более что в Элидиане к такому методу подбора кадров народ был привычен. Никто не пытался рассиживаться и вести длинные душевспасительные беседы. Приходили, отвечали на вопросы, показывали по требованию свои умения и прощались. Некоторых знала даже я, а они знали меня все, если не лично, то в лицо. Презрения и высокомерия в их взглядах было на порядок меньше, некоторые со мной здоровались и улыбались.

Но это не значило, что надо отбросить все иные соображения и набирать только элидианских преподав. Классные специалисты есть везде, и гадов повсюду довольно. Я сказала об этом ректору и он согласился. Даже признал, что в прошлый раз его ошибкой было взять только знакомых, с которыми у него теплые приятельские отношения. В этот раз он так не поступит. Мы выберем тех, кого пригласим работать только после того, как просмотрим всех соискателей, а главным критерием будут профессиональные качества.

Третий день пребывания был полностью посвящен отбору. Не зря я таскала за собой все анкеты с пометками. Мы разложили их по специальностям и придирчиво обсуждали каждого. Старались избегать как слишком юных, так и слишком старых, преподамы нам нужны были молодые, боевые, те, кто захочет не просто номер отбивать, но совершенствовать учебный процесс и самим совершенствоваться.

Далеко не все выбранные оказались из Элидианы. Молва не зря утверждала, что в Кортале самые сильные боевики, в Мангре лучшие зельевары, но уже эликсирщики сильнее элидианские, так же как бытовики, защитники и пространственные маги. Каждому из нас нравились свои кандидаты, и мы хвалили их, а других критиковали.

За день успели несколько раз поругаться, чуть не подраться, наорать друг на друга раза

по три, но в конце концов сформировали такой список, что просто ах! Всем спискам список! Он нравился нам всем и никто в нем не вызывал сомнений.

У меня не было иллюзий: через некоторое время вскроются недостатки самых идеальных кандидатов, но на это придется пойти.

* * *

Пятый день вышел днем отдыха. Соледад об этом заранее знала и с утра приехала вместе с Бруно. Рихард пригласил их присоединиться к нам за завтраком и выпить чаю прежде, чем уезжать. На завтраке Конрада не было, похоже, он ушел раньше всех.

Соль сообщила, что зовет меня на пикник и пригласила ректора присоединиться. Рик отказался, он уже договорился с друзьями, но против моего участия ничего не имел против. Только сказал, что вернуться нужно до сумерек, потому что вечером мы отбываем в Шимассу. Соль пообещала ему, что к ужину привезет меня назад, и коляска покатила по широким улицам столицы, направляясь за город, в Парк Водопадов.

Очень красивое место. В бытность мою преподавателем Элидианского университета, я три раза была тут на пикнике и каждый раз восхищалась его необычной прелестью. Две небольшие речки здесь разбивались на много мелких ручейков и падали с высоты Элидского плато, прежде чем впадать в величественную Каруну. Вокруг них росли могучие старые деревья, скалы завивал плющ, а среди всей этой красоты по приказу короля были выстроены беседки, мостики и стояли удобные скамейки.

Даже зимой здесь было восхитительно, тем более что погода стояла теплая и солнечная. Бруно и Соль взяли с собой плащи, пледы, корзины с едой и винами, все, что нужно, для того, чтобы с комфортом провести время на природе.

Поначалу мы болтали все втроем, но затем Бруно нас оставил. Этот заядлый рыболов решил половить форель, которая здесь во множестве водилась.

Когда он ушел, Соль ко мне пристала:

— Марта, что у тебя там творится? Я не стала говорить при Зои, но я за тебя волнуюсь.

— Ничего особенного. Поверь, все так мирно и скучно, что даже обидно.

— Ты хотела безумных страстей? Девочка моя, это тебе не дано и не мечтай. Но я же вижу, что тебя что-то мучает?

— Соль, скажи, какие бывают браки между магами?

Она рассмеялась, но как-то горько.

— Все-таки Зои была права и ты уже сделала выбор. Что ж, это твоя жизнь. Ты хочешь знать о браках между магом и ведьмой, я правильно поняла? — я кивнула, не желая ее прерывать и сбивать смыслы, — Ну так вот: вариантов масса. Между магом и ведьмой может быть заключен самый крепкий брак из всех существующих. Называется „Единение“. Так были женаты знаменитые супруги Бастиан, Армандо и Армандина. При нем сливаются души, сознания, астральные тела и силы. Маг получает доступ к потокам энергии через тело ведьмы, а она, в свою очередь, получает все недоступные ей ранее способности мага. Их возможности возрастают в разы, продолжительность жизни тоже увеличивается для обоих. Минус тоже весьма существенный: один не может жить без другого. В разлуке страдает и быстро умирает. И кроме того, не каждый сможет жить так, чтобы каждое движение его души было известно другому. Заключают такой брак крайне редко. Не представляю, как

сильно надо любить, чтобы пойти на такое.

Есть урезанные его варианты, но и они не очень популярны. Тут нужна настоящая любовь, а она — большая редкость. Ведьмы избегают ограничений своей свободы, а маги считают безоговорочную пожизненную верность слишком большой платой за силу.

У меня был только один комментарий.

— Не поверю, что Конрад женился на Леокадии подобным манером.

Соледад со мной согласилась.

— И правильно. Остальные варианты значительно более мягкие. Между ними, скорее всего, заключен так называемый брак магов. По вашим, людским представлениям, это вообще не брак, а договорное сожительство. На срок.

— Тогда его можно в любой момент без проблем аннулировать.

Подруга покачала головой.

— Не все так просто. Ситуация зависит от договора. Он-то в любом случае магический и чтобы разорвать его до истечения срока нужно выполнить некие условия.

— Какие?

— Откуда я знаю? В каждом конкретном случае свои. Это тебе у Конрада надо узнавать. Кстати, есть отличная от нуля вероятность, что именно условия контракта не дают ему возможность с тобой объясниться.

Соль употребляет мое любимое выражение „отличная от нуля вероятность“? Все-таки и я ей что-то дала.

День прошел великолепно. Погода была теплой, почти летней. Набросив на плечи теплые пледы и укутав ими ноги, мы чувствовали себя вполне уютно и не мерзли. Бруно наловил форель, ее нам приготовили на обед в ближайшем ресторанчике и принесли туда, где мы расположились. Это было дороже, чем если бы мы просто заказали ее по меню, но муж Соль не зря был одним из богатейших людей страны: он не мелочился. Зато пикник вышел, хоть и камерным, но роскошным.

Мы вернулись примерно за час до ужина и я попрощалась с моими дорогими друзьями. Когда теперь увидимся?

За ужином я встретила обоих моих спутников. Рихард был доволен как сытый кот, а Конрад, напротив, смотрел на редкость сумрачно, но не говорил почему. Ясно было одно: он все это время провел в городе.

* * *

Вернулись в Сармион мы как раз к началу зачетной сессии, так что пришлось без разбега нырять в работу. Вольфи уже бил копытом, как застоявшийся конь. Он готов был меня подменять на занятиях, но принимать зачеты желал только у своих.

Я опять зашивалась: кроме студентов имелись еще преподаватели, которые никак не желали нормально вести отчетность. Максимум, чего от них можно было дожидаться — галочки в клеточке и подписи. К счастью, Асти вошел в мое положение и изобрел замечательный артефакт — размножатель. С его помощью можно было копировать любой документ любое количество раз. Выглядел он как сафьяновая папка с двумя отделениями. Надо было только положить в верхнее оригинал, в нижнее — не более десяти листов бумаги

и нажать на вытисненное сверху изображение пера в чернильнице. Все чистые листы становились точнейшими копиями верхней бумажки. Магией артефакт заряжался сам, его только надо было оставлять в покое на час после десяти копирований.

Так что каждый преподаватель получил в свое распоряжение готовые списки групп, где он просто галочкой отмечал сдавших, а внизу расписывался.

Наш список новых преподавателей я передала Верке и велела подготовить письма с приглашениями и весь пакет документов, включая контракты. Она разумно подключила к работе Славена и Зорко, так что через три дня готовые, подписанные с нашей стороны бумаги ушли к приглашенным, а еще через два дня зас завалили подтверждениями, подписанными экземплярами и благодарностями: вместе с контрактами преподы получили билет на портал до Сармиона и вполне приличные подъемные.

В общем, зачетная декада прошла в таких хлопотах, что я иногда поужинать и помыться забывала. Если бы не Пин, совсем бы себя запустила. Но этот зануда стоял на страже моего здоровья. Нудил, бухтел, но заставлял нормально питаться и регулярно принимать ванну.

Наконец подошел праздник зимнего солнцестояния, конец старого и начало нового года. К нему у большинства зачеты были сданы. Три дня должно было продлиться празднование, а уже на четвертый день был назначен первый экзамен зимней сессии.

По моему предмету экзаменов пока не было, только зачеты, так что Рихард подписал меня в комиссию на экзамены других преподавателей. Он реализовал идею Асти и теперь носился с ней, как с писаной торбой. Пригласил на празднование разных уважаемых магов, как из Шимассы, так и из других стран, и теперь думал, как уговорить их остаться и принять участие в тестировании преподавателей.

Тех двоих родственников Громмеля он сам и убедил, но этого было недостаточно. Рик смотался во дворец и уговорил короля сделать магам такое предложение, пригласив их к себе на прием в третий день праздников. Королю не откажут.

* * *

Я тихо радовалась, что на этот прием мне идти не придется. Отлучил меня король от своей особы? Отлучил. Так что я дома посижу, тем более, что дел невпроворот, надо к сессии готовиться. Ведомости размножить, составить график визитов комиссии к разным преподавателям так, чтобы он смотрелся случайной выборкой, да мало ли что еще!

Итак, план на праздники я составила. Последний день года — это бал, который продолжится до утра, и на нем я собиралась потанцевать. Следующий день сон и отдых, а вот на третий, когда все потащатся во дворец, я займусь ведомостями и графиком. Верку напрягать не буду: у нее экзамен на носу.

Платье для бала у меня было. Гуляя по элидианским лавкам, я умудрилась купить нечто восхитительно — элегантно нежно — сиреневого цвета. Вернее, не я купила, а Зои меня заставила. Нашла эту прелесть в магазинчике своей приятельницы, и та сделала мне огромную скидку, иначе я бы и не подумала о таком приобретении. Его заказала себе какая-то знатная дама, а затем отказалась под предлогом, что фасон ее полнит, а цвет бледнит.

Меня все устроило. Платье сидело как влитое и делало меня если не красавицей, то

очень интересной дамой. Модель называлась „Цветущая глициния“ и походило на эти любимые мною цветы. Гладкий, обливающий стан лиф и куча мелких рюшей на юбке. А когда я примерила это чудо, мои глаза стали казаться фиалковыми без всяких зелий и ухищрений госпожи Реганы.

Так что если Конрад, увидев меня в этом платье, останется равнодушным, то тогда и фиг с ним. Придется выкинуть его из головы и искать себе другого. Идея для меня слишком несерьезная, я бы даже сказал легкомысленная, но в преддверии праздника не хотелось думать ни о чем тяжелом.

В последний день года с утра я приняла зачет у последних задолжников и отпустила их славить богов. Затем обошла всю территорию, чтобы проверить, готово ли все к балу. В этот единственный день в году студенты могли приглашать сюда своих родных и невест, иначе на балу не с кем было бы танцевать. Для них в полупустом здании женского общежития были подготовлены комнаты, чтобы дамы с дороги могли умыться и переодеться.

Для уборки общежития Заруна вытребовала у Блажены студентов, специализировавшихся на бытовой магии, чему престарелая ведьма была только рада: у ребят появился случай попрактиковаться в условиях, приближенных к реальным.

Так что женское общежитие сияло чистотой и было тепло натоплено, чтобы нежные дамы не схватили простуду. Обычно здесь было холодно, как в склепе: студентки обязаны были сами о себе заботиться. В логике коменданту не откажешь: магички должны уметь себя обслуживать и постоянно в этом практиковаться.

Наша столовая снова была превращена в роскошный обеденный зал. На кухне повара гремели посудой. Судя по доносящимся оттуда запахам, праздничный обед обещал быть еще роскошнее прошлого. Я заглянула к нашему шефу чтобы спросить, не нужно ли чего докупить. Магия магией, а вкусную еду готовят руками и из продуктов.

Все было в полном порядке.

На этот раз, так как ожидался наплыв гостей, танцы устраивали в актовом зале. Я нашла в нем Конрада со студентами, они накладывали на стены, окна и дверные проемы разнообразные защитные чары. Он мне улыбнулся, помахал рукой, но не тронулся с места, а послал одного из своих мальчиков, который и доложил, что периметр школы, а также все здания и помещения, где будет проходить праздник, укрыты трехслойной защитой от пожара, вредной магии и физической агрессии извне и изнутри.

Я не поняла этот бред, но с довольным видом покивала пареньку. Надеюсь, Конрад знает, что все это значит.

Тут меня отловила Лаура и заставила заняться ведомостями ее факультета, а когда с ней разобрались, пришел Гаспар. Он такой прозаической вещью, как ведомости, не занимался, но нашел, на кого это сгрузить: вместо себя привел Либерия. Сам же подхватил мою Верку и умыкнул ее с рабочего места.

Бедолага глазами показал: видите, какой он. Пришлось и с ним заниматься.

Но после полудня я, убедившись, что подготовка к празднику идет своим чередом, ушла домой и залезла в ванну. В пять часов начнут съезжаться гости, в шесть намечен торжественный обед, а потом танцы до полуночи. В полночь все выпьют вина и съедят традиционный хлебец с сыром и пряными травами, споют гимны Доброй Матери и Мудрецу, а затем в столовой снова начнется обжираловка. Считается, что чем больше слопаешь в новогодний праздник, тем богаче будет год. И тут уж не скупятся, едят так, как будто потом им уже никогда не дадут ни кусочка.

После такого танцы уже никому не под силу: пузо перевешивает.

Я собиралась поехать на торжественном обеде, потанцевать, а после полуночи показаться возле стола и слинять. Все будут такими объевшимися и пьяными, что этого никто не заметит. А мне на этом празднике жизни откровенно скучно. Я не обжора, хоть и не отказываюсь от вкусенького.

Все так и было бы, если бы не король. На торжественный обед он не явился, у него во дворце обед не хуже. Я была уверена, что и остальные части праздника он проведет со своими придворными. А вот фиг!

Но все по порядку.

К пяти я была готова: одета, причесана и даже подкрашена. Соль подарила мне новый набор косметики и я битый час провела перед зеркалом, пытаюсь воссоздать нечто похожее на то, что сотворила Регана. Три раза пришлось стирать получившееся и начинать сначала, но на четвертый я добилась своего. Нет, на шедевр ведьмы это и отдаленно не было похоже, но я перестала напоминать размалеванную куклу, а создала нечто близкое к природе. Выровняла цвет лица, чуть — чуть подкрасила глаза, тронула помадой губы... А ничего получилось! Скажи мне кто-то еще полгода назад, что я этим займусь, я бы плюнула ему в лицо.

Прикрыла роскошь платья теплой мантией и отправилась в административный корпус исполнять свой долг.

Первый, кто мне встретился на выходе из общежития, был Зорко. Старый ветеран вытянулся во фронт и отдал честь.

— Госпожа Марта, вы ослепительны!

Потрепала его дружески по руке и побежала дальше. Надо было встречать гостей.

Рихард ар Арвиль, стоя при полном параде на крыльце главного здания, этим как раз и занимался. Увидел меня и заявил:

— Марта, иди к себе в кабинет от греха подальше. Ты такая красивая сегодня, что лучше тебя раньше времени никому не показывать.

Это он на мое модное платье намекает? И как разглядел под мантией? Да, здесь такие не носят, но мы не во дворце, мы в Школе, а маги — они такие затейники... В самые странные шмотки подчас рядятся. Я что, хуже? Но Рихард не стал развивать тему моего внешнего вида.

— Да, подготовься, на обеде скажешь речь. Что-то вроде: мы трудились, а теперь отдохнем и дальше, с новыми силами... Ну, ты сообразишь.

Я радостно потрусилась вверх по лестнице. В своем кабинете я всегда найду, чем заняться. А речь... Будет им хорошо подготовленный экспромт.

* * *

Ровно в шесть часов начался торжественный обед, который по плану должен был продлиться до восьми.

Для начала, естественно, часок ушел на речи. Выступали все подряд: Рихард, я, Лаура, несколько незнакомых магов, кто-то из преподавателей. Все поздравляли друг друга с окончанием тяжелого и трудного года. Можно подумать, новый будет легким и позволит всем наслаждаться бездельем.

Я в своей речи сказала, что мы начали работу по преобразованию нашей школы в образцовое и передовое учебное заведение и в новом году предпримем в этом направлении новые усилия и ожидаем от них первых плодов. Что уж я имела в виду, каждый был волен интерпретировать по — своему.

Весь этот треп шел под легкое вино и холодные закуски.

Наконец все наговорились и подавальщицы под предводительством главного повара вынесли закуски горячие. Я хищно нацелилась на тарталетки с грибами и только протянула вилку, как у самого уха раздалось:

— Марта, ты восхитительна сегодня.

Это точно не Конрад. Тот сидит напротив и смотрит на меня, как удав на кролика. Сложив два и два, я получила четыре: рядом со мной король Горан. Голос точно его. Что он тут забыл, хотела бы я знать?!

Чтобы не отвечать, схватила-таки тарталетку и принялась ее есть, хотя аппетит пропал напрочь. Король же продолжал, как бы отвечая на мой мысленный вопрос:

— Я сидел во дворце и думал о том, как мне скучно. У вас здесь совсем другая атмосфера. Марта, я недавно был студентом и еще помню, как здорово веселятся те, кому корона не давит голову. Вот и решил, что с вами встретить новый год будет значительно приятнее, чем с этими надутыми индюками — моими придворными.

Я подняла глаза и уставилась на говорящего: это был не Горан. Совсем другое лицо. Красивое, не спорю, но совершенно не похожее на монарха. Увидев мое изумление, незнакомец засмеялся:

— Что, не похож? Кого ты хотела увидеть, прелесть моя?

Я сказала что думала:

— По голосу я полагала, что со мной говорит Его Величество король Горан.

Он одарил меня покровительственным смешком.

— Глупенькая, столько времени живешь среди магов и все не привыкнешь к морокам и личинам. Я хотел повеселиться, а не перепугать ваших гостей своим величием. Понятно?

— Вполне.

Ну вот и отлично. А чтобы ты не задавала дурацкого вопроса о том, кто остался меня изображать во дворце, я тебе скажу: у меня целый штат таких специальных людей. Сейчас, если я не ошибаюсь, короля изображает мой второй секретарь. Незадолго до полуночи я вас покину: придется сказать поздравительную речь с трона, а это очень капризный артефакт, двойника не потерпит. Но пока я могу спокойно развлекаться, да и после полуночи вернусь сюда обязательно.

Я угукала и агакала, подтверждая, что все поняла, а сама думала, как улизнуть и дать понять Конраду и Рику, что король здесь.

Но пришлось терпеть его соседство весь обед. Зато во время танцев мне удалось оторваться. Есть традиция, что на новогоднем празднике дама не должна танцевать два танца подряд с одним кавалером, а то в новом году денег не будет. Это правило свято соблюдается, так что, после отданного (вытребованного) королем первого танца, я ловко улизнула сначала к зазевавшемуся Гаспару, а он уже передал меня с рук на руки Конраду. Я зашептала:

— Король здесь под личиной.

— Марта, я еще за столом его заметил. Неужели ты думаешь, что для мага моего уровня такая ерунда может являться препятствием?

— Ну, хорошо, тогда я спокойна, — сказала я и продолжила танец в значительно более приятном расположении духа.

Конрад передал меня Рихарду, затем я протанцевала еще с несколькими преподавателями и даже с двумя студентами, прежде чем Горан снова меня подхватил. То, что он при этом сказал, мне очень не понравилось.

— Марта, а ведь вы с Конрадом меня обманули. У тебя с ним ничего нет. Ты настолько меня боишься, или это уловка, чтобы завлечь глупого влюбленного мужчину?

Мне показалось, или в его голосе прозвучала угроза? Пришлось ответить так, чтобы и не соврать, и правды не сказать.

— Думайте что угодно, Ваше Величество. Но завлекать вас — последнее, что могло прийти мне в голову.

— Значит боишься? Или...

Ждать, пока он произнесет свои сомнения вслух, было опасно.

— Я повторю: думайте, что вам будет угодно, но ни я, ни господин ар Герион вам не лгали.

Почему я так сказала? Потому что была уверена: Конрад подбирал формулировки еще осторожнее, чем я и ничего не сказал напрямую. Он назвал меня невестой, а невеста — это понятие растяжимое. Ой! Рик же говорил, что король обязательно проверит правдивость информации.

У меня с перепуга аж голова закружилась.

Стало легче только тогда, когда за час до полуночи король ушел, правда, пообещав вернуться. Но после его ухода я уже не могла танцевать: ноги подгибались. С трудом дождавшись полуночи, я вместе со всеми выпила вино, заела ритуальным хлебцем и, когда все потащились в столовую на продолжение пира, осторожно слиняла к себе.

Пина нигде не было, скорее всего он отмечал новый год со своими соплеменниками. Так что я быстро разделась, приняла душ и забралась в постель. Чтобы не мучиться, выпила успокаивающую настойку: она не усыпляла, но притупляла тревогу. Поэтому удалось задремать, а затем и заснуть мертвым сном.

* * *

Проснулась я внезапно, как будто от толчка или резкого звука. За окном было темно, на столике горела свеча, хотя я отлично помнила, что погасила свет, но не это вогнало меня в ступор.

Рядом на кровати под одним со мной одеялом не то лежал, не то сидел, опираясь на локоть, Конрад собственной персоной. Я остолбенела: не могла ни охнуть, ни вздохнуть. Ни одна часть тела не желала повиноваться. Только глаза не могли оторваться от представшей передо мной картины.

Насчет одеяла погорячилась: мужчина был им прикрыт только до пояса, так что я могла любоваться его обнаженным торсом. Все утверждали, что Конрад некрасив? Это они его голым не видели!

Мое детство прошло в обществе трех старших братьев, не слишком стеснявшихся „мелкой“, так что обнаженных мужских торсов я привыкла не пугаться. Мои братцы, внуки кузнеца, хоть и выбрали в жизни другую дорогу, но статью все пошли в дедушку. Даже

насквозь гуманитарный Симон, никогда ничего тяжелее пера в руках не державший, отличался мощным телосложением и развитой мускулатурой. Отец у меня тоже мужчина крепкий, хоть и ученый. На их фоне Конрад мог показаться дохляком, если бы не одно но... Он был идеален. Стройное, худощавое тело с не очень широкими плечами просто приковывало к себе глаз. Под атласной смуглой кожей каждая мышца, не поражая размерами, тем не менее была прорисована, хоть в атлас анатомический копируй.

Еще в университете я столько наслышалась от девиц про кубики на животе... Мол, красивое мужское тело только по ним и узнаешь. Кстати, Альф своими очень гордился, но особой красоты я в них не видела. На животе у Конрада я увидела не кубики, скорее квадратики: они не бугрились, были плоскими, но от этого не менее четкими и говорили о силе и гибкости.

Да, если сравнивать с моими братцами... Все равно что кузнечный молот сравнить с драгоценным боевым оружием особой закалки.

Своевременно напавший на меня ступор не позволил опозориться и облизнуться на такую красоту, которая, к тому же, была непозволительно близко, только руку протяни. Я просто молчала и таращилась, не в силах вымолвить ни слова. Тишину нарушил голос Конрада:

— Прости.

Что? Прости? Мужчина оказывается со мной в одной постели и вместо признания в любви такое мне говорит?! Он совсем спятил или это я с ума сошла?

От возмущения я пришла в себя, снова получив власть над собственным телом. Это за что он прощение просит?! Если сейчас скажет, что он тут по ошибке или зашел по делам, а пуще того попробует намекнуть, что я его не так поняла, убью гада на месте. Хотя, учитывая, что он ас в области защиты, убиться придется мне. Веником.

Я села и каким-то чудом отодвинулась от Конрада на другой край кровати, радуясь, что она у меня широченная. Пытаясь успокоиться, тяжело задышала и обвела взглядом комнату. Наступил очередной шок.

Накануне я в кои-то веки поленилась и не стала убирать вещи в шкаф перед сном. Мое „глициниевое“ платье так и осталось валяться на кресле. Рядом с ним на полу притулились мужские сапоги. Ладно, пусть. На столике валялись камзол, рубаха и бархатные штаны. Тоже ничего. Не в верхней же одежде лезть на простыни. Но поверх моего платья нагло раскинулись мужские подштанники!

Это, выходит, он со мной под одним одеялом голый лежит?! Совсем! А я... Вчера я надела свою ночнушку. Она у меня красивая, с вышивкой и кружевом, длиной в пол. Но это когда стоишь. Стоит лечь в постель, рубашка начинает свое путешествие и к утру оказывается в лучшем случае на талии, а чаще всего собирается валиком под грудью.

Сейчас до утра далеко, так что она еще не забралась так высоко, но попа уже ничем не прикрыта.

Я испуганно дернула одеяло к себе, забыв, что оно у нас одно на двоих. Конрад схватил убегающий кусок ткани и не дал себя раскрыть. Соображает: сам-то под ним вообще безо всего. Затем снова повторил это идиотское слово:

— Прости.

— За что? — хрипло выдохнула я.

— Прости, я не успел тебя предупредить и действовал без твоего согласия.

Понимая, что я ничего не понимаю, он продолжил очень быстро:

— Понимаешь, после того как ты ушла к себе, вернулся Горан. Он искал тебя. Не нашел и отправился проверить, одна ли ты.

Что-то у меня не сошлось. Ключа от всех дверей Школы у короля не было.

— Он не смог бы сюда войти.

— Марта, он король и имеет право войти в любую дверь. Да, ключа у него нет, но он потребовал от Рика, чтобы тот его впустил. Рик не смог отказаться, только задержать немного. Я еле успел.

— Что ты успел?

— Прибежать сюда и погрузить тебя в глубокий сон, чтобы не волновать. Сам разделся и лег рядом, изображая, что мы любовники. Да, для правдоподобия я разбросал свои вещи и расплел твои косы.

Подняла руку, ощупывая голову. Действительно, сейчас волосы рассыпались по плечам, ничем не сдерживаемые, и уже успели перепутаться. Ужас! Я их всегда заплетаю на ночь, иначе утром мои кудри превратятся в валяную кудель, которую возьмут только ножницы.

Но сейчас это не имело ни малейшего значения. Вся ситуация напоминала какой-то кошмарный сон, от которого не получается проснуться. Он сказал „прости“, а это значит, что все, что я про него себе напридумывала — не более чем бред. Я ему не нужна. Тогда какой смысл изображать недотрогу и уклоняться от объятий короля?

Хотелось топтать, плакать и ругаться, но я молчала. Тогда Конрад снова заговорил:

— Потом ворвался король. Я специально так лег, чтобы прикрыть тебя своим телом, ему была видна только твоя макушка и пряди волос. Горан, увидел нас, не стал ругаться, просто извинился и ушел очень злой. Теперь он отстанет от тебя. Марта.

Я задала один простой вопрос:

— Зачем?

— В смысле? — не понял Кон.

— Я спрашиваю: зачем ты это сделал? Хотел мне помочь? Защитить бедную сослуживицу от домогательств короля? Зачем, Конрад?!

Он вдруг наклонился вперед, схватил меня за плечи и яростно зашептал, да так, что казалось: он орет:

— А ты не понимаешь? Дурочка, я люблю тебя! Я с ума по тебе схожу! Мне никто, кроме тебя не нужен! Я жизни не мыслю без тебя! И не допущу, чтобы развратный мальчишка ради своей прихоти сделал тебя несчастной!

Сказал-таки! Выговорил! От облегчения я закрыла глаза и стала вдруг заваливаться назад, сама не зная почему. Так как Конрад все еще держал меня за плечи, он опустился прямо на меня, но не стал этим ограничиваться, а впился в мои губы таким поцелуем, что я тут же забыла, как он меня целовал, стремясь излечить от магии короля.

Я вообще обо всем на свете забыла. Голова отключилась напрочь, а ведь я всегда была уверена, что она этого не умеет. Я самозабвенно целовалась с Конрадом ар Герионом, совсем забыв о том, что мои волосы могут спутаться, а рубашка непристойно задралась до талии. Даже начала тереться об него и потихонечку мурлыкать от удовольствия, как кошка.

Вдруг он отстранился и хриплым от возбуждения голосом произнес:

— Марта, нам нужно серьезно поговорить.

Он с ума сошел? Какие разговоры? У меня сейчас кроме мурчания и рычания никаких связных звуков не получится. Я приподнялась на локтях и потерлась лицом о его грудь,

затем снова уронила на себя, чтобы оплести руками. Все это происходило на сплошных инстинктах, без участия мозга. Только изумленный наблюдатель где-то на самом дальнем чердаке сознания лицезрел мое нетипичное поведение и изумлялся.

Я выдохнула Конраду прямо в ухо:

— Потом... Все потом...

И наши губы снова встретились.

В следующий раз я вынырнула из пучин сна, когда было уже утро. У меня под ухом мерно тикал будильник. Будильник? Откуда? Открыв глаза, я поняла, что слышала биение сердца Конрада. Он спал, прижав меня к своему боку, а я уложила щеку у него на груди и прижала к ней ухо.

Вот он, будильничек мой! Что я там себе напридумывала? Долг, честь, самоуважение? Готовила в уме целые речи, собиралась выдвигать требования... Дура бестолковая! Мое тело оказалось умнее меня. Стоило оказаться рядом с этим мужчиной и услышать, что он меня любит, как вся шелуха слетела. Мои шибко умные мозги просто взяли и отключились, зато проснулись инстинкты, о которых я даже не подозревала.

Я ведь не невинная девушка и наивно думала, что знаю кое-что о физической близости. Глупая! То, что у меня было с Альфом или с Лоренцо не может называться одним словом с тем, что произошло сегодня ночью. Это нельзя охарактеризовать словом „хорошо“, это было волшебно, фантастически, феерично!

Теперь мне все равно как, я просто хочу быть с ним рядом. Чтобы каждую ночь вот так, забывая обо всем на свете, растворяться в наслаждении.

* * *

Я подняла глаза: мой мужчина спал. Во сне суровая поперечная складка на лбу разгладилась, лицо помолодело. Я протянула руку и провела пальцем, обрисовывая темную бровь. Ресницы дрогнули и на меня уставился внимательный черный глаз.

— Марта. Моя Марта. Доброе утро, любимая.

Я потерялась лицом об его грудь.

— Доброе утро.

Я очень боялась этого момента. Боялась, что он снова скажет „прости“ и уйдет. И тогда только в омут головой. Но он смотрел на меня ласково, назвал любимой и я вдруг всей душой поверила, что могу быть с ним счастлива.

— У тебя все волосы спутались, — раздался его голос, — Давай разберу.

— А ты сможешь? — не поверила я своим ушам.

— Магией? Конечно. Только сядь, пожалуйста.

Я села, стыдливо придерживая одеяло у груди, хотя стыдиться было уже поздно, и незаметно пощупала свои кудри. Кошмар! По моим понятиям даже магии с этим не справиться. Конрад одним слитным движением переместился мне за спину, между делом чмокнув между лопаток. Ой, не надо так! Мы же сейчас бросим мои кудряшки и начнем все сначала, а тогда меня останется только выбрить налысо.

Он это понял и не стал продолжать. Наоборот, немного отодвинулся и сделал что-то, от чего волосы на моей голове сами пришли в движение. Я боялась пошевелиться, чтобы не

помешать магическому действию.

Вот тогда-то он и заговорил.

— Марта, я, наверное, дурак. Надо было раньше... Но я и надеяться не мог. Не мог поверить, что ты выберешь меня.

Это меня удивило.

— Почему? Ты мне с самого начала был симпатичнее остальных. Разве ты чем-то их хуже?

Он горько усмехнулся.

— По моим понятиям нет. Во многих отношениях я даже лучше многих. Только... До сих пор ни одна женщина этого не ценила. Марта...

— Что?

— Я тебе действительно нравлюсь? Ну хоть немножко...

Немного? Да я от него улетаю просто! Никогда не думала, что мужчина способен вызвать во мне такую бурю. Мне нравился Рик и Горан меня волновал, но я уверена: такого я не смогла бы испытать ни с кем другим, кроме Конрада.

Когда-то я сказала Соль, что люди преувеличивают то наслаждение, которое дает близость. Она надо мной посмеялась, сказав: „Ты просто еще не встретила своего мужчину“. Сейчас я поняла, что она имела в виду.

Но как это выразить в словах? Вместо ответа я вдруг прикрыла глаза от удовольствия и заурчала как кошка. Затем все же собралась с силами и произнесла:

— И совсем не немножко...

Я ждала, что он меня сейчас обнимет, а услышала испуганное:

— Марта, я все разобрал по волоску, но получилось как-то странно.

Я дотронулась до волос и, забыв про все, в панике вскочила с кровати. Подбежала к зеркалу и простонала:

— О нет!

Вокруг моей головы стояло золотистое облако. Огромное! Произошло то, с чем я всю жизнь боролась: моя голова превратилась в гигантский одуванчик. Своей магией Кон действительно разобрал все по волоску и теперь каждый из них жил свое собственной жизнью, стараясь встать строго перпендикулярно к месту, откуда рос. А если вспомнить, что волосы у меня не короткие...

Это катастрофа!

За моей спиной выросла фигура Конрада. Ой! Только сейчас я обратила внимание на то, что на мне ничего нет. Он положил ладони мне на бедра и выдохнул прямо в гущу пуха на моей голове:

— Золотинчик мой... Одуванчик.

Ему нравится это безобразие? Поверить не могу! Я вывернулась и бросилась в ванную. Голову мыть. Насколько мне известно, это единственное средство от моей беды.

Под струями воды мы оказались вместе.

— Марта, прости, я не знал, что так получится. Не сердись.

Не сердись? Он с ума сошел? С какой стати я стану на него сердиться? Ну не знал человек, что бывает с моими волосами, если их расческой расчесать... Я сама виновата: не предупредила. Зато так приятно прижиматься к нему и чувствовать, как я для него желанна.

Очень надеялась на повторение того, что было ночью. Но Конрад оказался просто кремень! Сказал: нам надо серьезно поговорить, и не стал отвлекаться, хотя, видят боги, для

него это было непросто.

Стоило нам выбраться из ванной, как он обернул мою голову полотенцем, заставил меня надеть халат, залезть в постель и укрыться одеялом, а сам натянул свои знаменитые подштанники, рубашку, набросил на плечи камзол и устроился напротив меня в кресле.

На мой недоуменный взгляд ответил твердо:

— Марта, если мы сейчас не поговорим, то, видят боги этого мира, не поговорим уже никогда. Я не сдержусь и сделаю тебя своей окончательно и бесповоротно, хочешь ты этого или нет. Но это неправильно. Ты свободная женщина, а не рабыня мага. Я не хочу лишать тебя выбора. Поэтому сейчас ты меня слушаешь, а все остальное потом.

О каком выборе он говорит? Я свой уже сделала. Вот он, мой мужчина, сидит напротив меня. Если для него это все так же, как для меня, то... Остались несущественные детали. Я смотрела на него во все глаза, ожидая, что еще он скажет.

— Ты удивлена, моя девочка?

— Конрад, я не понимаю, о чем ты сейчас говоришь.

Он взял меня руками за плечи и заглянул в глаза.

— Марта, мне не нужна любовница. Мне нужна жена. Настоящая. На всю жизнь. И если ты сейчас скажешь да, обратного пути не будет.

Не поняла: он меня пугает? Судя по продолжению, да.

— Тут много сложностей: я не могу жениться на тебе прямо сейчас, как бы мне ни хотелось. Меня подобная ситуация очень напрягает, но дело даже не в этом. Если ты решишься и дашь мне согласие, я как-нибудь разберусь.

Ничего не поняла, кроме того, что он очень взволнован. Я, между прочим, тоже, и сейчас меня могла бы успокоить только железная логика. Или хотя бы ее подобие.

— Кон, давай по порядку, а то у меня голова кругом. Ты не можешь на мне жениться прямо сейчас, но хочешь, чтобы я тебе дала принципиальное согласие? Так?

— Именно так. Как хорошо с тобой разговаривать! Ты все понимаешь и раскладываешь по полочкам.

— Хвала богам, я все поняла. Я согласна.

— Что?

— Конрад ар Герион, ты предложил мне стать твоей женой и я отвечаю: да! Мое принципиальное согласие ты имеешь.

Он как будто испугался.

— Подожди, Марта, ты еще не все знаешь. Я должен тебя предупредить.

— О чём? Ты во сне храпишь и лягаешься? Ты содержишь гарем из наложниц? У тебя где-то там есть семеро детей? В чем трудность?

Меня в очередной раз обняли и расцеловали везде, куда достали.

— Ничего подобного. Марта, я не хочу тебя потерять. Никогда, ни при каких условиях. Поэтому предлагаю заключить магический брак. Ты, наверное, слышала, он называется „Разделение жизни“ или „Разделенная жизнь“.

— И в чем дело? Ничего не имею против.

Он так удивился, как будто я сказала, что с удовольствием прыгну вниз головой с самой высокой скалы Драконьего хребта.

— Девочка, ты просто не все знаешь. Ты, наверное, слышала, что маг и обычная женщина могут заключить такой брак и тогда женщина проживет столько, сколько ее муж. Да?

— Примерно. А это не так?

— Так. Поэтому я и настаиваю. Я не хочу видеть, как ты стареешь и умираешь у меня на руках. Я хочу, чтобы мы всегда были вместе, всю мою жизнь. Но... На самом деле мало кто из женщин идет на такое. Ты должна знать, прежде чем принять окончательное решение, — тут он резко выдохнул, как будто на него вылили холодную воду, — Марта, это неравноправные отношения.

Он думает, у обычной женщины с магом вообще могут быть равноправные отношения? Хотя... Пусть выскажется до конца.

— В чем неравноправие, Кон?

— Ты никогда не слышала о магическом браке под названием „Единение“?

— Слышала. Так были женаты супруги Бастиан, — озвучила я новое, недавно полученное от подруги знание.

— Отлично. Тогда мне легче будет объяснить. При Единении силы мага и ведьмы объединяются и оба супруга в этом союзе становятся абсолютно равными партнерами. А Разделение — дело иное. У обычной женщины нет магического дара, и муж отдает ей часть своих сил, делится с ней.

— Магией?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, дорогая, это невозможно. Как бы тебе объяснить...

Такой отличный преподаватель, а простую вещь объяснить затрудняется. Попробую ему помочь.

— Кон, давай в применении ко мне. Если мы поженимся так, как ты предлагаешь, сколько я проживу?

— Ну, за сто пятьдесят лет я отвечаю. Может и больше.

— Ты со мной поделишься, значит, сам проживешь меньше, чем мог бы?

— Незначительно. Так цифра была бы двести. Недорогая плата за счастье, не находишь?

Тут я с ним даже спорить не буду. И так много получается, а тянуть одинокую тоскливую жизнь... Оно того не стоит. Я кивнула, чтобы подтвердить согласие, и затем задала следующий вопрос:

— А здоровье, молодость? Ты выглядишь лет на тридцать, а сам...

— Старше твоего папы? Если мы соединим наши жизни, твоя молодость продлится тоже. Я как-нибудь сумею поддержать твое здоровье и внешний вид, чтобы они радовали меня как можно дольше.

Пока все отлично. Чем он меня пугать собрался?

— Кон, а в чем подвох?

Он произнес так торжественно, как будто объявлял о похоронах:

— Во — первых, ты не сможешь мне изменить. Никогда.

Пожала плечами:

— Я как бы не собиралась. Ты меня полностью устраиваешь. А ты?

— Что я? Смогу ли тебе изменить? Тоже нет. Но мне и не надо.

А мне, можно подумать, просто необходимо. Так, проехали.

— Отлично. Давай дальше. Пока никакого катастрофического неравноправия я не заметила.

— Я всегда смогу прочесть твои мысли, а ты мои — только если я того пожелаю.

— Что, так и будешь их читать? Денно и ночью?

— Нет, зачем? Это тяжкий труд. Но в принципе...

Напугал ежа голой задницей! Если это не круглосуточно и автоматически, то большого значения иметь не может.

— Тогда и это не проблема. В принципе мы много чего можем сделать, однако же не делаем. Ты человек порядочный, я тебе доверяю. Но я же вижу, что главный ужас ты мне пока не назвал.

Он вдохнул поглубже. Как будто нырять собрался. Затем выдохнул — и нырнул. Сказал то, что боялся произнести.

— Марта, сказки часто заканчиваются словами: „Они жили долго и счастливо и умерли в один день“. Для Разделения это не метафора. Я имею в виду умереть в один день. Когда я умру, ты умрешь тоже. Даже если это произойдет не через сто пятьдесят лет, а через год. — Погоди! А если умру я...

— То со мной ничего не случится.

Ага, вот в чем таилось ужасное неравноправие. Плохо, конечно, но с другой стороны... Надо уточнить:

— А как я умру? Как-нибудь мучительно?

Вопрос удивил Конрада до того, что он не сразу ответил.

— Нет. Просто в тот момент, когда моя жизнь отлетит, твоя тоже закончится. Ты упадешь мертвая в том месте, где будешь на тот момент находиться.

Сказал и уставился на меня, ловя выражение ужаса и неприятия. Ха! Размечтался от меня избавиться один такой!

— Ну что ж. Я вижу один выход: постарайся прожить подольше, только и всего.

Он неуловимым движением переместился с кресла на кровать рядом со мной, обнял, прижал к себе так, что у меня ребра затрещали. Я робко пискнула:

— Кон, мне больно!

Тиски слегка разжались, но только слегка. Зато всю мою мордашку покрыли поцелуями в три слоя.

— Прости, мое счастье, но скажи еще раз: ты согласна? Ты готова пройти ритуал и соединить свою жизнь с моей? Ведь я не...

Не поняла, он хочет на мне жениться или пытается всеми силами этого не допустить?

— Конрад, если ты сейчас начнешь мне рассказывать про свои ужасные недостатки, я тебя просто укушу!

Этого заявления он не вынес. Захохотал и повалил меня на кровать. Мы возились, как щенки в коробке, тискали друг друга, пока это безобразие логически не перешло в то, во что и должно было. Я снова убедилась: от этого мужчины у меня весь чердак куда-то улетает. Мыслей не остается вообще, одни чувства, но такие яркие!

Я всегда считала себя холодной, малоэмоциональной особой и сейчас убеждалась: глупости это все. Права была Соль: когда пришел мой мужчина, как будто тайная кубышка открылась и оттуда хлынуло то, что много лет таилось под спудом. Сама себе диву давалась: куда пропала скромная девушка, воспитанная на приличиях и правилах? Я не только принимала ласки Конрада, я сама его ласкала самым неожиданным для себя образом. Ни робости, ни стеснения не чувствовала, шла за собственным телом, которое само подсказывало действия.

Когда же в мою внезапно опустевшую голову случайно забрела мысль, что мама мое поведение не одобрила бы, я начала истерически хихикать и Конраду больших усилий

стоило меня успокоить и вытянуть, что же все-таки меня рассмешило. Когда я поведала ему о моих несвоевременных мыслях, он тоже развеселился. Это не помешало нам продолжать любовные безумства до тех пор, пока мы оба, удовлетворенные и обессиленные, не откинулись рядом на подушки.

Когда ленивая истома немного схлынула, я спросила:

— Кон, а почему ты так странно со мной себя вел? Отстранялся, делал вид, что я тебе безразлична? Почему?

Он приподнялся на локте и заглянул мне в глаза:

— Ты действительно так думаешь? Меня Рик загрыз: по его словам, все вокруг уже знают о моих чувствах, а я все тебе признаться боюсь. Он не верил, что ты ничего не замечаешь, уверял, что все в Школе мне сочувствуют. Все хотел понять, какую игру ты ведешь. Но я был уверен, что ты не играешь.

Ой, надо же! А я действительно ничего не видела. Удивительно, неужели я такая слепая курица, что позже всех сообразила, и то, когда носом уткнулась? Никак не могла понять, нравлюсь я ему или он относится ко мне как к сослуживцу. Еще это мое воспитание...

Тут я вспомнила как несколько минут назад стонала и извивалась в его объятьях, совершенно не заботясь о приличиях. Да и сейчас... Лежу голая и рассуждаю. Нет, благодетельная девица из меня решительно не получилась!

Но выяснять подробности надо продолжить. Как бы я не стеснялась спросить про Леокадию, жизненно важно выяснить, когда мы наконец сможем совершить обряд, чтобы быть вместе. Я молчала, пытаюсь сформулировать вопрос, который бы не смущал меня саму, но в то же время напрямую касался нашего совместного будущего.

Но озвучить его мне не пришлось. Конрад понял, что меня может интересовать, а может быть это его самого сильно беспокоило, не знаю. Но только он постарался укутать меня одеялом, так как в комнате было довольно прохладно, а затем зашептал в самое ухо:

— Марта, любимая моя, ты сможешь подождать? Сейчас я связан по рукам и ногам и не могу на тебе жениться. Глупо такое говорить, обычно девушки слышат это от проклятых обольстителей, которые собираются бросить бедняжек. Но в данном случае это всего лишь констатация факта.

Ну вот мы и добрались до действительно важного.

— Ты говоришь о своей жене? Меня поставили в известность, что ты женат на ведьме по имени Леокадия, — предупредила я возможные вопросы.

Кажется, я ткнула в самое больное место. Он вдруг весь напрягся, взгляд стал жестким и одновременно тревожным.

— Тебе также сказали, что она меня бросила? Понятно. Вернее, непонятно. Ты удивляешь меня, Марта. Ты все знала и все-таки не задала ни единого вопроса, когда я внезапно...кхм... появился в твоей постели.

Он не спрашивал, он констатировал, поэтому я не сочла нужным ответить. Разворачиваться и вылезать из одеяла, чтобы пожать плечами, я не стала. Просто похлопала глазами: другие телодвижения сейчас были мне недоступны.

Но он не унимался:

— Почему? Скажи, почему ты так спокойно на меня смотрела? — Наверное потому, что уже отчаялась привлечь твое внимание не как коллега, а как женщина. А тут увидела и впала в ступор. Про твою жену я в тот момент просто забыла. Мне было все равно. Честно.

— А сейчас не все равно?

Да меня в здравом уме и твердой памяти это всегда волновало. Это только когда крыша улетела, о таком забываешь.

— Ты сделал мне предложение и я его приняла, разве не так? Все, что мешает нам быть вместе, не может не вызывать беспокойства. Ты сказал, что нужно подождать. Я могу, но хочу знать: сколько ждать придется и чего конкретно.

— У нас с Леокадией брак магов. Это не сакральное действие, это договор.

Я вспомнила, что по этому поводу говорила Соль и спросила:

— На срок?

Он недовольно засопел, или мне показалось?

— Бессрочный и с довольно сложным механизмом прекращения. Понимаешь, когда мы с ней его заключали, я не предполагал, во что это выльется. Я вообще хотел жениться на ней полным обрядом, чтобы не разорвать. Влюблен был как идиот и не видел очевидного: я для нее был убежищем, пристанью, где она пережидала бурю над своей головой.

Я не хотела ничего знать о Леокадии, кроме условий прекращения брачного договора, поэтому нетерпеливо перебила Конрада:

— Так все же каковы условия разрыва?

— Я же говорю: сложные. На договоре три печати. Магические. Первая скрепляет союз, две вторых нужны для того, чтобы его аннулировать. Когда Леокадия сбежала, я активировал вторую печать. То есть запустил механизм разрыва. Знаешь, маги — большие формалисты. Число семь — сакральное в магии. Третья печать активируется, если за семь лет она не вернется. Три года уже прошло.

Осталось ждать четыре года? Не самое плохое известие, но и не самое хорошее.

— А если вернется? Она ведь может?

— Если она вернется, возможно несколько вариантов развития событий. Первый: мы с ней достигаем соглашения и вместе активируем третью печать. В ту же минуту наш брак будет расторгнут без возможности восстановления.

В этот исход верилось слабо. Если Леокадия готова была отказаться от Конрада окончательно и бесповоротно, то уже давно могла так поступить. Вряд ли Конрад стал бы ее удерживать, не тот человек. А вот если она желает его сохранить на черный день, тогда ее поступки понятны.

— А если она захочет тебя вернуть?

— Ей это не удастся. Чтобы отменить активацию процесса, ей пришлось бы... Ну... В общем...

— С тобой переспать.

— Верно. Но это ей не удастся. С сегодняшнего дня я собираюсь спать только с тобой. Вот.

Кто-нибудь мне скажет, почему я от этих слов стала тихонько мурлыкать?

— Марта, если Леокадия откажется подтвердить развод, просто придется ждать еще четыре года. К сожалению, пока договор в силе, я не смогу ни провести обряд Разделения жизни, ни даже просто сходить с тобой в храм Доброй Матери.

— А все остальное он тебе делать не мешает? — съязвила я, хотя было понятно и так: ни капельки.

Конрад радостно хмыкнул:

— Как ты могла заметить, на все остальное запрета нет.

И неведомая сила снова бросила нас друг к другу. Никогда не думала, что смогу с таким

самозабвением заниматься любовь с чужим мужем да еще в доме, где к нам в любую минуту могут войти. Как будто неслась над морем на огромной волне. Она нахлынула, затем отступила, оставив меня валяться на берегу без сил, но счастливую и довольную.

Я опомнилась только тогда, когда сквозь дрему услышала ворчание Пина:

— Ишь, разлеглись. А завтракать кто будет? Хотя какой сейчас завтрак? Сейчас самый обед.

— О тебе заботится, — шепнул Конрад, — На меня-то ему плевать. Но запахи из столовой раздаются убойные. Так что давай вставать.

* * *

Пин не стал надрываться, просто добыл на кухне остатки вчерашнего и разогрел, чуть улучшив специями. Ну и молодец, незачем переводить продукты, когда их уже перевели более чем достаточно. Судя по его ворчанию, тем, что осталось от торжественного пиршества, можно еще неделю кормиться всей школой. Традиция.

Конраду пришлось одеться в то, в чем он был вчера, а я убрала красивое платье в шкаф, сама же надела простенькую домашнюю юбку с блузкой. Пока убирала и переодевалась, наслушалась, какая я была вчера красивая. Во время бала Конрад не решился сделать мне комплимент, зато теперь его как прорвало: разливался соловьем. Так непохоже было на мрачного, сурового мужчину, которого мы привыкли видеть в школе, что я только диву давалась. Интересно, это он теперь таким будет всегда и везде, или только со мной и для меня?

После завтрака стали решать, как теперь все будет. Замуж пока нельзя, но это не причина, чтобы не быть вместе. Вот только как к этому отнесутся остальные? Я имею в виду и студентов, и преподавателей.

Конраду на общественное мнение было глубоко плевать, но он понял, что для меня это важно, и принялся уговаривать:

— Марта, родная моя, для магов наш союз — это самое нормальное и естественное, что может быть. Никто худого слова не скажет и косых взглядов тоже не будет. А если тебя что-то смущает, можем отпраздновать помолвку. Вот! Идея! Помолвка — это то, что надо.

Это он неплохо придумал. Помолвка даже для моей мамы может стать аргументом. Длиться она может сколь угодно долго, но зато для всех родственников я стану пристроенной. У меня есть жених. Четыре года, дни которых будут посвящены работе, а ночи — любимому мужчине, пролетят незаметно.

Я согласилась. В Школе помолвку можно отпраздновать по окончании сессии, а для родни устроить что-нибудь в летние каникулы. Конрад легко на это согласился. Спросила, как его родственники отнесутся к его помолвке при живой жене. Ой! Я, кажется, ткнула пальцем в больное место. Надо было промолчать и не спрашивать. Но раз уж спросила...

— Конрад отвечать не хотел, но и промолчать счел неправильным. Помрачнел и выдал:

— Если ты действительно хочешь это знать, я расскажу про свою семью. Иначе тебе будет непонятно.

С одной стороны, эта тема была ему неприятна, но с другой... Если мне суждено войти в его семейство, то лучше все плохое знать наперед. Авось я тогда сумею с этим справиться. Так что я попросила рассказать.

Он кивнул и надолго замолчал. За это время Пин успел поменять намере­ду на горячий чай с пирожками, а меня боднуть в локоть и шепнуть на ухо так, чтобы никто не слышал:

— Что-то тут нечисто.

Я и сама это понимала. Ар Герион — знатная фамилия, это тебе не простецы Аспены, которым и скрывать-то нечего. У них дохлых собак по всему огороду должна быть туча зарыта. Но какое это может иметь отношение к Конраду? Он маг, а практикующие маги, насколько я помню, уже давно выделились в отдельное сословие и живут по своим законам. Или я что-то упускаю?

Он начал издалека:

— Марта, знаешь ли ты магическое законодательство?

Откуда? Я не маг, нас таким тонкостям не учат. Так ему и сказала.

— Понимаешь, если маг не достиг в своем развитии высот и не получил степени магистра, он принадлежит той стране, откуда он родом. Рядовые маги платят взносы в Валариэтан, но полноправными гражданами не являются. Могут рассчитывать на защиту и приют в сложных случаях, но и все. Стоит магу получить степень магистра, он автоматически становится полноправным гражданином Валариэтана со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я не просто магистр, я архимаг.

— То есть ты теперь не подлежишь юрисдикции своей родины. Я правильно поняла?

— Совершенно верно. Только, получив гражданство Валариэтана, я потерял право на титул моего так называемого отца.

Я наострила ушки. „Так называемого“? Так они не родные? Или у них просто плохие отношения?

— Знаешь, Марта, в то время как в твоём родном Лиатине с магами боролись, в Герионе с ними поступали иначе. У нас все знатные роды владеют магией на приличном уровне, но... Ты когда-нибудь слышала о магической школе Гремона?

— Никогда, — честно призналась я.

Вот именно. И вряд ли услышишь. В моей стране магия остается достоянием семей, у нас очень развиты два направления: боевые заклинания и охранные, но у каждого семейства они свои, уникальные, ими не принято делиться. Для аристократии, которая охраняет свои замки и ведет боевые действия, это важно, но в обыденной жизни совершенно бесполезно. Классической же магией мало кто владеет. Учиться в другие страны едут те аристократы, кто является младшим сыном в семье и не может претендовать ни на титул, ни на земли, или бастарды знатных родов. Это помогает им повысить свой статус и занять в обществе достойное положение, но зачастую где-нибудь далеко от родины. Правда, есть те, кого после получения звания архимага семьи готовы признать. Например Рихард — бастард. Его отец не захотел поддерживать незаконного сына. Зато теперь, когда Рик всего добился сам, семья его признала и готова считать своим членом. Не совсем полноправным, но все же.

Про Рихарда я все давно знаю.

— К какой из этих групп относишься ты?

— Ни к какой. По закону я старший сын своего отца, вернее, того, кто им считается, графа ар Гериона, побочного сына герцога фар Гериона.

— Знатный мужчина мне достался! — хихикнула я и тут же убрала с лица улыбку. Для Кона все это было не смешно.

— Ну так вот. Это по закону. А на самом деле мой отец — король Губерт. Не

актуальный Пятнадцатый, а предыдущий, под номером четырнадцать.

Ой, Марта, держись. Ты куда-то не туда попала. Связалась с братом короля, не шуточки. Одна радость — король не местный. Лучше бы мне этого не знать, спокойней спала бы. Хотя мама, если дознается, будет в полном восторге, она всегда хотела меня выдать за благородного.

Заметив мои круглые глаза, Кон тут же переместился поближе и прижал меня к груди:

— Девочка моя, не пугайся. Ничего в этом страшного нет. Если не захочешь, можешь вообще с моей родней не общаться. Я их вижу раз в несколько лет и ничего. Да и до нашего бракосочетания мы в Гремон не поедем. Зачем портить себе настроение?

— Ты хочешь сказать, меня не примут?

— Примут, не примут... Я не хочу этого даже проверять. Со свершившимся фактом им в любом случае придется примириться. Вообще, с тех пор, как я совершенно сознательно и добровольно отказался от прав наследования, мои родные смотрят на меня как на взрывное устройство, которое по ошибке занесли в комнаты.

Взрывное устройство?! Это у меня сейчас мозг взорвется!

— Кон, пожалуйста, с самого начала и по порядку. Про меня ты все знаешь, да там и знать нечего, а ты у нас весь такой загадочный... Поверь, я не проболтаюсь, что бы там ни было.

— Марта..., — он погладил меня по волосам и прижался лбом к моему темечку, — Наверное ты права. Ты имеешь право знать все о том, за кого так неосмотрительно собралась замуж.

Это почему неосмотрительно? По — моему, я в нем не ошиблась: хороший человек, порядочный. А что характер не сахар, так у меня тоже не мед. Главное, мы с ним разумные люди, всегда сможем договориться.

Я подвинулась поближе и попросила:

— Рассказывай.

Бывает так с вынужденными молчунами: стоит им разговориться и уже не остановить. Сначала Конрад на каждом слове запинался, пытаясь как-то смягчить выражения, а потом разошелся и речь потекла ручьем. История вышла длинная.

Началось все с его матушки, прекрасной Мелиссы. Она была из обедневшего, но фантастически древнего рода, к тому же очень красивая. Других имеющих хождение в обществе ценностей в ее семье не оказалось, поэтому для возрождения былой славы и влияния решено было представить красавицу ко двору. Ее родители костью ради этого легли, но наскребли на пристойное платье и получили приглашение.

Король Губерт, как я поняла, был что-то вроде нашего Горана: бабник. Но Горан пока как вольный конь гуляет, а у Губерта имелась жена, королева Гризельда, которой он боялся как огня. Это не мешало королю регулярно изменять супруге. Родители прекрасной Мелиссы подгадали и представили ее тогда, когда Гризельда удалилась на воды.

Дальше история утверждает, что король обольстил юную красавицу. Я сомневаюсь. Губерт был уже немолод, хотя, как сильный маг, не выглядел на свои лета. Думаю, девушку пригласили в королевскую постель в приказном порядке и она не смогла отказаться. Когда же выяснилось, что она беременна, возникли сложности. Почему именно в этот раз Губерт не принял мер предосторожности или они не сработали, остается только гадать.

Родители девушки, подсунувшие ее в постель короля, выпустили из виду, что Гризельда очень сильно возражала против бастардов. Настолько, что забеременевшая от короля девица

могла считать себя трупом. Сама королева родила двух дочек и сына и считала, что детей у короля вполне достаточно. Если бы она узнала или хотя бы заподозрила, что ребенок у Мелиссы от Губерта, ни ее, ни ее семейства не осталось бы в живых.

Когда это дошло до всех участников, начался переполох. Губерт не был последней сволочью и решил позаботиться и о девушке, и о ребенке. Он выдал ее замуж за внебрачного сына своего близкого друга. Парень, которому не на что было рассчитывать, кроме благотворительности, получил собственный графский домен с титулом и молодую красавицу — жену с приплодом. Условием было: вырастить из того, кто родится, достойного наследника графства Герион.

Конрад честно признался:

— Мне не на что пожаловаться. Гюнтер, муж моей матери, честно выполнял по отношению ко мне свой долг. Король сделал хороший выбор: они до сих пор любят друг друга и счастливы вместе. Моя нянька говорила, что поначалу это было не так, но я этих времен не застал. У матери отличная, крепкая семья, у них с Гюнтером кроме меня еще пятеро детей: два сына и три дочери, мои сестры и братья. Только я в нее никаким боком не вписываюсь.

С раннего детства у него прорезались способности к магии. К этому в родовитых семействах относятся нормально: обучают деточек и дальше именно на магических способностях зиждется власть знати. Простые люди просто не могут не повиноваться тем, кто способен одним движением пальцев их уничтожить.

Наверное поэтому наш Лиатин в свое время откололся от Гремона и пошел по пути запрета на магию. Туда сбежались знатные, лишенные дара.

Но продолжим о Конраде. Он демонстрировал недюжинные способности с самого нежного возраста, а еще очень любил учиться. Как видно, Гюнтер увидел в этом путь к тому, чтобы убрать из семьи того, кто напоминал ему о том, что он не был первым у своей обожаемой жены. Конрад не был в обиде, он реалистично смотрел на ситуацию и понимал: на месте Гюнтера он тоже об этом бы думал.

Но пока был жив король Губерт, все оставалось на своих местах. Домен был дан Гюнтеру ар Гериону с условием вырастить королевского бастарда как своего наследника, и он это условие свято исполнял.

У Конрада всегда было все лучшее: еда, одежда, оружие, кони, книги, учителя. Магический его дар оказался на редкость ярким, он быстро овладел родовыми заклинаниями Герионов. Еще будучи мальчишкой единолично занимался защитными чарами главного замка и домов, принадлежавших ар Герионам в разных городах страны. Он даже нарушил негласный запрет, существовавший в дворянской среде, и стал пользоваться магией в повседневной жизни: разжигал огонь, копировал письма, убирал свой кабинет, чтобы не допускать туда любопытную прислугу. Но никто не обратил на это внимания, кроме родных, а они по определенной причине не собирались ему препятствовать.

Кстати сказать, стоило Конраду немного подрасти и Гюнтер наложил строгий запрет на его выезд из замка или поместья. Семья ездила в столицу, так как новоявленный граф должен был являться при дворе, но Кона никогда с собой не брали. Он и не настаивал: дома было интереснее. А вот почему это так происходило, он узнал вскоре после того, когда закончил учебу. Учителя склонились перед ним и сообщили, что передали молодому виконту все свои знания. Если он хочет узнать больше, в мире существуют академии и университеты. Он поблагодарил их и задумался. Ему предстояло официальное объявление

наследником, после которого никаких академий ему уже не светило: придворная или армейская карьера, никак иначе.

Вскоре, чуть ли не через декаду, скончался король Губерт. И практически сразу после этого Гюнтер призвал к себе того, кто считал его отцом, и объяснил, как все обстоит на самом деле. А еще показал портрет Губерта и предложил сравнить с ним себя в зеркале.

Если с профилем на монетах Конрад никак не мог себя соотнести, то портрет анфас его убедил: одно лицо. Можно не искать других доказательств. А он еще всегда удивлялся, почему отец так с ним холоден, хотя сестер и братьев просто обожает. Теперь все стало ясно. Понятно стало и то, что родители никогда не возили сына ко двору: там его сходство с королем не прошло бы незамеченным и могло послужить причиной гибели всей семьи.

— Я сам предложил Гюнтеру выход: я уезжаю учиться в Элидиану, чтобы стать знаменитым архимагом. Уезжаю навсегда. Отказываюсь от титула и прав наследника дома ар Герион в пользу брата. Это было не столько благородство, в котором ты меня подозреваешь, сколько инстинкт самосохранения. У нового короля Губерта Пятнадцатого были только сестры. Бастард его отца в общем раскладе мог стать разменной монетой в заговоре против короны. Поэтому не прошло и года, как я перебрался в Элидиану и с тех пор приезжаю к родным не чаще раза в три года и не дольше чем на декаду.

В Элидиане вдруг выяснилось, что прекрасная подготовка, которую ему дали в Гремоне, на самом деле мало чего стоила. Тамашнее образование для знатных оказалось очень поверхностным и однобоким, а книги, которые он штудировал — устарелыми. Прежде, чем поступить в университет, магии ему пришлось учиться с азов, и не только магии.

Гюнтер, благодарный за то, что наследником стал его родной сын, не оставил пасынка и регулярно высылал тому щедрое содержание. В результате годы учебы в Элидиане стали для Конрада самым счастливым временем.

Уже поступив в университет, он познакомился и подружился с Рихардом ар Арвилем. У них было много общего: два бастарда, не принятых своими семьями, но не тяготящиеся этим, да еще и из одной страны. А их характеры отлично дополняли друг друга: Рихард не давал Конраду закисать, а Конрад не позволял Рихарду сбиться с пути истинного. Легкий, обаятельный весельчак ар Арвиль мог быть очень ответственным и въедливым в своей работе, а серьезный, мрачноватый Конрад обладал отличным чувством юмора.

После университета они отделились по вполне понятным причинам: разные специальности требовались в разных местах, к тому же оба избегали работы на родине. Встретились в Валариэтане, а сбегали оттуда уже вместе, хоть и по разным поводам.

Он закончил пересказ своего жизненного пути на мажорной ноте:

— Знаешь, Марта, когда-то я думал, что мой уход в маги — вынужденное решение. Сейчас я понимаю: оно было единственно правильным. Быть графом такая скука! Я люблю свою профессию и ни на что ее не променяю, даже на трон.

Ой, как я с ним согласна! Только он имеет в виду свою защитную магию, а я — математику.

Рассказывая мне свою историю, Конрад старательно избегал вспоминать про Леокадию. Как будто такой страницы в его жизни просто не было. Зря: на наше будущее наличие этой дамочки может повлиять гораздо серьезнее, чем его взаимоотношения с матерью и отчимом. К тому же он намекал, что ему вообще не везло с женщинами. Что имелось в виду? Не только же Леокадия?

Раз уж он начал, пусть досказывает. Хочу понять: что он во мне такого нашел. Чем я

принципиально отличаюсь от тех женщин, с кем он имел дело раньше? Пусть он прибедняется и говорит, что некрасив, но я не поверю, что он никому не нравился. Властная сила всегда привлекает женщин, а этого у него не отнять.

Он явно не хотел останавливаться на этой стороне своей биографии, поэтому я зашла издалека:

— Кон, а как так вышло, что я привлекла твое внимание? Почему ты в меня влюбился?

Он тут же стал увиливать: мы слишком долго сидим в помещении, надо пойти прогуляться, и вообще... Прогуляться я согласилась, но на улице прицепилась к нему снова.

Глупая я: хочу знать, и все тут.

— Марта, ты помнишь, когда мы впервые друг друга увидели? Не очень приятный момент: мы с Риком и Асти пьяные в хлам сидим и думаем, как жить дальше, и тут ты такая входишь.

— Я все отлично помню.

— Так вот, когда ты все нам высказала и вылетела вон как на помеле, я вдруг ясно осознал: если сейчас тебя не догоню и не извинюсь, буду всю жизнь жалеть. Протрезвился и побежал за тобой. Вот так все и началось.

— Тебя тогда почему-то не устроило, что я не ведьма.

— Меня это напугало: обычной девушке в магическом учебном заведении может прийти очень туго. А тому, что ты не ведьма, я даже обрадовался. Не слишком я их люблю.

— Из-за Леокадии?

— В том числе. Многие маги мечтают о собственной ведьме из-за силы. Мне заемная сила не нужна, свою девать некуда. А вот характер... Ужиться с ведьмой — это еще суметь нужно. Твоя подруга Соледад скорее приятное исключение, чем правило. Я ее, конечно, лично не знаю, но с Асти они вместе учились, а он о ней отзывается восторженно. — Да она славная: добрая, веселая и умная.

— Это ты сейчас себя описываешь? Я о тебе сказал бы этими самыми словами, причем именно в том порядке.

Так, я чего-то не поняла. Умная — в самом конце? И особо доброй я себя не считаю. Веселая? Умеренно. Почему он так обо мне думает? Или расставил качества в соответствии с собственными приоритетами?

— Ты очень славная, Марта: милая, чистая, искренняя, с открытым сердцем. Рядом с тобой тепло и спокойно. Это заставляет ценить и другие твои качества. Поняла?

Ну как тут удержаться и не поцеловать? Мы как раз зашли за главное здание и очутились на заднем дворе, где в этот момент никого не было. Я остановилась и закинула руки Конраду на плечи. Он тут же нагнулся, чтобы я могла дотянуться до его лица губами. Поцелуй вышел долгим и сладким, а когда мы наконец разомкнули объятия, оказалось, что на пустом дворе собралась целая толпа сочувствующих! Вот зачем мы из дома ушли? Там бы нас никто не потревожил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я смутилась, а Конрад сразу нашелся: подхватил меня за талию и мы бросились бежать.

Остановились только тогда, когда за спиной щелкнула запирающим заклятьем дверь моей квартиры.

Ну вот, теперь я вытрясу из него все! Но сначала пусть еще разочек поцелует.

Дальше мы еще целый час препирались и целовались, пока Конрад не заметил:

— Марта, я тебя целую, чтобы ты на минутку забыла про свои вопросы, а ты такая

упорная! Целоваться целуешься, а вот с мысли тебя не сбить. Что делать?

— Все очень просто: ответить на мои вопросы дальше уже целоваться без задней мысли. А можно и чем другим заняться... Но потом...

— Коварная шантажистка.

С тяжким вздохом мой мужчина забрался на диванчик, усадил меня на колени с уныло протянул:

— Ну, ладно. Если ты такая вредная, тогда слушай.

Мне аж совестно стало: терзаю любимого. Но отменять разговор не буду, пусть лучше сейчас один раз помучается он, чем потом долго — долго буду мучиться я.

Он мне поведал, что в юности очень романтически относился к девушкам. Но первая его любовь быстро вышла за другого, как только узнала, что Конрад не наследует титул.

Затем в Элидиане он увлекся другой девицей. Обычной, не ведьмой, но весьма хорошенькой и из благородной семьи. Там дело дошло до предложения руки и сердца. Она даже была согласна на магический брак, но помолвка длилась и длилась, а красавица все оттягивала день свадьбы. А потом вдруг сбежала с другим, вовсе не магом. Оказалось, в него-то она и была влюблена, а Конрада использовала чтобы завлечь нерешительного поклонника и заодно прикрыть те отношения ложной помолвкой.

Конрад все же добился встречи с ней и потребовал объяснений, после чего навсегда зарекся так делать. На него вылили такой ушат помоев, что было чудом, как он не сбежал после первых же слов.

Кроме прочего красotka намекнула, что магу — боевику, на которого он тогда учился, негоже предлагать девушке обряд разделения жизни. А вдруг его убьют в первом же сражении? Это он хорошо запомнил, по себе знаю: вряд ли иначе он стал так долго пудрить мне мозг насчет неравноправного брака.

Девуцу возвращать он не собирался, но под влиянием ее слов переменял свои приоритеты и решил специализироваться на магии защиты, тем более что понял: убивать он не любит. Никого.

После этой истории он плюнул на романтические бредни и стал гулять с ведьмами, которые не обходили своим вниманием перспективного студента. Отсюда он вынес знание, что с этими созданиями можно переспать раз — другой, но связывать свою жизнь не стоит. У них настроение скачет, как борзый конь, причем все время в разные стороны, верность для них — пустой звук, а доброта — ровно до того момента, пока ведьме это выгодно. К тому же большая их часть отличается редкой пустоголовостью, а ум в женщинах Конрад ценил как ничто другое.

Не скажу, что он несправедлив по отношению к ведьмам: они о себе говорят то же самое.

После окончания университета он нашел работу при дворе какого-то независимого княжества: создал в тамошней крепости систему защиты. Чтобы ее проверить, князь устроил показательный штурм, пригласив всех соседей. Конрадова разработка показала себя отлично, после чего его стали приглашать все подряд.

В одном из таких княжеств он влюбился в очаровательную дочь князя. Она отвечала ему взаимностью. Конечно, между ними ничего не было, кроме разговоров и нескольких поцелуев, он уважал ту, которую хотел назвать своей женой, но он был уверен, что его чувства взаимны. Он работал в замке около полугода и жил надеждой на то, что любимая с ним соединится.

Наконец, когда заказ князя был выполнен, он осмелился просить ее руки. Так как сам он происходил из очень знатного семейства, ему и в голову не могло прийти, что князю может не прийтись по вкусу такой жених.

Тот выгнал Конрада и не заплатил ему. Правда, не подумал, что на этот случай у мага остается ключ от всей системы. Когда собственный замок перестал ему повиноваться и начал закрывать двери перед собственным носом хозяина, тот сообразил, что пожадничал и поторопился.

В результате деньги были выплачены, но девица Кону так и не досталась. Ее быстренько выдали за другого.

— Знаешь, Марта, все это было так давно. Когда я прошлый раз был в Гремоне, то видел мою первую любовь. Теперь это старушка с лицом как печеное яблочко, окруженная собачками и приживалками, неумная и крикливая. Думаю, с остальными красавицами дело обстоит не лучше. Так что видеть их снова не имею ни малейшего желания.

Глупые курицы! Я бы на их месте держалась за Кона руками, ногами и зубами, а они прошляпили свое счастье. С другой стороны, если бы они не были такими дурами, мне сейчас ничего бы не светило.

Но, кажется, мы подошли к истории про Леокадию.

Он начал с того, что около десяти лет назад он получил звание архимага и его пригласили поработать в Научном Центре Валариэтана. Именно там он встретил Леокадию. Известно, что маги и ведьмы в случае гонений могут там укрыться и никто никогда их не выдаст. Это был как раз такой случай. Красавица ведьма бежала от гонений в его родной стране, Гремоне. Он с легкостью в это поверил, потому что знал, как на родине относятся к пришлым магам, а особенно к ведьмам.

С первой встречи он был поражен дивной красотой девушки. Если вспомнить, что к тому времени у него давно никого не было, то это неудивительно. А когда она стала проявлять к нему явный интерес, он влюбился. Кроме красоты его в ней пленили сдержанные, благородные манеры и спокойный, как ему тогда казалось, характер.

Считая Леокадию порядочной девушкой, хоть и ведьмой, он предложил ей брак. Полноценный магический брак, нечто вроде Единения. Она не отказалась, но и не согласилась. Объяснила свою позицию, но так сложно, что Конрад понял одно: она не против, но они друг друга мало знают, так что это преждевременно. Пока можно заключить брачный договор, а там, если все пойдет хорошо, магический союз от них никуда не уйдет. И он, как дурак, согласился. Даже конечного срока не поставил, так доверял. Вот сейчас за глупость и расплачивается. Не это горько, а то, что и Марте приходится платить по выданным им векселям.

* * *

Примерно на этом месте разговора раздался стук в дверь, после чего, не дожидаясь приглашения, к нам ввалился ректор с бутылкой игристого вина. При виде идиллической картины заулыбался:

— Вас можно поздравить, я так полагаю? Ну наконец-то!

Я вежливо растянула губы, изображая приветливость.

Вот только Рихарда нам тут и не хватало! Сбил весь настрой, теперь Конрад опять

замкнется и не станет рассказывать про Леокадию, а мне очень нужно знать.

Но вышло по — другому. Конрад встал, подошел к другу, вынул у него из рук бутылку, поставил на стол и достал из буфета бокалы.

— Рик, мы с Мартой всегда рады тебя видеть, ты наш друг, но сейчас ты не вовремя. Так что выпиваем за всеобщее здоровье и ты уходишь.

— Понял, не дурак. Только... Кон, расскажи Марте про свою беглую жену, она должна знать. Да не как ты обычно это делаешь, конспективно, а с подробностями.

И, обращаясь уже ко мне, добавил:

— Там в подробностях вся сила. А он будет стесняться выставить себя перед тобой круглым идиотом, каковым он в этой истории был от начала до конца. Я ему сразу сказал...

— Рик, раз ты так все хорошо знал с самого начала. Может быть ты сам Марте все расскажешь? — уже гневно произнес Кон.

Но вместо того чтобы стусеваться, наш ректор вдруг оживился:

— А что, и расскажу. Если ты, конечно, мешать не будешь.

— Может, мне уйти?

— Зачем? Ты дополнишь в тех местах, где лучше знаешь. Так вот...

Продолжить ему не дали: Конрад выстрелил винной пробкой в потолок, она срикошетила и стукнула Рихарда по маковке. Кон, не обращая на это ни малейшего внимания, разлил вино по бокалам и протянул мне один:

— Я хочу выпить за нас с тобой, чтобы все сложилось и никакие силы не помешали нам быть счастливыми вместе.

Хорошо сказал! Я поднесла вино к губам:

— За нас!

— За вас, ребята! — радостно откликнулся ректор, потирая макушку, и залпом осушил свой бокал.

Мы с Конрадом смотрели друг на друга и не могли разорвать. Ректор почувствовал наконец, что он третий лишний, и сбежал. Зачем приходил непонятно. В самом деле, не вина же ему было выпить не с кем. Проверял?

Сейчас мне уже не хотелось слушать про вредоносную ведьму, от которой зависело мое будущее, я даже не стала напоминать, но Конрад сам завел разговор:

— Рик прав, ты должна знать подробности, а не кидаться во все это как в омут головой. Я, конечно, сделаю все, чтобы тебя защитить, но если ты будешь представлять, кто может тебе угрожать, хоть в опасные места соваться не будешь.

Хотела спросить, какие места опасные, но ту он начал рассказ.

— Он верно сказал: в этой истории я с самого первого момента действовал как идиот. Я и был идиотом. Извиняет меня только то, что я влюбился и не хотел ни слышать, ни видеть, ни знать про Леокадию ничего дурного. Все сомнительные моменты я толковал в ее пользу и ничто не могло меня переубедить. К чести Рика надо сказать, что ему Леокадия запудрить мозг не смогла, он воспринимал ее критически и пытался мне указать на явную ложь в рассказах о ее тяжелой доле и героической борьбе. Если сейчас он тыкает меня мордой в то, что я натворил в своей жизни из-за этой женщины, то имеет на это все права.

Я просто вне себя от волнения: что же такого могла совершить одна — единственная ведьма, что из-за нее такой сыр — бор?!

В общем, Кона угораздило связаться с международной аферисткой, авантюристкой высшего разбора. Начнем с того, что Леокадия выглядела и держалась как истинная

аристократка и уверяла, что происходит из семьи имперских аристократов Агерлан. Мол, дар ведьмы заставил ее бежать из империи, потому что там ее за это ожидали преследования.

Отличная история, особенно потому, что ее практически невозможно проверить. У Девяти королевств с Империей натянутые отношения, общение на уровне высшей дипломатии, даже прямой торговли почти нет, и что там внутри детсяя никто точно не знает.

О том, почему ей пришлось бежать из Гремона, она давала почти такое же объяснение: случайная, несанкционированная магия, которая там запрещена, на нее донесли злые соседи, и пришлось бежать от преследований.

— Глупость страшная: ведьм ни за что, ни про что даже в Гремоне не преследуют.

Я знаю. Маги и ведьмы должны иметь лицензию, иначе нельзя оказывать услуги населению. Но для себя колдовать можно, если осторожно. В Гремоне, правда, самый широкий список запрещенных заклинаний, но не из тех, что применяются в домашнем хозяйстве. Так что или она врала тотально, или делала что-то незаконное.

За работу без лицензии максимум сутки продержат в участке, главное наказание за это — штраф. Только очень влюбленный маг мог съесть такую сказку и не поморщиться.

Кроме этого, были и другие моменты, которые вызывали сомнения, но Конрад все их отметал: его бесценная Леа выше подозрений.

Ему бы засомневаться когда она выбрала в качестве формы брака договор, который по сути ни к чему ее не обязывал. Но и тут красотка отвела ему глаза. По этому договору даже верность не требовалась, она получала от Конрада поддержку и содержание практически безо всяких условий.

Что-то у меня возникли сомнения: как это без условий? Не может такого быть! Конрад обещал показать мне текст, чтобы я убедилась. Думает, я забуду? Обязательно возьму и прочту. Надо знать, с чем дело имеешь.

Довольно скоро после заключения брачного контракта Конрад заметил, что его жена и девушка, на которой он женился, сильно различаются. Благородная сдержанность и воспитанность улетучились, появилась свойственная ведьмам взбалмошность, склочность и еще много таких же милых качеств. Поначалу все это казалось милым, но влюбленность быстро прошла, причем Леокадия делала для этого что могла.

В этом я как раз криминала не увидела: историй о том, как невеста — белая голубица в женах оказалась черной вороной, я слышала великое множество, равно как историй о том, что жених — принц на белом коне оказывается мужем — козлом. Так что тут все в рамках обычного. Брачные узы из-за такого не разрывают.

Конрад и не собирался. Поняв, что его прелестная женушка вовсе не ангел, он отнесся к этому философски, просто стал чаще брать заказы подальше от Валариэтана. По пословице „дальше очи — ближе сердце“. В основном это были заказы мелких князей. Несколько раз, когда работа была не на декаду, а на приличный срок, он предлагал жене поехать с ним, но она ни разу не согласилась.

Зато встречала его всегда приветливо, зная, что он привезет подарки. Ему казалось, что Леа радуется его возвращениям: на короткое время она становилась мягче, добродушнее. Но проходила пара декад и она начинала шпынять своего мужа с удвоенной энергией.

Просто поверить в это не могу: Конрад и подкаблучник для меня несочетаемые понятия. Но он уверял, что все так и было: жена его гоняла, он стоически терпел. И длилось

это не год и не два, а целых семь лет. Наконец его пригласили поработать в Кортал. Систему безопасности кортальских крепостей делал еще некий легендарный умелец несколько веков назад. Для своего времени была замечательная, но успела устареть. Валариэтан предлагал Корталу услуги другого архимага, руководителя того отдела, в котором Конрад трудился, но король пожелал видеть у себя более молодого и оригинального специалиста. Предстояла большая работа, на полгода, не меньше.

И тут впервые за семь лет Леокадия выразила желание поехать с мужем. Поступила хитро: стала ласковой и нежной, хоть к ранам прикладывай, восхищалась его успехами и радовалась, что он получил такой великолепный заказ, о котором любой маг мог только мечтать. А потом попросилась с ним в Кортал. Конрад не знал, чему приписать такое счастье: жена снова милая и очаровательная, какой была в невестах. Наконец-то оценила, какое сокровище ей досталось в качестве мужа или рада, что его наконец то заметили не какие-то мелкие князьки, а король одного из крупнейших королевств Девятки и у нее будет случай покрасоваться при действительно великолепном дворе? Ему было все равно: влюбленность давно прошла, но она его жена. У него нет причин отказать ей и не взять с собой.

В общем, пока он объезжал крепости, Леа вертелась при кортальском дворе и своей красотой произвела там фурор. Со всех сторон Конраду сообщали, что он счастливчик, раз женат на самой красивой женщине на всем континенте. Наконец работа была выполнена и он собрался уезжать.

Леа задумчиво сложила вещи и вместе с ним поехала на порталную станцию. А там вдруг метнулась в сторону и исчезла в каком-то местном портале. Конрад хотел отправиться за ней, но его вынудили вернуться в Валариэтан. Сказали, что он больше не может находиться на земле Кортала: виза закончилась. Почему этого не случилось с визой его жены, никто сказать не смог.

И тут у него с глаз как пелена спала. Вернее, он наконец позволил ей упасть. Не зря Конрад был специалистом по безопасности: кроме защитных заклинаний он умел искать и обрабатывать информацию. Если бы он озаботился этим с самого начала, все пошло бы по — другому, но лучше поздно, чем никогда.

Рихард, который Леокадию с самого начала терпеть не мог, тогда очень поспособствовал тому, чтобы добыть о ней самые точные сведения через дипломатические каналы.

Выяснилось: к империи и имперской знати Леа никакого отношения не имела. Она была дочерью певички из Кортала и какого-то неизвестного дворянина и в империи побывала уже будучи взрослой. Оттуда бежала, боясь уголовного преследования, потому что карьеру свою начинала в качестве воровки. Кочевала по разным странам и отовсюду спешила уехать с добычей, пока однажды на родине матери ее не поймали. Судя по всему, там ее завербовали, она прошла подготовку и стала кортальской шпионкой.

Из Гремона она бежала не потому, что ее преследовали как ведьму, а потому, что она похитила важные бумаги из королевской канцелярии, обольстив младшего брата короля, который этой канцелярией номинально заведовал.

Так как она много где наследила и засветилась, ей порекомендовали какое-то время посидеть тихо, а лучше всего выйти замуж за добропорядочного мага. Оптимальным местом для этого был признана Валариэтан. Там до нее никому не дотянуться, а маги — они в сущности такие дети!

Вот она дитятко себе и нашла. Великовозрастное. Конрад даже не попытался проверить информацию, которой она его пичкала. Как же, он не может сомневаться в любимой женщине! А если станет проверять ее слова, это будет проявлением недоверия. Хотя, если бы он тогда озаботился... Информация о деятельности Леокадии и ее прошлом не было тайной за семью печатями. Когда он захотел о ней узнать, то без труда все выяснил.

— Понимаешь, я сам себе удивляюсь: как можно было быть таким дураком? И ведь она меня не опоила, я бы заметил. Сам, своей волей сунул голову в петлю.

Насчет „не опоила“ я бы так уверена не была. После Веркиного гороха я знаю точно, что у ведьм в арсенале найдутся штучки, которых маги не знают и не умеют не то что нейтрализовывать: они их просто не видят.

Сейчас я понимаю: Леокадия может оказаться противником, который мне не по зубам. То, что может придумать и учинить шпионка, простому человеку даже в ум не встанет. Хотя я и не дура, но у меня мозги по — другому устроены: могу делать расчеты сложных процессов, при этом совершенно не способна придумать пакость.

Но вернемся к истории Конрадовой женитьбы.

Конечно, побег жены больно по нему ударил. Хоть Конрад и сказал, что почувствовал тогда облегчение, но это неправда. Просто ему хочется в это верить. Думаю, тогда ему было очень больно и обидно. Он в лепешку для этой дряни разбивался, терпел ее выходки, а она его так опозорила.

Хуже всего, что она все это время не сидела тихо, а продолжала свою шпионскую деятельность будучи его женой. Стоило ему отправиться выполнять заказ, она тоже снималась с места и куда-то усвистывала ближайшим порталом. А потом выяснялось, что ее видели в тех местах, где случались разные странные происшествия по линии государственной безопасности.

А еще стало ясно, что все это время она не только работала на кортальскую разведку, но и оставалась любовницей ее главы, принца Мамиллия, который ее в свое время отловил и завербовал.

Когда это стало известно, на Конрада стали показывать пальцем. Это он еще снес бы: народное внимание отличается короткой памятью. Появится новый персонаж и про старого забывают напрочь. Но это сказалось на работе. Он должен был занять кресло своего уходящего на покой начальника, но конкурент обвинил его в том, что он знал о деятельности жены и не только ей не препятствовал, а помогал и всячески поддерживал.

Обвинение было голословным, но такие труднее всего опровергать. Место занял другой, но не это было самым плохим. В начальники Конрад никогда не стремился. Хуже оказалось другое: ему перестали давать заказы.

Архимаг Конрад Заренский (не знала, что он Заренский) не стал оправдываться. Он без боя уступил место начальника отдела конкуренту, а сам вернулся к своему родовому имени ар Герион и уехал вместе с другом Рихардом ар Арвилем в Шимассу. Королю Горану было глубоко плевать на все эти глупости, он желал укрепить обороноспособность страны и улучшить ситуацию с магическим образованием.

В тот день, когда он получил первые сведения о том, кем была его супруга, Конрад активировал печать, которая должна была сигнализировать Леокадии о его желании порвать эти отношения. Если бы и она этого хотела, то могла бы сделать то же самое. Контракт был бы аннулирован мгновенно: оба экземпляра просто сгорели бы, даже не оставив пепла. Но она зачем-то желала сохранить Конрада хотя бы временно в своей собственности. Ведьмы

вообще не любят отдавать что-то свое, даже если оно им даром не сдалось.

Тогда для него это было не слишком важно: подумаешь, семь лет пройдет и брак все равно будет аннулирован. Маги живут долго. Обратного принимать такую с позволения сказать жену он не собирался, но ее наличие на бумаге ему не мешало.

Все изменилось, когда он встретил меня.

— Марта, ты ничем, ничем на нее не похожа. Я даже не имею в виду внешность, хотя и на лицо между вами ничего общего. Главное, что ты другая по сути. Честная, искренняя, открытая. Мне это так нравится, ты себе не представляешь.

Как приятно такое слышать. Уже хотела вскочить и броситься Кону на шею, но он меня остановил, продолжив речь.

— Когда я впервые говорил с тобой, ну, после того, как мы с Риком тебя обидели, меня поразило, как ты на меня смотрела. Без злобы, без обиды, спокойно, прямо и очень внимательно. У Леа никогда нельзя было понять, куда взгляд направлен. Пожалуй, вот с этого момента я стал за тобой пристально наблюдать и не заметил, как влюбился по уши. — И конечно собрал на меня полное досье. Не угадала?!

Он рассмеялся.

— Угадала. Ты можешь мне про себя ничего не рассказывать, я все знаю. И могу сказать про твоих мужчин: козлы не ценили сокровище. Оно было у них в руках, они его сами упустили. А я буду беречь и никому не отдам!

После таких слов я в ту же секунду оказалась в его объятьях. Хорошо-то как! Оказывается, мне все время не хватало именно этого: чтобы было к кому прижаться, чтобы обняли и не отпускали. Все плохое, что терзало еще минуту назад, отступило куда-то далеко — далеко. Если мы вместе, то со всем справимся.

* * *

Праздники я провела не так, как планировала, а в постели с Конрадом. За три дня никто не решился нас потревожить и это радовало. Мы разговаривали обо всем на свете и находили между собой все больше и больше точек соприкосновения. Я сама предложила Конраду съехаться. Прибудут новые учителя, а селить их некуда. Между тем мы с ним занимаем две квартиры, а могли бы одну освободить. Только какую?

Он усмехнулся и сказал:

— Может это и неправильно, но жить мы будем здесь, у тебя. Квартиры по размеру одинаковые, так что в принципе нет разницы, а так выйдет меньше суеты и работы. Твоему домовому это должно понравиться.

Я вспомнила гостиную, в которой он меня принимал.

— Кон, у тебя квартира так роскошно отделана, а у меня простецкий деревенский стиль...

— Глупенькая... У меня вся эта красота — морок. Мне было неприятно жить в казарме, я и замаскировал действительность, взяв за основу вид моих комнат в Валариэтане. Вот у тебя все настоящее, домовый на славу постарался. И мне здесь очень нравится: тепло и уютно.

С этим я не могла не согласиться. Если поставить в спальню еще один письменный стол, сможем работать рядышком. Моя идея Кону понравилась:

— Отлично! А чуть что — сразу в постель.

Я, признаться, думала о другом, но такой подход мне тоже нравится.

* * *

На четвертый день мы вернулись к работе. Начиналась зимняя сессия, надо было проводить в жизнь план по увольнению непригодных преподавателей и изменению учебного плана. Предварительные наметки у меня были, но пришлось потрудиться. Конрад с таким рвением включился в эту работу, что я просто диву давалась. Изначально он просто должен был сидеть в комиссии и все. Но тут он развернулся той стороной, которой я за ним пока не знала: оказался потрясающим организатором. Не понимаю, что они тут два года сидели без толку, если у них был Кон? Зачем я понадобилась?

Спросила Рика, но сделала это при моем мужчине, чтобы он не обижался. Получила ответ:

— Марта, он, когда сюда приехал, был такой подавленный. Это он сейчас весь энергией брызжет, а тогда... Лишнего слова не выжать было из мужика. Свой-то предмет он любит и со студентами немного оживал, а в общем и целом от мага в депрессии толку немного. Так что ты нужна хотя бы затем, чтобы Конрад был счастлив и работоспособен.

В общем, сессия у нас вышла немного безумная, но эффективная. Все преподаватели, которых мы наметили убрать, продемонстрировали свою некомпетентность при комиссии. Надо сказать, два архимага — родственника Асти нам очень помогли. Давили, где надо авторитетом, задавали вопросы не только бедным студентам, но и их профессорам, ничем не стесняясь. Под конец Беренгарий Лецкий даже выдал нам бумагу с рекомендациями на Валариэтанском бланке. Мол, официальная позиция государства магов в отношении образования и воспитания его будущих возможных граждан.

Несколько пострадали студенты: им просто не зачили предметы, преподавание которых было не на должном уровне. Получилось так, как будто они их и не изучали. Пришлось помозговать, прежде чем родилось приемлемое для всех решение. Всем, кто сейчас сдавал, придется повторить выпавшие курсы, а тех, кто их уже закончил и сдал, было решено оставить как есть. Если захотят, организуем факультативы.

После этого увольнения прошли без особых трудностей. Один красавчик, правда, орал, что это заговор и он будет жаловаться, но его живо успокоили. Конрад только спросил, не хочет ли тот, чтобы у него отобрали лицензию мага, и стало тихо. Мужик все подписал, получил выходное пособие и был таков.

Сильвию мы тоже убрали, правда, для этого пришлось подтянуть тяжелую артиллерию в виде короля. Тот взял и подарил бывшей подруге дом в столице, внизу которого располагалась лавка, а затем вручил патент королевского зельевара. После такого она сама пришла ко мне увольняться. Я же продала ей свою идею. Сказала:

— Очень жалко, Сильвия, что вы уходите. Вы отличный педагог, умеете вложить в головы нужные сведения и умения. Может, при магазине вам открыть школу косметического зельеварения для юных ведьмочек? Под покровительством короля? Думаю, от желающих обучаться отбою не будет.

Она поблагодарила за совет и обещала подумать. Затем добавила:

— Я думала, Марта, ты меня будешь ненавидеть. Меня все ненавидят. А ты не скажу что

добрая, но справедливая. И не мстительная. Я же знаю, чьих рук это дело — моя новая лавка. Чудеса! Так что я у тебя в долгу.

Очень на это надеюсь. Ждать гадостей еще и от Сильвии не хочется.

* * *

Одновременно с сессией шла подготовка к приему новых преподавателей. Васил за недолгое время сдружился с Зорко и теперь они вместе делали ремонт в пустующих комнатах и приводили в порядок крыло женского общежития. Там пока не было обитательниц и его решили отдать профессуре. Временно, пока не построят им другое жилье. Я все же надеялась, что к нам начнут отдавать девочек.

Надо сказать, ведьмак ремонт делал знатно: качественно и экономно. Договорился с моим Пином и домовым Лауры, закупил по дешевке отличные материалы и дело закипело. Судя по всему, хитрец и для своего домика кое-что выкроил, но на это стоило закрыть глаза. Результаты его работы были значительно дороже. Зорко оставалось только приглядывать и давать ценные указания, что в его преклонном возрасте было в самый раз.

А Васил даже мебель умел делать своими руками, на чем сошелся с Пином. Домовой ведьмака очень уважал, советовался с ним по всем вопросам, а мне с кухни Заруны таскал пирожки, которые та пекла просто бесподобно. Конрад их ел за милую душу, а однажды вечером, когда после тяжелого дня мы сидели за столом и ели приготовленный Пином ужин, вдруг спросил:

— Марта, а ты умеешь готовить? Ну, например, пирожки печь?

Насмешил. Меня воспитывала матушка, происходившая из знатного рода, готовила из дочки образцовую хозяйку дома. Это значило, что я должна все превзойти все хозяйственные премудрости. Делать не обязательно, но уметь необходимо: вдруг придется прислугу учить? Да и проверить работу каждой служанки нельзя, если не знаешь, в чем она состоит и как выполняется. Так что готовлю я хорошо, только редко. Но объяснять я не стала, просто предложила:

— Давай, когда сессия кончится, я тебе обед приготовлю. Заодно узнаешь, умеет ли твоя будущая жена дом вести и кухарничать.

— Родная моя, мне это, если честно, неважно. Я достаточно состоятелен, чтобы моя жена не должна была выполнять работу кухарки и горничной.

Попробовала угадать:

— Но тебе будет приятно съесть что-то, приготовленное моими руками? Ясное дело, если это вообще съедобно. Могу тебя заверить: это не просто съедобно, это вкусно. На лавры Заруны и Пина я не претендую, но наш классический яблочный штрудель пеку на отлично.

Знала, на что его взять. Штрудель и в Гремоне и в Лиатине — национальная гордость. Правда, у нас он бывает только яблочный, а гремонцы делают из разных фруктов. Конрад аж засиял:

— Ну, если ты настаиваешь... Мне действительно будет очень приятно.

Но он никак не соглашался есть мои произведения в одиночку, предложил устроить маленький праздник только для своих. В результате я пригласила гостей на ужин в честь окончания сессии. Позвали Рика, Гаспара с Веркой, Асти Громмеля, Вольфи и заглянувшую

ко мне Нанни Гейл. Ее просто до кучи, а то она пока не завела себе тут приятелей.

Пусть наконец поздравят нас с Коном, я же вижу, как им хочется, а заодно отметим благополучное завершение экзаменов.

Так что я кинула оформление всех ведомостей на Верку со Славеном, а сама облачилась в фартук и взялась за готовку. Пришлось постараться, вспомнить коронные блюда моей матушки и воспроизвести их как можно ближе к оригиналу. Мне все удалось: и три вида салата, и галантин, и колбаски с капустой, и мясные рулетики, и запеченная рыба под белым соусом. А уж со шпруделем я просто превзошла сама себя. Даже Пин одобрил. Он не ожидал, что его хозяйка на такое способна и выразил свое уважение словами:

— Ты еще и готовить умеешь?! Ни у кого такой хозяйки нет.

Из остатков яблок сделала яблочное суфле.

Вечером мы все уселись за стол у нас в гостиной, для чего каждому пришлось притащить себе стул, но никто не был в обиде. Все хвалили мои кулинарные таланты, а мужчины в шутку высказывали Конраду, как они ему завидуют.

Гаспар, который до сих пор скрывал от широкой общественности свои отношения с Веркой, вдруг объявил, что тоже хочет открыто жить со своей женщиной и пусть теперь все считают, что они тоже помолвлены. Надо посмотреть в своде законов: если нет запрета на брак со студенткой, он готов завтра же заключить союз. Пусть выбирает сама, какой именно, но лично он, Гаспар, за нормальный магический. Чтобы навсегда. Верка, красная как рак, сияла от счастья.

Все было мило, по — домашнему. Асти откуда-то притащил ящик отменного пива, так что я вообще расслабилась и чувствовала себя как дома, я имею в виду родной дом.

Вольфи смотрел на нас с Коном с огромным интересом. Как водится, он последний узнал, что мы пара и теперь пытался понять, как и когда это произошло и почему он ничего не заметил. Правда, информацию он вытряхивал из Громмеля. Меня спросил только, сообщила ли я родителям.

Нет, они пока ничего не знают. Это плохо, неправильно. Я им обязательно сообщу в ближайшее время, только пусть он не берет на себя эту функцию, не ставит меня перед родными в неудобное положение.

Вольфи пообещал и переключился на вкусности. Я обратила внимание, что Нанни Гейл, которая сидела между ним и Рихардом, подкладывает моему старинному приятелю галантин на тарелку и уговаривает попробовать. Пытается вызвать в Рике ревность?

В течение последних декад мне некогда было наблюдать за развитием их отношений, но я заметила, что Рихард не остался равнодушен к оригинальной прелести ремольской ведьмы. Он не торопился тащить ее в постель и правильно делал. Если такая барышня решит, что он морочит ей голову, то пустит в ход свое оружие и тут никакие порталы не спасут. А я не уверена, что наш Рик настроен на серьезные отношения. По крайней мере вечера он часто проводил в Сармионе и никто не сомневался, где именно. Хорошо хоть в Школу девок не таскал. Появление здесь Нанни в этой его привычке ничего не изменило.

С другой стороны я несколько раз видела, как эта самая ведьма разговаривала в Вольфи. Она что-то спрашивала, он очень оживленно ей отвечал, затем сам задавал вопросы. А я точно знаю, что в математике Нанни полный ноль. Но зачем боевой ведьме заучка — математик, да еще обычный человек?

Все эти размышления вылетели у меня из головы, когда Рик неожиданно заявил:

— Тут к нам собирается дипломатическая миссия из Гремона во главе с моим братцем Эберхардом. Будут о чем-то договариваться с королем, заодно и нашу Школу осмотрят. В порядке культурной программы.

Увлеченная яблочным суфле Нанни тут же оставила десерт и вскинула голову, глаза ее сверкали нехорошим блеском. Мы с Конрадом переглянулись. Мало нам Леокадии неизвестно где. Неприятности сами норвят себя на дом доставить.

* * *

Думая о неприятностях, я имела в виду великие планы мести барышни Гейл семейству фар Арвиль. Но, когда мы с Конрадом остались одни, поняла, что мысли мои текли не совсем в ту сторону. Опасность, проистекающая из фанатичного желания Нанни отомстить за мать, Конраду показалась незначительной. Он, видите ли, в состоянии оградить дипломатов от покушений безголовой девицы. Его беспокоит другое.

Он всю сознательную жизнь старался не попадаться на глаза гремонским высшим аристократам. Те же фар Арвили никогда его не видели. Он даже отказался от заказа короля Губерта XV, чтобы не рисковать: все же он очень похож на своего отца, даже больше, чем законный наследник. А тут отвертеться не удастся: на нем безопасность миссии и короля. В школе он мог бы с ними просто не встречаться, но во дворце избегать Эберхарда не получится: король обязательно представит послу мага, который будет отвечать за их благополучие, жизнь и здоровье.

Я задумалась и сказала:

— Слушай, а может не так все плохо? Может, уже пора перестать прятаться от единокровного брата? Я не знаю короля Губерта, но ничего плохого про него не слышала. Вроде он разумный и справедливый правитель. Или нет?

Конрад пожал плечами.

— Я тоже о нем ничего худого не знаю. Скорее наоборот: при отце все время были волнения и несчастья вроде голода в отдельных провинциях, а при сыне все тихо — гладко.

Затем помолчал немного и добавил:

— Может ты и права. Мы, долгоживущие, как ни странно, заикливаемся на одной мысли и часто не принимаем во внимание, что мир меняется. Так что не будем бояться встречи с Эберхардом фар Арвилем. Как думаешь?

Я с энтузиазмом заверила его, что это правильное решение. В случае чего он, архимаг защитной магии, как-нибудь справится, но ведь может получиться и что-то хорошее? Например, возможность жить и работать на родине?

О Нанни мы тоже поговорили. Девушка странная, что у нее на уме догадаться сложно. Надо бы к ней следилку прицепить, но с ее уровнем подготовки невозможно рассчитывать на то, что она ее не заметит.

Я еще наябедничала, что девчонка вяжется к Вольфи. Конрад рассмеялся:

— Ты о нем как о несмышленье печешься. Как о младшеньком и очень недотепистом братишке. А он, между прочим, мужчина, великолепный специалист, умница и старше тебя, если не заметила. Возможно, Нанни Гейл, в отличие от тебя, ценит в нем эти качества.

Я представила себе ведьму... Ой, что-то мне сомнительно. Хотя... Говорят, раз в сто лет и палка стреляет. Если он нравится девице, то все будет так, как она хочет. Это наши

латинские барышни не знали, как к Вольфи подъехать, а против настоящей ведьмы у него ни единого шанса. Хоть узнает, что это такое — любовь и страсть.

По сложившейся уже традиции наши разговоры незаметно перетекли в партер и уступили место гораздо более интересному занятию. Хотя что это я! Занятие — это что-то другое.

Когда то с Альфом и потом с Лоренцо это было действительно занятие: нечто, не вызывающее особого энтузиазма. Тогда мне казалось, что все нормально, так оно и бывает обычно, но теперь я точно знала как оно должно быть на самом деле. Не нужно было себя убеждать, что я просто настолько разумна, что не могу отключить мозги, расслабиться и получать полноценное удовольствие. С Конрадом это выходило на раз! Я потом даже вспомнить не могла, что творила, одно знала твердо: это хорошо и правильно. Я чувствовала себя совершенно счастливой, да и от моего мужчины исходили почти осязаемые флюиды блаженства.

* * *

На следующий день после нашей вечеринки у студентов начались каникулы, а в Школу начали прибывать нанятые нами преподаватели. Я отдала вопрос их расселения в руки Зорко и надеялась, что сгрузила с себя эту обузу. Ничего подобного. Все были чем-то недовольны и считали себя обязанными донести свое недовольство до высшего начальства. Рика с вопросами кровати, ванны и унитаза они донимать не рисковали, а меня пожалуиста.

Демоны! Никто не боится девушку без магии!

Конрад поначалу дал мне побарахтаться самостоятельно, и только после того, как я уже готова была в глаза вцепиться очередному визитеру, появился как некий дух, который все улаживает и сглаживает.

Хорошо, что все претензии я старательно записывала на листочке. Он широковещательно объявил, что разберется, забрал бумажку, нашел где-то Василя и с ним пошел в обход. Зорко пристроился сзади и причитал, что денег в бюджете нет и не предвидится, новую мебель и утварь покупать не на что. А то я этого не знаю!

Одно спасение — Васил с Пином договорятся и бесплатно все исправят. Ну, что возможно, новую мебель и ванну никто никому не купит. Зато стены сделать попримуднее получится: краска и обои у Зорко в сарае припрятаны еще с моего ремонта, а Васил с Заруной туда еще добавили.

В общем, от вопросов жилья отбояриться удалось и я занялась своими непосредственными обязанностями: расписанием и учебным планом. Предстояло придумать, куда втиснуть ту же Нанни Гейл, что поставить вместо выпавших предметов и как согласовать несогласуемое: интересы разных преподавателей.

С Нанни было вроде как ясно: боевые зелья — это боевой факультет. Но если принять во внимание, что они раньше и обычных не проходили, получается беда. Нельзя научить математическому анализу того, кто в арифметике не разобрался.

Пришлось поставить ее на факультет общей магии к подготовленным ребятам, а боевикам дать часы зельеварения.

С остальными преподавателями дело обстояло не лучше. Пришлось существенно перекроить общий учебный план, чтобы влихнуть ребятам то, что им было необходимо.

Хуже всего вышло с теми предметами, преподавание которых высокая комиссия сочла неудовлетворительным. Первоначальное решение мы нашли почти сразу, но теперь предстояло воплотить это в жизнь, то есть в учебные часы, вставленные в расписание.

Оказалось это значительно хуже самого трудного раздела моей любимой науки. Дифференциальное счисление на фоне этого — легкотня! От невозможности совместить диаметрально противоположные требования и пожелания наших новых сотрудников с интересами старых у меня мозги в косичку заплетались.

Одна радость была когда после обеда на пару часов заходил Вольфи и мы разрабатывали программу следующего семестра. Тишина и отдохновение!

А еще... Теперь я не торчала в кабинете со своими бумажками до поздней ночи. Приходил Конрад, твердой рукой выводил меня из-за стола и тащил домой ужинать, а потом уже не отпускал обратно, за что я была ему бесконечно благодарна.

С ним было можно обсудить все: от idiotских требований двух новых ведьм — целительниц до того, не стоит ли отнести начало занятий по строительной магии с четвертого курса на третий. Уж больно преподаватель этой новой дисциплины магистр Лоран рвался в бой, а у третьекурсников как раз Сильвия выпала. Строительная магия же придется ее ученикам как нельзя лучше. Полезная наука, а главное своевременная. Нам еще Школу расширять, вот ребятам и будет отличная практика.

В результате к первому дню нового семестра на доске объявлений висело новое расписание, которое более — менее всех устроило. Студенты, узнав о появлении новых предметов, заволновались, и было от чего. Когда они познакомились с новыми преподавателями числом семь, трое из которых оказались дамами, причем красивыми, из всех глоток вырвался общий мечтательный вздох.

Ну, теперь жди скандалов с домогательствами: у шимасских парней в отношении свободных женщин тормозов не предусмотрено.

Конрад тоже это понял, собрал парней в актовом зале вроде как на инструктаж по технике безопасности и битый час объяснял, что если женщина — преподаватель не носит платка и ведет себя с ними свободно, то бишь не опускает глаз и не складывает ручки домиком, это не значит, что она доступна. А еще напомнил, что все наши преподавательницы — сильные ведьмы. Если парни их оскорбят, то те могут их так наказать, что никому мало не покажется. И заступаться за таких героев никто не станет. Господин ректор скажет: „Так вам и надо“, а госпожа Марта просто отчислит без права восстановления. Она тоже женщина и неуважения к представительницам своего пола не потерпит.

Я при этом сидела в углу и делала вид, что присутствовать на таком сборище — мой долг. Когда Конрад стал пугать студентов моим гневом, скорчила самую строгую физиономию из всех возможных. Кажется, ребят проняло.

Вот так! Теперь из меня сделали пугало для студентов!

После мероприятия попеняла на это Кону и получила в ответ:

— А что ты хочешь?! Должность у тебя такая. Студенты должны бояться проректора по учебной части как огня.

Мероприятие подействовало, но не на всех. Например, Живко Живкович решил после неудачи со мной приударить за Нанни Гейл. Ничего глупее он выдумать не мог: боевая ведьма — это вам не целительница. Поговаривают, что они значительно круче боевых магов,

раз этак в пятьдесят. В этом я не уверена, но за десять ручаюсь.

А Нанни у нас совсем безбашенная, кто знает, что учудит в порыве гнева. Я бы не беспокоилась, будь Живко простым парнем. Но этот рыжик хоть и походил на плебея, затесавшегося в компанию аристократов, на самом деле являлся сыном генерала со столь же оригинальными именем и фамилией. А генерал этот был доверенным лицом короля Горана, одним из его приближенных. Как такой герой отнесется к тому, что ведьма вырастит на голове его сына оленьи рога или лишит его растительности на всем теле, включая скальп? С Нанни-то как с гуся вода, а мне с разгневанным папашей объясняться.

Я уже обсудила этот вопрос с Конрадом и он обещал при необходимости провести с парнем индивидуальную профилактическую беседу.

А пока он этой необходимости не видел, красавчик дарил ведьме орхидеи из сада своей маменьки и рассказывал ей, какая она красавица, чем раздражал Нанни до предела. Она бы предпочла оружие из арсенала его папеньки и комплименты ее боевым навыкам.

Но так как ни первого, ни второго от Живко было не дожидаться, ведьма таскалась ко мне и жаловалась на наглого юнца. Я вздыхала и просила ее потерпеть, не делать с парнем ничего такого, за что ее могли бы привлечь к ответственности. Ругать — пожалуйста, даже оскорблять и унижать можно. Но словесно, не дай боги перейти к действиям.

Она соглашалась потерпеть, не стирать нахала с лица земли, а смешивать его с пищей для воробьев словесно, но я чувствовала, как ее терпение истощается.

* * *

Между тем время шло, приближался срок приезда дипломатической миссии во главе с Эберхардом фар Арвилем. Цель ее была неясна: общих границ у Гремона с Шимассой не было, территориальных споров соответственно тоже, поэтому отношения с давних пор установились добрые, но не близкие. Вряд ли пришла пора в них что-то менять.

Это мне объяснил Рик, который в связи со своим родством на таких вопросах собаку съел. Он же и предположил, что либо Горану хотят предложить невесту, либо собираются посватать Лили за гремонского принца, благо у Губерта сыновей предостаточно: одних взрослых, достигших брачного возраста, трое. Дочь, правда, одна, и по возрасту ей как раз пора подыскать мужа. Так что, по компетентному мнению Рихарда, гремонский престол с этой своей миссией должен выступить с предложением породниться. Со всеми другими странами Девятки Губерт уже в родстве, а Шимасса до сих пор оставалась в стороне.

У аристократов, особенно у королевских родов это считается важным: время от времени разбавлять свою голубую кровь чьей-то максимально далекой и чужой. Чтобы дети родились здоровые, чтобы не случилось вырождения. Но условие, чтобы "разбавители" тоже относились к королевскому роду, остается.

У короля в невестах ходила принцесса из Ремолы, у Лилианы — кортальский принц, а с этими двумя домами шимасские короли роднились чуть ли не в каждом поколении. Так что предложение из Гремона можно назвать своевременным. Непонятно только что с актуальными женихом и невестой делать. Это если Рик правильно угадал. Но я ему почему-то поверила, он, конечно, тот еще балабол, но в таком деле не ошибается.

Наконец ректор осчастливил нас информацией. Его братец прибывает со своей свитой через две декады и пробудет здесь еще четыре. Нас он планирует посетить на пятый день

своей миссии. В Гремоне нет своей магической школы, так что в письме дипломат выразил заинтересованность: хочет посмотреть, как это все организовано не там, где оно уже чуть не тысячелетие процветает, а там, где недавно чертополох рос.

Логично. Если они хотят тоже завести нечто подобное, чужой опыт будет в самый раз. Глядишь, ошибок наших не наделают. Хотя могу об заклад биться — свои родные ошибки будут еще круче. Есть у меня мысль, как это правильно выстроить с нуля, но кто же не мага, да еще и девушку, слушать будет?

Король тоже готовился к визиту дипломатов и ради такого случая решил дать не один бал, а несколько, присовокупив к ним охоту и выезд в загородный дворец. Целая декада увеселений для дорогих гостей.

Конрада вызвали во дворец и поставили перед ним задачу: обеспечить все эти развлечения по линии безопасности, то есть, чтобы с Эберхардом и его свитой ничего не случилось. Заодно проверить систему защитных заклинаний дворца: во время таких визитов часто происходят разные неприятные вещи.

Помню, в газетах писали, что во время визита императорского чрезвычайного и полномочного в Элидиану, из королевской сокровищницы наглым образом сперли бриллиантовую диадему покойной королевы — матери и много еще чего, в том числе и ценных артефактов. Воров так и не нашли. Чтобы подобное не повторилось в Шимассе, Конрада и призвали. У Горана и сокровищница пожиже, чем у элидианского короля, и артефактов там на порядок меньше. Жалко будет, если пропадут.

Так что мой любимый теперь денно и нощно пропадал во дворце, прибегая ненадолго, чтобы дать урок своим студентам и поцеловать меня. Я очень надеялась, что с приездом посольства это безобразие закончится. Я уже привыкла спать с ним в одной постели. К тому же стояли холода, а Кон такой теплый...

* * *

Внезапно к нам прибыла Сильвия. Теперь она была одета не в вызывающе модное платье, а в традиционные шимасские тряпки, даже платок нацепила. В городе не у нас в Школе, приходится соблюдать местные условности. Все это было дорогое и красивое, но совершенно не вязалось с обликом роскошной ведьмы. Несмотря на это, она прошла по Школе с видом королевы, инспектирующей дом призрения для детей — инвалидов. Всем встречным преподавателям вручался кусок белого картона с золотым тиснением: госпожа Сильвия приглашает на открытие ее косметического салона и школы юных ведьм, которое состоится через три декады.

Молодец, как она ловко подхватила мою идею и как быстро сумела воплотить ее в жизнь.

Как выяснилось, целью ее посещения был мой кабинет: разослать приглашения можно было и по почте. Она же захотела пригласить меня лично, чтобы заодно предостеречь.

— Милочка, я помню, что должна тебе услугу. Так вот: Леокадия в городе. Надеюсь, ты знаешь, кто это?

Я не ответила, только крепко — крепко стиснула кулаки, так что пальцы побелели. Мое молчание вынудило Сильвию продолжить речь.

— Вчера я лично ее видела. Как раз вышла из лавки, чтобы плотннуть свежего воздуха: у

меня там ремонт полным ходом. Так вот. Вижу: от порталной станции едет карета. Проехала мимо моего будущего салона и остановилась у лучшей городской гостиницы.

Сильвия такая: не упустит случая подчеркнуть, что ее салон расположен не где-нибудь, а на главной улице.

— Из кареты вышла шикарная дама и остановилась у входа в гостиницу, ждала, пока перетаскают из кареты ее вещи и расплачивалась с возницей и носильщиками. Затем обернулась и тут я ее узнала. Леокадия собственной персоной. Выглядит отлично.

Я решила спросить:

— Зачем вы мне это рассказываете?

Сильвия пожала плечами:

— Я была должна тебе услугу, ты не забыла? Теперь уже не должна: мы квиты.

Я все еще упорно не желала понимать.

— А в чем услуга?

— Ну, кто предупрежден, тот вооружен, как-то так. Тебе надо побережься: Леокадия не из тех, кто легко отдает свое, даже если оно ей без надобности. Конрад — ценное имущество. Я бы даже помогла тебе, любить эту стерву у меня причин нет, но, видишь ли, кодекс поведения ведьм не позволяет принять твою сторону против нее. Я могу лишь хранить нейтралитет и, возможно, предупредить об опасности, вот и все.

Про кодекс спрошу Лауру, давно собиралась, да случая не было. Сильвии мое большое спасибо: если она хотя бы не будет помогать моему врагу, а Леокадия враг, это ясно, то это уже хлеб. И надо срочно предупредить Кона!

* * *

Лаура дала мне исчерпывающее объяснение. Оказывается у ведьм уже более тысячи лет существует негласный кодекс, которого они придерживаются. Ведет он свое начало с тех времен, когда на ведьм шла охота. Охотились, как можно догадаться, маги. А заодно и простые местные жители чуть что норовили расправиться с ведьмой просто за то, что она на них не похожа и живет по — другому. Тогда-то ведьмы и договорились: во всех случаях, когда это возможно, ведьма помогает ведьме против всего мира. Или по крайней мере не противодействует.

Исключения составляли случаи конфликта интересов (это если ведьме крайне невыгодно помогать товарке, а гораздо выгоднее повернуться к ней спиной), а также вражда между двумя ведьмами. Простая неприязнь в зачет не шла, только настоящая ненависть. При вооруженном конфликте между двумя ведьмами остальные решали вопрос в зависимости от личных предпочтений. Тут уж каждая могла принять сторону той, кто ей больше нравился.

Было и глобальное исключение из правил. Если намерения или действия ведьмы ставили под угрозу жизнь и здоровье множества людей, то другим ведьмам открыто предписывалось ей во что бы то ни стало помешать, возможно даже убить, привлекая к этому как можно больше своих подруг, но при этом стараться держать магов подальше от этого безобразия.

Выходит, Сильвия никак не могла войти со мной в коалицию против Леокадии, но радует то, что помогать ей она тоже не станет.

Конрад появился вечером, когда я уже разобрала постель и думала, лечь или еще

подождать. Пришел, поцеловал, спросил, нет ли чего поесть и порадовал: на сегодня у него дел больше нет, он остается ночевать дома. Поначалу я так обрадовалась, что забыла обо всем на свете. Пина привлекать не стала, собрала на стол то, что осталось от ужина, а так как без Кона у меня не было аппетита, вышло просто море еды.

Никогда не думала, что буду, как моя мать, сидеть, смотреть на уничтожающего ужин усталого мужчину и умиляться. А ведь сижу и люблюсь. Бедненький, так оголодал! Его там, во дворце, не кормят, что ли?

Уже утром, провожая Конрада обратно во дворец, я вспомнила о том, что мне сообщила Сильвия и сказала:

— Конрад, тут Сильвия заходила и сказала...

Он уже не слушал.

— Потом, Марта, все потом. Я уже опаздываю.

Знаю я это потом. Так моя мама чуть не декаду не могла сообщить отцу, что у него скоро родится внук. Поэтому я не замолчала, просто решила начать с главного.

— Леокадия в Сармионе!

Он тут же остановился и впился в меня испытующим взглядом:

— Она сюда приходила?

— Нет. Я же тебе говорю: ее Сильвия видела на улице и предупредила меня. Уверяет, что должна была мне услугу и теперь мы квиты.

Конрад потер свой нос, что у него являлось показателем сильнейшего волнения.

— Она права: вовремя предупредить иногда ценнее, чем подарить тысячу гитов.

После этих слов он никуда не пошел, а занялся тем, что навертел на меня защиту уж не знаю в сколько слоев. Когда по его требованию я нацепила все защитные кулончики, колечки, цепочки и прочие ювелирные штучки, то при ходьбе начала греметь как оружейный склад. Ужас! Кошмар! Но мои просьбы что-нибудь снять или заменить на не столь брэнчащее успеха не имели. Кон меня всю обцеловал, извиняясь, но ничего удалить не позволил. Наоборот, стал сожалеть, что не все удалось защитить, поэтому я должна быть предельно осторожной.

— Марта, радость моя, если бы мы были уже связаны, хватило бы пары колец. Но пока это невозможно, я защищаю тебя как могу. Я же просто умру, если с тобой что-нибудь случится. С Леокадией никогда не знаешь, что может произойти, так что любой оберег лишним не будет.

Пришлось смириться. Выгляжу я в этих побрякушках как дикарка, но если нет другого выхода...

Когда наконец Конрад немного успокоился и уверил сам себя, что сделал для моего спасения все возможное и невозможное, его все же удалось отправить во дворец. Работа не ждет.

Сама же я пошла в свой кабинет и засела за подготовку к занятиям. А вместо этого вдруг написала письма родителям и братьям. Это давно пора было сделать, но я все тянула... Не могла придумать, как объяснить ситуацию маме, про папу уже не говорю. Сейчас же вдруг появилось нечто вроде вдохновения и я легкой рукой накатала сразу пять писем. Во всех примерно одно и то же, но в каждом немного под разным ракурсом.

Общий смысл был такой: у меня появился жених, но мы пока не торопимся со свадьбой, проверяем чувства. В письмах папе и Симону я упирала на то, что Конрад — серьезный ученый, архимаг и декан факультета, Марку — что он специалист по боевой и защитной

магии, Карлу — что он состоятельный мужчина, который обеспечит меня выше крыши, а мамочке — что он из очень знатного гремонского рода.

На нее должно подействовать. Так как большая часть знати Лиатина имеет свои корни в Гремоне, она должна что-то знать про ар Герионов. Естественно, про родство с королем Губертом я умолчала. Это все-таки секретная информация, а у моей мамы язык за зубами не держится.

Не написала я никому только про то, что жених мой женат. Не стала расстраивать родных. Надеюсь все же что это явление временное. То есть потом он и дальше будет женат, но уже на мне.

Раз уж нашел на меня такой стих, заодно написала и Соледад. Ей выложила все как есть, про Леокадию в том числе. Подруга всегда давала мне полезные советы. Даже если я им не следовала, все равно они мне помогали принять решение.

Расправившись с письмами и отослав их, я вдруг ощутила душевный подъем. Кажется, гору с плеч скинула. Никогда не думала, что невыполненный долг может так угнетать. С другой стороны, чему удивляться? Меня так воспитывали: с раннего детства прививали чувство долга, которое у обоих моих родителей было ярко выражено, а у матери так даже гипертрофировано. Наверное именно это качество разглядел во мне Рик, когда предложил стать проректором. Я ведь костями лягу, а сделаю все так, как считаю должным.

В общем, на волне этого подъема я провела занятия и небольшое совещание с деканами по поводу летней практики. Лето еще далеко, но о таком важном деле надо подумать заранее.

У Лауры дело было поставлено давно и четко. Лучшие из лучших проходили практику в стенах родной школы, которая летом превращалась в подобие полевого госпиталя, остальные ехали по деревням и селам помогать местным знахарям и знахаркам.

На боевом факультете для студентов было разработано несколько маршрутов разной категории сложности. Боевики делились на группы по десять человек и отправлялись в труднодоступные районы страны преодолевать трудности и учиться выживанию и применению заклинаний в условиях приближенных к боевым. Не знаю, что имел в виду Гаспар про боевые условия. Шимасса ни с кем сейчас войн не ведет к моей величайшей радости. Труднодоступные районы мне показали на карте. Имелось три варианта: горы, болота и пустыня. Леса на территории королевства были такие жалкие, что обучать в них студентов было просто жестоко по отношению к природе. В общем и целом ситуация с практикой боевиков мне понятна.

Деканом факультета общей магии являлся Конрад, но так как он отсутствовал, его заменил Асти и порадовал меня, что студенты этого факультета проходят практику по — разному. Ребята с младших курсов по двое отправляются под надзор сельских колдунов, чтобы отработать полученные навыки, а старшекурсники практикуются в выбранном ими разделе магии кто где. В смысле где попало.

Вот это мне страшно не понравилось. Никакой организованности! Бездельники имеют возможность бездельничать и некому за ними приглядеть! Сказала Асти, что это надо изменить, и предложила подумать как. Он набычился.

— А что ты ко мне прицепилась? Это факультет Кона, пусть он и придумывает. Мне хватает моих амулетов, чуть не каждый день приходится новый сочинять. Ты лучше Гесперию поручи, он у нас самый умный.

Действительно, что это я? Асти парень хороший, но очень уж на своем деле зациклен. А

Гесперий... Хотя я его недолюбливаю, но в уме ему не откажешь. Завтра приглашу и предложу стать ответственным за практику у своего факультета. А Конраду все-таки выговорю. Если он декан, то отвечает за тот бардак, который творится с его студентами. Любовь любовью, а работа сама по себе. Боюсь только, что ему придется от деканства отказаться: чем дальше, тем больше Горан на него навешивает всяческих обязанностей. Теперь он больше придворный маг, а не декан факультета. С другой стороны, а кого на его место?

* * *

От этих размышлений меня избавил сам Конрад. Он вернулся к ужину сияющий: все наконец-то готово к приему высоких гостей. Их еще и на горизонте нет, а дворец и резиденция посла, где они останутся, приведена в должное состояние. Даже если сейчас по ним нанесут массированный удар легендарным драконьим огнем, никто не пострадает.

Хотела я ему сказать про практику, но промолчала. Пусть отдохнет. Время еще терпит, закончится визит посланника и мы все обсудим. Есть более насущные вопросы. Например, предстоящие балы. Король отлучил меня от дворца, так что в принципе можно не готовиться, но мало ли что.

На мое замечание о том, что бал во дворце мне не грозит, Кон усмехнулся и протянул конверт с королевской печатью.

— Мы приглашены, одуванчик. Оба. Нам с тобой придется принять участие в увеселениях как признанной паре.

С того дня, когда он превратил мою голову в нечто пушистое, Конрад больше не пытался расчесать мои волосы магией, зато ласковое прозвище "одуванчик" прижилось. Услышав это слово, я машинально потянулась к нему за лаской. Но тут до меня дошло.

— Кон, придется рядиться в бальные платья и толкаться среди придворных? О, я не вынесу. Может, можно заболеть на это время?

— Девочка моя, не вздумай. Не надо злить Горана сильнее, чем он уже разозлен. Мне на него плевать с высокой горки, но ты уязвима, а еще более уязвима Школа. Будет жалко, если его глупые амбиции повредят твоему любимому детищу, ведь ты столько труда в нее вложила.

Это он прав. Не знаю почему, но я посвящаю работе всю себя, ну, кроме той части, которая всецело принадлежит Конраду. К счастью, он не требует, чтобы все мое время и все мои силы были отданы ему безраздельно, а наоборот, поддерживает мое стремление реализовать себя в профессии.

Я часто замечала, что счастливые в браке женщины глупели на глазах, и очень боялась, что со мной такое произойдет. Ничего подобного! Или это я такая странная, или Кон такой замечательный, но близость с ним, вместо того, чтобы сделать из меня сладкую дурочку, которая думает только о поцелуях и объятьях, наоборот стимулирует работу моей головы. Никогда еще сознание не было таким ясным.

Мало того, близость с Конрадом ободрала с меня, как шелуху, все наносное, лишнее и расставила жизненные приоритеты. На первом месте наша любовь и отношения, на втором работа и школа, а всякие там короли, мировая политика, этикет, правила и обычаи — это все постольку поскольку. Если они мешают нашей любви или вредят учебному процессу — в

топку! И Леокадию туда же!

Кстати, она пока о себе никак не заявила.

Некоторое время все шло как обычно, я даже забыла свои страхи и надевала грозди амулетов только под пристальным взглядом Кона, который не позволял этим манкировать. Зато он вывез меня к госпоже Мирке и заказал аж целых три бальных платья.

К моему удивлению, бальные наряды не походили на традиционные шимасские тряпки. Они были нормальные, как если бы мы находились в Элидиане. Потом выяснилось, что оттуда их госпоже Мирке и привозили, она только подгоняла их по фигуре заказчиц. К моим золотистым кудрям она подобрала платья темно — синего, бронзового и нежно — сиреневого оттенков. Особенно мне понравилось синее: в нем и глаза мои казались синими даже без зелья госпожи Реганы.

Когда же Мирка представила Конраду счет, я чуть не подавилась. В той же Элидиане за такие деньги можно было купить десять подобных платьев, да не готовых, а заказать по собственному эскизу. Но Кон выложил золото не торгуясь, а на мой полный ужаса взгляд прореагировал так:

— Марта, родная, для тебя мне ничего не жалко. Зачем деньги, если я не могу украсить свою любимую? И не делай такие глаза: я не последнее спускаю. Я чертовски богат, моя милая. Вернее сказать, мы с тобой богаты, так что можешь забыть об экономии и получать удовольствие.

Можете удивляться, но меня эти слова не порадовали. Конечно, приятно получить такой шикарный подарок, но... если Конрад и впрямь так богат, Леокадия его просто так не отпустит. И надо помнить, что его богатство не унаследованное, а полученное за выполненные по всему миру заказы. А учитывая, что в будущем он заработает еще во много раз больше... Опасность от его жены становилась просто осязаемой.

И самая жуть в том, что бороться с ней мне не по силам. Она ведьма, а я обычная девушка. Придется Конраду самому ее нейтрализовать. Хорошо еще, что она пока сидит тихо.

Ой, наивная. Это я только думала, что ведьма никаких шагов не предпринимает, потому что в городе не бывала и не знала ничего. Но вот пришел день и истина предстала во всем своем кошмарном великолепии.

Для начала нас пригласили принять участие во встрече посольства перед порталным залом. Там для этого выстроили трибуны для гостей, расстелили ковровые дорожки, выставили почетный караул и военный оркестр, все как положено. Нам с Конрадом и Рихарду отвели место на трибуне в первом ряду. Рядом с Коном разместился генерал Живко Живкович, папа нашего Живко, а Рихарда подпирал своим мощным торсом Гаспар и вполголоса ругался: приглашения для Верки ему выбить не удалось. Вот если бы он успел на ней жениться...

Тоже мне удовольствие: торчать на ветру битых два часа, дожидаясь, когда портал сработает и из здания выйдет посольство. Я для торжественности надела красивый шимасский костюм, но его все равно не было видно под теплым плащом с капюшоном и толстым вязаным шарфом. Зима, поди, не лето. А у Верки такого теплого плаща нет. Она, конечно, ведьма, но и маги, и ведьмы простужаются точно так же, как простые люди. Другие болезни их не берут, а насморк — пожалуйста.

Наконец двери порталной распахнулись, из дверей вышло человек семь и грянула музыка. Посольство Эберхарда фар Арвиля прибыло в Сармион.

Сам посланник короля Губерта шел впереди, остальные по двое за ним. Я залюбовалась.

Наш Рик хорош собой, но брат превзошел его по всем параметрам. Выше ростом, шире в плечах, черты лица более чеканные, волосы темнее и гуще, в общем красавец хоть куда. Просто образец идеального мужчины, даже король на его фоне не кажется таким уж потрясающе красивым.

Зато наш ректор гораздо симпатичнее. Рихард полон очарования, которое характерно для людей доброжелательных, Эберхард же показался мне холодным и надменным. Боюсь, с ним я не нашла бы общего языка. Радует только то, что скорее всего мне и не придется.

Я побаивалась того момента, когда Эберхард увидит Кона. Если мой любимый так похож на предыдущего короля, то посол не может не заинтересоваться. Зря переживала. Красавец нес себя как драгоценность и не разменивал свое внимание по мелочам. Встречать его отрядили первого министра и он, казалось, видел только его. Высокие стороны встретились, поклонились друг другу, Эберхард представил свою свиту, премьер что-то сказал, а дальше происходило то, ради чего здесь сидели бедные замерзшие зрители. Эберхард с премьером шли мимо приветствующих их солдат, а военный оркестр играл с неослабевающим энтузиазмом.

Насколько я равнодушна к военным, оружию, мундирам и всей этой мишуре., настолько обожаю военные оркестры. Если бы все войска только из них и состояли, насколько лучше была бы жизнь! Четкий строй, нарядные, красивые юноши, сверкающие на солнце духовые инструменты, тамбур — мажор со своим жезлом и прекрасная жизнеутверждающая музыка.

Бодрые марши всегда приводят меня в приподнятое настроение. Вот и сейчас я оживилась, стала притоптывать ногой в такт и вертеть головой. Для начала получила добродушное одобрение генерала Живковича:

— Смотрю, госпожа Марта, вам нравится наш оркестр. Правда, замечательные ребята?

— Восхитительные, — подтвердила я.

— Моя гордость. Сам их отбирал, специально нанял им в Кортале лучшего капельмейстера.

— Не зря трудились. Они играют просто замечательно. А как красиво это выглядит!

На последних словах перевела взгляд на сидевшего между нами Конрада и запнулась. У него было такое выражение лица, что мне стало страшно. Мертвый взгляд. Если он так хоть изредка смотрит на своих студентов, то понимаю, почему они его так боятся.

Проследила, куда этот взгляд устремлен и тут уже мне стало нехорошо. На противоположной трибуне сидела... Я сразу поняла, что это Леокадия. Она не привлекла моего внимания в начале церемонии потому что из-за холода натянула на голову капюшон, отороченный густым, пушистым мехом, не позволяющий разглядеть лицо. А сейчас она его скинула и предстала во всей красе.

Не зря все в один голос твердили, что она потрясающе красива. Действительность даже превзошла мои ожидания. В отличие от Сильвии Леокадия была темноволосой. Издалека невозможно было разглядеть, какого цвета у нее глаза, ясно одно: большие и очень красивого разреза. Вообще все ее черты, даже если не идеальные, образовывали такую гармоничную картину, что взгляд невозможно было отвести. А главное, в отличие от той же Сильвии, она не выглядела стервой. Наоборот, этакий нежный цветок, при виде которого все мужчины выпячивают грудь и распускают павлиний хвост.

Знаю я таких и особенно опасаясь. Они выглядят нежными и хрупкими, тонкими и аристократичными, мужчины инстинктивно стремятся их защищать. Только защищать в этом случае надо самих мужчин. Такие дамочки как ядовитый плющ, вытягивают из поддавшихся их чарам все соки, а потом бросают. По их логике верно: если из лимона выжат весь сок, его надо выбросить и взять новый.

Я не раз встречала представительниц этого довольно распространенного типа, но никогда не видела такого совершенства. Леокадия была просто квинтэссенцией бедных, незащищенных стерв. Неудивительно, что в свое время Конрад пал жертвой ее чар: у него рефлекс защитника в крови.

Но сейчас он смотрел на нее как на собственную разверстую могилу.

Как сквозь сон слушала я разглагольствования Живковича о замечательном оркестре и новой программе. Наконец он проследил мой взгляд и спросил:

— Вам знакома эта дама? Я почему спрашиваю: вы так пристально на нее смотрите.

Я собрала все силы в кучку и произнесла спокойным голосом:

— Она удивительно красива, я никогда не встречала столь совершенной внешности.

— Первый раз вижу даму, которая отдает должное красоте другой женщины, — рассмеялся генерал.

То ли мое замечание, то ли слова генерала повлияли, но Конрад вдруг сбросил свое оцепенение и схватил меня за руку. Затем повернулся к Живковичу и завел с ним разговор об успехах его сына, как будто так и было задумано.

Я отвела взгляд от Леокадии. Странно, если бы на меня так откровенно пялились, я бы обратила внимание, но она не сводила взгляда с Эберхарда, в это время уже дошедшего до конца военного строя и собиравшегося повернуть назад. Казалось, ничто другое ее не интересовало, в том числе и брошенный муж, сидевший строго напротив. Но на Конрада она даже не взглянула! Или он ей больше не нужен и тогда ура, или тут такая тонкая игра, что у меня в голове не укладывается.

Хотя скорее второе. Где мне, простому математику, понять душу шпионки и авантюристки?!

Если вдуматься, она здесь по службе и тогда понятно внимание к посланнику. Не зря же она сюда приехала перед его визитом. А Конрад в данном случае — просто лишний фактор, который нужно учитывать при выполнении задания. Не к нему же она приехала?! Если бы он был ее целью, давно бы уже нашла случай встретиться и объясниться.

Сейчас все охраны, надетые на меня Коном, не казались мне таким уж тяжелым бременем. От такой барышни только в крепости можно обороняться, да и то... Так что береженого боги сохраняют.

Между тем беседа Конрада с Живковичем плавно перешла с нашей школы на предстоящие торжества. И тут генерал нас огорошил:

— Эта дама, которой заинтересовалась госпожа Марта... Прекрасная Леокадия. Не знаю точно откуда она прибыла, по — моему из империи, но, возможно, я ошибаюсь. Она была представлена королю Горану и он пригласил ее погостить во дворце. Сам я не одобряю такой неразборчивости, но надо признать, что трудно устоять перед такой красавицей. Даже королю.

Конрад даже бровью не дернул, спросил безразличным голосом, но я чувствовала, как тяжело дается ему спокойствие:

— Когда, вы говорите, король ее пригласил?

— Третьего дня. А переехала она вчера. Но я этого не говорил. — А кто ее представил, не припомните?

— Она познакомилась с королем, кажется, в салоне госпожи Сильвии. Он возвращался с маневров и заехал по дороге навестить старую приятельницу. А госпожа Леокадия что-то покупала у нее в салоне.

Ведьминский кодекс в действии. А сказала, что Леокадию терпеть не может и помогать ей не станет.

* * *

В этот момент наконец закончилась торжественная встреча. Делегация из Гремона загрузилась в кареты и отбыла, приглашенные начали подниматься со своих мест. Генерал Живкович заторопился и откланялся. Еле сдерживавшийся Конрад прошипел ему вслед:

— И куда только смотрела служба безопасности?

Я удивилась:

— Кон, но ведь безопасность — это ты!

Он зарычал и довольно злобно:

— Я — магическая безопасность, понятно?! Зачарованные двери, защита от прослушивания, сигналы при попытке проникновения, даже укрепление стен и неразбиваемые окна — это все я. А проверка новых людей — это шеф службы безопасности генерал Грегориш. Вон он, кстати. Давай поторопимся. Я хочу получить от него ответы на кое — какие вопросы.

Мне тоже было интересно и я припустила вслед за широко шагавшим Конрадом. Генерала он догнал только у выхода на каретную стоянку и жестко схватил за плечо. Тот сделал попытку вырваться, но, увидев, кто его поймал, тяжело вздохнул и остановился. Кажется, сейчас выйдет крупный разговор.

Начал мой любимый:

— Генерал Грегориш, добрый день. Не могли бы вы меня просветить, что тут делает госпожа Леокадия... ммм... не знаю, какой фамилией она представляется.

На бедном генерале лица не было. Сначала он пытался ответить, но никак не мог произнести ни слова, а когда заговорил, то чуть не плакал.

— Господин ар Герион, это вы о том, что данная дама — кортальская шпионка? Да знаю, знаю. И королю докладывал. Но что я мог поделывать? Наш венценосный и слушать меня не стал. Против всяких правил притащил госпожу Леокадию во дворец и предоставил ей покои, предназначенные для первой статс — дамы королевы. Королевы-то у нас пока нет, призвать его к порядку некому.

Ясно было, что он сам себя ругает на все корки, что не уберег и пустил ситуацию на самотек. Если бы это могло помочь все исправить... Кон же не желал слушать оправданий.

— И вы...

Не желая получать упреки еще и от Конрада, Грегориш чуть не заорал:

— Конрад, вы сами во всем виноваты! Не надо было так злить Его Величество! Он как узнал, что госпожа Леокадия — ваша законная жена, прямо взбесился. Притащил красотку во дворец, хоть я и твердил ему, что она шпионка. Да королю сейчас все без разницы, лишь бы вас оскорбить, а госпожу Марту унижить. Он даже на государственностью безопасность

позволил себе наплевать.

Ой! Выходит, мы с Коном настолько задели Горана за живое?! Никогда бы не подумала. Кто он и кто я? Король и простая учительница математики. Ну, не простая, но все равно ничтожная подчиненная. К тому же не слишком красивая.

Посмотрела на Конрада: он стоял как оплеванный. Грегориц понял, что перегнул палку и начал давать задний ход.

— Ну, не переживайте. Все равно сделанного не вернешь. Но мы эту Леокадик как-нибудь выживем из дворца. Пока что я велел установить за ней слежку.

Конрад нахмурился, что-то соображая.

— Жалко, генерал, что вы мне вчера об этом не сказали. Я бы ее комнату нашпиговал следилками в лучшем виде, да и саму всю обвешал. Не может шпионка себя не выдать. Но что отложено, не упущено. Попробуйте задержать Леокадию где-нибудь в городе, —скомандовал он генералу, — Я немедленно еду во дворец. Марта, — он обратился ко мне, — А ты давай отправляйся в Школу.

Ага, сейчас! Побежала! Да я с ума сойду от неизвестности. Но спорить с Конрадом когда он в таком состоянии — зря время терять. Поэтому я сказала:

— Хорошо, дорогой. Я поеду вместе с Рихардом. А ты там не задерживайся допоздна, я буду ждать.

И пошла искать Рика. Что-то мне подсказывало, что наш прекрасный ректор собирается вовсе не на работу, а в гости к родственникам, то есть в посольство. А если Леокадия начинала свою шпионскую карьеру именно в Гремоне, то натравить посла на моего врага будет проще простого. Если на своих подданных королю плевать, то с важными гостями он себе этого позволить не может.

Оттуда можно будет и во дворец заглянуть. Рик не откажет, ему самому интересно, особенно если я расскажу про то, как эта стерва пробралась в королевские гости. Ну и что, что Конрад велел в школу возвращаться? А мне не на чем было!

Надо сказать, я не авантюристка, но бывают случаи, когда душа горит, требует активных действий, и тогда ей лучше не перечить. Это как раз такой случай.

Но какова Леокадия?! Надо же, что за гадина! Представилась во всеуслышание женой Кона, как будто не сбежала от него много лет назад. Сейчас еще права качать начнет!

Насчет Рика я угадала. Он как раз собирался в посольство на встречу с братом. Обрадовался мне как родной и сам предложил его сопровождать..

— Ты съездишь со мной? Ненадолго? Понимаешь, Марта, при тебе Эберхард поостережется, не решится меня обрабатывать. Не станет уговаривать шпионить в пользу Гремона или заключить выгодный брак. Не захочет показать свою гнилую, продажную сущность. Все-таки при чужих, тем более при даме, он ведет себя просто идеально. Дипломат, дери его демоны!

Я уточнила:

— То есть, во время этого визита я тебе буду нужна?

— Еще как! Да ты мне сэкономишь часа два времени. Без тебя он долго будет по мозгам ездить, а с тобой мы просто чаю попьем и откланяемся.

Выходит, визит в посольство не только в моих интересах? Надо ли говорить, что я согласилась.

Перед господином Эберхардом фар Арвилем Рихард извинился за то, что приехал не один.

— Это моя правая рука, проректор по учебной работе госпожа Марта Аспен. Мы вместе были на торжественной встрече и вместе заехали.

Красавец Эберхард глянул на меня недоверчиво, но приветствовал весьма любезно. Можно даже было обмануться и решить, что рад меня видеть. По крайней мере сейчас он выглядел не холодно и надменно, а приветливо и доброжелательно.

— Госпожа Аспен, как мило, что вы заехали с братом. Позвольте вопрос: кем вам приходится Франк Аспен, знаменитый математик?

— Отцом, — бодро ответила я.

Откуда посол может знать папу? Тем временем Эберхард расплылся в улыбке.

— Значит, вы из Лиатина? Как прекрасно! Почти соотечественница. Я познакомился с вашим отцом два года назад у вас на родине. Был там с миссией и посетил международную конференцию, а господин Аспен ее открывал как почетный председатель.

Решив, что мне он уже все сказал, Эберхард повернулся к Рику:

— Дорогой брат, рад видеть тебя. Но... Ты сказал, что был на встрече вместе с госпожой Мартой, а я видел ее там совсем с другим человеком. Он показался мне знакомым...

Надо же, делал вид, что ничего вокруг не видит, а сам орлиным взором все заметил. Рик же сделал вид, что все идет как надо.

— Это еще один мой коллега, декан факультета общей магии Конрад ар Герион. Наш соотечественник.

Ответ посла звучал так, что его можно было на хлеб намазывать вместо масла.

— Догадываюсь. Старший сын графа Гюнтера ар Гериона, если мне не изменяет память. Тот, который отказался от титула ради занятия магией.

— Память у тебя что надо, — подтвердил Рик, — Конрад мой друг, а Марта с ним встречается. Но сейчас он очень занят, поэтому мне пришлось взять моего проректора с собой.

Разговор сворачивал куда-то не туда, Рик уже начал оправдываться, что недопустимо. Я лихорадочно придумывала реплику, чтобы вернуть беседу в правильное русло, но Эберхард вдруг потерял всякий интерес как к моей персоне, так и к Конраду.

— Что же мы стоим?! Пройдемте в гостиную, выпьем чаю или горячего вина. Там уже должны были накрыть стол. Признаться, я устал с дороги.

Мы провели в посольстве минут сорок и за все остальное время Эберхард не сказал со мной и трех слов. Только попрощался. Зато расспрашивал брата о Школе и его взаимоотношениях с королем Гораном. Под конец спросил:

— Ты случайно не обратил внимание на одну даму? Очень красивую даму, из тех, что тебе нравятся. Она сидела напротив в таком темном плаще с капюшоном, отделанным мехом северной лисицы.

Я сразу поняла, что речь о Леокадии, Рихард тоже догадался. В отличие от своего дипломатического брата, он не стал наводить тень на ясный день, а ляпнул:

— Это ты про Леокадию? Видел, а как же. Редкостная сучка. — Ты ее знаешь?

— Еще бы я ее не знал, она же несколько лет была женой Конрада, пока не сбежала.

Доброжелательное лицо посланника вдруг заледенело, а в глазах появилась... растерянность? Затем он взял себя в руки и с милой улыбкой спросил:

— И ты знаешь, где она остановилась?

Я не успела остановить Рика, да и как я бы это сделала?

— Во дворце короля, насколько мне известно. Она личная гостья Горана.

— Вот как? — поджав губы, процедил Эберхард, — ну что ж... А вы теперь куда?

— В школу, работа не ждет, — весело заключил Рихард.

После этих слов начались прощания и мы уже через минуту сидели в карете. В школу я все еще не торопилась. Сегодня у меня занятий нет, а текущую административную работу найду на кого спихнуть. Важнее предупредить Конрада.

К счастью Рик был того же мнения. Поначалу карета покатила на выезд их города, но внезапно ректор открыл окошечко в передней стенке и велел кучеру поворачивать ко дворцу.

— Марта, надо предупредить Кона, что Эберхард его заметил. И про Леокадию сказать что он спрашивал. Ты не против, мы сначала во дворец, а домой потом?

Против? Да я рада — радешенька. Только меня там видеть не хотят. Об этом я напомнила Рихарду. Он отмахнулся.

— А, ерунда. Мы же неофициально. Войдем через вход для прислуги, а то еще лучше: через вход для агентов безопасности. Есть и такой!

Верю, что есть и даже верю, что Рик знает, как его найти. Только бы нам по дороге никто знакомый не попался. Но ректор меня успокоил: мы окажемся не в тех коридорах, по которым ходит знать, а в других, для obsługi. Он их неплохо знает, так что сможет меня провести и найти Конрада. Тот или в своем придворном рабочем кабинете, или у короля. К королю мы, ясное дело, не сунемся, а когда он Кона отпустит, мы его выцепим и расскажем, что узнали в посольстве.

План был хорош, поэтому я с ним и согласилась. Но не зря пословица говорит: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. На деле все пошло совсем не так.

Нет, во дворец мы попали. Вошли через вход для слуг, там, где кухня. Под прикрытием незаметности это не составило труда. Пришлось только немного переждать, пока разгрузят фургон со свежими овощами, слишком в этот момент много людей там толклось, можно было на кого-нибудь случайно налететь. Но стоило фургону отъехать, и народ рассосался. Мы проникли во дворец несмотря на то, что Конрад уверял: сюда и мышь не прошьмыгнет незамеченной.

Рихард уверенно вел меня сначала по длинному и узкому коридору без какого-либо декора, затем по такой же узкой лестнице и наконец остановился перед дверью. Прикоснулся к ней нашим школьным универсальным ключом и она открылась.

— Кабинет Кона во дворце, — пояснил ректор.

Действительно кабинет. Письменный стол, кресло, конторка для секретаря, на самом видно месте огромный сейф, шкафы с книгами и папками для бумаг, в углу удобный диван и столик, на котором красуется хрустальный графин и пара стаканов. Но никаких следов Конрада, как будто его тут никогда не было. Кстати, дверь, через которую мы вошли, со стороны кабинета оказалась замаскирована книжным шкафом. Рик пожал плечами.

— Хм, странно, я был уверен, что мы найдем его на месте. А он, похоже, сегодня сюда даже не заходил. Пойдем-ка мы в малую королевскую приемную. Там нам никто не удивится.

Я предпочла бы подождать Конрада тут, но Рихард говорил так уверенно, что не захотелось спорить. Мы снова нырнули в хитросплетения лестниц и коридоров. Однообразные беленые стены нагоняли тоску и внушали трезвую мысль: если я здесь потеряюсь, то ни за что сама не выберусь.

Но кое-что в коридорах постепенно менялось. Теперь двери попадались гораздо чаще, а время от времени часть стены оказывалась выкрашена в темный серо — зеленый цвет и взята в рамочку. Слуги тоже начали встречаться, от них приходилось прятаться в стенные ниши, которые, кажется, именно для этого и были устроены. Рик продолжал уверенно меня вести и наконец остановился у двери, рядом с которой располагалась та самая странная рамочка с кусочком крашеной стены. Дверь открывать не стал. Показал, приложив палец ко рту: "Молчи", и дотронулся нашим универсальным ключом до рамочки.

Мама дорогая! Она засветилась и превратилась в некое подобие окна. Только за ним была не улица, а богато обставленная комната или, скорее, зала. Конрада не было и здесь, зато мы стали свидетелями любопытной сценки.

Красотка Леокадия обрабатывала нашего Гаспара. Она сидела перед ним на низком диванчике, он нависал над ней как гора. Их голоса доносились тихо, но явственно:

— Дорогая, кто посмел вас обидеть? — спрашивал наш лихой вояка у шпионки таким тоном, что я заволновалась за Верку.

Леокадия решила обольстить жениха моей помощницы и у нее, кажется, получилось. Не знаю, зачем ей это нужно, но... Плохо, очень плохо. С другой стороны... Пока Леокадия гадила магам и мне, я не могла привлечь к борьбе против нее других ведьм. Ту же Сильвию, Верку, Лауру или Нанни Гейл. Особенно Нанни, не зря же она не простая ведьма, а боевая.

Надо рассказать Верушке про то, что я здесь увидела. Зараза хочет отбить ее мужчину и заставить Гаспара плясать под свою дудку. Вот Верка разозлится!

Леокадия станет ее врагом, врагом ведьмы, тогда ведьмин кодекс разрешит другим ведьмам принять наиболее симпатичную им сторону. А так как Леокадию бабы в принципе не любят...

Между тем красотка журчала что-то неразборчивое, я расслышала только последние слова:

— Он меня преследует и хочет убить, чтобы расчистить дорогу своей любовнице.

Если это не про меня, то я дерево! Гадюка еще не разобралась в здешней ситуации, а уже натравливает на меня и Конрада Гаспара. А тот, похоже, принимает ее измышления за чистую монету и готов броситься на защиту красотки.

Тут Рик с перепугу больно сжал мою руку, потому что в комнату стремительной походкой вошел мой любимый. Увидел Леокадию с Гаспаром и злобно хмыкнул. Затем задал вопрос:

— Что здесь делает эта женщина? Если ждет короля, то напрасно: он выехал в загородное поместье, чтобы проверить, все ли готово к охоте. А больше ей здесь делать нечего. Вернитесь в свою комнату, госпожа.

Леокадия вскинулась.

— На каком основании? Я гостья...

— А я отвечаю за безопасность дворца и подданных короля в его отсутствие. Здесь нечего делать иностранным шпионам. Пусть я не смог защитить Его Величество от вашего тлетворного влияния, но остальных постараюсь уберечь.

Гаспар попытался вступиться за дамочку. Я боялась, что под воздействием ее чар он

будет груб и резок с Коном, но воин попытался выступить миротворцем.

— Ну не надо так сурово, Кон. Прекрасная Леокадия не заслужила такого отношения.

Ответ Конрада падал тяжелыми булыжниками.

— Гаспар, я понимаю, что ее красота не оставила тебя равнодушным, но поверь мне: эта женщина — шпионка. Она представляет опасность для страны, особенно когда находится здесь, в королевском дворце. И чем меньше она будет контактировать с людьми, тем лучше.

Гаспар возразил:

— Но король принял ее как свою гостью!

Конрад отвечал все также холодно и сухо.

— Это право короля. А моя обязанность свести к минимуму вред от того, что он это право осуществил. Пока короля нет, я здесь всем командую. Госпожа, пройдите в свою комнату. Я вас лично провожу. А тебя, Гаспар, вспомни, ждут на совещании у генерала Живковича. Ты уже опаздываешь.

Боевой маг хлопнул себя по лбу и вылетел из помещения. Конрад и Леокадия остались с глазу на глаз. По крайней мере они так думали. Стоило двери за Гаспаром закрыться, как красавица поднялась, сделала пару скользящих шагов и оказалась в неприятной близости от моего мужчины. Изогнулась так, что ее роскошный бюст чиркнул по груди Конрада, и засмеялась грудным смехом:

— Ну здравствуй, дорогой. Давно не виделись.

Кон сделал шаг назад и прошипел сквозь зубы:

— Не подходи. Зачем ты сюда пробралась? Шпионить? Устраивать диверсии? Король совершил глупость и пустил тебя во дворец, но я сделаю все, чтобы тебя отсюда выкинули с позором. И не пытайся ко мне приставать. Я женщин не бью, но для тебя могу сделать исключение. Так что слушай мою команду: марш в свою комнату. Больше я повторять не намерен.

— Какой ты..., — пропела женщина, — Я думала, ты будешь мне рад. Все же мы пока еще муж и жена. Разве ты не хочешь поцеловать свою женушку?

И она снова змеей скользнула к Конраду.

Я уже готова была ворваться к ним и повыдергать стерве все волосенки, но меня удержало то, что дверь была закрыта, а свой универсальный ключ я оставила дома. К тому же Рихард крепко держал меня за руку. Ему сцена тоже не нравилась, но он был уверен в том, что Конрад справится, иначе уже давно вмешался бы.

На чем строилась эта уверенность я увидела буквально в следующее мгновение. Конрад не нарушил своих принципов и не тронул Леокадию пальцем. Но внезапно она из изящной, грациозной хищницы превратилась в деревянную, нескладную куклу. Все ее движения стали заторможенными и какими-то неестественными. На негибающихся ногах красotka прошествовала через всю комнату на выход.

Тут Рик дернул меня за собой и потащил по коридору куда-то в сторону. Уже через минуту мы вывалились в какой-то нарядной зале в которой по счастью никого не было. Я думала, он меня отпустит и мы пойдем чинным шагом. Куда там! Ризард волок меня к одному ему известной цели. Мы снова оказались в коридорах, на этот раз богато отделанных и украшенных картинами, вазами и скульптурами в нишах. В одну такую нишу он меня внезапно затащил и снова жестом приказал молчать, хотя я до сих пор не издала ни звука.

Это я уже запомнила: под пологом незаметного нельзя шуметь, иначе он слетает.

Значит, мы все еще прячемся. А от кого? По — моему, все что нужно мы уже узнали.

Но тут в конце коридора показалась процессия. Своим деревянным шагом мимо нас проковыляла Леокадия, Конрад шел за ней как конвоир. Они остановились у одной из дверей, которую нам с Риком было отсюда отлично видно. Кон взмахнул рукой и она распахнулась. Он знаком приказал Леокадии войти. Она кинула на него полный бешеной злобы взгляд, а затем посмотрела на свои ноги и не сдвинулась с места.

Конрад с улыбкой пояснил:

— Ты обрешь возможность пользоваться собственным телом, когда войдешь внутрь. При попытке выйти заклинание связывания снова будет действовать. Отменить его сможет король лично. Отдыхай. Еду тебе доставят.

Леокадия снова на него зыркнула, но, убедившись, что ее чары не действуют, вошла внутрь. Дверь тут же захлопнулась и по ней пробежали синие искры. Это заклинание я знаю, у нас в школе им опасные предметы опечатывают. Снять может только тот, кто наложил.

Змею заперли. Ну, хоть посидит тихо, пока короля дома нету.

Рихард вышел из ниши и вытащил меня за собой. Удивлению Конрада не было предела:

— Рик? Марта? Откуда? Что вы здесь делаете? Марта, я, кажется, просил тебя ехать домой, в школу.

— Не ругай ее, Кон, — вступился за меня ректор, — Это я виноват. Попросил Марту заехать со мной к Эберхарду. А там мы такое узнали, что поспешили сюда. Надо было как можно скорее поставить тебя в известность.

Конрад обреченно вздохнул.

— Что, Эберхард меня заметил?

Рик вдруг засуетился:

— А как ты думаешь? И не только тебя, но и Марту рядом с тобой. А еще Леокадию. Помнишь, ты говорил, что в свое время ей пришлось бежать из Гремона? Сейчас я уверен, что мой братец имел к этому прямое касательство. Так все в один узел сплелось...

— Да уж, — согласился с ним Конрад и обратился ко мне, — Марта, поедem домой. Я все уже закончил на сегодня. Завтра придется встать пораньше, чтобы успеть сюда до возвращения короля, но сегодня я весь твой.

Я думала, он меня ругать будет. Но в его голосе слышалась только бесконечная усталость и нежность. Он не был рад тому, что я впутываюсь в эту историю в короле и Леокадией и готов был оградить меня любой ценой. А я все равно лезу на рожон. Мне стало стыдно.

С другой стороны, если бы я не пошла у Рика на поводу, а вернее сама его не подначила, то не узнала бы, что проклятая ведьма обрабатывает Гаспара. А это козырный туз у меня в рукаве.

Так я думала, плетясь за мужчинами к карете. На этот раз мы залезли туда втроем и весь путь проделали в молчании. Конрад обнимал меня за плечи чуть крепче, чем обычно. Когда же мы оказались на школьном дворе, Рик сразу нас покинул, отговорившись делами. Не хотел мешать разговору.

Мы с Конрадом поднялись в наши комнаты, где было тепло, светло и ждал вкусный не то обед, не то ужин. Все казалось таким мирным, обычным, но я чувствовала, что наша жизнь меняется и никогда уже не будет той, что была вчера.

Обернулась к любимому и сказала:

— Прости, я тебя не послушалась. Но так получилось.

— Понятно. Рик предложил, а ты не захотела отказаться. Золотинчик мой, — Он прижал мое лицо к груди и чмокнул в макушку, — Одуванчик. Глупая храбрая умница. Пойми: в игре магов и ведьм у тебя нет шанса. Ни малейшего. Так что работай спокойно, из школы не выходи и все обойдется. Сюда нашим врагам хода нет и здесь ты в безопасности. Я сам разберусь с Леокадией.

— А с Эберхардом?

— И с ним. Он тот еще интриган, но меня в свои интриги он вовлечь не сможет. Поверь.

Я верю тебе, Кон. Только я боюсь за тебя. Эта женщина очень хитрая и она ни перед чем не остановится.

Он поцеловал меня, а затем произнес задумчиво:

— Знаешь, я даже рад, что все так получилось. Столько лет я не видел Леокадии и, если честно, побаивался этой встречи. Но она дала мне в руки козыри, приехав сюда. Пока она кокетничала с Грегорицем, я с двумя парнями из его службы обыскал ее комнаты и нашел компрометирующие предметы. Не те, что позволили бы мне засадить ее за решетку до конца дней, но такие, которые делают ее здесь персоной нон грата. Я поймал лису в ловушку и теперь могу торговаться. За то, чтобы выйти на свободу, она должна согласиться активировать печати и дать мне развод.

Развод? Это хорошо. Но почему-то мне кажется, что все не будет так просто. Змея вывернется, но добровольно печать активировать не станет. Ей это по какой-то причине невыгодно. Знать бы еще по какой.

Если бы она метила в королевы, то свобода представлялась бы ей желанной. Она сама бы искала Кона, чтобы аннулировать брачный договор. Но если она до сих пор этого не сделала, значит, титул ей не светит. В таком случае Конрад нужен ей как... Не знаю. Заложник, может быть?

Но говорит ему об этом я не стала. Просто обняла и увлекла за стол. Он же сегодня еще толком не ел.

* * *

Потом, когда мы уже лежали в постели, я решила кое-что для себя прояснить. Вспомнила, как мы с Риком по дворцу расхаживали, и спросила:

— Кон, а как так вышло, что мы с Рихардом беспрепятственно вошли? Раз уж ты дворец магически обезопасил...

Он рассмеялся.

— У Рика полный допуск. Если меня по какой-то причине нет, он имеет право войти в любое помещение, вплоть до королевской спальни. Его ключ открывает не только любую дверь нашей школы, но и во дворце то же самое.

Вот как? Но у меня с Риком блямбы одинаковые.

— А мой? У меня же тоже полный допуск...

Он объяснил мне, как первокурснице:

— Марта, ты не маг. У тебя полный допуск в школе, это верно. А для дворца потребовалась бы еще сила и настройка на нее. Так что вошли вы беспрепятственно потому, что Рик имел на это право.

Интересная особенность.

— То есть, тот, кто имеет право, может провести с собой любого, даже того, кто такого права не имеет?

— В принципе да. А почему ты спрашиваешь? Или... Марта?

Ну да, да, да! Я подумала о том, что врага может провести самый лучший друг и из лучших же побуждений. Тот же Гаспар захочет показать милой даме какая у нас замечательная школа. Или она очарует еще кого-нибудь из тех, кто имеет постоянный пропуск. Зачем далеко ходить: Милчич у нас бывает по несколько раз за декаду.

— Думаю, ты меня правильно понял. В школу просто так Леокадию никто не пустит, но если она уговорит кого-нибудь ее провести...

— Предусмотрительная моя. Это ты мне правильно указала на мою недоработку. Подумаем, что тут можно предпринять.

Тогда я напомнила ему про нашего воина, который уже подвергся обработке и в этой ситуации казался мне достаточно уязвимым:

— Кон, я слышала, как эта красавица обрабатывала нашего Гаспара. Говорила про тебя гадости, а он ей поддакивал. Он поддался ее чарам. Ведь так?

— Судя по всему не полностью. Посмотри, он не стал на меня нападать, а стоило мне сказать пару слов, как он спокойно вышел и оставил нас с Леокадией наедине. Думаю, она от него не этого хотела.

— То есть, она его не обольстила? Но почему?

— Марта, вспомни: чары обольщения не действуют, если человек уже искренне любит. В этом случае максимум, чего может добиться ведьма — это приязнь, хорошее отношение, иногда доверие.

А ведь правильно. Если бы змея Гаспара очаровала по полной, он на Конрада должен был наброситься как на врага, а он только мялся и уговаривал быть с ней понежнее.

— Думаю, так и получилось. Когда ты говорил Леокадии все эти неприятные вещи, Гаспар искренне страдал и хотел тебя прервать, чтобы больше не слушать обвинений в ее адрес.

Он вдруг задал мне вопрос, которого я не ожидала.

— Слушай, а как и когда вы с Риком там оказались? Что-то я вас не заметил.

Ой, кажется, я заложила Рихарда. Но ничего, для меня важнее чтобы Конрад мне доверял.

— Ну, мы вошли через кухню... Это ты знаешь. А потом пошли по коридорам и лестницам для слуг. В твоей комнате тебя не оказалась и Рик повел меня в какой-то малый зал, если я не ошибаюсь. А там приложил свой амулет к такой рамочке... В общем, мы видели и слышали, как Леокадия охмуряет нашего Гаспара. А потом ты повел ее куда-то и Рихард потащил меня тоже, сказав, что мы тебя обгоним и встретим уже у цели. Так и вышло.

Кажется, все, что я рассказала, не было для него тайной, но почему-то он хотел не сам догадаться, а услышать от меня. Вопрос доверия, я правильно понимаю?

— Молодцы. Я знаю: он хотел как лучше и ты тоже. Только больше никогда так не делай и Рихарду скажи.

У меня попутно родился новый вопрос:

— Кон, а как думаешь: Горан очарован Леокадией или это с его стороны только игра? Помнишь, ты говорил, что на Сильвию не могла действовать очаровывающая магия короля.

А наоборот, на короля магия ведьмы действует?

Мой личный маг задумался: этот вопрос ему пока не приходил в голову и сходу поставил в тупик.

— Вопрос занятный. Думаю, что Горан очарован не больше, чем ему самому удалось очаровать. То есть этот вид магии тут ни при чем. — А зачем он ее тогда во дворец притащил? Чтобы тебе бяку сделать?

Похоже, я правильно догадалась. Конрад подтвердил:

— В том числе. А еще чтобы тебя унизить. Он ведь нам так и не простил.

Не простил того, что мы полюбили друг друга? Станный он все-таки. Я ведь ему даром была не нужна, ну, разве только для коллекции. А уж то, что он учинил — просто идиотизм. Короли не должны действовать в разрез с интересами собственного королевства.

— Глупость. Детство какое-то. Разве королям так можно?

Кон развел руками:

— Короли — те же люди. И можно им по — всякому, в том числе и по — дурацки. Одуванчик мой, это ты у меня умница — разумница, а большинство сначала сделает, потом думает. И король не исключение, тем более что он парень еще молодой... Честно сказать, ситуация так складывается, что взял бы тебя в охапку и куда-нибудь подальше... От греха.

Ага, а потом платить неустойку всю оставшуюся жизнь! Я несогласная!

— Но это неправильно! Мы так никогда не разберемся с нашими трудностями!

— Ты хочешь сказать, я так не получу развода? Ты права. Бурю нужно встречать грудью. Но я не хочу, чтобы это была твоя грудь. Так что сиди тихо в школе, а я уж как-нибудь разберусь.

Я хотела отмолчаться, но Конрад только что на ушах не стоял, добиваясь, чтобы я поклялась никуда не лезть. Наконец выжал из меня такие слова:

— Клянусь, что пока Леокадия в Сармионе сама никуда не полезу и без особой надобности территорию школы не покину. Но если неприятности начнутся уже здесь, оставляю за собой свободу действий.

Конрад чмокнул меня в макушку. Кажется, он уверен, что уж в школе-то мне ничего не грозит.

* * *

Следующий день начался как обычно. Занятия, наказанные студенты, бумажки, графики, расписание... Я здорово отвлеклась на все это и почти забыла про вчерашнее. Но после обеда пришла Верка и напомнила.

Она хотела знать, что вчера было: Гаспар ничего ей не рассказал.

Еще бы: мужик мается и не понимает, что происходит, где правда, где ложь. Конраду он привык верить безоговорочно, но Леокадия его обработала знатно. Если он в нее и не влюбился, то уж сочувствовать стал, это точно. Нужно ли это знать Верке?

Необходимо!

Конечно, я тут же все ей изложила в подробностях. Для начала она меня выслушала, нервно стуча пальцем по столешнице, а затем попыталась успокоить:

— Марта, Гаспар меня любит, это я знаю точно. Поэтому никакие приворотные чары на него не действуют или действуют, но слабо. Эта злыдня не способна теперь его

приворожить.

— А она об этом знает? — спросила я машинально и, кажется, попала в точку.

Верка вдруг растеряла всю свою доброжелательность и зашипела:

— Ну, гадюка, ты у меня попляшешь. Слышите, Марта? Я объявляю Леокадии войну! Не фиг тут нашими мужиками манипулировать!

Решила ей подсказать. В учебе я подсказки не приветствую, но тут в самый раз придется:

— Верушка, ты об этом всех ведьм поставь в известность.

Она, умница, сразу сообразила:

— Ты о ком? О Сильвии?

— В том числе. Эта гадина через нашу Сильвию с королем познакомилась. Нужно, чтобы она ее больше не поддерживала. А еще я подумала о Нанни...

Моя помощница чуть не запрыгала от возбуждения.

— Гениально! Натравить на стерву боевую ведьму — это что-то! Схожу для начала с ней поговорю.

Затем стала вдруг очень серьезной:

— Марта, я понимаю, тебе во все это ввязываться не с руки. Мы-то ничего, если надо — магией так шарахнем, что эта Леокадия костей не соберет, а ты можешь пострадать. Но... зато ты умная и можешь дать хороший совет. Так что мы будем тебя беречь, не сомневайся. Только Конраду не говори.

Теперь уже мы с Веркой на ты. Никакого пиетета, зато помощь и поддержка. Вот так я оказалась со своей помощницей на одной доске. А что хотела? Сама все так поставила, собственноручно. Но в нашей маленькой войне, похоже, все средства хороши.

Я не знаю, что задумала Леокадия, для чего ей Конрад и что она вообще тут делает, но одно знаю твердо: я в ее раскладе лишняя и меня она постарается удалить как только узнает о моем существовании.

А она узнает. Видела меня рядом с Конрадом. Одна надежда на то, что пока красотку заперли в ее комнатах до приезда короля, я успею подготовиться. Хотя... Что я могу? Теоретическая магия — это здорово, конечно, но толку от нее, если не можешь от теории перейти к практике... Грош ей цена в базарный день.

Остается только противопоставить ведьминским хитрости и коварству ум и расчетливость. В сущности, это все, что у меня имеется. Надеяться на Конрада, конечно, хорошо и правильно, но если его эта ушлая дамочка один раз сумела обвести вокруг пальца, то почему бы ей не сделать этого по второму разу?

Остальные мужчины-то уж точно мне не помощники: если Леокадии в свое удалось очаровать невосприимчивого к приворотам Кона, то уж других она сделает на раз. Даже влюбленный в свою Верку до умопомрачения Гаспар поддался.

Выходит, я правильно ее привлекла к борьбе. Это королевская магия Горана разит всех направо и налево, не разбирая пол. Ведьминская привлекательность должна действовать более избирательно. Значит, мне следует опираться на союзников среди женщин, а для этого из, как минимум, надо отыскать.

Верку сговорила, но во дворец, где действует Леокадия, ей ходу нет.

Лилиана! У меня же завтра с ней первое занятие! Вот и прощупаем девушку на предмет помощи и поддержки!

Кстати, а зачем Рихардов братец в Сармион прибыл? Не третьего ли жениха принцессе

сватают? Вот смеху-то будет!

* * *

Прежде чем мне удалось поговорить с Лилианой, пришлось пообщаться с Нанни Гейл, но не по тому вопросу, по которому я планировала, а совсем по другому. Просто рано утром, проводив Конрада, я решила не возвращаться под одеяло, а одеться и пройти с инспекцией по территории. В связи с тем, что мы планировали расширяться, стоило осмотреться и прикинуть, где будут стоять новые здания и какие.

На самом деле я хотела отвлечься от мыслей о Леокадии и мне это в полной мере удалось. Спасибо Нанни!

Когда я тихонько спускалась со своего второго этажа на первый, вдруг услышала, как скрипнула дверь вниз. В принципе, ничто не мешало мне идти как шла: я в своем праве. Но почему-то пришло в голову затаиться и посмотреть, кто же это у нас такой ранний. Я замерла на месте, раздумывая, как бы посмотреть на происходящее. Стоя невозможно было увидеть, что происходит на первом этаже, но если присесть и глянуть через перила... Я так и сделала, о чем в ту же минуту пожалела. Вернее, мне стало стыдно.

Но увиденная мною картина так и стояла перед глазами. Открытая дверь, на пороге полуодетый Вольфи с обалделым счастливым лицом, на на шее у него повисла Нанни. Обняла моего друга за шею, ногами обхватила за бедра и вид у нее как у кошки, поймавшей и слопавшей мышь.

Вот ведь ведьма! Теперь бедолага точно знает, чем мальчики отличаются от девочек и чем им надо вдвоем заниматься!

Но почему Вольфи?! Зачем боевой ведьме зануда — математик? Что у них общего?

С одной стороны я не могла не радоваться за старого приятеля, давно ему пора познакомиться с этой стороной жизни, с другой... Ведьмы — они такие непостоянные. Для Рихарда легкая интрижка вполне в его духе, но не для Теттерхофа. Для него Нанни — первая любовь. Если она его бросит, для такого как Вольфганг это будет трагедией всей жизни.

Что делать?!

Обсуждать это с ним я не собиралась. Да у меня язык не повернется говорить с мужчиной о таком! А вот Нанни я тут же захотела задать пару вопросов.

Она как подслушала мои мысли. Прежде чем я встала и ушла обратно, казавшаяся полностью увлеченной процессом ведьма вдруг скосила на меня глаза и подмигнула. Меня как ветром сдуло!

Снова спуститься по лестнице я решилась только после плотного завтрака. Хотя на календаре все еще значилась зима, здесь, в Шимассе, было уже довольно тепло. Из земли лезла новая травка, на кустах стали раскрываться почки. Встретивший меня во дворе Зорко пообещал, что уже через декаду зазеленеют деревья, а через две зацветут первые плодовые деревья. Красота!

Подхватив старого коменданта, я потащила его в обход наших владений. Шла и рассуждала вслух, Зорко только поддакивал. Мастерские надо расширить, пристроить к ним лаборатории зельваров и склад. В саду можно поставить домики для семейных преподавателей, штук десять, места достаточно. Полигон боевиков надо расширить и организовать там полосы препятствий разной сложности для сдачи зачетов. И неплохо бы

уговорить короля отдать школе участок справа от ворот, там все равно пустырь с бурьяном.

Когда-то король Ставр отвел школе приличный кусок земли вместе со строениями, но сейчас было ясно, что для нужд растущей магической высшей школы этого совершенно недостаточно. Нужен еще один учебный корпус для факультета целителей, желательна совмещенный с помещениями для приема больных. Но он должен быть непременно отделен от территории, где живут молодые маги, а для этого ему лучше находиться за оградой. Или пойти по пути, предложенному Милчичем и перевести целителей в создаваемый в столице общедоступный госпиталь?

Этого вопроса я могла бы Зорко не задавать. Он так привык мне поддакивать, что тут впал в ступор, не зная, к какому варианту склоняется любимое начальство. Я оставила коменданта и пошла в учебный корпус. По расписанию у меня было занятие у четвертого курса.

Лилиана прибыла к полудню. Первое занятие с ней проводила Лаура, которая обнаружила в девушке склонность к целительству. За ней эстафету должна была принять я. Так как мой предмет не требовал никакого оборудования, кроме стола и стула, я решила провести урок в собственном кабинете. Потом прикажу подать нам чаю и вызову принцессу на разговор.

Много раз замечала: неприятности имеют свойство ходить табуном.

Только я все подготовила для занятия, как в коридоре раздался кошмарный вой. Обычно так вопит кот, которого тянут за хвост. Но тут звук был во много раз сильнее. Три кота? Пять?

Орал Живко Живкович. Я выскочила из кабинета чтобы стать свидетельницей уморительной сцены. Маленькая, черненькая, похожая на галчонка Нанни Гейл волокла по коридору за ухо это рыжее недоразумение, которое в этот момент и впрямь напоминало кота. Такого большого рыжего кота, пойманного на месте преступления. Так как он был ее на голову выше, то весь изогнулся в виде пресловутой руны "зю", и тащился нога за ногу, издавая истошные вопли.

Нанни же целеустремленно волокла его в мой кабинет. Оба увидели меня и в то же мгновение парень замолчал. Прикидывал, наверное, как можно выкрутиться и в прямом и в переносном смысле. Что мне давить на жалость бесполезно давно выяснила вся школа.

Зная таланты Живко, я показала пальцем на кабинет Рихарда: к ректору. Если он довел преподавателя до того, что та его так скрутила, значит, дело серьезное. А этому нахалу хватит смелости приложить меня заклинанием, чтобы избежать наказания.

Маленькая ведьма пожалала плечами и поволокла провинившегося к Рику. Я поспешила за ними. Ректор, увидя нашу теплую компанию, тяжело вздохнул, но от своих обязанностей увилить не стал. Это же ему генерал Живкович дал карт — бланш в отношении сына.

Нанни отпустила многострадальное ухо, которое успело увеличиться в размерах примерно вдвое, и заявила:

— Делайте со мной что хотите, но этого сексуального маньяка я учить не буду.

— А что я такого сделал? — заныл Живко.

— Действительно, что он сделал? — поинтересовался ректор.

Для начала историю рассказала ведьма.

Итак, Нанни учила студентов перегонять и чистить спирт для вытяжек. Очень ответственная процедура. Среди занятия Живко вдруг бросил свою установку и подошел к Нанни, которая стояла на кафедре у доски и наблюдала за процессом. Она подумала, что у

парня какой-то вопрос, а он приблизился к ней вплотную, облапил и стал целовать при всех.

Не учел, идиот, что имеет дело с боевой ведьмой. Это страшные создания: чтобы обезвредить одну маленькую ведьму нужно по меньшей мере три полноценных мага. Вот и здесь Нанни поддалась только в первую минуту, от неожиданности. Затем живо скрутила парня, взяла за ухо и отвела в ректорат.

А вот теперь необходимо решить, что с идиотом делать. Потому что нападать с поцелуями на преподавателя во время занятия может только полный кретин. А уж с Нанни связываться я врагу не пожелаю.

Во время рассказа ведьмы у Рихарда брови ползли все выше и выше. Такого от Живко он явно не ожидал. Подозревал, что парень разгильдяй и бабник, но не знал, что еще и дурак.

Когда Нанни замолчала, Рик потребовал, чтобы Живко рассказал свою версию. Оказалось, парень сделал это на спор. Нестандартное очарование боевой ведьмы не оставило равнодушным ее студентов, но никто не решался приударить за преподавательницей, тем более что она недвусмысленно предупредила: делать этого не нужно, можно по самые уши влететь в неприятности. Но сын боевого генерала не мог просто так отступить. Он привык хорохориться перед приятелями кто-то (он отказался назвать имя) весьма грамотно его развел. Парень поспорил, что при всех поцелует красотку Нанни и она ответит на его поцелуй.

Представляю, каково было бедной Нанни. Только что у нее было страстное свидание с возлюбленным, и тут такое...

Выслушав это признание, Рихард тяжело вздохнул и показал парню на табурет в углу:

— Садись, поговорим.

А нам с Нанни сделал знак рукой, мол, давайте отсюда.

Это полностью совпадало с моим желанием, ведьма же, с тех пор как увидела меня в коридоре, казалось, выбросила Живко из головы. Если она, как и я, хотела поговорить о Вольфи, то все ясно. Нападение этого обалдую — неприятный, но эпизод, а там дело серьезное.

Мы вошли в мой кабинет и я пригласила Нанни сесть со мной за чайный столик в углу. Там уютнее беседовать по душам, мы ведь сейчас не начальник и подчиненный, а просто две женщины.

Сперва обе сидели молча, не зная, как начать. Затем Нанни заговорила первой:

— Марта, ты все видела, ведь так?

— Если ты имеешь в виду себя и Вольфганга...

— Именно. У меня один вопрос: ты ведь не будешь нам препятствовать? Мне, по сути, плевать, но Вольфи... Он сказал, что ты ему как сестра и твое мнение для него много значит.

По лицу ведьмы было понятно: она мое мнение ни в гост не ставит, но ради Вольфи согласна им поинтересоваться.

— Понимаешь, Нанни, он тоже для меня как брат. Младший. Я чувствую за него ответственность, ведь это я вытащила его сюда, в Сармион, и очень хочу, чтобы он был счастлив. Ты не против если я задам тебе несколько вопросов?

Нанни пожала плечами. Это значило: задавай, а там посмотрим, захочу ли я ответить.

— Почему Вольфганг, Нанни? Почему он, а не Рихард, например?

Я не ожидала, что она ответит, в конце концов, это не мое дело. Просто хотела заставить ее задуматься. Но получила ответ, причем выраженный очень энергично:

— Ты смеешься, Марта?! Какой Рихард? Этот раздолбай, для которого девушки — это

спорт? Не спорю, он славный и симпатичный, но... Зря ты меня тогда отговорила: он точная копия своего папаши. К сожалению, убить незнакомца для меня легко, а знакомого — практически невозможно. Теперь этот поганец в безопасности. Вообще маги меня больше не интересуют. А Вольфи..., — она мечтательно вздохнула, — Он такой... Он необыкновенный! Умный, чистый, честный, благородный! Я таких в жизни своей не видела!

Подруга запала на оригинальность. Ну еще бы. Вольфганг и среди людей всегда выделялся тем, что был не от мира сего, что уж говорить про магов. Среди них такие, как мой друг, вообще не водятся.

— Нанни, я поняла: Вольфи не такой, как все и поэтому тебе нравится. Но ты не думала, что будет дальше? Представь, если он тебе надоест и ты его бросишь, он просто умрет.

— Ты хочешь сказать, что я ведьма, а потому непостоянная? Знаешь, другую я за такие слова хорошенько стукнула бы. Мне и так не светит прожить с ним всю жизнь. Когда-нибудь он состарится и умрет, а я буду еще молодой. Это меня беспокоит, а не то, что ты сказала. Я у него первая женщина! Первая и единственная, ты поняла?! Кстати, не понимаю, куда смотрели ваши девчонки: роскошного парня пропустили. Такая оснастка... Он пока неопытный, но это ничего, подучу и будет просто идеальным любовником.

Ого, никогда бы не подумала. Хотя... Именно что не подумала бы: размышлять об интимных физических кондициях Вольфи мне бы в голову не пришло. Так, о чем я еще хотела спросить?

— И ты не будешь его ревновать к величайшей любви всей его жизни?

У ведьмы глаза подозрительно сверкнули.

— Величайшая любовь всей его жизни — это я!

У девочки все-таки мания величия.

— Я имею в виду математику. Ты не будешь переживать, что его наука всегда будет для него на первом месте?

— На это плевать. Мужчины — они все такие. Дело прежде всего. Я имею в виду настоящих мужчин, вроде Вольфганга, а не этих бабников. Как ты думаешь, — сменила она фронт, — Рихард до чего-нибудь договорился с этим рыжим террористом? Я у них в группе провела всего три занятия, а он успел мне надоест, как будто мы целый год были заперты в одной камере.

Ого, ну и сравнение! Неужели в жизни Нанни была еще и тюрьма? Вольфи свезло как утопленнику: она его уже не отпустит. С другой стороны, может, оно и к лучшему? Но Нанни говорит про Живко, надо ответить. Спрошу:

— Ты требуешь, чтобы его отчислили?

— А, не обязательно. Я же знаю: он сынок какой-то крупной шишки. Рихард накажет как-нибудь, и все. Только пусть он ко мне на занятия больше не является, не пущу.

В принципе, ее требование вполне приемлемо. В дипломе у Живко будет на одну оценку меньше, чем у других, но у их предшественников вообще не было боевых зелий. А вместо занятий с Нанни он может приносить пользу обществу: расчищать в саду места под строительство домиков для семейных преподавателей. Ручками, без магии!

Сообщив ведьме свое решение, которое ей понравилось, я перешла к теме Леокадии и исходящей от нее опасности. Она тут же вся взъерошилась:

— Верка мне уже говорила. Сука эта Леокадия! Думаешь, она одной тебе гадит? Она всем уже поперек горла встала! Это только такой самоуверенный дурачок вроде короля

здесь не мог с ней связаться. Ну ничего, она ему еще покажет.

— А у тебя к ней тоже личные счеты?

— Не совсем к ней, но очень совсем личные... В общем, я в свое время потеряла место и просидела полгода в камере предварительного заключения по подозрению в похищении ценного артефакта из королевской алхимической лаборатории у нас в Ремоле. Все на меня указывало, только я точно знала: не брала я этой фиговины. Я ее даже в глаза не видела. Потом выяснилось: сперли эту штучку Леокадия со своим подельником. Когда следствие разобралось и меня выпустили, гадюки и след простыл. Исчезла вместе с украденным. А меня все равно уволили. Сказали: пусть я не виновата, но осадок остался. Так что эту заразу я ненавижу почище Верки. Я ее даже никогда не видела, но имя редкое, запомнила, чтобы при случае, встретив, достойно отомстить.

Мне прямо везет: везде нахожу тех, кто имеет зуб на Леокадию, и все стремятся ей отомстить. Похоже, стерва успела стольким людям нагадить, что это просто удивительно, как она еще жива — здорова. Нанни же продолжила:

— Поэтому, как только Верка мне сказала, я сразу вспомнила и обрадовалась. Наконец выдастся случай наказать гадину. А уж поддержать твою помощницу просто боги велели! Она хорошая девчонка и на моих занятиях лучше всех успевает. К сожалению, мне негде ее встретить: она во дворце, а я здесь, в школе.

— А если она сюда сунется?

Нанни кровожадно усмехнулась:

— Пусть только попробует.

Тут в коридоре раздался топот, возвещавший приход моей царственной ученицы. Я свернула конференцию с ведьмой и вышла, чтобы приветствовать Лилиану.

Девушка шла, окруженная тремя телохранителями, и по лицу было видно, что такое положение дел ей не нравится. Правильно: зачем они ей здесь? Или брат настаивает?

Я пригласила принцессу в кабинет, а мужики остались подпирать дверь снаружи. Стоило нам оказаться наедине, как Лилиана воскликнула:

— Марта, нам нужно поговорить!

— Еще как нужно-то! Но я не могу манкировать своими обязанностями: сначала математика, все остальное потом. Поэтому ответила принцессе так:

— Дорогая Лилиана, мне тоже нужно с вами многое обсудить. Давайте так: сейчас у нас урок, а затем мы поьем чаю и поговорим. Пойдет?

Она сначала нахмурилась. Видно, что-то ее очень допекло и она желала поскорее это высказать. Но потом вспомнила свое королевское воспитание и улыбнулась приветливо:

— Замечательно! А что у нас за тема урока?

— Линейная функция. Берите тетрадь, записывайте...

Девочка оказалась толковой, хоть и капризной. Но я на капризы просто не обращала внимание и они быстро закончились. Зато подготовка у нее была не в пример лучше чем у большинства здесьних студентов. Мы легко разобрали материал, порешали примеры, построили графики и выяснили, какие из известных ей магических процессов описываются линейными функциями.

Под конец Лили так увлеклась, что, казалось, забыла о том, с чем сюда пришла.

Но стоило мне сказать: "На сегодня хватит", как она тут же схватила меня за руку:

— Марта, нам нужно поговорить. Творится что-то непонятное. Мне кажется, Горан сошел с ума.

Честно сказать, я тоже об этом думала, но произносить такое вслух, да еще и при принцессе... Надо для начала успокоить девочку.

— Лилиана, подумайте, что вы говорите. Этого просто не может быть. Ваш брат — король. Если бы с ним случилось что-то... ммм... как вы сказали, все заметили бы.

Она не захотела даже обратить внимание на этот довод.

— Нет, правда, Марта, послушай... Он ведет себя странно. Стал таким нервным. Меняет распоряжения по три раза на дню, на меня орет и каждый год разное. То завтра же я выйду за Фило, то он еще посмотрит, за кого меня выдать. То разрешает учиться, то запрещает. Мордovorотов этих приставил., век бы их не видеть. Теперь привел во дворец эту, как ее, Леокадию, где только подобрал... Приехало посольство из Гремона, а он, вместо того, чтобы встретиться, ускакал на охоту. Сказал проверит, готов ли охотничий замок к приему гостей, и вернется, а уже третий день от него ни слуху, ни духу.

— А вы точно знаете, что он именно там? Вдруг Его Величество завел себе даму на стороне и сейчас с ней время проводит?

Я ни секунды не верила в то, что произносил мой язык, но надо было или успокоить принцессу или получить от нее точную, проверенную информацию. Сработало! Девушка поморщилась:

— Какая дама? Там он, в охотничьем замке. Охотится! Сам! В одиночку! Только он и егеря. Я к нему слугу посылала, то вернулся сегодня утром и доложил.

Действительно, принцесса права: Горан спятил. Ему посольство принимать нужно, а он охотой развлекается! А Леокадию почему во дворце бросил? Если он притащил ее в качестве любовницы, то должен был взять ее с собой, чтобы не спать одному. Логика никакой.

Ненавижу такие поступки, потому что их невозможно понять и объяснить ничем, кроме помутнения в мозгу. С другой стороны, если Леокадии нужно было, чтобы король уехал и оставил ее во дворце, чтобы она могла что-то украсть или провести диверсию, логика появляется и затмение ума у Горана получает свое объяснение.

— Лилиана, дорогая, я понимаю, что вы обеспокоены. Все это ужасно. А с чем вы связываете такое поведение Его Величества? Что-то же должно было послужить отправной точкой.

Принцесса насупилась, видно было, что она в размышлениях.

— Пожалуй... Да, пожалуй все началось после праздника. Горан съездил сюда, сказал, что повеселится, а вернулся мрачный и раздраженный. И с тех пор как с цепи сорвался.

То есть, состояние короля никак не связано с Леокадией, ее тогда тут и в помине не было. И все стрелки можно перевести на меня: я тогда его разозлила своим отказом. Но не верится, что это могло так повлиять, чуть ли не с ума свести взрослого, неглупого мужчину.

Так, мне надо подумать, а Лили надо во дворец. Где там ее мордovorоты?

Они как подслушали мои мысли. Тут же раздался стук в дверь и голос одного из охранников спросил:

— Ваше Высочество, вы там скоро? Урок уже давно закончен, мы ждем вас, чтобы проводить во дворец. Его Величество велел вам не задерживаться., а вы уже лишний час сидите.

На Лилиану стало жалко смотреть: такая несчастная маленькая девочка. Обижают ее всякие тут. Ну ничего.

Я сделала ей знак не вставать, сама поднялась, открыла дверь и вышла к охранникам.

— Вы куда-то торопитесь? У нас с Ее Высочеством вводное занятие, необходимо определить степень ее познаний, чтобы спланировать курс. Это всегда долго, вы же понимаете? Потом будем укладываться в отведенное время, но сегодня...

Я говорила спокойно и твердо, как подобает преподавателю, а гордо смотревший на меня охранник постепенно скукоживался, уменьшался в росте. Вспомнил, наверное, как был школьником.

Наблюдавшая эту картину Лилиана просто сияла от удовольствия. Еще бы, ее церберов поставили на место. Ей это так понравилось, что она на время стала милой и кроткой. Когда я сказала, что на сегодня урок закончен, она кротко встала и ушла со своими сторожами.

А я села за свой стол, взяла бумагу, стала записывать все, что узнала, и располагать события в хронологическом порядке. Авось из этого что-то станет понятно. К тому же записи и рисунки всегда помогали мне думать.

* * *

Для начала нарисовала временную шкалу и стала привязывать к ней события. Вести летопись с древнейших времен смысла не было, так что первым номером я поставила момент, когда Конрад случайно в ресторане встретил свою бывшую жену. А дальше понеслось само собой: наша поездка по странам за учителями, праздник, сессия, появление Леокадии, приезд посольства из Гремона...

Эти, чисто внешние факты, я записала в один столбик. В другой — изменения поведения короля, его поступки.

Выходило, что-то случилось во время нашего новогоднего праздника. Не до, не после, а прямо здесь, пока все танцевали, угощались и любовались огнями магического фейерверка, произошло нечто, резко изменившее сознание Горана.

Что же это было? На первый взгляд во время праздника для короля был один момент, который мог его разгневать. Он убедился в том, что я сплю с Конрадом.

Ну убейте меня, чтобы я поверила в то, что это имело для него такое роковое значение! Не может быть! Он и раньше знал, что у меня что-то с ар Герионом, а тогда только убедился в правдивости моих слов.

До этого он на меня просто дулся, а тут как с цепи сорвался, и не по отношению ко мне или к школе, а по отношению к своему государству в целом. Не сходится у меня что-то. Бред сумасшедшего! Не могу я быть во всем виновата! Должен быть другой фактор.

А если представить себе, что на расстроенного любовной неудачей короля воздействовали ментально? Я то ли читала, то ли слышала от Зои, что в моменты сильных эмоций менталисту нетрудно пробить даже сильную защиту и воздействовать на мозг, внушив все, что угодно.

Вопрос в том, долго ли будет держаться это внушение.

Я вскочила и побежала в библиотеку. Встретившуюся мне по дороге Верку попросила дожидаться меня в кабинете, а сама ворвалась в читальный зал и чуть не за грудки схватила тощенького помощника библиотекаря. Сам библиотекарь уже ушел домой.

— Мне стабильный учебник по ментальной магии. Срочно! Заберу с собой!

Паренек перепугался до заикания, но быстро сообразил, что мне нужно и притащил аж три толстенных тома. Показал их мне по — одному.

— Вот, госпожа проректор. Это учебник под редакцией архимага Ливерина, по нему учит студентов магистр Гесперий, вот этот — стабильный учебник по ментальной магии Элидианского университета, а третий — классический труд архимага Дионисиуса для старших курсов.

Какой грамотный мальчик! Кажется, из студентов? Надо будет его поощрить, знающие библиотекари везде большая редкость, а штатный хранитель здешней библиотеки казался мне довольно занудным и бестолковым старикашкой.

Я поблагодарила юношу, схватила вожделенные книги и на всех парах рванула обратно к свой кабинет. Там выгрузила свою добычу на стол и позвала Верку:

— Верушка, посмотри, что я тут напридумывала.

Она прочитала все мои записи и сморщила нос.

— Марта, выходит, король из-за тебя впал в ярость и слетел с катушек. Но этого быть не может! Ты не маг — менталист и не ведьма!

О, что и требовалось доказать! Я тоже так думаю.

— Вер, а правда, что в расстроенных чувствах человек гораздо более уязвим для воздействия на мозг?

— Правда. Но странно. Обычно в таком состоянии менталист может что-то внушить, заставить произвести какое-то действие. А здесь совсем другое.

Я хлопнула рукой по принесенным книгам.

— Верушка, мы с тобой не корифеи ментальной магии, так что я собираюсь проверить наши предположения по первоисточникам. Вот, взяла почитать. Хочу выяснить, что может эта магия, а что в принципе невозможно.

Моя помощница задумалась, потом спросила:

— У нас из менталистов только господин Гесперий, вы на него думаете? Или кто-то их приезжих магов мог Его Величество обработать? Конечно, это мог быть не маг, а ведьма... Они по — другому работают... Но тогда это только Сильвия или эта новая Нанни Гейл.

Сильвия — это мне понятно, но вот Нанни...

— Почему ты на них думаешь?

— Потому что госпожа Лаура не менталист вообще, а Сильвия ментальными техниками владеет, например очарованием. Хотя... То, что произошло с Его Величеством очарованием не назовешь. Да и не действует на него оно.

— А Нанни?

— Мы про нее ничего не знаем, мне так кажется. Боевая ведьма, и все. А какими талантами она обладает, мы не знаем. И потом, все началось после ее появления в школе, разве не так?

Тут с ней не поспоришь, но что-то мне подсказывает: Нанни ни при чем. Это простое совпадение. Конечно, про свою ненависть к Леокадии она могла и наврать, но у меня был другой резон не подозревать Нанни. Женщина, которая влюбилась в Вольфи, не может лелеять коварные замыслы.

А вот то, что после праздника у нас король с катушек съехал, уже можно считать доказанным. Значит, что-то с ним случилось именно здесь, а история со мной и Конрадом — всего лишь дымовая завеса.

Верка права: на короля было оказано воздействие. Кто мог это сделать она правильно очертила: или наш штатный менталист, или приезжий, или ведьма.

— Вер, а где можно почитать про ментальные практики ведьм?

Она меня обрадовала:

— А нигде. Они считаются тайной и передаются или в семье от матери к дочери, или от наставницы ученице. Говорят, в Элидиане на факультете ведовства этому учат, но тоже не по учебникам.

Зои! Надо ей написать и посоветоваться! Она умная, что-нибудь подскажет. Письма идут долго, но ведь есть и экстренная почта. Если оплатить Зои срочный ответ, то уже послезавтра можно будет получить информацию.

Я поблагодарила помощницу за ценное обсуждение, и попросила ее подумать над этим вопросом: вдруг что-то в голову придет.

Затем каждая из нас вернулась к своим делам. Верка сверяла ведомости и заносила задолжников в журнал отработок.

Мне тоже надо было заняться делами школы, а я плюнула на них и погрузилась в первый попавшийся учебник. Это был тот, по которому учил студентов Гесперий.

К счастью, это была не математика, где каждый значок имеет значение. Толстая книга оказалась на девяносто процентов состоящей из воды. Первая часть посвящалась чтению мыслей и эмпатии, вторая — внушению и воздействию на сознание и эмоции. Естественно, первое мне было без надобности, я прочитала оттуда только вводную главу. А вот про внушение стоило изучить все. На полноценное чтение ушло бы слишком много времени, я решила просто пробежать глазами: что-то да удастся ухватить.

Каждый параграф я просматривала по диагонали, стараясь только ухватить, с какой целью применяется тот или иной прием. Учебник для этой цели представлял достаточно удобства: в конце каждого параграфа были краткие выводы. Когда я это заметила, работать стало значительно проще. Если что-то меня интересовало, я просто выписывала на листочек номер параграфа: потом почитаю.

Верка закончила работу и ушла, а я все сидела. Во второй части книги было сорок восемь параграфов, я просмотрела тридцать два, когда Конрад закрыл книгу перед моим носом.

— Марта, сколько можно тут сидеть? Мы с Пином ждем тебя на ужин, а ты зачиталась. И чем, позволь тебя спросить?

Я показала ему обложку. У Кона глаза на лоб вылезли:

— Девочка моя, зачем тебе?

Я тут же вытащила свои диаграммы и записки и хотела начать объяснения, но он сгреб все листочки со стола и сложил в папку.

— Марта, пошли ужинать. Я есть хочу как не знаю что. Поедим и ты все мне расскажешь.

Голос разума имеет на меня огромное влияние, поэтому я не стала сопротивляться. Действительно, сначала надо подкрепиться, а затем уже переходить к делу. Но мне не терпелось привлечь Кона к расследованию и я попыталась что-то сказать по дороге. Он меня одернул.

— Марта, давай, потерпи немного. Здесь не место для таких разговоров.

Не зря Кон у нас безопасностью ведает. Я подумала, что не знаю, кто заморочил голову королю, значит, можно подозревать любого. А в коридорах, между прочим, полно народа. Тут и преподаватели, и студенты, и вспомогательный персонал. Даже если нашего злодея тут нет, есть вероятность, что кто-то что-то услышит, запомнит и перескажет. Пусть неправильно, пусть все перевернет, но тому, кто начеку, достаточно полунамека.

С сегодняшнего дня о деле только в закрытых от подслушивания помещениях. К счастью, мой кабинет и наша квартира как раз к таким относятся.

После ужина, за которым Пин не позволял заниматься посторонними делами, я разложила свои записи и показала Кону. Он смотрел долго и внимательно, переспрашивал, откуда взялось то или иное утверждение, затем резюмировал:

— Выходит, мы прошыпили какой-то заговор. Не знаю, в чем он заключается, ясно одно: все это не вчера началось. А еще я вижу, что мои методы работы устарели. Вся моя магия не дала мне столько информации, сколько твое простое рассуждение и наблюдательность.

При чем тут моя наблюдательность? Я просто людей расспрашивала, они мне рассказали. Почему они ничего не сообщали Конраду, я спрашивать не стала: для него собрать информацию опросом не представляется возможным. Все в этой стране его боятся, кроме меня.

— Марта, я не говорил именно о твоей наблюдательности, в данном случае я имел в виду принцессу Лилиану. Я видел, что Горан все время выходит из себя, но придавал этому совсем другое значение. Видел все через призму своей ревности. А надо было мозги включить. Выходит, с королем что-то сделали здесь, в школе, в время празднества. А я был с тобой, решал проблемы личной жизни и не понял, что произошло. Это моя вина.

Ну вот, сейчас будет бить себя в грудь и казниться. Во — первых, не мог он всего предвидеть, да и глупо сейчас выяснять кто виноват. На повестке дня другой вопрос: что делать? Поэтому я сказала:

— На мой взгляд вина не твоя. Ты же не можешь ходить за королем по пятам и следить каждую минуту? Да он тебе и не позволит, — и тут, желая успокоить Конрада, я спонтанно выдала мысль, ценность которой сначала сама не поняла, — Если на Горана воздействовали на празднике, то готовить это должны были начать давно и в полной тайне.

У него заблестели глаза:

— Марта, ты правда так думаешь? Тогда... Надо понять, это здешний заговор или нити тянутся за границу. А еще... Леокадия сама по себе или приехала поучаствовать как действующее лицо?

Я удивилась:

— Ты полагаешь, она могла сюда прибыть по своим личным делам? Не думаю. Какие они у нее? Я вижу два варианта: или она хочет развода, или она хочет реанимировать ваш брак. Почему она тогда болтается в городе, знакомится с королем и проникает во дворец, вместо того, чтоб искать тебя и пытаться с тобой договориться?

Конрад согласился с моими аргументами. Он уже выбросил из головы чувство вины и всю эту глупость и включил мозги на полную мощность.

— Тогда, выходит, она прибыла сюда чтобы участвовать в завершающей стадии заговора. Знать бы еще, какую цель он преследует и кто его затеял. Как думаешь: это Кортал?

У меня другого варианта не было. Кто еще? Не Гремон же!

— Ну, если Леокадия — кортальская шпионка, то это напрашивается само собой. Тем более это ближайший сосед. Трудно себе представить, что козни строят те, кто отделен от Шимассы сразу несколькими государствами.

Конрад думал в том же направлении.

— Вот и мне так кажется. Смотри: здесь, в Сармионе, явно сидел агент кортальского короля, а может быть и не один. Сидел тихо: никаких диверсий или просто заметных действий не совершал.

Внедрялся, — понятиливо кивнула я.

Именно. Но вот что-то происходит и он активизируется. Одновременно с этим в Сармионе появляешься ты и ставишь тут все с ног на голову.

Я надула губы: с каких это пор простое наведение порядка так называется? Конрад со вздохом извинился.

— Ну хорошо, ставишь все с головы на ноги. Главное то, что начинаются изменения. Они привлекают к себе внимание короля, он тобой увлекается...

Ну и рассуждения! Выходит, я специально отвлекала внимание короля, чтобы заговорщики под шумок проворачивали свои делишки?

— Ты хочешь сказать, что это я шпионка?

— Нет конечно. Хотя, если бы я тебя не знал и не проверил досконально, то мог бы так подумать.

Ни фигя себе! Мне и в голову не встало, что я могу вызвать подозрения. Обидно такое слушать, особенно от того, кому душу отдала.

Спасибо, дорогой.

Марта, не обижайся. Просто ты оказалась на редкость хорошим отвлекающим фактором. На фоне здешней нудной жизни трудно быть незамеченным, малейшее отклонение от шаблона — и тебя засекут, обратят особое внимание. Шпион сидел тихо, пока не появилась ты. Вернее, пока Горан в тебя не влюбился.

Он правда так думает?

— Кон, а ты уверен, что король в меня именно влюбился? По — моему, эта гипотеза не выдерживает никакой критики. Я не красавица, обычная девушка — простолюдинка, во мне нет ничего, чтобы привлечь такого шикарного красавца, избалованного женщинами, как Горан. Да, его заело, что я не втрескалась по уши, но это все.

Конрад подхватил меня со стула и закружил по комнате, целуя везде, куда мог дотянуться.

— Ты уверена? А я не могу понять: если я в тебя влюбился до потери рассудка, то почему не мог король?

После этого мы незамедлительно переместились в спальню и я так и не рассказала Конраду, почему верю в его любовь, но ни на минуту не могу поверить в любовь Горана.

А ночью проснулась и долго лежала без сна, но не двигалась, боясь потревожить Конрада. Зато навспоминалась и наразмышлялась вдоволь.

С чего началось мое знакомство с королем? С того, что он попытался меня очаровать своей магией. Вот так сходу: без знакомства, без разговора, просто увидел и применил свои чары чуть ли не на полную катушку. Меня это и тогда удивило, а сейчас, в свете того, что произошло потом, вовсе кажется подозрительным.

Что ему втемяшилось? Не думаю, что так он пытается покорить любую женщину,

оказавшуюся в радиусе взгляда. Да они в его объятья должны сами падать, как переспелые груши с дерева. Король, да еще такой красавец! А он попытался очаровать первую увиденную им в Школе незнакомую девушку, тем более он тогда не знал, кто я такая. Что-то должно было его подтолкнуть, но что? Или кто? Выходит, шпион и диверсант действовал уже тогда?

Тогда возникает следующий вопрос: кто он? Гесперий? Сильвия? Или кто-то, на кого мы вообще не думаем?

Затем Горан стал за мной ухаживать, с одной стороны вроде настойчиво, с другой... Он не искал со мной встреч специально. Складывалось представление, что он бросался на штурм только тогда, когда я по каким-то причинам появлялась в пределах видимости, или у него был железный повод для встречи.

Воля ваша, но влюбленные так себя не ведут. Они сами находят и повод, и причину, чтобы увидеть предмет своей страсти.

И кстати, каждый раз, как мы с королем встречались, он вел себя неразумно, как балованный ребенок, а не как государственный деятель. При этом все, начиная с Рихарда, меня уверяли, что Горан умен, что он достойный наследник трона своего отца. А я видела совсем другое.

Дальше я перешла к воспоминаниям о появлении короля на празднике. Все были заранее уверены, что он не придет. А он притащился и стал устраивать мало что не скандал. То, что он заставил Рихарда пойти проверять мою спальню вообще ни в какие ворота не лезет. Странно, что мужчины сочли это нормальным.

А теперь принцесса жалуется, что у планомерного, рассудительного брата стало семь пятниц на неделе. Она это видит на отношении к ней, любимой, но я думаю, что это отразилось на всех государственных делах.

Король, который уезжает охотиться в одиночку тогда, когда к нему прибыло посольство дружественной страны, ведет себя по меньшей мере странно.

И тут я чуть не подскочила! Дура бестолковая! Надо было записать еще одно событие: король изменил свое решение относительно брака принцессы Лилианы. Вместо жениха из империи ее сговорили за младшего кортальского принца. Филодор, кажется? И произошло это практически тогда же, когда Горан познакомился со мной.

И вот тут мне стало совсем непонятно. Пока принцесса должна была выйти замуж в дальние страны, все было тихо и гладко. Но стоило ей обрести жениха из соседней страны, как началось что-то непередаваемое. Я не могу утверждать, не знаю точно, когда Горан решил выдать сестру за кортальского принца, до нашего знакомства или против, но что-то мне подсказывает, что я права.

Появление Леокадии указывает на то, что здесь мы имеем дело с происками кортальских тайных служб.

Спрашивается: зачем? Зачем Корталу невменяемый король соседней страны? Чем их не устраивает Горан, такой, какой он есть, на троне? Что это имперцы от обиды гадят, я не поверю. Слишком далеко границы империи от Шимассы. Между ними даже толковой торговли нет, да и незамужних принцесс на свете больше, чем холостых принцев. Об этом даже в газетах пишут.

Если понять, с какой целью все это устроили, будет проще найти виновников. Но у меня в голове не укладывается. Бред какой-то. Полное безумие, никакой логики.

Ладно, если я не могу понять цель, попробуем зайти с другой стороны. Папа всегда

учил: если теорему не удастся доказать в лоб, попробуйте это сделать от противного. Если не выходит начать с начала, надо идти с другого конца.

Я не могу понять зачем, но может быть, если я смогу понять как, и первый вопрос прояснится?

Вспомнила все, что прочитала в учебнике. Естественно, в голове пока сумбур, прочитала не все, только про внушение, материал не улегся, но кое-что удалось понять. Главное я уяснила: ментальное воздействие не способно идти против природы человека. Можно усилить имеющиеся чувства или внушить мысли, если они лежат в русле личности человека. Заставить убить того, кто не способен на убийство, невозможно. Точно так же невозможно внушить любовь к тому, кто безразличен. Легче поменять минус на плюс и превратить любовь в ненависть, а ненависть в любовь. Взрастить же страсть на пустом месте маг — менталист не способен.

Существуют, конечно, запретные техники, например, полное подчинение, но вряд ли их применили к королю.

Кстати, Гесперий тогда на балу в школе тоже баловался запретным: затуманивал сознание, усиливая легкое воздействие алкоголя. Опасная методика: если бы на моем месте был человек сильный и от природы агрессивный, Гесперий мог и сам пострадать.

Но одно я могу сказать определенно: никакой техники, описывающей общее дестабилизирующее воздействие на психику, в книге я не нашла. Ментальная магия этим не занимается. Зато если психика нестабильна изначально, то внушать всякие вредные мысли в раз легче.

* * *

Так промаявшись полночи, под утро я уснула без задних ног. Проснувшись же не нашла Конрада рядом: он уже убежал, оставив мне записку:

"Марта, любимая, я тороплюсь во дворец. Никуда из школы не уходи. Ночью вернулся Горан и мне надо успеть надеть на него усиленный амулет от ментального воздействия до того, как он выпустит Леокадию из-под домашнего ареста. Вечером вернусь и продолжим наш разговор. Кажется мне, что ты на верном пути и мне интересно, к каким выводам ты придешь".

Я порадовалась, что Конрад серьезно отнесся к моим изысканиям. Сейчас переделаю текущие дела и снова засяду за книги. Элидианский учебник можно, думается, пропустить, а вот книгу Дионисиуса почитаю. Возможно, на более высоком уровне менталистика дает большие возможности.

Как всегда, планы пришлось корректировать.

В рабочем кабинете меня ждала целая стопка личных писем. На мой рассказ о грядущей помолвке откликнулись все родственники разом. Кроме их посланий моего внимания дождался конверт от Соледад.

Чтобы не терять времени решила начать с родни. Быстро читаю и быстро отвечаю, пусть не копят обиды за невнимание. Письмо Соль я отложила на потом. Там могла быть информация, которую стоило хорошенько обдумать, а это лучше делать в спокойной

обстановке.

Итак, для начала я прочла письма от родителей.

Мама была в восторге от того, что я собралась выйти за знатного господина. Ее, правда, смущало, что он маг и от титула отказался. Еще она не желала понимать, почему свадьбу нужно откладывать и обещала прислать мне образцы тканей и фасоны модных подвенечных платьев, чтобы я выбрала.

Папе не нравилось и то, что Конрад дворянин, и то, что он маг. Примиряла моего отца с ним единственно профессиональная деятельность моего будущего мужа. Он твердо верил в то, что преподаватель по определению должен быть человеком приличным. Насчет того, что поженимся мы не сейчас, он философски заметил, что когда муж и жена хорошо знают характер друг друга, это облегчает тяготы семейной жизни.

Ага, сам-то он женился скоропалительно и кроме общей информации об имени, семье, возрасте и внешности невесты, ничего о маме не знал.

Карл сухо поздравлял и спрашивал, что подарить на помолвку. Симон распинаялся о единении душ и сердец, а Марк коротко сообщал, что если жених вздумает меня обижать, то он приедет и начистит ему рыло.

Почему он его в свое время Альфу не начистил?

Было огромное желание написать всем сразу и сказать прямо: не вмешивайтесь, это моя жизнь и все решу сама. Но меня бы не поняли. Пришлось сочинять пять разных ответов.

Затем были занятия со студентами, прием провинившихся, разные другие дела по моему ведомству. Наконец, прежде чем засесть за изучение труда Дионисиуса, я налила себе чая и вскрыла письмо от Соль.

* * *

Моя любимая подруга сообщала, что наконец-то решила осчастливить мужа наследником. Вообще-то это будет наследница, но Бруно она об этом говорить не торопится. Пусть все девять месяцев радуется будущему сыну. Все равно дочку любить будет до потери сознания, маленькие ведьмы способны очаровывать близких с момента рождения.

Я порадовалась за подругу. Все-таки семья — это прежде всего дети. А с богатством Бруно вырастить малышку в довольстве и достатке и дать ей хорошее образование проблемой не будет.

Затем Соль перешла на мои дела и сообщила столько всего интересного... Кое-что я уже знала, но были и совершенно бесценные сведения.

Для начала она поздравляла с тем, что я наконец нашла своего мужчину и определилась в жизни. Очень она за меня рада. По ее мнению Конрад зря меня пугал "разделением жизни", в этом браке больше плюсов, чем минусов. Если бы она была способна предложить такое Бруно, не сомневалась бы ни минуты.

Затем предостерегала против Леокадии. Напомнила, что та — ведьма, а значит имеет в арсенале значительно больше способов борьбы со мной, чем есть у меня против нее. Советовала найти союзников среди ведьм. Мужчины против такой красивой женщины мне помогать не станут.

Соль подтвердила также мое опасение, что Леокадия способна на сильное ментальное воздействие: она умеет не только очаровывать мужчин, но и заставлять их плясать под свою

дудку. То есть способна на внушение. На магов она может влиять только кратковременно и не более одного раза: поняв, что происходит, ни один маг больше не поддастся. А вот король...

Его способности дают определенную защиту, но не абсолютную.

И тут Соледад напомнила мне, чем ведьмы принципиально отличаются от магов: они не могут накапливать магию в себе, поэтому пользуются зельями и артефактами. Леокадия тоже может их применить, она, хоть в академиях и не училась, но основу ведьминской науки где-то превзошла. То, что не сделают красивые глаза, совершит напоенное магией зелье или незаметная штучка, прикрепленная к одежде.

А вот это уже интересно. О зельях я и не думала, как и об амулетах. И напрасно: свести с ума короля гораздо легче зельем, чем чем-то иным. По крайней мере ослабить волю и сделать доступным внушению. Зои, помнится, варила нечто подобное для судебного ведомства: там с помощью зелья допрашивали подозреваемых. Она еще ругалась, что маги такого не приготовят, зелье чисто ведьминское, вот ей и приходится тратить свое время.

Думаю, и Леокадия способна сварить такую гадость. Амулеты, распознающие яд, могут на ведьмино зелье и не среагировать, оно ведь в принципе не ядовито. Тогда становится понятно, почему у Горана вдруг стала такая неустойчивая психика. Если ему в еду подливают подобную гадость, странно еще, что он сохраняет рассудок.

Стала дальше читать письмо и тут глаза вообще на лоб полезли. Оказывается, зелья могут быть в разном виде. Не только жидкость или порошки, а, например, ароматические свечи или соли для ванны. Маг их воздействие не определит, это за гранью его восприятия. Но есть ведьминские методы, которые дадут самый точный ответ, только ведьма должна быть доверенная.

Надо как можно скорее сообщить об этом Конраду: пусть изучит, что нового появилось в королевском обиходе с осени. Новые блюда в меню, напитки, пряности, косметические средства, свечи — все надо проверить.

Только вот кого попросить сделать такую экспертизу, когда все вокруг внушают подозрение? Даже Лауру я не могу считать ни в чем не замешанной. Не потому, что на нее думаю, а потому что нет доказательств, что это не она. Варит она что-то в своей лаборатории, а затем продает. Что варит — неизвестно, может, как раз то самое зелье.

Больше всего сомнительна Сильвия, но она вся на виду. Нанни? Она здесь недавно появилась, а короля обрабатывают уже не первый день. Правда, с ее появлением процесс извolutекущего стал острым, но я склонна списывать это на совпадение. А то так и меня можно обвинить, мы в этом уже убедились.

Наибольшее доверие вызывает Верка, но ее квалификация пока что совершенно недостаточна для проведения экспертизы.

Вот Соль молодец! Написала мне про мою собственную безопасность так, что ее информацию можно применить ко всему, что вокруг происходит. Она как будто знает, что мне нужно больше всего.

В самом конце письма были такие строки:

"Узнав, что тебе придется вести войну с бывшей женой ар Гериона, я поспрашивала о ней и получила интересные сведения: Леокадия — не просто авантюристка, она еще шпионка и воровка.

Марта, я знаю, ты добрая девочка и не желаешь никому зла. Но послушай моего совета:

Леокадия не должна остаться в живых. Не тешь себя иллюзиями, что ее можно заставить дать твоему Конраду развод и выкинуть из своей жизни. Она на это не пойдет, а если и согласится, то запросит невозможную цену.

Как ты понимаешь, речь идет не о деньгах.

Я не призываю к убийству. Лучше всего для вас будет, если ее казнят за преступления. Твой Конрад, естественно, придет в ужас, так что лучше ничего такого ему не говори, но тем не менее постарайся вести дело в эту сторону.

Леокадия очень хитрая, но большим умом не отличается. А ты умная, но простодушная, моя девочка.

Зато ты способна составить план и выполнить его.

Если Леокадия прибыла в Шимассу, это неспроста. У нее должно быть какое-то задание и вряд ли оно понравится королю. Шпионов принято казнить, как ты знаешь. Заставь ее открыться, проявить себя. Думаю, твою безопасность Конрад сможет обеспечить.

То, что я тебе советую — чистой воды авантюра. Знаю, ты к этому не склонна. Но подумай и реши, стоит ли один раз подвергнуть себя опасности ради многих лет спокойной и счастливой жизни. По — моему стоит".

* * *

Она права. Моя Соль, как всегда, дает мне хороший совет. В прямом противостоянии я не справлюсь с Леокадией, она сильнее. А вот спровоцировать ее смогу, надо только придумать как.

Обсудить с Конрадом? Мне кажется, это пока несвоевременно. Он не готов отправить ее на плаху. Жена все-таки, хоть и беглая. А я далеко не такая добрая девочка, как думает про меня Соледад. Если гадюку казнят, у меня на душе полегчает.

Так что надо искать союзников в другом месте, а Кона предупредить только тогда, когда он уже не сможет спасти свою экс — супругу.

Да, я не хитрая, изворачиваться и лгать не умею. А вот придумать план по выведению змеи на чистую воду могу, тут Соль права. Только мне для этого нужна информация, желательна достоверная, а не так, как сейчас: одни догадки.

Одно плохо: я сижу здесь, в школе, и пообещала Конраду, что наружу не выйду. Как в таких условиях собирать и информацию? Только свидетелей расспрашивать.

Надо будет привлечь всех, кого можно и кого нельзя. Даже тот, кто настроен против меня и поддерживает Леокадию, может проговориться.

А еще в школе явно есть и другие агенты кортальского короля. Надо подумать, как их вычислить, а уж через них можно и на Леокадию воздействовать.

Не знаю как и где, но подловлю эту гадину, а тогда мне понадобится свидетельство ее незаконной деятельности.

Достоверная информация... ммм... записывающие кристаллы!

Я поднялась с кресла и потопала к Асти. У него этих ценных штучек пруд пруди. Может одолжить мне несколько штучек. Десятка два, например. А что? Я же верну.

Еще надо расспросить об отличиях его амулетов от ведьминских. Должен же он знать, раз такой классный специалист.

Асти я застала беседующим с новенькой целительницей по имени Эльвира. Красивая

дама сидела в единственном на всю мастерскую кресле, а Громмель, стоя перед ней, разливался соловьем. Что удивительно, несмотря на поздний час, наш пьянчужка был абсолютно трезв. От него не пахло даже пивом.

Увидев меня, Эльвира хотела было подняться, но я махнула рукой: сидите, сидите. Затем спросила артефактора:

— Асти, у тебя есть записывающие кристаллы?

Он, не отрывая глаз от ведьмы, махнул рукой:

— Там, в третьем ящике сверху. Можешь взять сколько нужно.

Ого! Обычно он не позволяет прикоснуться к своим сокровищам и скрупулезно отсчитывает нужные штучки, причем от степени опьянения его поведение не зависит. Неужели Эльвира на него так подействовала?

Я открыла указанный ящик и нашла ряды аккуратно подписанных коробочек. Никогда не думала, что пьянство и педантизм могут уживаться в одном человеке, но вот убедительный пример такого сочетания.

Записывающих кристаллов там нашлась целая куча. Я сгребла их в карман не считая. Оставила немного на доньшке, чтобы Громмель не слишком громко ругался, и все.

Мне они нужнее, ведь ими может пользоваться любой, даже не маг. Сжать в кулаке покрепче и записывай два часа подряд. Правда, ни остановить, ни пропустить кусочек не получится, для этого нужно быть магом. Так я же не один кристалл взяла, а много. Буду фиксировать все, что смогу. К счастью, штучки эти многоразовые: запись можно стереть и зарядить магией по новой. Когда все закончится, верну их Громмелю, пусть займется.

Дома пересчитала добычу: двадцать один кристалл. Здорово. Можно будет попросить кое — кого тоже для меня кое-что записать. Например ту же Верку. Сейчас она у нас признанная невеста Гаспара, поэтому ей прислали приглашение во дворец. Лаура тоже там будет в качестве одного из деканов. Ее Милчич лично пригласил. Мало ли свидетелями каких сцен они могут стать. Пусть все фиксируют, потом разберемся, что нужно, а что нет.

Кристаллы я припрятала у себя в кабинете. Есть в архиве маленький сейф для особых нужд, он не магический, а механический, открывается комбинацией цифр и поэтому стоит пустой: магам такое непривычно. Конрад в свое время только плечами пожал, когда я спросила, почему сейф простаивает без дела. Не нравится им механика потому что не поддается магии.

Вот туда-то я и запихнула свой улов. Кстати, хорошая идея. Все, что удастся записать, тоже сюда спрячу и ни одна магическая сволочь не доберется.

Только я уложила камушки в сейф и набрала на внутренней стороне дверцы свой любимый код из квадратов простых чисел, как за мной пришел Конрад и порадовал:

— Горан вернулся во дворец, завтра будет прием в честь послов из Гремона. Мы приглашены, если ты помнишь.

Это, конечно, очень мило, но меня сейчас интересовало другое.

— Кон, а Горан выпустил Леокадию?

— Умеешь ты задавать вопросы не в бровь, а в глаз. Хотел выпустить и извиниться, но мы с Грегоришем поймали его раньше и представили доказательства ее незаконной деятельности. Надо сказать, король вернулся гораздо более адекватным, чем уезжал. Выслушал нас и принял доводы во внимание.

— Леокадию посадили в тюрьму?

Конрад скривился, как будто гадость в рот залетела:

— Если бы! Ее просто выпроводили из дворца и запретили возвращаться. Даже из страны не выслали, хоть Грегори́ч и настаивал.

Меня это несколько удивило:

— Грегори́ч? Не ты?

Он обреченно махнул рукой.

— А я не мог. Мне Горан сразу рот заткнул тем, что Леа до сих пор еще моя жена. И мне еще придется с ней встретиться и попытаться уговорить на развод.

— Это мне понятно, но сейчас надо выяснить другое. И я задала вопрос, которого Конрад не ожидал.

— Скажи, а в каком расположении духа вернулся король? Все такой же нервный агрессивный?

Мой любимый задумался так, что лоб прорезала глубокая вертикальная складка. Затем все разгладилось и он даже улыбнулся:

— А ты знаешь, сегодня он был гораздо спокойнее чем тогда, когда уезжал. Я думал, он нас с Грегори́чем слушать не станет, будет орать и слюной брызгать, но он только сопел недовольно, зато выслушал и принял адекватное решение.

Это что Леокадию из дворца выгнал? Ничего себе адекватное. Шпионку мог бы и в темницу. Стоп. Вот еще вопрос:

— Кон, а какие доказательства ее шпионской деятельности ты нашел? С чем вы пришли к Горану?

— У нее в белье был спрятан амулет связи с одним — единственным каналом. Прямой выход на первого заместителя кортальского главы внешней разведки. Кстати, отца принца Филодора. Еще там нашлись ее рукой писанные заметки обо всех придворных и членах кабинета министров.

Понятно. С такими доказательствами в тюрьму ее упечь не получится, а вот выгнать из дворца как нежелательную персону — пожалуйста. Хотя, если бы король захотел, легко бы выслал. Тогда почему?...

Конрад по глазам прочел мой невысказанный вопрос и пояснил:

— Это я просил Горана не высылать Леокадию. Сказал, хочу проследить, с кем она связана. А на самом деле мне надо заставить ее активировать третью печать на договоре. После этого отправлю ближайшим порталом куда подальше.

Соль была права: он не захочет избавиться от нее окончательно и бесповоротно. Не сделает ничего, что могло бы послать Леокадию на плаху. Будет уламывать и уговаривать, теряя время и увязая в ее паутине. Благородный.

А вот она не упустит случая прижать Конрада. Не знаю, что ей может быть от него надо, но чует мое сердце: просто так гадина его не отпустит. И ладно бы деньгами взяла. Кон еще заработает, да и у меня приданое в банке растет.

Хуже если ей понадобятся от него шпионские услуги. А я подозреваю, что это так и есть.

После этого я прочитала Конраду избранные места из письма Соль и напрямую спросила: не думал ли он о том, что короля могли опоить ведьминским зельем.

Он снова сверкнул на меня глазами и пообещал, что проверит все, что только сможет, на наличие ведовства. Специально завтра же выпишет из Элидианы одну ведьму, которой можно доверять: декана факультета ведовства. Она хоть и страстно любит деньги, но в своей профессии ас, честь свою бережет и с Корталом никак не связана.

Всю ночь я не могла заснуть, крутилась и вертелась так, что под утро Конраду это надоело и он усыпил-таки меня заклинанием. Зато мне пришла в голову мысль снабдить кристаллами Лилиану. Она — девица активная, упорная и не идиотка, в собственном дворце обязательно что-нибудь нароет.

Так что утром, несмотря на недосып, я постаралась встать пораньше и сбегать в свой рабочий кабинет. Конрад уверял, что сегодня я могу не заморачиваться работой, а потратить свое время на одевание и прическу, но я — то знала: мой внешний вид подождет. Надо подготовиться к тому, что может произойти все, что угодно.

А что я могу сделать в таком случае? Ничего! Только запечатлеть это для потомства или, скорее, для следствия. Четыре кристалла перекочевали из сейфа ко мне за корсаж. Еще я взяла остатки гороха и фасоли, заряженных Веркой. Не уверена, что они еще действуют, но вдруг...

Переодеваясь в синее парадное платье, я все это припрятала в пудренице, потому что Конрад старательно контролировал процесс одевания. Ему непременно надо было проверить, все ли я амулеты нацепила. Пусть успокоится — все! Не важно, что Леокадии во дворце не будет. Там должны быть злоумышленники. Я, конечно, не боюсь, но разумно опасаюсь, а в этом случае никакие меры предосторожности не лишние.

Стоило Кону уйти, как кристаллы вместе с бобовыми перекочевали ко мне на грудь. Теперь я во всеоружии.

Пока наряжалась и причесывалась все время думала о том, что вчера узнала от Конрада. Король за время, которое он провел в охотничьем замке, стал спокойнее. О чем это говорит? Мне кажется, о применении зелья.

Когда я заканчивала с прической, пришел Асти. Решил пожаловаться Конраду, что его обокрали, сперли все записывающие кристаллы. Кон как раз вышел, чтобы что-то обсудить с Риком, так что ограбленный попал прямо на грабительницу. Я обещала ему передать жалобу своему мужчине, а заодно спросила: чем ведьминские амулеты отличаются от тех, которые делает он, Громмель.

— Марта, это очень просто. Видела у Лауры нитку на запястье? Вот это настоящий ведьминский амулет. А у Верки плетеный браслетик? То же самое. У Эльвиры в косе расшитая лента... Они их плетут, вяжут, вышивают, но никогда не делают из металла. Камушки в виде бусин — пожалуйста. Деревяшки — сколько угодно. А металл даже в виде нитей — никогда. И не спрашивай меня как это работает. Не знаю. Но действие свое они оказывают, это факт. Сам видел: парню в карман нитку подложили, он с нею сутки проходил, а потом пошел и судье сдался. Он был вором и украл у ведьмы все ее сбережения. Она знала кто, но не могла доказать, вот амулетом и воспользовалась.

Однако... Если я не ошибаюсь, ведьма привязала к нитке именно ментальное заклинание. Как многого мы еще не знаем... Теперь еще всю одежду Горана проверять на посторонние нитки...если, конечно, зелье не найдется раньше.

* * *

Во дворец мы поехали в той большой карете, в которой отправлялись на пикник. Я с Конрадом, Гаспар с Веркой, Рихард, да еще Лаура, все школьное начальство отбыло. Зорко остался на хозяйстве, но толку от него... Только что проследит и доложит. Я больше

надеялась на Василя с Заруной, все же ведьма и с ведьмаком, с молодыми магами в случае чего справятся.

Во дворец мы прибыли как положено, заранее. Меня чуть и не у дверей отловила Лилиана и потащила в свои покои. Отличный случай вручить ей кристалл и объяснить задачу.

Девушка затащила меня в ванную под предлогом приведения себя в порядок и зашептала трагически:

— Брат совсем спятил. Сказал, что еще не решил за кого меня выдавать, так что не знает, нужна ли мне магическая наука. А мне так теоретическая магия понравилась! Я даже все упражнения перерешала!

Хитрая девчонка, пытается подольститься ко мне как к преподавателю для своих далеких от учебы целей. Думает, я ее маневров не вижу. Но это даже хорошо, сейчас она мне все расскажет и я вручу ей пару кристаллов. Пусть фиксирует свои пикировки с королем. Она маг, может останавливать запись и запускать снова. Но сначала вопрос:

— Лилиана, Ваше Высочество, вы знаете, что на вашего венценосного брата кто-то воздействует ментальной магией? Поэтому он и ведет себя так странно.

Она посмотрела на меня с недоверием.

— Магией? Не может быть. Он у нас и сам имеет дар, да к тому же обвешан амулетами самого высшего качества. Хотя... Это бы многое объясняло.

Я тут же прочла ей краткую лекцию про ведьм и их нестандартные приемы: зелья и амулеты, не похожие на обычные. Объяснила так толково, что даже сама во всем разобралась. Правильно говорят: хочешь что-то узнать получше — начни учить этому других.

Лилиана переспрашивала, уточняла, а картина случившегося обрастала подробностями. Принцесса сама, без моих уточняющих вопросов вспомнила, что характер у короля стал портиться давно, еще тогда, когда он впервые заговорил о смене жениха. А это было в середине лета.

В это время я еще не знала, что поеду в Шимассу и мирно отдыхала на берегу моря.

Резкий скачок в настроении Горана по времени приходился на момент нашего с ним знакомства. Но в то самое время в его разговорах с сестрой впервые возник образ принца Филодора в качестве жениха.

— Лилиана, дорогая, как я поняла, вы с принцем Фило давно знакомы.

Мне даже не пришлось задавать вопросы.

— С детства. Меня регулярно возили в Кортал к родне по маминой линии и там мы познакомились. Я подумать не могла, что он может стать моим мужем. Не было такого плана! Он мне никогда не нравился. Зануда и сопляк! И вообще я хочу замуж за Рихарда, но уже поняла, что он мне не светит. Династический брак, демоны его раздери!

Я вспомнила, как у Рика строятся отношения с женщинами, и поспешила успокоить разошедшуюся принцессу.

— Лилиана, знаете, может, оно и к лучшему, что вы не выйдете за Рихарда. Это с стороны он кажется вместилищем всех достоинств, но на самом деле это не совсем так. Почему иначе женщины раз за разом выбирают других?

Девушка задумалась.

— Это они выбирают, а не он?

Я сделала большие глаза:

— Лилиана, скажу по секрету: выбираем мы, а мужчины думают, что это их решение,

потому что их к нему осторожно подвели.

Сказала и вздохнула: со мной было не так. Или так?

Далее мы установили, что третий этап ухудшения королевского характера пришелся на новогодние праздники. Горан даже сорвался, наорал на всех, чуть не разогнал свой совет министров и сбежал в охотничий замок, чтобы не натворить дел. Сам сказал, что бежал от себя. Зато отдохнув буквально три дня в тишине и покое, он вернулся совсем другим. Похожим на себя прежнего.

Это подтвердило мою концепцию про зелье или артефакт. Вероятно, он оставил вредную вещь во дворце, что бы это ни было.

Найти бы ее еще. Предложила Лилиане этим заняться.

Мы пришли к выводу, что нужно искать источник неприятностей в том, чем Горан пользуется в повседневной жизни, но что он не брал с собой в охотничий замок. Таких предметов и субстанций не могло быть много.

Заодно объяснила, что такую гадость мог подложить только шпион. Это явно не кто-то со стороны, а свой. Местный.

И вот его надо найти во что бы то ни стало. У меня доступа во дворец нет, а Лилиана тут живет, так что может случайно что-то или кого-то увидеть. Предложила ей для контроля записывать на кристалл все, что покажется странным или интересным. Возможно, она что-то упускает, а тут посмотрит со стороны и разглядит.

Мои доводы показались Лили убедительными и она с радостью взяла два кристалла. Принцесса уже умела ими пользоваться, так что даже объяснять ничего не пришлось.

Возможность использовать магическую шпионскую технику привела девушку в восторг. Еще бы: настоящее приключение! На ее месте я бы до потолка от радости прыгала. Она выразила свои чувства более сдержанно, но по глазам было видно, что она предвкушает, как будет охотиться за неуловимым злодеем и поймает его с поличным.

Ну что ж, на моей стороне играет принцесса Лилиана. Много это или мало мы узнаем, когда все закончится и можно будет подвести итоги.

Не успели мы с принцессой договориться, пришел слуга, чтобы напомнить: прием вот — вот начнется. Мне пришлось покинуть Лилиану и присоединиться к нашим в тронном зале.

Конрад был очень недоволен, что я болтаюсь без него по дворцу. Рик же уверял, что в обществе принцессы мне ничего не грозит. Вчера он побывал-таки в гостях у брата в посольстве и теперь делал таинственное лицо: Эберхард, видимо рассказал ему, с какой миссией прибыл.

Знаю я Рика, он больше всего на свете хочет быть в наших глазах важной персоной и жаждет, чтобы его стали расспрашивать. А зачем? Он и так для нас много значит, ректор все-таки. Про миссию его брата мы узнаем в течение часа, нужно только подождать. Это министрам и дипломатам следует знать содержание послания короля наперед, им надо ответ составить. А мы и так обойдемся.

Пока все ждали Горана, я осторожно осматривалась. За время, прошедшее с моего приезда в Сармион, многие лица шимасской столицы стали знакомыми, хотя по имени я знаю далеко не всех. Эти дамы в прошлы мой визит во дворец смотрели на меня волком, а сейчас глядят с фальшивым сочувствием. Ну да, в их глазах я фаворитка, которой дали отставку. Многие из них ищут в толпе и явно не находят... кого? Леокадию? Думаю, все уже слышали, что король притащил себе красотку во дворец чуть ли не с улицы, и теперь хотят ее лицезреть. А вот фиг вам: ее тут нет!

Я перевела взгляд на более приятных мне людей. Сегодня Гаспар впервые вывел в свет Верку в качестве официальной избранницы. Купил ей дорогое платье и сейчас любит ее. Я тоже полюбовалась. На высокой, статной, черноволосой Верке гладкое, с минимумом украшений бледно — желтое платье, обливающее фигуру, смотрелось отлично. Вообще, роман с нашим воином пошел ей на пользу. Она пообтесалась, научилась плавно двигаться и больше не выглядит корявой. Если абстрагироваться от ее габаритов, очень даже симпатичная девушка получилась.

Вон стоит генерал Живкович со своей супругой, которая ему по плечо. Сынок явно в папу пошел: генерал держит за попу собственную жену и попутно перемигивается с другими дамами. А вот Григорич и тоже с женой, пышной дамой в два раза крупнее себя.

Кажется, этот прием более важный чем тот, на котором мы были в прошлый раз: народу в два раза больше.

Спросила Конрада, он подтвердил:

— Тогда был прием рядовой, традиционный, от него многого не ждали. А тут представляется чрезвычайный и полномочный посол. Это новость. Всем интересно, что он привез, какие сделает предложения и как его визит может повлиять на жизнь двора. Вот и сбегались все узнать из первых рук зачем пожаловала гремонская делегация.

На этот раз мы почти не ждали короля, он вышел всего на две минуты позже, чем по протоколу должно было начаться действие. Все низко присели в поклоне, пока Горан обходил зал. Сегодня он делал это стремительно. Живо облетел присутствующих и сел на трон, разрешая всем подняться из неудобных поз. Видно было, что он нервничает.

Кажется, визит Эберхарда ему не в радость. Не принять посла дружественной державы он не может, но знает за чем тот приехал и молча бесится.

Я шепнула Кону:

— Его Величество недоволен?

Конрад вздохом подтвердил мою догадку, а Рихард, услышавший мой вопрос, зашептал в ухо:

— Еще бы ему быть довольным. Берти приехал с таким предложением, отказаться от которого — глупость. Но не отказаться король не может.

Соседи наострили уши, желая приобщиться к знаниям, но Рик заметил их телодвижения и замолк, так и не сказав, какие такие предложения привез его братец.

Еще пару минут мы маялись в неизвестности. Наконец мажордом объявил:

— Чрезвычайный и полномочный посол королевства Гремон и королевства Лиатин Его Светлость Эберхард фар Арвиль!

Ого! Он не только от Гремона выступает. Мое родное королевство тут каким боком затесалось? Как вышло, что Риков брат говорит от имени моего короля тоже?

Эберхард вошел не один, его сопровождала небольшая свита из четырех человек. Выглядел он еще более величественным, чем во время встречи у портала. На роскошном бархатном камзоле цвета ночного неба сияли звезды орденов разных государств, на ножнах церемониальной сабли переливалось целое созвездие бриллиантов, но вся эта роскошь не затмевала красоты и значительности его лица.

Когда я пила с ним чай в посольстве, он был гораздо проще, доступнее и его лицо казалось более обыденным.

Сейчас, глядя на него, стоящего напротив Горана, я бы поспорила, кто из двоих красивее и величественнее.

Он прошел через весь зал, преклонил колено перед тронем и протянул королю красивый конверт со свисающей с него печатью на ленте. Король поднялся, сделал два шага и принял конверт со словами:

— Встаньте, господин посол. Я рад приветствовать вас на земле Шимассы.

Эберхард поднялся и снова поклонился, но уже значительно более сдержанно. Король же вернулся на трон, уселся там и задал ритуальный вопрос:

— Что привело вас к нам, господин фар Арвиль?

Посол только и ждал этих слов.

— Ваше Величество, я сегодня представляю здесь не только свой родной Гремон и его Величество короля Губерта, но действую также по поручению короля Лиатина короля Грегуара. Для меня великая честь донести до вашего престола предложения доверивших их мне государей.

Он достал из-за пазухи еще один конверт, на котором висели уже две печати на ленточках: красная и зеленая, затем сделал два шага вперед, сунул его королю прямо в руки и отступил на место.

— Меня просили не объявлять послания государей во всеуслышание. Это дело касается только вашего Величества. Если вы, ознакомившись с содержанием, сочтете возможным поделиться им со своими придворными, это будет ваше решение. Я в свою очередь уполномочен проводить переговоры по сути вопроса.

Горан, не говоря ни слова, сломал печати, достал два листа, на каждом из которых даже издали была видна огромная круглая печать, быстро пробежал их глазами и заговорил:

— Предложения короля Губерта и короля Грегуара очень лестны для меня. По этому вопросу мной уже были приняты решения и даже заключены соглашения. Прежде чем ответить положительно или отрицательно, принять предложения в целом, частично или отклонить, я должен всесторонне изучить вопрос. Мы начнем наши переговоры завтра, господин посол. Надеюсь, к тому времени, когда вы соберетесь в обратный путь, я смогу огласить окончательное решение.

Я толкнула Рихарда локтем в бок:

— Что он такого ему предложил?

— Ничего особенного. Заменить принцессу Ксению на принцессу Розамунду, а принца Филодора на принца Хельмута.

Я была права: Рихард все знал заранее.

Похоже, королю предложили рокировку. Принцесса Ксения — это актуальная невеста Горана, она из Ремолы. Кто такая Розамунда я точно не знаю, но предполагаю, что это единственная дочь Гремонского короля. А вот принц Хельмут — это наш лиатинский наследник.

Я не знаю, какая выгода Горану от замены Ксении на Розамунду, но Хельмут значительно лучший вариант, чем Филодор хотя бы потому, что он наследник престола. Насколько я помню, он старше Лили лет на десять. Тут не скажешь, что сопляк: взрослый мужчина в самом расцвете. Красотой не блещет, но ничего неприятного в Хельмуте нет. Наши лиатинские барышни по нему сохнут и считают лапочкой и душкой. Отец учил его математике и уверял, что у принца есть мозги. Для меня это лучшая рекомендация. Ум в мужчине важнее красоты.

Пока я размышляла, официальная часть закончилась и начались танцы. Горан открыл бал с какой-то заслуженной старой гримзой в кружевах. Эберхард пригласил красивую, но

малопривлекательную придворную даму из тех, что вечно смотрели на меня с презрением.

Я тоже не осталась стоять у стенки, меня подхватил и повел в танце мой мужчина. Он тоже слышал слова Рика и сейчас спешил удовлетворить мое любопытство. Розамунда — действительно дочь Губерта. В отличие от сыновей, она пошла не в носатого папочку, а в красотку — маму. Только глаза отцовские, черные. Конрад ее лично не видел, но портреты в газетах встречал не раз.

Он не готов ее сравнивать с Ксенией, потому что о ней как раз мало что знает, но одно модно утверждать: с точки зрения здорового потомства брак с Розамундой предпочтительнее. На протяжении пятнадцати поколений между гремонским и шимасским королевскими домами не было заключено ни одного династического брака. А вот ремольские принцы и принцессы многократно женились и выходили замуж за принцев и принцесс Шимассы.

Ну что же, это серьезная причина предпочесть Розамунду. А Ксения куда тогда? За кого-то из сыновей Губерта? У него, по слухам, их четверо.

Следующий танец я танцевала с Рихардом. Король на этот раз остался на троне, Эберхард тоже не стал танцевать, а пристроился сбоку от Горана и что-то тихо ему втолковывал. Король хмурился, но слушал внимательно.

— Что, интересно, о чем они? — кокетливо подначил меня Рик.

Я не поддалась. Пусть не распускает хвост, а ответит на мой вопрос.

— Думаю, им есть что обсудить. Но если дело обстоит так, как ты сказал, то в чем преимущество предложения Эберхарда? Я его вижу только в том, что брак не близкородственный, дети будут здоровыми.

Рихард рассмеялся.

— Смотри, как по — разному у нас работают мозги. Мне твой довод в голову не пришел. Если так, то Розамунда выгоднее Ксении. А вот насчет вашего Хельмута скажу: выйдя за него, Лилиана уедет навсегда в Лиатин и потеряет права на Шимасский трон. Зато получит права на трон Лиатинский. Здорово, правда?

— А если она выйдет за Филодора?

— Он ненаследный принц. Дома ему ловить нечего. Припрется сюда и будет ждать удобного случая, чтобы сесть на шимасский трон. Горану это нужно? По — моему нет.

— А у него есть шансы?

— У него лично — никаких. Но в качестве регента при собственном сыне...

Болтать так в открытую было чистым безумием, поэтому мы с Рихардом говорили на странно звучащем древнем языке моей и его родины, благо когда-то наши страны были единым целым. На этом языке до сих пор говорили в деревнях, в городе он считался грубым и диким.

Когда-то эльфы дали людям всего континента общий язык, чтобы не морочить себе голову, запоминая сотни диалектов. Их магии хватило на то, чтобы объединить этим языком всех людей. Теперь переезжая из страны в страну не надо было искать переводчика. Отличалось лишь произношение: по нему легко было определить, уроженец какой земли перед тобой. От старых языков остались лишь традиционные для каждой местности имена и названия.

Но древние людские языки все еще жили в деревнях и сельские уроженцы ими пользовались, особенно чтобы задурить головы приехавшим из города чиновникам. Не знаю, откуда знал этот язык Рихард, меня ему научила моя деревенская бабушка.

Те, кто проносился мимо нас в танце, прислушивались, но ничего понять не могли.

Соображения Рихарда относительно Филодора так хорошо сочетались с заговором против Горана, что я полностью уверилась: это акция кортальской разведки, желающий посадить на трон соседнего государства своего ставленника.

Действительно, Горан для Кортала не самый удобный король. Тихая, слабая Шимасса при нем огромными шагами идет по пути прогресса, растет ее мощь, в том числе и военная. Это не значит, что Горан собирается вначать против соседа военные действия, но он становится способен вести независимую политику. Кортал же отличался авторитарным стилем и вечно норовил навязать соседям то, что выгодно ему.

На месте Горана я бы приняла предложение как Губерта, так и Грегуара.

* * *

Танцы продолжались. После Рихарда я танцевала с генералом Живковичем, который уговаривал меня не сердиться слишком сильно на сына: тот дурит, но сердце у него золотое. Я бы это золотое сердце драла розгами, пока вся дурь из головы не выскочит, но спорить с любящим папашей — гиблое дело. С другой стороны долго злиться на Живко ни у кого не получается. Бронебойное обаяние у этого парня: посмотрит своими лукавыми глазками, тряхнет рыжими кудрями и ты уже забыл из-за чего сердился. Вон, даже Нанни рукой махнула и настаивает на том, чтобы он не ходил к ней на занятия скорее потому, что боится повторения, а не потому, что все еще гневается.

Затем подряд два танца пришлось отдать каким-то придворным. Они, видать, с запозданием узнали, что король ко мне благоволит, и, не ведая, что все это в прошлом, пытались добиться моего расположения. Скучные оба донельзя. Но я и из них постаралась извлечь полезную информацию. К сожалению, ничего нового, но зато оба подтвердили, что неустойчивое настроение у короля началось еще с лета, а потом только набирало обороты. Ни один не представлял себе, чему это приписать.

Король уже бросил Эберхарда и теперь танцевал со всеми в зале.

Надо сказать, в танце я несколько раз встречалась с Гораном, даже партнером он моим оказывался при смене пар. Король смотрел на меня как на мебель, разговаривать не пытался и даже когда приходилось брать за руку, дотрагивался как до деревяшки. Придворные это заметили и больше никто из них меня на танец не приглашал.

Зато пригласил Гаспар. Пока Верку кружил по залу мой Конрад, мы с воином тоже времени даром не теряли. Терлись около короля, но так, что тот нас не видел. Да и как увидишь? Партнерша закрыла Горану весь обзор. своими выдающимися прелестями. Зато я услышала, как, встретившись в танце с Эберхардом, король пригласил его к себе в кабинет сразу после ужина.

Договариваться будут.

А если так... Горан, судя по всему, принял решение. Только вот какое? Предыдущее, о браке сестры с Филодором, он принял под влиянием стороннего воздействия. С тех пор прошло немало времени и кое-что изменилось. Но вернулась ли к королю способность мыслить здраво?

Подслушать бы...

Мама всегда утверждала, что благородные девицы не подслушивают, а братья, наоборот,

советовали так делать, если хочешь что-то узнать доподлинно. У меня есть Веркин подслушивающий горох... Не уверена, что сработает, но попробовать надо.

Я попросила Гаспара подвести меня поближе к принцессе, когда кончится танец. Он пожал плечами и на последних тактах музыки остановил меня рядом с Лилианой, кокетничающей с Риком. Я улыбнулась своему ректору и намекнула, что нам, девушкам, надо посекретничать.

Лили сразу поняла, что дело серьезное: схватила меня за руку и потащила "попудрить носик" аж в свои собственные покои. Там остановилась и спросила жалобно:

— Марта, ты знаешь, что он против меня задумал?

Это она брата имеет в виду? Не знаю, но подозреваю.

— Ваше Высочество..

— Марта, прекрати. Зови меня Лили и на ты, а то Высочество — это так долго и нудно.

— Хорошо. Лили, мне кажется, что предложение, которое привез посол, касается твоего замужества. Но я не уверена, что король на него согласится. После ужина он встречается с послом у себя в кабинете. Я могла бы подслушать, но мне нужна твоя помощь.

Принцесса сначала чуть не запрыгала от радости, а затем сникла.

— Подслушать? Вот здорово! Кристалл там расположить, да? Ничего не выйдет, Марта. Его охранная система засечет.

Этого я не опасалась. Боялась только, что фасоль уже сухая и не активируется. Но другого варианта все равно нет. Успокоила принцессу

— Не кристалл. Мое подслушивающее устройство просто так не засечешь. Не даю стопроцентную гарантию, что сработает, но попробовать надо.

Я достала из-за корсажа пять горошин и протянула Лили.

— Вот. Подбрось куда-нибудь в угол кабинета.

Она смотрела на меня огромными перепуганными глазами.

— А если найдут? Завтра выметать будут и заметят...

— Ну и что? Это же горох... Может его мыши натаскали с кухни. Выметут и не обратят внимание.

Вот в этом я была уверена. Никому и в голову не придет, что горох можно так использовать. Даже Конрад не догадался. Он представления не имеет, как защититься от этой нетрадиционной подслушки, а значит, если ведьминское бобовые все еще работают, у нас должно получиться.

Лилиана зажала горошины в кулачке и понеслась в сторону королевского кабинета, а я вернулась в зал, где меня тут же подхватил Конрад.

— Где ты бродишь, одуванчик? Я тебя обыскался.

Не люблю врать, поэтому просто не ответила. Да и преувеличивает он: нас не было от силы минут десять. Как раз чтобы привести себя в порядок. Вместо ответа я погладила Кона по руке и он сразу забыл свои претензии. Ланс — очень интимный танец, его танцуют вдвоем и партнер крепко обнимает партнершу за талию. Для юных незамужних девиц его исполнение считается неприличным, если только они не помолвлены. Для жениха действует исключение из правила. Но я кружилась по залу, склонив голову на плечо моему возлюбленному и плевала на все приличия. Для меня Конрад был даже не женихом, я ощущала его своим мужем. Он тоже нагнулся ко мне в танце и прошептал на ушко:

— Золотинчик, любимая, я все время думаю о тебе: "Моя жена". Только так.

— Надеюсь, в скором времени ты сможешь это говорить вслух при всем честном

народе.

Я бы так кружилась с Коном вечно, но на балах не принято два раза подряд танцевать с одним и тем же партнером. Стоило Конраду меня отпустить, и передо мной возник темно — синий бархатный камзол, на груди сверкающий звездами орденов. Эберхард. Он обратился к Конраду:

— Позвольте, я похищу вашу очаровательную даму.

Конрад сделал шаг назад и поклонился: уступаю. Я тоже присела в реверансе. Тут зазвучала музыка и пришлось подать руку послу. К счастью, это был не нежный ланс и не страстный тавор, а церемонный маэртин. Танец для разговоров.

К моему удивлению, Эберхард не стал по дипломатическим обычаям ходить вокруг да около. Он задал мне достаточно прямой вопрос:

— Прелестнейшая Марта, что у вас с господином ар Герионом? Интрижка или нечто большее?

Так бы и дала в глаз! Надо такое спросить у малознакомой девушки! Но скандалить на балу — последнее дело. Не хочешь отвечать — поставь нахала на место культурно. Поэтому я приняла неприступный вид и произнесла ледяным тоном:

— Неужели, господин фар Арвиль, вас не учили, что такие вопросы девушкам не задают?

Вместо того, чтобы устыдиться, мерзавец только фыркнул:

— Надо же, не ожидал встретить королевские манеры в простолюдинке. Я спросил, Марта, чтобы вас предупредить: кавалер ваш женат. Не стройте иллюзий: подобные отношения ничем хорошим для вас не закончатся.

Кто-то лезет не в свое дело.

— Благодарю за совет, но я сама буду решать, как мне жить, да и Конрад тоже.

Тут, к моему счастью, произошла смена партнеров, беседа с Эберхардом временно закончилась, а продолжать ее я никакого желания не имела.

Но каков нахал! Лезет туда, куда не просят! Что ему до того, какие отношения связывают нас с Коном?! Он же не представляет при дворе Горана интересы Леокадии? Или все же представляет? По словам Рихарда мне представлялось, что Эберхард должен нашу красотку люто ненавидеть.

Или ему Конрад зачем-то понадобился и понадобился свободным? Что ему нужна я, поверить невозможно, для этого нужно быть тупой самовлюбленной курицей. У меня много недостатков, но этих нету. Так что из всех рациональных причин, для чего посол хочет разлучить нас с Коном, разумной мне представляется лишь то, что он хочет вовлечь моего любимого в какие-то свои интриги, а для этого Конрад нужен ему свободным или на худой конец связанным с той, от которой он жаждет освободиться.

Догадаться, что это за интриги, мой простой и логичный математический ум совершенно не способен. Для этого нужно иметь специальные мозги.

Следующие три танца перед торжественным принятием пищи я танцевала с уже знакомыми людьми: Милчичами старшим и младшим и Грегорицем, а в перерыве между ними мне удалось перекинуться парой слов с вернувшейся Лилианой. По ее довольной мордашке и раскрасневшимся щечкам я догадалась, что поручение мое она исполнила успешно.

Теперь нужно было дождаться окончания обеда и не уйти сразу, как я планировала изначально. Фасоль действовала на сравнительно небольшом расстоянии.

К столу меня повел Конрад. На этот раз мы расположились довольно далеко от короля. Если для придворного это могло быть причиной недовольства, то я, наоборот, радостно расслабилась. Хоть поем спокойно: тут очень вкусно готовят.

Но мечтам о гастрономических изысках не суждено было сбыться в полной мере. Только я наложила себе на тарелку всевозможных закусок и салатов, как Конрад спросил:

— Марта, о чем с тобой разговаривал Эберхард фар Арвиль?

У меня сходу пропал аппетит. Нет, я не стала пытаться обмануть своего мужчину, рассказала все как есть и даже присовокупила свои размышления по этому вопросу, но обед был для меня непоправимо испорчен. Пока Кон обдумывал мои слова, я ковыряла в тарелке и глотала всего по кусочку, не ощущая вкуса. Что он мне на это скажет?

Когда любимый переварил услышанное, он погрустнел и выдал:

— Марта, не бери в голову. Этот интриган меня ни на что не уговорит. Пусть не мечтает.

Я решила выяснить:

— Ты знаешь, зачем ему нужен? Тебе Рик что-то сказал?

Кон пожал плечами:

— Есть подозрения. Давай, девочка, дома обо всем поговорим, а то на нас уже косятся.

Правильно: мы разговаривали, шепча друг другу на ухо, а это неприлично не только за столом. Ну ничего: вечером все обсудим подробно, а я до этого момента поднакоплю информации. Лишь бы моя подслушивалка сработала как надо.

* * *

После обеда бал продолжился. Горан какое-то время оставался в зале, а затем исчез вместе с фар Арвилем. Я же потратила предоставившуюся передышку на то, чтобы найти выгодное место, где мое подслушивание не привлечет ничьего внимания.

Конечно, фасолинку у меня в ухе сторонний наблюдатель не засечет, но вот странная девица, сидящая как истукан с разинутым от усердия ртом, может его заинтересовать. Мне нужно укромное место в радиусе сорока локтей от королевского кабинета.

Лилиана и на этот раз подсказала: оранжерея. Коридоры, ведущие в нее и в кабинет, разные, никто не догадается, зато эти два помещения разделены всего одной лестницей в стене. А сходить полюбоваться экзотическими растениями — это для гостей обычное занятие. Она сама меня проводит, ведь я же ее учительница.

Я понимала, что девушка просто хочет быть первой, кто услышит, о чем договариваются король с послом, но пойти в оранжерею с Лилианой было хорошей идеей. Если кто-то ненароком там появится, она отвлечет внимание.

Через несколько минут после того, как король ушел на переговоры, Лили сообщила Рихарду, что хочет мне показать свой любимый цветок: он как раз расцвел. Теперь наш поход в оранжерею оправдан со всех сторон.

Больше всего я боялась за фасоль, но она, как ни странно, не подвела. Стоило мне сдавить ее в руке и сунуть в ухо, как я услышала тихий, но внятный голос. Говорил король:

— Я польщен предложением Его Величества Губерта. Принцесса Розамунда достойна восхищения и стать ее мужем — мечта любого. Но принцесса Ксения уже несколько лет считается моей невестой...

— И вы до сих пор на ней не женились, Ваше Величество. Почему?

— Ну..., — затянул Горан, — Она... Или скорее я...

— Вы не влюблены в свою невесту, Ваше Величество, вот и все. Вы привыкли думать с ней, как о чем-то неизбежном, а это не добавляет энтузиазма.

— Должно быть вы правы, фар Арвиль. Но разорвать помолвку... Не хотелось бы так оскорблять Ксению и ремольский королевский дом. Они нам все-таки родня.

У Эберхарда на все был готов ответ.

— А если она сама это предложит?

— Тогда я, наверное, порадуюсь. Хотя будет обидно. А на чем основана ваша уверенность в том, что она от меня откажется? У вас есть основания?

— Я никогда бы не обратился к Вам с непроработанным по всем каналам предложением. Изначально мы планировали предложить брак принцессы Лилианы с наследным принцем Губертом. Но он отказался, потому что влюблен в Ксению. Они познакомились в прошлом году на юбилее лиатинского монарха и теперь переписываются. Пожениться им мешает только то обстоятельство, что она — ваша невеста.

Ответ Горана был не в тему и голос короля звучал так, как будто человек никак не может собраться с мыслями.

— Не помню, почему я тогда не присутствовал. Ведь хотел встретиться с невестой на нейтральной территории.

— Вы в тот момент усмиряли мятеж в провинции, Ваше Величество, и не смогли приехать. Так вот, учитывая вышеизложенное, мы разработали план, который бы всех устраивал.

— Мы — это кто?

— Его Величество Губерт, Его Величество Грегуар, их канцлеры и министры иностранных дел, а также ваш покорный слуга.

— Понятно. Так в чем же для меня преимущество Розамунды перед Ксенией?

— Во — первых, Розамунда очень хороша собой. Она пошла в мать, а королева Катарина считается одной из самых красивых женщин континента.

Действительно, портреты жены Губерта часто печатали в газетах именно по этой причине. Я не помнила портретов ее мужа, зато с ее внешностью была хорошо знакома. Роскошная красавица — блондинка, в сто раз лучше Сильвии. Глаз не оторвешь. Если Розамунда на нее похожа...

Эберхард продолжал вещать.

— Во — вторых, она не влюблена в другого. Согласитесь, это существенно. Мать нашла у нее в столике ваш портрет, вырезанный из газеты, это тоже хороший знак. И потом самое важное: между шимасским и гремонским двором очень давно не было семейных связей. С Ксенией вы довольно близкие родственники, а государству нужны здоровые наследники.

До этого я тихим голосом транслировала все сказанное сидящей рядом Лилиане почти без купюр. Нас никто не мог слышать: в оранжерее никого не было. Но тут пошла речь о Лили и пришлось смягчать и кое-что утаивать.

— Вы меня почти уговорили, фар Арвиль. А Лилиана?

— Принц Хельмут — достойная кандидатура. Он подходит вашей сестре по возрасту и воспитанию. К тому же это не мелочь какая-нибудь, а наследник трона, будущий король.

То, что король несколько заторможен, можно было услышать даже через фасоль.

— Почему мы его раньше не рассматривали?

Ехидство в голосе посла не могла скрыть даже фасолина.

— Не знаю, Ваше Величество. Не могу даже представить, куда смотрели те, кто подбирал женихов принцессе. Хельмут — первый, на кого они должны были обратить внимание.

— У меня есть договоренность о ее браке с принцем Филодором.

— Честно, Ваше Величество? Их с Хельмутом смешно даже сравнивать. В одном случае ваша сестра в перспективе королева отдаленной, но дружественной державы, в другой — она с мужем будет сидеть у вас на шее. И где гарантия, что юный Фило, а вернее его отец, не начнет мутить воду?

Разъяснил все как по — писаному. Король замялся, затем ответил:

— Я принял во внимание ваши аргументы и склонен согласиться предложением двух королев. Но у меня есть обязательства...

— Ни слова больше! — живо воскликнул Эберхард, — Я все понял, Ваше Величество. На сегодня достаточно вашего принципиального согласия. Все остальное мы проработаем, уберем персонажей, которые мутят воду, а затем предложим вашему вниманию жизнеспособный план действий. Надеюсь, в результате все будут довольны. Только... Ваше Величество...

— Ну что еще? — довольно склочным тоном отозвался король.

— Никому... Никому об этой нашей договоренности пока не сообщайте. Даже сестре. Девушки — они язык за зубами держать не умеют.

— Что же я, сестры своей не знаю? — рассердился вдруг Горан, — да ей только скажи, она по всей стране разнесет! Пусть пока думает, что выходит за Фило. Узнает кто жених уже в храме.

Странно. А мне Лилиана не показалась глупой болтушкой. Вполне разумная девица. Почему родной брат на нее наговаривает? Но разговор, кажется подошел к своему логическому завершению. Даже Лили это поняла и теребила меня за рукав, пытаясь навести на разговор о принце Хельмуте.

Принц подождет. Он, конечно, парень что надо, но сейчас обсуждать его не время. Вот будет у нас урок, тогда...

Я решила, что все интересное уже слышала, и хотела вытащить из уха фасолилку, тем более что слышно становилось все хуже. Но тут Эберхард сказал:

— Ваше Величество, я могу к вам обратиться с личным вопросом?

— Обращайтесь, фар Арвиль. Не знаю, смогу ли помочь, но выслушаю.

Что меня толкнуло? Я убрала умирающую фасолину и вставила в ухо свежую. Слышно стало лучше, чем до этого, вероятно, новая горошина лежала ближе к говорившим.

— Ваше Величество, у вас служит мой соотечественник Конрад ар Герион. Кем он является при дворе?

— Он у нас заведует магической безопасностью. Противный тип, но в профессиональном плане я доверяю только ему.

— Не напрасно ли? Именно ему я не стал бы так безоговорочно доверять. Вы знаете, что его жена — кортальская шпионка?

— Вы говорите о...

— Я имею в виду Леокадию ар Герион.

— Насколько мне известно, Конрад давно разошелся с ней. Между ними ничего общего.

— Ой ли? Эту даму я встретил в вашей столице. Что она здесь делает? Я боюсь, что эт

дама прибыла сюда для того, чтобы мне помешать и не уверен, что ее супруг не станет ей помогать.

Кажется, король был свидетелем, как сильно Конрад "любит" Леокадию.

— Но он ее на дух не переносит!

Ответ Эберхарда был как удар половником по лбу.

— Вот именно. И ради того, чтобы освободиться, может пойти на многое. Вы улавливаете мою мысль?

Ах ты сволочь! На моего Кона бочку катить вздумал! Убью гада! Хотела же послушать, но тут в оранжерею вошли сразу несколько человек. Пришлось сделать вид, что мы принцессой тут мило болтаем, а затем подняться и уйти. Вторую фасолину я пристроила в цветочный горшок. Она еще не умерла, вдруг прорастет?

Из оранжереи мы с Лили возвращались задумчивые. Она, полагаю, размышляла о новом женихе, а я никак не могла взять в толк, зачем Эберхарду гадить Конраду, да еще так глобально: и через короля, и через меня. Какой в этом смысл?

Единственный, кто мог бы меня просветить, это Рихард. Он знает соево брата лучше всех и может себе представить ход его мыслей. Но прежде всего надо все рассказать самому Конраду. Не то, чтобы я считала это полезным для дела, но не могу же я обманывать его доверие.

После обеда танцы продолжились, но уже без прежнего рвения, гости рассредоточились по дворцу. Кона я наша в бальном зале у стены. Заметив меня, он тут же подлетел и, извинившись перед принцессой, увел в уголок.

— Марта, ты сегодня все время куда-то пропадаешь. Мы все собрались домой, ждем только тебя. Ты с нами?

— Ну конечно! — обрадовалась я.

— В огромной школьной карете я в этот раз села рядом с Веркой и поблагодарила ее за горох и фасоль. У нее глазки заблестели.

— Сработало? Здорово. Вообще-то должно было засохнуть. Как ты заставила все работать?

Хороший вопрос.

— Сама не знаю. Я тоже думала, что все уже умерло. С утра спрятала горох и бобы за корсаж, поближе к телу, а потом активировала и получилось!

— Ты их у тела целый день таскала? Тогда понятно. Это единственный верный способ их оживить, не погружая в воду. Но слышно должно быть плохо.

Ну да, хуже, чем в первый раз, но все равно я нужное отлично расслышала. Знать бы теперь, что со всем этим делать.

Перед сном я передала все, что узнала, Конраду. Он нахмурился:

— Не понимаю, что этому индюку может быть от меня нужно? Или он хочет, чтобы меня из Шимассы выперли? Но зачем? А к тебе он почему полез? Эх, плохо, что он посол. Был бы просто в гостях, я бы с ним поговорил по — свойски.

— Это как?

— Кулаком в рыло! Думаешь, если я маг, то драться не умею.

Я повисла у него на шее:

— Думаю, ты не только драться умеешь! Но надо еще Рихарда спросить. Вдруг он

понимает, что его брат задумал.

* * *

Утро поначалу складывалось как обычно, если не считать одного маленького происшествия. После того, как Конрад встал и ушел по делам, я отправилась инспектировать вверенное мне учреждение. Было еще довольно рано и в столовой, куда я зашла, почти никого не было. А вот на кухне я застала интересную картину: Эльвира пипеткой капала в тарелку с кашей какое-то зелье.

Увидела меня и вся аж покраснела как рак.

— Приворотное? — спросила я понимающим тоном.

— Ну что вы, Марта, какое приворотное? Это мое личное изобретение, эликсир, излечивающий от пьянства и алкоголизма. Сейчас придет магистр Громмель...

— Ни слова больше! — повторила я фразу, подслушанную у Эберхарда, — Мне все ясно. Если магистр наконец-то перестанет пить, я готова вам орден дать.

Кажется, я сказала что-то не то. Попала пальцем в небо.

— Зачем мне орден? У меня другая цель. Понимаете, Марта, — сказала ведьма задушевно, — Если он бросит пить, я, вероятно, с ним сойду. Асти мне нравится, но трезвый. Пьяных я ненавижу.

Как я понимаю эту разумную женщину! И какое счастье, что Конрад не пьет. Тот, первый раз, не в счет. Кто же не надирался с горя хоть раз в год? Даже я этим грешу. Но не каждый же день!

А вот Асти к вечеру обычно уже лыка не вяжет, хотя амулеты делает нормально даже в этом виде. Но его личная жизнь не выносит паров алкоголя. Очень мило со стороны Эльвиры привести его в нормальный вид, пусть даже она делает это из эгоистических побуждений, для личного употребления. Ведьма — она ведьма и есть.

А Эльвира вдруг кокетливо махнула рукой:

— А может и не сойду, я еще не решила. Тут есть и другие кандидаты. Но в любом случае доброе дело не пропадет, ведь правда?

Я с ней полностью согласилась и пошла на выход, тем более что в окошко раздачи увидела: Асти уже пришел и ищет глазами свою красотку. Следом за ним вошли Нанни с Вольфи, причем по их поведению и слепой бы догадался, что они вместе.

Так как я свой завтрак съела дома, то не стала портить людям аппетит и пошла к административному корпусу. Просмотрю бумаги перед занятиями. На лестнице меня поймал Рихард.

У меня был к нему разговор, но я хотела провести его вечером и желательно в присутствии Конрада. Сейчас же шла по совсем другим делам и не была расположена беседовать.

Ха! Никто не принял этого во внимание. Рик набросился на меня как собака на мозговую кость и чуть не со слезами завопил:

— Марта! Марта, ты одна мне скажешь правду! Ты одна честно и без прикрас мне объяснишь, что со мной не так!

О чем это он?

— Рихард, успокойся, возьми себя в руки. Почему ты решил, что с тобой что-то не так?

Задала вопрос? Получи ответ и не жалуйся.

— Потому что они все от меня отказываются!

— Они — это кто?

— Они — Это женщины! Все женщины, которые мне нравятся, всегда выбирают других.

Что со мной не так?

— О каких женщинах речь? — спросила я, хотя уже понимала, что он узнал об отношениях Нанни с Вольфгангом.

— Я сегодня утром пришел к Нанни Гейл, чтобы серьезно с ней поговорить. А она... Она... Ее не было на месте. А когла я стал громко стучать, она вдруг выглянула. Ты знаешь откуда?

Знаю, но сделаю вид, что не в курсе.

— Откуда же?

— Из квартиры этого твоего... Теттерхофа! И по ней было видно, что она только — только встала с кровати! Такая довольная, просто противно! Ну скажи, Марта, чем он лучше меня?

Хотела ему сказать, что ничем, что он вообще самый лучший, что Нанни дура или еще как-то поддержать, глянула на эту обескураженную рожу и захотела как безумная. Рик обиделся. Повернулся гордо и пошел на выход. Будет сейчас бродить между кустов, собираться с духом. А я вприпрыжку побежала наверх, но на последней ступеньке мой каблук на что-то наступил и я покатила вниз, стукаясь обо все подряд.

* * *

Больно было до ужаса. Голову я как-то смогла защитить, всего пару раз ею приложилась, да и то вскользь, а вот руки, ноги и спину — нет. К счастью, Рихард не успел далеко уйти, поэтому услышал мой дикий вопль и прибежал на помощь. Правда, поймать меня ему удалось только у подножия, зато он сразу позвал студентов и они привели целителей.

Первой прибежала Эльвира и тут же взялась за дело. Меня разложили прямо на полу вестибюля и она, прикрыв глаза, стала водить руками над моим распростертым телом, приговаривая:

— Ушиб, ушиб, еще ушиб... Трещина в кости... Перелом остистого отростка... ребро треснуло, нет, два, нет, три... Ого, какая гематома здоровая... Подкапсульный разрыв селезенки...

От ее слов мне стало совсем худо и я сомлела, потеряла-таки сознание.

Не знаю, как Рик связался с Конрадом, но когда я пришла в себя, то лежала на кушетке в нашем медблоке, а мой любимый сидел рядом и не сводил с меня глаз.

— Хвала богам, ты очнулась!

На всякий случай я жалобно заблеяла:

— Кон, я упала с лестницы и столько себе переломала...

— Да уж знаю. Девочки срастили тебе все переломы, убрали гематомы, даже селезенку починили. Теперь лежи и не вставай двое суток, иначе вся их работа насмарку. Кстати, как ты упала?

А действительно, как?

— Торопилась, бежала не глядя и наступила на что-то, не знаю на что. Может, на горошину?

— Детка, там не было гороха, зато я нашел длинный волос и засек слабый след магии. Есть у ведьм такое заклинание: на полу лежит волос, а тот, кто через него переступит, запнется как о серьезное препятствие.

— Но по этой лестнице многие бегали. Только передо мной там Рихард прошел.

— Я не договорил. Это заклинание может быть настроено на конкретного человека. Подозреваю, что с лестницы хотели сбросить именно тебя. Как мыслишь: кто?

— Леокадия?

— Вот и я того же мнения.

— А чей был волос?

Мне показалось, что по нему можно будет найти злоумышленника или, вернее, злоумышленницу. Конрад развеял мои надежды:

— Волос был конский. Рыжий конский волос из хвоста нашей школьной лошадки. Именно рыжий, чтобы незаметно было на красной ковровой дорожке. Одуванчик, будь осторожнее, умоляю.

Куда уж осторожнее. Амулет на амулете сидит и амулетом погоняет. Я думала, что виновата в своем падении: слишком быстро бегаю и под ноги не смотрю, но и тут была диверсия, моей вины нет. Меня другое волнует:

— Но как она могла проникнуть на территорию?

— Скорее всего, ее кто-то провел.

Я закончила мысль:

— Провел сюда, а вывел...?

У Кона на лице изобразилось радостное удивление.

— Интересный вопрос. Поражаюсь тебе: ты даже в таком состоянии не ноешь, а думаешь головой.

— Это отвлекает.

Конрад вдруг забеспокоился, придвинулся ближе и просто впился в меня глазами:

— Тебе больно? Марта, я сейчас дам обезболивающее зелье...

А мне особо больно не было, даже удивительно. Так, неловко во всем теле, и все. Хорошо наши ведьмы лечат. Если их ученики тоже смогут не хуже, за целительство в Шимассе я спокойна. А вот есть очень хочется. И я успокоила Конрада:

— Не надо, все хорошо. Немного неприятно, но терпимо. А можно мне что-нибудь съедобное?

Он так обрадовался, как будто я ему дорогой подарок сделала. Рот до ушей, глаза сверкают.

— Курочку! И бульон! Эльвира разрешила.

Он вскочил и бросился куда-то, крича:

— Она просит есть! Сама! Что ей можно, кроме курицы?

Вместо еды прибежали толпой целители. Впереди Эльвира, она оттеснила даже Лауру, а уж мужчины плелись в хвосте. Ну как же, она первая меня лечила, я ее пациент. Для целителей это святое. Меня осмотрели, ощупали и вынесли решение: лечение было верное, я на пути к полному выздоровлению, есть мне можно все, но начать действительно лучше с бульона. А вот вставать пока нельзя, кости все срослись, но швы еще мягкие. Зато можно сидеть прямо тут, на кушетке, опираясь спиной полностью.

Затем все дружно удалились, забрав Конрада, а я осталась. Еды мне так и не принесли.

К счастью, откуда ни возьмись появился Пин с огромной миской горячего бульона с гренками и двумя вареными куриными ножками. Радость моя! О хозяйке своей заботится!

В общем, когда Конрад вернулся наконец с судками и Веркой, я уже догрызала вторую ножку. Пин как-то сумел преобразовать кушетку в некое подобие кресла, не снимая меня с нее, так что питаться было относительно удобно. Но, поев, я захотела спать и была неспособна поддерживать связную беседу. Только попросила Кона поскорее выгнать Леокадию, а то она до меня доберется.

Верка правильно меня поняла и отправила моего героя ловить злокозненную ведьму, пообещав, что она со мной посидит и не бросит ни при каких обстоятельствах.

Вот и отлично. Верке никакая Леокадия не страшна, она ее на одну ладонь посадит, а другой прихлопнет, как комара. Зато если я проснусь и мне понадобится на горшок, будет приятнее, если в этом мне поможет существо женского пола.

Спала я долго. Сужу по тому, что, проснувшись, увидела лежащую на другой кушетке Верку. Умаялась, бедная, меня караулить. Она сладко причмокивала во сне. Но, надо отдать ей должное, сделала все по уму. Кушетка Верки перегораживала палату, не давая никому ко мне подойти, не потревожив ее.

Было жалко будить мою помощницу, но природа настоятельно требовала отдать ей долг. Я тихонько позвала:

— Вера, Верушка...

Она села на кушетке, спросонья хлопая глазами, а затем меня подхватил какой-то вихрь. Через пять минут я уже сделала все дела и умытая сидела на своем подобии кресла с кружкой молока в руках.

Верка оправдывалась.

— Марта, ты спала двенадцать часов подряд, даже больше. Эльвира приходила, усилила твой сон и сказала, что чем дольше ты проспишь, тем лучше. А я подумала, что караулить тебя все равно надо, но это и охранки могут сделать. Но, если на тебя все-таки нападут, лучше, чтобы тот, кто может это отразить, был рядом, пусть даже спящий. Вот и притащила вторую кушетку. А охранки все Конрадовы завязала на себя, да еще своих добавила. Да там мышь бы незамеченной не прошмыгнула!

Пришлось ее успокаивать и утешать.

— Вер, ты молодец, все правильно сделала. Я была в безопасности.

Действительно, если все охранки завязать на того, кто находится внутри, что-то предпринять снаружи не выйдет ни у кого, даже у такого корифея, как Конрад. Это я знаю, усвоила, когда помогала ему делать расчеты.

Мой любимый как почувствовал, что я уже не сплю, прибежал и Пина с собой привел. Осмотрел Веркину конструкцию и остался доволен. Сказал ей только:

— Ты хоть поспала?

Она закивала, подтверждая, после чего ушла, оставив нас наедине. Пин еще раньше выгрузил миски, ложки и судки на столик и исчез.

Конрад подвинул столик к моему трону из лежанки.

— Выспалась? Давай поешь. Здесь каша, творог, сыр и молоко.

Ну вот, он сейчас будет меня с ложечки кормить. Надо его отвлечь. И я с невинным видом задала вопрос:

— Кон, а ты уже выяснил, была ли тут Леокадия и если была, то как попала?

Мой маневр привел к положительным результатам. Кон рад вручил мне миску и ложку, а сам поднялся и стал ходить, что свидетельствовало о сильнейшем волнении.

— Марта, милая, ты только не переживай, отловим мы эту гадину.

Это он к тому, что ничего выяснить не удалось?

— Она тут была, у меня в этом нет ни малейшего сомнения. Прошла через главные ворота. Там с недавних пор специальный счетчик стоит: сколько и кого прошло в ту или иную сторону. Конкретных личностей он не узнает, только свойства ауры: маг, ведьма, простой человек. Об этом никто не знал, поэтому и обмануть его не пытались. Так вот, в школу вошла одна лишняя ведьма.

— Вошла. А вышла?

— Вот тут заковыка. Вроде да, а вроде и нет.

Так, я уже совсем перестала что-либо понимать. Знать можно приблизительно, а вот войти и выйти... Бред какой-то. Кон увидел мое недоумение и пояснил.

— В школу вошло на одну ведьму больше, чем вышло и чем вообще могло войти. Примем как гипотезу, что это и была Леа. Через ворота она не выходила. А вот охранку на стене кто-то побеспокоил, пытаясь через нее перелезть. Но понять, выбрался он или попытка была неудачной, я так и не смог.

— То есть, она может как находиться на территории школы, так и успешно сбежать?

Честно, меня бы больше устроило второе. У нас тут спрятаться как не фиг делать. Чердаки, подвалы, заброшенные строения... Далеко не все мы успели разобрать и оприходовать. Одна тонкость: проникшему со стороны должен был кто-то помогать. Кто?

— Кон, а счетчик не может подсказать, с кем именно лишняя ведьма пробралась в школу? С магом или с другой ведьмой? А может быть с человеком?

— Хорошая мысль, Марта, надо проверить. Сейчас.

Он достал из кармана знакомый кристалл, накрыл его ладонью и начала считывать. Сначала молча, а затем с комментариями.

— Пришли семь человек, обычные люди. Кажется, это повара и подавальщицы, больше некому. Один маг вышел, это я....

Сначала я не поняла, а затем вдруг дошло: он раскручивал показания счетчика в обратную сторону.

— Вот наша теплая компания вчера вернулась с бала, состав точно соответствует... Так, это наши работники кухни уходят домой... Человек вошел на территорию в сопровождении лошади, похоже, это Зорко привез стройматериалы... Вошли два мага, это студенты вернулись из увольнительной... Вот, кажется нашел. Человек, маг и ведьма. Маг вошел первым, а человек с ведьмой прошли вместе. Это было, когда мы еще находились во дворце.

Меня волновала только ведьма. Она вошла в ворота...

— А убегала через стену...

— Ночью. Поздно ночью, когда мы спали. И если здесь Леа нет, то можно догадаться, что убежать ей удалось. Меня маг беспокоит.

А меня он как волнует! Кто это и как связан с гадюкой?

Конрад продолжал рассуждать вслух.

— Вспомним, что в деле замешан менталист. Если включить его в общую картину и представить, что ведьме помогает именно он, то все сходится. Это он проводит Леокадию через охрану. Не забывай, на воротах еще и живой человек сидит.

Я что-то совсем запуталась.

— Кон, давай по порядку. Опиши, как, по — твоему, дело было. Вот идет Леокадия в ворота...

— Нет, родная, не так. Сначала идет менталист и отводит стражнику глаза. Затем под руку с кем-то из персонала входит Леа. Пройдя поглубже на территорию, она этого кого-то отпускает и уже действует самостоятельно.

— А кто этот кто-то?

— Не важно. Возможно, кто-то из охраны, они живут в своей казарме и у них круглосуточный допуск. Найти его, думаю, можно, только вряд ли он хоть что-нибудь помнит. Им воспользовались как живым ключом. Маг — другое дело. Скотина помогала ведьме вполне осознанно. Мы знаем, что это менталист, а он у нас один. К сожалению, мои рассуждения к делу не пришьешь.

Да чихать я на это хотела! Я не суд, мне нужна картина целиком, пусть и без четких доказательств. Их мы найдем, если будем знать, где искать.

— Он мог ей помочь перебраться через стену?

— Конечно. Мы же за ним не наблюдали. А сомнительные отпечатки на охранном поле связаны, скорее всего, со слабеньким заклинанием левитации.

— Он помог ей перелететь?

— Скорее просто перекинул через стену, но она все же умудрилась ее задеть. Юбками, например.

Это я смогла себе представить. А вот как она не грохнулась и не переломала себе все кости? Спросила и получила ответ:

— Примерно так же, как ты живая докатилась до подножия лестницы. Уж прости, Марта, но если бы не страховочные заклинания, там бы и лечить было нечего.

Ого! А почему тогда я все же покалечилась? И что это за заклинания такие?

Кон пояснил:

— Это заклинание воздушной подушки. Не сильное, но достаточно эффективное. Боевые маги его обожают и широко используют, чтобы не ломать друг другу кости во время тренировочных поединков. Главную лестницу я лично ими оборудовал, как знал. А ты покалечилась, потому что кто-то, не будем уточнять кто, половину заклинаний на главной лестнице просто отключил, стерев соответствующие руны. К счастью, не все.

Теперь мне понятно, почему я далеко не об каждую ступеньку стукнулась и как мне удалось прикрыть голову. Хвала богам, вернее, моему любимому, подушки меня еще и тормозили. Было время сгруппироваться.

Выходит, Леокадии в школе больше нет. Ну и прекрасно. После долгого сна и обильной еды я чувствовала себя прекрасно. Если бы не предупреждение целительницы, встала бы и побежала по делам. Одно только беспокоило: из-за бесконтрольного сна я совсем потерялась во времени. Что сейчас? Завтрак? Обед?

Оказалось, ни то, ни другое. Время к полудню. Встать мне нельзя будет сегодня и еще завтра. Если что надо — Верка поблизости, да и сам Конрад никуда не уйдет.

Это он зря, у него дел полно. Например, по поиску злодеев. А я отлично себя чувствую и от тупого лежания могу просто озвереть.

Но если вставать мне пока не разрешили, то, может, дела принесут прямо сюда? На занятиях меня подменит Вольфи, а вот административные функции я и в лазарете выполнять могу. Сказала об этом Конраду, уверенная, что получу отказ, но он неожиданно легко

согласился.

— Знаю я тебя. Если заскучаешь, то вскочишь и ничем тебя не удержишь. А работой тебя занять самое то. Ты же усидчивая и ответственная. Полежи полчасика, мы тебе все организуем.

Я вдруг вспомнила об оставшемся где-то рядом Гесперии. А если он попробует что-то со мной сделать? Или как-то по — другому станет влиять на ситуацию? Надо что-то предпринять, и немедленно!

Конрад меня успокоил: Гесперий только что ушел в город, а он прямо у ворот его перехватил и успел навесить на менталиста свою следилку, с его помощью которой собирается отловить Леокадию.

Сложно как-то. Неужели Кон до сих пор не знает, где в Сармионе обустроилась наша змея? Зачем следить за нею через другого нашего врага? Или он ищет доказательства шпионской деятельности обоих?

Надоели эти шпионы и их тайны хуже горькой редьки! Скорей бы заняться любимым делом и выбросить всю эту муть из головы!

Отвлечься мне помог любимый.

Он свое слово сдержал: принес мне все текущие документы, учебник, который я собиралась почитать, пишущие принадлежности, блокноты, а вдобавок ко всему пюпитр, который удобно устанавливался на мою преобразованную в кресло кушетку. Затем пообещал прислать мне в помощь Верку, обкрутил всю комнату своими охранными заклинаниями и сбежал.

Я взялась изучать докладные и накладные, но мысли все время скатывались в одну сторону: что сделать, чтобы ситуация с Леокадией как можно скорее разрешилась? Я, может, замуж за Конрада хочу. Заодно в голове все время проскакивали мысли о родственничке нашего Рихарда и его попытке копать под Кона. Что ему нужно и как это связано с проклятой ведьмой?

С одной стороны, его предложение королю свидетельствует о том, что он играет против Кортала и его козней. С другой... Ну вот не могу я понять, что он к Кону прицепился. Они друг друга в первый раз видят.

Но даже если предположить, что Эберхард понял, кто отец моего мага... Нет, все равно глупость получается. Не годится Конрад в тайные претенденты на престол. Это имело смысл, когда Губерт XV только взошел на престол и был еще не женат. Сейчас у него полно прямых законных наследников, Конрад там даже в очереди не стоял. Да и зачем это Эберхарду? У него, вроде, с текущей властью разногласий нет. Крутила факты так и эдак, но ни к какому выводу не пришла. То ли фактов маловато, то ли от удара об лестницу мой мозг плохо соображает.

От таких мыслей моя слегка контуженная голова стала болеть и пухнуть изнутри. Был уже вечер, предпринимать что-либо было поздно, но чтобы отвлечься, я на завтра созвала совещание прямо у своей постели. Тема родилась из изучения докладных: "Как нам реорганизовать учебный процесс?"

Так как в мою палату сразу все преподаватели не помещались, я решила провести не одно совещание, а целых три. По факультетам. Это займет целый день. Пусть все придут и расскажут, в чем их трудности и что они в этой связи хотели бы изменить.

Знаю, более бестолкового времяпрепровождения придумать трудно, но я планировала

одним выстрелом убить сразу двух зайцев.

Первая цель — показать магам, что нужно не галдеть всем скопом, а излагать свои аргументы толково и желательно в письменном виде.

Вторая — находиться все время на людях и лучше, если эти люди будут магами. Так безопаснее. Сидеть под охранками как в тюрьме мне что-то не нравилось. Мало ли, вдруг ведьма их снимать умеет. Даром она, что ли, столько лет с Конрадом прожила. Могла его приемы изучить. А когда вокруг сидят маги с ведьмами и глаз с тебя не спускают, можно быть уверенной: в такое место Леокадия не сунется.

Ночью на веркиной кушетке спал Конрад, держа меня для верности за руку.

Утром Эльвира с Лаурой осмотрели меня, согласились друг с другом. Что выздоровление идет нужными темпами, и пообещали, что уже ночью я буду спать в своей постели, а следующим утром смогу встать самостоятельно. Красота!

Сразу после осмотра и завтрака началось первое совещание. Целительский факультет в полном составе: девять человек. Лаура ныла, что им позарез нужна клиническая база, а я думала о том, что в город их лучше не отсылать. Там Леокадия... Тьфу! Так они будут оторваны от зельеваров. Клинику для студентов надо строить на пустыре за воротами и под это дело прирезать школе еще земли. А то, что пытаются организовать Милчич, тоже пусть будет. Там старшие курсы могут проходить практику. В конце концов больных на всех хватит и еще останется.

Результат совещания был по меньшей мере оригинальным. Все согласились, что лучшие целители — ведьмы, что их надо набрать побольше, но обязательно выделить в отдельный факультет: слишком уж их магия отличается от традиционной.

В Элидиане, кстати, так и сделано. Стоп! Что-то такое было... Ну точно! Рихард обещал вызвать госпожу декана ведовского факультета в качестве эксперта. Интересно, она уже здесь?

Об этом я спросила зашедшего в перерыве Конрада. Он сообщил, что дама прибыла еще вчера и сейчас как раз работает во дворце. Познакомиться с ней не удастся: по окончании обследования она немедленно отбывает домой. В школу не зайдет.

Ну, если зайдут они с Рихардом и подробно перескажут, что удалось узнать, я не расстроюсь, что не повидалась с элидианской главной ведьмой. Даму эту я знала: она всегда смотрела на меня как на пустое место.

В общем, я велела всем записать на бумажке свои соображения и принести мне после выходных. Из них надо будет создать стройную концепцию и уже с ней идти к королю.

После совещания целителей принесли обед, на этот раз полноценный. Потом пришли боевики во главе с Гаспаром, который для этого вырвался с основной службы. Тут все оказалось много проще: мужики просили только переделать полигон, устроить на нем несколько полос препятствий разного уровня, магических и немагических. От меня требовалось только финансирование. Но время красавцы отняли много: каждому хотелось сказать свое слово и объяснить всем присутствующим, какими должны быть препятствия. Надо сказать, мало кто из вояк хорошо излагал свои мысли. Либерий на их фоне приятно выделялся: его я хоть понимала.

Одно мне понравилось: дисциплина у них на уровне. Как только время подошло к ужину, все быстренько закруглились, встали, попрощались и ушли. Гаспару даже командовать не пришлось. Сквозь дверной проем я увидела, как он обнял и поцеловал ожидавшую окончания совещания Верку, затем дверь закрылась и топот возвестил, что

воины ушли питаться.

Я ждала Конрада с ужином и продолжала прислушиваться к тому, что творится в коридоре. Вот грохот сапог повернул на лестницу... А вот от табуна кто-то отделился и быстро стал приближаться ко мне. Кон? Нет, я его шаги из тысячи узнаю.

Дверь отворилась и ко мне заглянул один из преподавателей боевого факультета, молодой, симпатичный парень с ворохом черных кудрей на голове. Как его? Авенир, кажется?

— Госпожа Марта, я тут кое-что забыл...

— Ну так зайти и забери, — сказала я, прикидывая: что он мог забыть?

Разве что свою голову? Машинально бросила взгляд на стол, за которым сидели совещающиеся. Его мне еще утром для этой надобности принесли из столовой и он был чист и пуст.

Пока я искала глазами потерю, отвлеклась от забывчивого. А когда хотела ему сказать, что тут ничего нет, мне в голову несся огненный шар.

Я от ужаса пискнула и свалилась за кушетку. Огонь расплескался надо мной, накрыв как шатром, но кроме жара я ничего не ощутила: охранки Конрада сработали.

Тут огонь исчез, жар спал и я осторожно на карачках вылезла из-за кушетки. Никого. Только дверь настежь и на стене след от огня. Парень бросил в меня шарик и сбежал. С чего бы?

Пока я стояла на четвереньках как корова на лугу и раздумывала, можно мне встать на ноги или лучше не надо, прибежал Конрад. Подхватил, прижал к себе и потащил вон из палаты с криком:

— На Марту напали! Собрание отменяется!

— А мне зашептал в ухо:

— Успокойся, девочка, не бойся, все хорошо, все уже кончилось.

Можно подумать, я испугалась. Да я просто не успела, а теперь задним числом бояться глупо. Меня только интересует, с какого перепугу этот Авенир стал в меня огненными шарами кидаться? Я ему ничего плохого не сделала.

Конрад не понес меня в другую палату, а сразу отволок домой. И правильно. Дома и стены лечат. Перепуганный Пин притащил огромный поднос со всякими вкусностями и запричитал:

— Ой, хозяйка, что с тобой? Что с тобой эти проклятые сделали?

Не поняла. У меня, вроде, все на месте. Ничего не пострадало: руки, ноги, даже мои несчастные ребра уже не болят. Падение с кушетки осталось без последствий. Что же он причитает, как над покойницей?

— Стала себя ощупывать, добралась до головы и тоже ойкнула. Затем попросила Кона:

— Радость моя, принеси мне зеркало.

Он хмыкнул, но принес. Хорошее такое зеркало, на стене в ванной висело. Я глянула и чуть сама не заплакала. Ладно, испачканный в саже нос вымыть — нечего делать. Но мои волосы... Амулеты защитили меня, но, видно, моя грива хоть на мгновение вышла из зоны их влияния: все кудри на расстоянии примерно пол — локтя от головы начисто сгорели. Теперь я и впрямь одуванчик. Грязный такой, обгорелый цветочек.

Конрад понял, что я в шоке и решил утешить на свой лад. Потачил в ванную, вымыл хорошенечко и все время шептал, что соскучился, что ждет не дождется, когда целительница наконец снимет для меня запрет на любое физическое напряжение. Я удивилась: все кости у меня уже срослись. О каком напряжении речь? Кон пояснил: у меня, кроме переломов, были разрывы внутренних органов, их надо пока поберечь.

Знаю я этих целителей: вечно норовят перестраховаться. Но спорить с ними себе дороже, так что я промолчала. Зато вспомнила, кто бросил в меня огненный шар и сказала об этом Кону.

Тут все завертелось с новой силой. Меня подхватили, вытерли, одели, занесли в гостиную и усадили на диван. Затем Конрад исчез, а Пин вылез и вручил мне кружку с успокоительным чаем и блюдце с пирожками. Красота!

Не успела я их доесть, как вернулся Конрад и сообщил, что Авенир ни при чем. Он спустился вместе со всеми и вышел их крыла целителей, с ним в это время разговаривали Гаспар и Либерий, их свидетельству можно верить. Да и другие маги это подтверждают.

Тот, кто пытался меня убить, прошел под личиной. Видимо, заранее не готовился, а взял образ того, кто в этот момент шел от меня по лестнице. В этом случае проще простого найти повод для возвращения: сказать, что что-то забыл. Охранка на моей палате стояла подобная тем, которые ставились от нежити: пока не впустишь, не войдет. А так как я Авенира знала плохо, то не обратила внимание на детали: тембр голоса и, возможно, что-то еще, просто разрешила войти, чего злоумышленник и добивался.

Только вот кто этот злоумышленник узнать так и не удалось. Шар был выпущен из боевого амулета и следов личности нападавшего не нес. Сейчас вся школа стоит на ушах: ищут чужого.

Конрад доложил мне обстановку и убежал. Тоже будет гада или гадину искать. У него больше всех шансов: все охранки и следилки он лично устанавливал и настраивал.

Пока Конрад где-то боролся со злом, навестить меня зашел Вольфи. По лицу было видно: у него есть важное сообщение.

Так и есть. Он начал со слов:

— Марта, я должен сказать тебе нечто очень важное. Важное для меня. Я надеюсь, что ты меня поймешь и поддержишь.

Я подозревала, о чем он собрался говорить, но сделала вид, что для меня это новость: удивленно распахнула глаза и уставилась на Вольфи, как бы желая задать вопрос.

Он продолжил, смущаясь:

— Наверное, не очень тактично сейчас говорить с тобой об этом. У тебя своих дел хватает. Ну, в общем, я женюсь!

— На ком, Вольфи?

Он не ответил на мой вопрос, а забубнил:

— Да, я знаю, что она ведьма. Ты скажешь, что это скоропалительное, необдуманное решение и я слишком недавно с ней познакомился...

— С кем, Вольфи?

Он выкрикнул, как будто я скалкой выбила из него признание:

— Нанни! Нанни Гейл!

Ну вот парень и выговорил то, что боялся произнести. Не увидев на моем лице осуждения или неприятия, Вольфганг приободрился и заговорил более уверенно:

— Конечно, завтра мы в храм Доброй Матери не побежим, но на каникулах съездим

домой и там поженемся. Нанни уже дала согласие. Я надеюсь, ты будешь на нашей свадьбе?

— Ну конечно, Вольфи! А ты на моей. И успокойся уже: я очень за тебя рада. Я уж и не надеялась, что ты влюбишься и найдешь себе жену. Ты такой... особенный, что обычные девушки тебе не подходят. А Нанни — она тоже не как все. Вы — отличная пара, хотя и несколько... неожиданная.

Хотела спросить: чем она тебя зацепила? но удержалась. Лучше задам этот вопрос Нанни, хоть толковый ответ получу. Вольфи же наконец расслабился и вдруг выдал:

— Я знаю, что вы с Конрадом решили пожениться, но все говорят, что у него уже есть жена, очень красивая дама. Я не стану об этом сообщать господину Аспену и госпоже Камилле, но ты подумай...

Вот же зараза! Я его поддержала, а он... Конечно, Вольфи мне добра желает, но мог бы и промолчать. У него действительно нет такта. Но, выходят, слухи о Леокадии уже ползут по всей школе, раз они до моего приятеля добрались. Он вообще не подвержен этой гадости и все всегда узнает последним. Если уже Вольфи прямо говорит о существовании Леокадии, значит, о ней знает весь мир.

Тут пришла сердитая и недовольная Верка и чуть не выгнала Вольфганга, намекая, что нечего беспокоить несчастную больную. Когда же он с извинениями ушел, она вытащила из кармана ножницы и предложила подровнять мои обгорелые оглодки. Если одуванчик, то пусть хотя бы выглядит аккуратно. Не знаю почему, но я согласилась.

Утащила меня обратно в ванную, посадила на табурет, обернула простыней и стала чикать ножницами вокруг головы. Уверяла, что срезает самую малость, только горелые кончики, но когда закончила работу, я чуть не заревела. То, чего я всю жизнь боялась, произошло. Вид у меня был как у полной дуры. Короткие кудри стояли круглой шапкой вокруг головы.

Я не стала говорить Верке, что все ужасно, наоборот, поблагодарила. Она же ни в чем не виновата, она хотела как лучше. Когда моя помощница собралась восвояси, вернулся Конрад.

У него на груди я впервые дала себе волю и самым позорным образом расплакалась. Не только из-за прически, я редела просто потому, что уже была не в силах сдерживать и таить свои чувства. Слезы текли, с ними меня покидало напряжение последних дней, а Кон гладил мою лохматую голову, перебирал кудряшки и уговаривал:

— Не плачь, моя девочка, не плачь, родная. Все будет хорошо.

Потом вдруг взял меня за подбородок и поднял мою зареванную физиономию:

— Дай-ка я на тебя посмотрю. Слушай, а тебе идет! Конечно, Верка не большой мастер, но вышло неплохо. Но если тебя это так угнетает... Хочешь, завтра я свожу тебя к госпоже Регане и она поправит, что сможет? Конечно, она не принимает без предварительной договоренности, но мне не откажет.

Он говорил так, как будто не понимал, что я плачу не из-за прически, но мне каким-то чудесным образом стало легче. Я даже согласилась посетить госпожу Регану.

Стоило мне успокоиться, как пришел Рик с вытаращенными глазами и от порога выдал:

— У меня две новости. Даже три. С какой начинать?

Конрад пожал плечами:

— Да с какой хочешь. Нашли Гесперия?

— О! Это моя новость номер один! Нашли. С ножом в сердце. Его убили и скинули в канаву для нечистот в той части Сармиона, где трущобы.

Там я никогда не была и побывать не имела ни малейшего желания. До сих пор Сармион представлялся мне унылым, но чистеньким и пристойным городом. А там, оказывается, есть трущобы с канавами для нечистот. И Гесперий... О ужас!

Я как живую увидела этого представительного, элегантного господина, а потом его же, извлеченного из грязной канавы... Рик сказал, что его убили ножом, но мне почему-то представлялся след от смертельной магии в виде кружка посиневшей кожи на лбу. И тут Рихард просзнес:

— Но у меня большие сомнения, что его закололи. Мне кажется, нож воткнули уже в мертвое тело, чтобы имитировать ограбление. У Гесперия на лбу след от магической молнии.

Конрад спросил спокойно:

— Когда его убили?

— Похоже, почти сразу как он отсюда ушел. Вернее, как только он добрался до трущоб Сармиона. Пришел он туда своими ногами или приехал в карете теперь не установишь. Никто ничего не видел.

Я ляпнула:

— Конечно в карете. Был белый день. Не думаю, что даже аборигены трущоб не обратили бы внимание на убийство с помощью магии прямо на улице. Ведь не местный же житель пустил Гесперию молнию в лоб?! А в карете...

— Да, Марта, ты права, — поддержал меня Конрад, — в карете это проще простого. Он сидит там с тем, кого ни капли не боится, возможно, мирно с ним беседует и вдруг получает молнию в лоб. Затем карета останавливается на минуту, убийца втыкает нож в труп, не боясь испачкать обивку, и выталкивает его из кареты прямо в канаву.

Угу... Это и женщина могла осилить... Можно себе представить, что Леокадия избавилась от сообщника, который почему-либо стал неудобным.

Рихард смотрел на Конрада во все глаза, в которых прямо видно было, как внутри ворочаются мысли. Кажется, рассуждения друга его убедили.

— Как думаешь, карета наемная? Хотя о чем это я... Другие в трущобы не ездят.

Кон задал следующий вопрос:

— На теле что-нибудь нашли? Деньги, бумаги, амулеты?

— В том-то и дело, что нет! — оживленно отвечал ему Рихард, — Ничего, как есть ничего. Одежда есть, а все, что могло быть в карманах, отсутствует. В полиции сначала подумали, что имеют дело с банальным грабежом, поэтому мы так поздно узнали...

Я вспомнила красивые белые руки Гесперия, пальцы в перстнях... Их так просто не снять. Значит, убили его в карете довольно далеко от того места, где нашли. Затем обыскали, забрали деньги, чтобы инсценировать ограбление, сняли все амулеты... Что-то важное... А, сообразила! Убийца забрал значок школы, который является пропуском и одновременно универсальным ключом. Теперь у меня нет сомнений: тот, кто убил Гесперия, напал сегодня и на меня. Под личиной Авенира могла быть и ведьма. Она, конечно, меньше ростом, чем мужчина, но в тот момент я могла просто не обратить внимания.

— Ты обещал еще две новости.

— Правильно, обещал. Вот одна: завтра с утра Его Величество вызывает тебя, Марта для частного разговора.

Э — эээ... Что-то мне не хочется. Может, факт покушения послужит поводом, чтобы не пойти? На меня напали и я вся такая лежу и встать не могу...

Спросила Рихарда. Он подумал и согласился донести до Горана информацию о том, что я пострадала во второй раз. Что сломано? Да ничего не сломано, просто испуг и нервное потрясение. Конрад с этим планом согласился и даже обещал не возить меня к Регане, а привезти ее ко мне. Объяснение для короля: косметические процедуры на женщин действуют успокаивающе.

Покончив с королевским приглашением, Рихард выдал и третью новость. Первые две были неприятными и только, а вот последняя пугала: Леокадия, которая после выдворения из королевских покоев, поселилась в лучшей гостинице на главной улице, сегодня в полдень расплатилась и отбыла в неизвестном направлении. Наблюдатели, которые по поручению Конрада ее пасли, вдруг на минутку отвлеклись, а когда снова вернулись к своим обязанностям, ее уже и след простыл.

Милое дело! Выходит, она им глаза отвела? А амулеты от ментального воздействия? Или у ребят их не было?

Но тогда вырисовывается такая картина: Леокадия сбегает от своих филеров, нанимает карету и подбирает идущего в город Гесперия. Вероятно, эта встреча была у них условлена.

В разговоре она понимает, что менталист раскрылся и может представлять для нее опасность, особенно если живым попадет в руки дознавателей, и решает от него избавиться. Ведьмы не могут напрямую использовать боевые чары, поэтому Гесперий, ничего не опасаясь, спокойно сидит и разговаривает, когда она выпускает ему в лоб молнию из амулета. Мертвый менталист откидывается на подушки, после чего ведьма снимает с него все амулеты, забирает деньги и документы. Кучер между тем по ее приказу правит в сторону трущоб.

В трущобах она просит его ехать медленно или даже на минуту остановиться, берет нож, вонзает в тело несчастного покойника, открывает дверь и выталкивает его наружу. Если карета стояла достаточно близко к обочине, то ничего удивительного, что Гесперий оказался в канаве.

Все это я изложила мужчинам и получила полное одобрение моей реконструкции событий. Возник вопрос: а кучер? Где он? Это же важный свидетель, он не мог не видеть и не слышать, что происходит в его карете.

Рихард посмотрел на нас с Коном и уныло пообещал, что выяснит этот вопрос, а если полиция не нашла возницу, то он сам его поищет.

Теперь я уже не сомневалась, что нападения на меня — тоже ее рук дело.

И куда эта гадина могла деться? Спряталась? Но где? На нашей территории? Если сразу после покушения Конрад закрыл периметр, то она не успела бы убежать и должна была быть где-то здесь.

Если бы дело зависело от людей, например, охранников, я бы билась об заклад, что ведьма успела смыться. Очаровать парочку мужиков для нее как плюнуть. Но когда периметр закрыт, пройти через него может только тот, у кого на руках универсальный ключ с расширенным доступом. Тот, что Леокадия сняла с трупа Гесперия, не мог ей помочь выйти. Ключей с полным доступом в школе всего три и все их обладатели сейчас сидят в этой комнате.

Я поразмыслила и сообщила о своих соображениях Кону. Он тотчас встал и отправился разыскивать гадину. Сказал напоследок, что и сам так думал: его орлы прочесывают территорию и он спешит к ним присоединиться.

Рихард задержался:

— Марта, я все время думаю... Зачем король тебя позвал? Он же, вроде, больше тобой не интересуется. И вдруг аудиенция по вызову... Странно это.

Да уж, просто удивительно. Но думать сейчас об этом бесполезно, все равно ничего не придумаешь. Кстати, удачный момент: Кона нет, мы с Рихардом беседуем наедине. Я, помнится, хотела расспросить Рика о его брате. Почему тот наговаривает на Конрада королю? Это меня гораздо больше сейчас интересует.

Услышав мой вопрос, Рихард сразу стал мрачным — мрачным, хотя и до этого веселым не был. Переспросил только:

— А ты это точно знаешь? Кто рассказал?

Пришлось сообщить, что никто, я лично подслушивала. К счастью, Верку с ее горохом выдавать не пришлось, Рик удовлетворился ответом и не стал докапываться, как именно я это делала. Он помолчал, подумал, а затем заговорил:

— Понимаешь, Марта, надо знать моего брата. У него везде и всегда многоходовки. Интриги с дальним прицелом. Он не мог не заметить, на кого похож Кон и наверняка сообразил, чей он сын. А у нашей семейки мозги так устроены, что они сразу начинают встраивать новую информацию в свои планы. Это я один такой выродок легкомысленный. Не в папашу пошел.

Я хмыкнула. Любвеобильностью он как раз в него. А интриги... да, из Рика интриган как из меня полководец.

Он продолжал:

— Меня он о нем тоже расспрашивал, Но, я так понял, больше для проформы: у него уже есть на руках исчерпывающая информация. Он ее добывает по своим каналам, мне неизвестным. Уверен, Берти уже придумал, как использовать Кона и могу гарантировать: его планы Кону не понравятся. У фар Арвилей есть метода: поставить человека в безвыходное положение и якобы протянуть руку помощи. Особенно мой отец этим славен, гад такой. Навадами загонит кого-нибудь в угол так, чтобы человеку ни дна. Ни крыши и вообще деваться некуда. Когда выхода нет, бедолага и за соломинку хватается, а тут раз! И он уже на крючке у моей семейки, пляшет под ее дудку. Не исключая, правда, что Берти мутит воду самостоятельно, без договоренности с папашей. Только вот что ему от Конрада на самом деле нужно?

Я бы ему сказала... В принципе, кому может быть нужен бастард уже покойного короля? Причем давно покойного? Только тому, кто хочет посадить его на трон. Пугать или шатажировать Губерта тайным претендентом глупо. Это имело смысл в первые годы царствования, а теперь... У него полно законных наследников, одних сыновей целых трое и все уже довольно взрослые.

А вот если действительно задуман переворот... Не так уж сложно собрать всю королевскую семью в одном месте, например, на той же свадьбе Розамунды, и одним махом всех...

После этого брат покойного короля, даже незаконный, станет отличным претендентом на трон. Регалии его признают: кровь-то отцовская в нем сильна.

Фу, о чем это я думаю?! Нельзя этого допустить! Рядом с королем мне места нет. Кстати, это объясняет, зачем Эберхард старается нас с Коном разлучить.

В сущности, дурацкий план. Глупо со стороны опытного дипломата. Ему бы следовало лучше разбираться в человеческой природе.

Если он думает, что при таком раскладе Конрад будет ему по гроб жизни благодарен, то

зря. Я на месте претендента, сев на трон, уничтожила бы тех, кто меня туда привел. Мало ли, а вдруг им что-то не понравится и они задумают повторить трюк со сменой законного короля? Если Эберхард думает иначе, он просто наивный, а не тот прожженный интриган, каким всем представляется.

Фар Арвиль к тому же забывает, что имеет дело не с простым человеком и даже не с рядовым магом, а с очень сильным архимагом с мировой известностью. Загнать такого в угол — это еще постараться надо. В случае чего ему везде будут рады, на Шимассе свет клином не сошелся. Я, правда, здесь на три года по условиям контракта, но это ничего. Три года — не вся жизнь, и одна шестая срока уже прошла.

Еще стоит принять во внимание, что Кону власть не в радость, он к ней глубоко равнодушен. От короны он будет отпихиваться изо всех своих немаленьких сил.

Так что уговорить или заставить его принять участие в подобной аванюре будет не то что непросто, а практически невозможно.

Но это моя точка зрения. Возможно, Эберхард фар Арвиль думает иначе.

Кажется, Рихард отлично понял мои мысли, потому что вдруг сказал:

— Марта, ты не переживай, ничего у Берти не выйдет. Кишка против Конрада тонка.

— А что же он лезет?

— Он просто еще не знает, кто такой Кон, он с ним никогда не сталкивался.

Я вдруг задумалась:

— Рик, а если твой братец влезет в опасный заговор, это ведь и на тебе отразится?

— На мне? Каким образом? Ты имеешь в виду, что все члены семьи заговорщика... забудь! Я бастард и никаких связей с семьей отца не поддерживаю. Меня не за что притянуть. К тому же король Губерт в Гремоне, а я вон где — в Сармионе!

Ну да, он с перепугу уже стихами заговорил. Придется принять меры предосторожности, чтобы при любом раскладе, что бы ни затеял Эберхард, мы все остались в стороне, а лучше на белом коне.

— Ого, это уже меня на стихоплетство потянуло.

Мы с Риком болтали, крутя ситуацию и так, и эдак, пока не вернулся Конрад. Пришел злой, усталый, сказал, что поймать никого не удалось, никого не стал слушать и практически выгнал Рика. По крайней мере очень нелюбезно намекнул ему, что пора идти спать.

Время действительно было позднее. Рихард извинился и ушел. Тогда Конрад перенес меня из гостиной в спальню, раздел, уложил, устроился рядом шепнул на ухо:

— Спи...

Это чары такие. Я отрубилась в ту же минуту. Сначала спала как убитая, а под утро мне стал сниться жуткий сон. Как будто Леокадия поймала Конрада, привязала его к дереву и всячески измывает, а я из-за кустов на это смотрю и не могу ни отвернуться, ни броситься ему на помощь. Ведьма наслала на меня оцепенение: тело вроде как не мое. Я вдруг поняла, что это сон, захотела проснуться и забила, как пойманная рыба.

Ласковая рука моего любимого погладила меня по щеке, почесала, как кошку, за ухом и родной голос сказал:

— Спи, моя девочка, все хорошо.

Утром я хотела идти в свой кабинет, чтобы поработать, но Кон мне напомнил насчет приглашения короля. Если я не хочу туда идти, надо притворяться больной хотя бы до обеда. Пришлось признать его правоту. В качестве компенсации он предложил привезти сюда Регану, пусть займется моей красотой.

Отказываться было бы глупо. То, что сделала на моей голове Верка, меня не устраивало, а Регана могла бы помочь. К тому же лучше находиться в чьем-то обществе, чем одной — одинешенькой, когда по школе бродит мстительная и неуловимая ведьма. Вольфи так благодарен мне за поддержку в деле с Нанни, что с удовольствием подменит меня и сегодня.

Я успела только встать, умыться и позавтракать, как вернулся Кон в сопровождении мастера красоты. Хотя в этот раз речь шла всего лишь о прическе, Регана притащила с собой двух помощниц, на всякий случай, как она сказала. Меня усадили в кресло, обмотали простыней, Регана походила вокруг, оглядывая меня как кондитер свой не готовый еще шедевр, а затем принялась щелкать ножницами. Ключья волос летели во все стороны. Моя многострадальная шевелюра становилась все короче.

Когда я уже была уверена, что мой одуванчик облетел и сменился лысиной, Регана вдруг отложила ножницы, сорвала с меня простыню и велела принести зеркало.

— Ну, как-то так... Неплохо, неплохо, я не ожидала. Только в город с непокрытой головой не выходи, а то не отобьешься от желающих затащить тебя в постель.

Я глянула и остолбенела. Это я? Во — первых, девушка в зеркале выглядела неправдоподобно юной. Семнадцать лет, не больше. Регана остригла меня коротко, оставив завитки только сверху. Шея осталась неприкрытой и казалась стебельком, на котором сидела аккуратная головка самого настоящего одуванчика. Из-под золотистых кудрей глядели огромные, значительно больше, чем мои родные, серые глаза.

Опять из-под рук этой волшебницы я вышла хорошенькой, хоть и совершенно в другом стиле. Правда, с этой внешностью я на свою должность не тянула: не просто казалась моложе своих студентов, а выглядела совершенно беззащитной. Не грозной начальницей, которую надо слушаться, а бедным птенчиком, которого хочется опекать.

Но жаловаться было бессмысленно: Регана и так сделала практически невозможное: хорошенькую девушку из измученной женщины. Зашедшая ко мне по делу Нанни Гейл пришла в восторг:

— Марта, как здорово! Ты просто лапочка с этой стрижкой! Такая нежная, прямо цветочек! Наши студентки и так к тебе неровно дышат, а теперь вообще повлюбляются через одного.

— Только этого мне и не хватало. Ну ничего, Конрад всех приструнит, всех!

Регана же заметила:

— Если бы не здешнее патриархальное общество, я бы ввела это в моду. Посмотрите, как она помолодела и похорошела! Но здесь стриженная женщина синоним блудницы. Так что, Марта, еще раз предупреждаю: в город только под платком. Да, если есть пара лишних золотых, могу добавить парик: в нем будешь посещать местные мероприятия.

Нанни пожалала плечами, подмигнула и я согласилась на парик, который Регана тут же мне подобрала из тех, что привезла с собой. Не очень похоже на мои родные волосы, но проблему временно решает.

Когда она наконец ушла, Нанни сообщила:

— Марта, у меня пропало несколько боевых амулетов.

— Сколько и каких?

Сейчас я смогла оценить точность и собранность нашего нового преподавателя. Она не стала путаться и ходить вокруг да около, назвала точно:

— Пропал демонстрационный набор: молния, огненный шар, ловчая сеть, ледяная игла и паралич. Исчезли, судя по всему, еще позавчера или вчера рано утром.

Интересно. А пришла она ко мне только сегодня.

— Почему ты так думаешь?

— Накануне я набор видела, когда готовила практикум для студентов. Вчера у меня весь день шли занятия одно за другим. Тема была алхимическая, амулетами я не пользовалась, но чужой бы к шкафу, где он лежал, подойти не смог. А ближе к вечеру, но когда у меня еще шли занятия, на тебя напали. Использовали амулет и бросили в тебя огненный шар. Я проверила и убедилась: набор исчез целиком. Ты же не думаешь, что у злоумышленника целая мастерская по производству огненных шаров?

Четко и логично. А если вспомнить, что Гесперия убили молнией... Выходит, у Леокадии остались еще ловчая сеть, ледяная игла и паралич. С таким арсеналом она еще много всякого может натворить.

Конечно, Нанни может быть во все это замешана по самые уши. Но зачем тогда она пришла мне рассказать про пропавшие амулеты? Чтобы отвести от себя подозрения? Если так, бедный Вольфи!

Спросила:

— Нанни, а почему ты говоришь мне об этом только сейчас?

— Да я только сейчас узнала! Пришла в кабинет, стала готовиться к занятию, полезла в шкаф и поняла, что набор пропал. У меня их три разных. Два совсем братоубийственные, а этот чуть полегче. Ну, сопоставила то, что знала про нападения и поняла: как раз то, что у меня сперли.

— А поподробнее? Понимаешь, два амулета злоумышленник использовал, но три-то остались. Хочу понять, что он ими может сделать.

Нанни заговорила четко, как будто студентам объясняла:

— Ловчая сеть — это сеть и есть. Она набрасывается на жертву и спеленывает ее. Держится не более получаса, затем рассеивается. Применяется, если тебе не нужно убивать врага, достаточно просто его поймать. Ледяная игла по действию больше всего похожа на метательный нож. В сущности это он и есть, только ледяной. Выгодный амулет для убийц: рана налицо, а оружие никто никогда не найдет: растаяло. Паралич — не смертельное заклинание. Его применяют, когда нужно сделать нечто, а человек мешает. Заклинание его полностью обездвиживает, но не лишает сознания и чувств, так что при необходимости его можно допросить. В отличие от ловчей сети паралич сам не рассеивается, его нужно снимать.

— Как?

— Проще репы пареной. Тот же самый амулет активировать повторно. Обычно его для этого надо сжать в кулаке. Если так не сделать, то к пациенту придется вызывать мага. Любимый амулет грабителей и шпионов. Обычно те, кто этим пользуются, оставляют амулет рядом с жертвой, чтобы тот, кто найдет беднягу, мог привести его в норму.

Понятно. Выходит, убийственная штука осталась только одна. Уже легче. Но все же, где эта гадина прячется?

Поблагодарив Нанни за ценную информацию, я отпустила ее, а сама взяла лист бумаги

и задумалась.

Я мысленно оглядела всю нашу школу и стала прикидывать, где бы спряталась я. В главном здании? Что там есть такого, где можно укрыться? Чердак, каморка под лестницей, каморка над лестницей, архив, подвал.

Таким способом я перебрала все наши строения, не забыла даже развалины. Еще рассмотрела возможность для Леокадии спрятаться в комнатах либо студентов, либо преподавателей. Насчет студентов мне как-то не верилось, а вот преподаватели... У покойного Гесперия квартира пустая стоит.

Позвала Пина и попросила посмотреть и проверить. У домовых свои обычаи, своя магия и свои возможности. Посылать его обыскивать всю школу бесполезно, он просто не пойдет, а вот посмотреть в конкретной комнате — пожалуйста. Даже если Леокадии там сейчас нет, но она посещала это место раньше, Пин учует. Магам такое и не снилось.

Про квартиру Гесперия я верно догадалась. Пин вернулся через несколько минут и подтвердил: была там неизвестная ведьма, еще вчера была. Ушла примерно перед тем, как на меня покушались во второй раз и более не возвращалась.

Вслед за ней пришел злой, усталый, замученный Конрад и сообщил, что они все углы облазили, везде, где могли, свой нос сунули. Ни один укромный уголок не остался непроверенным: чердаки, подвалы, каморки для инвентаря, сарай, конюшни и даже развалины. Леокадии нигде не обнаружено, но и признаков того, кто она покинула школу, тоже нет.

Я доложила ему то, что мне рассказали Нанни и Пин и добилась-таки полного изумления и восхищения взгляда.

— Марта, как тебе удалось меня обойти? В тебе же нет ни капли магии, а ты узнала то, что мне никто не захотел поведать.

Не стала я ему объяснять, что это тоже магия — магия простых человеческих отношений. Ну ладно, Пин — мой домовой и попросить его могла только я. А вот Нанни могла пойти со своей информацией к кому угодно, но выбрала меня. Конрада все почему-то боятся и ничего ему не рассказывают, если только он не надавит. А ко мне привыкли ходить плакаться по любому поводу, сделать магам и ведьмам плохое я неспособна по определению.

Конрад заставил меня еще раз повторить все, что сказала Нанни, записал названия оставшихся амулетов и постарался меня успокоить. Если я сегодня не стану покидать свою комнату, то буду в безопасности. А новая прическа ему очень нравится, так и хочется прижать меня к сердцу и не отпускать во враждебный мир.

Я как раз этой реакции и боялась. Он меня и так защищает, не хватало еще, чтобы ради сохранности засадил за высокий забор или упрятал в крепкий ящик. Пока опасность не миновала, так и быть, посижу под замком, но когда все закончится, пусть и не мечтает держать меня в клетке.

Затем Конрад стал меня умолять уговорить Пина поискать Леокадию. Если она могла прятаться в пустой квартире Гесперия, то почему не может скрываться у кого-нибудь из преподавателей? Ее очарование вполне способно снести крышу любому из наших магистров. Кто-то же провел ее на территорию в тот, самый первый раз. Гесперий убалтывал охранника на воротах, но был другой, вместо с кем под ручку она вошла.

Пина, попросить, конечно, можно, но лучше сделать это только в крайнем случае. Попросить осмотреть точно указанное подведомственное домовому помещение — это в

пределах моих прав. Искать человека в принципе тоже можно уговорить, но это будет услуга, за которую я останусь ему должна. Быть в долгу у своего домового врагу не пожелаю: они в подобном случае на голову садятся.

Применим то, что у нас еще осталось — голову. Значит, кроме Гесперия был еще кто-то.

Я была уверена, что тот, второй, уже не помнит, как его обработали. Но если она могла заморочить одного, то почему бы точно то же не проделать с другим? Так, у меня вопрос:

— Кон, а если человек или маг подвергся ведьминому ментальному воздействию, по нему это будет заметно?

— Хороший вопрос. Скорее всего да. Заторможенность, странное выражение лица... ты думаешь?...

Я отчаянно закивала:

— Думаю! Именно что думаю! Скоро обед, в столовой можно посмотреть, в каком кто состоянии и кто не пришел. Тех, кто вызовут сомнения, проверить. К тем, кто не пришел на обед, зайти и тоже проверить.

Конрад тут же записал в свой блокнот: проверить преподавателей на обеде. Мне же пришла в голову мысль:

— Кон, а почему мы ограничиваемся преподавателями? Есть же еще студенты!

Он задумался, затем уверенно ответил:

— Нет! Студенты живут по двое, по трое в комнате. Спрятать в таких условиях даму не представляется мне возможным.

Это он правду сказал. Я сразу не подумала. Но... Есть у нас небольшая группа студентов, которые живут в отдельных комнатах с душем. Эту роскошь оплачивают богатые родители. Правда, им такое позволено только на двух старших курсах. Ну и отлично. Младших отбросим, девочек тоже (не представляю себе, что они вдруг станут помогать Леокадии), остаются человек семь. Всего же отдельных блоков для богатых студентов у нас десять.

Точно! Три пустых комнаты в конце коридора второго этажа мужского общежития. Пусть Пин немедленно их осмотрит. А Конраду сказала:

— Надо еще присмотреться к тем студентам, которые платят за отдельные комнаты. Список у меня в кабинете на столе.

— Ты права, Марта. А списка мне не нужно, я их всех прекрасно помню. Семь человек: Трое на моем факультете и четверо у Гаспара.

И впрямь всех помнит.

Я позвала Пина и слезно попросила проверить пустующие комнаты: не прячется ли наша злодейка там? Через несколько минут получила ответ: там пусто, как в склепе. Все-таки, если она здесь, то прячется не сама, ее кто-то прикрывает. Иначе бы Конрад давно ее нашел.

* * *

На обед мы с Коном пошли вместе. Надо сказать, чуть не первый раз с новогодних праздников! Ему все время что-то мешало присоединиться к преподавателям. А я считала своим долгом ходить на обед: это стимулирует кухню работать хорошо.

Сегодня мы уселись за угловой стол. С этого места хорошо был виден весь зал столовой,

рассмотреть каждого не составляло труда. Взгляд легко ловил тех, кто выглядел как-то странно. Первым на глаза попался Вольфи. Если бы я не знала причину, я бы сочла его самым подозрительным из всех. У мужика на физиономии было написано такое блаженство! Оно просто бросалось всем в глаза. Он сидел довольно далеко от Нанни, но таращился на нее так, что его взгляд казался осязаемым. Остальные преподаватели поглядывали на эту парочку со смущением и недоверием. Еще бы! Ведьма связалась с мужчиной без магии.

На фоне счастливого Вольфи очень трудно было выделить другие странности. Все казались мне более — менее адекватными, без особенностей.

Рунолог какой-то чересчур возбужденный, но он, кажется, просто злится на свою соседку старушку Блажену. Авенир растерян, но это тоже легко объяснимо: не так-то легко пережить обвинение в том, чего ты не делал. Изящный красавчик Гемгар кажется растерянным... Ах, нет, он просто пролил кисель на мантию и не сообразит, каким заклинанием это лучше отчистить.

Среди преподавателей мой взгляд неадекватного не нашел и я перевела его на студентов. Столы старших курсов располагались на максимальном удалении от преподавательских, поэтому я мало что могла разглядеть. Заметила только, что Живко Живковича нет на обеде. Его огненная макушка просто бросается в глаза, но сейчас ее не видно.

Объяснений этому может быть масса. Парень из богатых, генеральский сын, он часто позволяет себе больше, чем средний студент. Уходит и приходит когда хочет, ночует в городе. Говорят, раньше часто пропускал занятия, только с моей системой отработок дисциплина у него наладилась.

А был ли он сегодня на лекциях? У кого бы спросить? Я быстро прикинула: моего урока у них нет, Нанни тоже, а вот пара у Либерия... Подошла к магу, заговорила, выслушала соблезнования и пожелания здоровья, а затем спросила невзначай:

— Не помните, Живко сегодня был на занятиях?

Либерий ответил не задумываясь.

— Нет, этого студента я сегодня не видел. Он еще вчера отпросился, у его матери день рождения.

Отпросился у Либерия? На целый день? Он должен был отпрашиваться у своего декана или у меня! И когда же он ушел?

Все эти вопросы завертелись в голове и я поспешила с ними к Конраду, который подошел к заданию ответственно и теперь разговаривал со всеми преподавателями по — очереди.

Он как раз общался с целителями, когда я потеребила его за плечо.

— Конрад, можно тебя на минутку?

Он извинился, встал и мы отошли в сторону. Там я сообщила, что Живко нет на месте. Можно ли определить, ушел он или остался?

— Нет, Марта, мой счетчик не определяет, преподаватель прошел или студент. Даже мужчин от женщин не отличает. Только магов от ведьм. А вчера тут ходили, бродили...

Тогда надо посылать Пина в комнату Живко. Срочно. Если Леокадия спряталась у него... Мы переглянулись с Коном и бегом ринулись домой.

Пин поворчал немного: ему надоело искать ведьму по разным комнатам. Но я все же его уговорила, что это в последний раз. Если его помощь в поимке понадобится еще, то мы с Коном будем ему должны.

Он согласно хмыкнул и исчез. Появился минуты через три и спросил:

— Живко — это такой рыжий нахальный парень?

— Точное описание!

— Тогда он лежит в своей комнате без сознания. Ведьма там тоже была, но раньше.

Ушла еще утром.

Мы вскочили и понеслись в мужское общежитие. Встретившему нас на входе Василию не надо было ничего объяснять. Он просто подхватил связку ключей от всех комнат и побежал за нами на четвертый этаж.

Мы успели вовремя. Живко лежал на кровати без признаков жизни, бледный, с синими губами, и, казалось, не дышал. Конрад упал перед ним на колени, прислонил ухо к груди, пытаясь прослушать сердцебиение, я остановилась за его спиной в растерянности, один Васил не потерялся. Тут же развернулся и побежал за целителями.

Кон наконец нащупал у парня пульс и послал в него легкий магический импульс, чтобы сердце заработало сильнее. Не знаю, помогло ли такое лечение, но тут появилась Лаура. А если человек еще жив, то она не даст ему помереть, пусть и не надеется.

Дальше начался настоящий сумасшедший дом. Все бегали, кричали, суетились, толкали меня, пока я не сообразила и не спряталась в углу.

* * *

Оттуда меня достал внезапно возникший из воздуха Рик.

— Пойдем, Марта. Там пришел король и желает тебя видеть.

Ну вот. А я от него спряталась, думала отсидеться. Нет, пришел зачем-то. Что ему надо от бедной девушки?

Рик дотащил меня до дверей своего кабинета и бросил, извиняясь, что не может войти с мной. Дальше сама. Я осторожно сунула нос в щель и предварительно осмотрелась.

Горан удобно развалился в кресле ректора, перед ним стоял поднос с чаем, пирожными, фруктами и вином. Значит, нам предстоит пообщаться наедине. Демоны! Могла бы — уже паковала бы свои вещи. Но против контракта не попрешь, нет у меня таких денег.

Остается надеяться, что король не станет приставать ко мне со своими глупостями, а придумает что-нибудь более конструктивное. Ладно, хватит стоять, надо уже войти и во всем разобраться.

Толкнула дверь, быстро прошла вперед и изобразила глубокий реверанс, стараясь не смотреть на короля.

— Марта Аспен по вашему приказанию прибыла.

Я на короля не смотрела, а он на меня пялился в безмолвном изумлении. Не ожидал увидеть стриженую. Наконец его прорвало:

— Что с тобой случилось? Где твои чудесные волосы?

— Сгорели во время нападения, Ваше Величество. Это ужасно?

Он покачал головой.

— Не сказал бы. Но... Ты выглядишь младше моей сестры. Такой хрупкий цветочек. Бедная Марта.

Ну вот, в этом тоже включилась функция защитника. От кого он будет меня грудью закрывать? От себя?

— Со мной все в порядке, Ваше Величество. Я перепугалась, но все уже в прошлом. Завтра снова приступлю к работе.

Тут я бросила быстрый взгляд из-под ресниц и оглядела комнату. Первое мое впечатление было неверным. Мне показалось, что мы с королем наедине? А вот и нет. В углу за чайным столиком сидел тот, кого я совершенно не ожидала здесь увидеть. Красавец Эберхард фар Арвиль. Нарочно сел в такой угол, чтобы я не могла его заметить и делает вид, что его тут нет. С мужчиной бы это сработало, но у женщин угол обзора шире.

Машинально сравнила его с королем и пришла к выводу, что, хотя внешне один другому практически не уступает, но Горан приятнее. От него не веет так холодом. Но что он тут делает? В каком качестве король притащил его на эту встречу и о чем пойдет речь?

Ответ не заставил себя ждать.

— Марта, я должен с тобой серьезно поговорить. Мне не хочется огорчать тебя, особенно сейчас, когда ты подверглась нападению. Но ситуация складывается не самая приятная. Ты — проректор уважаемого магического учебного заведения и я не могу не обращать внимание на твой образ жизни. Мне уже жаловались, что ты ведешь себя недостойно.

Он спятил? Где и когда?

— Я, Ваше Величество?

— Именно ты, Марта! Я не стал распекать тебя публично, ведь в этом случае я обязан был бы тебя уволить. Я предпочел поговорить с тобой для начала приватно.

Ага, приватно. В присутствии совершенно постороннего мужика. Ну ладно, сделаем вид что не заметили.

— Я вас слушаю, Ваше Величество.

— Ты ведешь себя недопустимо, Марта. Ты открыто живешь с женатым мужчиной.

Произнеся это, он стрельнул глазами на Эберхарда, как бы ожидая от того помощи и поддержки. Тот сидел не шелохнувшись.

Я промолчала. Все правда, я живу с Коном открыто уже не первую декаду. Где ты раньше был, красавец, ревнитель чужой нравственности? Горан, видимо, ожидал, что я начну оправдываться, поэтому тоже молчал. Ему надоело первому.

— Может, в Элидиане это допустимо, но наша Шимасса — патриархальное государство. Здесь такого не прощают. Я могу понять, что Конраду ар Герionу нужна была женщина, а тебе мужчина, я даже могу понять, что вы влюбились друг в друга. Если бы вы поженились, никто слова бы не сказал. Но это невозможно. У него есть жена, законная жена, какая бы она ни была. А он переехал в твои покои и делает вид, что его жена — это ты. Для мужчины такое может быть предметом гордости, но для тебя это позор, Марта!

Ага, а открыто стать твоей фавориткой не позор, так надо понимать?

— И что же нам было делать, Ваше Величество?

— Ну, если вам так невмоготу... Встречаться тайно. А вы устроили семейную жизнь на глазах у всей столицы.

Врет и не краснеет. О наших отношениях знают в школе, но здесь маги, у них к этому особое отношение. А в других местах мы ведем себя сдержанно. Чего он вообще от меня хочет? Чтобы я бросила Конрада?

Король между тем не унимался:

— Поэтому я говорю тебе: это надо прекратить. Иначе я буду вынужден кого-то из вас уволить и выслать из страны. И, боюсь, это будешь ты.

Ну еще бы! Безопасность собственного дворца он из страны выслать не сможет. Только вы зря пугаете, Ваше Величество. Конрада вы не уволите, а если уволите меня, то и он не останется. И остается вам шуметь, хлопать крыльями в надежде, что мы испугаемся. А вот и нет! Лично мне не страшно. Ничего вы нам не сделаете, только крови попортите немерено.

— А если бы мы поженились, Ваше Величество?

— Но это невозможно! Жених твой женат! У меня и свидетель есть. Господин фар Арвиль, подойдите.

Так этот красавец здесь в качестве свидетеля? Но чего? Того, что Кон женат? Странно, однако. Какое Эберхард имеет отношение ко всей этой истории?

Красавчик тем временем встал и подошел к ректорскому столу.

— Здравствуйте, Марта.

И улыбается, гаденьш. Мне так противно стало, что я даже не поздоровалась. Кивнула ему молча. Он не обиделся, а продолжил говорить мягким, обволакивающим голосом.

— Вы можете на меня сердиться, но я должен сказать. Если Конрад обманул вас и вы находитесь в заблуждении...

Тут я не выдержала и ляпнула-таки:

— Ни в каком заблуждении я не нахожусь. Я прекрасно знала, что у него брак по магическому договору с ведьмой Леокадией. Брак временный, находится в процессе расторжения. Когда это произойдет, мы поженимся.

— То есть, вы знали, что Конрад женат? Тогда ваше поведение непростительно, дорогая.

Если с королем я прикидывалась скромницей, то не видела причины строить из себя невесту что с фар Арвилем.

— Что же такого непростительного я сделала?

— Вы не понимаете, дорогая? Вы нарушаете общественную нравственность, открыто живете с чужим мужем. Госпожа Леокадия подала жалобу королю и он вынужден разобраться.

Сволочи все! Ведьма набралась наглости пожаловаться, а король и рад за это уцепиться. Но сейчас я вижу: он бы на это не пошел, если бы не Эберхард. Берти, чтоб его! Кажется, я разозлила посла не на шутку.

Я только хотела рот открыть, как красавчик запечатал мне его злым взглядом и одной фразой.

— Вы собираетесь ссылаться на свои права? У вас их нет. Вы не маг и не ведьма, хоть и работаете в магическом учебном заведении. Вы должны соответствовать высоким нормам морали, иначе вы не можете занимать свое место.

Я встала.

— Да пожалуйста! С удовольствием сложу с себя это проректорство, оно мне на фиг не сдалось! Только лишняя работа и никакого удовольствия. А с преподавательской должности меня уволить нельзя, у меня контракт.

— Контракт легко разорвать! — возразил он.

— Думаю, вы его не читали, а то бы так не говорили.

Глаза у Берти хищно сверкнули, он ехидно улыбнулся и произнес:

— Наверняка там есть пункт о том, что вас можно уволить в случае нарушения вами закона. А ваши отношения с Конрадом...

— На нарушение закона не тянут, — огорчила его я, — всего лишь на пренебрежение

обычаями страны.

Эх, парень, ты не понял, с кем связался. Я свой контракт знаю наизусть, а уже здесь проштудировала свод законов. На ночь как роман читала, пока Кона у меня не было. Надо же было знать, каковы местные законы.

Эберхард живо обернулся к расслабленно сидящему в кресле Горану.

— Ваше Величество, это верно, то, что она сказала?

Король явно наслаждался происходящим, для его это был театр. Он ответил красавчику Берти с милой улыбкой:

— К сожалению она права. Закон запрещает прелюбодеяние замужней женщине, но в данном случае, действительно, есть только обычай. Все, что я могу сделать, это лишить Марту Аспен ее должности проректора в связи с неприемлемым поведением, нарушающим нормы общественной морали.

Затем он обратился ко мне ласковым, задушевным тоном:

— Марта, я совершенно не хочу, чтобы ты оставила проректорство. У тебя здорово получается, школа просто преобразилась. Но... Ты не должна больше афишировать свои отношения с ар Герионом. Вам придется разъехаться по разным комнатам и жить порознь пока вы не сможете пожениться.

Его слова совершенно не понравились Эберхарду. Я видела, что посол просто рвет и мечет, но сказать ему было нечего. Он только раздувал свои породистые ноздри и скрежетал зубами так, что всем было слышно.

Мне королевское указание тоже не понравилось. Кроме того, что я люблю Кона и хочу быть с ним вне зависимости, нравится это кому-нибудь или нет, сейчас это еще и вопрос безопасности. Поэтому я ответила королю:

— Ваше Величество, благодарю за добрый совет. Я ему последую как только минует опасность. Сейчас присутствие в моих комнатах господина ар Гериона гарантирует меня от повторного нападения. Когда же злоумышленник будет пойман, я сделаю так, как вы сказали.

Вот так! А если злоумышленник — это Леокадия, то после ее поимки у нас с Коном должна появиться возможность пожениться. По законам Шимассы убийц, даже незадачливых, казнят. А у меня к этой стерве жалости ни капли. От нее всем только вред и будет лучше. Если она исчезнет. Но говорить этого вслух я не стала.

Король, как ни удивительно, принял мои аргументы.

— Хорошо, Марта, пока это вопрос твоей безопасности, поступай как тебе будет лучше. И поверь, несмотря ни на что я хорошо к тебе отношусь и беспокоюсь за тебя. А сейчас ты можешь идти. Мы с господином фар Арвилем еще должны поговорить с ректором. Позови его, Марта.

Я снова присела в глубоком реверансе и быстро вышла из кабинета. Так быстро, что чуть не зарядила дверью в лоб Верке. Поганка подслушивала.

Ни говоря ей ни слова, чтобы нас не засекли, я схватила ее за руку и утащила в свой кабинет. Мне повезло, Рихарда искать не пришлось, он там и сидел. Сообщив, что король хочет его видеть, я вышерла ректора и заперла дверь. Затем обратилась к Верке:

— Что ты там делала? Подслушивала? Зачем?

Она презрительно фыркнула:

— Подслушивала? Я? Делать мне нечего. Я по просьбе господина ректора смотрела магические потоки через стенку. Ему это трудно, он маг, а для ведьмы — плевое дело.

Их магические техники для меня нечто запредельное, но смысл действия я хотела бы понимать.

— И что ты там увидела?

— Господин фар Арвиль зачем-то старательно вызывал в Его Величестве чувство раздражения и пытался направить его на вас.

Но как же?... Король от подобных воздействий должен быть защищен лучше многих. К тому же я не думаю, что Берти сильный менталист. Спросила Верку и получила интересный ответ.

— Тут как раз все дело в том, что воздействие очень слабое. Его любой амулет принимает за фоновое и не отсекает. Этот господин очень ловкий, знает, как надо. Обычно этой методикой пользуются опытные ведьмы, только внушают приязнь. Я сто раз видела, как это делала госпожа Сильвия.

— А Эберхард?

— Я не знаю точно. Похоже, он сначала внушал королю теплое чувство к себе, а когда тот раскрылся, смог просунуть и раздражение, направленное против вас. Последнее я видела. Тоненький такой ручеек, как ниточка, должен был действовать как щекотка. Конечно, я этому специально не училась, могу и ошибаться.

Что-то мне подсказывает, что она на сто процентов права. Умница.

Верка же добавила:

— А когда этот посол отвлекся на вас, я ниточку-то и перервала. Вы заметили? Король сразу подобрел.

Еще бы я не заметила.

Так, срочно пишу письмо Зои, пусть приезжает и приступает к работе, у меня будет с кем посоветоваться, а заодно стану таскать ее с собой на все мероприятия. Пусть контролирует потоки. Заодно и Верку мою обучит.

Скотина Берти, натравил на меня короля! Но тогда выходит, что он заодно с Леокадией? Бред какой-то. Зачем гремонцу дружить с кортальской шпионкой? Особенно сейчас, когда интересы Кортала противоположны гремонским?

* * *

Когда король наконец покинул школу, я тоже пошла к себе. Хотела сначала переговорить с Рихардом и узнать у него, чего от него добивался его родственник, но потом решила, что лучше он сам все расскажет в присутствии Конрада. Поэтому просто написала записку с просьбой зайти. Вроде я его на ужин приглашаю.

Сунула эту бумажонку Славену, который копался у стола, собираясь уходить с работы, и велела поискать родное начальство.

Стала такая коварная и меркантильная, самой противно. Но что прикажете делать, если от осмотрительности зависит твоя жизнь? Правильно, собирать информацию и стараться разговорить каждого, у кого есть хоть кусочек этого добра. Я понимаю, Рикку не очень приятно сдавать своего брата. С другой стороны, мы с Конрадом ему друзья, а от своей так называемой семьи он ничего доброго в жизни не видел. Как я поняла, если бы его мамочка не была сама по себе достаточно состоятельной, ни папаша, ни братец не озаботились бы его питанием и воспитанием.

Дома меня ждал страшно расстроенный Пин. Вся эта история сильно на него подействовала. Считается, что домовые привязаны к дому. Ерунда. Когда с ними по хорошему, они привязываются к людям и на все для них готовы. Если, конечно, это не противоречит их таинственному кодексу, о котором никто ничего не знает.

Больше всего домовые боятся, когда в их доме умирают.

Попытка со мной расправиться привела моего любимчика в ужас, а когда еще и Живко нашли на грани жизни и смерти, то Пин понял, что дело пахнет далеко не фиалками и может закончиться несколькими трупами.

Выразилось его подавленное состояние тем, что он не стал убираться, а еду принес из столовой, не пытаясь даже разжечь печку и что-то приготовить. Когда я его позвала, пробурчал что-то неразборчивое откуда-то из-под раковины, но даже не вылез.

Пришлось мне самой подмести, растопить печь и накрыть на стол. Все же гостя пригласила, да и Конрад должен вернуться.

Они пришли вместе. Встретились у ворот, когда Рихард провожал короля, и, как я поняла, еще долго там стояли и разговаривали даже после получения моей записки.

У меня к этому времени весело булькал чайник на плите, стол был накрыт и ужин дожидался, когда его съедят. Если отключиться от всего, что этому предшествовало, получался чудесный вечер в кругу друзей.

Но настроение у всех было подавленное.

Живко не умер, но пока никак не хотел приходить в себя. Его матушка, вместо празднования дня своего рождения, прилетела сюда и сидела с сыном, проклиная нашу школу на разные лады, хотя причем тут она?

Удалось выяснить, что это именно он привел сюда Леокадию. Конрад с Грегорицем проделали за день огромную работу, опросили кучу народа и восстановили три последних дня Живко чуть ли не по минутам. Ну что сказать... У парня все они прошли под знаком этой вредной ведьмы. После того, как Рихард наказал его за неподобающее поведение с Нанни, парень ударился в загул. Ушел на ночь в город, завалился в кабак... Так как он у нас не бедный, то и кабак выбрал дорогой. Там и увидел Леокадию.

Дальше все просто.

Познакомился с ней, провел на территории, пользовался ее расположением, а затем...

Понятно, для озабоченного мальчишки такая дамочка была как подарок судьбы. Взрослая, невероятно красивая ведьма и вся твоя! Заполучить в любовницы такую роскошную штучку, особенно после афронта у Нанни... Он должен был чувствовать себя на коне. А Леокадия знала на чем сыграть, чтобы вообще выключить у парня голову. Боюсь, его даже не пришлось обольщать, он это сделал сам.

После первого нападения на меня он понял, зачем красотка пришла к нему, и не смог сдержать своих чувств. Возможно, обвинил ее во всем, но сдавать не стал. Она испугалась, что раскрыта и постаралась избавиться от ненужного свидетеля. Воспользовалась подручными средствами. Хорошего быстродействующего яда ей достать было негде, поэтому она подсыпала пареньку порошок корня водяной лилии, который сперла у наших целителей.

Этот порошок — не яд, а составная часть многих лекарств, вызывает снижение давления и используется в малых дозах. Поэтому он лежал открыто в шкафчике у двери и любой мог войти и просто взять.

Леокадия от души сыпанула эту дрянь в чай Живко. Как только смогла заставить его это выпить?! Гадость страшная. Но результат не замедлил себя ждать: парень просто потерял

сознание. Если бы мы нашли его часом позже, никакие меры не смогли бы вернуть парня к жизни.

С рассказа об этом начался наш ужин. Недурная приправа. Несмотря на то, что теперь наши повара готовили отлично, аппетит всех покинул. Слишком нервным оказался день. Все трое уныло ковырялись в тарелках, время от времени отправляя в рот по кусочку, зато языки и уши работали без устали.

Когда Конрад закончил рассказ про Живко и безуспешные попытки поймать злобную ведьму, выступила я с изложением того, что произошло в кабинете ректора.

Сейчас я еще лучше поняла, почему все боятся моего мужчины. Пока я говорила, он так на меня смотрел... Умом понимала, что сейчас он видит перед собой не меня, а тех гадов, что захотели вдруг испортить нам с ним жизнь, но ничего не могла с собой поделаться! Изнутри поднималась паника. Под его взглядом хотелось влезть под стол и сжаться там в комочек.

Но я взяла себя в руки и договорила., хотя только Добрая Мать знает, чего мне это стоило.

Конрад продолжал молча сверлить меня взглядом, в котором я видела ужасную, мучительную смерть. Хорошо хоть не мою.

Интересно, на короля он так же глядит? Тогда Его Величество тоже должен бояться Конрада до потери пульса.

Рихард сидел тихо, как мышка, и был на себя не похож. Видно, что-то знал, но не мог решиться нам об этом сообщить.

Я закончила свой рассказ и по обыкновению задала вопрос:

— Конрад, а с тобой король об этом говорил?

— Не осмелился. Думаю, если бы говорил со мной, то не стал бы к тебе приставать с тем же самым.

Затем обернулся к другу:

— Рик, скажи мне, по — твоему, что все это значит?

— Не знаю я! — вдруг заголосил ректор не своим, а каким-то чужим, высоким, писклявым голосом, — Ничего не знаю! Меня не ставят в известность о своих планах ни король, ни брат, ни папенька! Только требуют и указывают!

— И чего же они от тебя требуют, друг любезный?

От голоса Кона у меня мурашки по спине забегали и я вспомнила, что давно не посещала отхожее место. Кажется, наш ректор почувствовал то же самое. Он вскочил и заверещал:

— Прекрати! Прекрати меня пугать! Все запугивают, делать вам больше нечего.

Я приложила пальцы к губам, сделав этим знак Конраду помолчать, пересела поближе к ректору, положила ему руку на плечо и заговорила самым мои ласковым голосом, которым до сих пор разговаривала только с малыши детьми:

— Рихард, успокойся. Здесь твои друзья. Никто не собирался тебя пугать.

— Да?! А чего он тогда...

Я была в шоке: мужик чуть не плакал. Довели беднягу. Я могла себе представить Рихарда — интригана, но это было бы нечто очень легкое, изящное и не всерьез. Для него интрига была игрой. Но сейчас он стал не игроком, а игрушкой, и его это очень тяготило. Пришлось успокаивать.

— Конрад очень разозлился на тех, кто на тебя наехал, а ты же его знаешь... Я сейчас

сама его боюсь, но ведь он не хотел пугать ни тебя, ни меня. Так что расслабься и расскажи, что сказали тебе король и твой брат.

— Они ничего мне не говорят, — пожаловался Рик, — Только командуют: пойди туда, позови того, запрети это... Даже обосновать не пытаются. Мальчика на побегушках себе нашли. Надоело все, сил нет. Брошу я эту школу дурацкую и пойду порталы строить.

Мрачный Конрад доел наконец все, что лежало на тарелке, отодвинулся от стола и сел так, чтобы глядеть в пустой угол комнаты и не смущать никого тяжелым взглядом. Услышав последнюю реплику Рихарда, заметил:

— Тебе с самого начала надо было именно этим и заниматься. Портал — вещь простая. Точка входа, точка выхода, расчет, заклинание и дальше только следи, чтобы ничего не сбилось. Обучал бы себе телепортистов и горя не знал. Нет, чего-то глобального захотелось. Магическое образование в целой стране! Друг короля, ни много, ни мало. Я сразу сказал, что это дружба тебе еще аукнется.

— Конрад, не бухти! Видишь, ему и без тебя плохо.

— Можно подумать, что мне или тебе хорошо. Какого демона этот красавчик Эберхард решил нас разлучить? Ему что, Леокадия приплачивает?

Все возможно, — подтвердила я со вздохом, — Может, и приплачивает. Но мне кажется, что то ли он ее использует, то ли она его. А вот конечная цель неясна. Посадить тебя на гремонский трон и управлять как марионеткой? Ты же не дашься.

Рик сердито хмыкнул:

— Дастся, не дастся... Для моего братика это аргумент. Он привык всех как фигурки на игровом поле расставлять. А кто фигурку спрашивает, хочет она тут находиться или нет? Вот то-то и оно.

Ну и дурак. Живые люди далеко не всегда действуют так, как тебе хочется. А если они сопротивляются твоим планам, можно не сомневаться: ничего у тебя не выйдет. Чтобы получилось, они должны хотеть сделать по — твоему.

Студента можно заставить выучить все наизусть, стоя над ним с палкой. Но как только ему придется применить полученные знания, вот тут становится ясно: палка может заставить запомнить, но не понять. К тому же, стоит ее на минуточку убрать, как студент тут же радостно выкидывает из головы все в нее вбитое. И это в учебе.

А в жизни?

Можно заставить людей пожениться, но их нельзя заставить друг друга любить.

Неужели Эберхард не понимает, что все, кого он нагнул, поспешать распрямиться как только он отвернется? Рик говорит, что он любит загонять людей в безвыходное положение... Когда-то соседский пес загнал нашу кошку в угол между домом и пристройкой, откуда не было выхода.

Так наша ласковая, мирная кошечка встала на задние лапы и вцепилась ему в морду. Подрала в клочья нос и выцарапала глаз.

А люди могут в такой ситуации сделать что-нибудь похуже. Особенно Конрад. Или Эберхард сам в безвыходной ситуации?

Дальше мы вдвоем с Конрадом битый час старались вытащить из Рика, что ему сказал брат, а что король. Какие указания он получил?

Выяснилось, что никаких. Его только стращали тем, что наш с Конрадом союз может быть для него источником всевозможных неприятностей и следует его разрушить. И вообще,

Конраду не место в школе, пусть полностью перейдет в дворцовое ведомство и займет штатный пост придворного мага, отвечающего за безопасность.

Хотя король несколько раз намекал, что ар Герион его пугает и он бы предпочел видеть на его месте более приятного человека. В связи с этим Рик получил предписание найти кого-нибудь на место Конрада. Не свет же на нем клином сошелся, есть и другие специалисты.

Из всего этого я поняла одно: нас решили разлучить. Понятно, что я никому, кроме наших студентов, не нужна. Но и они обойдутся, если что. Так что попытки Леокадии меня убить в эту схему отлично вписываются.

А вот Конрад — ценный кадр. Богатый и знатный человек, сильный маг, вдобавок бастард короля Губерта XIV. Не знаю точно, какие в Гремоне правила престолонаследия, но есть же условия, при которых Конрад может претендовать на трон? Уверена, условия эти весьма фантастические, но при старании и их можно выполнить.

Конрад этим заниматься не будет, ему становиться королем на фиг не нужно. Но у других могут быть иные цели и задачи.

То ли Леокадия хочет быть гремонской королевой, то ли Эберхарду почему-то срочно надо сместить своего сюзерена... Не пойму.

Зато если это так, понятно, на чем они спелись. И, небось, каждый думает, что он использует другого. А король Горан каким боком сюда попал? Ему гремонский престол нужен как рыбке пудра. Гораздо удобнее жениться на тамошней принцессе и просто дружить. А для этого менять короля ни к чему.

Обо всем этом я сказала Конраду, когда Рик наконец закончил жаловаться на тяжелую жизнь и ушел.

Произошло это не скоро, потому что кроме Эберхарда и короля Рихарду вдруг вздумалось пожаловаться на то, что его женщины не любят.

Ну ни фига себе? Принцесса по нему с ума сходит, придворные дамы сохнут, все ведьмы как одна облизываются, но стоило Нанни выбрать другого, как он стал ныть. Думаю, это потому, что по времени совпало с визитом коварного брата.

Конрада тоже нытье друга достало. Он всегда у него заряжался позитивом, а тут Рик не выдержал давления, расквасился, как размокшая лепешка, стал нудным и противным. У меня после двух покушений положительной энергии тоже немного, саму бы кто подзарядил. А сам Конрад привык на мир смотреть с подозрением.

Когда я выложила ему свои соображения и пересказала разговор с Веркой, он для начала несколько раз переспросил, какому воздействию Эберхард подверг короля. Все-таки это магическая безопасность, за которую именно он отвечает.

Я еще раз пересказала все, старательно вспоминая каждое слово.

— Доверие, — выдал он свой диагноз.

— Что?

— Эберхард вызывал в короле доверие к своим словам. Легкая природная магия, доступная обычным людям и считающаяся безвредной. Обычно ею совершенно бессознательно пользуются женщины по отношению к своим малым детям, поэтому никому и никогда не приходило в голову от нее защищаться. Считается, что у мужчин ее практически нет, но, видимо, ошибочно.

Ну — ну... Доверие, значит. Да, дитя доверяет маме, даже если она внушает ему всякую глупость, и потом всю жизнь руководствуется тем, что она ему в детстве напела. Я даже

подумать не могла, что это тоже магия. А Эберхард у нас — молодая мамочка короля Горана.

Хорошо, что Верка порвала эту связь. У меня очередной вопрос.

— А можно восстановить эту нитку? Ту, которой посол привязал к себе короля?

Конрад пожал плечами.

— Можно ли восстановить утраченное доверие? Нет. К счастью, фар Арвиль утратил влияние на Горана и для нас это большая удача.

* * *

То ли этой ночью было холодно, то ли мы оба подсознательно боялись, что нас разлучат, только жались друг к другу так тесно, как никогда ранее.

Утро не принесло ничего хорошего, если исключить возвращение Живко к жизни. Глупый каламбур, но положительный факт. Он был еще слаб, зато хотя бы в сознании. Его мать попросила меня с ней поговорить и по глазам было видно: собиралась во всем обвинить меня и школу.

Пришлось пригласить ее в свой кабинет, намекнув, что у постели больного это будет неуместно.

Оставшись со мной наедине, эта дама действительно стала обвинять и угрожать. Мы тут развели неизвестно что, притон какой-то, работают у нас бесстыжие шлюхи (это камешек в огород Нанни), детям опасно стало учиться, если бы Живко учился дома, ничего бы плохого с ним не произошло. Поэтому она будет жаловаться королю и заставит его разобраться с нами со всеми.

Не надо на меня нападать! Я тихая и мирная девушка, если меня не трогать! Эа бестолковая баба, которая не смогла нормально воспитать сына, будет на меня наезжать? Не знаю, есть у нее магия или нету, но мозгов нет, это точно.

Хотелось заорать и запустить ей в лоб чернильницей, но я сдержалась. Заговорила мягко, как с дебильным ребенком.

— Уважаемая госпожа, не понимаю, на что вы жалуетесь. Мы взяли на себя труд учить вашего сына и учим несмотря на то, что он ведет себя безобразно. К нам он поступил в сознательном возрасте, так что претензии к его воспитанию скорее нужно обращать к вам, чем к нам.

Она попыталась что-то вякнуть, но я не дала ей и слова сказать.

— Редкую декаду Живко не получает дисциплинарного взыскания. Я понимаю, что злонамеренности в его действиях нет, это происходит от природной живости характера. Но есть же какие-то границы! Хотя бы своих преподавателей он должен уважать?!

Тетенька опять не поняла и завела свою шарманку:

— У вас тут преподаватели выглядят и ведут себя как шлюхи! Они провоцируют...

Ага, на Нанни намекает? Ну, получи!

— Это вы о том, что его наказали за попытку поцеловать преподавательницу боевых зелий? Радуйтесь, что жив остался. Это боевая ведьма и одета она как боевая ведьма, а отнюдь не как шлюха. А что такое боевая ведьма, знаете?

Дамочка не знала. Она уже смотрела на меня в ужасе. Слова "боевая ведьма" ничего конкретного ей не говорили, но пугали. Я поднажала:

— Боевая ведьма — это машина для убийства. Чтобы ее остановить, нужны совместные усилия десяти магов. Это надо совсем мозгов не иметь, чтобы к такой приставать с поцелуями.

— Он не знал...

— Не знал? А чему он тут столько лет учился, скажите на милость? В общем, мне кажется, уважаемая госпожа, что в одном вы правы: вашему сыну в нашей школе делать нечего.

Только что она говорила то же самое, но тут вошла в амбицию.

— Это почему еще?

— Потому что его отец слишком высокопоставленный человек в этой стране. Здесь Живко чувствует свою безнаказанность и позволяет себе то, за что другого студента давно бы уже выгнали. Если бы он жил как другие студенты: не имел отдельной комнаты, не мог выйти в город вечером, был все время под надзором нашего коменданта, с ним ничего бы не случилось. Разве в школе он познакомился с ведьмой, которая его отравила? Нет, в дорогом кабаке, куда другие студенты не ходят.

Кажется, я открыла ей глаза:

— А его ведьма отравила?

— Да, уважаемая, именно так.

— Так ее надо немедленно арестовать и судить! Отравить моего сына! Да я ее своими руками... Не посмотрю, что она боевая ведьма!..

Кажется тетка все неправильно поняла. Как тяжело иметь дело с дурами!

— Вы подумали, что его отравила наша преподавательница? Да вы с ума сошли! Его отравила некая Леокадия. Сначала использовала, чтобы попасть на территорию школы, затем скрывалась в его комнате, устроила на меня два покушения, а когда он стал ей мешать, попыталась от него избавиться. Если бы мне не пришло в голову проверить, где он находится, вы сейчас занимались бы похоронами, а не морочили мне голову.

После этих слов госпожа Живкович заплакала, затем долго извинялась и благодарила меня. Я дала ей совет: когда сын выздоровеет, отправить его учиться в другую страну, туда, где он не будет избранным, а станет одним из многих. Это может вправить ему мозги и тогда в будущем он станет не местным кошмаром, а полезным гражданином.

* * *

После этого разговора я была как выжатый лимон, а предстояло еще провести два занятия. Конрад тоже был занят: до обеда две пары на полигоне и одна теоретическая вечером.

Сегодня мы разбирали графики степенных функций и решение систем уравнений с двумя неизвестными графическим методом. Люблю работу: она отвлекает от всего дурного. Ясные, четкие, логичные построения и преобразования лечат душу и успокаивают нервы.

Надо сказать, ребята только поначалу требовали от меня, чтобы я им сказала, к какому разделу магии можно применить тот или иной раздел математики. Сейчас они просто с увлечением решали задачи, а подобные вопросы научились переадресовывать своим магическим преподам.

На второй паре у меня была группа, в которой училась Верка. Юная ведьмочка вообще

радовала меня своей толковостью, а сегодня просто превзошла сама себя. Отлично разобралась в материале и первая показала мне верное решение задач, которые я всем дала.

При этом она явно не забывала и о том, что волновало нас кроме учебы. Несколько раз за занятие она показала мне знаками, что ей есть что мне сообщить.

Конечно, я не стала задавать вопросы при всех. Я вообще старалась на парах не выделять мою помощницу. Студенты такой народ... Могут начать как подхалимничать, так и травить. Она своим трудом выбилась в лучшие и удерживалась там несмотря на занятость. Когда она делала задания одни боги знали. А тут еще встряла в эту жуткую историю с Леокадией.

Меня чуть не убили два раза, один труп и один полутруп у нас уже есть, не хватало еще чтобы Верка пострадала. Гаспар мне этого не простит.

С трудом дождалась я окончания занятий. В столовую не пошла, попросила доставить обед в кабинет для меня и помощницы, вроде у меня дел по горло, а без нее мне не справиться.

На самом деле я хотела услышать то, что девушка желала мне сообщить, а заодно принять меры предосторожности. На глазах у всех проверять блюда на яд как-то неудобно, а в кабинете за закрытой дверью я и не то могу себе позволить.

Стоило нам остаться одним, как Верочка сделала таинственный вид. Ждала, чтобы я начала спрашивать. Пожалуйста, мне не жалко.

— Ну, не тяни, скажи, что ты мне так усердно всю дорогу подмигивала?

— Гаспар сказал что, пока Леокадию искали по всему городу люди Грегориша, другие люди видели ее в трех местах: в кофейне у гремонского посольства, в баре "Золотая луна" и в дальнем углу королевского парка. В кофейне она была аж два раза, но одна, в баре ее видели с рыжим парнем, который сорил деньгами, а в парке к ней подошел ничем не примечательный мужчина в серой одежде, вывел через задние ворота и уехал с ней в карете без герба, но не наемной. Последнее событие имело место вчера вечером.

Остальные события, соответственно, раньше.

— А кто этот ничем не примечательный господин, ты не знаешь?

— Понятия не имею.

— Откуда сведения?

— От Лауры. Она сегодня ночевала у Милчича, а у него окна выходят на королевский парк. Она наблюдала всю картину своими глазами.

Ну ни фиги себе! Знает, что Леокадию все ловят, видит ее и хоть бы хны! Она же знает, кто ее последнего пациента чуть на тот свет не отправил! Или это и есть хваленая ведьминская солидарность?!

Пообедав, мы принялись за дела и тут я поняла, что погорячилась. Преподавание меня ничуть не тяготило, наоборот, отвлекало от тяжелых мыслей, а вот администрирование угнетало.

Я никак не могла сосредоточиться. По семь раз читала каждую бумажку, пока удавалось вникнуть в смысл. Плюнула и попыталась составить отчет по последним событиям.

Не тут-то было! Слова никак не желали складываться в связные фразы. Я ковырялась больше часа, выдавила из себя пол страницы, затем на всякий случай пробежала глазами... Караул! Такого бреда я раньше не только не писала, но даже не читала.

Верке было немногим лучше, чем мне. Она крутилась, вертелась, ляпала ошибку за ошибкой. Хорошо, что дар позволял ей их легко исправлять. Но в таком нервном состоянии

она могла их и не заметить, так что как только я это заметила, решила прекратить безобразие.

— Так, дорогая моя, иди-ка ты к себе, да и я тоже пойду. А то мы с тобой такого наработаем, потом за декаду не разгребем.

Помощница моя радостно закивала. Она и сама понимала, что толку сегодня от нее ноль, но отпрашиваться посчитала неудобным. А мне и отпроситься не у кого, сама себя отпускаю.

На всякий случай я предупредила Славена, что мы уходим и сегодня уже не вернемся. Хотела сказать об этом Рику, но его не было на месте.

* * *

В ставшей уже родной квартирке меня поджидали грязь и беспорядок. Домовой так и не оклемался после своих треволнений, сидел за раковиной и бурчал что-то под нос, как будто вода шумела в трубах. Раньше Пин никогда так не поступал, поэтому я тревожилась. Мы так мало знаем про этих удивительных волшебных созданий, которые живут рядом... А вдруг у него начнется затяжная депрессия?

Огляделась и поняла, что депрессия скорее начнется у меня. Моя уютная гостиная и не менее уютная комната вдруг стали грязными и убогими, их вид вызывал тяжелое чувство.

Я поняла, что правильно пришла с работы пораньше. Надо самой убраться и ужин приготовить. Глядишь, это и меня подбодрит и на домового окажет положительное воздействие.

Для начала я перемыла всю посуду, отдраила плиту и вытерла всюду пыль. Стало получше, но ненадолго. Пришлось принять более радикальные меры. Вынесла во двор ковер и повесила проветрить, выбить его можно и потом. Развела в ведре воды с мылом и вымыла полы. Аж два раза.

Комната приобрела приличный вид.

Спальня тоже требовала вмешательства. Я собрала разбросанные там и сям предметы туалета и снесла их на стирку, туда же отправила постельное белье, хоть оно было постелено недавно. На всякий случай, вдруг поможет домовому от депрессии. Полы тоже вымыла, а коврик вынесла во двор для выбивания.

Когда квартира стала относительно чистой, я вспомнила про ужин и решила сделать запеканку. Просто, вкусно, а творог у меня есть. Вчера молочник привез. А если топить духовку, то и булочек можно напечь. Тесто у Пина лежало в стазисе.

Я положила в печь горячий камень и активировала его. Пока сделаю тесто для творожника, плита как раз прогреется. Надо только подходящую форму найти.

У нашей плиты — печки сбоку есть ниша, там лежат все сковороды, формы и чугунки. Я присела, чтобы достать нужное, да так и замерла, боясь даже дышать. В комнату вошли двое.

Впереди шел Конрад. Вид у него был странный, я его таким никогда не видела. Как будто он напал на ведьму и проглотил палку от ее метлы. А за ним вошла она. Леокадия.

* * *

Я скорчилась и сидела тихо, как мышь под веником, прикидывая, видно меня или нет. Решила, что не должно бы. Плита здоровая, а я сижу за ней на корточках. Разве что хвост от юбки торчит. Но он серый, может, сойдет за половую тряпку.

Если сейчас эта сучка меня заметит, то не поленится закончить то, что ей не удалось совершить вчера. А я пока что жить хочу. Желательно с Конрадом.

Но я не идиотка и понимаю: противопоставить гадюке мне нечего. Что из того, что я могу рассчитать защитный купол или вычислить коэффициент надежности следящей системы? Создать ни то, ни другое я не в состоянии. Значит, надо стараться, чтобы она меня не заметила, а попутно каким-то образом помочь Кону.

Я немного отползла назад и привалилась к стенке. Так сидеть было легче, к тому же, оставаясь в густой тени, я могла видеть то, что происходит в комнате.

Конрад все еще стоял недалеко от двери, вытянувшись во фронт и сверкая глазами. Судя то потому, что он молчал, не пытался позвать на помощь или применить вербальное заклинание, она не только его чем-то обездвигила, но и лишила дара речи.

Ни одно из тех заклинаний, о которых рассказала мне Нанни, для этого не годилось.

Что эта гадюка с ним сделала?

Леокадия, красуясь, обошла моего Кона по кругу, осмотрела и томно произнесла:

— Что, мой милый? Ты не рад нашей встрече? А я так скучала по тебе... Где еще найдешь такого дурака, которого так легко обвести вокруг пальца?

У Конрада гневно раздувались ноздри, но сказать он так ничего и не мог. Сучка же продолжала глумиться:

— Ты у меня такой доверчивый, просто прелесть. Хочешь сказать, был доверчивым? Не стоит льстить самому себе: ты не сильно изменился. Ни тогда, ни сейчас так и не понял, зачем ты мне. И надо быть полным дураком, чтобы предлагать мне развод.

Обошла его по периметру, пощекотала за ушком и снова завела:

— Ах, ты не можешь понять, какая мне выгода? Да самая прямая! И даже не одна. Во — первых, вспомни наш договор! Ты не можешь причинить мне зла!

Он замычал так злобно, что я даже удивилась. Леокадия же, казалось отлично понимает издаваемые им звуки.

— А, не можешь напрямую, только косвенно. Меня это устраивает. Достаточно того, что ты не способен ни убить меня, ни просто ударить, запереть в тюрьму тебе тоже не дано, даже свидетельствовать против меня в суде и то не можешь!

Ого! А вот об этом мне никто не сказал. Выходит, он был ограничен в своих действиях против гадины. Теперь понятно, почему он ее не посадил в тюрьму еще когда она была во дворце, почему ловил, но до сих пор не поймал. Это не она такая умная, а он боялся ее поймать. Добоялся.

Знала бы, действовала бы по — другому. Не с Конрадом лясы точила, а боевую ведьму наняла. Та бы была только рада. А теперь могу только смотреть и скрежетать зубами.

Блин, даже этого не могу: стерва услышит!

А она все вертелась вокруг Конрада и мурлыкала:

— Сладкий мой, что ты так хмуришь бровки? Улыбнись, ведь с тобой твоя красавица — жenuшка! Неужели же ты думал, что я тебя уступлю этой бледной поганке, этой ничтожной девице без капли магии? Не волнуйся, сейчас пойдем в спальню и пролонгируем наш договор.

В моей спальне?! Убью мерзавку!

Меня затрясло. Буквально: я с трудом сдержала дрожь, вцепившись что есть силы в то, что подвернулось под руку. К счастью это был крепкий предмет и не сломался, когда я сжала его что есть силы. Иначе треск мог бы привлечь внимание Леокадии.

— М — ммм...! — замычал злобно Конрад.

— Ты что-то хотел сказать, мой красавчик? Зря. Да, я передумала. Мы не будем пролонгировать старый договор, мы заключим новый. Не дергайся так, все равно Путы Долимы тебе, как классическому магу, не снять. Для этого нужна либо ведьма, либо артефакт. А он у меня!

Она достала из кармана какую-то штучку на цепочке и покрутила перед носом Конрада, затем сунула обратно. Предмет я не разглядела, зато карман запомнила отлично.

Леокадия сунула руку в другой карман и достала оттуда несколько листов исписанного пергамента, связанных кожаным шнурком.

— Знаешь, что я подумала? Один договор не противоречит другому. Сейчас мы пойдем пролонгируем старый, чтобы твоей мышце нечего было ловить в этой ситуации, а затем... Посмотри!

Она развязала шнурок и развернула лист прямо у Кона перед носом. Он снова замычал, на этот раз еще более гневно. Но я заметила у него в глазах ужас.

— Понял? Уяснил? Расслабься. Ты знаешь, что тут и подпись не нужна, достаточно капли крови и ты мой раб пожизненно. Как жаль, что тогда у меня не было этого пергамента.

— М — ммм....

Кажется, она неправильно истолковала мычание моего мужчины. Почему я все еще считаю его своим? Ну не ее же! Я просто так не сдамся и не предам Конрада! Голос Леокадии наполнился нотами экстаза:

— Ты хочешь знать, зачем все это? Затем что мне надоело быть на подхвате, на вторых ролях! Мне надоело, что все мной помыкают и используют! У красавчика Берти отличный план! Вот я и собираюсь претворить его в жизнь. Только он хочет дергать за веревочки, а я думаю, что отлично с этим справлюсь и без него!

В романах злодеи вечно норовят рассказать бедным жертвам о своих кованых замыслах. Мне всегда казалось, что это глупо: зачем им это? Я бы на их месте делала свое дело молча. А сейчас вижу: Леокадию просто тянет объяснить свои действия. Наверное, она пытается уговорить сама себя, что поступает хорошо и правильно.

— Ты будешь королем! Вернее, ты сядешь на Гремонский трон! А я буду королевой, незачем мне прятаться в тени, настал мой час! Я обещала Берти тебя уговорить. Но зачем уговаривать, когда можно приказать?! Ты выполнишь все, что он скажет, а когда корона будет уже у тебя на голове, думаю, тебе не составит труда отправить Берти туда, куда он заслуживает: на эшафот. Вместе с интриганом — папашей, разумеется. К этой семейке у меня свои счеты и только такой дурак, как Эберхард мог думать, что я все забыла и со всем смирилась.

Она вдруг закружилась по комнате, затем остановилась прямо перед дверью в спальню и притянула Конрада к себе поближе. Погладила по груди, заглянула в глаза:

— А потом мы будем править. Вернее, править буду я. Ты мне нужен лишь для представительской функции. В остальном занимайся своей любимой магией, слова не скажу. Я даже позволю тебе сделать эту ничтожную девчонку своей фавориткой, раз она так тебе дорога. Но никаких бастардов! А то знаю тебя — передашь деткам этой ничтожной

дряни свой родовой длинный нос и обеспечишь моих детей головной болью.

Конрад опять замычал и вдобавок затряс головой. Леокадия как-то его поняла, потому что снова разразилась речью.

— А, не бойся, я не заставлю тебя со мной спать и делать мне детей, если не захочешь. Тем более что я сама не жажду. У меня есть, от кого рожать. Кровь королей? Глупости. Есть магия: признаешь дитя, проведешь ритуал, и оно автоматически обретет нужную наследственность. А сейчас? Сейчас обоим придется потерпеть. Подтвердить брачный договор я обещала Берти, ему его и покажу. А твое вечное рабство припрячу, об этом будем знать только ты и я.

Говоря это, красotka вертелась, как наскипидаренная. Поднимала руки вверх и тут же их роняла, извивалась змеей, крутила бедрами. Это можно было назвать танцем, танцем соблазна. У бедного Конрада на лбу выступили капли пота. Какие бы чувства он не испытывал к Леокадии на самом деле, он не остался равнодушен к действиям этой стервы. Если сейчас она уронит его на постель, то легко подтвердит свой брак.

Я опустила глаза и наконец поняла, во что так яростно вцепилась. В ручку чугунной сковороды, на которой Пин обычно жарит блинчики.

Да, я простая, обычная девушка. Во мне нет и грана магии. Но ум у меня есть, есть твердость духа, хладнокровие и огромная жажда помочь моему любимому! Из всей теории магии я усвоила одно практическое правило, которое сейчас собиралась применить: если мага неожиданно стукнуть по затылку, на него это подействует точно так же, как на любого человека.

А сейчас у меня в руках классическое женское оружие.

Если бы еще она повернулась ко мне спиной...

Но эта дрянь играла в свои игры, стоя ко мне вполоборота. Если я сейчас пошевелюсь, она непременно заметит. Не зря же в моем правиле было слово "неожиданно". Если ведьма знает, что на нее хотят напасть, то этому желающему не поздоровится. А мне двух раз хватило за глаза. Действовать буду только наверняка.

Вот если бы она погнала Конрада в спальню перед собой, я бы успела прыгнуть и приложить ее сзади.

Надо занять более удобное положение. Вот сейчас, пока она встряхивает волосами...

Не знаю, что пришло в голову Леокадии, но она стала вынимать шпильки из своей высокой прически и несколько раз потрянула головой, чтобы густые темные локоны красиво рассыпались по плечам.

Я с успехом использовала эти мгновения, чтобы отлепиться от стены и принять то, положение, которое наш университетский преподаватель физкультуры называл "низкий старт". Сковородку из рук при этом не выпустила. Если что, из такого положения вскочить и броситься будет просто.

Отсиженные мышцы глухо загудели, по ним с топотом побежали мурашки, было больно, хотелось стонать и жалеть себя, но я сжала зубы и не издала ни звука. Потом будет время поныть.

Леокадия между тем закончила с волосами и перешла к следующей стадии: стала раздеваться. Не в спальне, прямо здесь, в гостиной. Эта дамочка работала как профессиональная шлюха. Все еще продолжала что-то ворковать насчет трона, власти и ликвидации всех конкурентов, причем с каждым мгновением в голосе становилось все больше мурлыкающих нот, а между тем руки тоже не дремали.

Сначала она оглаживала себя по груди и по бедрам, затем нашла завязку на верхней юбке, распустила ее и перешагнула через упавшее полотнище. Нижнюю юбку оставила в покое, переключившись на корсаж. Шнуровки у нее располагались в боковых швах, поэтому она, грациозно изогнувшись, сначала занялась правой стороной.

Конрад смотрел на нее не отрываясь, тяжело дышал и все больше покрывался испариной. Но мне было не до него. В этот момент я даже не дышала, потому что она могла заметить меня в любой момент. Только увлеченность Леокадии своим представлением и моя полная неподвижность спасли меня от разоблачения.

Наконец она распустила правую шнуровку и взялась за левую. Для этого изогнулась в другую сторону и наконец-то оказалась ко мне спиной.

Ждать я не стала. Прыгнула на нее, свалила и припечатала по голове сковородкой со всей дури.

Она дернулась и затихла. Потеряла сознание. Ну и пусть лежит, минут десять — пятнадцать у меня есть. Сейчас с Коном разберусь и надо будет связать на всякий случай.

В следующую минуту кто-то с громким визгом повис у меня на шее. Я испугалась так, что чуть не описалась. И совершенно зря. Это был чудесным образом исцелившийся от своей депрессии Пин.

Он раньше меня сообразил что надо делать. Явно наблюдал за происходящим, не решаясь вмешиваться, но теперь, когда победа была одержана, стал по — быстрому наводить порядок.

Для начала вытащил у Леокадии из карманов кучу разных амулетов, выбрал из них все, имевшие цепочку, и предложил:

— Хозяйка, попробуй их по очереди. Какой-нибудь должен расколдовать хозяина.

Эх, поторопился мой домовый. Я точно помнила, в каком кармане стерва держала амулет от связывающего заклинания, а теперь все они перемешались. Да и активировать их... Как? Как советовала Нанни, сжать в кулаке?

Попробовала все один за другим. Ничего не получалось. Бедный Конрад закатывал глаза, морщился, пытался мычать... Толку-то! Я все равно не понимаю!

Наконец мне это надоело и я скомандовала:

— Пин, зови сюда Нанни Гейл и Асти Громмеля. Можешь по — отдельности, можешь обоих вместе. Кто-нибудь должен разобраться с этими дурацкими амулетами и вернуть нам Конрада.

Он кивнул и исчез, а я подошла к своему мужчине, обняла его, погладила и стала выговаривать, пока он не может ничего возразить:

— Ну что ты вел себя как маленький? Не мог ей ничем вредить, да? А мне почему не сказал? Думал, я знаю? Откуда?! Откуда мне знать ваши магические порядки? Ох, как же с вами, магами, трудно. Молчал, как попавший в плен герой. Зачем? Боялся меня в свои дела вмешивать? Знаю я тебя. В голову не встало, что от этого будет только хуже. Добоялся, что меня чуть не прибили и сам в плен угодил. А сказал бы заранее, глядишь, я бы что-нибудь придумала. Не только света, что в окошке, не одной магией мы живы. Эта твой Леокадия, конечно, хитрая особа, но и я не дура. Как-нибудь справилась бы. Ой, что-то горелым воняет...

Действительно, внезапно из-под двери спальни до меня донесся запах гари. Так пахнет бумага, если ее поджечь.

Пришлось бросить Кона и рвануть в спальню: если начнется пожар, нам обоим

несдобровать. Языки пламени вырывались из верхнего ящика комода, где Конрад держал свои вещи. К счастью, на том же комодe сверху стоял кувшин с водой для умывания. Я схватила его, рывком открыла ящик вылила всю воду внутрь. Вонь стала совсем нестерпимой, зато огонь погас.

Я на всякий случай вытащила ящик полностью, транспортировала его в ванну и еще раз полила водой все, что там находилось. Какие-то папки, бумаги... Жалко, конечно, наверное важные. Но не гибнуть же из-за них.

На руках осталась пара ожогов. Надо будет сходить к Лауре или Эльвире, пусть полечат. Но это потом, сейчас мне важнее освободить наконец Конрада.

Я вбежала в гостиную одновременно с ворвавшейся туда Нанни Гейл. Она крутила головой, переводя взгляд с Конрада на Леокадию. Вероятно, не знала, с чего начать.

— Нанни, приведи, пожалуйста, Кона в порядок, а то он связан какими-то, если не ошибаюсь, Путами Долимы, да еще и дара речи лишен.

Ведьма понятливо закивала:

— Сейчас, сейчас. И пусть расскажет как дело было. Как он, взрослый, опытный маг дал себя так связать малоквалифицированной ведьме.

Она не стала даже трогать амулеты, а стала как будто расплетать некую невидимую сеть вокруг Кона красивыми, округлыми жестами. Сначала освободила тело и он довольно потянулся, затем дошло дело до языка и мы услышали такую тираду, что портовые грузчики умерли бы от зависти. Кажется, это было последнее, что он собирался сказать, когда Леокадия его скрутила.

Тут я о ней вспомнила. Пока что гадина еще валяется без сознания, но на всякий случай ее следовало бы связать. Особенно если мы хотим передать ее правосудию. Я метнулась в наш кухонный отсек, вытащила из ящика стола моток веревки и протянула Нанни, как наиболее дееспособной и опытной:

— Нанни, может, ты свяжешь эту гадюку?

Она посмотрела на меня с сожалением, как на ущербную:

— Зачем, Марта? Покойники не бегают.

Покойники? Покойники? До меня наконец дошло. Я прибила-таки ее своей сковородкой. Насмерть! Вот ужас-то! Она нам теперь ничего не сделает!

Вместо того, чтобы, как подобает барышне благородного воспитания, упасть в обморок, я села на пол и заревела что есть мочи.

Конрад тут же уселся рядом, обнял меня за плечи, прижал к груди и, ни слова не говоря, принялся гладить и укачивать, как малое дитя. А что он мог сказать?

Кажется, я решила выплакать все, что недоплакала за последние десять, а то и пятнадцать лет. Ревела долго и со вкусом, ни на какие утешения и попытки успокоить не поддавалась.

Прибежавшие Асти, целители, Рихард и еще несколько преподавателей кружились вокруг нас с Конрадом, совали мне то платки, то полотенца, то воду, то успокоительные эликсиры... Ничего не помогало.

Наконец пришла старая Блажена и велела всем выйти вон:

— Не мешайте. Пусть выплачется и все будет хорошо. Лучше труп заберите.

При слове "труп" я, заслушавшаяся мудрой ведьмы и почти переставшая плакать, снова залилась горячими слезами. Это послужило сигналом для остальных и они тихо покинули нашу квартиру.

Зато когда все ушли, Конрад перенес меня в спальню, уложил на постель и пристроился рядом, слезы вдруг кончились. Совсем. Меня потянуло в сон и я даже не успела задать моему любимому ни одного вопроса.

* * *

Проснулась уже под утро. Глубоко задумавшийся Конрад сидел рядом на постели, обхватив колени. Он даже не сразу отреагировал когда я зашевелилась. Судя по тому, что на нем было нижнее белье, он собирался лечь спать, возможно, даже лег. А по усталому, истомленному лицу я сразу поняла, что сон к нему так и не пришел. Бедняга всю ночь промаялся, вглядываясь в темноту.

Чтобы отвлечь Кона от тяжелых мыслей я завозилась и пару раз толкнула его.

Он тут же повернулся:

— Проснулась, маленькая?

— Да, кажется. А что ты тут сидишь? Почему не спишь?

— Не спится. Иди ко мне, счастье мое. Я так по тебе соскучился.

Я вообще-то собиралась его расспрашивать о том, что было вчера... Но так даже лучше. Близость с любимым помогла мне восстановить душевное равновесие быстрее и лучше, чем любое зелье.

После того, как мы вернулись из ванной и снова забрались под одеяло, я все же приступила к задуманному. Надо было выяснить, как гадюке удалось его опутать, почему он не боролся, а также что вдруг вспыхнуло у него в комод и чуть не спалило наше жилище.

Самым простым оказался ответ на вопрос по пожар. Оказывается, после смерти одного из заключивших магический договор, он исчезает как не имеющий больше силы. Если смерть была естественная, бумажка бы просто рассыпалась прахом. Но Леокадия умерла от моего удара, поэтому документ загорелся. Конрад понял, что ее больше нет не тогда, когда прибежала Нанни со своими разъяснениями, а когда из спальни дымком потянуло. Сказать только ничего не мог.

— Понятно. Ну что ж, ради такого дела мне не жалко даже комод подпалить. Но до сих пор не могу понять, как мне удалось прихлопнуть ведьму с одного удара? Не такая уж я сильная. К тому же череп — довольно крепкая кость.

Конрад развел руками:

— Тайна сия велика есть. Вероятно, такова была воля богов. Леокадия долго испытывала судьбу, неся людям зло, что-то или кто-то должны были ее остановить. Думаю, ты просто стала орудием судьбы.

— И ничего не судьбы, — раздался из-под кровати голосок Пина, — Просто... Просто я очень разозлился на эту вашу ведьму. Сам я не могу поднять на нее руку, но уж усилить удар хозяйки раз так в десять для нас, домовых, никакого труда не составляет.

Обалдеть! А я еще удивлялась, как от такой ничтожной причины наступили такие тяжкие последствия. Выходит, соверши я то же самое вне дома, Леокадия в лучшем случае отключилась бы на минутку. Ну, тогда она сама во всем виновата. Кто ее заставлял тащить Конрада непременно сюда?

Я поблагодарила маленького помощника. Вытащила из-под кровати и расцеловала в обе щеки. Без его поддержки я бы с ведьмой не справилась. Она бы пришла в себя и разобралась

со мной по — свойски, а потом затащила бы Конрада в постель и превратила бы в раба. Так что все вышло наилучшим для всех, кроме Леокадии образом.

Если меня станут обвинять, я не собираюсь сваливать вину на домового. Он действовал, искренне желая защитить свою хозяйку, и у него получилось, хм, то, что получилось.

Кажется, после победы над врагом депрессия у моего домового прошла. Получив мою благодарность, он вихрем унесся в соседнюю комнату и оттуда стали доноситься шорохи, постукивания, бряканье посуды и прочие хозяйственные шумы: Пин приступил к привычному делу.

Под эту марку Конрад хотел встать и улизнуть от дальнейших расспросов, но я поймала его за ногу:

— Эй, куда? Ты еще не рассказал мне, как так получилось, что Леокадия тебя поймала?

Кажется, этого обстоятельства он стыдился больше всего. Покраснел, как свекла, тяжело задышал, дернулся, но я держала крепко и отпускать не собиралась. Теперь или он сам грохнется носом в пол, или мы это сделаем вместе. Третий вариант — честная исповедь обоим устраивал больше.

Так что Конраду пришлось засунуть свое стеснение в карман и рассказать, как дело было.

— Ну, я собирался домой... Сначала выяснил в ректорате, что ты давно ушла. Порадовался, что ты так разумно действуешь. Мне почему-то казалось, что в нашем преподавательском общежитии ни тебе, ни мне ничего не грозит. Еще вчера утром все щиты, ловушки и следилки обновил, так что был уверен: ты находишься в самом безопасном месте.

Ага, нашел безопасное местечко. Чуть не попал в рабство на всю оставшуюся жизнь.

— Она пряталась под лестницей. Сидела, прикрывшись двумя пологам, чтобы никто не услышал и не обратил внимание, и ждала меня. Стоило мне войти, как в меня полетело связывающее заклинание. Судя по всему то самое, из набора Нанни. Неожиданность сыграла Леокадии на руку, я не успел его отразить. Но, как ты понимаешь, такая ерунда не могла меня удержать, просто дала ей время наложить свое, ведьминское заклинание Путы Халимы. Очень сложное и еще более неприятное: оно пьет магическую энергию и подпитывается от того, на кого наложено. Если попробовать колдовать в таком положении, враз исчерпаешь свой резерв до доньшка.

Что-то я не поняла.

— А зачем связывать тебя аж два раза? Нельзя было сразу наложить эти самые Путы?

— Ей нужно было заставить меня постоять на одном месте хоть полминуты: Путы Халимы невозможно наложить на движущийся объект.

Теперь все ясно. Что же было дальше?

— Когда я оказался основательно связан, она погнала меня в нашу квартиру. Идти быстро я не мог, ты это видела. С трудом забрался на второй этаж: не мог нормально ногу согнуть, чтобы переступить со ступеньки на ступеньку. Она шла за мной и измывалась. И тут я действительно должен перед тобой повиниться.

Я удивленно вытаращила глаза. За что?

— Я все время говорил, что ловлю Леокадию, а на самом деле делал все, чтобы ее не поймать. Может быть, не сознательно, но именно так. Я не все тебе сказал про наш договор. По нему я не мог причинять своей жене никакого зла. Вернее, не мог напрямую сделать ничего такого, что она приняла бы за попытку навредить.

Интересное дело, выходит, обязательство действовало в одну сторону?

— А она тебе вредить могла?

— С ее стороны было обязательство не пытаться меня ни убить, ни нанести увечья. То есть связать меня ей ничто не мешало. А я... Мне очень стыдно перед тобой за свою безграничную глупость. Но я вполне успел бы ей чем-нибудь ответить и не допустить, чтобы на меня надели Путы Халимы, а я... В общем, я сам во всем виноват. И если ты теперь меня прогонишь...

Разбежался! Прогоню я его... Теперь, когда Леокадии больше нет, наконец-то он может быть целиком моим. Что я, дура, чтобы от такого отказываться? Одно пугает: я убила. Совершила преступление. Не сама, но сдавать Пина и валить все на него было бы нечестно.

Чем это может для меня обернуться?

Опять я отвлеклась. Взглянула на Конрада, а он сидит весь напряженный и ждет ответа. Думает, я могу его бросить? Не дождется!

Обняла, прижалась, погладила по груди и потерлась носом. Да, совершил мужик ошибку. Что же, его теперь за нее всю жизнь казнить? Он уже свое получил с избытком. А я так рада, что он теперь свободен, никто даже представить себе не может.

Конрад на мои действия отозвался вздохом облегчения. Прижал к груди покрепче, стал целовать макушку, гладить волосы и приговаривать:

— Милая моя, родная девочка, радость моя единственная. Какое счастье, что ты мне встретила, что мы не разминулись в этой жизни. Знаешь, я долго думал, что узнал тебя слишком поздно, после того, как наделал столько ошибок... А сейчас вижу: в молодости я был не готов принять свое счастье. Еще десять лет назад я бы прошел мимо такого чуда, как ты. Горько, что я столько лет был дураком, да и сейчас не сильно поумнел. Чуть не погубил тебя, мое счастье. Золотинчик мой, одуванчик любимый...

Я чуть не разревелась. Даже если бы я готова была с ним порвать, как это сделать после таких слов? А я к тому же и не собиралась бросать моего Конрада. Наоборот, планировала как можно скорее с ним пожениться.

Нашу идиллию испортил все тот же Пин. Вылез откуда-то и сообщил:

— Там в коридоре у двери солдат стоит. Час как пришел. А в гостиной вас ждет этот, ректор. Он заявился минуты три как. Так что вставайте, умывайтесь, собирайтесь. Куда завтрак подавать?

Я решила, что, раз уж пришел Рик, завтракать будем с ним вместе. Заодно и поговорим. Пусть объяснит, что значит этот солдат у двери. Меня посадили под домашний арест?

Конрад, услышав про солдата и ректора, нахмурился и сурово сжал губы. Кажется, он тоже готов задать своему другу пару неприятных вопросов.

Бедолага Рихард ждал нас в гостиной, наматывая круги от нервного возбуждения. Знаю я его: до конца надеялся, что удастся все сгладить и всех помирить, даже судьба Гесперия не лишила его оптимизма. А вот теперь он не знает, какую позицию занять. Конрад ему друг, Горан тоже, а Эберхард — брат. Мало того, что он не знает, чью сторону принять, он еще и не ведает, в чем состоит позиция каждого. Как прикажете действовать в такой ситуации? Только нервничать, ждать, когда все прояснится и стараться страсти с каждого доступную информацию. Авось повезет и он догадается, какой линии придерживаться.

Увидев меня, Рик бросил мотаться без толку, вытапывая ковер, остановился и спросил:

— Марта, ты как?

— Я в порядке, Рик. Жива, здорова, в своем уме.

— Ну и хорошо, ну и замечательно, — отозвался он, сопроводив свои слова таким

облегченным вздохом, что сразу стало ясно: он боялся за мой разум.

Конрад не дал ему развить тему. Указал на уже накрытый Пином стол и предложил позавтракать вместе с нами. Рихард немного помялся, но отказываться не стал, из чего я заключила, что мое положение не так уж плохо.

Поначалу все молча жевали омлет, не решаясь начать разговор по существу. Когда очередь дошла до чая с пирогом, Конрад не выдержал и спросил:

— Что сейчас будет с Мартой?

— А? — Рихард реагировал так, как будто не знал, о чем идет речь, а сам он только что вошел, — С Мартой? О чем ты?

— За дверью стоит солдат, — голосом строгого, но справедливого учителя пояснил Конрад.

Ректор вскинулся:

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, поверь. Так вот, что он там делает?

Конрад говорил спокойно и мягко, но его слова оказывали на Рика такое давление, как будто были огромной каменной плитой. Он робко произнес:

— Ты хочешь спросить...

— Именно. Я хочу спросить, охраняет ли солдат Марту от возможного нападения, или ее поместили под арест, только пока не объявили.

— И то, и другое, — сознался Рихард.

Странная постановка вопроса. По — моему, так быть не может: или одно, или другое. Конрад потребовал пояснений и Рихард изложил ситуацию так, как он ее понимает.

— Я вчера после всего был у короля. Кто-то должен был ему сообщить, чем закончился кризис в школе. Все были заняты, пришлось мне... А во дворце из-за Живко уже такой дурдом начался... Все бегают, орут, требуют неизвестно что... Я их успокоил: мол, та, что была причиной ужасных событий, уже никому не причинит зла. Госпожа Марта Аспен ее случайно убила, обороняясь. Думал, все обрадуются, а они по — новой орать начали. Эта дура Живкович громе всех: "Ах, убийца будет учить наших детей!" За ней и другие дамы пошли причитать.

Курицы! Проклятые курицы! Всегда их терпеть не могла, а сейчас вижу: не даром!

Рик продолжил свой рассказ:

— Горан, когда услышал о том, что Леокадии больше нет, обрадовался, а затем от криков придворных дам потерял самообладание и поддался на их вопли. Сказал, что будет лично разбирать это дело и судить тебя, Марта. Позвал Грегорича и велел ему обеспечить стражника у дверей твоей квартиры. Ты уж извини, но это домашний арест. Дамы требовали поместить тебя в тюрьму, но тут мы с королем отбились.

У меня еще оставался вопрос:

— А Эберхард? Он как реагировал? Или его там не было?

Рихард задумался:

— Братец? Он там был... поначалу. Не знаю, как реагировал, не обратил внимание. Одно скажу: вел себя тихо, никаких выкриков, никаких демаршей. А потом... Он ушел до того, как все закончилось. Не стал дожидаться решения короля.

Ой, неспроста это! Если Эберхард промолчал, значит, у него родился очередной коварный план, в который крик попросту не вписывался. Если бы он работал на кого-то, то я бы могла делать ставки: он побежал запрашивать новые инструкции. Но этот гад работал

явно на себя. В лучшем случае на папочку. Это самодеятельность семейки фар Арвиль, носом чую. Не мог же красавчик Берти вести переговоры против интересов Кортала, а действовать в диаметрально противоположном смысле.

А если он убежал, не дождавшись, чем дело кончится, значит, или понесся сообщать папочке последние новости, либо придумал какую-то гадость и торопился ее осуществить.

Пока я раздумывала над сказанным, Конрад был обеспокоен другими вопросами.

— Рик, а я тоже попал под арест?

— Ты? С какой радости? Ты волен идти куда тебе хочется. Только... Горан сказал, что ты проشياпил кризис в школе и он готов отказаться от твоих услуг. Берти это, кажется, понравилось. Но что бы ни случилось, я на твоей стороне, дружище, так что только скажи, что надо делать...

Конрад отодвинул чашку и встал:

— Рик, ты можешь оказать мне огромную услугу? Как маг магу?

Ректор, не понимая в чем дело, тоже вскочил и ответил испуганно:

— Все, что в моих силах, Кон, все, что в моих силах!

Как будто не знает: Конрад никогда не попросит ничего, что друг не смог бы сделать, или что было бы для него опасно. Интересно, что пришло в голову моему мужчине?

Конрад на мгновение замялся, а затем сказал то, от чего я чуть со стула не упала:

— Рик, ты сейчас, не выходя и ни с кем не советуясь, проведешь для нас с Мартой обряд "Разделения жизни"!

Ой! Выходит, я срочно выхожу замуж. Потом. Для родных мы ходим в храм доброй Матери и устроим застолье, но по — настоящему мой брак будет заключен здесь и сейчас. Не знаю, зачем такая спешка, но по виду Конрада ясно: это не прихоть, а необходимость.

Конечно, я хотела, чтобы все было иначе, но раз уж так вышло... Упирается глупо. Так что когда Рик спросил меня, согласна ли я и готова ли, я отбросила все сомнения и страхи и произнесла "Да" уверенным и спокойным голосом.

Рихард пожал плечами, и согласился выполнить просьбу друга, добавив на всякий случай:

— Под твою ответственность.

Конрад обнял меня за плечи, чмокнул в лоб и подтолкнул к двери в спальню:

— Иди надень свое самое нарядное платье и выходи. А мы сейчас все подготовим.

Самым нарядным до сих пор оставалось то сиреневое платье с юбкой, похожей на кисти глицинии. Я его надела, кое-как зашнуровалась и посмотрела в зеркало. С моей новой прической это выглядело не роскошно, но мило и забавно. Конечно, Леокадия была в сто раз красивее и элегантнее меня, но она мертвая, а я живая. Пусть не роскошная красавица, а занудная училка математики. Если Конрада устраивает такая жена, это его дело. Я просто собираюсь быть счастливой, вот и все.

Расправив по возможности пальцами собственные кудри, я вышла обратно в гостиную, где мужчины заканчивали свои приготовления.

На столе лежали серебряные кубок и блюдо, маленький изящный фиал из цельного куска горного хрусталя, наполненный чем-то синим, каменный нож, крошечная жаровня и еще какая-то незнакомая мне ерунда из арсенала магии.

Рихард постелил на пол мою скатерть и велел нам встать на колени. Затем непривычным голосом спросил, добровольно или нет мы сюда пришли. Получив

подтверждение, он положил на жаровню какую-то гадость, которая тут же вспыхнула и погасла, а по комнате стал расплываться сладковатый, дурманящий дым.

Следующим номером он с большим трудом связал пряди наших волос прямо на головах. Для этого нам с Коном пришлось уткнуться друг другу в макушку. Затем Рик одним движением ножа срезал связанные пряди и спалил их на жаровне. Завоняло еще паленым волосом.

В кубок он налил красного вина, добавил синей жижи из фиала и велел каждому протянуть левую руку: от сердца. Надрезал запястья и нацедил по наперстку кровушки прямо в вино, размешал и велел выпить, после чего завел длинную, нудную песню на непонятном языке.

Кон нашел в себе силы пояснить: это заклинание, которое нас соединяет. Осталось совсем немного и нас будет не разлучить.

Он оказался прав. Вскоре Рихард закончил свое пение, расстегнул на Конраде рубашку и со всей дури полоснул его ножом по груди. Я чуть не завопила от ужаса, но, оказывается, он рассек только кожу, да и то поверхностно. Я уже обрадовалась, что самое жуткое произошло, больше ничего плохого не будет, и зря. Рик велел мне языком зализать рану, и при этом непременно проглотить всю кровь, которая попадет на язык! Сказки про вампиров какие-то.

Но спорить было уже поздно, пришлось повиноваться, тем более что на лице у Конрада вместо гримасы боли было написано блаженство. Ну, если ему любо, то и мне должно быть мило. Я снitsu вверх стала аккуратнейшим образом зализывать рану и о чудо! она прямо под языком исчезала, оставляя здоровую кожу.

В тот момент когда я готовилась покончить с Конрадовы ранением, в коридоре вдруг закричали:

— Остановите их! Остановите!

Кого остановить? Нас? Глупости какие! Я лизнула рану в последний раз и тут меня пронзила такая боль, что ни охнуть, ни вздохнуть. Казалось, сердце в груди останавливается, не выдержав пытки. Я глухо застонала и бессмысленным кулем сползла на пол прямо перед моим новоявленным мужем.

* * *

Что там было дальше, помню плохо. Это был не полноценный обморок, какие-то звуки до меня долетали и я соображала, где нахожусь, но перед глазами стояла пелена, как будто их занавесили рогожей. Было трудно дышать, и все силы я полагала на то, чтобы проталкивать воздух из легких наружу, а затем втягивать новую порцию. От этого в ушах шумело и все, что я слышала, казалось, доносится сквозь толстую подушку. Одни невнятные вопли.

Наконец дыхание восстановилось, пелена перед глазами стала редеть, слух вернулся и я услышала:

— Что ты наделал? Она могла умереть!

Я не поняла, чей это голос, но кого-то знакомого. Ответил ему Рик, причем на редкость бесшабашным тоном:

— Ну, не умерла же. Посмотри, она приходит в себя. Все будет нормально.

Я на всякий случай закрыла, а затем открыла глаза. Теперь все было нормально видно и

можно сориентироваться. Я лежала на родном диванчике, рядом на коленях стоял Конрад и глядел на меня с болью и тоской, а у стола столпилась куча народа. Все они смотрели не на меня, а на Рихарда, который стоял посередине гостиной с видом незаслуженно оскорбленного в лучших чувствах.

Среди тех, кого не было в комнате до начала обряда, я увидела Асти, Вольфи, пятерых преподавателей — мужчин, Славена, Зорко, Васи́ла с женой, четырех солдат и господина Грегори́ча.

Кажется, я все поняла. Насчет умереть кричал Громмель и он же требовал остановиться перед тем, как мне стало плохо. Или не он? Тогда кто? Грегори́ч?

Ой, не о том я думаю. Пусть скажут: обряд завершен или нет?

Я пару раз хлопнула глазками, чем привлекла всеобщее внимание. Первым отреагировал Конрад:

— Марта, ты как? Ты жива?

— Как видишь, — пролепетала я чуть слышно.

Блин, губы пересохли, во рту тоже великая сушь, язык как бревно, говорить трудно и неприятно. Но надо.

— Кон, а обряд... он завершен?

— Да, родная моя, нас теперь не разлучить. Прости.

Это он за что прощения просит? За то, что мне было так плохо? Я бросила взгляд на собравшихся и решила, что выяснять отношения при них — себя не уважать. Говорить громко не могла, поэтому попросила Кона:

— Пожалуйста, скажи всем, чтобы ушли. Со мной все в порядке.

Только я это сказала, сквозь толпу протолкалась Лаура, на хвосте у которой болталась Нанни. Видимо, боевая ведьма увидела, что мне нехорошо, и сбегала за целительницей.

Лаура поначалу не обратила на Конрада никакого внимания, а занялась мной, как обычной пациенткой с простудой. Пощупала пульс, заглянула в глаза, велела открыть рот и сказать "А". Потом повернулась в моему мужу и уперла руки в боки.

— Как тебе такое в голову твою дурацкую пришло? Проводить такой серьезный обряд без подготовки, да еще и с нездоровой женщиной? На тот свет хотел ее проводить? Совсем сдурел?

— А ты, — повернулась она к Рихарду, — Ты что, не знал, какие могут быть последствия? Раздолбай! Кроме своих порталов не видишь ничего! Хоть бы книжку почитал, прежде чем кровь смешивать! Там ясно сказано: женщина на момент обряда должна быть **ЗДОРОВА!!!**

Она махнула на мужчин рукой, как бы говоря: "А, да что с них взять, с бестолочи", и сказала уже мне:

— Ну, ты-то просто ничего не знала. Вслепую на это пошла. Теперь сутки, если не меньше, твой организм будет подстраиваться, так что лежи. Побольше пей воды, пусть тебе на обед мяса зажарят, на ужин яичницу... Молоко тоже тебе полезно... В сущности, раз не померла сразу, то теперь долго жить будешь. Пока вот он, — она ткнула пальцем в Конрада, — не помрет.

Затем обернулась к набравшим зрителям и гаркнула:

— Что уставились? А ну вон отсюда!

Как ни странно, все дружно и тихо вышли, даже Грегори́ч не стал настаивать на своих особых правах, даже Нанни ничего не сказала. Рихард, смущенный донельзя, вышел

последним. Вернее, предпоследним. За ним ушла Лаура. На прощание похлопала Кона по плечу и сказала:

— Ну, ты на меня не обижайся. Вообще-то ты молодец. Береги жену, тебе с ней очень повезло. Вряд ли со своим характером ты мог бы найти лучший вариант.

Одновременно она налила в стакан воды, добавила туда какой-то пахнущей мятой жидкости из зеленого флакона и заставила меня выпить. Затем взъерошила мне волосы и шепнула на ухо:

— Это не самый плохой вариант, девочка.

А то я сама не знала.

Лекарство оказалось не только приятным на вкус, но еще и эффективным. Сильно лучше мне не стало, но сушняк уже не мучил и я могла свободно говорить.

В комнате остались только мы с Конрадом. Некоторое время за дверью было слышно, как Грегориш кричит на Рихарда:

— Вы понимаете, чем рисковали? А если бы она померла от ваших упражнений? Что я стал бы королю докладывать? И как бы вы выглядели в его глазах?!

Все верно, этих служаек волнует только реакция начальства. На меня ему по большому счету плевать, а вот то, что ему за это могут холку намылить... Но я не понимаю, откуда он тут взялся. Как вообще кто-то догадался, что Конрад решит срочно связать нас узами магического брака?

Ответов Рика мы не услышали. Но вот и эти двое удалились, можно было спокойно поговорить. Конрад снова завел:

— Прости...

Я жестом его остановила:

— Скажи, ты знал, что так будет?

Он замялся, подбирая слова.

— Скорее подозревал, что тебе будет очень плохо. Но был уверен, что мы с Риком в любом случае тебя вытянем. Просто... Надо было действовать очень быстро, иначе бы мы не успели...

— Не успели что?

— Эберхард что-нибудь придумал бы и не дал нам пожениться. Я ему нужен свободным.

Примерно так я и предполагала. Ну так за что он прощения просит? Ведь все сделал правильно. А для меня обряд был бы болезненным в любом случае.

— Кон, мне нечего тебе прощать. Ты нас обоих подстраховал, только и всего. Кто же знал, что мне так сильно поплохеет. Так ты говоришь, обряд завершен?

Он облегченно вздохнул.

— Да, пока ты тут помирала, мы с Риком быстренько все провернули. Посмотри.

Он взял меня за руку и показал мне мое собственное запястье. Под его пальцами на нем проступил тонкий ободок древних драконьих рун, переплетенных цветами. Похоже на браслет, только вытатуированный. Однако, когда Конрад отпустил мою руку, кожа оказалась гладкой и чистой.

— Этот знак виден только если кто-то из нас этого хочет. Попробуй сама.

Я схватила себя за запястье и пожелала увидеть свидетельство нашего брака. Ободок вернулся, как тут и был. Тогда я перехватила руку Конрада и пожелала того же. Ого! Его "браслет" оказался вдвое шире моего, хотя рисунок был одинаковым.

Он обнял меня, поцеловал и сказал:

— Если для тебя или твоих родных важен обряд в храме Доброй Матери, можем его провести и носить еще и кольца. Теперь нет необходимости откладывать. Поедем в отпуск в Лиатин и сделаем приятное твоей маме.

Лучше бы он промолчал! Я вспомнила свою маменьку и у меня тут же испортилось настроение. Знаю я, как представляет моя мама идеальную свадьбу. Главный столичный храм, самые именитые гости, платье, застолье... Она же разведет бодягу на все королевство! Ей удовольствие, а мне мучиться и терпеть. Но говорить сразу "нет" я не стала.

— Давай подумаем, как будет лучше. Для родителей важно, чтобы мы поженились по традиционному обряду, но, может быть, не стоит устраивать из этого сумасшедший дом?

Он посмотрел на меня с удивлением и рассмеялся. Понял, кажется, что я имею в виду. Меня между тем интересовало другое:

— Кон, как ты думаешь, как тебя собирался использовать Эберхард? Да и вообще, зачем ему смещать короля? Этот ваш Губерт Пятнадцатый вроде неплохой монарх, я не слышала, чтобы он был тираном, деспотом или самодуром.

— Об этом спроси Рика, он должен лучше знать, что на уме у его братца.

И спрошу, но позже. Есть у меня одна идея... А пока... Кажется, мне ненадолго нужно остаться одной. О том, что я собираюсь сделать, Конраду лучше не знать.

— Кон, а который час? У тебя сегодня вторая пара у третьекурсников. Общая теория защиты, кажется?

Удивленное выражение лица моего мужа надо было видеть.

— Ты что, все расписание знаешь наизусть?

— Ну, не все, но твое знаю, не сомневайся.

— Да пусть гуляют дети, все-таки у их наставника свадьба, не собачий хвост.

Ага, а учебный план кто выполнять будет? Мы пока что не только новобрачные, а еще декан и проректор, не стоит об этом забывать. Есть и другие соображения. Мне пока не очень хорошо и присутствие Конрада мое самочувствие не улучшает, а кроме того, мне надо побыть одной. Есть одна идея... Поэтому я сказала:

— Зачем? Пусть учатся. Если ты хочешь непременно сидеть весь день со мной, то хочу тебе напомнить: мне пока что не очень хорошо. Ты сейчас перенесешь меня в спальню и я сосну часок — другой. Ты как раз проведешь занятие. А к обеду вернешься и мы поедем. Мясо, сыр, красное вино. Все как велела Лаура.

— А праздновать?

Что-то настроение не праздничное. Разве что посидеть в тесном кругу своих.

— Пока я под домашним арестом праздновать как-то глупо. Вот все закончится...

— Я тебя понял. Но если вечером мы с Риком, Асти, Гаспаром и твоей Веркой устроим посиделки...

Как у нас мысли в одну сторону крутятся, это просто чудо какое-то!

— Это будет не просто хорошо, а отлично!

— Он перенес меня в спальню, укрыл потеплее, поставил у изголовья кувшин с молоком, чтобы я могла подкрепляться, и ушел наконец.

Я тут же вскочила, перебралась за письменный стол, достала бумагу и стала на ней излагать все, что произошло здесь и во дворце, прибавляя к этому свои соображения. Адресат моего письма был совершенно ясен: Его Величество король Гремона Губерт XV. Как сделать так, чтобы он его прочел? Ведь от того, как скоро он сумеет отреагировать,

зависит наша с Конрадом жизнь. Такие как Эберхард в случае неудачи свидетелей оставлять не любят. В случае удачи, впрочем, тоже.

Сначала я не могла сообразить, зато потом придумала. Письмо королю положила в конверт, надписав его как полагается, затем написала записку, адресованную начальнику Тайной стражи королевства Гремон и вложила ее в другой конверт вместе с тем, что предназначался королю. Осталось сделать так, чтобы эти письма не попались тому, кому они не предназначены.

Способ для этого один: срочная магическая почта. Если ею воспользоваться, уже через минуту мое письмо окажется прямо на столе у адресата. Минус тут один, если не считать цену: такие послания принимают всего в одном месте в столице и туда надо явиться лично.

Но это если не знать одной тонкости: для отправки подобных посланий используется магия домовых. Если попросить Пина, можно даже с кровати не вставать. Правда, придется приплатить, но спасение жизни стоил любых денег.

Я дописывала послания, лихорадочно подсчитывая, сколько с меня за эту услугу возьмет домовая. Послать простое письмо по городу стоит десять гастов, по стране — пятьдесят, обычная магическая почта обходится в два серебряных горта, а срочная — в два золотых гита. Сколько дать Пину? Пяти золотых хватит? Мне нужно срочно и тайно!

Оказалось, он готов был работать и за меньшую сумму, но когда я предложила, не стал отказываться. Пообещал мигом обернуться, схватил письмо и был таков.

Только он ускакал, как вернулся Конрад. Пришел злой, сердитый, недовольный, но стоило посмотреть на него ласково, обнять, потереться щекой, как он растаял, как мороженое в жаркий день. Поцеловал и объяснил, кто его успел разозлить. К счастью, это были не Рик, не король и даже не Эберхард.

— Эти раздолбаи решили, что, раз я женился, они могут сачковать. Пришлось призвать их к порядку и напомнить: женился я, их это никаким боком не касается. Их дело — учиться.

От души его похвалила, как и положено проректору:

— Молодец! Так и надо! Эти красавцы и так гуляют больше, чем им положено.

И похвасталась:

— А мне уже гораздо лучше. Только есть очень хочется, а Пин куда-то подевался. Может, побежал перед другими домовыми хвастаться?

— Это ты к тому, что у нас нет обеда? — догадался мой муж, — Ничего, сейчас схожу за ним в столовую. Только намекни Пину, что уж вечером мы ждем от него шедевров.

Пока он ходил в столовую, я размышляла над тем, что сделала. Обычно думать надо вначале, а делать потом, но тут надо было торопиться. А я давно прикидывала, кто мог бы помочь в этой ситуации. Конечно, здорово было бы самой со всем разобраться, но не в моих это силах. Тут маги вокруг, да еще богатые и именитые, схарчат и не заметят. А у меня кроме моих мозгов ничего нет. Приходится ими шевелить.

Если заговор у Леокадии с Эберхардом был против Губерта, значит Губерту и надо о нем сообщить. Пусть разбирается, это теперь его забота. Конечно, лучше всего было бы ему срочно сюда с визитом приехать, тем более он дочку за Горана решил выдать. Ничего никому не говорить, нагрянуть как снег на голову... Иначе я за нашу с Конрадом жизнь не дам и ломаного гаста.

Раз уж мой муж подсуетился и сломал Берти его интригу, тому просто делать ничего не остается, как зачистить поле. Мы с Коном из орудия и помехи превратились в опасных

свидетелей, а значит, нас попытаются убрать.

Если бы я оставалась той наивной девочкой, была еще три года назад, когда впервые напрямую столкнулась с миром магов, то не волновалась бы. Положилась бы на мужа: он все-таки гений защитной магии. Но теперь у меня есть опыт и твердое знание: даже каменную стену можно если не расковырять, то взорвать, или подкоп устроить, или сверху на нее забраться. Стопроцентной гарантии ни одно заклинание не дает.

Поэтому бессмысленно окружить себя стеной защитной магии и сидеть ждать, когда убивать придут. Надо сделать так, чтобы некому стало покушаться. Ни я, ни Конрад с послем биться не можем. Я по физическим причинам, а Кон по дипломатическим. Горану все рассказывать тоже бесполезно. Даже если он меня выслушает и поверит каждому слову, все равно толку не будет. Эберхард не его подданный, он посол и пользуется дипломатической неприкосновенностью. Любой демарш против него обернется конфликтом с его сюзереном. Зачем Горану ссориться с Губертом, когда он собирается жениться на его дочери? Мы с Коном не так уж для него важны, чтобы из-за нас портить отношение с королем другой страны.

Так что я правильно сделала, что поставила в известность самое заинтересованное лицо. Зачем делать что-то своими руками, если можно найти квалифицированного и заинтересованного в результате исполнителя? И неважно, что он король.

Конрад вернулся с жареным мясом, пирогами, салатом и сырным суфле. Заодно притащил интересные новости. Во дворце тарарам: из Кортала внезапно прибыли с визитом принцы Виталин и Филодор, отставной женишок Лилианы. Виталин, кстати, его папаша.

Младшенький жаждет видеть невесту, Лили отказывается к нему выходить, Горан пытается внушить Виталину, что согласие им было дано предварительное, а вовсе не окончательное, и он теперь передумал, а Эберхард рыщет вокруг и разжигает страсти.

Похоже, мне повезло, что я под домашним арестом. Некоторых хлебом не корми — дай в скандале поучаствовать, но это не про меня. По мне чем все эти безобразия дальше, тем лучше.

Высказалась Конраду в этом смысле, а он расхохотался.

Да, ты скандалов не любишь, ты их ловко вызываешь, а потом оказываешься как можно дальше от места действия.

Ну вот! О чем это он? Может, мне обидеться? Я действительно терпеть не могу всякие выяснения отношений, крики и ссоры. Хотя... Если туда еще и Губерт подвалит... Хотела бы я на это посмотреть!

* * *

Вечером в наше жилище подтянулись друзья: Рихард, Асти, Гаспар с Веркой, Вольфи со своей Нанни. К этому времени с той стороны у двери стояло два стражника вместо одного. Не получив точных инструкций от начальства, они попытались не впускать ко мне сначала Конрада, а потом и гостей.

Мужчины вели себя при этом так, как будто поменялись ролями. Кон спокойно и вежливо уговаривал их, что он тут живет и никто не может ему запретить приходить к себе домой. Пришедший с остальными Рик наорал на парней, гордо заявил, что это он тут главный, и напомнил, что домашний арест — это я не могу никуда выйти, а вот мой

начальник имеет право меня навестить. А уж кого он с собой приведет — это его дело.

Он так орал, что я не выдержала, открыла дверь и быстренько всех впустила, стражники глазом не успели моргнуть. Они так растерялись, что ни слова мне не сказали.

Гости явились не с пустыми руками. Притащили и закуску, и вино. Пин тоже расстарался ради любимой хозяйки: напек пирогов всех сортов, поджарил колбаски, добыл откуда-то солений и маринадов. Рик, увидев мой стол, всплеснул руками: как дома в детстве.

Что-то я сомневаюсь, что дома в детстве его потчевали вином и крепкими настойками, но в целом он прав. У нас в Лиатине и у них в Гремоне жареные колбаски с соленьями — традиционная праздничная еда, а для Шимассы это, скорее, экзотика.

Для начала все поздравили нас с Коном, выпили, как положено, за здоровьем молодых, а затем потекла застольная беседа. Весьма интересная, между прочим. У каждого был свой кусочек информации и всем хотелось с одной стороны, им поделиться, а с другой — узнать все подробности.

Для начала все пристали ко мне с Конрадом, чтобы мы живописали, что произошло, как удалось прихлопнуть Леокадию.

Мы стали рассказывать, попутно задавая вопросы присутствующим, и потихоньку вся история стала вырисовываться, будто понемногу выступая из тумана.

Больше всего знал Рик, потому что сегодня весь день провел со следствием. Грегорию его ни в чем не подозревал, поэтому прикрепил к группе дознавателей в качестве мага — консультанта. В результате удалось установить много неожиданного.

Оказалось, в нашей школе гнездились аж два кортальских агента: Гесперий, пошедший на это ради карьеры и денег, и Сильвия. Ее завербовали почти так же, как в свое время Леокадию, когда она пыталась устроить свою жизнь и применила обольщение к очень знатному лицу. За это в Кортале полагалась виселица. Чтобы спасти свою шкуру ведьма была на все готова. Каким-то образом кортальской тайной службе удалось пропихнуть Сильвию в команду, которую набирал Рихард, и дали задание втереться в доверие к королю. Его она благополучно провалила: несмотря на то, что Сильвии довольно быстро удалось попасть в постель к королю, Горан спал с ней недолго и доверием не проникся.

Узнали об этом в процессе выяснения, где скрывалась Леокадия с тех пор, как ее изгнали из дворца. Первым адресом оказалась как раз Сильвия.

А меня убеждала, что эту гадюку терпеть не может и помогать ей не собирается.

Это Сильвия познакомила Леокадию с Живко. Она привечала мальчика с тех пор, как узнала, чей он сын. Надеялась, что пригодится. А он все норовил завести роман со взрослой ведьмой, справедливо полагая, что о физической любви они знают побольше, чем трактирные служанки и глупые придворные девицы. Конечно, Живко понимал, что после короля ему у Сильвии ничего не светит. Она этого и не скрывала, но парня от себя не гнала и он пробавлялся сорванными поцелуями.

Леокадия же знала о нем с самого начала и планировала использовать мальчишку. Заставила Сильвию их познакомить, приласкала, поманила, отчего у паренька сорвало крышу. Так что когда Леокадии пришлось скрываться, она, поломавшись для вида, приняла предложение Живко воспользоваться его комнатой в общежитии. Он был уверен, что ее там искать не станут.

Действительно, тогда это никому в голову не пришло.

Пройти на территорию им помог Гесперий. Отвлек сторожа на воротах, чтобы тот не увидел, кто войдет по пропуску Живко. Заодно и свой образ убрал из памяти мужика, чем

как раз навлек на себя подозрения.

И почему маги так уверены, что простое рассуждение может дать больше, чем вся их магия? Почему их не приучают сначала думать, а потом действовать? Все на свои магические приемчики надеются. А потом удивляются, как это простые люди раскусили их хитрости.

Убила его Леокадия, как мы и предполагали. Гесперий понял, что прокололся и решил с ней встретиться, чтобы потребовать переправить его за границу. Он еще питал иллюзии, что, раз они работают на одну разведку, то должны помогать друг другу. Послал записку через Сильвию, назначил встречу в тихом месте, она подъехала в карете, он в карету сел, попробовал предъявить пертензии... дальше все известно. Леокадия поняла, что из помощника менталист превратился в обузу и разобралась с ним по — свойски. У Гесперия змеюка забрала школьный жетон — пропуск.

Леокадия пряталась в школе почти все время, покидая ее ненадолго с помощью жетона Гесперия. Где-то что-то сопрет, где-то подслушает... Впускал и выпускал ее Живко. Он больше не пользовался для этого помощью менталиста, отвлекал сторожа своими методами, а наш охранник представить себе не мог, что сын заслуженного генерала будет прятать у себя ведьму — преступницу.

Судя по всему, парень был так увлечен прекрасной ведьмой, что не видел и не слышал ничего вокруг себя. Только когда узнал, что Гесперий мертв, а на меня было совершено покушение, у него глаза открылись. Как любой юный дурачок на его месте он явился к Леокадии с обвинениями: я к тебе всей душой, а ты, коварная... Она не стала дожидаться, когда он побежит к властям, а обработала парня своими методами. Сначала покаялась, стала просить прощения, обнимать, целовать, распалила хорошенько, легла с ним в постель, а затем изобразила, что хочет чаю. Живко, который уже не знал, куда ему метнуться, был рад передышке и с удовольствием выпил целую кружку, в которую ловкая Леа от души сыпанула ядовитый порошок. Он почти безвкусный, чуть остренький, и все. Чай должен был быть вкусным. Зато допив его, парень почти сразу впал в кому. Красотка же воспользовалась моментом, чтобы смыться, прихватив деньги и амулеты своего горе — любовничка.

Затем она пробралась в наш корпус и затаилась там. По ее мнению, тянуть дальше было нельзя. Она собиралась обработать Конрада и заставить его вывезти ее из страны в нужное место.

Где она взяла зачарованный пергамент, чтобы сделать из Кона раба?

Его Леокадия получила от здешнего кортальского резидента. Кто он — пока неизвестно. Все остальное она украла в школе или стрясла с Эберхарда.

При упоминании собственного брата Рик потупился. Ему было стыдно за родню.

Конечно, жестоко было расспрашивать Рихарда про проделки братца, но сейчас эта тема волновала меня больше всего. От Леокадии нам, хвала богам и Пину, больше ничего не грозит. А вот задумки коварного посла могут нам так аукнуться, что костей не соберешь.

Оказалось, Рику было так стыдно еще и потому, что он ничего не знал. Эберхард отказался давать показания следствию, воспользовавшись для этого своей дипломатической неприкосновенностью. Он просто не впустил дознавателей в посольство и сам к ним не вышел. С Риком тоже разговаривать отказался. Зато прислал королю письмо, в котором жаловался. Мол, он в лепешку расшибается, чтобы учесть интересы Шимассы и спасти Горана от его кортальской родни, а к нему тут с претензиями насчет какой-то знакомой ведьмы. Нехорошо.

Вдобавок визит Виталина с Филодором... Горану, чтобы отбиться, нужна поддержка. Сильные аргументы в споре, которые Эберхард обещал ему предоставить. Ради этого он готов закрыть глаза на все.

Хотя... Некоторые требования Эберхарда король выполнить отказался. Тот желал, чтобы меня бедную взяли под стражу и судили за убийство. В том, что это я проломила голову Леокадии, нет никаких сомнений. А цена этому в Шимассе — смертная казнь.

Ого! Он хоть мытьем, хоть катанием хочет своего добиться. Известить меня и получить в своей распоряжение свободного от обязательств Конрада.

Но, к счастью, Горан решил, что убийство убийцы — это не преступление, тем более что действовала я в порядке самозащиты. Правильная позиция, защищать своего будущего мужа — это защищать себя. Король взял меня под домашний арест до выяснения всех обстоятельств дела. Так что стражников у входа в квартиру следует рассматривать не как тюремщиков, а как охранников. Мало ли что захочет свести со мной счеты.

Выходит, я тут буду до последнего сидеть и все пройдет без меня? Грустно.

Конечно, это в целях моей безопасности, но как это так: заварить кашу, а потом даже ни разу ложкой не помешать?

Я же тут со скуки загнусь.

Тут все наперебой начали предлагать мне занятия на время сидения взаперти. Во — первых, Верка будет носить мне мои проректорские бумажки и я смогу выполнять свои функции на дому. На этом очень настаивал Рик: для него мои учебные планы, ведомости и бухгалтерские отчеты — темный лес.

Во — вторых, Вольфи возьмет на себя мои уроки, а мне передаст все материалы по составлению нового учебника "Теоретическая магия: математика для магов". Он уже по всем разделам пробежался, сделал заметки и собрал все нужное, но довести до ума времени нет. А для того, чтобы преподавать, нужен стабильный учебник и задачки. Вот он и предлагает заняться.

Это Вольфи хорошо придумал. Родная наука мне всегда помогала отвлечься от ненужных переживаний, поможет и в этот раз. А у Вольфи сейчас голова не тем занята: все же в его возрасте первая любовь, да еще к ведьме — это серьезно. Требуется сил и времени, заодно выключает мозги. Ему бы с занятиями справиться, куда еще учебники писать! Вот попривыкнет, тогда с ним снова можно будет обсуждать научные вопросы.

А я сама? Столько всего, включая и мой брак... Как еще голова не лопнула. Все думаю, думаю, никак ничего толкового придумать не могу.

Хотя... Кое-что я придумала и уже сделала: написала королю Губерту. Только сработает ли? А если сработает, то когда? Не было бы поздно. Еще женишок Лилианин притащился с папашей...

Когда в уравнении столько неизвестных, обычно оно решения не имеет. Если только все эти неизвестные не удастся сократить, чтобы в результате осталось одно. А как сократить королей, послов и шпионов? Леокадию мы к нулю приравняли, и что это дало? Новые неприятности.

* * *

Разошлись мы ближе к полуночи. Под конец все мужчины кроме Конрада планомерно

надрались. Хорошо, что идти им было недалеко, у всех квартирки в этом же коридоре, одному Вольфи пришлось спуститься на этаж. Все нас обнимали, клялись в вечной дружбе и обещали, что не допустят, чтобы кто-то нас обижал. Сразу в морду. Если король? Королю тем более в морду. Королевскую, дери его демоны.

Конрад выпил меньше всех, даже меньше меня, а я вообще за весь вечер обошлась всего двумя бокалами легкого вина. На вопрос, почему так, мой муж ответил:

— Марта, у нас с тобой все-таки свадьба. Я не хочу, чтобы ты в первую брачную ночь грузила меня на кровать как дрова.

Я захихикала.

— А протрезвляющее заклинание?

Он поморщился, как будто я ему лимон без сахара подсунула:

— С этой гадостью еще хуже. От него так голова раскалывается... О любви можно забыть. А я не хочу забывать о том, что у меня теперь есть самая лучшая на свете жена. Моя любимая.

Меня это так тронуло, что я чуть не разревелась. Повисла у Кона на шею и всего обцеловала, как будто боялась пропустить и оставить хоть один участок его лица непоцелованным.

Ну и кто тут толковал, что он не красавец? Да я за него сорок Эберхардов и пятьдесят Горанов с Риком впридачу не возьму! Потому что он мой любимый и для меня лучше него нет!

Кажется, Конрад все понял правильно, подхватил меня на руки и унес в спальню.

Необыкновенно! Вроде я с ним не первый день, уже знаю, как это бывает. Думала, лучше уже невозможно, но тут меня ждал такой потрясающий сюрприз! Оказывается, наша связь — это нечто! Мы раскрылись друг навстречу другу и все чувства обострились до предела. В какой-то момент до меня дошло, что я наслаждаюсь не только за себя, но и за него тоже. Уже не нужны были слова, каждый и без них знал, как дать другому то, что он хочет.

Когда я уже засыпала на плече моего мужа, мне вдруг пришла в голову мысль и я ляпнула:

— Какие же они дуры феерические!

— Кто, радость моя?

— Те курицы, которые отказывались от такого счастья! Конрад, они просто тебя не любили и боялись, что это станет ясно.

Он счастливо рассмеялся и затащил меня к себе на грудь, чтобы заглянуть в глаза.

— Да, моя любимая. Думаю, ты права. Зато я не зря ждал столько лет. В тебе мне сомневаться не приходится. И я тебя никому не отдам. Пусть не надеются.

* * *

Утром ему все же пришлось уйти по делам. Две пары, вызов во дворец к королю и встреча с Грегорицем — приличный план на день. У меня тоже дела появились. Перед завтраком заскочил Вольфи и выгрузил на стол столько папок, бумаг, тетрадей и книг, что пришлось срочно искать им место, а то для чашек его не осталось совершенно. И как только дотащил? Или Нанни транспортное заклинание наложила?

Как только Конрад ушел, я занялась делом. Взяла наш с Вольфгангом план учебника и собрала все, что нужно для первой главы. Но вот заняться ее написанием не успела. Пришел дознаватель. Он решил не вызывать меня и не транспортировать через весь город под охраной, а зайти поговорить прямо на месте. Молодец, соображает.

С ним мы просидели почти целый день. Я по сроку раз повторяла ему одно и то же. Кажется, он пытался ловить меня на мелких несоответствиях, но не поймал. Больше всего его волновал вопрос: как это я, хрупкая девушка, пробилась ведьме через сковородку. Пришлось признаться, что к этому приложил руку домовый.

Ха! Дознаватель наотрез отказался в это верить. По его мнению, домовых не существует, это сказки, которые бабушки рассказывают маленьким детям.

Ну ничего себе! А чай, который он пьет, и плюшки, которые одну за другой в рот отправляет, ему кто сделал? Боги послали?

В общем, тиранил он меня до тех пор, пока Пин не вылез и не завопил:

— Чего к моей хозяйке пристал? Ну я это, я сковородку в десять раз утяжелил! А то детка бы сама не справилась с ведьмой!

После этого заявления дознаватель побледнел, икнул, отставил чашку, из которой до этого пил, и быстро закруглился с допросом. Уходя, попытался выяснить: а могут ли домовые свидетельствовать в суде?

— Откуда я знаю?!

Думаю все же, что это невозможно. Пин должен находиться на своей территории, тогда он может все и немного больше. А суд для него — чужой, у него там силы нет. К тому же, кажется, административные здания вообще домами не считаются и домовые в них не живут и даже находиться не могут.

Да и кто примет свидетельство такого свидетеля? Он же не человек, а некая сущность. Никаким законам, кроме своих собственных не подчиняется, гражданином никакой страны не является, документов не имеет.

Мои доводы показались дознавателю весомыми. Он ушел, бурча под нос, что больше никогда не согласится работать с делом, связанным с магами и магией. с их магическими заморочками совершенно невозможно нормально работать. Вот вроде обычная женщина, а тоже не все как у людей. Домовой у нее, видите ли, сковородкой дерется.

Из визита этого бедняги я поняла одно: казнить меня никто не собирается. Король приказал тянуть время и дознаватели Грегориша старательно его тянут. Если так, мой долг — им в этом помогать.

* * *

Вечером, раньше, чем вернулся Конрад, ко мне зашли Верка со своим Гаспаром. Она принесла на подпись ведомости и график отработок на следующие три декады. Он же принес новости.

Гаспар сегодня весь день провел во дворце, хотя был та никому не нужен. Бродил, разговаривал со всеми, слушал... Выяснил одно: ведьма, которую вызывали из Элидианы, нашла-таки артефакт, который воздействовал на Горана, делая его уязвимым для внушения.

Это была очаровательная вышитая подушка — думка, которую подарила королю родная сестра. Лили, в свою очередь, купила ее в магазинчике, куда зашла с подачи Сильвии. Ей,

видите ли, понравилась вышитая сумка любовницы брата и она выяснила у той, где такие продаются. Себе купила сумочку, а заодно продавец уговорил ее на думку. Там был большой выбор, но конкретно эта понравилась Лили с первого взгляда.

Король же, нежно любя сестру, держал ее подарок прямо в кровати и часто засыпал, прижимаясь к ней лицом. К счастью, в поездки с собой не брал и довольно часто не ночевал дома, а то мог за полгода совсем с катушек слететь.

Элидианская ведьма забрала подушечку на экспертизу и обещала прислать полный анализ того, что в ней найдет. Пока не прислала, но факт налицо. После того, как подушку убрали, Горан стал гораздо спокойнее и рассудительнее.

Вот ушлые, гады! Нашли, как подлезть! Через сестру любимую!

На ее подарок никто бы никогда не подумал, и только беспристрастная ведьма из чужой страны смогла заподозрить и выявить злой умысел.

Сейчас Лили плачет сразу по двум причинам: переживает, что ее подарок повредил брату и злится на то, что папаша Филодора притащил сюда своего сыночка. Очень боится, как бы они не нажали на Горана так, что он согласится на их брак и проведет официальную помолвку. А тогда уже не отвертишься.

Мне принцесса шлет привет и свои лучшие пожелания, надеется, что история с Леокадией закончится хорошо, и сожалеет, что так и не расспросила меня о Хельмуте.

Можно подумать, я много о нем знаю.

Временно Горан запретил сестре покидать дворец, а то бы она меня навестила.

Ну еще бы, с ее любопытством.

Завтра вечером во дворце малый прием по случаю визита Виталина с сыном. Почему малый? Да потому что они не такого уж высокого полета птицы. Король делает им милость, что принимает в качестве дальних родственников. Но совсем уж выказать пренебрежение тоже не может, все-таки члены кортальской королевской семьи.

А что значит "малый прием"?

То же, что и обычный, только проходит в малом зале, где нет трона, да и людей входит ограниченное количество. Он считается неофициальным. На нем всегда мало дам, танцев не бывает, а вместо полноценного угощения — легкая закуска.

Виталин желал переговорить с Гораном с глазу на глаз, но уже наученный горьким опытом король решил с ним без свидетелей не встречаться, а для этого провести череду массовых мероприятий, где кортальцев от него будут спасать придворные. Если повезет, они так и уедут. Ну, а если станут настаивать, то Горан проведет для них большую королевскую аудиенцию. На ней на ушко не пошепчешь.

Здорово. Разумные, выверенные действия в очень сложной и неоднозначной ситуации.

А король-то не дурак! Рик был прав! Похоже, думка и впрямь ему мозги сворачивала. А без ее вредного влияния он стал самим собой: нормальным, умным человеком. Может, наши отношения станут наконец такими, какими должны быть отношения между королем и его наемной служащей из другой страны.

* * *

Как очень скоро стало ясно, король решил тянуть с объяснениями и не встречаться со своими кортальскими родственниками сколько возможно. На следующий же день король

устроил для своих гостей охоту. Не зря же он столько времени этим занимался?

Об этом мне сообщил Рихард. Он же уверил, что в охотничьем замке этикет не такой, как в столице. Там и королю, и его гостям просто невозможно встретиться наедине, если исключить случайности в лесу. А кто мешает королю не расставаться со своими придворными кавалерами?

О том, что там происходит, нас должен был извещать Гаспар. Под руководством Асти Верка сделала для него парный почтовый артефакт и теперь могла переписываться с возлюбленным хоть каждый час.

Эберхард присоединился к охоте. Наверное, будет помогать королю отгонять от него нежелательных гостей: Виталина с сыном.

Лилиана осталась во дворце и очень этому радовалась. В отсутствии брата ее режим оказался не таким суровым и она даже нанесла мне визит под видом урока. Мы часа полтора разбирали теорему и решали задачи, а затем она рассказывала мне обо всем, что случилось за последние дни.

Мне тоже пришлось ей рассказать про принца Хельмута. Вообще-то это я просвещала принцессу насчет ее возможного жениха, а между делом вставляла интересующие меня вопросы. Могу сказать, что учителя, которые готовили Лили в области ведения беседы и дипломатии работали из рук вон плохо. Девушка каждый раз попадала в мою простенькую ловушку и вываливала мне все, что знала, получая от меня минимум информации.

Да и что я могла рассказать про принца? Что он высокого роста, хорошо сложен, на лицо не красавец, но приятный? Я видела его два раза в жизни, и то издалека. Все, что я о нем знаю, почерпнуто из газет и краткой характеристики, которую дал ему мой отец.

Папа целый год давал Хельмуту уроки математики и мог бы рассказать о нем много, но у него были твердые принципы: никогда ни о ком не сплетничать даже с семьей. Так что о принце он сказал только, что мальчик умный, способный, любознательный и, если дальше так пойдет, будет хорошим королем. Но это было давно. С тех пор принц уже закончил свое обучение. Сейчас ему не то двадцать семь, не то двадцать восемь лет, он, как и положено в нашей стране наследнику, избрал военную карьеру и вдобавок интересуется наукой. Закончил, кстати, химический факультет нашего Лиатинского университета. С отличием.

Все это не слишком интересовало Лилиану. Ей хотелось знать что-то про характер принца и те мелкие черточки, которые рисуют его как частное лицо и отдельную личность. Все то, о чем я понятия не имела. Так что она немного получила от нашей беседы. То, что я ей рассказала, при желании можно было вычитать в лиатинских газетах. У нас любят писать о царствующей фамилии.

Зато мне разговор с Лили дал много материала для обдумывания.

Во — первых, она порадовала меня: никого из тех, кто замарался пособничеством кортальским секретным службам, не оставили на свободе. Сильвия сидит под стражей в городской тюрьме, ее допрашивают. Хозяина магазина, в котором была куплена та самая думочка, тоже взяли, а весь его товар сейчас изучают ведьмы. Нашли даже того кучера, который возил по Сармиону карету Леокадии. Оказалось, это его собственность. Он получил от Кортала деньги на ее покупку и несколько лет безбедно жил тем, что сдавал карету внаем. Но за это он должен был в любой момент помогать тому, кто предъявит некий амулет. Когда с этой штучкой к нему пришла Леокадия, он понял, что пришел день расплаты и готов был к тому, что теперь за ним явится стража. Так и случилось.

В сущности, принцесса не должна была всего этого знать, но Лилиана не могла не

сунуть свой нос везде, где только можно. Пока братац бегал от своих гостей и собирался на охоту, она поймала Грегорича за пуговицу и не отпускала, пока тот не выложил ей все новости.

А стоило Горану уехать, как она бросилась к той, кого решила считать подругой, то есть ко мне.

Мы провели с принцессой часа четыре. Я поила ее чаем, угощала выпечкой, показала где пряталась, когда Леокадия привела к нам в гостиную связанного заклинанием Конрада... Только знаменитую сковородку не смогла продемонстрировать: ее забрали как вещественное доказательство. Кстати, Пин остался этим крайне недоволен. Еще бы: сковородка-то его любимая!

Когда Лили наконец ушла, явился Конрад. Оказывается, он знал, кто сидит у меня в гостях, и ждал, когда она отвалит. Это он правильно сделал: если бы принцесса с ним встретилась, то задержалась бы у нас еще на пару часов. А я уже и так замучилась терпеть эту активную и разговорчивую особу.

Надо сказать, мое восхитительное общение с собственным мужем омрачалось только одним: я не сказала ему, что написала королю Губерту, и теперь терзалась угрызениями совести. Но я же его знаю! Если сказать, он забеспокоится и начнет действовать, а этого совершенно не нужно!

Если бы Конрад захотел, он мог бы узнать все: наша связь давала ему такую возможность. Но я еще раз убедилась, что вышла замуж за благородного человека. Несомненно, он чувствовал отголоски моих переживаний, но не позволил себе прочитать мое сознание.

Кажется, угрызения совести он отнес на счет убийства Леокадии. Зря. С ней были связаны не самые приятные переживания, но вот совесть меня не мучила из-за нее абсолютно. Я спасала своего мужа и себя. Точка.

Но вот письмо королю Губерту... Чтобы придать ему больше веса, я подписалась "Марта ар Герион" и теперь не знала, чего больше опасаясь: того, что король решит полностью игнорировать и письмо и автора или того, что он пожелает при случае меня увидеть. И то, и другое было равно нежелательно. В идеале меня бы устроило, чтобы король разобрался со своим подданным, затеявшим заговор, но не захотел совать нос в наши с Коном дела.

Хотя... Это из области фантастики.

* * *

Время шло. Пять дней я сидела под домашним арестом, Вольфи вел мои группы, Рихард с Коном нервничали, а король все не возвращался с охоты.

Временно у нас не было преподавателя ментальной магии и все его часы мой муж и Рихард поделили между собой. Так что почти целыми днями я сидела в одиночестве.

Не скажу, что мне это не нравилось. Я вообще скучать не умею, а тут выдался случай заняться любимым делом. Разобрав все, что мне натащил Вольфганг, я наконец-то приступила к написанию учебника.

Надо сказать, мой друг сделал много, очень много, почти все. Но... Он всегда рассчитывал на таких же умных как он, на тех, кто все поймет и запомнит с первого раза.

Так что он составлял каждую главу для таких же гениев, как он. Формулировка, пример с разбором и несколько задач, каждая сложнее предыдущей. Все.

А меня еще отец учил: с первого раза все понимает один процент студентов. Чтобы кто-то что-то понял и запомнил, им нужно все изложить три раза как минимум, а лучше пять. И вот на седьмой раз можно надеяться, что все учащиеся усвоили материал и смогут его применять для решения задач.

В то, что отец знает, что говорит, я верила безусловно. Поэтому и приняла для себя такое построение глав, которое позволяло несколько раз втапдыкивать одно и то же разными словами и приемами. Сначала общие рассуждения с примером, затем формулировка правила или теоремы, затем доказательство и повторное объяснение того, что было впереди. Пара примеров с разбором решения и несколько задач для самостоятельной работы. По — моему, разумное построение.

Три дня у меня ушло на написание первой главы в окончательном виде. Из того, что мне дал Вольфи, я оставила нетронутыми только формулировки и задачи.

Конрад, которому я показала результат своей работы, одобрил. Сказал, что ему все понятно и попросил подарить учебник, когда он будет готов.

Можно подумать, я и так бы ему не подарила.

Пару раз ко мне забегал Грегориц, чтобы уточнить тот или иной факт и всегда приносил какую-нибудь новость. Я уже поняла, что этот суровый человек с вечно недовольной физиономией относится ко мне скорее хорошо, чем плохо, но вела себя так, как будто очень его боюсь. За это и получала награду в виде кусочков информации.

Правда, все, что он рассказывал, было о прошлом. А меня интересовало настоящее.

* * *

На шестой день рано утром, когда Корад еще плескался в ванной, прибежали звать его из дворца. Срочно! В чем дело никто не сказал, но, зная, что зовет не король, а Грегориц, муж не стал медлить. Глава службы безопасности зря шум поднимать не станет.

Так что он вылетел из дому даже не позавтракав. Даже коробку с бутербродами не взял, резонно заметив, что идет не в пустыню, а во дворец. Там работает кухня, где никто не откажется его покормить.

Отправив Конрада, я поела и засела за вторую главу учебника. Так как уже знала, что делать, то она у меня шла быстрее, чем первая. Я полностью ушел в работу и уже предвкушала, как вечером покажу Конраду и Вольфи готовую работу, как вдруг в дверь постучали.

Пришел Грегориц.

В принципе, ничего странного в его визите не было, я к этому уже привыкла. Но на этот раз он выглядел и держался странно.

Я привыкла, что это человек очень сдержан, застегнут на все пуговицы как морально, так и физически. Он обычно выглядит недовольным, но это по большей части маска: так ему легче иметь дело как с сотрудниками, так и с подследственными. Но сейчас он был явно взволнован, причем настолько, что забыл застегнуть половину пуговиц мундира и выглядел как любовник, сбежавший от заставшего его мужа.

Или не забыл? Возможно, от волнения ему стало жарко, а он настолько не

контролировал себя, что расстегнулся?

Я сделала вид, что все нормально. Пригласила его войти и сесть, но могла бы и промолчать: он это и так сделал. Предложила чаю, от которого Грегориц отказался, и села напротив. Было видно, что он не знает, как начать разговор и поэтому молчит, вглядываясь в меня, как будто надеется увидеть что-то новое.

Только я намылилась спросить, какое у него ко мне дело, как мужчина выпалил:

— Марта, поклянитесь, что все, что здесь сейчас будет сказано, останется между нами.

— Клянусь! — подняла я руку в традиционном жесте.

Кажется, его немного отпустило.

— Поверьте, Марта, я хорошо к вам отношусь и не числю за вами никакой вины. Напротив, считаю, что все ваши действия принесли не моей стране ничего, кроме пользы.

Я мило улыбнулась и кивнула. Что тут можно ответить? Однако, Грегориц издали заходит. Это о чем он с таким затактом решил мне поведать?

— У нас случился форс — мажор. Сегодня за два часа до рассвета я получил сообщение, что через день к нам с официальным визитом прибывает король Гремона Губерт Пятнадцатый с супругой и дочерью Розамундой, а также наследный принц Лиатина Хельмут. Информация пришла по неофициальному каналу и я не очень ей поверил, хотя подготовку начал. А на рассвете получил официальное подтверждение.

Ой — ой — ой! Кажется, мое письмо сработало. Или нет?

— Марта, вы, возможно, не знаете, как обычно обставлены подобные визиты. Во — первых, о них известно как минимум за год. Все это время идет согласование мельчайших деталей протокола и мер безопасности, подготавливаются тексты речей, со всех сторон обсуждаются возможные договоренности... ну, и так далее. Короли — не мещане, они просто так друг к другу в гости не ездят.

— Это я понимаю. Но бывают случаи..

— Марта, даже свадьбы, юбилеи и праздники в честь рождения наследников подготавливаются заранее. Исключение составляют похороны. Смерть всегда внезапна. Но, поверьте, в этом случае протокол очень жесткий и не предусматривает официальных переговоров между монархами. Только неформальное общение. Конечно, это очень важно, оно может вылиться в важнейшие договоренности, но... Зачем я вам обо всем об этом рассказываю?

— Не знаю. Наверное, никак не соберетесь с духом, чтобы перейти к делу?

Кажется, я попала в точку. Грегориц вздрогнул, ошалело посмотрел на меня, затем взял наконец себя в руки и продолжил:

— Вот именно. Я хотел чтобы вы поняли, Марта: нынешний случай просто из ряда вон!

Я поняла, господин Грегориц. Я поняла даже зачем вы с утра пораньше вызвали моего мужа. Неясно только, причем тут я. Мне это пояснили.

— Тут такое дело... В письме, которое Губерт прислал нашему королю, есть просьба: обеспечить его частную встречу с господами ар Герин. Особенно он настаивал на том, чтобы увидеться с вами, Марта.

Приехали. Теперь я знаю точно: мое письмо сработало. Я молодец. Только... что скажет на это Конрад? Он всю жизнь избегал встреч с единокровным братом и сейчас вряд ли обрадуется. Я спросила Грегорица:

— Конрад уже об этом знает?

И поняла, что вляпалась. Этот тип любому своему дознавателю даст сто очков вперед.

Он сразу уловил, что я что-то обо всем этом знаю и вцепился в меня как клещ. Ищейка унюхала добычу и не собиралась ее отпускать.

— Марта, вы боитесь, что ваш муж встретится с королем Губертом? Со своим природным сюзереном? Я правильно понял ваш вопрос?

Ну вот что ему отвечать прикажете? Вывалить всю правду и гори все ясным пламенем? Скорее всего, так придется сделать. Даже если сейчас запрусь, этот змей по капельке выцедит из меня все, что знаю и еще литров пять того, о чем понятия не имею. Но для порядка надо поломаться, потянуть время и заодно подумать, что и как сказать, чтобы Грегориш до печенок не стал докапываться.

Поэтому я выдала самую безопасную с моей точки зрения фразу:

— Скажем так: опасаясь.

— И откуда такие опасения?

Как бы его правильно на мысль навести? Вроде не я сказала, он сам догадался.

— Господин Грегориш, вы видели когда-нибудь портрет короля Губерта?

Он вытаращился, как будто вдруг увидел что у меня на голове вместо волос трава растет. Затем моргнул пару раз и с трудом выговорил:

— Вы хотите сказать... они родственники?

Допер. Я всегда была высокого мнения о сообразительности этого человека. Просто сейчас он выбит из колеи.

— Именно. Если вы сейчас поклянетесь, что никому, даже собственному королю, а особенно Конраду, не проболтаетесь, я все вам расскажу. Мне все равно хотелось спросить вашего совета.

— В принципе я готов... Но скажите, почему я должен это утаивать от короля и вашего мужа?

Пришлось объяснять.

— Насчет Конрада скажу: он поведал мне это как тайну и просил не разглашать. Обстоятельства так сложились, что вы догадались и мне лучше выдать вам всю информацию, но с мужем из-за этого ссориться я не хочу. А что касается Его Величества... тут нет ничего, что бы касалось безопасности короны, по крайней мере короны Шимассы. Будет лучше, если король узнает все лично от Конрада или же короля Губерта.

Объяснение кривенькое, но, к счастью, Грегориш его сжевал и не подавился. Слишком уж ему важно было все понять, так что он без колебания поклялся хранить тайну.

Хочешь все знать? На тебе! Я изложила ему историю жизни Конрада и тайну его рождения, на ходу ее редактируя. Кажется, все, что я хотела донести до главы тайной службы, я донесла. Грегориш понял, что Конрад и король Губерт — единокровные братья, но до недавнего времени об этом знал только один из них. Конрад. А теперь, скорее всего, и король получил эту информацию. От кого? От меня.

— А еще есть Эберхард фар Арвиль, чрезвычайный и полномочный посол своего короля. Он узнал о существовании Конрада недавно, но уже начал действовать.

Тут Грегориш меня перебил:

— Теперь понятно... В письме Его Величество король Губерт просил не ставить Эберхарда в известность о его приезде. Пусть это будет сюрпризом. Значит, ты считаешь, Марта, что Эберхард участвует в заговоре против своего короля?

Ого, мужик сам не заметил, как перешел со мной на ты. А я что? Только рада. Это значит, что сейчас я для Грегориша по одну с ним сторону линии фронта.

— Я не считаю, я в этом уверена! Только никак не могу понять, в чем этот заговор состоит.

Следом за этими словами я вывалила на Грегорию все свои соображения. Про то, что Конрад — реальный претендент на трон в отсутствие Губерта и всех его детей, про то, какие варианты смены династии я смогла придумать в связи с этим и про то, что ни в одну из схем я не вписываюсь. Мужчина задумчиво дергал себя за нос. Потом фыркнул сердито:

— Вообще-то это не мое дело. Я работаю на короля Горана, а не на Губерта, и верностью обязан своему монарху.

Только я собралась возразить, как он сам же добавил:

— С другой стороны успешно осуществленные заговоры создают в обществе нездоровые настроения. Наоборот, разоблачение заговора и примерное наказание виновных в одном королевстве вправляет мозги многим во всех странах Девятки. Профилактика — тоже часть моей работы. Так что постараюсь помочь по мере сил.

Я чуть не запрыгала на месте от радости. Помощь тайной службы — это тебе не баранчихал. Может, меня из-под домашнего ареста выпустят?

Грегорию как услышал. Сказал, усмехаясь:

— С завтрашнего дня твой арест отменяется. Я сегодня же получу у короля подпись на приказе о твоём освобождении. Только, Марта... Не могла бы ты еще и завтрашний день посидеть дома? Если здесь еще болтаются кортальские шпионы или люди господина посла следят за тобой, пусть остаются в уверенности, что ты все еще обвиняемая. А когда приедет...

— Король Губерт! — закончили мы хором.

Расстались мы вполне дружески. На прощание Грегорию задал мне вопрос:

— Марта, как ты думаешь, если моих сотрудников обязать изучать математику, это улучшит качество их работы?

— С чего это вам пришло в голову?

— Ты здорово соображаешь. Просчитываешь все ходы и варианты. Есть у меня один очень ценный сотрудник, он тоже изначально был математиком. По нему одному трудно было судить, случайность это или тенденция, но вот уже двое...

— А через две точки можно провести только одну прямую.

— Именно! Так что ты мне скажешь?

Я пожалала плечами. По мне, так всем неплохо было бы овладеть этой отраслью знаний, но советовать главе секретных служб целого государства...

— Знаете, по моему твердому убеждению математика никому лишней не будет. Очень хорошо мозги в систему приводит. Но есть те, кто будет ногами отбиваться... Им она не поможет.

Он неожиданно рассмеялся, хлопнул меня по плечу как старого приятеля и ушел. Уф! Вроде ничего не делала, болтала, а устала так, как будто камни воровчала.

Вместо того, чтобы дописывать вторую главу, я улеглась и заснула.

* * *

Вечером вернулся взъерошенный Конрад. Кажется, предстоящий визит гремонского короля не только застал его врасплох, но и напугал. Поначалу он крепился, молчал. Мы

поужинали практически в молчании, и только потом, утащив меня в спальню, он рискнул выговориться:

— Марта, ты знаешь, что случилось?

Я улыбнулась и пожала плечами. Пусть сам все скажет.

— Послезавтра здесь будет король Гремона Его Величество Губерт Пятнадцатый. А хочешь знать, что он требует? Он желает встретиться со мной и с тобой. Что скажешь?

Хороший вопрос. Я бы предпочла промолчать, но ведь не выйдет. Стала импровизировать:

— Ну, наверное, это хорошо. Сколько можно бегать от собственного брата, Кон? А так вы поговорите и, возможно, раз и навсегда утрясете все недоразумения, которые могут быть между вами.

Но он не поддался.

— Твоя позиция мне понятна. Но вот что странно: король хочет говорить не со мной, а нами обоими. Откуда он о тебе знает?

Я попыталась кокетливо пожать плечами:

— Может, Эберхард донес?

Не прокатило.

— Девочка моя, давай не будем валять дурака. Ты же сама подозревала Эберхарда в том, что он хочет посадить меня на престол вместо Губерта. В этом случае он должен был молчать обо мне. Не сходится. А у тебя прямо на носу написано, что ты что-то знаешь. Так что давай, выкладывай.

Раз так, молчать больше нет смысла. Я и выложила мужу все про письмо и про визит Грегориша.

В первую минуту он возмутился:

— Ты рассказала Грегоришу?

— Он сам догадался. А тут уже молчать не имело смысла. Но, Кон! Я взяла с него клятву никому не говорить обо этом! Даже королю.

Конрад глубоко вздохнул и вдруг прижал меня к себе.

— Девочка моя... Я понимаю, ты хотела как лучше... Но почему мне не сказала?

Я ответила честно:

— Не была уверена, что сработает. Собиралась поставить тебя в известность только в том случае, если Губерт прореагирует на мое письмо. Ну вот... А если бы ты знал с самого начала, то помешал бы мне или начал придумывать разные разности...

Он рассмеялся, но как-то горько.

— Ты хорошо меня изучила. Ну что ж, теперь поздно руками размахивать. Осталось подождать какие-то сутки, и мы все узнаем. По крайней мере я на это надеюсь.

* * *

Утаивание правды не пошло на пользу нашим с Конрадом отношениям. Он не стал изображать обиду, не ругался, но закрылся от меня эмоционально. В эту ночь мне с ним было... никак. Хуже, чем до того, как мы соединили жизни.

Может, раньше для меня это было бы нормально, но теперь, когда я узнала, как оно может быть... Выходит, я сама себя наказала.

При этом умом я отлично понимала, что сделала все правильно. Если бы я все сказала Кону заранее, это не улучшило бы положения. Наоборот, он начал бы действовать и все испортил.

Пример могу привести из недавнего прошлого.

Теперь, когда я во всем разобралась, мне стало ясно, что Кон был прав, скрывая ото всех и особенно от меня нюансы своего договора с Леокадией. Он не должен было ей вредить ни прямо, ни косвенно. Если бы я об этом знала, у меня бы духу не хватило припечатать гадину сковородкой. Боялась бы, не сочтет ли магия клятвы мое поведение косвенно спровоцированным Конрадом. Мои же действия по незнанию с ним связать просто невозможно.

По большому счету мне не за что себя упрекнуть, но вот же гадство... Чувствовала я себя виноватой. В результате весь следующий день прошел бездарно. У меня все валилось из рук. Писать учебник не получалось: мозг наотрез отказывался сотрудничать. Я не могла сосредоточиться, по десять раз читала одну и ту же фразу, чтобы убедиться: в голове ни слова не задержалось. Когда после обеда Верка притащила документы, я даже посмотреть их не стала.

Если я наляпаю в тексте учебника, Вольфи потом поправит, а если в финансовых документах? Тут мои ошибки могут дорого стоить.

Признав, наконец, свою полную на сегодняшний день несостоятельность, я выгнала Верку и легла спать. Это мой поступок оказался на редкость мудрым. Поздно вечером вернулся Конрад и сообщил, что король Губерт прибывает не завтра, а через два часа. Нас ждут у порталной площадки.

У самого Конрада при этом лицо было похоронное. Можно подумать, Губерт не успеет прибыть, как велит засадить моего мужа в самую темную темницу, в самую жуткую антимагическую камеру.

Что-то я в этом сильно сомневаюсь.

На всякий случай я плотно поужинала и заставила поесть Конрада. У него от нервов аппетит совсем пропал, но я все же впихнула в него целую тарелку запеченного в овощах мяса. Пин мне помог: стоял и смотрел на Кона атак жалобно, что тому поневоле пришлось доесть всю порцию.

Идея с ужином была верной: сытый Конрад разительно отличался от него же голодного. Куда делось нервное возбуждение? Он стал спокойным, как удав. Уныние, правда, никуда не делось. К счастью, оно не повлияло на скорость действий и принятия решений.

Собрались мы быстро. Для торжественной встречи короля я выбрала ту же одежду, в которой уже щеголяла, встречая Эберхарда. Надеюсь, для подобного случая это достаточно нарядный костюм.

В карете, которая отвезла нас к порталной площадке, не было никого, кроме нас. Конрад сказал, что Рихард уже на месте, обеспечивает портал, а Гаспар прибует из дворца. Визит неофициальный, так что оркестра не предвидится.

Оказывается, король бросил своих придворных и Виталина с Филодором в охотничьем замке, а сам тайком прибыл в столицу, чтобы лично встретить Губерта и Хельмута. Присутствовать при этом разрешено немногим избранным. То, что мы попали в их число, говорит не о том, что Горан нас ценит, а о том, что высокий гость лично пожелал нас увидеть.

Надо сказать, Грегориш отлично поработал и организовал встречу на высшем уровне.

Даже военный оркестр присутствовал, а Кон меня убеждал, что его не будет.

Придворных не было видно, они в большинстве своем остались в охотничьем замке. Зато почетный караул был на месте, а пустые места на гостевой трибуне заняли люди из тайной стражи и высшие военные чины.

В королевской ложе томилась Лиλιана вместе с парочкой своих придворных дам. Нас с Конрадом разместили в первом ряду рядом Рихардом, Гаспаром и придворными магами.

Несмотря на глубокую ночь, площадку перед порталами освещали магические шары — светильники и все было видно как днем.

Когда распахнулись двери и в них показался Губерт XV, я чуть не подавилась. Может быть днем, когда видно больше подробностей, это не так бросается в глаза, но сейчас он выглядел на одно лицо с моим мужем. То же узкое лицо, густые, сходящиеся на переносице брови, впалые щеки, длинный кривоватый нос... Даже прическа такая же! Просто брат — близнец!

Кажется, то же самое бросилось в глаза Горану, потому что он замер. Потом быстро спохватился, прошел вперед и приветствовал своего коллегу как положено, но я-то видела, как он был поражен.

Я искоса бросила взгляд на Конрада. Ему было непросто: таким напряженным я его еще не видела. К счастью, нам короля было видно гораздо лучше, чем королю нас, а Губерту сейчас приходилось все свое внимание отдать Горану. В нашу сторону он ни разу не посмотрел. Правда, я теперь знала, что это ни о чем не говорит. Если выучка у него не хуже, чем у Эберхарда, он успел заметить все, что ему нужно.

За королем Губертом вышли принцесса Розамунда и принц Хельмут. Чтобы не создавать двусмысленных ситуаций, каждый из них шел отдельно, окруженный она — своими дамами, он — кавалерами.

Даже в резковатом свете магических ламп было видно, какая Розамунда красавица. Она ничем не походила на своего узколицего, черноволосого и длинноносого отца. Каждой чертой принцесса пошла в мамочку, знаменитую королеву Катарину, только волосы, ресницы и брови у нее были гораздо светлее, почти белые. Но даже если это считать недостатком, то незначительным и легко исправимым с помощью краски.

По молодости Розамунде не хватало роскошных форм ее матери, но видно было, что у девушки все еще впереди.

Хельмут показался мне обычным симпатичным парнем, но я заметила, как при виде него Лиλιана сначала подалась вперед, а затем откинулась на спинку своего кресла, чтобы ее лицо оказалось в тени. Не знаю, что бы это значило. То ли принц ей приглянулся, то ли наоборот — совершенно не понравился. Одно ясно: равнодушной она не осталась.

Губерт с Гораном долго здоровались и обнимались, затем король Гремона представил здешнему свою дочь и Хельмута. Насколько я знаю, наш принц ему кем-то там приходится, так что их совместное появление не должно было никого удивить. Почему бы доброму дядюшке не озаботиться счастьем племянника?

Но если принять во внимание причину внезапного визита Губерта, то появление Хельмута мне показалось странным. Наверное, я чего-то не знаю.

Представление между тем шло по накатанной, как будто визит был не экстренным, а давным — давно запланированным. Оркестр сыграл аж пять маршей подряд, высокие гости прогулялись вдоль линии почетного караула, сели в поданные им нарядные кареты с гербами и тронулись в сторону дворца. Приглашенные стали расходиться, ворча, что такие

спектакли надо устраивать днем, а не мешать спать честным гражданам.

И тут Грегори́ч, который до этого неизвестно где скрывался, вдруг подошел к нам с Коном и тронул мужа за плечо:

— Пойдемте, вас ждут. Обоих.

Конрад дернулся, но взял себя в руки и, прижав к своему боку мой локоть, потащил меня вслед за шефом тайной службы. За воротами ждал еще один экипаж, на этот раз без гербов и украшений, просто черный, и запряжен он был вороны́ми лошадьми.

* * *

В первый момент я даже испугалась, подумала, что это знаменитая "Черная Эмми", карета для перевозки арестованных. Но если даже это была она, то внутри ничто об этом не напоминало. Обычный городской экипаж, удобный, но без излишеств. Наверное, в таком Леокадия перевозила труп бедняги Гесперия.

Стоило подумать о Гесперии, как у меня испортилось и без того не слишком радужное настроение. Как-то вдруг вспомнилось все плохое, да и мысли о будущем приходили в голову пессимистические. Я, конечно, старалась сделать Губерту добро, но мало ли как короли такие вещи воспринимают? Может, он из-за этого будет меня подозревать в коварных замыслах. Например, что это не Эберхард, которому он по умолчанию должен был доверять, а Конрад плетет против него коварные замыслы? В этом случае король попытается избавиться от нас с Конрадом, и, видят боги, у него есть для этого все возможности.

Муж мой сидел рядом молча, сжав кулаки и стиснув зубы. Ему было еще хуже, чем мне. Он, в отличие от всего лишь сомневающейся меня, был абсолютно уверен, что ничего хорошего эта встреча нам не несет.

Карета подъехала не к парадному, а к заднему крыльцу. Правда, не тому, через которое в свое время мы с Рихардом пробирались во дворец. То было со стороны кухни, а это — с противоположной. Я предположила, что оно для тайных агентов Грегори́ча, и, кажется, была недалека от истины. Нас встретили два стражника в штатском, проводили в небольшую гостиную и велели дожидаться: за нами придут.

Комната была похожа на нечто среднее между малой гостиной и будуаром. От ее убранства за лигу отдавало дамой. Обитые цветастым гобеленом пуфики и диванчики в качестве мебели, вазочки и фарфоровые фигурки на всех горизонтальных плоскостях, светильники в виде букетов, золотисто — розовые тона... При этом на всем убранстве лежала пыль, сметенная только в одном углу. Похоже, когда-то эта комната относилась к покоям королевы и сейчас не использовалась.

Мы с Конрадом огляделись в поисках, где бы удобнее угнездиться. Очевидно, что прямо сейчас нас не позовут. Сначала король и его спутники должны устроиться в отведенных им покоях, затем, возможно, переговорить с Гораном, а тогда уже наступит наша очередь. Поэтому мы выбрали удобный мягкий диван в углу.

Я за день выспалась, так что бодрствование давалось мне легко, а вот Конрад, который не спал как следует уже сутки, еле сидел. Поначалу он даже расслабиться не мог. Устроился на самом кончике сиденья, до предела выпрямив спину, руки сжал в замок и стал таращиться прямо перед собой, шепнув мне предварительно, что разговоры вслух лучше оставить на потом.

Ну ясно, здесь везде подслушивающие амулеты.

Я не стала напрягаться, залезла на диван поглубже и постаралась если не успокоить, то хотя бы привести Кона в более адекватное состояние. Обняла его сзади, положила подбородок ему на плечо и стала поглаживать, как кота. Сначала он сжался, но затем дело пошло на лад. Напряженные мышцы расслабились, руки разжались... Он сел поудобнее, откинулся на спинку дивана и произнес:

— Гладь, меня, гладь, девочка моя. Сейчас мне это нужно как никогда.

А то я не знаю.

Пришлось сменить позу и сесть по — другому. Я с ногами забралась на диван и прилегла Конраду на колени, не переставая поглаживать везде, куда руки доставали. Через полчаса он сидя спал без задних ног. Я в душе благодарила неизвестных создателей дивана, сделавших ему удобную спинку и подлокотники.

* * *

Затем и я задремала. Проснулась когда в окно через щель в шторе пробились лучи солнца. Одновременно с этим приоткрылась дверь и в ней показался человек в ливрее. Он увидел, что я не сплю и поманил меня рукой.

Не желая будить крепко спящего мужа, я жестами потребовала подтверждения: меня ли одну зовут. Лакей закивал так усердно, что сомнений не осталось. Я тихонько поднялась, залезла в сброшенные туфли, проходя мимо зеркала, поправила сбившиеся на одну сторону волосы и вышла. Конрад заерзал, устраиваясь поудобнее, но не проснулся.

Идти далеко не пришлось, место, где меня ждали, находилось практически напротив, всего пара дверей в сторону по коридору. Здесь стиль был сугубо мужской: темное дерево, строгая синяя обивка и стальной шелк на стенах. Сначала я попала в небольшую гостиную, подобную той, где проторчала всю ночь, а затем лакей, доложившись, практически втолкнул меня в кабинет.

За столом сидел король Губерт Пятнадцатый. Один.

Я неловко изобразила придворный реверанс и криво улыбнулась.

Он, не вставая, указал мне на стул, стоявший у стола боком. Я так сажаю студентов, которых вызвала для выволочки. Но выбора не было, пришлось сесть. Вот сейчас я узнаю, какое действие оказало пресловутое письмо и не было ли оно самой большой ошибкой в моей жизни.

Начинать разговор с королем по своей воле нельзя, так что пришлось с улыбкой сидеть, закрыв рот и ждать, когда он соблаговолит задать вопрос.

Несколько минут прошло в молчании: король разглядывал меня в упор, я изучала его внешность исподтишка, бросая косые взгляды из-под ресниц.

В свете утра он уже не казался братом — близнецом Конрада хотя бы потому, что выглядел гораздо старше. Если на вид Кону было чуть за тридцать, то королю Губерту — хорошо за пятьдесят. Более резкие складки у рта, морщины там, где у моего мужа гладкая кожа, седина в волосах... Во всем остальном просто потрясающее сходство.

Постаралась вспомнить все, что мне о нем известно. Если он и старше Конрада, то ненамного: на пару — тройку лет. Кажется, Губерт тоже не обделен магическим даром, так почему такая разница? Но спрашивать его об этом было бы просто неприлично, пусть потом

Кон объяснит.

А еще они очень отличаются друг от друга по ощущениям. Конрада я никогда не боялась, хотя все мне твердили, что он очень страшный, а вот присутствие короля Губерта вызывало чувство... не страха, но общей неловкости. Как будто я оказалась не в то время не в том месте и все меня за это осуждают.

Теперь мне их не спутать даже в темноте.

Когда я наконец нагляделась и нашла все отличия, какие смогла, король соблаговолил открыть рот:

— Так вот ты какая, Марта. Я представлял тебя иначе. Красивее, что ли, и не такую стриженую. Скажи, ты писала это?..

Он протянул мне мое собственное письмо.

— Да, Ваше Величество.

— Ты прямо издали его узнаешь? Не хочешь рассмотреть поближе?

Я отрицательно покачала головой. Зачем? Я свой почерк за лигу вижу, да и бумага знакомая. К тому же я хорошо помню все, что там написала.

Король откинулся на спинку кресла и довольно фыркнул:

— Смелая девочка. Ты рискнула выдвинуть серьезные обвинения против серьезных людей, это ты понимаешь?

— Вполне, Ваше Величество.

— Как же ты решилась? Ведь я мог бы не поверить тебе и тогда твоя жизнь не стоила и медного гаста.

Я усмехнулась. Можно подумать, Эберхард собирался оставить меня в живых.

— Она и так его не стоила, Ваше Величество. Меня неоднократно пытались убить, так что бояться больше, чем я боялась, просто некуда. Вот я и подумала, что только лицо, заинтересованное в разоблачении заговора, может мне помочь. А кто более заинтересован, если не тот, против кого заговор направлен?

— То есть я?

— Совершенно верно, Ваше Величество.

— А твой возлюбленный...

Я же писала ему о том, что замужем за Конрадом. Он что, проверяет, помню ли я свое письмо?

— Мой супруг, Ваше Величество.

— Ах, да. Вы с ним успели соединиться в храме...

Еще одна проверка.

— Не совсем так, Ваше Величество. Мы прошли принятый у магов обряд разделения жизни.

Намекнула, что наш брак невозможно отменить. Мне показалось, или в глазах у короля блеснул огонек?

Следующий вопрос пошел из другой оперы.

— Ты из знатного рода, Марта?

— Нет, Ваше Величество. Мой отец, математик Франк Аспен, из простолюдинов. Мой дедушка — кузнец.

Про матушку я говорить не стала.

Он явно все знает по Конрада и проверяет, насколько тот ему опасен. Для начала делает это не напрямую, а через меня. Значит, я дала правильный ответ. Ясно же, что брак с

простолюдинкой выводит Конрада и его потомков из списка возможных претендентов на трон. Думаю, королю Губерту это должно понравиться.

Угадала.

— Чего же ты хочешь, Марта ар Герион, урожденная Аспен?

— Ваше Величество, я хочу только, чтобы вы разобрались со своими врагами, скромно надеясь, что этим самым вы и моих прижмете к ногтю.

Вдруг лицо короля разгладилось и он открыто, добродушно рассмеялся.

— Какая умная девочка! Так и надо! Нашла себе союзника там, куда другие и голову-то задрать не рискнули бы. Теперь я понимаю, почему Горан от тебя в таком восторге. А поначалу смотрел и удивлялся: короли не увлекаются невзрачными полевыми цветочками. А ты, уж прости меня, девочка, красотой не блещешь...

Ага, конечно, если сравнивать меня с королевой Катариной или с той же Розамундой, то на их фоне меня от стенки не отличишь. А, плевать, ведь Конрад меня и такой любит. Все остальное не имеет ни малейшего значения. Так что не будем отвечать на этот королевский выпад. Зато меня умной назвали, это гораздо важнее.

— Спасибо за доброе мнение, Ваше Величество.

Кажется, Губерт не сразу понял, о чем я. Он-то думал, что меня мордой в грязь макнул, а я вдруг благодарю... затем снова рассмеялся.

— Ого, кроме ума у тебя есть еще выдержка и потрясающая уверенность в себе. Ну так вот, — перешел он к другой теме, — Что из того, что ты мне написала, правда?

Я что, больная — ему врать? В лучшем случае могу умолчать о чем-нибудь.

— Все, Ваше Величество. Я бы не рискнула Вам лгать, да это и не в моих интересах.

— Хорошо. А о чем ты умолчала? Ведь умолчала же ты о чем-то?

Пришлось изображать бурный мыслительный процесс, вроде я пытаюсь вспомнить:

— Наверное, сейчас не соображу. Когда писала, старалась все факты втиснуть, чтобы выглядело не голословно., но могла что-то забыть или пропустить, потому что времени у меня было маловато.

— Кто знал, что ты мне написала?

Ответила честно, как есть. Если король не верит в существование домовых — это его проблема.

— Мой домовый. Он письмо переправлял. Только... домовые чужим тайны своих хозяев не открывают, вы же знаете, Ваше Величество.

Надо же! Ни вопросов, ни возражений. Как будто домовые — почтальоны для него в порядке вещей. Его интересовало другое.

— Даже мужу не сказала?

— Я боялась, что он начнет беспокоиться и предпримет какие-нибудь действия... Опасные... Да, я ему не сообщила.

— У вас же связь! Насколько мне известно, он мог все прочитать прямо из твоей головы.

Ага, про то, что такое разделение жизни король тоже в курсе.

— Конрад благородный человек, Ваше Величество, и не позволяет себе подобного. Иначе это не отношения, это рабство. Он узнал о письме позавчера, я проговорила, когда стало известно, что вы приезжаете.

Кажется, я не убедила короля. То ли он не поверил мне, то ли решил, что я слишком наивная для моего многоумного и опытного мужа. Но вслух этого не высказал, перевел

тему:

— Ты знаешь, что отец Эберхарда Герхард уже в тюрьме и дает показания?

— Откуда, Ваше Величество?

Оперативно король работает! Если папу взяли за яйца, сынку деваться некуда.

— Ты не спрашиваешь меня, что он говорит?

— Зачем, Ваше Величество? Если вы захотите, сами расскажете, а если нет, то я буду выглядеть душой со своими вопросами.

Тут Губерт расхохотался в третий раз. Интересно, то, что я его смешу, это для меня хорошо или нет?

— А ты соображаешь. Нет, я пока не собираюсь ничего тебе рассказывать. Сначала мне надо пообщаться с твоим мужем. Да, последний вопрос: что ты можешь сказать о принцессе Лилиане. Что она красотка, я видел. Но я не хочу подкладывать Хельмуту свинью, все-таки он мой внучатый племянник. Так что там Лилиана? Ты же с ней знакома?

Ой, как он вопрос строит... Ответим по уму.

— Да, Ваше Величество, я неплохо знаю принцессу Лилиану. О ее красоте вы можете судить сами. Я даю ей уроки математики в рамках курса общей магии. Что могу сказать? Она девушка с головой. Быстро соображает и с удовольствием учится. К сожалению, ее подготовка оставляет пока желать лучшего. До недавних пор ее готовили в жены какому-то имперцу, а, говорят, в Империи умные жены, да еще и наделенные магическим даром, не котируются. Сейчас же она быстро наверстывает упущенное.

Губерт слушал меня с интересом, время от времени скептически поднимая бровь, но, кажется, мой ответ его удовлетворил.

— Ты посоветовала бы ее оставить здесь до завершения образования?

— Я посоветовала бы дать ей возможность завершить это образование, а уж где именно, не настолько важно.

Произнося эти слова, я невольно прислушивалась: даже через две двери было слышно, что в коридоре что-то происходит. Кажется, Конрад проснулся и пошел меня искать. Если он сюда ворвется, будет плохо всем. Значит, надо закругляться и выходить. Кажется, король самостоятельно дошел до той же мысли, потому что сказал:

— Иди с миром, дитя мое, и пришли мне сюда своего мужа. Мы потолкуем.

* * *

Я быстренько вскочила, сделала реверанс и вылетела в гостиную, куда уже почти вломился Кон. Бедный лакей с трудом его сдерживал.

Пришлось принять экстренные меры. Я распахнула дверь и с радостным визгом повисла на шее мужа. Затем потерлась носом об его ухо и прошептала:

— Кон, все отлично. Не переживай. Мы с королем так плодотворно пообщались... Теперь он ждет тебя.

Он посмотрел на меня совершенно одурелым взглядом, затем вдруг пришел в себя, чмокнул меня в нос и сказал слуге:

— Сообщи своему королю! Архимаг Конрад ар Герион явился для беседы!

Бедный лакей пошел докладывать, а мы с Коном успели обменяться парой — тройкой фраз. Оказывается, он проснулся, не нашел меня рядом и испугался, но потом сообразил, что

искать сбежавшую жену следует у короля, то ли Губерта, то ли Горана. Сначала он проверил местного монарха. У Горана сейчас сидят Рик с Грегоричем и пытаются ему все объяснить. Там он узнал, куда поместили Губерта и уже собрался брать его покои штурмом, как появилась я.

Не успела я ему сказать, что пока вроде все нормально, как вышел слуга и пригласил Конрада в кабинет, а меня препроводил туда, откуда на рассвете вывел: в гостиную с диванчиком. Милое дело! Заняться в этой дурацкой гостиной было абсолютно нечем: ни книг, и бумаги, ни даже конфет тут не было.

Уйти без Кона я не могла, шляться по дворцу тоже, оставалось ждать, тысячу раз прокручивая про себя разговор с королем Губертом. Я буквально ела себе мозг, пытаюсь представить, как можно было лучше ответить на его вопросы, какие слова я забыла сказать, а какие сказала не к месту и не ко времени. Идиотское, между прочим, занятие. Все равно экипаж уже уехал.

Попробовала отвлечься и подремать, даже сняла туфли и залезла на диван с ногами... Зря. При попытке закрыть глаза самоедство расцвело пышным цветом, уверяя меня, что я все испортила и теперь нас с Конрадом обязательно убьют. Пару раз вскакивала, чтобы скорее собрать вещи и бежать как можно дальше, например, на Остров Магов. Останавливала только мысль о том, что Конрад пока не вернулся от короля, а одну меня там не ждут.

Мои муки не вовсе прекратило, но значительно ослабило только появление Рихарда.

— Вот куда они тебя засунули! В бывшие покои королевы — матери, фрейлинскую малую гостиную. А я ищу — ищу...

Ну вот, я теперь хотя бы знаю, что догадалась правильно. Комната придворных дам. А что Риду от меня надо? Ответ не заставил себя ждать:

— Марта, ты сиди, не вскакивай. Я тоже с тобой подожду твоего мужа. Мне не с руки Берти на глаза лезть, а сюда он сунуться не догадается. — Почему же?

— Он вообще не в курсе, что эти покои существуют.

Ой, я не то спросила.

— Откуда ты знаешь, что он тебя ищет?

— Да не ищет он меня... Я в окно видел, как он примчался на взмыленном коне и спрашивал, где теперь король Горан. Хорошо, я заранее научил слуг, что этому типу не нужно ничего лишнего рассказывать. Марта, ты меня осуждаешь?

Я не сразу поняла ход его мыслей.

— За что?

— Ну, он все-таки мой брат единокровный... А я его собираюсь сдать...

Да, не так просто решить, что для тебя важнее: формальные узы крови или проверенная временем дружба. Хорошо, что у меня с моими родственниками не такие малоприятные отношения.

— Скажи, а он за всю свою жизнь сделал тебе что-то хорошее?

Рихард честно напряг память:

— Не помню такого.

— А Конрад?

— Ну... Конрад мне много чего хорошего сделал. Помогал, поддерживал, отмазывал... Как-то раз даже денег дал и сюда ради меня поехал, хоть у него были предложения поинтереснее. Вообще он мой друг.

— А я, Рик?

— Ты? Ты тем более мой друг! И как жена Кона, и сама по себе! Думаешь, я не ценю, какую ношу ты с моих плеч на свои переложила? Во многом можно меня упрекнуть, Марта, но неблагодарности среди моих недостатков нет! Постой! Ты считаешь, что в данном случае мне пришлось выбирать между друзьями и родичем и я выбрал друзей?

Пришлось ответить как можно более обтекаемо, но так, чтобы никто не усомнился в моей позиции.

— Примерно так. А еще ты выбрал между сумятицей и нестроением у себя на родине и нормальным правлением нормального короля.

Рик вдруг спросил:

— Тебе Губерт понравился?

— Ну, не так чтобы я от него в восторге. Я вообще королей скорее побаиваюсь, нежели ими восхищаюсь. Но в целом... Я же говорю — нормальный! Вполне вменяемый король, даже, я бы сказала, умный и адекватный.

— А что ты тут сидишь и вся трясешься?

— Боюсь! Не знаю, как он с Конрадом поладит.

— Ну, если он такой адекватный, как ты говоришь... А тебе не кажется...

Ой, знаю я, что он хочет спросить! Не будет ли Конрад лучшим королем, чем кто бы то ни было. Так вот, мой ответ — нет! В смысле, мне плевать, каким он будет королем, мне важно, будет ли он счастлив от такой жизни. При его гиперответственности и абсолютной неподготовленности к правлению, он за год с ума сойдет. Оно нам надо? Так что Конрад не будет королем пока я жива! А я надеюсь прожить с ним долгую жизнь. Вслух я сказала:

— Мне не кажется, я точно знаю: все это глупости!

— Ну ты же даже не дала мне досказать!

— А нужно?

— Не нужно, — спустил парус Рихард.

Пока я с ним так препиралась, совсем забыла, что нервничала. Мне хотелось узнать, зачем с утра пораньше сюда примчался Эберхард, как он узнал, что король отбыл в столицу и в курсе ли он, что Губерт здесь. Рику, как выяснилось, это тоже было интересно. Он обошел комнату по периметру, встал напротив небольшой картины, изображающий закат и парочку волов на пашне, повернул ее сначала направо, затем налево и продемонстрировал мне темный зев открывшегося прохода:

— Прошу, дорогая! Что не знаем, то выясним!

Молодец наш Рихард! Выходит, он наизусть знает карту тайных ходов сармионского дворца! Интересно, как вышло, что меня поместили в комнату, где есть туда вход?

* * *

Но спрашивать я не стала, а нырнула в темноту вслед за Риком. Сначала мы спустились на один этаж, затем поднялись обратно и застали самый конец разговора Губерта с Коном. Небольшое зеркало должно было показать стол и тех, кто за ним сидит, но мужчины ушли от него к двери, так что мы слышали только голоса. Сначала заговорил король Губерт:

— ... Ну что ж, если ты готов принести клятву, другое дело. Меня это устроит.

Конрад отвечал ему с большой долей скепсиса:

— А моя жена — недостаточная гарантия?

— Для меня — да, но есть и другие, которые могут не захотеть обратить на это внимание. Так что клятва будет вернее.

Ответ Конрада прозвучал резко, как будто тот спешил оборвать неприятную беседу:

— В любой момент, когда Вашему Величеству будет угодно. — Ну, не надо так. Мы же все-таки братья. Я вчера чуть не спятил, когда тебя увидел. Как в зеркало посмотрел!

Ответа своего мужа я не услышала. Король хмыкнул и добавил:

— Думаю, сегодня, в крайнем случае завтра, король Горан даст бал и на нем объявит сразу о двух помолвках. Вот там все и устроим. А сейчас иди к жене, отдохните, придите в себя.

Что он собирается устраивать, да еще с помощью моего мужа? Ну да ладно, с этим будет время разобраться. Но, раз Кон ушел, надо торопиться. Сейчас он вернется в дамскую гостиную, а меня там нет!

Рик тоже это понял и мы побежали. Влетели практически сразу после того, как Конрад вошел и стал озираться. Увидев Рика, хмыкнул:

— Повел мою жену шпионить? Кто бы сомневался. И много вам удалось услышать?

Я с сожалением пожала плечами:

— Почти ничего. Только поняли, что Губерт требует от тебя какую-то клятву.

— Не какую-то, а отречение от прав на престол для меня и моих потомков на веки вечные. И я ее с удовольствием дам. Не хватало еще, чтобы за нашими детьми начали охотиться психи, желающие пробиться к трону.

Ну не прелесть ли у меня муж? Детей еще в проекте нет, а он о них уже заботится. Через годик надо будет снять мое противозачаточное кольцо и порадовать Кона наследником. Вдруг ему дар передастся и у меня в семье будут целых два мага? Только чур, преподавание я все равно не брошу!

Рихард переключил внимание Конрада на себя:

— Слушай, мы тут хотели пошпионить еще немного. За Эберхардом понаблюдать.

Мой муж удивился:

— За Берти? А он здесь откуда?

— Меньше часа назад прискакал весь в мыле. Препирался с прислугой и стражей на входе, а сейчас удалился в выделенную ему комнату. Я даже знаю куда. В бывший кабинет министра двора. Пойдем посмотрим?

Конрад, ничего не говоря, шагнул в тайный ход, мы с Риком за ним.

Мой муж знал все ходы и выходы еще лучше своего друга. С ним мы просто бежали по узким коридорам. Время от времени он притормаживал и махал рукой. Тогда раздавались, ну, или не раздавались голоса за стеной. Не услышав ничего интересного, мы бежали дальше.

Меня поначалу удивляло, что мы движемся по каменному полу совершенно бесшумно, но потом я поняла, что это очередная магия. Подслушивающие и поглядывающие не должны привлекать к себе внимания.

В одном месте Конрад, завернув за угол, вдруг остановился как вкопанный. Я не успела затормозить и влетела в него на полном ходу, а в меня впечатался Рихард. Конрад устоял. Повернулся к нам, сделал страшные глаза и приложил палец к губам.

Я поднырнула под его локоть и высунула голову, чтобы посмотреть что там такое. Картина маслом. Принцесса Лилиана собственной персоной стоит и смотрит куда-то в

стену. Мне кажется, или она за принцем Хельмутом подглядывает?

Рик тоже решил посмотреть, что происходит и случайно толкнул и меня, и Конрада, да так неудачно, что мы все втроем грохнулись на пол. Лилиана тихо взвизгнула и быстрее молнии исчезла в переходах. Поднявшись, мы подошли к тому месту, где она стояла.

Все верно, это была спальня, отведенная Хельмуту. Принц спал как младенец и во сне у него был очень трогательный вид. Если он не понравится Лилиане, я тогда не знаю, кто вообще может ей понравиться. Ну, кроме Рихарда, разумеется. Но наш ректор — неподходяще увлечение для юной принцессы. Тем более что он и сам в этом убежден.

Долго любоваться на спящего Хельмута было некогда. Конрад спешил выяснить, что на уме у Эберхарда, а его поместили в самом дальнем крыле дворца, предназначенном для административных надобностей. Когда мы туда добежали, красавчик Берти был один. Он ходил из угла в угол, тихонько ругаясь себе под нос.

Похоже, он сам только недавно избавился от присутствия слуг и все никак не мог успокоиться.

Вдруг дверь в соседнее помещение приоткрылась и в щель скользнула щуплая, невысокая, но очевидно мужская фигура. Берти зашипел, как клубок змей:

— Ну наконец-то! Сколько можно?

— Уймись, Берти, или я уйду и ничего тебе не расскажу, — ответил вошедший.

Для меня это был совершенно незнакомый тип, но и Рик, и Конрад, при виде него заскрипели зубами. Узнали старого знакомого?

— Ладно, проехали, — буркнул Эберхард, — ты можешь объяснить, почему король сорвался в столицу, никому ничего не сказав? Кого он решил кинуть?

Щуплый мужичонка ехидно захихикал:

— Тебя, дорогой, тебя.

Эберхард был поражен в самые печенки.

— Как? Он все-таки встретился с Виталином и теперь отказывается от брака с Розамундой?

— Об этом мне ничего не известно. Знаю только, что сегодня ночью Розамунда прибыла сюда, в Сармион, в обществе собственного папаша.

— Демоны! Губерт здесь! Он видел Конрада?

— А ты думал, у него глаз нет? Конечно видел. К счастью, еще не общался, но это не за горами.

Ага, этот щуплый еще не знает, что король успел поговорить не только с Коном, но и со мной. Интересно, кто его информацией снабжает?

— И что мне делать?

Щуплый развел руками, а затем проговорил задумчиво:

— Я бы попробовал избавиться. То ли от Конрада, то ли от Губерта, все равно. Можно от двоих сразу, но это вызовет подозрения. Если не будет Конрада с его бабой, Губерт ни до чего не дознается, некому будет ему рассказать. Если с Губертом случится беда, на трон сядет его страшный сыночек, а с ним ты найдешь общий язык. Так что думай, соображай. Пока тебя воспринимают как преданного эмиссара собственного короля, у тебя еще есть время.

Эберхард взорвался:

— Второй вариант меня не устраивает! Губерт — младший меня не любит, а отца так просто ненавидит. Думаешь, я зря затеял смену династии?

На собеседника Берти его вопли не произвели никакого впечатления. Щуплый чуть ли не рассмеялся ему в лицо.

— Ты это называешь сменой династии? Выдать Конрада за его брата? Они же просто на одно лицо! Все были бы уверены, что король тот же самый. А когда ты женил бы его на своей сестричке... Но что говорить о том, чего не может быть! Браком с этой девчонкой мужик сломал тебе такой отличный план!

То есть, ты мне советуешь убрать именно его.

— Ну, не мне тебе советовать... Но, да, как-то так... Это более безопасный на сегодня вариант.

— Отказ от всего, к чему я стремился!

— Зато ты сохранишь жизнь, здоровье и положение. И поторопись: маги не дремлют! То, что ты не сделаешь сегодня, завтра можешь спокойно уже не делать. Или ты собираешься ждать, когда за тобой придут?

Мы слушали этот диалог, затаив дыхание. Хотелось узнать побольше, но где-то далеко за дверью комнаты Эберхарда раздались шаги. Кто-то топал сапожищами, скорее всего стражник.

Тайный гость с сожалением махнул Берти рукой и исчез в той же щели, из которой вылез. Кажется, он не все сказал дипломату и был этим недоволен. Эберхард заметался по комнате, схватил портфель из тисненой кожи, в котором носил документы, пошарил в нем, достал пару крошечных флаконов и рассовал их по карманам. Вовремя! Как только он закончил, дверь в коридор распахнулась: за ним пришли.

Мы не зря слышали топот издалека. Стражников было не два и даже не четыре. За Эберхардом пришел целый десяток. Пусть теперь гадают: это почетный караул из уважения или конвой?!

* * *

Мы не стали дожидаться, когда Эберхарда уведут. Конрад подхватил мою руку и потянул к находившейся рядом лестнице. Рик кинулся за нами. Мужчины неслись по переходам и волокли меня за собой, а я благословляла магию, глушившую звуки. Без нее мы бы топали как табун бешеных коней и перебудили бы весь дворец.

Я не спрашивала у Конрада, куда мы бежим, потому что мы все догадывались, куда повели Берти. К Губерту на свидание! Мой муж явно хочет прибежать туда раньше конвоя и прослушать весь разговор с начала и до конца. Вот я и молчала. К тому же мне просто воздуху не хватало: не привыкла я столько бегать.

Мы просчитались. К кабинету, где еще недавно мы беседовали с королем Гремона, никого не было. Подождали немного... Ничего. Кажется, Губерт ушел отдыхать и совершенно не собирался больше ни с кем встречаться.

Кон дернул себя за нос и сообщил нам с Риком результаты своих размышлений:

— Если он не у Губерта, значит у Горана. А в его кабинете нет возможности подслушивать и подсматривать. Да и бежать туда... далеко и без толку. Вот и гадай теперь...

Может, оно и хорошо? Я устала уже шнырять по тайным коридорам. К тому же есть еще одно соображение...

— Не пора ли нам вернуться туда, где нас поместили? Вдруг кто-то придет, а нас нет?

Как объяснять будем?

Рихард поднял палец:

— Вот, слушай, что жена говорит. Марта права: уже утро и за вами могут прийти.

— А за тобой? — насмешливо отозвался Кон.

— За мной тоже. Но если никто точно не знает, где я, то вы по идее не должны были покидать той гостиной, в которой вас устроили. Так что бежим!

И мы опять побежали.

Правильно сделали. Не успели мы влететь в комнату и плюхнуться кто куда, как пришел слуга и принес поднос с завтраком на двоих. Увидел Рика и стал извиняться. Он не знал, что нас тут трое.

Рихард милостиво простил ему эту ошибку и послал за своей порцией. Лакей обернулся быстро, мы едва успели отдышаться и немного прийти в себя. Но стоило нам начать завтрак, как явился Грегориц, к счастью, уже сытый.

Он обратился к мужчинам.

— Ну что, кажется, все идет неплохо. Мы изолировали Эберхарда от внешнего мира и он пока не знает, что король Губерт здесь.

— Уже знает, — грустно констатировал мой муж.

— Откуда..., — начал свою реплику Грегориц, но не закончил ее.

Ответ пришел от Рихарда.

— Мы все трое были свидетелями, как ему сообщили эту новость.

— И кто? — кажется, от гнева у Грегорица сейчас из ушей дым повалит, а изо рта огонь.

— Твой первый заместитель господин Сабинич, — равнодушным тоном произнес Конрад.

— Лойко? Лойко? Не может быть! Вы обознались!

Да, тяжело бывает так разочароваться в ближайшем сотруднике. Но, я думаю, парни не могли его не узнать. А мне это имя ничего не говорит. Абсолютно.

Рихард вдруг это сообразил и решил меня привлечь как независимого свидетеля.

— Не веришь нам? Послушай Марту. Она твоего заместителя в жизни не видела, зато хорошо разглядела того парня, который все рассказал моему братцу.

Грегориц обернулся ко мне.

— Марта, вы могли бы описать того человека как можно подробнее и по возможности воспроизвести весь диалог между ним и господином послом?

Это было непросто: хотелось спать и мозг совершенно не желал работать. Но раз надо, значит надо. Я напряглась и выдала:

— Ну, он был такой... Невысокий...

А затем как будто увидела этого неприметного человечка и стала описывать как если бы глядела на картинку:

— Он был примерно с меня ростом, худой, сутуловатый, щуплый. Возраст... Не скажу. Ему могло быть и тридцать, и пятьдесят. Морщины были, но в основном мимические. Одет... В сером сюртуке и серых же штанах, вообще производил впечатление чего-то серого, невзрачного. Волосы тоже серые, в смысле русые. Лицо... Треугольное. Высокий и широкий лоб с залысинами, а все, что ниже бровей, узкое. Тонкогубый рот, невыразительный подбородок, глаза серые, глубоко посаженные. Нос не очень большой, но такой... у переносицы узкий, в середине широкий и загибающийся к нижней губе. Как будто он долго стоял, прижавшись им к чему-то плоскому.

— Все, стоп, — остановил меня Грегориц, — я узнаю Лойко по описанию. Это действительно он. Теперь давайте слова.

Я, старательно напрягая память, передала разговор Берти с Лойко как можно ближе к тексту. Мужчины мне суфлировали. Надо сказать, втроем мы легко воспроизвели всю сцену и ничего не упустили. Грегориц достал блокнот и торопливо записывал.

Надо кого-то попросить зачаровать ему перо для письма под диктовку.

Все было хорошо ровно до того момента, пока я не сказала про два флакона.

Грегориц подскочил как ужаленный, рывкнул: "Да что же ты раньше молчала!" и сорвался с места, только мы его и видели.

Кажется, он меня правильно понял.

Минут через двадцать после этого вместе со слугой, пришедшим забрать грязную посуду, вошел некий тип в штатском и предложил препроводить в отведенные нам комнаты. Его Величество король Горан просил нас остаться здесь до завтрашнего бала и при этом избегать какого-либо общения. В общем, новый домашний арест, теперь уже в королевском дворце. А я грешным делом думала, что мы сможем вернуться в школу.

Комнаты нам отвели весьма умно: не в главном здании, а в маленьком флигеле в саду. Какой-то предок Горана построил его для фаворитки, затем все последующие короли использовали это помещение как временное убежище для тех, кого король хотел иметь под рукой, но кому лучше было при дворе не показываться. Любовницы на пару ночей, тайные агенты... Теперь мы попали в ту же категорию.

О парковом флигеле нам рассказал тот же тип, который нас туда отвел. Заодно пообещал кормить, поить и снабжать всем необходимым, начиная от белья и зубных щеток и кончая бальными туалетами. Попросил каждого написать список, чтобы забрать и доставить нужное из наших квартир. Конраду пришлось дать ему амулет — ключ и научить им пользоваться, пока я писала список.

Нам с Конрадом предоставили одну комнату на двоих, а Рика поселили отдельно. Думала, он задержится, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию, а он помахал нам ручкой, ушел к себе и дверь закрыл.

Сейчас я хорошо прочувствовала на себе, что значит Конрад на меня обижен. Вместо того, чтобы поговорить со мной или приласкать, он выбрал самый сел в кресло, достал из кармана небольшой томик и углубился в чтение. Вроде раз я все решаю сама, то и в остальном могу без него обходиться. Ему хорошо, есть что почитать, а у меня не нашлось и такого занятия. Пришлось плюхнуться на кровать и сделать вид, что сплю.

По ходу дело меня распирало от нехороших предчувствий. Обычно я им не подвержена, но тут... Заперли в чужом помещении, делать нечего, зато думать можно обо многом, особенно в условиях недостатка информации. Вот я и пережевывала все, что узнала, рассматривая со всех сторон и пытаясь догадаться о том, чего не знала. От ментальной жвачки очень быстро начала болеть голова, а мысли тали путаться. Этак с ума сойти недолго.

К счастью, Конраду надоело сидеть в кресле и он улегся на кровать рядом со мной. Сделал это так, что можно было подумать: меня здесь нет. А вот и неправда! Вот она я!

Если завтра нас могут убить, то зачем сегодня портить себе жизнь и воротить друг от друга нос?

Подвалилась ему под бочок, потерлась щекой о рукав, просунула пальцы туда, где застегивается рубашка, и начала расстегивать пуговичка за пуговичкой. На третьей Конрад

сдался.

— Одуванчик мой! — выдохнул он мне в макушку.

А мне вдруг так тепло стало... Раз "одуванчик", значит больше не злится. Понял и простил.

Книга полетела на пол. Теперь его руки ловко расстегивали мое платье, а его губы блуждали по моей шее. Да, в таких условиях я готова тут сутки безвылазно просидеть.

В общем, когда слуга принес нам ужин, я только забила под одеяло. Чтобы предстать перед лакеем мне пришлось бы очень долго одеваться. Рубашки бы точно не хватило. Конрад же обошелся штанами. Мужчины в этом отношении имеют определенные преимущества.

Ели мы, сидя на постели. Попутно Кон изложил мне содержание своей беседы с королем Губертом.

Оказывается, монарх подозревал о существовании брата — бастарда, но ничего не знал точно. Он прочел об этом в дневниках своего отца после его смерти, но там все было так зашифровано, что точных данных король не получил. Ни имени, ни фамилии дамы и младенца он так и не выяснил. Оставалось присматриваться к подданным: кровь королей — не водица, семейное сходство по мужской линии сохранялось в ней на протяжении столетий.

Но никого, похожего на него самого, Губерт за эти годы не увидел и успокоился. Решил, что дитя, скорее всего, просто не выжило. Если учесть активность королевы — матери, то это было вполне здоровое предположение. Так что явление Конрада было для короля легким потрясением. К счастью, мое письмо его подготовило, а то шок мог быть гораздо сильнее им глубже.

Король прекрасно понимал, что незаконный сын его отца мог стать для него опасным конкурентом. Много лет в стране была тишь да гладь, но не всем это нравилось. Есть те, которые в такое благодатное время теряют свое значение и свои доходы, поэтому не так давно в Гремоне снова начались смуты. Губерт никак не мог выяснить точно, кто за ними стоит, чего добивается и на что надеется.

Мое письмо открыло ему глаза.

Фар Арвили всегда были очень близки к престолу, хотя сами никаких прав на него не имели. Это обстоятельство давало королю возможность им доверять. Как выяснилось, напрасно.

Узнав от меня о деятельности Эберхарда, Губерт прижал Герхарда и тот выложил ему все, что знал и что только подозревал.

Старого фар Арвиля раздражало то, что он сам и его семья теряют свое влияние. Сам король давно не пользовался его советами и держал при дворе как декоративную фигуру. Его дети — принцы и вообще смотрели на старика — дипломата как на музейный экспонат, а его попытки что-то им посоветовать встречали здоровым смехом. Эберхард же не приобрел серьезного влияния, потому что отец до последнего времени держал его подальше от важных дел.

Еще бы! В свое время Берти так опозорился! Именно его оболестила Леокадия, когда воровала артефакт из королевского дворца. Он ее провел и вывел, а понял, что совершил, только потом, когда коварная красotka сбежала с добычей. Герхарду с трудом удалось отмазать сына, доказывая, что он был под ведьминскими чарами и больше такого не повторится.

Ему простили, но не забыли.

Из-за этого подготовленный для высшей дипломатической карьеры Эберхард пробавлялся разовыми не очень важными поручениями и не мог рассчитывать на карьеру. Герхарду с трудом удалось пропихнуть его на место чрезвычайного посла, который должен был посватать Розамунду Горану.

Помогло то, что Герхарду через своих знакомых при Лиатинском дворе удалось сделать его миссию двойной. Ну, и то, что тот, кого Губерт собирался послать, вдруг слег с воспалением легких.

В тюрьме Герхард признался, что это было подстроено. В один из конвертов дипломатической почты, поданной на стол бедняге, подсыпали некий порошок, который при вдыхании вызывал сильнейшее воспаление дыхательных путей.

Но тогда это не стали расследовать. Губерт бы не стал торопиться, но принцу Хельмуту донесли, что Лилиану могут не сегодня завтра выдать замуж. А где он тогда будет себе подходящую невесту искать? Вот и поехал в качестве чрезвычайного и полномочного посла Берти.

В принципе не такая плохая кандидатура. Он умеет себя держать, хорош собой и производит впечатление значительной личности. Для разового поручения да еще с матримониальным оттенком годится как никто. Кто же знал, что он встретит тут Конрада и тут же сочинит заговор!

Сейчас Губерт в недоумении, он не может сообразить, как следует поступить. Дома он бы живо отправил его в темницу и прислал дознавателей, а здесь... Он на чужой территории и не может свободно распоряжаться. Горан ему помочь не может: он принял от посла верительные грамоты и теперь для него Берти — лицо неприкосновенное.

К тому же дело насчет женитьбы Эберхард провел просто отлично, не к чему придираться. Если сейчас начать скандал, это может отразиться на детях. Ни Розамунда не выйдет за Горана, ни Хельмут не сможет жениться на Лилиане. Кроме того, что придется подыскивать других женихов и невест, это может сыграть на руку Корталу. А усиливать позиции Кортала в Девятке у короля Губерта нет никакого желания, и так они слишком много власти себе забрали.

Все это очень интересно, но какую клятву требовал Губерт с моего мужа?

Конрад, услышав мой вопрос, пожал плечами:

— Магическую. Я должен поклясться, что ни я, ни мои потомки никогда, ни при каких условиях не будем претендовать на трон Гремона.

И что он так тяжело вздыхает? У меня нет ни малейших возражений. Дал бы уже эту клятву, пусть Губерт радуется. Кон пояснил:

— Одуванчик, я не уверен, что этого будет достаточно. Губерт боится, что моя специфическая внешность может соблазнить не только фар Арвилей.

Вот глупости! Я тут же принялась перечислять причины, которые страхуют короля от опасности со стороны Конрада.

— Смотри: клятва — это уже кое-что. Далее. Ты не являешься гражданином Гремона, ты гражданин Валариэтана. У тебя жена простолюдинка. Ты живешь в другой стране и соотечественники просто с тобой не знакомы. Твоя семья...

— Ну, ар Герионы достаточно сильны, чтобы противостоять любым инсинуациям. С их стороны я опасности не вижу.

— Тогда в чем дело?

— Он король, Марта. До мозга костей король. А короли должны быть предусмотрительными и думать не о чувствах, а о безопасности своей страны и династии.

Он прав. Король видит в моем муже угрозу своей династии и отрешиться от этой мысли ему очень трудно. Какая же я дура! Справившись с одной опасностью, навлекла на себя другую, много хуже. У короля возможностей больше, чем у простого дипломата.

А так мне Губерт даже понравился. По крайней мере я теперь знаю, как будет выглядеть Конрад, когда постареет.

* * *

Утром нам принесли все наши вещи из дома. Даже мое любимое платье с оборочками цвета глицинии не забыли. Хоть оно и не новое, но при дворе я появлюсь в нем впервые. Знать бы еще, чего ждать!

— После завтрака прискакал Рихард. Глаза у него горели:

— Ребята, я нашел Берти! Горан его поместил рядом с собой и никого к нему не пропускает. Обсуждает с ним достоинства прекрасной Розамунды. Берти уже со стула от усталости падает, а Горан делает вид, что ничего не замечает. Всю ночь с ним просидел!

Конрад заинтересованно вскинул голову:

— Точная информация?

— Точнее не бывает! Сам видел!

Я задумалась. Как это может быть? Ведь Рихард здесь, в отдельном флигеле. Кон понял мои сомнения.

— Одуванчик, он ходил во дворец подземным ходом, а тот ведет прямо в королевских апартаментах. Ты же помнишь, для кого строился этот флигель?

— Для фаворитки?

— Именно. У короля должен был быть постоянный доступ к любимому телу, так что...

Понятно. Жаль, нас там не было. Конрад пояснил:

— Тайный ход начинается как раз в той комнате, куда поместили Рика. Вот он и воспользовался. Успокойся, Марта. Разве мы с тобой плохо время провели?

Это да, он прав.

Зашедший к нам Грегориц сообщил, что все придворные, Виталин и Филодор еще ночью вернулись из охотничьего замка, к балу все готово и он начнется сегодня ровно в четыре. Король спешит, чтобы никто ничего не узнал раньше времени и не имел возможности влезть и все испортить.

К сожалению, ему не удалось передать королю информацию о флаконах с ядом, но он приставил к Эберхарду людей, которые должны глаз с него не спускать, следить, чтобы тот не достал ничего из кармана.

Они не сводят с него глаз даже в королевских покоях, ведь от прослушивания и подглядывания защищены только внутренние личные покои Горана, а туда он Эберхарда ни за что не поведет.

Выходит, вчера у нас был шанс все увидеть собственными глазами?

* * *

Казалось, у нас полно времени, но пока мы обсуждали имеющуюся информацию и пытались выработать стратегию поведения на этом балу, а затем переодевались в парадные наряды, он незаметно закончилось.

Я едва успела залезть в платье и чуть — чуть подкрасить физиономию, как пришел слуга и сообщил, что нас ждут в бальной зале. Как удачно, что вопрос прически у меня решен радикально: пара взмахов расческой и все.

Пока шли до дворца, сотрудник Грегориша, ожидавший нас за дверью, передал указания начальства и сообщил общий план действий.

Эберхарда решено было брать с поличным. Король Горан обвинит его в попытке совершения преступления, а король Губерт снимет звание посла, что будет означать конец дипломатической неприкосновенности.

За Берти будут следить все, кто только может. Мы тоже.

Поэтому вот расписание на сегодняшний вечер.

Для начала торжественная встреча двух королей и представление принца и принцессы. От этого события опасных моментов Грегориш не ждал. Гости должны стоять тихо и быть простыми зрителями. Любое сомнительное движение будет расценено службой безопасности как агрессия и немедленно пресечено.

Затем должно было последовать предложение руки и сердца и объявление о помолвке. В этот момент ряды гостей могут смешаться: все захотят быть поближе к месту действия, чтобы рассмотреть женихов и невест в подробностях, и удержать их от этого можно в лучшем случае военной силой.

Тут нам предписывалось подобраться как можно ближе к Эберхарду, желательно сзади, чтобы он нас не заметил, и следить за его руками. А вдруг один из флаконов не яд, а взрывчатка?

Я глянула на мужа, он ободряюще мне кивнул. Мол, не бойся, с ведьминским зельем я как-нибудь справлюсь.

Следующим номером нашей программы идет обручение при участии жреца Доброй Матери. Все опять выстраиваются рядами, так что этот торжественный момент Грегориш признал безопасным.

Затем танцы. Самый сомнительный этап из всех: каждый может свободно перемещаться по залу и делать что душе угодно. В том числе и бросить яд в какой-нибудь бокал. Нам предписывалось не спускать с гада глаз.

Затем планируется торжественный обед. Тут Эберхарда будут окружать специально обученные люди, нас же посадят от него подальше, чтобы не искушать. Все же мы с Конрадом — наиболее очевидная мишень для убийства.

Ну спасибо, Грегориш, позаботился.

Я спросила, где Лойко, не ожидая, что мне ответят, но парень не замаялся ни на минуту: — У бывшего помощника господина Грегориша нет дипломатического иммунитета. Его уже допрашивают.

Вот как! Молодцы, что еще можно сказать!

В голосе парня слышалось неприкрытое ликование. Кажется, он своего сослуживца не любил и сейчас видел в его падении шанс для себя. Везде интриги!

На этот раз в бальной зале были натянуты два шелковых каната, чтобы отгородить публику от королей и принцев. Ничего подобного я здесь еще не видела. Похоже, это и есть часть экстренных мер безопасности. Конрад подтвердил:

— Через эти канаты не перейдет никакая магия. Если бы ты обладала магическим зрением, то видела бы.

Как всегда, я могу довольствоваться только заверениями, что все в порядке, видеть это мне не дано. Но Кону я верю. Он знает, что говорит и делает.

Нас поставили в непосредственной близости от каната. Рик ткнул меня вбок и показал на двух мужчин, молодого и средних лет, богато одетых по моде, чем-то напоминающей элидианскую, и все же отличающуюся:

— Виталин и Филодор. Правда, красавцы?

Правда. Высокий, тоненький Филодор был похож на переодетую хорошенькую девочку — оторву. Такая милая скромняшка, от которой только и жди беды. Лилиана была права. Выходить за ЭТО замуж? Совсем надо дурой быть.

Его папаша Виталин стоял рядом и гордо улыбался. Они были очень похожи, только у старшего не было фарфорового цвета лица, зато имелись высокие залысины и глубокие складки у рта, делавшие его лицо брюзгливым. Пожалуй, Филодор, когда вырастет, станет таким же.

Но сейчас этот тип, видимо, был доволен. Эх, не знает от еще о визите Губерта с принцем и принцессой! Красавчик Филодор крутил головёнкой, присматриваясь к гостям. Точно такое выражение лица бывало у моего брата Марка, когда он планировал очередную шалость. Думаю, Фило недалеко от него ушел.

Эберхард появился незадолго до выхода короля и занял стратегическую позицию недалеко от трона прямо напротив нас. Орлиным взором окинул собравшихся, кинул на Конрада и на меня оценивающий взгляд, сухо раскланялся с братом и сделал вид, что мы его ни капли не интересуем.

Почему-то от этого у меня внутри все похолодело.

Наконец церемониймейстер объявил:

— Его королевское Величество король Горан и Ее королевское Высочество принцесса Лилиана!

Король торжественно ввел в зал свою сестру. Сегодня они оба нарядились в белое и выглядели великолепно. Красивее просто быть невозможно! Они прошли по залу, благосклонно всем улыбаясь, но не остановились и общаться ни с кем не стали. Быстро заняли свои места: Горан на троне, а Лили — на специальном креслице, стоявшем на ступеньку ниже.

Затем церемониймейстер снова объявил:

— Его Величество король Гремона Губерт, Ее Высочество принцесса Розамунда и Его Высочество наследный принц Лиатина Хельмут!

Пожалуй, кроме нас и Берти, этого в зале не ожидал никто. Меньше всех Виталин. Он прямо побелел от злости.

Король поднялся с трона, чтобы как должно приветствовать своих венценосных гостей.

Они тоже выглядели отлично. Губерт нарядился в синий бархат, Розамунда пришла в небесно — голубом, а Хельмут — в изумрудно — зеленом. Ему очень шло: в этом наряде его волосы казались темнее, чем они есть, а серые глаза отливали зеленью.

Кажется, он впервые увидел свою предполагаемую невесту и теперь не мог отвести от нее взор. Парень не ожидал, что Лили окажется такой красивой. Ничем не хуже Розамунды. Та же, в голубом платье и с лунного цвета волосами, казалась неземным созданием. Уверена, Горан успел заранее полюбоваться на принцессу, знал, кого ему сватают, но и он сейчас

смотрел на красавицу затаив дыхание. Она шла к нему навстречу, скромно потупив глазки.

Когда они дошли примерно до середины зала, Горан сорвался с места и бросился встречать будущего тестя.

Кажется, он немного не рассчитал. Встреча произошла прямо напротив замершего в ступоре Эберхарда.

Короли сначала поклонились друг другу, затем обнялись. После этого Горан обратился к Губерту:

— Я счастлив, что вы посетили меня, Ваше Величество! Ваш визит я рассматриваю как выражение ваших добрых чувств и со своей стороны спешу заверить в моей вечной дружбе! Но, кажется, вы решили осчастливить меня и мое королевство более, нежели я заслуживаю. Вы привезли с собой самый прекрасный цветок Гремона!

Он склонился, целуя руку Розамунды.

— Могу я просить вас, прекраснейшая, снизойти до того, кто пал жертвой вашей неземной красоты и согласиться стать моей женой?!

Эк завернул! Неужели сейчас придумал? Или наизусть заучивал? Но магию свою подпустил, не забыл. Розамунда поплыла, это по глазам заметно. Да и остальные люди в зале превращаются в тихих, радостных придурков. Спасибо, амулет меня спасает.

Я оглядела остальных участников сцены и поняла, что амулет есть не только у меня. Кто там не повелся на королевскую магию? Эберхард, ну, это ожидаемо, Виталин с Филодором, ребята Грегорича... Сейчас их легко было распознать.

Розамунда прошелестела тихо:

— Я согласна.

Зал взорвался ликующими криками.

Виталин сверкал глазами, но сделать ничего не мог: не уполномочен он мешать браку Горана. Нет у него для короля невесты.

А Филодор зря времени не терял. Мне было отлично видно, как он сколол булавкой платье двух придворных дам и подвинулся чуть в сторону, чтобы проделать то же самое с другой парочкой этих надоедливых куриц. Молодец мальчишка! Только жениться ему рановато, дурь пока между ушами играет. Вот лет через десять это будет жених!

Горан под ручку повел свою невесту к тронному возвышению, где расторопные слуги уже устанавливали кресла для гостей. Настала очередь принца Хельмута.

Он не подвел. Как только его представили Лили, он встал на одно колено и тоже попросил ее руки. Она кинула взгляд на Рика, который как раз смотрел в другую сторону, и приняла предложение.

Горан громко объявил, что сейчас будет помолвка и обручение сразу двух пар: его с принцессой Розамундой и Лилианы с принцем Хельмутом.

Тут, как и ожидалось, разразился скандал!

Виталин заорал так, как будто ему в зад воткнули раскаленное шило.

— Ваше Величество, как вы можете! Вы же дали слово моему сыну!

Я уточнила у Рика:

— Дал?

Он замотал головой:

— Нет, не давал. Они договорились в принципе, нечто вроде: а хорошо бы... Никаких бумаг подписано не было и клятв тоже никто не приносил.

Горан встал, чтобы ответить кортальскому гостю, Виталин сделал два шага вперед,

Эберхард тоже сдвинулся и оказался между ним и королем. Никто даже не заметил, как он умудрился переместиться так быстро и так далеко. Вот только что стоял за пять человек от этого места и вдруг...!

И тут я с ужасом поняла: вот оно! Мы не успеваем! У него не яд — у него бомба! Эберхард пошел ва — банк и сейчас будет побоище!

Я стояла и смотрела на весь этот кошмар, но не могла и молвить, ни вздохнуть, как будто меня отняли ноги и язык. Только молилась Доброй Матери: хоть бы кто-нибудь еще, кроме меня, понял, что происходит и сделал что-нибудь!

Медленно, очень медленно, как будто каждая минута растянулась на лигу, Эберхард сунул руку в карман и достал оттуда синий продолговатый флакон, обвязанный золотистой нитью. Одной рукой он пихнул Виталина в грудь, а другой быстро сдернул нить и швырнул пузырек прямо под стул Губерта.

Помню я показательный урок Нанни Гейл! Сейчас эта склянка стукнется о паркет и король взлетит на воздух вместе со всеми окружающими!

Но бомба не долетела. Откуда-то из-за моей спины метнулась темная тень, подхватила флакон у самого пола и отправила его в новый полёт. К счастью, король Горан не терпел духоты. Пара окон в зале были открыты и флакон вылетел в одно из них. Взрыв прогремел уже в розарии.

Оказалось, не я одна заметила маневры Берти. Конрад тоже был начеку. Он даже выпил специальное ускоряющее зелье, чтобы успеть в случае чего. Именно из-за него я видела все в таком замедленном режиме. Все-таки наша связь работает.

Дальше начался сумасшедший дом. Все кричали и порывались куда-то бежать, дамы, чьи юбки сколол Фило, повалились друг на друга и устроили кучу малу, остальные придворные метались, как подстреленные, даже не пытаясь понять, откуда может исходить угроза. Прилично себя вели только короли, принцы с принцессами да агенты службы Грегориша. Они живенько скрутили Эберхарда и потащили его в камеру с полного одобрения царствующих особ.

А у нас с Конрадом начался отходняк. И если он просто стал зеленый, как молодая травка, то я опустила на пол, не способная шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Грегориш дал своим парням сигнал и нас отнесли отдохнуть. Кон еще пытался изобразить из себя сильного мужчину, который может идти сам, но его уложили на носилки и посоветовали поиграть в раненого героя.

* * *

Все остальное в тот день произошло без нашего участия. Окончание скандала с Виталином, помолвка, обручение, обед и танцы... Я жалела только, что не пришлось мне потанцевать и покрасоваться в моем любимом платье. Но зелье ускорения вытянуло силы так, что мы смогли прийти в себя и уверенно встать на ноги только к полудню на следующий день.

Конрад попросил у меня прощения:

— Одуванчик, я не знал, что ты тоже потеряешь силы. Десять раз бы подумал, прежде чем так делать.

— Да ладно, что уж там... Ты всех нас спас. Если бы эта штучка бумкнула, тебе не

перед кем было бы извиняться.

Он криво улыбнулся.

— Скорее всего мы бы особо не пострадали. А вот те, кто был ближе к месту действия... Ты представляешь, какой силы эта бомбочка?

— Очень даже представляю. Примерно на пять шагов вокруг все было бы всмятку. Нас должно было задеть вполне прилично.

Меня заинтересовал вдруг вопрос:

— А что стало с теми амулетами, которые Леокадия украла, но не успела использовать? Они не всплывут? И почему Нанни не сказала ничего про пропавшую бомбу и... что там еще было у Берти?

Кон обнял меня покрепче:

— Не переживай, одуванчик, не всплывут. "Ледяные стрелы" нашли на трупе. А сеть Леа использовала, чтобы поймать меня. Мы пока не выяснили, откуда у Эберхарда взрывное устройство. Почему ты связала бомбу с Нанни Гейл?

Я запустила пятерню в свои кудряшки и начала дергать, стараясь сообразить:

— На показательном уроке у Нанни видела точно такую: та же форма, размер, синее стекло... Все совпадает. Она их делает сама и тогда показывала студентам. Как Эберхард добыл эту штуку?

— Думаю, так же, как и амулеты, с которыми Леокадия на тебя нападала.

Тогда и Нанни участвовала в заговоре? Мне не хотелось думать плохо о подруге Вольфганга. Конрад же возразил:

— Может, у нее ничего не пропадало? Может, она просто продала свое изделие и выбросила это из головы, а когда стало припекать, постаралась себя обезопасить? Она не кроткий ангел, Марта, она — боевая ведьма, а у них с этикой слабо. Не зря она пришла со своими признаниями к тебе, обычному человеку, который не мог бы ее разоблачить.

— Но мы же не можем просто так ее обвинить? А никаких доказательств кроме домыслов у нас нет. Да и не верю я...

Пока мы думали да гадали, пришел Грегориц. На него страшно было смотреть: уморенный, сине — зеленый, вылитое мертвие. С той самой минуты, как в розарии прогремел взрыв, бедолага вел следствие и, сдается мне, за это время не съел ни крошечки и не поспал ни минуты.

Его интересовало, как Конрад додумался, что Эберхард бросит бомбу.

— Да ничего я не додумался. Просто следил за ним и когда увидел у него в руке флакон, который он явно желал бросить, понял: в зале эта штучка упасть не должна. Я даже не думал о бомбе, скорее о ядовитом газе. Это Марта сразу догадалась, но не могла действовать, потому что я на всякий случай выпил зелье ускорения.

Ага, он ускорился, а мне достались побочные эффекты и откат. Хорошо еще мозг не выключился, только тело. Хоть буду знать на будущее: никаких таких зелий! Грегориц услышал, что я сразу поняла про бомбу, и прицепился, как пиявка. Как я догадалась?

Пришлось сдавать Нанни. Это на ее занятии я видела такую штуку и узнала, как она работает. Грегориц замелил:

— А я даже не успел понять, что этот гад делает. Не видел движения, настолько оно было быстрое.

Выходит, я тоже ускорилась, только этого не заметила. Мне все было прекрасно видно, я отлично рассмотрела флакон и успела его узнать. Зато действовать не могла: сил не было.

Конрад объяснил Грегоричу про ускоряющее зелье, которое выпил он, а подействовало на нас двоих, и попросил описать бомбу и сказать, где я такие видела. Уже невозможно было умолчать о возможной роли Нанни.

Только я хотела умолять главу секретной службы помягче отнестись к нашей соотрудице, как Грегориц сказал:

— Такой округлый синий сосуд с коротким горлышком и специальной пробочкой в серебряной бумажке? Умещается в мужском кулаке? Скотина Лойко! А я его как сына... Тянул, продвигал... Старый дурак. Мы закупили у вашей Нанни целую партию, двадцать штук. Хотели изучить, насколько они будут полезны для защиты пограничных крепостей. Лойко их и рассыпал... Выходит, не все. Кое-что продал на сторону.

У меня просто камень с души свалился. Нанни тут ни при чем! Как я рада за Вольфи!

А Грегориц продолжал распинаться. Неблагодарность и предательство Лойко так сильно его задело, что он не мог остановиться, изливая душу.

Этого парня он вывел из низов и пригрел, увидев в Лойко ум и способности. Обеспечил ему карьерный взлет, сделал своим первым помощником и готовил в преемники. А теперь... Главное, что расстраивало Грегорица, это то, что Лойко даже не понимал, что он такого сделал. Он беден и ищет возможности разбогатеть, абсолютно нормальное желание. Ну, принял участие в заговоре, но не против же своего короля! Это не измена и не предательство!

Помогал Эберхарду в основном советами, кроме того указывал на нужных людей. Помог с поимкой Леокадии и уговорил ее поработать на Эберхарда тоже он. Берти ему хорошо платил, а деньги — единственное, что его в этом деле интересовало.

Откуда они друг друга знали? Познакомились пару лет назад в Гремоне, когда Лойко ездил за границу изучать приемы сыска. Именно ему пришла в голову комбинация с женитьбой Горана на Розамунде, а Берти подал идею пристроить Лили за Хельмута. Оба желали заработать на этом политический капитал, но не сложилось. Король Губерт идею принял, но Берти возвышать и не подумал. А Лойко находился настолько далеко от этой сферы, что не мог оказать на нее никакого влияния.

Поэтому, когда они встретились в Сармионе, то, изложив друг другу свои претензии к этому миру, решили действовать сообща. Берти проведет в жизнь план, способствующий его возвышению, а Лойко получит более чем щедрое вознаграждение за содействие. Ему помогут перебраться в Гремон и сделают там графом.

Лойко Сабинич своим недостойным поступком так зацепил своего бывшего начальника, что тот готов был его проклинать часами. Но меня больше интересовал Эберхард. На что он рассчитывал, когда при всех взрывал своего короля?

По мнению Грегорица, это был жест отчаяния.

Берти вдруг понял, что попался. До него дошло, почему Горан прислал за ним усиленный конвой и почему он за целый день не смог связаться с Лойко. Когда он увидел, как Губерт входит в зал и заговорщически улыбается Горану, то ему все стало ясно: его игра проиграна.

Он оглядел зал и отметил, что бежать не получится. Его схватят как только закончится торжественная часть и судьба его незавидна. Губерт никогда не отличался мягкостью и всепрощением.

Поэтому он и метнул бомбу: хотел уйти красиво и прихватить с собой на тот свет короля, который его не ценил.

Я в уме прикинула: если бы бомба взорвалась под креслом Губерта, то сам король, сидящий рядом Хельмут и принцесса Розамунда погибли бы. Горан и Лилиана, даже если остались бы живы, должны были очень сильно пострадать. Скорее всего их бы изуродовало так, что мама родная бы не узнала. Грегориц стоял рядом, и ему бы досталось будь здоров. Мы с Коном тоже находились в поле действия бомбы, хотя и на самом краешке. Нас бы просто задело.

Сам Берти находился не в эпицентре взрыва, соответственно, пострадал бы, но меньше. У него был хороший шанс выжить.

Вот хитрая сволочь, однако! В ситуации, когда одного короля уже нет, а за жизнь другого с трудом борются, он мог выпутаться просто за счет небрежности.

Сказала об этом Грегорицу. Он усмехнулся:

— Все ваши расчеты немного запоздали, Марта. Эберхарда фар Арвиля больше нет.

Я чуть не упала.

— Как нет?!

— А так. У него, кроме бомбы, с собой был яд.

Ну точно! Мы же предупреждали о двух флаконах! Яда я боялась больше, чем взрыва и считала его более вероятным методом. Грегориц подтвердил:

— Мои головотяпы связали господина фар Арвиля, но не удосужились вывернуть ему карманы. Сочли, что наличие яда может быть хорошим пунктом обвинения. А значит, его надо изъять не просто так, а при свидетелях. Парень, которому я поручил эту часть расследования, хотел себя показать, выслужиться. Ну и довыслуживался.

Кошмар! Какое легкомыслие! Видно, парень совсем раздулся от самодовольства, раз упустил из виду возможность Эберхарда. А он был далеко не простак.

— Этот ваш Берти сумел ослабить веревки на руках, и, как только мой сотрудник отвернулся, добыл яд из кармана. А выпил его уже на глазах охраны. Хорошая отравка, качественная. Подействовала мгновенно.

Если он брал яды у нашей Нанни, то я в этом не сомневаюсь. У нее таких моментального действия, полно и называются они весьма поэтично: "зеленая змея", "полночный убийца", "масло королев", и, если мне не изменяет память, "поцелуй смерти". Это я случайно вычитала в конспекте одного студента: он пытался на моем уроке изучать другой предмет, я тетрадь временно конфисковала и, разумеется, сунула туда нос.

С другой стороны, это бомбу через портал пронести опасно, а яд Берти мог привезти с собой.

Но, что бы это ни было, а узнать все доподлинно теперь уже невозможно. Да и смысла нет. Со смертью Эберхарда умерли все его властолюбивые проекты.

Сейчас надо думать о том, как выкрутиться из той ловушки, в которую я сама нас с Коном запихала. Конечно, мы спасли короля, но ничто не мешает сомневаться в его благодарности.

Конрад продолжил беседу с Грегорицем, а я извинилась, ушла в ванную, залезла в теплую, душистую воду и стала крутить ситуацию и так, и сяк. Клятву Губерт посчитал недостаточным ручательством. А что бы его устроило? Что могло бы вывести нас с Конрадом за скобки раз и навсегда? Закон?! Эх, жалко, нет у меня здесь свода гремонских законов... Но, кажется, есть неплохая идея.

Когда я вышла наконец из ванной, Грегорица уже не было. Зато на столе лежало письмо. Вернее, предписание. Нам предлагалось отбыть по месту проживания, то есть в школу, но прежде посетить короля Губерта в его покоях.

Пришлось одеваться и идти. Конрад еле переставлял ноги. Можно было подумать, что его ведут на казнь, а он стремится протянуть время своей жизни еще хоть на несколько минут. Я висла у него на руке и шептала сова утешения, нечто вроде:

— Не переживай, все будет хорошо. Мы выкрутимся.

Наконец перед нами распахнулась дверь в покои, предоставленные Губерту на время пребывания в гостях у Горана. Король ждал нас в уютном кабинете, но выглядел неприветливо. Сел сам, но нам стульев не предложил. Конрад так и остался стоять посреди комнаты, как памятник королевской власти Гремона. Я робко жалась к его боку и выжидала удобного момента, чтобы вылезти со своими идеями.

Король, как и положено, сам начал беседу.

— Я должен поблагодарить тебя, Конрад ар Герион, за спасение своей жизни. Если бы не это, вы бы сейчас тут не стояли.

"Вы" — это значит, что он нас обоих имеет в виду.

— Ваше Величество, я беспокоился не только о вас. Если бы бомба взорвалась, пострадали бы многие.

Он хочет сказать, что Губерт ничем ему не обязан? Глупости какие. Король так это и понял.

— Ты хочешь сказать, что я могу быть свободен от благодарности за спасение? Ты соображаешь, что и кому говоришь? Такие вопросы я решаю сам. Так вот: если бы не ты, я погиб бы. И не только я. Тебе теперь обязаны жизнью два королевских дома. Так что не выпендривайся.

О, молодец Губерт! Все правильно сказал. Конрад только поклонился в ответ, но промолчал. Видно, слов не нашел. Король же продолжил беседу, но сменил тему:

— Надеюсь, ты не забыл с прошлого раза, кем мне приходишься и что из этого следует.

Кон махнул головой, как застоявшаяся лошадь.

— Могу я не произносить этого вслух? Наше родство меня не радует, поверьте, Ваше Величество.

— Меня тоже. Но я обязан тебе и твоей жене благодарностью. А неблагодарность почитаю за низкое, недостойное короля качество, так что убрать тебя, как опасного претендента на мой престол, не смогу в любом случае. Я тогда спокойно жить не смогу.

Хорошо, однако, когда у королей есть совесть! Тогда и подданным легче живется. У них появляется шанс на благополучное разрешение ситуации. Стоп! Я сказала "подданные"? Какие же мы с Конрадом для Губерта подданные? Да никакие! Я лиатинка, а он вообще валариэтанец. А кто там где родился, это уже второй вопрос. Но послушаем, что Губерт скажет.

— Мы с тобой, кажется, пришли к неким соглашениям. Пришло время дать клятву о том, что ни ты, ни твои потомки никогда не будете претендовать на трон Гремона.

Конрад согласно кивнул.

— Я готов.

— Хорошо, — ответил Губерт, — После нашей беседы мы проведем обряд. Но, как ты сам понимаешь, это не гарантирует бездействие третьих лиц. Таких, как фар Арвиль, например.

— Вы ищете дополнительные гарантии, Ваше Величество?

Голос моего мужа был тих и задумчив. Он искал и не находил ответа. Еще бы! В его системе координат их и не может быть. Он маг и мыслит не так, как обычные люди. Ищет там, где оно никогда не лежало: в заклинаниях, магических обрядах или в чем-то в этом роде.

Поэтому я вылезла из-под его локтя и вякнула:

— Ваше Величество, можно спросить?

Мне король широко и добродушно улыбнулся.

— Спрашивай, Марта, я постараюсь ответить.

— Мой муж считается потомком семьи ар Герион. Страшим сыном. Но он добровольно отказался от титула, принял свой дар и стал магом. Архимагом. Но еще раньше, когда он стал магистром, то получил гражданство Валаризтана. Представим себе, что он решит вернуть себе титул и владения ар Герионов. Это возможно?

В спокойных, даже ленивых глазах Губерта вдруг загорелись огоньки. Кажется, король меня понял.

— Ты права, девочка! Приняв свой дар и став магом, твой муж лишился всех прав на титул и земли. Есть же закон! Как я об этом не подумал!

Я решила его дожать, показав ситуацию со всех сторон:

— А если у нас с Конрадом родится ребенок без дара, он сможет претендовать на титул и имущество?

Губерт рассмеялся.

— Нет, тем более не сможет. Конрад отказался ото всего и за него тоже. И твой муж, и твой ребенок будут иметь право на титул и земли только если им их дарует король, то есть я. Но... В законе о магах ничего не говорится о королевской власти, вот в чем заковыка.

— Может быть, надо принять поправку? Мол, все вышеизложенное имеет отношение ко всем семьям Гремона, включая королевскую?

— Это опасно. У короля может быть единственный сын — маг, например. Не отдавать же корону в чужие руки?

— Для таких случаев нужно сделать оговорку и связать ее с прямым изъявлением королевской воли. Если король может дать Конраду титул, то уж объявить сына — мага наследником престола он должен иметь право!

Губерт посмотрел на Конрада и нис того, ни с сего предложил нам сесть. Затем заметил:

— Тебе повезло, ар Герион. Не жена, а чудо. Обошла меня со всех сторон так, что мне это понравилось. Не зря Горан ею восхищается. Мне кажется, она придумала отличный способ вывести тебя из игры так, что все останутся довольны. Я обсужу придуманный ею выход со своими легистами.

Конрад взял меня за руку и поднес ее к своим губам.

— Я люблю Марту и восхищаюсь ею, иначе бы никогда не пошел с ней на обряд разделения жизни. Знаете, Ваше Величество, в молодости для меня главными качествами женщин были красивая внешность и кротость характера, но с годами я научился ценить более важные для жизни качества. Марта добрая, честная, порядочная и очень умная. Для

меня нет никого прекраснее. И я ничуть не удивлен, что она придумала ход, который устроит всех: она всегда их придумывает.

После этого напряжение, просто ощутимо присутствующее в комнате, вдруг исчезло. Все расслабилось и разговор стал спокойным. Король с Конрадом обменялись комплиментами, затем пришли Хельмут с кем-то из сопровождающих Губерта лиц. Они должны были присутствовать как свидетели, когда мой муж будет давать клятву.

Сам обряд не занял и трех минут, после чего нас отпустили. Хельмут потащился за нами. Ему сказали, что я из Лиатина и он хотел узнать, как меня занесло в Шимассу. Для него стало открытием, что Марта ар Герион — это дочь его учителя математики Франка Аспена.

Принц оказался свойским парнем. Он проводил нас до кареты, а по пути пытался вызнать, как следует разговаривать с Лилианой, чтобы ей понравиться. Я посоветовала не делать слишком много комплиментов ее красоте, а поговорить о чем-нибудь интересном. О путешествиях, странах, обычаях, науке и магии. Девушке будет приятно, что принц не рассматривает ее как куклу, а воспринимает, как живого человека. Он поблагодарил меня и сказал, что так и сделает. Он не был уверен, что такая красавица — не глупая, самодовольная курица, но теперь просто счастлив. Ему досталась замечательная невеста.

В общем, слово за слово, мы пригласили принца посетить нашу Школу. Возможно, нечто подобное скоро будет организовано в моей родной стране, так что имеет смысл посмотреть, как это делается в других местах. Хотя бы чтобы не повторять чужих ошибок.

Наконец мы сердечно распрощались с Хельмутом, уселись в карету и она плавно покатила прочь из Сармиона в сторону нашей дорогой школы.

Казалось, Конрад до сих пор не пришел в себя. Сидел молча, поглаживал меня по запястью и смотрел прямо перед собой, хотя ничего, кроме передней стенки кареты, там не было.

А я... Раз уж все благополучно рассосалось, я решила прикинуть список ближайших дел. Первым делом надо восстановить нормальный учебный процесс и подготовиться к визиту высочайших особ. Хельмуту я обещала экскурсию, но ведь и другие захотят. Тем более что Горан обязательно будет хвастаться перед гостями нашей школой.

Я опять буду вести занятия! Как же я соскучилась по моим дорогим студентам, передать не могу!

Учебник... Пошлю всех куда подальше и по полтора часа в день буду им заниматься. Тогда в новом году смогу учить студентов уже по нему.

Надеюсь, Пин привел в порядок наше жилище. Уборка мне сейчас была бы нехстати.

А еще надо написать письма. Соль — со всеми подробностями, маме — с обещанием приехать летом с женихом.

Кажется, я все это время не думала про себя, а бурчала под нос, потому что Конрад вдруг влез с поправкой:

— Не с женихом, а с мужем, моя дорогая. Но, если твоя мама будет настаивать, мы устроим для них торжество и посетим храм Доброй Матери. Я не хочу огорчать твоих родственников. А когда король примет закон, мы посетим и мою родню. Думаю, они будут рады. Мам так уж точно.

Я склонилась к мужу на плечо. Кажется, все неприятности наконец закончились. Начинается хорошая, спокойная жизнь.

Не успели мы выйти из кареты во дворе школы, как к Конраду подбежали Васил и

Лойко:

— Скорее, господин декан, там ваши студенты разносят нашу стройку!

Кон успокоительным жестом похлопал меня по руке и сорвался на бег. Ко мне же подошла Верка:

— Марта, там... У тебя... Короче, к тебе приехали. Я не знала, куда их поместить и пока поселила в твою квартиру...

Я даже не спросила у помощницы, о ком речь. Ноги сами понесли меня домой, а сердце сжалось от предчувствия... Я распахнула собственную дверь и услышала раньше, чем увидела:

— Ну вот, не прошло и года! Явилась наконец! Мать в кои-то веки приехала в гости, тащилась через весь континент, а она где-то шляется! И ни здасьте, ни извините... Разве так я тебя воспитывала?

Узнаю родную маму!

Кажется, я погорячилась. Мои личные неприятности только начинаются...

Я очень люблю своих родителей. И чем дальше от них нахожусь, тем больше люблю. Тогда от удушающих объятий моей мамочки меня спас Конрад.

Оказывается, когда я сообщила, что собираюсь замуж, ее, как она сама сказала, как будто кто-то в грудь толкнул. Так что мамочка вытащила саквояж с полки и стала собираться в дальнюю дорогу, проведать, как там дочь.

Отец, естественно, не мог все бросить и поехать с ней посреди учебного года, но и одну ее отпустить он побоялся. Пришлось брать отпуск Марку. Денег на порталы у них не было, поэтому пришлось тащиться в дилижансах, а до этого выправлять шимасские визы. Кстати, если бы не имя Аспен, им бы их просто не дали: Шимасса не та страна, которая пускает к себе всех желающих.

Приехала моя мамуля ровно тогда, когда я лежала во дворце без сил и сознания. Сразу, к счастью, в школу не поехала. Взяла номер в гостинице и послала записку: мол, твои мать и брат здесь. Но прочитать послание было некому, поэтому и ответа не последовало. Тогда на следующий день матушка решилась. Оставила Марка в гостинице, а сама наняла карету и отправилась в школу.

Лойко просто не мог не впустить даму, носящую фамилию Аспен, но объясняться с мамой не стал, сплавил ее Верке. Та целый час терпела общий вынос мозга, а затем предложила гостье отдохнуть в комнате госпожи Марты.

И вот тут вернулась я.

Пока Кон гонял студентов и вправлял им мозги, матушка успела задать мне сто вопросов, ответов на которые ожидать и не собиралась, обругать за безалаберность, бесхозяйственность, бестолковость и безответственность, а затем потребовала, чтобы я все ей рассказал в подробностях, при этом не давая мне вставить ни слова.

Ровно на этом месте дверь отворилась и вошел мой муж.

Родительница только со своими домашними такая храбрая. Увидев Конрада, она язык проглотила. Когда же к ней вернулся дар речи, то ее можно было вместо масла на хлеб намазывать.

Она у меня всю жизнь мечтала выдать дочь за дворянина, желательно из старой знати и с титулом. Тут я ей потрафила в полной мере. Хоть Конрад и отказался от титула ради магии, но его происхождения это отменить не могло. За фамилией "Герион" стоят огромные герцогство и графство Герион как раз на границе с Лиатином. Вряд ли можно быть более родовитым.

Мимо внимания мамы не прошло и то обстоятельство, что Кон как две капли воды похож на короля соседней державы. Об этом она мне сказала позже и наедине. Я попросила держать эту информацию при себе: мало ли что. Но для ее гордости близость к королевскому дому, с какой стороны бы она ни обнаружилась, была просто маслом по сердцу.

Усталый, замученный Конрад заявил, что очень рад видеть маму своей возлюбленной жены, чем вогнал бедную женщину в ступор. Она-то видела в нем жениха. Хотела уже наброситься на меня с претензиями, почему ее, мать, ставят в известность в последнюю очередь, но Кон так на нее посмотрел, что она рот открыть не посмела.

Пока они разбирались, почему я не невеста, а жена, мне пришлось задуматься, что

делать с моими гостями. В другое время я нашла бы где их поселить и чем развлечь, но сейчас они были не к месту и не ко времени.

Выход нашел Конрад, правда, не сразу, а на следующий день. Он ухитрился прицепить моих родных к свите принца Хельмута и поселил их в гремонском посольстве.

Мама была в шоке: она на такое не рассчитывала. С одной стороны, я оказалась практически вне досягаемости, зато ее тщеславие было полностью удовлетворено. Конрад даже выделил ей деньги для покупки пары придворных платьев, чем снискал вечную благодарность.

Марк тоже не остался внакладе: принц одним росчерком пера перевел моего брата из армии в свою личную гвардию. Теперь он считался не в отпуске, а на службе.

А самое главное было то, что обратно они отправлялись порталом и не должны были больше трястись в дилижансе. В результате дочь из разряда неблагодарной и бессердечной перешла в категорию любимой и дорогой. К счастью, теперь матушка могла расточать мне свои восторги только в очень ограниченный период времени. За это я обещала ей пышную свадьбу на родине в середине лета.

Принц Хельмут принял мое приглашение посетить школу. Вернее, его вместе с Губертом привез к нам король Горан. Мы похвастались своими достижениями, пожаловались на трудности, продемонстрировали навыки наших студентов, а затем накормили в студенческой столовой.

Повара постарались и обед вышел не хуже придворного, а я сделала вид, что тут всегда так кормят. Хотя, надо сказать, нашими стараниями питались студенты хорошо: вкусно и сытно. Ни в моем родном Лиатине, ни тем более в Элидиане студенческие столовые не могли похвастаться, что там хорошо кормят. Наша на их фоне была приятным исключением.

После обеда Рик толкнул гостям речь, в которой развернул перед ними наши грандиозные планы. На Губерта его красноречие не оказало никакого воздействия, а вот Хельмут все записывал в толстую тетрадь и в конце концов признался, что факультет магии при университете не удовлетворяет потребностям государства, а то, что он здесь увидел, ему очень понравилось. Он хочет учредить нечто подобное на родине.

После чего предложил мне и Конраду, когда закончатся наши контракты здесь, приехать в Лиатин и там заняться тем же самым.

Мысль мне понравилась, но я не хотела при Горане давать согласие Хельмуту, поэтому ответила уклончиво. Кон меня поддержал.

Затем уже в спальне мы обсудили то, что сказал принц, и пришли к выводу: надо будет соглашаться. У нас впереди два года, чтобы поставить здесь дело, а потом его можно будет передать в новые руки.

Но наши дети должны родиться там, где весь уклад жизни будет для нас понятным и привычным. Лиатин подходит для этого как нельзя лучше.

Незадолго до посещения школы высокими гостями из Сармиона уехали Виталин с сыном. После того, что произошло на балу, они даже скандалить не пытались. Вернее, хотели, но Горан живо предъявил им претензии за Леокадию, Сильвию и Гесперию. В результате они уехали и увезли с собой Сильвию. Горан не пожелал отправить на каторгу бывшую любовницу. Он решил выдворить ее из страны и вручил Виталину, как

некачественный товар возвращают продавцу.

Выпущенная из тюрьмы дамочка была зла, как гадюка весной. Ее подставили, прислав сюда Леокадию, а она старалась, работала не за страх, а за совесть!

Я очень надеялась, что корталец сто раз пожалеет, что связался со шпионажем.

Через три дня после посещения королями школы был назначен отъезд. Пока короли гуляли общались, приехавшие с ними легисты и дипломаты утрясали условия брачных договоров и наконец утрясли.

Свадьбы планировалось сыграть примерно через год. Сначала Хельмут приедет в Сармион и заберет Лилиану, затем посланцы короля Горана отправятся в Гремон и там заключат брак по доверенности, после чего Розамунду привезут сюда и тут уже состоится настоящее бракосочетание.

План был хорош и все с ним согласились. Тем более король Губерт торопился домой: королям нельзя надолго покидать родное королевство.

Накануне отъезда Горан устроил прием и бал в честь отбытия своей невесты. Попутно все, кто участвовал в предыдущих драматических событиях, получили награды. Грегоричу и Конраду дали по ордену Хранителя Отечества, Рик удостоился звания Гласа Истины, которое давало ему право входить к королю в любое время дня и ночи, мне вручили Орден Доброй Матери — Заступницы (чисто женская награда). Всем, кому можно, что-то дали. Ордена, медали, почетные звания, нагрудные знаки... Даже мою мамочку не обошли вниманием. Ей вручили медаль, не имеющую аналогов у меня на родине. Называется "Славная мать". Ее дают матерям, чьи дети совершили нечто достойное. Мол, они их такими воспитали. Хорошая мысль, кстати.

Мамуля была тронута до глубины души и даже пустила слезу. Пусть теперь не жалуется, что я у нее никудышная. За сыновей ей медали не дали!

После отъезда короля Губерта жизнь не без скрипа, но вошла в наезженную колею. Король Горан занялся своими королевскими делами и почти перестал вникать в дела нашей школы, зато ассигновки подписывал без задержки.

Зои приехала на место Гесперия и отлично вписалась в коллектив. Она ловко перехватила вожжи и те пятеро студентов, которые делали диплом по ментальной магии, даже не заметили отсутствия своего бывшего научного руководителя.

Год закончился благополучно. Даже практика прошла без эксцессов, я уж не говорю про сессию и защиту дипломов.

Когда я проверила, а ректор подписал последний диплом, все вздохнули с облегчением. Школа закрывалась на летние каникулы. Мы с Конрадом подхватили свои вещи и отправились порталами в Лиатин. Там нас уже ждали.

Моя матушка основательно подготовилась. Успела и платье пошить, и в храме договориться, и всю нашу ближнюю и дальнюю родню на свадьбу пригласить.

А ведь знает, как я ненавижу все эти помпезные мероприятия. По мне даже жестокий, болезненный обряд разделения жизни приятнее, чем вся эта толпа. По крайней мере никто глаза не пялит.

К счастью, на наших родственников Конрад произвел такое же впечатление. Как на студентов. Они его боялись до потери сознания. Одна из маминых сестер даже спросила меня шепотом, как это я умудрилась связаться с таким страшным человеком. Он же не только на лицо урод, он еще и личность жуткая.

Я только усмехнулась. Не знаю, как Конрад поддерживает эту ауру воплощенного ужаса, и знать не хочу. Но мне это играет на руку. По крайней мере никто не попытается отбить у меня мужа. А я его не боялась с первой минуты как увидела. Кажется, он каким-то особым взглядом умеет у людей кровь замораживать в жилах, но на меня он ни разу так не смотрел, даже когда я бывала неправа.

В общем, мы вытерпели обряд в храме и посидели немного за столом с гостями, а затем тихо смылись. Мой муж решил представить меня своей семье.

Матушка Конрада оказалась древней и совершенно прозрачной старушкой с белыми как снег волосами. Можно было догадаться, что в молодости она была невероятно хороша. Со мной она была мила и приветлива, подарила старинное кольцо тонкой работы и выразила надежду, что я не оставлю ее без внуков от ее старшего мальчика.

Она была единственной, кто нам обрадовался. Остальные смотрели на Конрада, как на вышедшего из берлоги медведя — шатуна. На их лицах были написаны страх и неодобрение. Меня же в упор никто не желал замечать.

Поэтому мы провели в графстве Герион только сутки, а затем отправились в гости к Соледад.

Это было воистину правильное решение. В ее доме нам были рады, там мы обрели покой и смогли отлично отдохнуть. Бруно с Конрадом сразу нашли общий язык. Почему-то муж Соледад совершенно не боялся моего. Может быть ему Конрад не показывал свой коронный убийственный взгляд?

Соль ждала ребенка и была настроена необыкновенно благостно. Она полюбовалась на нас с Коном пару дней, затем позвала меня в свою комнату и раскинула свои ведьминские гадательные инструменты: карты, кости с рунами и мелкие предметы, о названии которых я понятия не имела.

Сказала:

— Знаешь, я на тебя гадала в прошлом году... Тогда получалось, что у тебя впереди единственный за всю жизнь шанс выйти замуж и обрести семейное счастье. Поэтому я тебе и толкала. Прямо-то говорить такое нельзя, можно все сбить и провалить единственную возможность.

Как ни странно, ее слова меня не удивили. Я и сама раньше частенько думала, что мужа мне не видать: не тот характер. Но я ничего не ответила, потому что поняла: это только самое начало.

— Когда ты мне написала про своих "кавалеров", я снова погадала на тебя. Выходило, что ты можешь выйти за любого. Шансы были примерно равные.

— Что, даже за короля? — не поверила я.

Хотя почему? Она же мне в письме советовала не упускать Горана и постараться стать королевой.

Соль покрутила у меня перед носом пальцем:

— Думаешь, не вышло бы? Ерунда! У тебя были отличные шансы. Правда, не знаю, как бы ты стала с ним жить.

— Вот и я терялась в догадках и поэтому не стала связываться.

Подруга весело рассмеялась и заметила:

— Ректора ты тоже проигнорировала, а могла бы и его окрутить. А что? Рихард очень хорош собой, неглуп и имеет массу других достоинств. Но ты из двух красавчиков и одного...ну, скажем, не самого привлекательного внешне мужчины, выбрала того, кто не

может похвастаться внешностью.

— Соль, это все уже в прошлом. Я сделала свой выбор и считаю его удачным. Лучше не бывает.

— Вот я хочу понять, так ли это.

Она погадала тремя разными способами. Разложила карты, бросила таблетки с рунами, насыпала горкой мелкие штучки и заставила меня тянуть три из них с закрытыми глазами... Затем сообщила свой вердикт:

— Рыбка моя, просто не могу поверить своим глазам! Таким, как ты, судьба дает один — единственный шанс на счастье за всю жизнь. И тут главное не растеряться и вовремя сделать правильный выбор. Выходит, что Конрад — это твой шанс и есть. Если бы ты выбрала другого или не решилась согласиться на его предложение сразу, то до самой смерти жалела бы об этом. Потому что дальше в твоей жизни была бы только работа и ничего кроме работы. Но ты прошла эту развилку так, что дальше тебя ждет не скажу, что спокойная, скорее интересная и динамичная жизнь. Ты и в своем деле достигнешь успехов, и в семье получишь все, чего достойна. А достойна ты, поверь, самого лучшего.

Я обняла Соль от всей души и даже слегка всплакнула от полноты чувств. Иногда друзья бывают гораздо ближе родственников. Впрочем, об этом я уже говорила.

Следующие два года до окончания срока моего контракта мы с Конрадом трудились в Высшей Школе Магии под руководством Рихарда.

Надо сказать, в отношении нашего друга король Губерт поступил мудро. Он признал его законным наследником фамилии фар Арвиль и после скоропостижной смерти Герхарда наш Рик стал герцогом. Так как свою работу в Сармионе он бросать не собирался, король назначил в его земли наместника и управляющего. За это половина доходов герцогства шла не в карман Рика, а в королевскую казну.

Вместе с деньгами Рихард регулярно получал письма с намеком: вернись в Гремон и тебе не придется делиться доходами. Но он настолько увлекся строительством сети порталов нового типа, которые я помогала ему рассчитывать, что о возвращении и думать не хотел, пока король не предложил ему сделать то же самое в родном Гремоне.

После этого Рихард начал ныть, что в Шимассе делать нечего, что ему скучно и что все, что тут осталось, вполне могут доделать его ученики.

Между тем школа росла. Лаура добилась-таки строительства рядом со школой общедоступного госпиталя, где практиковались в своем искусстве целители.

Я тоже не спала. Мы с Вольфгангом написали-таки учебник для магов и студенты успешно по нему занимались. Еще я добилась открытия специального факультета для ведьм, куда брали исключительно девочек. Король даже издал специальный указ о том, что девочки с даром должны учиться им пользоваться. Те юные ведьмочки, кто к шестнадцати годам не перегорели и сохранили свой дар, обязаны были поступить к нам и получить специальность.

При таких условиях ничего удивительного, что замуж они будут выходить не за богатых соседей, а за магов — соучеников, а это должно способствовать рождению все большего числа магически одаренных детей.

Все это время я переписывалась с принцем Хельмутом и Лилианой, которая вышла-таки за него замуж. Поначалу она все переживала, что ее мужем стал не Рик, но очень скоро мозги у девушки встали на место. А когда она поняла, что ждет ребенка, у нее в отношениях с мужем произошел качественный скачок. Теперь она его любит — обожает. Надо сказать,

Хельмут приложил к этому немало сил и стараний, за что я его заужавала еще больше.

Он не оставил мысль организовать систему магического образования, но желал соединить его с немагическим, в чем я с ним была полностью согласна. Вся наша переписка сводилась к планированию этого процесса. Нередко к нам присоединялся мой муж и даже Рихард, хотя он тут был совсем ни при чем. Но и его захватила грандиозность задачи.

Когда истек срок моего контракта, мы с Коном извинились перед королем, попрощались, собрали вещи и отправились на мою родину. Там нам предстояло начать с нуля, но мы уже знали, как надо и не собирались повторять ошибок прошлого. Разве что наделать новых.

Рихард тоже покинул школу, оставив за собой только преподавание, да и то ненадолго. Учить студентов он любил, но административная часть работы была ему ненавистна и он был рад скинуть ее. На кого, как думаете? Никогда не догадаетесь! Ректором стала Нанни Гейл собственной персоной. Ради этого ей даже пришлось называться Епифанией. Место проректора при ней заняла Зои. Странная ситуация в стране, где женщин ни в гост не ставят, но обнадеживающая.

Незадолго до того, как покинуть Шимассу навсегда, я потихоньку сняла спальца мое противозачаточное кольцо и в Лиатин приехала уже беременная.

Правильно сделала. Все равно весь первый год мы только готовились к открытию школы превращению магического факультета в отдельное учебное заведение. Так что у меня нашлись и время и силы, чтобы выносить нашего с Конрадом первенца.

Родился мальчик и мы с мужем от всей души порадовались, что он, хоть и похож на отца, но не настолько, чтобы каждый мог увидеть в нем сходство с Гремонским королем. Мы назвали его Генрихом. Следом за ним родилась Элиза, а за ней Дитрих.

Я ни на минуту не бросала работу. Рожала, кормила, растила, и при этом руководила магическим образованием вместе с Конрадом. Как всегда, мы поделили сферы деятельности, если я отвечала за форму, то он — за содержание.

Счастьем для нас было то, что хватало средств на няnek, да мама моя очень помогала. Никто из сыновей ее не порадовал внуками, кроме Карла, но к его детям моя мамочка допущена не была. Теперь она всю свою энергию вложила в воспитание внуков. Зная ее характер, я не боялась, что она их избалует.

Пять долгих, напряженных лет нам понадобилось, чтобы система магического образования от начального до высшего, была в первом приближении выстроена и заработала. Еще через два года мы получили первых выпускников. Посмотреть на это приехала Соль, Ее оценка меня порадовала больше всего. Она сказала:

— Марта, подожди немножко, я привезу своих девочек к тебе учиться.

Мы расцеловались и я подумала, что моя подруга была права относительно меня.

Уже столько лет прошло, а не нарадуюсь на свою удачу. Как мне повезло с мужем! Пожалуй, это единственный мужчина в мире, который мне подходит и которого полностью устраиваю я.

Не скажу, чтобы мы за эти годы ни разу не поругались. Время от времени то на него, то на меня что-то находит и начинается... Я борюсь с гиперопекой с его стороны, он страдает от моего желания влезть всюду, где есть для этого хоть какая-то возможность. Ну, и еще мы иногда до хрипоты спорим по принципиальным вопросам бытия и магической науки. Но разве это ссоры? Это дискуссии.

Зато действуем мы всегда совместно. Плечом к плечу. Он всегда может положиться на

меня, я всегда уверена: если что, он прикроет мне спину. Мы действительно две половинки единого целого.

Больше книг на сайте - Knigolub.net